

282

ТАШКЕНТСКИЙ ПРОЦЕСС

СУД НАД ДЕСЯТЬЮ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ
КРЫМСКОТАТАРСКОГО НАРОДА
(1 ИЮЛЯ — 5 АВГУСТА 1969 г.)

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ
С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

СЕРИЯ «БИБЛИОТЕКА САМИЗДАТА», № 7

1978
АМСТЕРДАМ
ФОНД ИМЕНИ ГЕРЦЕНА

The Alexander Herzen Foundation was legally established on May 19, 1969, in Amsterdam. Its aim is to publish manuscripts written in the U.S.S.R. which cannot be published there because of censorship.

The Foundation publishes manuscripts and collections of documents which are of literary or documentary value, irrespective of their political, philosophical, or religious tendency. It is independent and has no affiliations.

The officers of the Foundation are Jan Willem Bezemer, Professor of Russian History at the University of Amsterdam (President); Karel van het Reve, Professor of Russian Literature at the University of Leyden (Secretary); and Peter Brian Reddaway, Senior Lecturer in Modern Russian History and Politics at the London School of Economics and Political Science, University of London.

282

ТАШКЕНТСКИЙ ПРОЦЕСС

UKRAINIAN INFORMATION SERVICE

ТАШКЕНТСКИЙ ПРОЦЕСС

СУД НАД ДЕСЯТЬЮ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ
КРЫМСКОТАТАРСКОГО НАРОДА
(1 ИЮЛЯ — 5 АВГУСТА 1969 г.)

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ
С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

СЕРИЯ «БИБЛИОТЕКА САМИЗДАТА», № 7

1976
АМСТЕРДАМ
ФОНД ИМЕНИ ГЕРЦЕНА

Copyright 1976

THE ALEXANDER HERZEN FOUNDATION

Amstel 268, Amsterdam, Holland.

*Printed in the United Kingdom for Alexander Herzen Foundation by
Multilingual Printing Services, 200 Liverpool Road, London, N1 1LF*

ОТ РЕДАКЦИИ

В книгу, предлагаемую читателю, вошел машинописный сборник материалов о «Ташкентском процессе 1 июля — 5 августа 1969 г. над десятью представителями крымскотатарского народа».

Видимо, составителю этого сборника не хватило времени отредактировать его до отправки. Редакция постаралась по возможности выполнить эту работу.

Сборник состоит из документов трех родов: по-первых, из группы документов, касающихся предварительного следствия и предварительного заключения обвиняемых; во-вторых, из неполного отчета о судебном разбирательстве; в-третьих, из одного обращения и трех из пяти информации, выпущенных во время процесса.

Первая группа документов вошла в отдел «Следствие», кроме одного, который был включен в отдел «Приложения» (№ 6). К этим же документам редакция присоединила обвинительное заключение, полученное из другого источника.

Вторая группа документов вошла в отдел «Суд». На основе имеющихся материалов редакция постаралась восстановить ежедневный ход процесса.

Третья группа документов вошла в предлагаемое издание лишь частично. Выдержки из информации использовались редакцией, во-первых, для восполнения пробелов в отчете о процессе и, во-вторых, для составления отдела «У зала суда», куда и вошел полностью текст обращения 4-5 августа.

К тому же редакция решила напечатать в этом издании ряд других документов. Два документа освещают «Предисторию» Ташкентского процесса. В «Приложения» печатаются восемнадцать документов, упомянутых

в ходе судебного разбирательства или связанных с событиями, о которых в нем шла речь.

Редакция решила не обременять издание большим аппаратом. Она ограничилась тем, что снабдила опубликованные документы заголовками, немногочисленными подстрочными примечаниями, именным указателем и списком некоторых, по крайней мере для зарубежного читателя, менее известных сокращений.

Для большинства авторов опубликованных документов русский язык не является родным языком. Редакция ограничилась минимальной правкой. Самые существенные случаи редакционного вмешательства в текст оговорены квадратными скобками, в которых и помещены редакторские примечания в тексте.

В заключение редакция благодарит всех друзей, которые так или иначе содействовали выходу в свет предлагаемого сборника документов о борьбе крымскотатарского народа за свои гражданские права и за возвращение в родной край.

ПРЕДЫСТОРИЯ

№ 1

Обращение крымскотатарского народа к XXIII съезду КПСС. — март 1966 г.

О Б Р А Щ Е Н И Е

крымскотатарского народа к XXIII съезду*
Коммунистической партии Советского Союза

Великая партия Ленина!
Ум, честь и совесть народов СССР!
XXIII съезд нашей родной партии!

Тебе предстоит решить актуальные и проблемные вопросы строительства коммунизма в СССР!

Тебе предстоит решить вопросы пролетарского интернационализма, вопросы мира, демократии и социализма во всем мире!

К тебе обращены взоры трудящихся всех стран и народов нашей планеты!

К тебе сегодня обращается единственный неравноправный в нашей стране — крымскотатарский народ. Народ, у которого отнята Родина, доброе имя и все конституционные права!

Дорогие товарищи!

Прежде всего хотелось бы объяснить, почему мы обращаемся к XXIII съезду ленинской партии.

Известно, что в 1944 году крымских татар, в числе других малых народов, клеветнически обвинили в измене Родине и всех без исключения выслали из родных мест в Среднюю Азию и на Урал. Более 46,2 процентов крымских татар погибло в 1944-45 гг.

С тех пор прошло 22 года. За это время в жизни нашей страны произошли коренные перемены. И только для нас, крымских татар, все осталось по-прежнему.

* 29 марта — 7 апреля 1966 г.

Мы и поныне живем в местах насильственного выселения, как и прежде лишены многих политических прав, в том числе и права проживания у себя на родине — в Крыму.

Условия культа личности исключали возможность постановки вопроса «о восстановлении справедливости». И только исторический XX съезд партии восстановил ленинские принципы в партийной и государственной жизни нашей страны, наметил конкретные пути ликвидации последствий допущенных ошибок и указал, что народа-изменника не может быть.

Был издан ряд указов, восстанавливающих права репрессированных граждан и целых народов. Однако, вопреки решениям XX съезда и правильному курсу партии, эти законы и указы не коснулись крымских татар.

XX съезд стал поворотным пунктом, определяющим неизбежность восстановления ленинских норм в национальном вопросе, воодушевил наш народ на более широкую и последовательную борьбу за восстановление своих законных прав.

Делегации крымских татар месяцами сидели в Москве, добиваясь приема у Н. С. Хрущева. В адрес ЦК КПСС в 1957 году было направлено письмо, заверенное 14000 подписями крымских татар. Десятки тысяч индивидуальных писем было вручено на имя ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. Однако все они остались без какого-либо положительного ответа.

В 1958 году поток писем и телеграмм на имя ЦК КПСС увеличивается. 17 марта 1958 года тов. А. И. Микоян принимает наших представителей и заверяет их, что крымскотатарский вопрос решится и что он лично доложит обо всем Н. С. Хрущеву. На этом же приеме тов. А. И. Микояну вручают письмо за подписью 16000 крымских татар. В августе того же года на имя

ЦК КПСС было дополнительно отправлено письмо за подписью 12000 татар.

Ответом на эти письма и результатом приема на высшем уровне явились репрессии против коммунистов, побывавших в Москве в качестве наших представителей. Их исключают из партии, лишают работы.

Но несмотря на это, в следующем, 1959 году, мы снова направляем свою просьбу в ЦК КПСС о восстановлении ленинских принципов социалистического интернационализма, скрепленную 10000 подписей. Но и эта просьба остается безрезультатной.

В Крыму усиливается разнузданная клеветническая пропаганда против нашего народа. По всей стране о крымских татарах, с еще большим цинизмом чем раньше, говорят как об изменниках. Дело доходит до того, что нас вычеркивают из списков народов СССР, а цензура до сих пор не разрешает писать слово «крымский татарин».

Но народ, вооруженный марксистско-ленинской теорией и решениями XX съезда, продолжает добиваться восстановления справедливости.

В марте 1961 года в адрес Президиума ЦК КПСС мы отправили новое письмо, под которым подписалось 18000 крымских татар. Ответа также не последовало.

Спустя полгода наши представители выехали в Москву, где вручили подготовительной комиссии XXII съезда КПСС новое письмо с 8000 подписей. *Наших представителей вышвырнули из Москвы как раз в тот день, когда на съезде провозглашалась Программа Коммунистической партии, провозглашалось равенство и братство народов.*

Субъективизм, осужденный партией, имевший глубокие отрицательные последствия в развитии экономики и культуры нашей страны, фактически увел партию и от претворения в жизнь решений XX и XXII съездов КПСС в отношении нашего народа.

Именно поэтому сразу же после октябрьского Пле-

нума ЦК КПСС (1964 г.) представители нашего народа снова выехали в Москву и вот уже в течение 16 месяцев ежедневно ходят в приемные ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. В адрес Президиума ЦК КПСС в течение этого сравнительно небольшого срока сдано уже 24 тома писем и документов, скрепленных более чем 100000 подписей. В адрес ЦК КПСС и Верховного Совета СССР за эти полтора года отправлены сотни тысяч индивидуальных писем.

От имени Президиума ЦК КПСС наших представителей, находящихся в Москве, снова, [как и] семь лет [тому назад], принял А. И. Микоян. Он обещал доложить о чаяниях нашего народа Президиуму ЦК КПСС, но оттуда мы так и не получили никакого ответа.

Как видно из всего вышеизложенного, вопрос о судьбе нашего народа — вопрос большой политической и государственной важности — остается неразрешенным. Но поскольку необходимость его решения целиком исходит из ленинских принципов нашей политики, из решений съездов, из Программы нашей партии, мы вынуждены обратиться к XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Нет никакого основания сомневаться в том, что этот вопрос будет решен. Это предопределено основными принципами нашей партии. Обращаясь к XXIII съезду нашей партии, мы глубоко верим, что он укажет путь к безотлагательному осуществлению решений XX, XXII съездов и Программы нашей партии и исправлению допущенных ошибок в национальном вопросе.

Любой мало-мальски образованный человек знает, что Крым — это национальная родина татар, что крымские татары — это нация, сформировавшаяся в Крыму, в отличие от казанских, уфимских и других татар. Поэтому нет нужды приводить здесь исторические документы о том, что крымские татары являются самым многочисленным, компактно заселяющим свой край коренным населением Крыма; о том, что крымскотатар-

ская нация своей историей, экономикой, культурой и государственностью сложилась и сформировалась именно в Крыму.

Эти вопросы не вызывали сомнения в 1783 году, в период присоединения Крыма к России, потому что тогдашняя Таврида, населенная миллионами крымских татар, со своим стольным городом Бахчисараем, своей экономикой и культурой являлась достаточно убедительной исторической истиной, исключаящей необходимость постановки таких вопросов.

Более чем 130-летнее господство над Крымом колонизаторского и русификаторского режима царского самодержавия, при котором применялась система жестоких мер (экономическое, политическое и духовное давление, «добровольное» и насильственное выселение, а также физическое истребление) привело к тому, что численность коренного татарского населения от нескольких миллионов упала до нескольких сот тысяч.

«Крым — без крымских татар!» — такова сущность политики царского самодержавия.

Двойной гнет со стороны царского самодержавия и татарских мурз, беззастенчиво грабивших и эксплуатировавших трудовое крымскотатарское крестьянство, привело его к началу революции к полному обезземливанию и обнищанию, создало реальную угрозу полной гибели всего народа.

Характеризуя положение трудового крестьянства — коренного населения, газета «Жизнь национальностей» писала: «Трудно было найти в царской России другую местность, где картина ужасающей бедности бросалась бы так ярко в глаза, как в татарской деревне в Крыму».

Крымскотатарский народ ясно сознавал, что в его трагической судьбе виновны царизм и буржуазия. В русском же народе он увидел могучего и верного друга, сильного и честного союзника в борьбе за свое освобождение. Россию наш народ признал своей отчизной

и всегда с беспредельной преданностью, совместно с русским народом, отстаивал ее неприкосновенность.

Сама трагическая история трудящихся крымских татар подготовила народ к Великой Октябрьской социалистической революции, к борьбе за право на свободную и равноправную жизнь на своей родной земле.

Влияние русского революционного пролетариата, проникновение идей марксизма-ленинизма дали трудящимся возможность выдвинуть из своей среды прогрессивных людей, способных связать освободительное движение в Крыму с революционным движением в России, руководимым В. И. Лениным, и вести трудящихся татар по пути свержения существующего строя и установления советской власти.

Как известно, передовые революционные силы крымских татар пошли за большевиками, вступили в подпольные организации, создавали партизанские и другие вооруженные отряды, вели активную работу по организации вооруженного восстания.

Активные деятели Мусульманского бюро при подпольном краевом Комитете РКП(б): — Али Баданинский, Мидат Рефатов, Мурат Решит Асанов, Али Иззет Урманов, Асан Уссин Сакаев, Абдулла Мустафа Баличиев и др. — проводили огромную революционную работу по подготовке вооруженного выступления для свержения существующего строя.

О революционной деятельности Мусульманского бюро в приговоре военно-полевого суда при штабе Белогвардейского добровольческого корпуса от 21 апреля 1920 года пишется: «Цель этой организации — путем вооруженного восстания против вооруженных сил Российской империи, изменить государственный строй на Крымском полуострове; также ставит своим долгом оказать помощь Советской Армии в борьбе против вооруженных сил Российской империи» (архив татарского краевого комитета, ф. 15, д. 113, с. 169).

Как известно из истории революции в Крыму, армия

и флот, партизанские и подпольные отряды, в вооруженной борьбе которых приняли непосредственное, активное участие широкие слои трудящихся крымских татар, полностью разгромили белогвардейщину, интервентов, буржуазных националистов и установили советскую власть в Крыму.

Победа революции поставила на повестку дня вопрос о коренном населении Крыма, о предоставлении крымским татарам автономии.

Кое-кто и тогда, в угоду великодержавному шовинизму, пытался утверждать заведомо ложную версию о том, что Крым якобы не является родиной крымских татар, следовательно, мол, нет необходимости в предоставлении им автономии.

Но партия великого Ленина отбросила прочь ошибочные и опасные суждения. Она исходила из того, что предоставление автономии коренному населению Крыма вытекает из основных принципов национальной политики большевистской партии, отвечает задачам успешного развития экономики края и в то же время решает задачу обеспечения законных национальных прав коренного населения, веками стонавшего под игом самодержавия.

Газета «Жизнь национальностей» в № 23 (121) от 25 октября [1921 г.] писала: «Крымская республика — это должное возмещение за все обиды, за долгую насильническую и колонизаторскую политику царского режима».

Ленинская партия, рассматривая вопрос предоставления автономии коренному населению Крыма, исходила не только из интересов революции внутри страны, но и из всемирно-исторической роли Великой Октябрьской революции. «Без правильной, удовлетворяющей татарскую бедноту и трудовую интеллигенцию политики в отношении Советского Крыма, мы ни в каком случае не усилим симпатии к нам трудящихся масс Востока. Крым — всероссийская здравница, но еще более — все-

российское окно в Турцию и на Восток» («Жизнь национальностей», № 21, от 10/X-1921 г.).

И сегодня, оглядываясь назад, мы видим, что организаторы гнусного акта выселения целых народов в 1944 году не только стремились разжечь национальную рознь, но и одновременно направляли свои удары против великого революционного примера Октября, озаряющего путь всем народам в борьбе против империализма, за свободу, равноправие и социализм.

Оценивая международное значение предоставления автономии коренному населению Крыма, В. И. Ленин в беседе с председателем Крымревкома Ю. Гавеном в феврале 1919 года сказал: «Национальный вопрос требует самого взвешанного и осторожного отношения. Имейте в виду, что именно в этом вопросе многие из нас, большевиков, чаще всего сбиваются с правильного пути... Пусть маленькая Крымская республика станет одним из факелов, бросающих свет пролетарской революции на Восток» (статья Гавена Ю. «Ленин и образование Крымской АССР», газ. «Красный Крым», № 93 (1011), от 23 апреля 1924 г.).

Итак, учитывая, что самым многочисленным коренным населением, имеющим большое значение в жизни Крыма, составляющим базу советской власти в Крыму, веками являющимся объектом грабежа и насилия в русификаторской и колонизаторской политике царского самодержавия в Крыму, являются крымские татары, именно поэтому большевистская партия, великий Ленин провозгласили автономию Крыма, тем самым осуществили ленинский принцип в разрешении национального вопроса в Крыму.

Вот он, исторический революционный декрет о национальной судьбе трудящихся крымских татар:

«Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров постановляют:

1. Образовать Крымскую Автономную Социалистическую Советскую Республику, как часть РСФСР, в

границах Крымского полуострова, из существующих округов Джанкойского, Евпаторийского, Керченского, Севастопольского, Симферопольского, Феодосийского и Ялтинского. Председатель ВЦИК — М. Калинин, Председатель Совета Народных Комиссаров — В. Ульянов (Ленин), Секретарь ВЦИК — А. Енукидзе».

Таким образом, с помощью великого русского народа, революционного русского пролетариата, славной большевистской партии, с помощью В. И. Ленина, трудящиеся крымские татары впервые в своей многовековой истории обрели подлинную свободу, национальное равноправие и государственность на родной земле.

Закон о предоставлении автономии коренному населению Крыма, подписанный Лениным, означал начало новой эры в истории нашего народа. Эра экономического и духовного давления, эра нищеты и невежества сменилась эрой счастья и свободного труда на родной земле, эрой непрерывного расцвета экономики, науки и культуры.

Благодарный партии и революции крымскотатарский народ, совместно с другими народами, за сравнительно короткий период сделал огромный скачок в развитии экономики и культуры. «3 января 1934 года ЦИК СССР за выдающиеся успехи в деле проведения основных сельскохозяйственных работ (сев, уборка урожая, засыпка семян), по укреплению колхозов и совхозов и выполнению обязательств перед государством наградил Крымскую АССР орденом Ленина» (газета «Правда» от 4 января 1934 г.).

Крым к началу Отечественной войны стал республикой передового производства, сплошной грамотности и высокой культуры.

Бомбы, сброшенные на Севастополь в первые часы вероломного нападения фашистской Германии, подняли весь крымскотатарский народ вместе с другими народами СССР на священную Отечественную войну. По зову партии весь трудовой народ стал в единый

строй — революционные завоевания Октября, мир, свобода и равноправие народов были в опасности.

Трудящиеся Крыма, окрыленные завоеваниями Великого Октября, познавшие счастье свободного труда, радость и великую силу национального равноправия в родном краю, показали чудеса отваги и героизма на фронтах Отечественной войны, в партизанских отрядах, подпольных и патриотических группах в борьбе против немецко-фашистских захватчиков.

Анализ списочного состава (данные составлены на основании переписи жителей 21 деревни и сданы в ЦК КПСС) 21 деревни Куйбышевского, Бахчисарайского, Алуштинского, Судакского, Ленинского и Балаклавского районов показывает, что из взрослого населения старше 18 лет к началу войны из 4252 человека было призвано в армию 2324, т. е. 54,9 % всего взрослого населения. Из этих же деревень сражались в партизанских отрядах Крыма 329 человек, т. е. 7,8 % всего взрослого или же 14,1 % всего оставшегося после призыва взрослого населения.

В подпольных организациях против захватчиков сражались 124 человека, что составляет 3 % общего количества взрослого населения или же 5,3 % оставшейся части людей после призыва в Советскую Армию.

На фронтах, в партизанских отрядах и в подполье только убитыми крымские татары потеряли 26,4 % всего взрослого населения. Только в одном Южном соединении партизанских отрядов Крыма, в составе которого было 2300 бойцов, около 30 % составляли крымские татары.

Как всему партизанскому движению Крыма, так и всему нашему народу хорошо известны имена комиссаров партизанских соединений Мустафы Селимова, Рефата Мустафаева; хорошо известны бессмертные подвиги героически погибшего командира Мамета Аппазова; известны подвиги комиссара Мамета Молочникова; навек прославил себя отважный командир и боевой

разведчик партизан Аширов, известные всему Крыму разведчики Смаил Велиев, Ибраим Аметов, Бекир Османов, за головы которых немецкое командование обещало огромные суммы денег; ратными делами прославились разведчики Мухтеремов, Мазинов, Османов и многие другие. Их было много, замечательных партизан, чьи боевые дела вызывают гордость и восхищение, служат ярким примером отваги, героизма и верности партии.

Подпольным патриотическим движением были охвачены почти все населенные пункты Крыма. Они проводили огромную боевую, разведывательную и диверсионную работу. Особую активность проявляли подпольщики татарских деревень Кучук-Озень, Туак и Куру-Озень Алуштинского района. Только в подпольной группе деревни Кучук-Озень находилось и действовало более 40 подпольщиков.

Патриотическая группа в деревне Эски-Юрт Бахчисарайского района имела тесную связь с партизанами, устраивала побеги из лагеря военнопленных в лес, к партизанам.

Активно действовали сильные подпольные группы в деревнях Стиля Бахчисарайского района, Керменчик Куйбышевского района, Кучук-Озенбаш, Буюк-Озенбаш, Кок-Коз этого же района и многие другие.

Много тысяч сынов и дочерей крымскотатарского народа отдали свою жизнь в борьбе против немецких оккупантов.

Исключительно дерзкие и смелые операции подпольной группы Абдуллы Дагджи, действовавшей в Симферополе, сила воли, выдержка и героическая его смерть вместе с семьей является выдающимся примером ленинской закалки, верности и преданности партии, Родине и народу.

Подпольная Джермай-Качикская группа, возглавляемая комсомолкой Алиме Абденнановой, имела радиосвязь с Большой землей и регулярно передавала

необходимые для Советской Армии сведения. В эту группу входили: 70-летний Батолов и Абдуракиб Булотов (бывший председатель колхоза «Красная звезда»), Хайрулла Мемеджанов (бухгалтер того же колхоза), медсестра Васфие Аджибаева, Неджибе Баталова (учительница), Меннанов Сейфетдин и Меннанов Джевдат, и руководитель группы комсомолка Алимэ Абденанова.

Эта группа, блестяще выполнявшая особое задание Советской Армии, впоследствии была раскрыта фашистами, и в марте 1944 года подпольщики после мучительных пыток были расстреляны.

Крымская Алимэ — дочь нашего полуострова, навсегда войдет в летопись выдающейся героики Отечественной войны.

Сотни сынов и дочерей нашего народа выдерживали длительную осаду в знаменитых Аджимушкайских каменоломнях, участвовали в движении сопротивления в Югославии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии.

На всех фронтах Отечественной войны крымские татары показали образцы героизма и стойкости. Вот, что пишется в статье «Славные сыны татарского народа в борьбе за Советскую Родину»: «Воины-татары бесстрашно идут в бой и беспощадно истребляют немецких оккупантов. Молодой боец-татарин Халилов на своем счету имеет 242 истребленных немца».

Немец Рудольф Вольтант с фронта писал своему брату: «Здесь против нас много татар. Я не хотел бы встретиться с татарами даже во сне».

Беспримерные подвиги Героя Советского Союза Решитова Абдуреима; легендарное сражение 12 отважных воинов на острове Пушкарева, под руководством Героя Советского Союза Тейфука Абдула, героизм и отвага при форсировании Днепра Героя Советского Союза Узеира Абдураманова; выдающийся личный пример Героя Советского Союза Сейтвелиева, который в одном из боев в Белоруссии подбил 15 фашистских танков;

выдающиеся дела генерала Исмаила Булатова и многие другие являются ярким свидетельством негибимой воли крымскотатарского народа в защите священной земли социалистического Отечества, в защите своей родной земли и национального равноправия.

Славный сын, гордость крымскотатарского народа, дважды Герой Советского Союза, лауреат государственной премии, известный советский ас, ныне заслуженный летчик-испытатель СССР Амет-Хан Султан показал в Великой Отечественной войне чудеса летного мастерства, бесстрашие и героизм. Он доказал беспредельную верность партии, Родине и народу.

Подлинные исторические факты о всенародном активном участии крымских татар в разгроме фашизма, славные боевые дела, героизм и отвага сынов и дочерей нашего народа как на фронтах Отечественной войны, так и в тылу врага, с убедительной ясностью доказывают их безграничную преданность ленинской партии, беспредельную верность своей социалистической Отчизне (см. приложение № 1, том 1).

Из азов марксизма-ленинизма известно, что с момента возникновения классов вся история народов нашей планеты — есть история классовой борьбы, история борьбы эксплуатируемых против эксплуататоров. И любой иной подход к анализу исторических событий есть прямой отход от научного, марксистского понимания истории.

Лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» — определяет программную политику, тактическую линию всех марксистских партий. Он указывает на единственно правильный путь успешной борьбы всех народов за свое освобождение. Он указывает, что союз и равноправие трудящихся всех народов является необходимым условием осуществления социалистической революции.

Именно поэтому мы исходим из существа ленинской

национальной политики, заключающейся в том, что единство и братство, равноправие и дружба народов СССР — это решающая сила, обеспечивающая победу революции в Октябре, победу в отстаивании завоеваний революции от посягательств внутренних и внешних врагов, победу в Великой Отечественной войне.

Ленинская дружба народов — это прочная основа советской власти на пути к победе коммунизма.

Нам, как и всем, ясно, что любая попытка ущемить права какого-либо народа (пусть самого малого) есть измена ленинским революционным принципам политики нашей партии.

Излагая эти принципы, В. И. Ленин писал: «Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка! Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству! Вот принципы рабочей демократии». («Рабочий класс и национальный вопрос»).*

Как известно, в ходе революции возникла необходимость довести до сознания народов эти принципы рабочей демократии, поведать им о гарантиях свободы и равноправия всех народов, вытекающих из незыблемых революционных принципов национальной политики ленинской партии и советской власти.

Именно поэтому молодая Советская республика приняла историческое обращение «Ко всем трудящимся-мусульманам России и Востока», в котором изложила эти гарантии:

«... Перед лицом этих великих событий, мы обращаемся к вам, трудящиеся и обездоленные мусульмане России и Востока.

Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма... все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши нацио-

* Ленин, ПСС, 5 изд. т. 23, с. 150.

нальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное Правительство . . .

Товарищи! Братья!

Твердо и решительно идем мы к честному демократическому миру.

На наших знаменах несем мы освобождение угнетенным народам мира.

Мусульмане России!

Мусульмане Востока!

На этом пути обновления мира мы ждем от вас сочувствия и поддержки.

Народный комиссар по национальным делам —
Джугашвили (Сталин)

Председатель Совета народных комиссаров —
В. Ульянов (Ленин)»

(«Известия ВЦИК», № 232, от 22/XI—1917 г.).

Деятельность Советской власти и Коммунистической партии по упразднению национального гнета и национальных привилегий началась наряду с другими мероприятиями именно с этого Обращения.

Как показала история, трудящиеся крымскотатарского народа вместе с другими мусульманскими народами России горячо откликнулись на это Обращение, вели активную борьбу за победу революции, чем доказали свою верность ленинской партии и социалистическому отечеству.

Но не прошло и 30 лет, как в 1944 году у ряда малых народов, к которым было направлено это Обращение, насильственно отняли родину и национальное равно-

праве. Революционная клятва партии была грубо растоптана.

Этот вероломный акт против великой партии революции был осуществлен тогда, когда многонациональный советский народ, при поддержке других народов, под знаменем пролетарского интернационализма разгромил фашизм — этого опасного врага мира и демократии, врага свободы и равноправия народов.

Этот бессмертный документ революции о гарантии свободы и равноправия всех народов (больших и малых) был растоптан тогда, когда угнетенные народы Азии, Африки, Латинской Америки, устремив свои взоры на СССР, учась на примере революционной практики претворения в жизнь гениальных идеалов В. И. Ленина, поднялись на борьбу против империализма и колониализма, за национальную независимость и равноправие.

Все это нанесло серьезный ущерб нашей внутренней и внешней политике.

Постановлением Комитета обороны крымскотатарский народ наряду с другими народами был обвинен в измене и навечно выслан из родных краев. Этим же постановлением были конфискованы общенациональные богатства народа и личное имущество граждан, ликвидированы его равноправие и государственность.

Это Постановление не только идет вразрез с марксистско-ленинскими принципами классового подхода к оценке исторических явлений, но и по своим формальным мотивам об измене народа не соответствует истине.

Никому не дано обвинить русский народ в измене из-за предателей-власовцев и других, перешедших на сторону врага.

Никому не дано право обвинить крымскотатарский народ из-за отдельных отщепенцев, перешедших на сторону врага.

И, наконец, никому не дано право обвинять любой народ в измене из-за кучки враждебных элементов.

Таким образом, Постановление Комитета обороны о выселении малых народов фактически упразднило основные принципы марксизма-ленинизма о равноправии, о суверенности народов, а в отношении этих репрессированных наций по существу отменило «Обращение ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Оно ликвидировало действие революционного декрета о правах народов. Следовательно, оно является документом, прямо направленным против ленинских принципов национальной политики, против самих основ Советской конституции.

Спустя два года, т. е. 25 июня 1946 года, это незаконное было узаконено указом Президиума Верховного Совета РСФСР. Узаконены произвол, насилие и ограбление малых народов. Больше того (парадоксальное явление), прямое попрание Конституции не только узаконено, но и втиснуто в рамки той же Конституции.

Сохранение этого закона является позором для нашей действительности. Его существование не только является свидетельством полного бесправия нашего народа, но и основанием для продолжения национальной дискриминации крымских татар.

Сохранение этого закона в течение десятилетий доказывает, что в нашей стране, где у власти стоит партия, вооруженная революционным учением научного коммунизма, оказывается, могут иметь место еще такие уродливые явления, которые противоречат принципам нашего общественно-политического строя.

В те дни, когда у нас, на страницах советской печати, появился этот указ, обрекающий чеченцев, ингушей и крымских татар на изгнание из родины и на смерть, на страницах белоэмигрантских газет, за рубежом, был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 года, по которому *каждый* русский, проживающий за границей вне зависимости от своей принадлежности к той или иной партии или

организации и от прошлой или настоящей политической деятельности мог стать советским гражданином и получить паспорт.

Сопоставим этот указ с указом о татарах и ингушах, тем более, что один был принят всего на десять дней раньше другого.

Выходит, что достаточно быть только русским, чтобы тебе простили принадлежность к любой враждебной нам партии или организации, достаточно быть русским, чтобы с удивительной легкостью забыли даже твою антисоветскую политическую деятельность. И не только простили, не только забыли, но и вручили тебе «гербастый» советский паспорт, пригласили тебя на Родину, к милым твоему сердцу березкам.

Хорошо быть русским!

Но если «тебе не повезло» и ты родился крымским татаринном, то будь ты даже коммунистом, будь ты кем угодно, ты сам и все твои дети, и дети твоих детей — изменники.

И ты никогда больше не сможешь жить под милыми твоему сердцу кипарисами, никогда не зажжется огонь в твоём родном очаге.

Нам придется еще раз напомнить слова великого вождя пролетарской революции В. И. Ленина: «Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка! Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству! Вот принципы рабочей демократии».

Так как же расценивать с точки зрения ленинского высказывания оба эти указа?

Торжественно обращаясь к XXIII съезду, мы спрашиваем, на каком основании растоптали ленинское учение по национальному вопросу, принципы рабочей демократии?

1944 год был тяжелым годом для всего советского народа, а для высланных, ограбленных народов был годом массового вымирания. Была продумана и осу-

ществлялась целая система жестокого уничтожения десятков тысяч людей.

Вот, что пишет Ибраимова Тензиле, проживающая в городе Чирчике по улице Орджонокидзе, 38. Письмо приводим дословно:

«Нас выселили из Фрайдорфского района, из дер. Аджиатмак 18 мая 1944 г. Выселение проходило очень жестоко. В три часа утра, когда дети еще спали, вошли солдаты, чтобы мы за пять минут собрались и вышли из дому. Нам не разрешили брать с собой ни вещей, ни продуктов. С нами так грубо обращались, мы думали, что нас на расстрел ведут. Выгнав из деревни, нас продержали голодными целые сутки. Голодали, но из дому ничего не разрешили брать. Стоял сплошной плач голодных детей. Муж сражался на фронте. Я была с тремя детьми.

Наконец-то нас погрузили на автомашины и повезли в Евпаторию. А оттуда погрузили в товарные вагоны, битком набитые, как скот. Везли нас 24 суток в Самаркандскую область, на станцию Зерабулак, оттуда вывезли в Хатырчинский район, в колхоз «Правда». Нас заставляли ремонтировать частные кибитки. Мы работали, голодали. Многие от голода с ног валились. Из нашей деревни вывезли 30 семей из которых остались в живых неполных 5 семей. И в этих семьях осталось 1-2 человека, остальные погибли от голода и болезней.

Моя племянница Шейхислямова Менубе с 8-10 детьми была выслана с нами, а муж ее был с первых дней войны в Советской Армии и там погиб. А семья погибшего воина погибла в ссылке в Узбекистане голодной смертью, только одна девочка по имени Пера осталась в живых, но от перенесенного ужаса и голода стала калекой.

Наши мужья были на фронте, и некому было хоронить умерших, и часто трупы лежали несколько суток вместе с живыми.

У Аджимамбетовой Аджигульсум мужа схватили

фашисты. С ней осталось трое детей: одна девочка и двое мальчиков. Семья тоже голодала, как и мы. Никто не помогал ни материально, ни морально. В результате, от голода вначале умерла девочка, а потом, в один день — оба мальчика. Мать не могла двигаться от голода. Тогда хозяин дома выбросил два детских трупика на улицу, на берег арыка. Тогда дети, крымские татары, выкопали могилки и похоронили несчастных мальчиков.

Разве можно рассказать? Такая тяжесть на сердце, трудно вспоминать.

Скажите мне, почему допустили такие ужасы?

Домохозяйка — Ибраимова Тензиле».

И такая картина, которую описала Т. Ибраимова, типична для каждой крымскотатарской семьи. Вы можете познакомиться с подобными письмами, которые нельзя читать без содрогания (в приложениях №№ . . .).

Трудно описать словами, что творилось на местах спецпереселения. Крымские татары на первых порах не имели даже жилья в человеческом понимании этого слова. Многие семьи были поселены в землянках, сараях, конюшнях, бараках. Но самое страшное было все же то, что мы не имели средств к существованию. Выдававшиеся в первые месяцы высылки продовольственные пайки в виде нескольких килограммов зерна на каждого члена семьи в большинстве случаев расхищались работниками спецкомендатур. А местное население, предварительно обработанное в духе ненависти и неприязни к высланным, получив моральное право глумиться над честью и достоинством нашего народа, зачастую чинило произвол и беззаконие. Известны случаи, когда дети крымских татар были зверски убиты только за то, что они, чтобы не умереть с голода, лезли в чей-либо огород. (См. приложение №№ . . . том № . . .).

Но наш народ вскоре после высылки своим самоотверженным трудом, безграничной преданностью марксизму-ленинизму смог завоевать любовь и уваже-

ние простого местного населения. И как бы ни старались поссорить крымских татар с другими народами — ничего не удавалось. Год из года росла и крепла наша братская дружба с русскими, узбеками, таджиками и другими народами, которые живут рядом с нами, с которыми работаем мы рука об руку.

Готовя Обращение к XXIII съезду, народ провел поголовную перепись, живых и мертвых.

Народ провел полный учет всего населения по отдельным резервациям, куда были поселены крымские татары.

Переписано более 27 тысяч человек, что составляет более 10 % крымскотатарского народа (их полные списки прилагаются на листах).

Анализ собранного материала положен в основу справки, прилагаемой к данному обращению (приложение № 1, том № 1), некоторые выводы из которой мы приводим ниже (см. таблицу).

Таблица
Выслано из Крыма в 1944 году крымских татар
по возрастным группам и полу:

Возрастные группы	Всего по группе	%/о всех высланных	Мужского пола Коллич. выслан. насел.	%/о	Женского пола Коллич. выслан. насел.	%/о
Дети до						
16 лет	99400	41,7	49700	20,85	49700	20,85
Подростки	13300	5,6	6650	2,8	6650	2,8
Женщины от						
18 лет	93200	39,1	—	—	93200	39,1
Мужчины от						
18 лет	32600	13,6	32600	13,6	—	—
ВСЕГО:	238500	100,0	88950	37,25	149550	62,75

Таким образом, из 238.500 высланных крымских та-

тар дети и женщины составляли 205.900 человек, т.е. 86,4 % всего высланного народа.

Отдельные отщепенцы, оказавшиеся по ту сторону баррикад и служившие врагу, к этому времени были схвачены и наказаны, согласно законам военного времени.

32.600 мужчин, т.е. 13,6 % общего числа высланного населения — это партизаны и подпольщики, партийно-советский актив, отозванный для восстановления советской власти в Крыму, старики, больные, инвалиды Отечественной войны и инвалиды труда.

За полтора года после выселения в результате болезней и голода, политического, морального и духовного давления вымерло:

41 % всех крымских татар, поселенных в Ташкентской обл., 54,7 % всех крымских татар, поселенных в Самаркандской обл., 46,1 % всех крымских татар, поселенных в Андижанской обл.

В среднем по всем областям Узбекистана 46,2 % всего населения крымских татар, выселенных из Крыма, вымерло.

По отдельным пунктам вымирание населения дошло до катастрофических размеров. Так, в Ангрене погибло 56,2 % крымских татар, в Мирзачуле г. Гулистане — 53,5 %. В том же Мирзачуле вымерло 80 % всех мужчин.

Итак, самая смертоносная война, немецкая оккупация, массовые расстрелы, газовые камеры и лагеря смерти за период 1941-1945 гг. принесли народам нашей страны потери в 10-11 % общей численности населения. (Среди нашего народа примерно столько же. См. приложение № 1, том № 1.) Это колоссальные потери, ответственность за которые несет фашизм.

Варварская акция выселения нашего народа из родного края привела только за первые полтора года к мучительной смерти 109956 человек, что в четыре раза превышает потери нашего народа за всю войну.

И пусть задумаются над этими фактами все созна-

тельные участники, вдохновители и покровители этого варварского акта.

И пусть оценят свои подлые творения писатели, историки и ученые, ставшие на путь оправдания этого преступления против человечности.

И пусть оценят циничность своего глумления над правами малых народов все те, кто заявлял и заявляет, что якобы резервации, выделенные для нашего народа, являются для нас второй родиной, а наша настоящая Родина отаится для нас запретной зоной.

Мы не сомневаемся в том, что все честные люди, все народы нашей страны гневно осудят этот позорный акт массового истребления, осудят ничем не прикрытую дискриминацию нашего народа, и поймут нас и поддержат в справедливой борьбе за возвращение в родной край и национальное равноправие на родной земле.

Позор всем тем, кто пытается сохранить последствия чудовищного акта насилия, выселения, ограбления, массового истребления ничем не повинного народа.

Естественно, эти законы беззакония, призванные оправдать бесправие и массовое вымирание (истребление) малых народов, не могли иметь популярность среди советского народа, ибо народы СССР, воспитанные партией Ленина, закаленные в борьбе за победу революции, отстоявшие социалистическое Отечество от посягательств врагов, обеспечившие победу социализма, практически испытали непобедимую силу пролетарского интернационализма — силу дружбы, единства и монолитности семьи равноправных народов СССР.

Ввиду полного отсутствия объективных основ для оправдания законов, позорящих наш строй, остался единственный путь — поднять все шовинистически настроенные элементы на открытый бой против истины и справедливости. Ложь, провокация и фальсификация истории — вот те испытанные, высокооплачиваемые средства, которые были использованы в борьбе против чести, совести и справедливости.

Все средства пропаганды: печатное слово, радио, — все аванпосты гуманитарных наук, вся устная агитация, от институтских кафедр до школ и детских садов, от лекторов ЦК компартий до культурников и затейников Домов отдыха, вся деятельность народного образования и просвещения — все рычаги, действующие на умы людей были направлены на отравление сознания народов СССР шовинистическим угаром, на отказ от основных принципов единства, дружбы и равноправия народов.

Конечная цель этой пропаганды — внушить подозрение и недоверие, воспитать ненависть к крымскотатарскому народу. Убедить все народы, что крымские татары, по своей природе, исторически были и остаются народом паразитическим, предательским, а поэтому лишение его Родины и равноправия неизбежно вытекает из интересов безопасности социалистического Отечества.

Наконец, конечной целью этой пропаганды является внушение самому крымскотатарскому народу, что его вопрос никогда не будет рассмотрен и решен положительно. Он навсегда должен похоронить веру в партию, веру в ленинские принципы, в революционные законы о правах народов, а поэтому безропотно принять свое бесправие, как историческую необходимость.

Целое море этого пропагандистского хлама, стоившего народной казне миллионы, фундаментом которого являются ложь, провокация и фальсификация — по сути дела является только злобным рычанием невежества, политической недалекости, пошлости и нищенского понятия о чести и гуманности.

Мы вместе со всеми советскими людьми гордимся тем, что ни один истинный представитель науки, ни один крупный писатель, ни один порядочный человек не изменил истине, не проронил ни одного плохого слова о прошлом и настоящем нашего народа.

«Крымским татарам — не доверять!» — этот лозунг

был принят на вооружение не только в резервациях, предоставленных нашему народу, но и по всей стране.

Таким образом, до конца ограбленный народ не только был оскорблен и унижен, но и лишался права на труд. Были ли вы ученым или инженером, партийным работником или педагогом, вас не принимали на работу по вашей специальности. Не принимали на работу даже шоферов, которым, как и всем крымским татарам, запрещалось выезжать за пределы селения, к которому каждый из нас был приписан.

Люди с высшим образованием, квалифицированные специалисты, могли работать только чернорабочими. Нам не разрешалось работать в партийных, советских, административных органах, в учреждениях связи и на железной дороге, в органах народного образования, на предприятиях оборонного назначения, в милиции, в Госбанке и т. п. С подобными ограничениями, кстати сказать, можно встретиться еще и в наши дни. Так, всего лишь полгода назад сторожу Алмалыкской электростанции предложили подать заявление об уходе только лишь потому, что он крымский татарин.

Уж если крымскому татарину не доверяют работать даже сторожем, то тут, нам кажется, комментарии излишни.

Но вернемся снова к тем страшным годам, к тому указу от 1946 года, по существу узаконившему беззаконие. В нем сказано:

«... чеченцы и крымские татары были переселены в другие районы СССР, где они были наделены землей с оказанием необходимой государственной помощи по их хозяйственному устройству.»

Если считать те три аршина земли, которыми были наделены более 100 тысяч погибших крымских татар земельной помощью, то они действительно были ею обеспечены.

Что же касается необходимой государственной помощи, то многие, не подозревая, что за ней кроется,

действительно получили в 1944–45 гг. по пяти тысяч рублей денежного кредита. Причем эти деньги были выданы якобы на приобретение скота, домашнего имущества и постройку жилья. Если учесть, что в те годы килограмм хлеба стоил от 20 до 50 рублей, то можно себе представить, на что ушли эти деньги. Опухшие от голода, низведенные до положения нищих, крымские татары потратили эти деньги за какие-нибудь три-четыре недели. Зато расплачиваться за этот кредит пришлось долгие годы. Для большинства семей он стал непосильной обузой, тяжким крестом и послужил причиной гибели многих татар. Этот кредит был тонко задуманным грабежом уже ограбленного, обобранного до ниточки народа.

Как известно, в 1947 году была проведена денежная реформа. Десять рублей в старом исчислении превратились в один рубль. Не изменилась только сумма кредита, выданного крымским татарам. Пять тысяч рублей мы были обязаны возратить государству новыми деньгами, т.е. для нас они превратились в 50 тысяч рублей. Если не считать процентов, государственные кредиты были взысканы с нас в десятикратном размере.

Эта финансово-политическая авантюра также была направлена на физическое уничтожение народа. И те, кто проводил ее в жизнь, прекрасно знали об этом. Пусть же их судит за это история!

Перечитайте снова эти строки, перечитайте их внимательно и вы услышите рыдание матерей, плач голодных детишек и стоны тысяч, десятков тысяч умирающих.

Вот, что значат еще три строчки того указа от 1946 года, который узаконил массовые убийства и стократное ограбление народа.

Крымских татар не призывали в армию, не принимали в институты и техникумы. Молодой человек, получивший золотую медаль в школе, был вынужден отказываться от мысли продолжать свое образование.

И таких молодых людей были сотни, тысячи. А ведь они могли бы стать хорошими специалистами, учеными, приносящими огромную пользу отечеству. Но все это делалось для того, чтобы искусственно лишить крымскотатарский народ образованных, интеллигентных людей, держать нас в черном теле, довести до того состояния, когда у нас зародится мысль, что мы не способны, мы хуже других, мы — люди второго сорта. Это было продолжением глубоко продуманных мер по уничтожению целой нации.

К той ночи, когда крымских татар выселяли из Крыма, еще не всех крымских татар успели исключить из рядов партии (хотя и исключали нас оптом, сразу большими группами). И потому получилось так, что в рядах партии, за чистоту которой боролись многие годы, оказались «изменники Родины». Причем, у некоторых из них сохранились даже депутатские мандаты Верховного Совета СССР.

В местах высылки решили не исключать их, но и новых не принимать. Мы не ошибемся, если скажем, что коммунистов среди нашего народа в 4-5 раз меньше, чем у остальных народов нашей страны. А ведь несмотря на свое изгнание из Крыма, несмотря на свое бесправное положение крымскотатарский народ остается верным Коммунистической партии и Советскому государству. Тысячи передовых производственников, отличавшихся самоотверженным трудом и активным участием в общественной жизни, а также служащие, представители интеллигенции — всеми силами стараются вступить в ряды КПСС, чтобы быть в авангарде строителей коммунизма. Но при приеме в партию для них создают почти непреодолимые препятствия.

Для примера можно взять садвинсовхоз № 5 им. Кирова Андиганской области. В этом крупном хозяйстве 50 % рабочих — крымские татары. Все они трудятся исключительно добросовестно. Многие из них добились таких рекордных показателей, что не будь

они представителями опального крымскотатарского народа, то уже давно бы удостоились высшего трудового отличия и получили бы звания Героев Социалистического Труда. Но об этом наши люди не смеют даже мечтать. Да и может ли идти речь о трудовых отличиях и наградах, если во всем совхозе, где 50 % рабочих — крымские татары, в числе всего-навсего один коммунист.

Об этом факте хорошо знают в Ходжаабадском райкоме партии. Но его руководителям больше нравится видеть крымских татар вне партии, вне своих рядов, униженными и дискриминированными. Иначе за прошедшие 2 года была бы сделана хоть малейшая попытка пополнить ряды КПСС лучшими людьми крымскотатарской национальности. И это касается не только руководителей Ходжаабадского райкома, но всех партийных руководителей Узбекистана. Не желая принимать в ряды коммунистической партии крымских татар, они с удовольствием, зачастую без всякого основания, исключают представителей нашего народа из ее рядов, фабрикуя заведомо ложные персональные дела.

Наманганским городским комитетом был исключен из рядов КПСС молодой специалист Хамид Абдураманов. Он пострадал только за то, что он — крымский татарин и народ доверил ему сказать слово ленинской партии, напомнить о своем бесправном положении и просить о восстановлении справедливости.

ЦК компартии Узбекистана совсем недавно утвердил решение об исключении из рядов партии еще одного крымского татарина (за эти 2 года не знаю которого по счету), Арсена Альчикова из Бекабада. Его исключили только за то, что он как представитель народа выступал на приеме у тов. А. И. Микояна, за то, что он хочет быть таким же равноправным, как и все другие народы нашей страны.

И таких примеров привести можно великое множество. Это только капли целых потоков, камешки целой горы.

Если сразу же после революции крымскотатарские коммунисты участвовали почти во всех партийных съездах, то после 1944 года их не допускают ни на XIX, ни на XX, XXI, XXII съезды нашей партии. Не будет, наверное, наших представителей и на XXIII съезде партии.

Для создания видимости равноправия, несколько человек из числа крымских татар все же избрали депутатами районных, городских и областных Советов депутатов трудящихся. А двое даже стали депутатами Верховного Совета УзССР.

Однако, депутаты-крымские татары поставлены в такие условия, что не могут выступать на сессиях, не могут быть избранными в руководящие органы Совета, не принимают практического участия в решении тех или иных вопросов.

Уже 22 года нет нашего представителя в высшем органе государственной власти — Верховном Совете СССР. Это грубейшее нарушение Конституции страны, ярчайший пример общественной и политической дискриминации.

Началом уничтожения культуры, литературы и искусства нашего народа мы считаем тот день, когда в Симферополе, на площади, торжественно жгли книги. Жгли все, начиная от ценных древних рукописей, кончая трудами Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Жгли только потому, что они были изданы на крымскотатарском языке. Почти все крупнейшие библиотеки Советского Союза получили тогда указание изъять книги на нашем родном языке. Так что костры пылали не только в Симферополе, но и в Баку, Тбилиси, Казани и других городах Советского Союза.

Таким образом, одним махом было стерто все то, что приобреталось и накапливалось нашим народом в течение столетий. Но политика духовного уничтожения народа только начиналась. Приведем несколько фактов.

Если в 1940 году в Крыму на нашем языке было

издано 218 названий книг, то за прошедшие 22 года — только 10.

Если в 1940 году у нас было 427 школ, в которых обучалось 45 тысяч детей крымских татар, то за 22 года на местах высылки их не открыто ни одной.

В 1940 году у нас было 3215 педагогов, крымских татар. Сейчас вы не найдете и десятка, которые смогли бы преподавать родной язык. (Данные взяты из книги «Советскому Крыму 20 лет. 1920-1940», Крымиздат.)

В 1924 году, раньше, чем у любого другого мусульманского народа Советской России, у крымских татар была поставлена первая опера. Сейчас по местам резерваций разъезжает один небольшой ансамбль, состоящий из 18 человек, который, хотя и влачит жалкое существование, но из всех сил старается сохранить замечательное искусство нашего народа.

Талантливая молодежь из числа крымскотатарского народа, лишенная возможности развивать свое национально-социалистическое искусство, вынуждена работать в узбекских, таджикских театрах, филармониях, ансамблях, но и там им ежедневно напоминают о том, что они представители бесправной нации.

Зульфира Асанова, которой сейчас всего 19 лет, пришла в искусство совсем маленькой девочкой. Когда ей было 9 лет, она была участницей VI Всемирного фестиваля в Москве, когда исполнилось 11 — была премирована путевкой в международный лагерь «Артек», где была удостоена звания лауреата I степени. Училась в хореографическом училище. Ее имя гремело повсюду. Журнал «Советская женщина» № 5 за 1959 год пишет о ней, печатает ее портрет, но называет не крымской татаркой, а дочерью таджикского народа. Выходит, что крымская татарка не может быть советской женщиной.

Год назад Зульфину включили в состав ансамбля «Бахор» для поездки за границу. Вот выдержка из ее телеграммы, посланной ею на имя Первого Секретаря ЦК КПСС Брежнева Л. И.:

«Когда осталось до выезда несколько дней, мне объявили об отмене моей поездки. Причина: я — крымская татарка. Должна ли я нести ответственность за военный период, если я родилась спустя два года после окончания войны?» (Полный текст см. приложение №... том №...)

А вот, что она пишет своей матери:

«Это письмо, я думаю, несколько огорчит всех вас. Дело в том, что меня и Эльзару (тоже крымскую татарку) отстранили от заграничной поездки. Вчера на репетиции нам директор «Бахора» сказал: «Вы не поедете, так как вы — крымские татары. А это не впервые у нас. С крымскими татарами вечно такая история.» Так что все рухнуло разом. Но я почему-то каждый день ждала этого слова: «нет». И вот мне его сказали. Но мне все еще не верилось, что в нашей стране существует неравноправие. Теперь я в этом убедилась. Вернее, меня заставили убедиться. Вообще, я думаю, в поездке за границу не заключается счастье человека. Дело не в форме, а в содержании, мама. И все-таки, я горжусь тем, что я — *крымская татарка*, а не кто-нибудь другая. После такого [приключения] я еще больше люблю свой обиженный и униженный народ.»

Этим письмом сказано все. Комментарии излишни.

Подведем некоторые итоги национальной дискриминации в экономической, политической и культурной жизни крымских татар с 1944 по 1965 гг. Таким образом, было сделано все, чтобы:

- 1) Уничтожить государственность крымских татар;
- 2) Уничтожить как можно больше самих крымских татар;
- 3) Сначала очернить народ и оправдать тем самым антиленинский акт произвола, а затем нигде не упоминать о крымских татарах, чтобы народы не только Советского Союза, но и всего мира забыли о существовании таковых;
- 4) Уничтожить культуру, искусство и литературу крымских татар;

- 5) Уничтожить историю этого народа;
- 6) Уничтожить его язык;
- 7) Уничтожить его обычаи;
- 8) Сделать все, чтобы каждый крымский татарин стыдился называть себя крымским татаринoм;
- 9) Доказать каждому представителю этой нации, что ни у него самого, ни у его детей, ни у тех его потомков, которые еще не родились — нет будущего.

И когда решили, что все это уже сделано, крымских татар объявили несуществующей нацией. Нас вычеркнули из списков народов СССР, объединив с казанскими и уфимскими татарами, но, на всякий случай, оставили в паспорте каждого крымского татарина неведомую подлую отметочку, по которой органы милиции все же узнают, что вы — «не казанский», и не прописывают в Крыму.

Теперь можно хлопать в ладоши и кричать на всех углах о неизбежном, «добровольном» слиянии наций.

И вот, когда казалось, что дело сделано, что крымских татар не стало, остатки когда-то большого многомиллионного народа направили в Москву своих первых представителей.

Нет, представители крымских татар не сказали в Москве, что после присоединения Крыма к России в Крыму не осталось ни одного татарина. Они были коммунисты, воспитанные на учении Маркса-Ленина и поэтому просили, да-да, просили, а не требовали уважать законы, подписанные В. И. Лениным, исправить все ошибки, которые похожи на давно задуманные преступления.

Возвращение насильственно отнятой Родины, восстановление национального равноправия в родном краю составляют сущность крымскотатарского вопроса и являются единственно правильным условием его ленинского решения.

Всякие попытки исходить из иного пути или из иного подхода к решению этого вопроса неизбежно приводят

к отходу от ленинской национальной политики, к завуалированию нежелания или полного отказа от справедливого решения вопроса о судьбе нашего народа.

Будучи глубоко убежденным в том, что его национальный вопрос может быть разрешен только этим путем, крымскотатарский народ на протяжении всего периода нахождения в изгнании настойчиво добивается его решения.

Однако, для того, чтобы заставить крымскотатарский народ безропотно смириться со своим политически бесправным положением и отказаться от постановки вопроса о восстановлении своего национального равноправия, против него применяют все средства давления, начиная от притеснений, угроз, шантажа и кончая репрессиями, увольнениями с работы и исключением его представителей из рядов партии.

Так, в г. Бекабаде Ташкентской области были необоснованно обвинены в хулиганстве и присуждены к тюремному заключению сроком до одного года трое крымских татар за то, что они осмелились как представители народа обратиться в верховные партийные и государственные органы по своему национальному вопросу. Одна из этих представителей, Хайретдинова Хатидже, была на приеме у Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. А. И. Микояна, а Джемилев Эскендер ездил в ЦК КПСС.

И несмотря на настоятельные обращения народа в республиканские судебные инстанции, в республиканские и союзные органы прокурорского надзора, а также в ЦК КПСС и Верховный Совет СССР: разобраться и отменить необоснованный приговор, оправдать и освободить этих граждан, как совершенно невинных — эти органы до сих пор остаются глухими к обращениям народа и эти представители нашего народа все еще томятся в заключении (приложения №№... том №...).

Можно привести немало фактов, когда крымских татар исключают из партии, увольняют с работы, перево-

дят на низкооплачиваемую работу. О многих таких фактах писалось в высшие партийные, советские и и прокурорские органы, но мер никаких по их пресечение не принимается, а в районных, городских, областных и республиканских органах Узбекистана не только не пресекают, но поощряют виновников всех этих репрессий, покровительствуют им.

Мы глубоко возмущены антипартийными, противозаконными действиями некоторых ответственных лиц, которые своими поступками, по сути дела, дискредитируют нашу партию и наносят ущерб ленинской дружбе народов нашей страны.

Недавно в Ташкенте происходило собрание партийного актива республики. Когда повестка дня была исчерпана, слово неожиданно предоставили Секретарю ЦК компартии Узбекистана Р. Н. Нишанову.

Предупредив стенографисток, чтобы его речь не записывали, он обрушился на крымских татар как на «несознательный народ», который, видите ли, хочет вернуться к себе на Родину, хочет быть таким же равноправным, как и все другие народы СССР. «Они хотят в Крым, — сказал Нишанов, — но там их никто не ждет. Если хотят уезжать, то пусть катятся к себе в Казань.»

Далее он призвал к прямой расправе над теми крымскими татарами, которые ездят в ЦК КПСС, добиваются восстановления своего национального равноправия, добиваются, по сути дела, претворения в жизнь решений XX и XXII съездов и программы партии. С высокой партийной трибуны этот, с позволения сказать, партийный руководитель открыто дал санкцию на безоговорочное исключение из рядов партии тех коммунистов из числа крымских татар, которые наиболее активно и настойчиво добиваются решения своего национального вопроса. Такое шовинистическое выступление зарвавшегося партийного чинуши может быть расценено только как наглая политика оскорбления чести и досто-

инства крымскотатарского народа, создание атмосферы ненависти и травли по отношению к нему, подрыва доверия его к своей родной партии, убийства его веры в то, что партия безусловно решит положительно вопрос об организованном возвращении крымскотатарского народа на свою Родину — в Крым.

Но, к нашему глубокому сожалению, эта провокационная вылазка Нишанова до сих пор не получила достойной оценки и остается безнаказанной. Более того, его «указания» на местах реально претворяются в жизнь.

Так, в г. Бекабаде Ташкентской области члена КПСС Альчикова Арсена исключили из партии за то, что он как представитель крымскотатарского населения г. Бекабада ездил в ЦК КПСС и добивался национального равноправия своего народа, был на приеме в Президиуме Верховного Совета СССР и у А. И. Микояна и по приезде обратно в Бекабад информировал жителей города о состоявшемся приеме.

Для «обоснования» его исключения ему приклеили ярлык националиста и обвинили «в действиях, направленных на подрыв дружбы народов».

Исключению Альчикова из партии предшествовали неоднократные попытки запугивания и шантажа, с целью заставить его выступить перед народом и заявить, что никакого приема Микояном не было, а те, кто ездил в Москву, обманывают народ и вопрос возвращения на Родину не будет решен.

Ныне в Узбекистане единственным критерием для приема крымского татарина в партию является его отношение к вопросу о возвращении крымскотатарского народа на Родину — в Крым. При обсуждении вопроса о его приеме в партию задают вопрос: хочет ли он возвращаться в Крым, подписал ли он заявление об этом, помогает ли деньгами представителям народа, направленным в Москву. И если последует ответ «да», то каким бы он ни был хорошим производителем и достойным во всех отношениях товарищем, ему отка-

зывают в приеме, а если речь идет о приеме из кандидатов в члены КПСС — отнимают кандидатскую карточку.

Так было с механиком бекабадского мясокомбината Аметовым С., хорошим производственником, неоднократно избравшимся председателем завкома. Его долго водили за нос с рекомендациями, ссылаясь на 24 пункт Устава партии о «неоправдавших себя при прохождении кандидатского стажа» и исключили из кандидатов. А бюро горкома утвердило решение первичной организации.

Так было с прорабом УНР-704 г. Бекабада Джепперовым Таиром, учителем по труду Товчи Айдером, которые являются хорошими производственниками. Им также отказали в приеме в члены партии.

Так было с работником ферганского текстильного комбината, коммунистом Караевым Исмаилом, которого исключили из членов партии.

Так было с аспирантом Института экономики сельского хозяйства в г. Ташкенте Муртазаевым Алимом, которого не приняли в члены КПСС, продлив срок кандидатского стажа еще на один год.

Так было с рабочим-монтером ташкентского амбара пивного завода Фурмамбетовым Факиром, которого исключили из кандидатов в члены партии и при этом с угрозой заявили: «Да, большинство ваших крымских татар было против нас, да мы наказали вас всех, да еще как.»

Таких примеров можно привести много. Но и этих достаточно, чтобы охарактеризовать атмосферу неприязни, создавшуюся в отношении крымскотатарского народа.

Все эти и многие другие факты могут быть квалифицированы не иначе, как недопустимая попытка поставить барьер между крымскотатарским народом и его родной партией, захлопнуть ее двери перед нашими лучшими представителями, как попытка подорвать доверие народа к великой ленинской партии.

Уму непостижимо! Дело доходит даже до того, что шовинистически настроенные элементы устраивают облавы на крымских татар, вроде тех облав, что устраивали черносотенцы до революции на инородцев. Представителей крымскотатарского народа, этих ходяков к своему родному ЦК: — комсомольцев, героев Советского Союза, персональных пенсионеров, бывших партизан и подпольщиков, героев Труда, знатных механизаторов, руководителей бригад коммунистического труда и др. — ловят на улицах, в гостиницах, у приемных ЦК КПСС и Верховного Совета СССР, подвергают унижительным арестам, допросам, обыскам и в принудительном порядке, под конвоем, выпроваживают из Москвы.

Начальник МУООП в беседе с представителем крымскотатарского народа Османовым М. цинично заявил: «Если вы немедленно не покинете Москву, предупреждаю — все будете выдворены в административном порядке. Нами дано указание всем отделениям милиции разыскать всех крымских татар, где бы они ни остановились в Москве. На основании специального постановления все будут выдворены из Москвы, вашей ноги не будет в столице.» Заявление циничное, но вполне веское, и в комментариях нет необходимости.

Подозрительность и недоверчивость к нашему народу дошли до того, что в дни исторической ташкентской встречи* были сфабрикованы провокационные измышления о том, что якобы крымские татары готовятся вручить Шастри и Айюб Хану какие-то послания. Работники ташкентского обкома партии позволили себе предупредить всех руководителей предприятий и учреждений о необходимости повышения бдительности по отношению именно к нашему народу и тем самым встали на путь распространения вздорных слухов и клеветы, продолжая чернить крымских татар в глазах других народов.

* 4-10 января 1966.

Те крымские татары, которые были в Москве в качестве представителей от народа, брались под особое наблюдение.

В гостинице «Ташкент», где должны были остановиться корреспонденты иностранных газет, убрали всех крымских татар из числа обслуживающего персонала.

Шофера, крымские татары, были сняты с обслуживающих гостей машин и заменены водителями других национальностей.

Крымскотатарский народ никогда не думал и не думает, никогда не позволял и не позволит себе обращаться к кому бы то ни было по своему национальному вопросу, кроме своей ленинской партии и советского правительства.

Чтобы уклониться от положительного решения нашего вопроса и навечно лишит народ Родины и тем самым закрепить нас на местах высылки, выдвинуто ряд искусственных доводов:

1. Утверждают, что Крым, якобы, перенаселен.

Это утверждение не соответствует действительности. Несмотря на то, что в течение последнего десятилетия нам неустанно твердят, что Крым перенаселен, однако там продолжается организованное планомерное заселение края. Только за семилетие в Крыму было построено 37000 домов для переселенцев. В одном Сакском районе за это время построено 5000 домов на 13000 переселенческих семейств.

Процесс заселения Крыма продолжается и будет продолжаться в дальнейшем, ибо экономика Крыма испытывает острую нужду в рабочей силе. Именно поэтому, по данным крымской печати, на 1966 год — первый год пятилетки — планируется дальнейшее строительство жилищ для переселенцев в количестве 6500 домов.

А если говорить о плотности населения Крыма, то крымские татары живут в таких областях Узбекистана, которые по плотности населения в несколько раз превосходят плотность населения Крыма. Однако, не же-

лая вернуть крымских татар на Родину, Крым заселяют людьми из других областей нашей страны.

Таким образом, довод о перенаселенности абсолютно лишен морально-политической и принципиальной основы, поскольку речь идет о возвращении крымских татар на свою исконную, насильственно отнятую Родину.

2. Утверждают, что возвращение крымских татар в родной край является для государства экономически обременительным.

Этот довод также не имеет под собой никакого основания. Поскольку дальнейшее заселение Крыма является экономически необходимым мероприятием, государство вынуждено нести материальные затраты для его осуществления.

Государство уже вложило огромные средства для заселения этого края и, по подсчетам экономистов, не получило соответствующей отдачи, поскольку в Крыму за это время контингент переселенцев обновился почти четыре раза.

Возвращение же в Крым его коренного населения, веками трудившегося на этой земле и знающего специфические условия этого края, обладающего богатым опытом в табаководстве, виноградарстве, садоводстве и других отраслях сельского хозяйства, вызвало бы не только быстрый расцвет Крыма, но и сторицей бы вернуло государству все расходы, связанные с возвращением нашего народа на Родину.

И наконец, если этот довод рассматривать с точки зрения ленинских принципов национальной политики партии, то он является чисто торгашеским, не имеющим ничего общего с решениями XX, XXII съездов нашей партии, а также Программой нашей партии.

3. Утверждают, что украинцы не хотят нас принимать, а узбеки — отпускать нас на нашу Родину.

Для того, чтобы отказать крымскотатарскому народу в его справедливом требовании, отдельные руководящие работники доходят до того, что выдвигают даже

такой, с позволения сказать, антиленинский довод. При чем здесь узбеки и украинцы, когда речь идет о восстановлении прав и возвращении крымскотатарского народа на свои исконные земли?! Этот довод приводится только лишь для того, чтобы поссорить нас, создать атмосферу неприязни между нашими братскими народами.

Мы не сомневаемся, что узбекский народ, как и украинский, а также все другие народы нашей страны желают восстановления национального равноправия братского крымскотатарского народа.

Обращаясь к XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза, мы — крымские татары — единственный неравноправный народ в нашей стране, настоятельно просим рассмотреть наши требования и в короткий срок решить наш национальный вопрос.

Наши требования сводятся к следующему:

1. *Организованное возвращение нашего народа в свой родной край и компактное его заселение в Крыму.*

2. *Полное восстановление его национального и политического равноправия.*

3. *Возвращение (восстановление) нашему народу всего того, что ему было дано Великой Октябрьской социалистической революцией, ленинской партией, Лениным.*

Любое решение, не предусматривающее организованного возвращения нашего народа в родной край и восстановления его равноправия на родной земле, фактически будет означать закрепление бесправного положения крымских татар, подтверждение того преступления, которое было совершено против него в 1944 году в обстановке культа личности.

Попытки предоставления «культурно-национальной автономии» или же любое решение без возвращения в родной край — есть стремление создать видимость разрешения нашего вопроса, а, по существу, явится прямым отходом от ленинского решения данного вопроса.

Мы верим, что 50-летие советской власти наш народ будет встречать на родной земле, как равный среди равных братских народов.

Искренне желаем XXIII съезду нашей родной партии успешного разрешения всех стоящих перед ним задач. Верим, что съезд явится новой вехой в строительстве коммунизма в нашей стране.

Для вручения XXIII съезду КПСС настоящего Обращения и получения соответствующего ответа, крымскотатарский народ выделяет нижеприведенных представителей.

Срок полномочия представителей устанавливается до полного положительного решения вопроса о национальной судьбе крымскотатарского народа.

1. Амет-Хан Султан, Дважды Герой Советского Союза, Москва;
2. Абдураманов Узеир, Герой Советского Союза, Навои;
3. Рамазанов Ибраим, Капитан 1 ранга, Ленинград;
4. Саферов Иззедик, Гвардии полковник, Ашхабад;
5. Бекиров Кемал, Полковник, Иркутск;
6. Булатов Исмаил, Генерал, Одесса;
7. Халилов Мустафа, Доктор физ. мат. наук, Баку;
8. Селимов Мидат, Доктор меднаук, Москва;
9. Эмир Файк, Кинорежиссер, заслуж. деятель искусств, Алма-Ата;
10. Муратов Бейтула, Подполковник, Краснодар;
11. Умеров Якуб, Работник з-да им. Ильича, Жданов;
12. Салетдинов Халил, Инженер, Чирчик;
13. Мурадасылов Абдураман, Персональный пенсионер, Янгиюль;
14. Чики Ридван, Заслуженный механизатор УзССР Аккурган;
15. Дагджи Тимур, Журналист, Ташкент;
16. Акимов Джеббар, Экономист, Бекабад;
17. Хатилев Абляз, Экономист, Бекабад;

18. Аблякимов Абдуреим, Нефтяник, Палванташ;
19. Велишаев Азам, Нефтяник, Учкурган;
20. Абдураманов Амет, Горняк, Ангрен;
21. Дагджи Земине, Канд. меднаук, Самарканд;
22. Мухтеремов Амди, Бухгалтер, Аккурган;
23. Мустафаев Ваджиш, Директор м/о кинофикации, Каттакурган;
24. Ибрагимов Абдурман, Персон. пенсионер, Самарканд;
25. Велишаев Якуб, Персон. пенсионер, Самарканд;
26. Аметов Ибрфан, Экономист, Андижан;
27. Алиев Энвер, Нефтяник, Палванташ;
28. Османов Шукри, Бригадир ком. труда Стройтреста № 150, Самарканд;
29. Курдаева Фетие, Бухгалтер, Андижан;
30. Военный Мурат, Каменщик, Ташкент;
31. Кадыров Нариман, Студент, Душанбе;
32. Османов Бекир, Агроном, Фергана;
33. Асанов Риза, Педагог, Фергана;
34. Османов Мухсим, Пенсионер, Фергана;
35. Караев Смаил, Бригадир, Фергана;
36. Хайретдинова Хатиже,
37. Джемилев Эскендер,
38. Муждабаева Рефат — Незаконно осуждены и заключены в тюрьму за обращение к партии и правительству с просьбой о возвращении народа в родной край — Крым, Бекабад;
39. Арифов Ягъя, Агроном, Самарканд;
40. Гафиров Юсуф, Пенсионер, Фергана;
41. Джемилева Сидика, Врач, Китаб;
42. Сейтшаев Бенсеит, Педагог, Китаб;
43. Насырова Велядие, Педагог, Коканд;
44. Сейтмеметов Ахсеит, Инженер, Маргилан;
45. Зарединов Юнус, Инженер, Маргилан;
46. Акчил Амет, Слесарь, С/з Дальверзин;
47. Куку Кемал, Шофер, Самарканд;

48. Сулейманова Зенуре, Студентка, Ташкент;
 49. Асанова Зампира, Врач, Янгикурган;
 50. Эмирусбинов Нариман, Электромонтер, Наманган;
 51. Османов Садредин, Начальник цеха электроаппарата, Андижан;
 52. Аргинский Юнус, Нач. литейного цеха, Андижан;
 53. Мустафаев Ильяс, Слесарь, Бекабад;
 54. Чонгуров Энвер, Слесарь, Бекабад;
 55. Сеитвелиев Сеитнафе, Герой Советского Союза, Ленинград;
 56. Альчиков Арсен, Техник-строитель, Бекабад;
 57. Мартынов Муарем, Пенсионер, Бекабад;
 58. Аблякимов Зейтулла, Пенсионер, Москва;
 59. Гафаров Басыр, Филолог, Москва
 60. Дагджи Риза, Электрик, Бекабад;
 61. Минадиев Исмаил, Полковник, Одесса;
 62. Уланова Эсма, Врач-пенсионер, Москва;
 63. Касимов Ягья, Рабочий, Алма-Ата;
 64. Аметов Феми, Сухими;
 65. Абдуллаев Сервер, Техник-электрик, Алмалык.
-

Всенародный протест: обзор крымскотатарского движения за 1956-1968 гг. — начало 1969 г.

**ПРЕКРАТИТЬ ПРОИЗВОЛ И РЕПРЕССИИ!
ВЕРНУТЬ КРЫМСКОТАТАРСКИЙ НАРОД
НА РОДНУЮ ЗЕМЛЮ!**

Центральному Комитету КПСС,
Верховному Совету СССР,
Совету Министров СССР,
Советской общественности

Всенародный протест

Почти четверть века минуло с того дня, когда весь наш народ по приказу правительства, под дулами автоматов войск МГБ СССР, был выселен со своей земли — Крымского полуострова — в пустынные и засушливые районы Средней Азии, Казахстана и Урала. Как и многие другие многочисленные народы СССР, подвергшиеся в эти годы той же участи, крымскотатарский народ был обвинен во враждебных советской власти действиях в период нацистской оккупации, несмотря на то, что основная часть взрослого мужского населения народа была на фронтах войны, а много оставшихся в тылу крымских татар участвовали в партизанском движении против оккупантов.

Жестокий режим спецпоселения, установленный властями для высланных народов, голод и болезни унесли лишь в первые два года свыше 100.000 жизней крымских татар, что составляет свыше 40 процентов проживающей в СССР части нашего народа. За этими безмолвными цифрами неубранные трупы в домах, трупы на дорогах, помутневший разум матерей, потерявших в один день всех своих детей, стоны и слезы обездоленного народа.

История мало знает подобных жестокостей.

Двадцатый съезд КПСС, признавший неправомерность выселения целых народов и наметивший пути к

восстановлению законности в стране, казалось, положил конец многолетним страданиям и гибели крымскотатарского народа. Но уже через 58 дней после этого съезда Президиум Верховного Совета СССР за подписью председателя К. Ворошилова и секретаря А. Пегова принял новый антиконституционный указ, помеченный грифом «без опубликования в печати» — Указ № 27 от 28 апреля 1956 года, согласно которому хотя крымские татары и некоторые другие репрессированные народы и освобождались от гласного надзора МВД, но в то же время говорилось, что «снятие ограничений с указанных лиц и их членов семей не влечет за собой возвращения их имущества, конфискованного при высылении и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены». Таким образом, лишение крымскотатарского народа его национальной Родины было узаконено и новыми властями.

Однако, публичное признание съездом незаконности высылки народов, обещание ЦК КПСС следовать курсу ленинской национальной политики и некоторая относительная демократизация советской жизни дали крымскотатарскому народу возможность, правда весьма ограниченную, поднять голос в защиту своих прав. Начиная с 1957 года наш народ неоднократно обращается к руководству страны с ходатайством рассмотреть и решить крымскотатарский национальный вопрос. В Москву были посланы многочисленные делегации крымских татар из числа людей уважаемых в народе и имеющих большие заслуги перед страной. Но воля народа в Москве игнорировалась, а власти на местах спецпоселения крымских татар занялись изысканием и преследованием «организаторов», устройством всевозможных провокаций против национально сознательных и наиболее политически зрелых граждан крымских татар. Но подобные меры не могли сломить воли нашего народа — жить на своей родной земле, восстановить свою национальную государственность, созданную по

инициативе Ленина в 1921 году — Крымскую АССР. Участились письма, обращения и петиции народа в адрес правительства, начались массовые собрания и митинги трудящихся. Начиная с 1964 года народ организовал постоянное представительство крымских татар в Москве — непрерывно сменяющуюся, но постоянную делегацию, которая занималась систематизацией и сдачей в правительственные учреждения писем и обращений трудящихся, информированием представителей советской общественности о положении народа и регулярно выпускала и распространяла «Информацию», где сообщалось народу о количестве сданных документов, беседах с должностными лицами различных органов и учреждений столицы и прочее.

На местах спецпоселения крымских татар были созданы народом специальные «Инициативные группы содействия партии и правительству в решении национального вопроса крымскотатарского народа», которые состояли из активистов национального движения, наиболее уважаемых в народе людей. Ни в коей мере не выходя за рамки закона, «Инициативные группы» организовывали различные мероприятия, имеющие целью довести до сведения партии и правительства подлинные цели и устремления крымскотатарского народа, занимались сбором подписей под петициями в адрес правительства, сбором за счет пожертвований народа средств для отправки делегаций в Москву, для помощи семьям осужденных участников национального движения и т. д. Все списки выбранных народом членов инициативных групп — свыше 5000 человек — были сданы в ЦК КПСС. Регулярно организовывались всеобщие собрания представителей инициативных групп всех населенных пунктов, где проживают крымские татары, на которых вырабатывалась общенациональная точка зрения на все актуальные вопросы в жизни народа. Но вместо того, чтобы обсуждать с этими подлинными представителями народа пути решения его националь-

ного вопроса, власти обрушились на них репрессиями. Подверглись гонениям и репрессиям и делегаты народа в Москве, несмотря на то, что все они имели скрепленные тысячами подписей трудящихся мандаты с правом на представительство от имени народа. Нередко власти арестовывали, предавали суду, избивали и насильственно выдворяли их из Москвы.

Несколько встреч народных представителей в Кремле — в 1957 и 1965 гг. с Микояном, в 1966 г. с Георгадзе, в 1967 г. с Андроповым, Георгадзе, Руденко и Щелоковым — дали возможность представителям изъяснить волю народа непосредственно членам Советского правительства. Но их обещания рассмотреть и решить наш национальный вопрос остались невыполненными. Явились обманом народа и уклонением от решения основной проблемы также Указ Президиума Верховного Совета СССР № 493 «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму» от 5 сентября 1967 г. и Постановление № 494 «О порядке применения статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 г.», опубликованные в некоторых газетах Узбекской ССР 9 сентября 1967 года. В частности, в статье 2 Указа № 493 сказано, что «татары, ранее проживавшие в Крыму, укоренились на территории Узбекской ССР и других союзных республик». Неизвестно, откуда у Президиума Верховного Совета СССР подобные данные! Только сам народ может определить, укоренился он или нет. Крымскотатарский народ считает, что укорениться на местах принудительной ссылки вообще невозможно. Крымские татары проживают на территории Узбекской ССР и других союзных республик только потому, что им не разрешено жить у себя на Родине — в Крыму. Это мнение народа было отражено в сотнях тысяч писем и обращений, направленных народом в ЦК КПСС и в Президиум Верховного Совета СССР еще до выхода в свет этого указа и, в частности, в обращении крымскотатарского народа к

XXIII съезду КПСС, которое было скреплено подписями почти всех взрослых крымских татар.

Несмотря на то, что в следующем документе Верховного Совета СССР — в Постановлении № 494, опубликованном вместе с Указом № 493, говорилось, что крымские татары имеют право жить на всей территории СССР «в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме», тысячи выехавших в Крым татар были властями выдворены обратно с применением жестоких и бесчеловечных методов.

Стремление и воля народа по-прежнему игнорируются, усиливаются гонения и репрессии на крымских татар, требующих решения своего национального вопроса на основе Конституции СССР и ленинской национальной политики.

Ниже мы приводим некоторые неполные данные о репрессиях и провокациях властей, а также перечень судебных расправ над крымскими татарами, «преступлением» которых было лишь стремление жить на своей родной земле, стремление к равноправию и возрождению своего народа. Эти данные собраны из многочисленных обращений и заявлений трудящихся в адрес ЦК КПСС и других высших органов страны, обвинительных заключений, приговоров и определений судов над крымскими татарами и других материалов. Таким образом, приводимые факты могут быть проверены и подтверждены многочисленными документами и свидетельскими показаниями.

Дело Сеферова Энвера и Абдураманова Шевкета

10-11 октября 1961 года в г. Ташкенте коллегией по уголовным делам Ташкентского облсуда под председательством судьи Сергеева с участием прокурора Наумовой рассматривалось дело Сеферова Энвера, 1924 г. рождения, работавшего начальником НТО в СУ № 5 г. Ленинабада и Абдураманова Шевкета, работавшего

прорабом в СУ № 27 по обвинению в нарушении статей 60 ч. 1 и 64 УК Узбекской ССР, т. е. в антисоветской пропаганде и агитации и разжигании межнациональной розни.

В нарушении статьи 12 Уголовно-Процессуального кодекса УзССР, требующей гласности судебного разбирательства, суд над ними был закрытый. В приговоре суда утверждается следующее:

«... Сеферов Энвер, используя национальные чувства татар, составил, размножил и сам лично через посредство других распространял антисоветские документы, содержание которых было направлено на подрыв и ослабление Советской власти и против мероприятий, проводимых правительством и партией. В течение продолжительного времени изготовленные им документы были направлены по известным ему адресам жителей г. Чирчика, Намангана, Ферганы, Сухуми и в письмах к этим лицам предлагал распространять эти антисоветские документы и среди других татар. Таким образом, он совершил преступление, предусмотренное статьей 60 ч. 1 УК УзССР.

Абдураманов Шевкет в 1961 году был ознакомлен Сеферовым с антисоветскими документами, а затем получил от него 7 экземпляров этих документов для распространения среди жителей г. Ленинабада. 4 экземпляра он распространял среди жителей Чирчика. Этим самым Абдураманов совершил преступление, предусмотренное частью 1 статьи 60 УК УзССР...»

В приговоре не указано, какие конкретно антисоветские документы распространяли подсудимые, в чем выражался их антисоветский характер, в какой мере они направлены на подрыв и ослабление Советской власти и против каких «мероприятий, проводимых правительством и партией», выступали подсудимые. Не сказано в приговоре, что Сеферов Энвер и Абдураманов Шевкет выступали против преступных мероприятий, направленных на насильственную ассимиляцию и уко-

рение крымских татар на местах принудительного поселения, против уничтожения культуры и самобытности крымскотатарского народа. И согласно этому неаргументированному, заведомо неправосудному приговору Сеферов Энвер был приговорен к семи, а Абдураманов Шевкет к пяти годам лишения свободы в лагерях строгого режима.

В своем стремлении подавить любое проявление недовольства крымских татар своим положением ссыльно-переселенцев, власти в лице судьи Сергеева именем Узбекской ССР всего лишь за несколько написанных неугодных властям слов сослали этих озабоченных судьбой своего народа людей на многие годы в суровые лагеря Мордовии.

Дело о «Союзе крымскотатарской молодежи»

С декабря 1961 по апрель 1962 года в г. Ташкенте периодически собирались молодые люди крымскотатарской национальности, преимущественно студенты, рабочие и служащие из близлежащих районов города. На своих собраниях они читали стихи, обсуждали различные политические вопросы и в особенности проблемы своего крымскотатарского народа. С целью содействовать возвращению народа на Родину — в Крым, молодые люди намеревались организовать сбор подписей под петицией в адрес правительства с изъяснением воли народа. Таких собраний было всего четыре. Благородное начинание было прервано вмешательством КГБ. 8 апреля 1962 года четыре из числа молодых людей были арестованы. Это были:

Омеров Марат, 1937 г. рождения, со среднетехническим образованием, работавший мастером на Ташкентском тракторосборочном заводе,

Умеров Сеит-Амза, 1939 г. рождения — студент 2-го курса юридического факультета Ташкентского университета,

Асанов Ахмед, 1939 г. рождения, шофер и

Годженов Рефат, 1938 г. рождения, член КПСС, студент физико-математического факультета Ташкентского университета.

Через несколько дней Годженов Рефат и Асанов Ахмед были освобождены «за недостаточностью обвинительных материалов». Против же Марата и Сеит-Амзы началась фабрикация уголовного дела по обвинению в нарушении статей 60 и 62 УК УзССР, т. е. в антисоветской пропаганде и агитации, создании и руководстве антисоветской организацией «Союз крымскотатарской молодежи».

Судебный процесс начался 10 августа 1962 г. в г. Ташкенте и продолжался четыре дня. Дело слушалось Верховным Судом Узбекской ССР. Процесс был закрытый, не допускались и близкие родственники подсудимых. Несмотря на то, что все выступившие на суде свидетели — молодые люди, участвовавшие на собраниях — дали показания, что никакой антисоветской организации не было и что подсудимые не являются никакими руководителями и организаторами, суд признал их виновными в проведении антисоветской пропаганды, руководстве антисоветской организацией «Союз крымскотатарской молодежи» и приговорил Омерова Марата к четырем, а Умерова Сеит-Амзу к трем годам лишения свободы в лагерях строгого режима. Осужденным не были вручены даже копии приговоров.

Некоторые участники этих молодежных собраний были исключены из учебных заведений и уволены с работы. Из Ташкентского университета был исключен студент четвертого курса механико-математического факультета Ибраимов Эскендер, 1943 г. рождения, закончивший среднюю школу с золотой медалью и учившийся в университете на отлично. Из Ташкентского медицинского института приказом № 214 от 29 мая 1962 года, т. е. еще до суда над Маратом и Сеит-Амзой, «за участие в подпольной организации 'Союз крымскотатар-

ской молодежи» был исключен студент факультета педиатрии Курбитдинов Сейран. (Позднее он покончил жизнь самоубийством.) С работы были уволены Джемилев Мустафа и другие. Годженев Рефат был исключен из КПСС.

Неправыми приговорами, пронизанными лицемерной заботой о якобы государственной безопасности страны, и жестокими административными мерами власти пытались остановить все расширяющееся национальное движение за возвращение на свою землю, за национальное равновесие.

Милицейский произвол в г. Бекабаде и процесс над его жертвами

4 августа 1965 года, после многочисленных обращений крымских татар в адрес правительства, группа в количестве 10 человек из 57 находящихся в Москве представителей крымскотатарского народа была принята членом Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояном, заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. Палецкисом и другими официальными лицами. Выслушав требования представителей народа, Микоян обещал довести все это до сведения Президиума ЦК КПСС и сказал, что решение вопроса зависит от Президиума.

27 августа 1965 г. жителям г. Бекабада стало известно, что к ним должен приехать первый секретарь ЦК КП Узбекистана, кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Ш. Р. Рашидов. В этот день более тысячи крымских татар, после окончания рабочего дня собрались у здания бекабадского горкома партии, чтобы спросить у Рашидова, когда же будет объявлено решение Президиума ЦК КПСС по вопросу крымских татар. Но на собравшихся трудящихся были двинуты крупные милицейские силы, которые начали избивать и разгонять людей. Все это было совершено по приказу секретаря горкома партии Хуснутдинова.

Спустя 9 дней после этих событий, 6 сентября 1965 г. были арестованы трое наиболее активных участников национального движения крымских татар в г. Бекабаде: Хайретдинова Хатидже, 1924 г. рождения, присутствовавшая на приеме, устроенном Микояном 4 августа 1965 г.; Джемилев Эскендер, 1937 года рождения, преподаватель в школе и Сейдаметов Рефат, 1941 г. рождения, работавший шофером. Они были обвинены в нарушении статьи 204 УК УзССР, т. е. в хулиганстве.

Суд состоялся 11 сентября 1965 г. Вопреки требованию ст. 203 УПК УзССР, дело рассматривалось не в г. Бекабаде, где подсудимые якобы совершили инкриминируемое им преступление, а «народным судом» Орджоникидзевского района г. Ташкента, втайне от крымских татар. Сделано это было, конечно, для того, чтобы не допустить скопления крымских татар и возможные демонстрации протеста. На суд были привезены около 20 свидетелей, преимущественно милиционеров. Ни один крымский татарин не был допрошен в качестве свидетеля. Не был допущен адвокат, нанятый родственниками подсудимых, и подсудимые вынуждены были согласиться на защиту, назначенную судьей. Суд признал всех виновными в том, что они якобы подстрекали людей к беспорядкам, парализовали уличное движение и т. п. Хайретдинова Хатидже была приговорена к 6 месяцам, а Джемилев Эскендер и Сейдаметов Рефат к одному году лишения свободы каждый.

Представителями в Москве в различные советские и партийные инстанции были переданы многочисленные обращения и письма крымских татар, в которых трудящиеся, требуя освобождения невинно осужденных, описывали события 27 августа и перечисляли подлинных виновников организованных в этот день «беспорядков». Но дела осужденных не были пересмотрены. В то же время, карательные органы, обеспокоенные ростом возмущения крымских татар этим произволом, были готовы освободить осужденных, но хотели пре-

поднести это как жест милосердия. Например, заместитель начальника отдела по надзору Прокуратуры СССР О. П. Темушкин, принявший наших представителей в Москве 16 декабря 1965 г., заявил: — «Рекомендую вам обратиться в Президиум Верховного Совета Узбекской ССР о помиловании. И я уверен, что их освободят.» Представители отвергли это предложение.

Дело Мустафы Джемилева

В конце 1965 г. участились провокации сотрудников КГБ против одного из активистов национального движения нашего народа Джемилева Мустафы.

Джемилев Мустафа, 1943 г. рождения, в 1962 году был уволен с работы на предприятии П/Я 116 в г. Ташкенте за участие в якобы антисоветской организации «Союз крымскотатарской молодежи». В том же 1962 году он поступил в Ташкентский институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства. Но слежка органов КГБ за ним не прекращалась. Неоднократно в его жилище сотрудниками КГБ устраивались обыски, причем, по-воровски, втайне от самого хозяина. 29 марта 1965 г. было устроено объединенное заседание ректората и партийно-комсомольского актива института, где обсуждалось «персональное дело Джемилева Мустафы». Он обвинялся в том, что «участвует в различных националистических сборищах крымских татар» и написал в 1963 году «Краткий исторический очерк тюркской культуры в Крыму в XIII-XVIII веках», где отдельные вопросы трактовал «с позиций национализма» и «в разрез генеральной линии партии по национальному вопросу». Ему было предложено покаяться в своем участии в движении крымскотатарского народа, отказаться от положений, изложенных в очерке. В противном случае ему грозили отчислением из института, чтобы он, по словам секретаря парторганизации Гелязетдинова, не мог «заразить своими взглядами других студентов».

Джемилев, конечно, отказался принять такое предложение и просил, чтобы его в таком случае перевели в заочное отделение института. Просьба была удовлетворена, но травля продолжалась. На собрании комсомольского актива института было объявлено, что «Джемилев Мустафа скатился на путь национализма и шовинизма», ему вменялось в вину, что он отказался вступить в комсомол. 29 августа 1965 г. в гор. Гулистане он был избит милиционерами только за то, что на собрании трудящихся крымских татар зачитал отчет представителей крымскотатарского народа в Москве о встрече с Микояном 4 августа 1965 года.

7 сентября 1965 года он был исключен из института с формулировкой приказа совершенно не соответствующей истинному положению вещей и нелепой с юридической точки зрения: «за неявку для оформления дела и академическую неуспеваемость». Протесты юриста института Никановича и многих студентов не возымели положительных результатов. 29 сентября 1965 г. он был ночью остановлен на улице милиционерами, подвергнут обыску и оскорблениям. 30 сентября в отсутствие самого Джемилева была подвергнута обыску его квартира, изъяты документы и выкрадены личные деньги. Тогда Джемилев вылетает в Москву с целью обжаловать в вышестоящих инстанциях действия сотрудников КГБ, милиции и администрации института. Отдел высшего образования при министерстве сельского хозяйства СССР после неоднократных заявлений, наконец, рассмотрел вопрос об исключении Джемилева и, проверив факты, признал, что он отчислен незаконно, о чем было написано ректору института. Но после возвращения Джемилева в Ташкент началась серия новых провокаций. 31 декабря 1965 г. против него было возбуждено фиктивное уголовное дело по обвинению в нарушении ст. 70, ч. 1 УК УзССР, т. е. в уклонении от призыва в армию; с него была взята подписка о невыезде из города. Следствие утверждало, что он выезжал

в Москву лишь для того, чтобы уклониться от призыва в армию. 9 января 1966 г. неизвестные лица в городском автобусе подложили ему в карман ручные часы и пытались инсценировать кражу. Но провокация не удалась, а Джемилев был все же осужден на 15 суток ареста «за мелкое хулиганство». В апреле 1966 года он был предан суду по ст. 70, ч. 1 УК УзССР. Четыре раза суд откладывался, по признанию следователя Евдокимова, из-за большого скопления людей.

Наконец, 12 мая 1966 г. судебный процесс состоялся. Допросы свидетелей, защитительная речь Джемилева (он отказался от адвоката) выявили всю несостоятельность обвинения. В своем последнем слове Джемилев сказал: — «... Сотрудники КГБ взбешены тем, что мы собираем статистические данные о погибших на местах ссылки крымских татар, что собираем материалы против садистов-комендантов, которые издевались над народом в годы сталинщины и которые в соответствии с Уставом Нюрнбергского Трибунала должны предстать перед судом за преступления против человечества... В результате преступления 1944 года я потерял тысячи и тысячи своих братьев и сестер. И об этом надо помнить! Помнить так же, как о крематориях Освенцима и Дахау. Помнить, чтобы это больше никогда не повторилось. Помнить и в корне изживать нацистскую и шовинистическую гадину, порождением которой явились эти преступления. Но это кому-то не нравится...

Я надеюсь, что вы, вынося приговор по делу, будете руководствоваться только законом и справедливостью, заклейте позором виновных независимо от занимаемого ими положения и закроете тем самым в какой-то мере пути к произволу и официальной подлости. Если вы проявите страх перед преступными элементами из КГБ — это будет означать торжество и поощрение зла, олицетворением которого являются эти мерзавцы.»

Но вопреки всем данным судебного разбирательства, Джемилев был признан виновным в нарушении статьи

70, ч. 1 УК УзССР, приговорен к полутора годам лишения свободы и взят под стражу из зала суда.

Провокации не прекращались и в местах лишения свободы. Незадолго до освобождения Джемилеву и содержавшемуся в этом же лагере — на окраине Ташкента — Тызыкову Леннару, осужденному за участие в национальном движении народа, администрация лагеря предложила написать расписку о том, что выйдя на свободу они не будут участвовать в национальном движении своего народа. В случае отказа писать расписку, грозились продлить срок заключения, осудив «за антисоветскую пропаганду в лагере». Заключенные отказались писать расписки и заявили, что примут участие в движении своего народа с первых же дней после освобождения. Постановлением от 11 августа 1967 г. за подписью старшего оперуполномоченного Ситникова и начальника лагеря Габриэляна, Джемилев и Тызыков были водворены в изолятор за якобы «антисоветскую и националистическую пропаганду» среди заключенных. Из изолятора были освобождены через пять суток после голодовки, объявленной ими в знак протеста.

После освобождения из заключения, Джемилев долгое время не мог устроиться на работу. В институте также отказались его восстановить. Майор КГБ А. М. Свалов в беседе с Джемилевым Решатом, вызванным в КГБ на допрос в качестве свидетеля 22 января 1968 г., по этому поводу откровенно и цинично заявил: «Мустафа больше не будет учиться в институте. Потому что, если я допущу, чтобы его восстановили в институте, мне самому будут неприятности от начальства. И вообще, для нас спокойнее, если такие как Мустафа и Сервер [Шамратов] не будут иметь высшего образования. С интеллигенцией нам бороться труднее, чем с чернорабочими. Так пусть они будут чернорабочими...» (Из заявления Джемилева Решата в адрес председателя КГБ Андропова от 14 февраля 1968 г.)

27 июля 1968 г. в квартире Мустафы был произведен

обыск «с целью отыскания и изъятия литературы и документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй». Как видно из протокола обыска, изъяты несколько рукописей и стихов, не имеющих никакого отношения к указанной категории «литературы и документов». 13 сентября 1968 г. обыск был произведен повторно. Повидимому, фабрикуется новое «дело».

Суд над Дагджи Тимуром, Айше Сейтмуратовой и Сервером Шамратовым, г. Москва

В начале 1966 года, в связи с приближением XXIII съезда КПСС, число представителей крымских татар в Москве стало увеличиваться. К 5 марта 1966 г. в Москве уже было 125 человек. Увеличилось количество поступающих от народа писем и обращений с требованием решить его национальный вопрос. Только за период с 28 января по 18 марта 1966 г. в различные партийные и государственные инстанции в Москве было направлено 14.284 индивидуальных и коллективных письма. В ЦК КПСС было сдано всенародное обращение к XXIII съезду КПСС с более чем 120.000 подписями крымских татар. В семи томах были сданы данные о смертности крымскотатарского народа после выселения за период 1944-45 гг., поступали многочисленные телеграммы с требованием принять представителей крымскотатарского народа в Москве.

Наконец, 28 марта 1966 г., накануне открытия XXIII съезда КПСС, 10 человек из 70 собравшихся у приемной ЦК КПСС представителей крымских татар были приняты секретарем Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе. В ходе беседы Георгадзе заверил представителей, что национальный вопрос крымскотатарского народа будет рассмотрен в ближайшие послесъездовские дни — в течение 20-30 или немногим более дней — и просил представителей, чтобы они покинули Москву. Поверив слову Георгадзе, представители вы-

ехали из Москвы, оставив в столице всего несколько человек.

Но прошло втрое больше указанного М. Георгадзе времени, а национальный вопрос крымскотатарского народа не рассматривался. Во всяком случае, о решении правительства по этому вопросу не было объявлено ни народу, ни его законным представителям в Москве. Число представителей в Москве стало вновь увеличиваться. К 26 июня в Москве было 82 представителя. Был подготовлен всенародный запрос крымскотатарского народа в адрес ЦК КПСС с требованием сообщить народу о результатах решения вопроса с подписями более 115.000 крымских татар. С аналогичным требованием в адрес ЦК КПСС и членов правительства только за период с 17 мая по 26 июня 1966 г. поступило более 17.000 индивидуальных и коллективных писем.

Но власти Москвы приняли представителей народа с нескрываемым раздражением. В гостиницах города крымским татарам было отказано в прописке. Например, 11 июня 1966 г. приехавший в Москву представитель Мухтаров О. — член КПСС, устроился в гостинице ВДНХ. Но когда администрации гостиницы стала известна национальность Мухтарова, он был в полночь разбужен и выставлен в два часа ночи на улицу. От нервного потрясения Мухтаров заболел и попал в больницу. Почти так же были выставлены из гостиниц Москвы Османов Мухсим и Касимов Ягья, член КПСС, бывший нарком юстиции Крымской АССР. За всеми представителями была установлена слежка. Начальник охраны общественного порядка г. Москвы Волков, к которому представители обратились с жалобой, заявил: «Оставьте Москву, иначе мы вас будем выдворять в принудительном порядке.» С грозной руганью набросился на представителей народа и зав. приемной ЦК КПСС Строганов.

25 июня здание приемной ЦК КПСС было оцеплено отрядом милиционеров и «народных дружинников»,

которые под руководством генерала Волкова и сотрудников КГБ начали хватать представителей, вталкивать их в подогнанные два автобуса и увозить в управление милиции. Была схвачена и с выкрученными руками брошена в машину 60-летняя Айше Дагджи — активная участница крымского подполья в период нацистской оккупации. В управлении все были подвергнуты обыску и допросу. Работники милиции требовали от них подписки о «добровольном» выезде из Москвы. Но представители отказались писать подписку и на всех были составлены протоколы о «нарушении паспортного режима». Трое из числа задержанных: Османов Мухсим — инвалид с полным отсутствием зрения, Халилов Рустем и Кадыров Нариман были доставлены в «народный суд» Бауманского района, в течение 2-3 минут осуждены на 15 суток заключения «за срыв работы приемной ЦК КПСС» и водворены в Бутырскую тюрьму.

В знак протеста против этих действий властей в Узбекистане и других местах, где проживают крымские татары, прошли многочисленные митинги и собрания. В Москву вместо высланных прибыли новые представители народа. Уже 31 июля в Москве было 64 человека. Представители подробно описали прошедшие события и начали информировать об этом общественные организации, редакции газет и журналов в столице.

2 августа в машинописном бюро, на Трубной площади в Москве, были арестованы представители Асанов Риза — преподаватель ферганского пединститута и Шамратов Сервер, 1941 г. рождения, студент 3-го курса отделения арабского языка и литературы Ташкентского университета. Об их аресте другие представители ничего не знали.

8 августа группа представителей обратилась с запросом в КГБ о судьбе товарищей. Вместо ответа, сотрудники КГБ арестовали еще одного представителя из этой группы — Тимура Дагджи, 1932 г. рождения,

журналиста, сотрудника Ташкентского радиовещания. Против Тимура Дагджи и Сервера Шамратова было возбуждено уголовное дело по обвинению в нарушении ст. 74 УК РСФСР, т. е. в разжигании расовой и межнациональной розни. Им инкриминировались документы, в которых описывались бесчинства милиционеров, «народных дружинников» и сотрудников КГБ против представителей в Москве. Позднее к ним была присоединена Сейтмуратова Айше, 1937 г. рождения, преподавательница истории в школе № 7 г. Самарканда, арестованная на квартире 14 октября 1966 года.

Более 9 месяцев арестованные находились в Лефортовской тюрьме г. Москвы. Наконец, 19–20 мая 1967 г. состоялся закрытый судебный процесс. Несмотря на недоказанность обвинения, коллегия Мосгорсуда признала их виновными в нарушении статьи 74 и приговорила каждого к трем годам лишения свободы условно.

Расправы над участниками митингов и собраний в честь 45-летия Крымской АССР

18 октября 1966 года исполнялось 45 лет со дня образования постановлением ВЦИК и Совета Народных Комиссаров за подписью М. Калинина, В. Ленина и А. Енукидзе Крымской Автономной Советской Социалистической Республики.

Начиная с 8 октября 1966 г. во многих городах и поселках, где проживают крымские татары, в честь этой знаменательной для нашего народа даты, прошли митинги и собрания трудящихся. Несмотря на то, что участники собраний и митингов не нарушали общественного порядка и в своих выступлениях не допускали каких-либо высказываний против государственного строя, все они разгонялись силами милиции, «народных дружинников» и КГБ, а в некоторых местах с помощью войск внутренней службы. Разгоны собраний и митингов зачастую проводились по указанию и под прямым руководством самых высокопоставленных лиц местной

администрации (секретарей горкомов и обкомов партии, прокуроров, председателей горисполкомов и т. п.) и поэтому трудно допустить, что это делалось без ведома и указаний правительства, по меньшей мере, Узбекской ССР.

Ниже мы приводим краткие описания действия властей по разгону и предотвращению митингов и собраний трудящихся крымских татар в некоторых городах и населенных пунктах Узбекской ССР.

г. А н д и ж а н. 8 октября 1966 г. крымские татары города решили провести митинг на стадионе гидролизного завода. Но к намеченному часу подошли пожарные машины и начали поливать стадион водой. Тогда люди направились к парку отдыха этого же завода. Собралось более тысячи человек. Не успел начаться митинг, как приехал наряд милиции во главе с подполковником Парпиевым и секретарем горкома партии Поведко, который потребовал собравшихся разойтись. Несмотря на угрозу применить силу, никто не расхотелся. Митинг был проведен. Под резолюцию с требованием вернуть крымскотатарский народ на Родину и восстановить Крымскую АССР было собрано более тысячи подписей.

18 октября г. Андижан и его окрестности с 5 часов патрулировались милиционерами и солдатами. На всех дорогах, связанных с центром, были установлены посты милиционеров и «дружинников», которые останавливали машины, ссаживали крымских татар, если их находили, и отправляли обратно, даже в том случае, если они направлялись в город явно по служебным делам. В городе циркулировал, поддерживаемый определенными лицами, слух, что будто татары собираются бунтовать. Особенно охранялась — двойным кордоном из милиционеров и «дружинников» — Октябрьская площадь, где на 18 часов было намечено провести митинг трудящихся крымских татар. Вскоре площадь была засыпана хлопком якобы для сушки, что раньше никогда не делалось.

г. Фергана. На митинге присутствовало более двух тысяч человек. Через 5 дней выступавшие на митинге Османов Мухсим — инвалид и Ниметуллаев Велиулла — преподаватель школы были арестованы и подвергнуты аресту на 15 суток «за мелкое хулиганство». Ниметуллаев был вызван и арестован милиционерами прямо с урока в школе.

В. г. Маргилане, расположенном в 12 км от г. Ферганы, митинг был разогнан сотнями милиционеров. Руководил операцией начальник милиции.

г. Янгиюль, Ташкентская область. 18 октября, чтобы не допустить намеченного к 6 часам вечера возложения венка у памятника Ленину и митинга в честь 45-летия Крымской АССР, парк, где находился памятник Ленину, был заперт на замок, а у ограды парка стояли милиционеры. Работники КГБ и милиции вызывали крымских татар в свои кабинеты и требовали расписки, что они не будут участвовать в митингах.

г. Ташкент. 18 октября студенты и молодые люди крымскотатарской национальности намеревались возложить букеты цветов и венки у памятника Ленину на Красной площади. Но пришедшие на площадь молодые люди увидели приблизительно следующую картину: памятник Ленину со всех сторон был огорожен забором более чем 3-метровой высоты. По обеим сторонам памятника стояли по две пожарные машины с готовыми к действию брандспойтами; по углам справа и слева трибуны были расставлены милицейские машины; площадь была заполнена милиционерами. Навстречу к подошедшим с цветами молодым девушкам вышли милиционеры с резиновыми дубинками и потребовали разойтись. Тогда молодые люди направились к другому памятнику Ленина, расположенному на Театральной площади. Но и здесь милиционеров и сотрудников КГБ было больше чем крымских татар. Все же молодым людям удалось прорвать цепь милиционеров и с возгласами «Да здравствует Крымская республика!» — воз-

ложить цветы у памятника. Подошел дополнительный наряд милиции и начали хватать людей. Несколько десятков молодых людей было арестовано.

Крупные митинги прошли в гг. Коканде, Учкудуке, Янгикургане. Действия властей были везде почти одинаковы. Речи выступавших на этих митингах заглушались сигналами милицейских автомобилей, милиционеры на больших скоростях кружили вокруг мест митингов и специально поднимали пыль, были стянуты пожарные подразделения. 6 человек из числа выступавших на митинге были арестованы и осуждены на 15 суток «за мелкое хулиганство». Руководили всем этим начальники местных отделений КГБ и милиции Зайцев, Новиков, Закиров и др.

г. Ангрэн, Ташкентская область. Митинг прошел 9 октября. Выступавшие в своих речах с уважением говорили о Ленине и его декрете от 18 октября 1921 года об образовании Крымской АССР, высказывали надежду, что национальный вопрос крымских татар будет рассмотрен правительством и решен в соответствии с нормами ленинской национальной политики. Прибывшие на место митинга начальник милиции Рыгачев и начальник КГБ Ласько с отрядом милиционеров потребовали собравшихся разойтись. Рыгачев и Ласько запугивали собравшихся Указом Президиума Верховного Совета Узбекской ССР от 27 сентября 1966 года о дополнениях к главе 9 — «Преступления против порядка управления» — Уголовного кодекса Узбекской ССР, говоря, что он издан только для крымских татар и будет применен, если они не разойдутся. Митинг все же удалось провести до конца. Но 15 октября при возвращении с работы без всякого основания были задержаны участники митинга 9 октября Абдураманов Амет, Гафаров Ридван, Тызыков Леннар и Чокмар А. Р. Вечером, узнавшие об этом люди собрались у здания милиции, чтобы выяснить причины ареста. С приближением ночи полковник облмилиции приказал разо-

гнать собравшихся водяными струями из брандспойтов. Милиционеры, среди которых было и много пьяных, набрасывались на людей и заталкивали их в здание милиции. Много граждан получили ранения. 28 человек было схвачено. На следующий день в г. Ангрен прибыли три полных грузовика солдат, которые патрулировали в городе. Распускались ложные слухи, что будто крымские татары намереваются поднять восстание. Собравшиеся вновь у здания милиции крымские татары были окружены «дружинниками» и милиционерами. И вновь были произведены аресты.

В г. Кува са е Ферганской области митинг в честь 45-летия Крымской АССР был разогнан милиционерами под руководством председателя горисполкома Ахенянца. Милиционеры сбросили со стола президиума бюст Ленина, изорвали Конституцию СССР, скручивали людям руки и вталкивали в тюремные машины. В тюремную машину был брошен и бюст Ленина.

г. Бе ка ба д, Ташкентская область. 8 октября на городской площади им. Ленина собрались свыше двух тысяч человек. Школьники с пионерскими галстуками возложили венок с надписью: «Великому Ленину от крымскотатарского народа в честь 45-летия образования Крымской АССР». Несмотря на то, что милиционеры с помощью мегафонов пытались заглушить выступления ораторов и спровоцировать беспорядки, митинг проходил организованно. Через некоторое время милиционерами были задержаны Бекиров Лютфи и Кадыров Нариман по обвинению в организации митинга. Но по требованию собравшихся они вскоре были освобождены.

На следующий день были арестованы Шабанов Эльдар, открывший митинг 8 октября, Касымов Диливер, выступавший на митинге, и повторно Бекиров Лютфи. Люди отправились к зданию милиции заявить протест против арестов. Не допуская нарушений порядка, под проливным дождем люди ждали до поздней

ночи. Ночью собравшихся начали поливать водой из пожарных шлангов и вынудили разойтись. 10 октября в город были вызваны несколько машин солдат из г. Ташкента и охраны из находящегося недалеко от г. Бекабада лагеря для заключенных. Милиционеры и солдаты были расставлены на всех улицах и тротуарах города буквально через каждые 15-20 шагов. Несмотря на это более тысячи крымских татар вновь собрались у милиции в знак протеста против незаконных арестов. Вышедший из здания милиции облпрокурор Смирнов стал кричать на собравшихся, оскорблять их национальные чувства. В ответ на замечания что он пьян и ведет себя непристойно, Смирнов пришел в ярость и приказал милиционерам хватать и разгонять людей. На помощь милиционерам были вызваны несколько грузовиков с солдатами. С машин были выгружены и ящики с боевыми патронами. Под ударами дубинок люди металась в двойном кольце милиционеров и солдат с автоматами наперевес. Били не разбирая ни женщин, ни детей, ни стариков. Было много раненых, которых подобрали заранее подготовленные санитарные машины. Арестовано было более 30 человек, в том числе Сейтмуратова Хатидже с годовалым ребенком на руках. Аресты были произведены и на следующий день. 12 октября был поднят с больничной койки и арестован Дагджиев Али-Риза, член КПСС.

Большинство арестованных за участие в митингах в честь 45-летия Крымской АССР были осуждены на 15 суток заключения «за мелкое хулиганство» и по отбытии срока освобождены. 17 человек из числа арестованных в г. Ангрене и г. Бекабаде были преданы суду по обвинению в организации массовых беспорядков, в сопротивлении законным требованиям властей и распространении документов, содержащих ложные измышления против советского строя.

3-12 ноября 1966 г. Ташкентский областной суд под председательством Сергеева, при участии прокурора

Ахмедова и защитников Романенко, Осипова и Халилова, фактически выступивших с поддержкой обвинения, слушал дело семи арестованных в г. Бекабаде 10-12 октября 1966 г.:

Гусейновой Леннары, 1939 г. рождения, инженера ПТО УНР 714,

Сейтбекирова Адиля, 1938 г. рождения, главного инженера Бекабадского хлебзавода,

Сахат Мустафы, 1937 г. рождения, инженера Матчинского ХТС, на иждивении 72-летний отец и четверо детей,

Дагджиева Али-Ризы, 1937 г. рождения, диспетчера РЭС, члена КПСС,

Караева Энвера, 1930 г. рождения, шофера,

Аламанова Рустема, 1935 г. рождения, бригадира столярного цеха Ремонтного участка № 43 и

Джепперова Нуритдина, 1940 г. рождения, шофера АТК № 3, на иждивении мать, 4 детей, вдова и дети погибшего брата.

На суд был привезен полный автобус лжесвидетелей-милиционеров и агентов КГБ. Все подсудимые были признаны виновными в нарушении ст. 192 и 191-6 УК УзССР, т. е. в сопротивлении властям, организации и активном участии в «массовых беспорядках» 8-10 октября в г. Бекабаде, пятеро осуждены к лишению свободы на срок до двух лет строгого режима, двое — Гусейнова и Сейтбекиров к 6 месяцам и одному году «исправительных работ» с удержанием 20 % заработка в пользу государства. Суд вынес также постановление возбудить против свидетеля — крымского татарина, давшего на суде правдивые показания о злодеяниях милиционеров и солдат против крымских татар 10 октября, уголовное дело по обвинению в даче заведомо ложных показаний.

28-30 ноября 1966 г. Ташкентским облсудом вновь под председательством Сергеева разбиралось дело первой

группы крымских татар, арестованных в г. Ангрене 15 октября 1966 г.:

Абдураманова Мансура, 1936 г. рождения, шофера автобазы «Узбекуголь»,

Абдулджемилева Джемшара, 1934 г. рождения, шофера автобазы № 72,

Патель Анназа, 1914 г. рождения, шофера подразделения П/Я 29 и

Усеиновой Салихи, 1932 г. рождения, рабочей горбыткомбината.

Все они были обвинены в нарушении ст. 191-6 и 192 УК УзССР и осуждены на сроки до 2-х лет лишения свободы. В приговоре совершенно лживо утверждается, что осужденные в группе свыше 100 человек ворвались в помещение милиции и требовали освобождения арестованных, сорвали дверь в коридоре, сорвали погоны с начальника милиции, подстрекали людей не подчиняться требованиям милиции и т. п. На суде были допрошены лжесвидетели из числа милиционеров и «дружинников», но не был допрошен ни один крымский татарин.

3-11 февраля 1967 г. в Ташоблсуде под председательством Артемова, с участием прокурора Бочарова рассматривалось дело второй группы крымских татар, арестованных в г. Ангрене 15 октября 1966 г. Перед судом предстали:

Абдураманов Амет, 1913 г. рождения, уроженец дер. Черкес-Кермен в Крыму, член КПСС, участник Отечественной войны, образование среднее, работал диспетчером угольного разреза,

Гафаров Ридван, 1915 г. рождения, уроженец г. Симферополя, участник Финской и Отечественной войны, инвалид, работал электромонтером на предприятии П/Я 29,

Тызыкков Леннар, 1936 г. рождения, член КПСС со среднетехническим образованием, механик ДСУ-2,

рабочие Чокмар А. Р., 1917 г. рождения и Каралиева Медине, 1927 г. рождения, маляр, мать 4-х детей.

К этой же группе был присоединен Халибаев Сейдамет, 1936 г. рождения, арестованный в г. Москве 4 ноября 1966 г.

Суд проходил в тесном помещении, вмещающем около 20 человек и заполненном в основном агентами КГБ. Подсудимые обвинялись в организации митинга 9 октября 1966, который был переименован судом в «массовые беспорядки», а также в том, что зачитывали письмо С. П. Писарева — члена КПСС с 1920 г. в адрес Брежнева о положении крымских татар. Этот документ был объявлен судом антисоветским и фальшивкой, написанной самими подсудными, поставившими фамилию якобы не существующего С. П. Писарева.

Абдураманов и Халибаев были осуждены к двум годам лишения свободы в лагерях строгого режима, Тызыклов, Гафаров, Чокмар — каждый к одному году лишения свободы в лагерях общего режима, а Каралиева Медине — вдова, мать четырех несовершеннолетних детей, к принудительным работам с удержанием 20 % заработка в пользу государства.

Таким образом, результатами чествования 45-летия Крымской АССР, образованной в 1921 году по декрету основателя советского государства В. Ленина, для нашего народа явились тысячи избитых и облитых водой из пожарных машин, сотни арестованных на сроки до 15 суток и 17 осужденных на длительные сроки. Таковы результаты использования нами своего права на свободу собраний и митингов, гарантированного статьей 125 Конституции СССР.

Дело Караяева Исмаила, Абдураманова Абдугафара и Абдуллаева Эсвета. г. Фергана

В феврале и марте 1966 г. секретарь Ферганского обкома партии Гаврилов, выступая на партийных собраниях Маргиланского шелкомотального комбината и Ферганского текстильного комбината, допускал оскорбительные в адрес крымскотатарского народа выраже-

ния, пытался изобразить национальное движение крымских татар за возвращение на Родину и восстановление автономии как действия отдельных антисоветски настроенных лиц и групп.

17 марта 1966 г. группа коммунистов и беспартийных крымских татар в числе 38 человек направила по этому поводу жалобу в ЦК КПСС и требовала привлечения Гаврилова к ответственности по ст. 64 УК УзССР, т.е. за разжигание межнациональной розни. Но вместо привлечения к ответственности Гаврилова, власти г. Ферганы 20, 21 и 22 сентября 1966 г. арестовали трех граждан из числа подписавших жалобу на действия Гаврилова: Караева Исмаила, 1915 г. рождения, член КПСС, агронома, Абдуллаева Эсвета, 1938 г. рождения, студента II курса Ферганского пединститута и Абдураманова Абдугафара, 1929 г., каменщика химзавода.

Суд под председательством зампредоблсуда Ли при участии прокурора Медведева признал подсудимых виновными по статьям 112 и 113 УК УзССР и приговорил Караева к одному, Абдураманова к двум и Абдуллаева к трем годам лишения свободы. В приговоре, в частности говорилось: «... Караев Исмаил, Абдуллаев Эсвет, Абдураманов Абдугафар, проживая в жилгородке Ферганского текстильного комбината, стали на путь активной агитации среди крымскотатарского народа за возвращение в Крым и в этой деятельности публично оскорбляли и распространяли заведомо ложные измышления, соединенные с обвинением секретаря Ферганского комитета КП Узбекистана Гаврилова А. Ф. в совершении государственного преступления.»

Таковы результаты обращения в ЦК КПСС с жалобой на преступные действия высокопоставленных чиновников.

Процессы в г. Андижане

22 апреля 1967 г. в г. Андижане, в ознаменование 97-летия со дня рождения Ленина, крымские татары

решили возложить венок у его памятника с соответствующей надписью. В 5 часов вечера колонна крымских татар двинулась к центральной площади, где стоял памятник Ленину. Впереди шли школьники и несли венок. Но на площади уже было сотни четыре милиционеров, вооруженных резиновыми дубинками. Несколько в стороне в полной боевой готовности стояли солдаты. Навстречу колонне крымских татар двинулись несколько милицейских мотоциклистов. Едва не наехав на людей, они остановились у колонны. Выступивший вперед председатель Андижанского горисполкома Салиев потребовал, чтобы ему показали ленту венка. Ознакомившись с надписью: «В. И. Ленину от изгнанных крымских татар» председатель горисполкома закричал: «Не позволю! Разогнать!» Побойщем, начавшимся по его команде руководили начальник городского управления милиции Камбаров и прокурор Хусанов. Милиционеры в первую очередь вырвали и уничтожили венок и начали швырять и бить людей, в том числе детей и женщин. Несколько десятков человек было схвачено. Многие схваченные были осуждены на 15 суток «за мелкое хулиганство», а против пятерых было возбуждено уголовное дело по обвинению в нарушении статей 191-6, 192, 204 УК УзССР — в организации и активном участии в «массовых беспорядках», сопротивлении властям и хулиганстве.

29-30 мая 1967 г. проходил судебный процесс над Велиуллаевым Айдером, 1940 г. рождения, работавшим электромонтером. Согласно определению № 299-к Верховного Суда УзССР от 3 июля 1967 года, рассмотревшего в кассационном порядке дело Велиуллаева, он обвинялся в том, что «принимал активное участие в группе татар, которые шли по проспекту Навои с целью возложить венок у памятника Ленину с недозволенной надписью: 'От изгнанных крымских татар'». Далее утверждается, что будто Велиуллаев вышел вперед, стал оскорблять председателя горсовета, нанес удары

работнику милиции и дружиннику. В действительности же Велиуллаев, как он указывал на суде, был схвачен в момент, когда пытался отвести руку милиционера, который избивал женщину с ребенком. На суде Велиуллаева по вполне понятным причинам не были допрошены многочисленные, изъявившие желание дать показания, свидетели из числа крымских татар. Суд проводился скрыто, не были извещены даже родители подсудимого. На основании ложных измышлений лже-свидетелей и лжепотерпевших-милиционеров Велиуллаев Айдер был приговорен к трем годам лишения свободы.

С 30 мая по 3 июня проходил суд над Абдулджемилевым Февзером, 1939 г. рождения, студентом III курса Медицинского института по совместительству с учебой работавшего фельдшером в детской поликлинике № 2, Гулиевым Босе, 1932 г. рождения, слесарем СМУ, на иждивении которого 7 человек и Ходжаевой Ульвие, 1940 г. рождения, работавшей секретарем-машинисткой в редакции газеты «Пахтакор». Им вменялось в вину почти то же что и Велиуллаеву Айдеру. Среди прочих нелепых утверждений приговора было и то, что будто девушка Ходжаева Ульвие нанесла тяжелое телесное повреждение начальнику городского управления милиции подполковнику Камбарову — человеку крупного телосложения и двухметрового роста, который и был на суде главным «потерпевшим». Между тем, именно Камбаров, бывший в сталинские времена комендантом над ссыльнопереселенцами, а также руководители Андижанской области Шалыгин, Лапшин и другие, впоследствии отстраненные от работы за чрезмерно аморальные действия, были прямыми организаторами избиения участников законной демонстрации, которая должна была завершиться возложением венка к памятнику Ленина. Несмотря на неопровержимые показания свидетелей крымских татар, допрошенных после неоднократных требований, которые полностью выявили

несостоятельность обвинения, обсуд г. Андигана под председательством Тюнеева Э. В. с участием прокурора Махмудова использовал сбивчивые и противоречивые показания свидетелей обвинения и приговорил каждого к трем годам лишения свободы.

Третий судебный процесс был над несовершеннолетним Аблязизовым Абдувели. Суд был закрытый и стал известен татарской общественности значительно позже. Ни родственники, ни близкие мальчика не были о суде оповещены. Закрытым судом под председательством Султанова Аблязизов Абдувели был приговорен к одному году лишения свободы.

Процесс двенадцати. г. Ташкент

21 июля 1967 года 20 человек из числа более чем 400 приехавших в Москву представителей были приняты председателем КГБ Андроповым Ю. В., секретарем Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко и министром охраны общественного порядка СССР генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко и Щелоковым.

Андропов, ссылаясь на решение заседания Политбюро ЦК КПСС от 20 июля 1967 г. объявил, что в ближайшие дни ЦК «громко и публично» снимает с крымскотатарского народа огульное обвинение в предательстве, т. е. крымские татары будут политически реабилитированы. По вопросу о возвращении крымских татар в Крым Андропов сказал, что ЦК хочет решить его, но что требуется дополнительное изучение вопроса. Была достигнута определенная договоренность относительно пересмотра дел и освобождения ранее осужденных участников национального движения крымскотатарского народа. На вопрос, будут ли созданы условия, чтобы представители смогли рассказать народу о приеме и передать итоги беседы, Андропов сказал: «Я сегодня же позвоню Рашидову и скажу, чтобы в Узбеки-

стане представителям крымскотатарского народа были выделены помещения, где они могли бы в присутствии местных органов власти разъяснить народу о намечающемся решении, т. е. о политической реабилитации».

По возвращении представителей из Москвы в ЦК УзССР были поданы многочисленные заявления коллективов крымских татар с просьбой предоставить помещения для встречи с участвовавшими на приеме представителями. Четыре раза коммунисты из числа крымских татар безрезультатно посещали ЦК КП Узбекистана добиваясь встречи с Рашидовым по вопросу о предоставлении помещений. Почти месяц прошел в ожидании. 24 августа в высшие органы Узбекистана были направлены делегации повторно. Одновременно в письменной форме ЦК КП Узбекистана был уведомлен, что в случае непредоставления помещений, народ воспользуется статьей 124 Конституции УзССР, предусматривающей свободу собраний и митингов, и соберется для встречи со своими представителями на открытом месте. Но вновь правительственные органы не дали положительных ответов.

В воскресенье 27 августа в 16 часов на сквере Революции в центре г. Ташкента собралось более двух тысяч человек — граждан крымскотатарской национальности, в том числе приехавших из разных городов и поселков Ташкентской области. Сквер к этому времени был окружен моторизованными частями милиции. Несколько взводов и рот милиции начали отеснять собравшихся людей к выходу из сквера. Работники КГБ давали милиционерам соответствующие указания. Немало партийных работников, у которых «не было времени» принять представителей крымских татар, находились здесь же и спокойно созерцали эту картину. Собравшиеся люди, не оказывая ни малейшего сопротивления, постепенно покидали сквер и направлялись к площади у Театра оперы и балета им. Навои. Но и площадь у театра была заполнена милиционерами и

«народными дружинниками», которые вскоре начали действовать. В протесте по поводу событий этого дня и 2 сентября 1967 г. в городе Ташкенте, подписанном тысячами крымских татар, так описывалась картина, развернувшаяся на площади у театра:

«... Отряды 'блустителей порядка' набрасывались на безоружных мирных граждан, отряды юнцов чуть выше среднего школьного возраста, одетые в черные рубашки, что весьма символично, с рвением, достойным лучшего применения, выкручивали руки и зажимали рты женщинам, выкрикивающим гневные протесты. Оглушительные свистки заглушали испуганный детский плач. Чины КГБ, объезжая и обходя места событий, указывали молодчикам и 'блустителям порядка' кого следует схватить и увести. В боевой готовности стояли вызванные солдаты внутренней службы... Тысячи людей других национальностей, иностранные граждане стали свидетелями позорнейшего акта — расправы над ни в чем неповинными людьми. Единственным их стремлением было скорейшее возвращение на свою, политую потом и кровью многих поколений, крымскую землю. Единственной виной этих людей было требование равноправия... Слышите ли вы, 'товарищи' руководители партии и правительства!? События 27 августа лежат на вашей совести. Вы могли не допустить их!...»

На площади было арестовано свыше 15 человек.

Вечером близкие и товарищи арестованных пришли к зданию МООН, чтобы узнать об их судьбе. Находившиеся здесь работники КГБ и милиции с яростью бросились на подошедших. Им крутили руки и волокли к зданию МООН. Так было схвачено еще 21 человек.

2 сентября крымские татары, приехавшие из многих концов Узбекистана, решили обратиться с протестом в ЦК КП Узбекистана. Но вся площадь перед ЦК было занята милиционерами, курсантами школы милиционеров и переодетыми в милицейские формы солдатами. Стадион «Пахтакор», расположенный недалеко от зда-

ния ЦК, был также заполнен солдатами. Вдоль реки Анхор расположились сотни одетых в черные рубашки молодых парней, также мобилизованных на «облаву крымских татар». Автостанции, железнодорожный вокзал и аэропорт города были заполнены агентами КГБ, которые высматривали среди приезжающих граждан крымскотатарской национальности. С одиннадцати часов дня части милиции совместно с агентами КГБ стали разгонять и арестовывать крымских татар, появляющихся в центральной части города и у здания ЦК КП Узбекистана.

В результате всех «операций» 27 августа и 2 сентября 1967 г. было арестовано более 130 человек, большинство из которых были освобождены через 15 суток. За тюремной решеткой было оставлено 10 человек:

Альчиков Арсен, 1941 г. рождения, зам. начальника техотдела треста Ташоблсельхозстрой, ранее, в 1966 году, исключенный из КПСС за активное участие в национальном движении своего народа,

Контуганская Тамара, жена Альчикова Арсена, уроженка г. Евпатории, образование высшее, работала учителем немецкого языка в школе,

Челебиев Джелял, 1936 г. рождения, руководитель группы инженеров Узгоспроект,

Ибраимов Зейтулла, 1938 г. рождения, инженер ПТО УНР-238,

Асанов Усеин, 1930 г. рождения, грузчик из г. Алма-лыка,

Абдулхакова Эльмира, 1947 г. рождения, студентка Ташкентского института связи,

Кадыров Нариман, 1937 г. рождения, инженер, выпускник Душамбинского политехнического института,

Асанов Парих, 1943 г. рождения, выпускник Ташкентского транспортного ин-та,

Сейтаблаев Сейтхалил, 1928 г. рождения, электро-сварщик Трансформаторного завода в г. Чирчике.

[Мустафаев Энвер]

Против них было возбуждено уголовное дело по обвинению в организации массовых беспорядков и сопротивлении властям — статьи 191-6 и 192 УК УзССР. Уголовное дело с аналогичным обвинением было возбуждено и против оставленных на свободе под подпиской о невыезде из города, двух граждан:

Джемилева Решата, 1932 г. рождения, начальника участка в СУ-38 Главташкентстрой и

Сулеймановой Сайде, 1930 г. рождения, рабочей, матери 3-х несовершеннолетних детей.

Джемилев Решат — один из 20 представителей, участвовавших на приеме у Андропова, Георгадзе, Руденко и Щелокова 21 июня 1967 г. в Кремле.

Судебный процесс начался в 10 час. утра 28 ноября и продолжался 15 дней — до 13 декабря 1967 г. Дело слушалось Ташкентским горсудом под председательством судьи Сметанина, при участии прокурора Одинова. Как и предыдущие процессы над крымскими татарами, судебный процесс над 12 гражданами проходил в тесном зале, предварительно почти заполненном агентами КГБ, которые рассаживались по всем углам и зорко следили, чтобы присутствовавшие не записывали ход судебного процесса. Уличенные в этом «нарушении» оштрафовывались этим же судом на 10 рублей и выводились из зала. Так были выведены из зала суда Джемилев Мустафа, Самедяев Вели, Асанова Зампира, несмотря на то, что в числе подсудимых был ее родной брат Асанов Парих, и некоторые другие слушатели. «Свидетелями» выступали несколько десятков солдат, милиционеров и высокопоставленных чинов из министерства охраны общественного порядка УзССР, руководивших карательными операциями против крымских татар 27 августа и 2 сентября 1967 года. Ходатайства подсудимых о вызове дополнительных свидетелей, предоставлении Уголовно-процессуального кодекса, т. к. большинство подсудимых отказались от адвокатов, не были удовлетворены. Было отклонено

мотивированное заявление Челебиева Джеляла об отводе состава суда.

«Свидетели» из числа карателей, как заученный урок, излагали против подсудимых самые невероятные обвинения, вроде: изорвал рубашку и избил милиционера, кричал «Долой Советский Союз!» и тому подобные небылицы. Но эти же «свидетели» под перекрестным допросом подсудимых быстро противоречили своим показаниям и произвольно рушили так тщательно состряпанное обвинение. Тогда в допрос вмешивались судья и прокурор, которые снимали вопросы подсудимых, задавали свидетелям наводящие вопросы или просто прекращали допрос, говоря, что подсудимые, пользуясь неграмотностью свидетеля, хотят его запутать.

Отказ суда удовлетворить ходатайства подсудимых о предоставлении им Уголовно-процессуального кодекса вынудил подсудимых согласиться нанять защитников. Но адвокаты, особенно адвокат Лаховский, вместо оказания помощи подсудимым, исполнял по существу роль подручных прокурора.

После неоднократных ходатайств подсудимых были допрошены несколько свидетелей из числа крымских татар, которые своими показаниями опровергли все возведенные на подсудимых обвинения. Свидетели Хайбуллаев и Хаиров Иззет, допрошенные по ходатайству подсудимых Ибраимова и Челебиева, рассказали кроме того суду и о многочисленных провокациях агентов КГБ, направленных на спровоцирование беспорядков. Но не угодные обвинению показания не были учтены, а в некоторых случаях даже не были занесены в протокол суда.

Свою обвинительную речь прокурор Одинцов начал словами:

«Товарищи! Мы строим коммунизм — это трудное дело. После гражданской войны наша страна пережила большие трудности. Особенно много жертв при-

несла Великая Отечественная война. Ни для кого не секрет, что в разгар войны в 1942 году в районе Северного Кавказа и Крыма малыми народами было совершено массовое предательство, вследствие чего в 1944 году они законно были выдворены из этих районов. Верховное командование сделало это правильно. Затем правительство сочло нужным восстановить их гражданские права и восстановило... А татары, ранее проживавшие в Крыму, пришли требовать какую-то автономию!...»

Напомнить, что эти слова произносились через десять лет после восстановления автономии народов Северного Кавказа и после Указа о политической реабилитации крымскотатарского народа от 5 сентября 1967 г. Позднее несколько человек — Куртумеров Зевджет, студент Сельскохозяйственного института, Джемилев Рефат, физик-аспирант и некоторые другие, слышавшие это шовинистическое выступление, обратились в высшие судебные инстанции с требованием привлечь этого прокурора к ответственности по ст. 64 УК УзССР. Но заявления, конечно, остались без удовлетворения. Не был привлечен к ответственности и «свидетель» лейтенант Джумаев, который, после того как был полностью разоблачен подсудимыми как лжесвидетель, заявил: «Вы Крым продали, что вам еще надо!»

Последние слова подсудимых прерывались судьей репликами: «Вы говорите о себе!», «Причем тут национальный вопрос!», «Вы только можете просить суд о чем-либо!...» и т. д.

13 декабря 1967 г. суд вынес обвинительный приговор, согласно которому подсудимые приговаривались: Челебиев Джелил и Ибраимов Зейтулла к трем, Кадыров Нариман и Асанов Парих к двум с половиной, Альчиков Арсен к двум, Асанов Усеин к одному и Мустафаев Энвер к полутора годам лишения свободы. Для Челебиева и Мустафаева были назначены лагеря строгого режима. Сейтаблаев, Контуганская и Абдулхакова

были приговорены к срокам до 3-х лет условно, а Джемилев Решат к «исправительным работам» с удержанием 20 % зарплаты в пользу государства сроком на 1 год.

В день вынесения приговора власти, видимо сами осознавая его неправомерность и опасаясь народного гнева, подтянули к зданию суда подразделения милиции и пожарные машины. За домом № 44 был спрятан автобус ТНГ 42-79 наполненный солдатами. Для руководства «операцией» по вывозу осужденных прибыл генерал милиции с многочисленной свитой полковников, подполковников и чинов поменьше.

Таким образом, власти, несмотря на многочисленные обращения в адрес правительства, не только не произвели подробного расследования злодеяний милиции и КГБ против крымских татар 27 августа и 2 сентября, но с помощью этого судебного фарса пытались возложить ответственность за события этих дней на самих же крымских татар.

Дело Керимова Ахмеда, г. Москва

22 января 1968 г. в Москве состоялся закрытый судебный процесс над одним из направленных народом в Москву представителей Керимовым Ахмедом, по обвинению в нарушении ст. 190-1 УК РСФСР, т.е. в распространении заведомо ложных измышлений против советского строя. Дело рассматривалось коллегией по уголовным делам Мосгорсуда при участии прокурора Ю. С. Бирюковой.

Керимов Ахмед — слесарь монтажник Ферганского СМУ-2 прибыл в Москву в числе большой народной делегации в июле 1967 г. 16 июля он был арестован сотрудниками КГБ у здания гостиницы ВДНХ. При нем был обнаружен сверток с лозунгами на красных и зеленых полотнищах со словами: — «Отмените антиконституционные Указы 1946, 1956, 1966 годов!» «23 года крымскотатарский народ в изгнании. Хватит позора!»

«Прекратите дискриминацию и репрессии против трудящихся крымских татар!» «Положите конец последствиям культа личности!» «Свободу жертвам произвола!» «Восстановите наше равноправие!» «Восстановите равноправие крымскотатарского народа!» «Да здравствует равноправие для всех!» «Восстановите декрет В. И. Ленина!» «Верните татар на национальную землю!»

Эти лозунги, обращенные к правительству, были признаны судом как «содержащие заведомо ложные измышления против советского общественного и государственного строя». Керимов Ахмед был осужден на два года лишения свободы.

Дело Энвера Меметова, Юсуфа Османова и других. Москва—Ташкент

26 ноября 1967 года во время приезда в Ташкент сотрудниками КГБ был арестован один из активных участников национального движения нашего народа Деметов Энвер, 1939 г. рождения, недавно окончивший аспирантуру и работавший научным сотрудником в Вычислительном центре АН СССР в Москве. Он обвинялся в составлении документов, порочавших советский строй и разжигающих межнациональную рознь, т. е. в преступлениях предусмотренных статьями 191-4 и 64 УК УзССР.

Через некоторое время был арестован Османов Юсуф (по документам Юрий), вызванный из г. Серпухова Московской области, где он проживал, в Ташкент работниками КГБ обманным путем, якобы для допроса в качестве свидетеля по делу Меметова Энвера.

Османов Юсуф, 1941 г. рождения, член ВЛКСМ с 1955 г., инженер-физик, один из наиболее активных участников национального движения своего народа, автор многочисленных неопубликованных в советской печати, но получивших широкое распространение в народе документов. Его перу принадлежат статьи о деятельности известного просветителя мусульманского

Востока Исмаил-бея Гаспринского (1851-1914), статьи по истории крымскотатарского народа, полемические статьи в адрес советских журналов, публиковавших антитатарские произведения, письма советским писателям, общественным деятелям и членам правительства СССР о положении крымскотатарского народа. Незадолго до ареста Османов написал в адрес высших партийных органов письмо под названием «История одной провокации», где рассказал о слежке и провокациях сотрудников КГБ против него за его участие в национальном движении своего народа. Через некоторое время Османов написал второе письмо — «Продолжение истории», где говорилось о том, что провокации не прекращаются и что власти начали запугивать его, угрожая засадить в тюрьму, если он не прекратит писать письма в защиту своего народа. Угроза была приведена в исполнение 5 января 1968 г., как указывалось выше, с помощью обманного вызова в Ташкент. В своем заявлении в связи с арестом, адресованном партийно-правительственным органам печати, Османов Юсуф отказался от дачи каких-либо показаний и писал: «...Классификация борьбы крымскотатарского народа за национальное равноправие как разжигание межнациональной розни, а требование восстановления Крымской АССР — противопоставлением крымскотатарского народа другим народом СССР является обыкновенной черносотенной демагогией, цинизмом и хамством... Я протестую против беззакония, против геноцида, против этого позора нашей действительности.»

3 января 1968 г. был арестован Меметов Сейдамет, 1941 г. рождения, сварщик Маргиланской автобазы. Он обвинялся в распространении документов, содержащих ложные измышления против советского строя.

6 февраля 1968 г. был арестован в г. Самарканде преподаватель Самаркандского университета, аспирант-физик Османов Сабри, 1936 г. рождения. Также как

Энвер и Юсуф, Османов Сабри обвинялся в нарушении статей 64 и 191-4 УК УзССР.

В 16-ти томах документов, собранных следствием против четырех арестованных, содержались письма, статьи и обращения по национальному вопросу нашего народа, написанные ими на протяжении последних лет, которые якобы были направлены на возбуждение национальной розни, извращали советскую национальную политику, возводили заведомо ложные измышления на советскую пропаганду, противопоставляли крымских татар другим народам СССР, клеветали на советские органы власти. К таким документам были отнесены: письмо в ЦК КПСС по поводу подписания СССР международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, письмо в «Известия» по поводу публикации газетной статьи «Одиссея инженера Гирея», заметки о писаниях И. Вергасова, направленных против крымских татар, письма в ЦК КПСС «О некоторых трактовках национального вопроса» и «Веселые расисты», статьи «О некоторых вопросах восточной политики», «Аннексия Крымской АССР в свете некоторых аспектов права и статистики», очерки «Петр Павленко: время, жизнь и советские писатели», «Историческая судьба крымских татар», «О пекинских шовинистах», «Предательство», обращение «Очередной шаг в направлении к ликвидации крымскотатарского народа», под которым были собраны десятки тысяч подписей крымских татар, и другие материалы, направленные в партийные, государственные, научные учреждения и в печать, а также статья русского писателя А. Е. Костерина «О малых и забытых».

Дело слушалось Верховным Судом Узбекской ССР под председательством судьи Горюновой и при участии прокурора Кузнецова.* Таким образом, вопреки требованию ст. 203 УПК УзССР о подсудности дела в том районе, где совершено инкриминируемое преступление,

* Кон. 5 или 6. 6. 1968.

дело рассматривалось не в Москве, а в Ташкенте. Подсудимые, свидетели и адвокаты отвергли все пункты обвинения. Тем не менее Османов Юсуф, больной туберкулезом костей, был приговорен к двум с половиной годам лишения свободы в лагерях усиленного режима, Меметов Энвер к трем годам, но с применением Закона об амнистии в связи с 50-летием Советской власти, к полутора годам с отбыванием срока также в лагерях усиленного режима. Османов Сабри и Меметов Сейдамет — соответственно к одному году и 6 месяцам лишения свободы.

Тысячи писем и обращения трудящихся крымских татар в адрес правительства с протестом против этого судилища остались без ответа; вернее, ответом явилось усиление масштаба репрессий против нашего народа.

Чирчикская расправа и суды над ее жертвами

Свой национальный праздник весны «Дервизе» в 1968 году крымские татары г. Чирчика Ташкентской области решили отметить массовыми гуляниями и национальными играми в воскресный день 21 апреля, т.е. приурочив его ко дню рождения Ленина, отдавая тем самым дань уважения человеку, по инициативе которого в 1921 году была образована Крымская АССР. Была организована специальная делегация, которая от имени трудящихся обратилась в горком партии с просьбой разрешить проведение празднеств в парке города. Но секретарь горкома Якубов категорически заявил, что он ни в коем случае не допустит скопления крымских татар. «Если вы соберетесь на массовое гуляние, — заявил он, — против вас будет применена сила». Присутствовавший здесь же генерал-майор министерства охраны общественного порядка Узбекской ССР Шералиев видимо понимая, что подобный неаргументированный отказ не может удовлетворить крымских татар и заставить их отказаться от намерения провести гуляние, тут же позвонил в Ташкент и распорядился: «Стянуть войска к г. Чирчику!»

Одновременно во многих предприятиях города Чирчика крымские татары вызывались в отдельные кабинеты и сотрудники КГБ требовали от них написать расписку, что они не будут участвовать в массовом гулянии, намеченном на 21 апреля 1968 г. В противном случае им грозили увольнением, понижением в должности и прочее. Организовывались закрытые партийные собрания, на которых распускались провокационные слухи, что будто на 21 апреля намечен массовый митинг крымских татар против Советской власти, где будет зачитываться какая-то «антисоветская речь бывшего генерала Григоренко».

Утром 21 апреля на всех дорогах ведущих к г. Чирчику были выставлены усиленные патрули милиционеров, которые оставляли машины, высаживали едущих в город крымских татар, а у шоферов отнимали водительские права. Много было задержано также и граждан других национальностей, не имевших при себе документов, по подозрению, что они крымские татары.

Несмотря на эти меры к намеченному месту для гуляния собралась большая масса людей. Но намеченное место было уже заполнено солдатами, милиционерами и «народными дружинниками». Тогда люди направились в городской парк, где вскоре начала звучать национальная музыка, национальные песни...

В полдень, в разгар веселья на людей из подогнанных пожарных машин были обрушены сбивающие с ног мощные струи воды и какой-то, оставляющей на одежде белые пятна, жидкости. На гуляющих напали с резиновыми дубинками милиционеры и солдаты, которые в большинстве были переодеты в милицейские формы и имели при себе противогазы, видимо, на случай применения слезоточивых газов. Ударами дубинок людей сбивали с ног, выкручивали им руки и вталкивали в тюремные машины. Вскоре пришедшие в себя от неожиданности люди прорвали цепь солдат и милиционеров и, образовав мощную колонну, с гневными

выкриками протеста двинулись по городу в направлении горкома партии. На демонстрантов вновь направили струи жидкости и напали каратели. До ночи продолжалась война милиционеров и солдат с крымскими татарами, посмевающимися в парке города петь свои национальные песни. Было арестовано около 300 человек. Ночью и в последующие несколько дней были произведены дополнительные аресты по квартирам. Причем арестовывались и люди не принимавшие участие в гулянии и даже те, кто в этот день не был в городе вообще.

Представители нашего народа в Москве, узнав об этих событиях, 23 апреля направили в Политбюро ЦК КПСС, Верховный Совет, Совет Министров и Генеральному прокурору СССР протест и требовали немедленно освободить всех арестованных, срочно создать специальную партийно-государственную комиссию с участием представителей крымских татар и провести гласное расследование событий 21 апреля 1968 г. в г. Чирчике.

Но расследования произведено не было. Большинство арестованных были в отделениях милиции дополнительно избиты и осуждены на 15 суток «за мелкое хулиганство». Против 10 человек было возбуждено уголовное дело по обвинению в сопротивлении властям, организации массовых беспорядков, а против тех, у кого во время квартирного обыска были обнаружены те или иные документы национального движения, дополнительно и за составление и распространение документов, порочащих советский общественный и государственный строй.

30 мая, 2 и 5 июня 1968 г. в Ташоблсуде проходили судебные процессы над Абхаировым Сади, инженером Трансформаторного з-да, Алимовым Решатом — 1938 г. рождения, шофером автобазы № 2 и Измаиловым Рефатом, 1926 г. рождения, электросварщиком горбыткомбината. Процессы были проведены втайне от родственников и были по существу закрытыми. О суде не был предупрежден даже адвокат одного из подсудимых.

Лишь на процесс Измаилова Рефата случайно попали несколько крымских татар. Председательствовал на суде Сергеев. Измаилов обвинялся в том, что 21 апреля в г. Чирчике во время разгона гуляния крымских татар вырвал у милиционера брандспойт и направил струю жидкости в обратную сторону — в сторону солдат и милиционеров. Отягчающим вину обстоятельством суд считал то, что жидкость выбрасывалась под большим напором и этим напором был сбит с ног милиционер. А то, что эта же струя первоначально солдатами и милиционерами была направлена в сторону женщин и детей, судом не принималось во внимание.

Измаилов Рефат был приговорен к трем годам лишения свободы в лагерях строгого режима, а Абхаиров и Алимов — к двум и двум с половиной годам лишения свободы. Подсудимым не были вручены и копии приговоров на том основании, что они могут передать их на волю для размножения среди крымских татар.

С 18 по 26 июля 1968 г. Ташоблсудом под председательством того же, ставшего специалистом по судебным расправам над крымскими татарами, судьи Сергеева, при участии прокурора Когана рассматривались дела еще семи, арестованных в г. Чирчике в связи с событиями 21 апреля, граждан:

Молаева Амета, 1905 г. рождения, пенсионера, в годы войны активного участника партизанского движения, образование высшее техническое;

Салединова Халила, 1910 г. рождения, участника Отечественной войны, офицера запаса, пенсионера;

Абибуллаева Ибраима, 1926 г. рождения, временно нетрудоспособного, на иждивении двое несовершеннолетних детей;

Абдулгазиева Энвера, 1940 г. рождения, инженера-конструктора Чирчикского филиала ВТИ;

Сеферова Ридвана, 1935 г. рождения, руководителя группы НОТ на Чирчикском заводууправлении № 9,

ранее за участие в национальном движении своего народа был исключен из КПСС;

Зекерьяева Идриса, 1939 г. рождения, инженера-диспетчера Чирчинского трансформаторного завода;

Ахметова Эшрефа, 1927 г. рождения, слесаря Чирчикской обувной фабрики, на иждивении 5 несовершеннолетних детей и престарелая мать.

Они обвинялись в организации митингов крымских татар в г. Чирчике 24 марта, 7 апреля и народного гуляния 21 апреля 1968 г., которые были переименованы судом в «сборища крымских татар», в том, что составляли и распространяли документы антисоветского содержания. К таким документам судом были отнесены информации представителей народа в Москве, обращения трудящихся крымских татар в адрес правительства, а также статья русского писателя А. Костерина «О малых и забытых».

Защитники из Московских коллегий адвокатов С. М. Каллистратова, Ромм, Попов и Поздеев без труда опровергли все обвинения, доказали преступность разгона мирного гуляния народа милицией и солдатами и требовали освобождения всех подсудимых.

Но суд признал всех их виновными в нарушении статьи 191 пункты 4 и 6 УК УзССР и приговорил: Сеферова к двум с половиной годам, Абибуллаева к двум, Зекерьяева Идриса к одному, Абдулгазиева к полутора годам лишения свободы, Молаева Амета, Салединова Халила и Ахтемова Эшрефа — трем годам условно каждый, со снятием подписки о невыезде из города.

Давая политическую оценку событиям в Чирчике и последующей судебной расправе, представители народа в Москве в Информации № 82 вполне справедливо писали:

«... Это была попытка властей внушить крымским татарам мысль о том, что любое выражение ими своей национальной самобытности, выражение любви к обычаям и традициям своей Родины — Крыма, будет сурово пресекаться.»

«Дело Леннары Гусейновой и других»

Весной 1968 года произошло несколько событий, всколыхнувших весь крымскотатарский народ.

С середины марта 1968 г. власти начали рассылать крымским татарам по почте различные отпечатанные на пишущих машинках обращения, якобы написанные представителями крымскотатарской интеллигенции. В этих обращениях говорилось, что активистами национального движения крымскотатарского народа, названного ими «автономистским движением», являются различные националисты, «автономисты», уголовники и прочие антисоветские элементы, против которых следует повести «решительную борьбу», делалась попытка дискредитировать некоторых наиболее активных участников движения и доказать нецелесообразность для крымских татар возвращения в Крым. Большинство этих обращений были анонимные, подписанные обычно словами «представители крымскотатарской интеллигенции» или «советские патриоты, сыновья и дочери крымскотатарского народа». Но были среди них и обращения, скрепленные фамилиями в некоторых случаях — отдельных отщепенцев, построивших себе карьеру на предательстве народных интересов, как выявилось проведенным народом расследованием, фамилиями людей никогда на это не дававших своего согласия, но и не принимавших активного участия в национальном движении своего народа. Организаторы этой провокации рассчитывали, повидимому, натравить группы крымских татар друг на друга, что в значительной мере помогло бы КГБ в его борьбе против всего национального движения народа. Но махинация с этими анонимными обращениями, в которой выяснилось позже, оказались замешанными кроме работников КГБ много высокопоставленных лиц из партийных и комсомольских организаций Узбекистана, вызвала бурю возмущения среди крымских татар, и в первую очередь среди тех, чьи имена пытались использовать в

этих провокационных целях. В ЦК КПСС и ЦК КП Узбекистана были направлены тысячи писем и обращений-протестов трудящихся с требованием прекратить эту провокацию.

Вторым привлечшим внимание народа весной 1968 года событием стал так называемый «оргнабор» крымских татар в Крым. Одновременно с распространением анонимных обращений, и даже в одном из этих обращений, власти объявили, что крымские татары, желающие выехать в Крым, будут переселяться планомерно, посредством заключения трудовых договоров с выехавшими для этой цели в Узбекистан представителями администрации Крымской области. Но быстро выяснилось, что это был всего лишь очередной нечестный трюк властей, имеющий целью предотвратить намеченный к лету 1968 года массовый самовольный выезд крымских татар в Крым. За весь 1968 год «оргнабором» в Крым было переселено всего 148 семей. Выдача «переселенческих книжек» для желающих выехать в Крым по «оргнабору» с первых же дней была сосредоточена в руках КГБ, который постарался максимально использовать это против национального движения народа. Открыто говорилось, что по «оргнабору» будут переселены только те, кто не принимает участия в движении народа, не посещает митингов и собраний, не пишет и не подписывает заявлений и обращений с требованием решить национальный вопрос крымских татар, т.е. стимулировалось равнодушие к судьбе всего народа, к общенациональным интересам.

И, наконец, третьим важным событием рассматриваемого периода в связи с «делом Леннары Гусейновой и других» явилась описанная выше Чирчикская драма — ничем не спровоцированная расправа властей над крымскими татарами в г. Чирчике 21 апреля 1968 года.

Обо всех этих событиях крымскотатарский народ высказал свое мнение и чувства в многочисленных обращениях и письмах, направленных в ЦК КПСС и в

другие высшие государственные органы. Нашли свое отражение эти события и в документах представителей нашего народа в Москве. Политическая оценка «оргнабору» и анонимным обращениям к крымскотатарскому народу, распространяемым властями, была дана в Информации № 66, выпущенной представителями в Москве 16 апреля 1968 года. По поводу Чирчикских событий представители в Москве написали и направили 23 апреля 1968 г. протест в адрес Политбюро ЦК КПСС, Верховного Совета, Совета Министров и Генерального прокурора СССР. Через определенное время, не получив ответа на свой протест, представители в числе 16 человек написали и распространили обращение, адресованное советским писателям, работникам науки, искусства и культуры, политическим деятелям СССР, в котором кратко излагали свой национальный вопрос и действия властей против участников национального движения крымскотатарского народа. Эти три документа представителей в Москве и были использованы органами КГБ для возбуждения очередного уголовного дела. Через некоторое время квартиры всех 16 представителей, подписавших обращение к «Советским писателям, работникам науки и т. д.» были подвергнуты обыску. 28 июня 1968 г. были арестованы Сейтаблаев Шевкет, 1941 г. рождения, прораб ПМК-5 г. Янгиюля и проживавший в г. Бекабаде пенсионер Расинов Юсуф, 1908 г. рождения, член КПСС с 1941 года. Уголовное дело было возбуждено также и против Касимова Идриса, 1935 г. рождения — слесарь СУ-6 г. Янгиюля и Гусейновой Леннары, 1939 г. рождения, работавшей инженером. Дело против Гусейновой было возбуждено вторично. Впервые она привлекалась к суду, как описывалось выше, по обвинению в организации митинга и «массовых беспорядков» 8-10 октября 1966 г. в г. Бекабаде в связи с 45-летием Крымской АССР.

Дело против двух представителей, также подписавших вышеуказанные документы, — Джемилева Муста-

фы и Улановой Эсмы, 60 лет, врач, — как указано в обвинительном заключении по «делу Леннары Гусейновой и других» выделено в «особое производство».

Суд состоялся с 21 по 25 октября 1968 г. в здании Ташоблсуда. Председательствовал судья Артемов, государственное обвинение поддерживал прокурор Мартычев. Адвокаты С. В. Каллистратова, Попов и Сарий полностью опровергли обвинение и требовали прекращения дела. Подсудимые в своих выступлениях отстаивали свое право обращаться к руководству и к общественности по своему национальному вопросу, а также правдивость содержания инкриминируемых против них документов.

Но суд признал всех их виновными в нарушении статьи 191-4, а именно, в том, что, «подписали и явились авторами» писем в адрес Политбюро ЦК КПСС, Верховного Совета, Совета Министров и Генерального прокурора СССР, советским писателям, деятелям науки, культуры, литературы и общественным деятелям, Информации № 66, в которых якобы «содержатся заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй» и приговорил всех к различным срокам лишения свободы.

Расправы в Крыму и в Москве. Новые аресты

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г., который назывался «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму» и Постановление «О порядке применения статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года», несмотря на все имеющиеся в них существенные недостатки как в вопросе терминологии и аргументации, так и в своих основных положениях, крымскотатарский народ воспринял как долгожданное восстановление своего права жить на своей Родине — в Крыму. В Указе признавалась необоснованность выселения в 1944 году всего народа, а в Постановлении

прямо говорилось, что «граждане татарской национальности, ранее проживавшие в Крыму» приобретают право жить на всей территории СССР в соответствии с существующим положением о паспортах. Немедленно после опубликования этих документов в Крым выехали сотни семей. Но вера крымскотатарского народа в то, что наконец покончено с антиконституционным режимом спецпоселения и наметились пути к решению его национального вопроса с позиций ленинской национальной политики, была подвергнута серьезным испытаниям как только первые переселенцы ступили на родную землю. Административные органы всех населенных пунктов Крыма имели твердую инструкцию ни в коем случае не прописывать крымских татар, отделы кадров предприятий и организаций Крыма отказывались принимать их на работу даже в случаях острой нехватки рабочей силы и специалистов, русские и украинцы, оказывающие временный приют крымским татарам, подвергались штрафам, угрозам и шантажу. КГБ и милиция и укомплектованные из молодых негодяев и деклассированных элементов банды так называемых «народных дружинников» стали выдворять вернувшихся на Родину крымских татар за пределы Крыма путем прямого насилия. Описание всех примеров беззаконий, жестокости и цинизма властей Крыма по отношению к крымским татарам, вернувшимся на свою землю после десятилетий страданий и унижений, заняло бы много страниц. Здесь мы приведем всего несколько примеров, которые являются достаточным свидетельством того, как далеко зашли власти в своих преступных действиях против крымских татар.

17 сентября 1967 года из совхоза им Пятилетия Узбекской ССР Ташкентской области приехали в свое родное село в Крыму — Ускут (ныне Приветное) Алуштинского района Кайтаз Идрис с семьей в составе — мать в возрасте 78 лет, жена и 5 детей в возрасте от 6 до 15 лет и Кара Иззет с семьей — беременная

жена и пять детей в возрасте от 2 до 12 лет. По приезде они обратились к руководству совхоза с просьбой принять их на работу. Им было отказано, несмотря на то, что совхоз очень нуждался в плотниках и трактористах, коими являются Кайтаз Идрис и Кара Иззет. Рабочие совхоза уведомили их, что существует указание не принимать крымских татар. В общежитие совхоза, где имелось много свободных мест, не пустили на ночь даже детей. И семьи вынуждены были, несмотря на проливной осенний дождь, ночевать под открытым небом. Ночью дети от холода начали плакать и они вынуждены были искать укрытие. Уже к утру они нашли полуразваленное строение бывшей пекарни, где и поселились. Утром к ним явился прокурор Алуштинского района Никольский с 8 милиционерами и приказал покинуть территорию района. Немедленно по приказу того же прокурора милиционеры начали вышвыривать вещи поселенцев, сопровождая все это нецензурной руганью и оскорблениями национального достоинства татар. Выбрасывались и дети. Так, в окно была выброшена восьмилетняя дочь Кара Иззета — Айше. Девочка ударилась головой об пол и потеряла сознание. Ударом милиционера был сбит на пол и получил серьезный ушиб головы шестилетний сын его Мустафа. Дважды была сбита милиционерами его беременная жена Гулюмсер. Мать Иззета — 78-летняя Айше не выдержав этого зрелища потеряла сознание. Вызванные врачи с трудом привели в чувство женщину, а о девочке, выброшенной в окно сказали, что потребуются длительное стационарное лечение.

Семьи были вынуждены покинуть совхоз и на окраине деревни раскинуть палатку, где и ютились 10 дождливых дней. Но и здесь они не были оставлены в покое. Ежедневно к палаткам подсылались пьяные хулиганы, которые наносили гнусные оскорбления женщинам, издевались над детьми, валили палатку и провоцировали инциденты. 29 сентября на полянку подъехала

машина и милиционеры быстро свалили палатку, скрутили руки мужчинам и погрузив всех в машину отправили в Джанкой, чтобы затем вывести из Крыма. Но водитель машины по просьбе татар позволил им сойти в Симферополе и выгрузить свои вещи. Поселившись на частной квартире, они 8 октября пошли на прием к заместителю председателя облисполкома. Но заместитель Деркач А. П. набросился на них со словами: «Указ от 5 сентября не дает права возвращаться в Крым. Для вас никогда не будет места в Крыму! Мы заставим вас покинуть пределы полуострова силами милиции!» Вернувшись на временную квартиру они узнали, что в их отсутствие к хозяйке квартиры приходили милиционеры и требовали, чтобы она выгнала крымских татар из квартиры. Татары оставили квартиру и перебрались в Симферопольский вокзал, где пробыли 6 суток и потом были вывезены милицией за пределы Крыма в село Акимовка Херсонской области.

15 октября 1967 года во время подобного же выселения из села Капсхор (ныне Морское) семьи крымских татар под руководством начальника ОБХСС Редько, глава семьи Песка Февзи, не выдержав издевательств и оскорблений милиционеров над его детьми и женой, перерезал бритвой себе горло. Правда, жизнь Февзи все же спасена, но семья его под конвоем милиционеров на машинах была вывезена в совхоз Ильичевка Краснодарского края.

26 мая 1968 г. группа крымских татар в количестве 98 человек установили 9 палаток за чертой г. Симферополя вблизи поселка Марьино с целью жить в них до отыскания иного жилища и трудоустройства. 27 мая в 16 часов участок расположения палаток был окружен плотным кольцом милиционеров, сотрудников КГБ и молодых людей с красными повязками «народных дружинников» в количестве около 250 человек. По команде подполковника Косякова милиционеры и «народные дружинники» начали валить палатки, хватать, изби-

вать и вталкивать крымских татар в автобусы под номерами КРД 99-32 и КРЕ 29-79. Были погружены в автобусы все находившиеся в это время близ палаток 58 человек татар, в том числе дети, женщины, инвалиды войны, и доставлены в сопровождении легковых милицейских машин и мотоциклистов в управление Симферопольской милиции. Оттуда группу татар в количестве 38 человек, не дав им взять свои вещи и одежду, отправили в Баку. Четыре дня везли без хлеба и воды. В Баку их стали пересаживать на следовавший в г. Красноводск паром «Советский Туркестан». Вот что писала об этом эпизоде очевидец этих событий Сармина Мария, русская, дочь Героя Советского Союза Захватава И. С., погибшего в 1943 году при обороне Севастополя, в своем заявлении на имя Подгорного от 11 июля 1968 г.:

«... Голодные и оборванные крымские татары отказались садиться на паром. Образовавшейся при этом толпе людей милиционеры и чины в штатском говорили, что везут врагов народа. Доблестные советские милиционеры, которых было более сотни, конечно, сумели сломить сопротивление 38 измученных и усталых крымских татар. Избитые и окровавленные татары были заброшены на паром. Не стеснялись бить и женщин... Одной из них вывихнули руку, другой выдернули волосы...»

В пароме «Советский Туркестан» врач Черкасова оказала пострадавшим помощь, но отказалась дать им медицинское освидетельствование. 31 мая паром был встречен работниками милиции г. Красноводска. Татар в тот же день поездом отправили в Ташкент в сопровождении сотрудников КГБ в штатском. На каждой остановке поезд встречали, видимо, предупрежденные по телефону, работники КГБ и милиции, которые следили, чтобы крымские татары не сошли в пути.

26 июня 1968 года группа крымских татар — 21 человек явились в Крымский облисполком на прием к пред-

седателю Чемодурову с жалобой на незаконные действия работников администрации Кырма, отказывающихся прописывать крымских татар. Чемодуров отказался принимать крымских татар и, запершись в своем кабинете, вызвал отряд милиционеров, которые с бранью набросились на татар и пинками выгнали из здания облисполкома. Все они были доставлены в отделения милиции. Одиннадцать из них были осуждены на 15 суток заключения «за мелкое хулиганство» и все, в том числе четверо женщин и девушек, в знак протеста объявили голодовку. Остальным десяти за деньги, отобранные у них при обыске были куплены билеты на самолет и они были отправлены в г. Душанбе, где никто из них никогда не жил. Против одного из осужденных на 15 суток — Чобанова Мамеди, 1944 г. рождения, было еще возбуждено уголовное дело по обвинению в сопротивлении властям — статья 188 ч. 2 УК СССР.

Суд над Чобановым состоялся 26 августа 1968 г. в Симферополе. Здание суда было оцеплено милиционерами и работниками КГБ, которые задерживали пытавшихся попасть на суд крымских татар. Из зала суда был выведен и родной брат подсудимого Чобанов Умерджан. Он был доставлен в отделение милиции и выпущен через 2-3 часа после окончания процесса над братом. Чобанов Мамеди на основании показаний карателей-милиционеров был осужден на 3 года лишения свободы.

Во время аналогичного нападения милиционеров на другую группу крымских татар у Крымского облисполкома в 1968 году были арестованы и преданы суду по обвинению в сопротивлении властям Юсупов Мубеин, 1939 г. р., и Исмаилов Фахри, 1937 г. р. Суд состоялся 27 августа 1968 года. Здание суда также охранялось милиционерами и сотрудниками КГБ. Трое крымских татар — Чеби Мустафа, Сараметов Кадыр и девушка Абибуллаева Мунивер, которые пытались пройти в суд,

чтобы выступить в качестве свидетелей, были задержаны и осуждены на 15 суток.

Юсупов Мубеин был приговорен к одному, а Исмаилов Фахри к 6 месяцам тюремного заключения.

В результате провокации, устроенной милиционерами, был арестован и 4 сентября 1968 г. осужден к одному году лишения свободы Асанов Зекерья.

10 июля 1968 г. группа семей крымских татар обратилась в Крымский облисполком с просьбой об обеспечении жильем в любой части Крыма. В ответ на просьбу работник облисполкома Зубенко предложил занять свободные дома в совхозах. Ничего не подозревавшие крымские татары поселились в пустующих домах первого отделения совхоза «Большевик» Красногвардейского района. Ночью к домам, в которых поселились татары, подъехали грузовые машины с милиционерами и дружинниками. Набросившись на спящих, они выхватывали из-под детей пальто и одеяла и бросали в машины. Потом начали вырывать детей из рук женщин и также бросать в машины. Выкручивали руки и волокли к машинам женщин, стариков и остальных с криками: «Продали Крым, опять приехали продавать! Убирайтесь вон! Здесь будут жить наши украинцы!» Собравшиеся на шум жители вступились за татар. «Нашли кого жалеть! Их надо стрелять!» — кричали каратели в ответ на возмущенные возгласы жителей. Милиционеры и дружинники уехали, увозя с собой вещи и четырех крымских татар. Оставшиеся татары были приняты на ночлег местными жителями. Но в 4 часа 45 мин. утра милиционеры и дружинники вновь подъехали к домам, где спали татары и по команде полковника милиции: «Хватайте, хлопцы!» — накинулись на татар, связывали им руки и волокли к машинам. Оказавшие сопротивление были избиты. Пользуясь суматохой каратели похитили и имущество татар. Было украдено 8 наручных часов, в том числе 3 в золотом корпусе. У Карабаш Рустема было украдено 800

руб. денег и пиджак, у Абдураманова Ремзи — 200 руб. Особенно сильным избиением подвергся Сейдалиев Февзи, его лицо было изуродовано. Погрузив всех в грузовик, каратели повезли в железнодорожный тупик к заранее подготовленному вагону. Грузовик сопровождали, на снабженных рациями автомобилях и мотоциклах, высокопоставленные работники КГБ и милиции. Затем татар погрузили в вагон и увезли.

На станции Ново-Алексеевка в этот же вагон были посажены еще четыре семьи, вывезенные милиционерами и «дружинниками» таким же методом из совхоза «Обильное» Джанскойского района.

На следующий день в знак протеста против этого злодеяния рабочие первого отделения совхоза «Большевик» — русские и украинцы — не вышли на работу. 17 семей русских и украинцев демонстративно покинули совхоз, а 4 семьи переселенцев, привезенных из Украины, отказались поселиться в этом совхозе.

Таковы далеко не единичные примеры обращения властей с крымскими татарами, вернувшимися на свою Родину после выхода в свет Указа об их политической реабилитации и Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года, дающего право крымским татарам жить на всей территории СССР. Около 12 000 крымских татар, побывавших в Крыму после опубликования этих государственных документов, были тем или иным способом выдворены из Крыма обратно.

Повсеместный произвол и игнорирование советских законов представителями властей Крымской области и Узбекской ССР, их уголовные преступления против крымских татар вынудили крымскотатарский народ вновь направить в Москву большую и представительную делегацию.

В соответствии с повсеместно принятыми резолюциями собраний крымских татар в мае 1968 года в Москву стало съезжаться большое количество народных пред-

ставителей, имеющих при себе мандаты, скрепленные подписями коллективов трудящихся. К 18-му мая их было в Москве уже около 800 человек, прибывших почти из всех населенных пунктов, где проживают крымские татары.

Утром 16 мая представители, которых к этому дню было 650 человек, подали телеграмму в адрес Политбюро ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР с изложением основных требований крымскотатарского народа и ждали ответ в приемных ЦК КПСС и Верховного Совета. Прибывшие отряды сотрудников КГБ и милиционеров потребовали покинуть помещения и сразу же начали применять насилие. Вечером 16 мая жилые кварталы района гостиниц ВДНХ, где на частных квартирах остановилось большинство представителей, был оцеплен солдатами, а обычное место сбора представителей — сквер перед гостиницей «Восток» — милиционерами, «дружинниками» и сотрудниками КГБ. Началась поголовная проверка документов всех граждан этого района. Крымских татар вталкивали в тюремные машины и доставляли в отделения милиции и вытрезвители. По подозрению были задержаны и граждане других национальностей, не имеющих при себе документов и, следовательно, не имеющих возможности доказать, что они не крымские татары. Заодно задерживали и представителей турок, проживающих в СССР, добивающихся возвращения на свою территорию — пограничные с Турцией некоторые районы Грузинской ССР, откуда они были необоснованно выселены в период войны.

Крымских татар было схвачено более 300 человек. 17 мая вылавливали представителей крымских татар на площади Ногина и у здания ЦК КПСС. В облавах на крымских татар, кроме прочих чинов, активное участие принимали пом. прокурора г. Москвы по надзору КГБ Евстифеев, начальник охраны общественного порядка г. Москвы генерал Волков, а также начальник

управления охраны общественного порядка Московской области генерал-лейтенант Мартюзин, который согласно показаниям одного из представителей — Языджиева Исмаила, ныне находящегося в заключении, даже лично помогал скручивать представителям народа руки, пинал женщин.

Все представители, кого удалось выловить, были доставлены на Казанский вокзал, загнаны в вагоны и под конвоем отправлены в Ташкент. Насколько жестоко это было сделано овидетельствует хотя бы тот факт, что несколько женщин упали в обморок, а представитель из г. Андижана — Ильясов Рустем лишился в вагоне рассудка.

Так приняла Москва и на этот раз подлинных народных представителей.

Устраивали облавы и насильственно выдворяли представителей народа из Москвы и в последующие дни — 5 июля, 25, 26 и 28 июля, 1 августа. В гостиницах Москвы строжайше запрещено принимать на ночлег представителей крымских татар, за ними не прекращается слежка агентов КГБ.

16-18 мая 1968 г. отметились особым усилением «бдительности» работников КГБ и милиции во всех местах, где проживают крымские татары. Власти опасались, что они устроят демонстрации и митинги в память 24-летия выселения их с Родины. Еще задолго до 18 мая — дня выселения крымских татар — сотрудники КГБ Узбекской ССР начали посещать дома некоторых активистов национального движения народа и угрожать арестом, в случае, если будут организованы какие-либо массовые мероприятия.

На всех въездах в Крымский полуостров 16-18 мая были выставлены патрули, которые задерживали приезжающих крымских татар. Участились облавы и насильственные выдворения их из Крыма. На некоторых заводах и предприятиях была выставлена дополнительная охрана. Распускались провокационные слухи, что

будто крымские татары в память о дне выселения их с Родины, хотя бы произвести несколько взрывов промышленных объектов и учреждений. Подобные слухи распускались, в частности, и на закрытых партсобраниях в Краснодарском крае, Херсонской области.

С лета 1968 года участились аресты активистов национального движения и суды над ними.

В августе 1968 г. были арестованы Бариев Айдер, 28 лет, тракторный механик, Аметова Светлана — 1948 г. рождения, медсестра Санэпидстанции г. Янгиюля, Байрамов Решат, 1942 г. рождения, из г. Мелитополя (позднее он был доставлен в КГБ г. Ташкента). Они обвиняются в составлении документов, якобы содержащих заведомо ложные измышления против советского строя. Им инкриминируются документы и информации, где правдиво отражены действия властей по выдворению представителей народа из г. Москвы 16-18 мая 1968 г., подписанное ими Обращение к мировой общественности о положении крымских татар и другие документы национального движения нашего народа.

29 августа 1968 г. в г. Симферополе был арестован инженер Баев Гомер, 1938 г. рождения, проживавший с матерью в г. Новороссийске. Несмотря на то, что неоднократные обыски, произведенные в его доме после ареста, не дали никаких результатов, т.е. сотрудниками КГБ не было обнаружено ничего из того, что они обычно квалифицируют как «документы и материалы порочащие советский строй», против него возбуждено уголовное дело по обвинению в антисоветской пропаганде и агитации, т.е. по ст. 62 УК УССР, предусматривающей до 7 лет лишения свободы.

13 сентября 1968 г., после квартирного обыска арестован в г. Ташкенте инженер-физик Хаиров Иззет, 1938 г. рождения, член КПСС. В числе документов, изъятых у него при обыске, как «содержащие заведомо ложные измышления, порочащие советский и государственный строй», значатся: машинописный текст бро-

шюры академика А. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», тетради с выписками из произведений средневековых персидских поэтов Саади, Джами, выписки из различных книг о деятельности просветителя мусульманского Востока И. Гаспринского, записи судебного процесса над семью жертвами Чирчикского произвола в апреле 1968 г., свидетельские показания Валитовой Гали по поводу убийства бандитами участника национального движения Гафурова Селима в г. Ташкенте в [апреле] 1968 г., фотокопия книги П. А. Никольского «От Крымского ханства до наших дней» советского довоенного издательства,* информации, обращения крымских татар в адрес правительства, личные письма, блокноты с адресами друзей, вырезки из советских газет и прочая тому подобная «антисоветчина».

В тот же день в г. Ангрене вторично был арестован Гафаров Ридван, 1915 года рождения, инвалид, участник Финской и Отечественной войны, в прошлом член КПСС. В октябре 1966 года он был арестован, как указывалось выше, по обвинению в организации митинга в честь 45-летия Крымской АССР в г. Ангрене и осужден на 1 год лишения свободы. Сейчас обвиняется в составлении и распространении документов, порочащих советский строй. К таким документам следствием отнесены документы национального движения крымскотатарского народа, обнаруженные у него при обыске.

25 сентября арестован Умеров Риза, 1920 г. рождения, рабочий СУ г. Ташкента. Он был вызван в КГБ на допрос в качестве свидетеля и больше на свободу не выпущен.

4 октября в г. Гулистане был арестован один из активистов национального движения Сейтмеров Сейтабла, 1938 г. рождения, шофер, «по подозрению в убийстве». Но когда было доказано его алиби, следствие возбудило против него заведомо неправосудное дело по

* М. Б. имеетя ввиду статья П. А. Никольского в «Крымском путеводителе» (Симферополь 1918, с. 193-220).

обвинению в мошенничестве. Он обвинялся в том, что собирал с крымских татар денежные пожертвования для отправки представителей в Москву и эти деньги якобы присваивал себе. На суде с участием адвоката Каллистратовой С. В. была полностью доказана лживость этого обвинения.

Ранее, 10 апреля 1968 г., против Сейтмерова агентами КГБ была устроена провокация и он был арестован, а затем осужден на 15 суток «за мелкое хулиганство». В судебном деле № 91 Гулистанского нарсуда (л. д. 2) имеется помеченное грифом «секретно» спецсообщение начальника милиции г. Гулистана начальнику КГБ Сырдарьинской области подполковнику КГБ Назарову, из которой видно, что Сейтмеров 10 апреля был арестован в результате специально устроенной провокации и «в целях оперативной надобности» по распоряжению начальника милиции осужден на 15 суток. Таким образом, начальник милиции устраивает провокации «в целях оперативной надобности»!

7 октября 1968 г. в г. Самарканде арестован преподаватель Самаркандского университета, ученый-физик Кадыев Роллан, 1937 г. рождения. Он был арестован через месяц после своего выступления на Пятой всемирной конференции по проблемам теории относительности в г. Тбилиси, где зачитал доклад о своем открытии — о так называемом «отрицательном параллаксе» — новом следствии теории относительности, которое привлекло внимание многих физиков и астрономов различных стран.

Обвиняется Кадыев в составлении документов, порочащих советский строй.

7 ноября 1968 г. арестован и 30-31 января 1969 г. осужден на год лишения свободы по обвинению в составлении документов, порочащих советский строй Муратов Рамазан, 1907 г. рождения, бывший в годы войны руководителем партизанского отряда в Крыму.

14 ноября арестована медсестра Бекабадской поли-

клиники Халилова Мунире, 1943 г. рождения — также по обвинению в составлении документов, порочащих строй.

27 декабря 1968 г. в Самаркандской области арестован Языджиев Исмаил, 1920 г. рождения, участник Отечественной войны, с высшим образованием, работал каменщиком. Он также обвиняется в составлении документов, порочащих советский строй. В качестве таковых следствие считает письма и обращения Языджиева Исмаила в адрес правительства, где он протестует против беззаконий властей над крымскими татарами и над ним лично. В день ареста Языджиева, в знак протеста, не вышли на работу около 500 рабочих.

Уголовное дело по такому же обвинению заведено против Эминова Руслана, инженера завода Ташавтомаш. С него взята подписка о невыезде из города.

В отделах КГБ заведены досье на тысячи граждан — крымских татар. По мере накопления в них достаточных материалов для «дела», производятся новые аресты. Ни один крымский татарин, тем более участник национального движения, не гарантирован от необоснованного ареста и «суда», который признает его виновным в совершении того преступления, которое сочтут необходимым придумать «в целях оперативной надобности» чиновники из милиции и КГБ.

Материалы, приведенные в этом документе, свидетельствуют, что по отношению к нашему народу проводится продуманная и организованная кампания, направленная на подавление нашего национального движения за возвращение на Родину и равноправие, в ходе которой грубо попираются наши конституционные права и допускаются вопиющий произвол и беззакония. Арестовывают и судят наших лучших людей, честных и мужественных представителей нашего народа, особенно молодежь и интеллигенцию.

Изготовление и распространение документов, посвященных борьбе за равноправие и возвращение на Ро-

дину квалифицируются как изготовление и распространение «заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй» (статья 191-4-1 УК УзССР). В ряде случаев приписывается даже умысел подрыва советского строя (статья 60 УК УзССР, статья 62 УК УССР). Это заведомая клевета! Никто из участников нашего национального движения никогда не занимался антисоветской деятельностью. Все наши документы посвящены только одной проблеме — законному желанию нашего народа вернуться на Родину.

Нас судят за массовые беспорядки (ст. 191-6 УК УзССР). Это также вопиющая ложь. Как свидетельствуют многочисленные примеры, приведенные в этом документе, на самом деле нас судят за мирные митинги и даже за национальные празднества. Нас разгоняют и избивают, и потом нас же судят за нарушение общественного порядка. Можно ли дойти до большего цинизма! Истинными же виновниками беспорядков являются КГБ и милиция, произвол которых принимает особенно жестокие бесчеловечные формы при разгоне наших мирных собраний.

Беззакония властей против нашего народа настолько введены в систему, что остаются безнаказанными даже убийства крымских татар. Например, убийцы активиста национального движения 33-летнего Алиева Феми — милиционеры, застрелившие его летом 1966 года без всякого основания, находятся на свободе и занимают прежние посты.

Судебные процессы над участниками национального движения происходят при вопиющих нарушениях законности. Отсутствует гласность. Зачастую судебные заседания происходят при закрытых дверях, не допускаются даже родственники обвиняемых. Свидетели защиты как правило не вызываются. Когда очевидцы хотят дать показания, их обычно не допускают в суд. Показания как правило дают подставные лица, зачас-

тую милиционеры и оперативники, участвовавшие в разгоне митингов, собраний и демонстраций.

На основании сфабрикованных следственных материалов и заведомо ложных показаний суды выносят неправосудные приговоры. Даже адвокаты в некоторых случаях назначаются властями, и вместо защиты обвиняемых фактически помогают обвинению.

Судебное разбирательство носит пристрастный характер, что является грубейшим процессуальным нарушением. Судьи фактически становятся на сторону обвинения и обычно даже не скрывают этого.

В качестве одной из судебных мер власти с успехом применяют Указ от 26 июля 1966 года о мелком хулиганстве. Особенно часто он применяется к участникам митингов, но применяют его и в других случаях, например, при попытках наших представителей добиться приема в каком-нибудь ответственном учреждении, а также при попытках наших людей попасть на судебные процессы. Число осужденных по этому Указу достигло уже нескольких сотен.

Но главным инструментом судебных репрессий является статья 191 УК Узбекской ССР. Когда в сентябре 1966 года были изданы дополнения к этой статье, местные власти не скрывали того, что дополнения эти сделаны в основном для крымских татар. Многих активистов нашего движения вызывали в отделения милиции и КГБ и требовали, чтобы они ознакомились с новым указом и расписались в этом.

Незаконные аресты, незаконное содержание под стражей, судебные разбирательства с предрешенным концом и, как естественный результат, неправосудные приговоры, обрекающие наших лучших людей на долгие годы лишения свободы — таков ответ властей на наши законные требования.

Судебные репрессии — это только часть той кампании, которая усиливается с каждым годом. Проводится целая система внесудебных преследований. Наши деле-

гации, направляемые народом в Москву для переговоров с руководителями партии и правительства, вылавливают и насильственно отправляют обратно. наших людей, приезжающих в Крым в надежде прописаться и трудоустроиться выдворяют оттуда, не останавливаясь перед самым жестоким насилием; избитиям подвергаются женщины и дети.

Проводятся многочисленные незаконные обыски на предмет изъятия наших документов. За активистами нашего движения ведется непрерывная слежка. Людей, подписывающих петиции и протесты, выгоняют с работы; студентов исключают из институтов, членов КПСС выгоняют из партии, комсомольцев — из комсомола. Многих вызывают на «профилактические» беседы, шантажируют и запугивают, предлагают доносить на своих товарищей. Переписка перлюстрируется. Устраиваются грубые провокации, которые часто оканчиваются арестом.

Руководящие работники не останавливаются перед грубым обманом. Нашим представителям в Москве обещают, что наш национальный вопрос будет решен, а на месте дается команда усилить репрессии.

Среди местного населения ведется клеветническая кампания с целью опорочить наш народ. Клеветнические измышления публикуются также и в печати и даже в художественной литературе. Нас обвиняют в том, что во время Отечественной войны имели, якобы, место факты массовой измены крымских татар. Это гнуснейшая клевета, имеющая целью оправдать совершенные и совершаемые ныне против нашего народа преступления властей. Наш народ плечом к плечу с другими народами отстаивал нашу Родину. Среди крымских татар имеются герои Советского Союза, герои-партизаны тысячи награжденных за участие в Великой Отечественной войне.

Верховный Совет СССР после многолетней борьбы нашего народа издал в 1967 году специальный Указ

снимавший это огульное обвинение. Однако, клеветническая кампания не прекращается.

Мы требуем положить этому конец! Мы требуем прекратить позорные репрессии и освободить невинных людей! Мы требуем создания Ответственной комиссии с участием представителей нашего народа и расследования всех актов беззакония. Мы требуем привлечения к ответственности прокуроров и следователей, которые санкционируют аресты и ведут следствие над заведомо невиновными людьми, а также судей, вынесших неправоосудные приговоры.

Мы требуем привлечения к ответственности тех руководителей, которые ответственны за насильственные разгоны наших мирных собраний, за избиения людей и надругательство над нашими национальными чувствами. Пора прекратить произвол и беззаконие! Наш народ выдвигает законные и справедливые требования.

Мы требуем организованного возвращения и компактного расселения на нашей Родине. Мы требуем восстановления ленинского декрета об образовании Крымской АССР.

С Л Е Д С Т В И Е

№ 1

Сопроводительное письмо начальника особого отдела КГБ при СМ СССР по Балтийскому флоту Тихонова начальнику 6-го отдела 3-го управления КГБ при СМ СССР М. А. Усатову о присылке двух писем крымских татар. — Не ранее 16 мая 1968 г.

Начальнику 6-го отдела 3-го управления КГБ при Совете Министров СССР контр-адмиралу тов. Усатову М. А. г. Москва.

При этом направляю переданное нам из Политического управления ДКБФ два письма крымскотатарских автономистов, направленные из г. Москвы в мае и июне 1968 г. в адрес ПУ Флота с обратными адресами: «Москва, И-106, до востребования, Байрамов Решат», «Москва, К-9, до востребования, Байрамов Решат».

В письмах излагаются события, имевшие место в г. Чирчике 21 апреля 1968 г. и в г. Москве 16 мая 1968 г., а также требования о восстановлении крымским татарами автономии.

Приложение: По тексту 2 письма на 19 листах с конв.

Начальник особого отдела КГБ при Совете Министров СССР по дважды краснознаменному Балтийскому флоту

Контр-адмирал Тихонов.

Дело № 109, т. 4, л. д. 236.

№ 2

Сопроводительное письмо секретаря правления Союза писателей К. В. Воронкова в КГБ при СМ СССР о присылке двадцати одного письма крымских татар. — 10 июня 1968 г.

[?] Н 90, 10 июня 1968 г.

КГБ при Совете Министров СССР

Направляются двадцать одно письмо крымских татар, полученные Союзом писателей СССР, как не имеющие отношения к деятельности Союза писателей.

Приложение: На 55 листах.

Секретарь правления Союза писателей СССР

К. Воронков.

Дело № 109, т. 4, л. д. [не указан].

№ 3

Показания заведующей канцелярией Союза писателей СССР А. А. Евдокушиной о регистрации писем крымских татар. — 15 ноября 1968 г.

Выписки из показаний свидетеля Евдокушиной Анны Алексеевны (1919 г. р., образование 8 классов, работает зав. канцелярией Союза писателей).

15 ноября 1968 г. — г. Москва

... Поскольку эти документы к деятельности Союза писателей СССР отношения не имеют, то впоследствии через спецотдел Союза писателей все эти документы были пересланы в КГБ при СМ СССР...

... В отдельных случаях я регистрировала во входящем журнале поступившие таким образом документы, но при регистрации названия поступивших документов не указывала, а лишь писала, что от крымских татар.

Допросил следователь Абушаев.

Дело № 109, т. 4, л. д. 100-104.

№ 4

Сопроводительное письмо Союза писателей Узбекистана в КГБ при СМ УзССР о присылке «Траурной информации № 69». — 26 июня 1968 г.

В Комитет государственной безопасности
Совета Министров УзССР

Направляем документ «Траурную информацию № 69» (15 мая — 1 июля 1968 года) за 60 подписями на 10 листах, поступивший из Москвы от Байрамова Решата в адрес Союза писателей Узбекистана.

Зам. председателя Союза писателей Узбекистана

А. Мухтар, Р. Файзи.

Литературный консультант, секретарь парторганизации Союза писателей Узбекистана

Ш. Сагдуллаев.

Дело № 109, т. 1, л. д. 3.

№ 5

Сопроводительное письмо начальника 5-го управления КГБ при СМ УзССР Календарова первому заместителю прокурора УзССР В. А. Зотову о присылке «Траурной информации № 69». — 28 июня 1968 г.

Зам. прокурора Узбекской ССР тов. Зотову В. А.

28 июня 1968 г. № 5/3 - 3330 — Здесь

Направляем на Ваше рассмотрение документ провокационного содержания, озаглавленный «Траурная информация № 69», поступивший в Союз писателей Узбекистана и пересланный нам 26 июня с. г.

П р и л о ж е н и е : «Информация» и сопроводительное письмо на 11 листах и 1 конверт.

Начальник [5-го] управления КГБ при СМ УзССР

Календаров.

Дело № 109, т. 1, л. д. 2.

№ 6

Постановление первого заместителя прокурора УзССР В. А. Зотова о возбуждении уголовного дела № 109. — 4 июля 1968 г.

Постановление о возбуждении уголовного дела.
4 июля 1968 г. — г. Ташкент

Первый заместитель прокурора УзССР государственный советник юстиции III класса Зотов, ознакомившись с материалами, поступившими из Комитета государственной безопасности при СМ УзССР, и принимая во внимание, что в них содержатся заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, руководствуясь ст. 3 УПК УзССР

п о с т а н о в и л :

1. Возбудить уголовное дело по признакам ст. 191-4 УК УзССР.

2. Расследование по делу поручить следователю по особо важным делам при прокуроре Узбекской ССР тов. Березовскому.

Первый заместитель прокурора Узбекской ССР, государственный советник юстиции III класса В. Зотов.

Дело № 109, т. 1, л. д. I.

№ 7

Сопроводительное письмо начальника Ташкентского почтамта Решетникова следователю по особо важным делам Б. И. Березовскому о присылке четырех писем крымских татар. — Не ранее 10 июля 1968 г.

Следователю по особо важным делам при прокуратуре УзССР, советнику юстиции тов. Березовскому Б.

На Ваш № 25/109 от 10 июля 1968 г.

В соответствии с Вашим постановлением от 10 июля 1968 г. при этом направляются четыре письма, следующих по адресу:

1. Ташкент-20, ул. Шамахмудовых, пр. Чамонар 69, на имя Хаирова Иззета. Отправитель — Байрамов, обратный адрес — Москва К-9 до востребования. Календарный штемпель: «Тула ОПП 8-7-68».

2. Таш. обл., г. Бука, ул. Пограничная 36, на имя Мемишева С. от Байрамова. Обратный адрес и данные календарного штемпеля те же, что и вышеозначенное письмо.

3. Таш. обл., Бекабадский р-н, х/с ДВЗ № 1 отд. 6, на имя Халиловой Муниры. Обратный адрес: г. Москва К-9, до востребования. Календарный штемпель: «Тула ОПП 8-7-68».

4. Город Чирчик, ул. Рудаки, д. 12, кв. 36, Рустемову Иса. Отправитель Байрамов Р., обратный адрес и календарный штемпель те же, что и на указанных письмах.

Начальник Ташкентского почтамта

Решетников.

Дело № 109, т. 4, л. д. 21.

№ 8

Справка о составе следственной группы для расследования уголовного дела № 109. — Не ранее 25 января 1969 г.

Постановлением зам. прокурора УзССР советника юстиции 3-го класса В. Зотова от 17 июля 1968 г. создана следственная группа для расследования уголовного дела № 109 в составе:

1. Следователя по особо важным делам при прокуратуре УзССР — Березовского Бориса Иосифовича.

2. Старшего следователя прокуратуры Ташкентской области — Воробьева В. Н.

3. Следователя КГБ при Совете Министров УзССР — Бобылева В. Н.

4. Следователя ОКГБ при Совете Министров УзССР по Андижанской области — Набиева М.

Старшим группы назначен Б. И. Березовский.

30/IX-68 г. в состав ранее назначенной группы включены:

1. Старший следователь КГБ при СМ УзССР Лысенко В. М.

2. Следователь КГБ при СМ УзССР Абушаев К. М.

3. Следователь КГБ при СМ УзССР Мустафаев Д. Р.

4/XI-68 г. в состав ранее созданной группы включен следователь КГБ при СМ Каракалпакской АССР майор Муканов С. Р.

6/XI-68 г. в состав ранее созданной группы включен следователь КГБ при СМ УзССР Шафеев Я.

25/I-69 г. в состав группы включен ст. следователь УКГБ при СМ УзССР по Самаркандской области капитан Маншетов В. Я.

Дело № 109, т. 1, л. д. 16-20.

№ 9

Заявление художника Р. А. Каври начальнику КГБ г. Ангрена о своей непричастности к крымскотатарскому движению. — 29 августа 1968 г.

Начальнику КГБ г. Ангрена от художника гор. больницы № 1 Каври Ридвана Ахмедовича.

З а я в л е н и е

Сообщаю Вам о том, что со мной при неоднократных встречах Гафаров Ридван делал упреки в том, что я не участвую в движении татар за возвращение в Крым и что я отделяюсь от своей нации. Мне известно, что в доме Гафарова Ридвана состоятся сборы членов инициативной группы татар, где читают информации по крымскому вопросу. В вышеуказанном движении я не желаю участвовать.

29/VIII-68 г.

Дело № 109, т. 9, л. д. [не указан]

Сообщение следователя по особым важным делам Б. И. Березовского секретарю Октябрьского РК КП Узбекистана Т. С. Садыкову об аресте Иззета Хаирова. — 25 сентября 1968 г.

25 сентября 1968 г.

Секретарю Октябрьского РК КП Узбекистана тов. Садыкову Т. С.

Прокуратурой УзССР расследуется уголовное дело по обвинению Хаирова Иззета, Байрамова Решата, Халиловой Мунире и др. по ст. 191-4 УК УзССР.

Указанные лица на протяжении длительного времени изготовляли и распространяли в большом количестве документы, содержащие заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй.

Помимо отправления клеветнических документов в партийные и правительственные инстанции, эта группа рассылала их в общественные и государственные организации, работникам науки и культуры и частным лицам.

Во время произведенного обыска в квартире Хаирова Иззета было обнаружено множество документов клеветнического характера, в частности 23 экземпляра Информационного сообщения о встрече представителей инициативных групп городов и районов Ташкентской области 8 сентября 1968 г. в гор. Ангрене.

Указанное количество экземпляров Информационного сообщения было передано Хаирову для распространения, однако он не успел их распространить, так как были обнаружены и изъяты.

За совершенное преступление Хаиров Иззет арестован 16 сентября 1968 года и привлечен к уголовной ответственности.

Сообщаю Вам об изложенном в связи с тем, что Хаиров Иззет, 1938 г. рождения, работавший инженером в Комитете мер и измерительных приборов при Совете Министров УзССР, является членом КПСС.

Советник юстиции Б. Березовский

Дело № 109, т. I, л. д. 92.

Выписка из протокола допроса Р. К. Кадыева. — 14 октября 1968 г.

Протокол допроса подозреваемого Кадыева Роллана Кемаловича. (Выписки).

14 октября 1968 г. — г. Ташкент.

... Я никаких действий, противоречащих советским законам, Конституции СССР и Декларации прав человека, не совершил.

В моих отдельных статьях, о которых я говорил на предыдущем допросе, я также не допустил суждений, противоречащих упомянутым законам. Поэтому я ни в чем себя виновным не считаю...

... Кто конкретно выдал мне мандат и деньги на поездку в Москву, я называть отказываюсь, поскольку считаю, что это к делу не относится. Фамилии лиц с их подписями, чьи интересы я выражал, находясь в Москве, имеются в моем мандате, сданном мной по прибытии в ЦК КПСС.

... В 1968 году мной лично написана одна поэма в прозе. Назвал я ее «Горе Родины». Немного раньше, в 1966 году, написал балладу под названием «Песнь пустынного». Больше никаких литературных произведений не писал. Находясь в Москве, я лично написал 2 Информации № 69 и № 70, которые были одобрены остальными представителями.

Дело № 109, т. 19, л. д. 41-43.

№ 12

Заявление И. С. Хаирова прокурору УзССР о своем отказе от дачи показаний и о своей просьбе о приеме в ЦК КПСС. — 23 октября 1968 г.

Прокурору Узбекской Советской Социалистической Республики от з/к Хаирова И. С.

З а я в л е н и е

13 сентября 1968 года при обыске у меня дома были изъяты документы, в той или иной плоскости отражающие национальное движение крымскотатарского народа за возвращение на свою национальную родину — Крым.

Вам, очевидно, знакомы и понятны основные тенденции и сущность этого движения. Думаю, нет необходимости подробно останавливаться на их разъяснении и обосновании. Замечу лишь, что стремление крымских татар жить у себя в отчем краю не противоречит законам диалектики и, напротив, легко объяснимо на основании этих законов. Наконец, это стремление не приходит в противоречие с нашими советскими конституционными законами, с программными решениями партии.

Поэтому всякие попытки, направленные на торможение в решении национального вопроса крымских татар, являются не только ошибочным, но и противозаконным.

Особенно непонятны в этой связи акты судебных гонений. Неужели, гражданин прокурор, эти акты рассматриваются как действенное подспорье (а может быть, и как основное средство?) в решении крымскотатарского национального вопроса!? Неужели не существует иных, более гуманных путей, не противоречащих логике? Я думаю, гражданин прокурор, что есть такие пути, и ими необходимо воспользоваться.

Это прежде всего партийный подход к данной проб-

леме, ее глубокий и нетенденциозный анализ и затем практическое решение.

Большую помощь в этом должны оказать коммунисты из среды нашего народа (крымскотатарского). Со всеми этими мыслями и рядом практических предложений (предварительно посоветовавшись со своими соотечественниками) мне необходимо обратиться в Политбюро ЦК КПСС. Одновременно с этим я готов дать все необходимые пояснения по поводу изъятых у меня бумаг. Если высший орган партии сочтет, что я совершил проступок, недостойный коммуниста и советского человека, — то я готов нести любую партийную и уголовную ответственность.

Именно из этих соображений я категорически отказался от дачи показаний на предварительном следствии, о чем и ставлю Вас в известность.

Мотивы отказа 14 и 23 октября мной изложены в ходатайстве перед следствием. Прошу Вас через соответствующие каналы довести мою просьбу о приеме в ЦК КПСС по изложенным выше вопросам Политбюро ЦК КПСС.

23 октября 1968 года.

№ 13

Ответ заместителя начальника следственного управления прокуратуры УзССР А. Никифорова на заявление И. С. Хаирова от 23 октября 1968 г. — 5 ноября 1968 г.

И. о. начальника следственного изолятора КГБ при Совете Министров УзССР тов. Мишуткину.

№ 25/1153-68, вх 446 — 5/ХІ, 1968 г.

Прошу Вас объявить заключенному Хаирову Иззету Серверовичу о том, что его жалоба прокуратурой Узбекской ССР рассмотрена.

Привлечение его к уголовной ответственности и арест признаны обоснованными.

Одновременно прошу разъяснить ему, что он сам может обратиться с жалобой непосредственно в ЦК КПСС и дать объяснения, о которых сообщает в жалобе на имя прокурора Узбекской ССР.

Зам. нач. следственного управления прокуратуры УзССР

А. Никифоров

Протокол допроса Т. Б. Измаилова. — 24 октября 1968 г.

Протокол допроса от 24/Х — 68 г.

Следователь Лысенко, Измаилов Таир Бекирович, 1911 г. р. г. Ангрена.

В Ангрена я переехал из г. Волжска в конце ноября 1955 г. По национальности я крымский татарин и, естественно, меня интересует проблема разрешения крымско-татарского национального вопроса. Я проявляю интерес к движению крымских татар за возвращение на свою Родину и сам желаю тоже возвратиться. Поэтому я посещал собрания крымских татар, происходящих в домах крымских татар-жителей г. Ангрена, и там ознакамливаюсь с информацией, которые составляются представителями их в г. Москве. Собрания крымских татар происходят не в одном месте, а в различных местах по мере поступления информации, которые должны поступать два раза в месяц. Однако их задерживают и их доставляют из других городов. В чей адрес в гор. Ангрена поступают информации из Москвы и кто занимается их доставкой, я не знаю. Обычно бывает так, что кто-то из татар, узнав о поступлении информации, объявляет, что она поступила и что в доме такого-то татарина тогда-то состоится ее читка. После этого свободные от работы крымские татары собираются на собрание и ознакамливаются там с поступившей информацией. В этом году я лично присутствовал на 5 собраниях, происходивших в 1-ом Саманном поселке у кого-то из крымских татар, в Тешик-Таше на квартире татарина по имени Мустафа, а в июле месяце в доме Гафарова Ридвана. На этих собраниях зачитывались поступившие информации и обсуждалось их содержание.

В о п р о с : Расскажите подробно о собрании, происходившем в доме Гафарова Ридвана.

Ответ: В июле месяце 68-го года я от граждан-крымских татар слышал, что некоторым крымским татарам из г. Ангрена, и в их числе сыну Гафарова Ридвана — Руззету, предложили по оргнабору выехать в Крым. В тот же день после работы я зашел к Ридвану домой. В его доме было 10-12 человек крымских татар, мужчин и женщин. Разговор шел об оргнаборе. Гафаров говорил, что он обязательно выедет в Крым, но вся поддержка будет с домом, поскольку у него нет покупателей. Остальные говорили примерно то же. После этого кем-то из присутствующих был оглашен текст Информации № 69 или же 70, точно не помню. Обсудив содержание информации, мы разошлись. Из присутствующих на этом собрании я помню Тызыккова Леннара, Патель Мустафу, Арнаутова Мансура, его жену. Остальных я не помню.

Вопрос: Вам предъявляется изъятый при обыске у Гафарова Ридвана рукописный текст цитат из произведений Ленина, том 24, стр. 125, издания 5. Кем они выписаны?

Ответ: С предъявленными мне сейчас двумя цитатами из произведений Ленина, касающимися свободы национального меньшинства и равноправия наций, я ознакомился. Выписал я эти цитаты лично сам из тома 24, стр. 125, изд. 5.

Вопрос: Почему они оказались у Гафарова?

Ответ: На этот вопрос я точно ответить не могу. Наверное, я сделал эту запись из произведений Ленина для какой-то своей цели, но потом, будучи в доме Ридвана, ее уронил, а он нашел и оставил у себя.

Вопрос: Вам предъявляется рукописный текст телеграммы по адресу: Москва Д-22, М.-Грузинская 31, кв. 70, Костерину А. Е. Кто составил данную телеграмму?

Ответ: С телеграммой на имя писателя Костерина я ознакомился, текст этой телеграммы написал лично я сам по случаю семидесятилетия со дня рождения писа-

теля. В составлении принимали участие все ее подписавшие. После составления этой телеграммы мы попросили Гафарова, поскольку он был на пенсии и располагал свободным временем, отправить ее адресату. Так рукописный текст остался у Гафарова. У кого дома оставалась телеграмма, я сейчас не помню.

Вопрос: Состоите ли вы в инициативной группе?

Ответ: Да, состою. В состав инициативной группы участка Тешик-Теш до канала от центрального поселка гор. Ангрена меня избрали в декабре 1966 года, после ареста Гафарова, Абдураманова и других, перед моим выездом в качестве представителя в Москву. С того времени я состою в инициативной группе своего участка. Инициативная группа участка Тешик-Теш города Ангрена до возвращения Гафарова Ридвана из заключения состояла из меня, неродного сына Гафарова — Руззета и Тызыккова Наримана.

По возвращении Гафарова Ридвана из заключения он тоже был избран крымскими татарами в состав нашей инициативной группы, членом инициативной группы Гафаров Ридван был до своего ареста в сентябре этого года. Сейчас наша инициативная группа опять осталась из трех человек — меня, Руззета, Тызыккова.

В последнее время наша инициативная группа, после ареста Гафарова, никакой активности не проявляет. Раньше мы, как инициативники, добивались разрешения нашего национального вопроса, в связи с чем выезжали как представители народа в Москву, проводили собрания, на которых ознакамливали народ с информацией.

Вопрос: Вам предъявляется лист с подписями крымских татар, одобряющих содержание Траурной информации, где под № 44 имеется запись: Измаилов Таир, торводоканал, и далее подпись. Кем учинена эта подпись?

Ответ: Я заявляю, что под порядковым номером 44 мною лично написана своя фамилия, место работы, а

затем učinена личная подпись. Я, как крымский татарин, полностью согласен с содержанием Информации № 69 и одобряю ее, потому я и расписался.

В о п р о с : Где конкретно Вы ознакомились с Информацией № 69 и расписались в поддержке доводов, изложенных в ней?

О т в е т : С Информацией № 69 я ознакомился в доме Гафарова в июне 68 года, после того как мы говорили о проводящемся оргнаборе, текст информации зачитал кто-то. После этого кем-то собирались подписи согласных с содержанием информации и для направления ее в ЦК КПСС. Я, будучи убежденным, что в Информации № 69 изложена только правда, и подписался. Однако, где и когда я это сделал, не помню. У самого Гафарова Ридвана я на ознакомление однажды брал домой информацию, но какую — 68 или 70, я сейчас не помню. Получалось так, что после рабочего дня в доме Гафарова Ридвана, уже после ознакомления с содержанием Информации № 69, состоялось ознакомление, как я сейчас вспоминаю, с Информацией № 70. На это собрание я опоздал, явился, когда № 70 была уже зачитана. Я у Гафарова взял информацию и стал ее читать. При слабом свете мне трудно читать, поэтому не дочитал ее до конца. Я взял ее у Гафарова и унес домой, где ознакомился с содержанием, после чего вернул ее обратно Гафарову. Текст Информации № 70 был отпечатан на тонкой папиросной бумаге, не чисто белой, а какой-то темноватой, да и сам текст являлся не первым экземпляром, из-за чего его очень трудно было читать.

Таир Измаилов

Ознакомившись с текстом протокола допроса, я хочу дополнить свои показания тем, что я лично с основной мыслью, выраженной авторами Информаций № 69 и № 70 о положении крымских татар, в целом согласен.

Однако с отдельными положениями этих информаций я не могу согласиться, поскольку в них мысль авторов изложена в грубой форме и резко, чего не должно быть в документах подобного рода, с которыми ознакамливаются многие крымские татары, и поэтому могут быть нежелательные кривотолки.

Дело № 109, т. 9, л. д. [18?].

№ 15

Заявление Р. К. Кадыева прокурору УзССР с протестом против ведения дела и с требованием нужной литературы. — 12 ноября 1968 г.

Прокурору Узбекской ССР
от заключенного в изолятор КГБ Кадыева Р. К.

З а я в л е н и е

С 7 октября 1968 года я заключен в следственный изолятор КГБ при Совете Министров Узбекской ССР с предъявлением обвинения по статье 191-4 уголовного кодекса Узбекской ССР. За весь период заключения меня допрашивали лишь 3 раза, а за последние 26 дней ни разу не был вызван на допрос. К тому же на предыдущих допросах следователи не пытались объяснить суть моей вины, а занимались лишь выяснением различных обстоятельств, совершенно не имеющих отношения к существу предъявленного мне обвинения.

Такое ведение дела не может не привести к выводу, что следственные органы КГБ, набившие руки на изготовлении дел для расправы над участниками национального движения крымских татар, фабрикуют без предоставления обвиняемому реальной возможности и времени для отстаивания своей невиновности очередное дело по крымскотатарскому вопросу, избрав в качестве жертв меня и моих товарищей Аметову С., Бариева А., Байрамова Р., Халилову М. и других, с тем, чтобы, как по нотам, заранее написанным композиторами, разыграть очередной фарс, называемый «правосудием Узбекской ССР», — тем «правосудием», которое с 1958 года, в нарушение законов СССР, советской конституции и Декларации прав человека, осудило на различные сроки более 200 представителей крымскотатарского народа лишь за их требование о восстановлении национально-равноправия своего народа.

Видя, что следователи по моему делу под Вашим руководством пытаются поставить меня перед фактом окончания следствия, в течение которого я не имел бы возможности отстаивать свою невинность, я протестую против такого ведения дела и к очередному допросу требую предоставить мне следующую литературу:

- 1) Декларацию прав человека;
- 2) Конституцию СССР;
- 3) КПСС в резолюциях и решениях съездов (все тома);
- 4) Полное собрание сочинений В. И. Ленина;
- 5) И прошу литературу по мере затребования.

В случае неудовлетворения полностью моих требований я оставляю за собой право отказа от допросов и отстаивания своих требований другими средствами.

12 ноября 1968 года.

Подпись

Протокол допроса М. Джемилева. — 19 ноября 1968 г.

Протокол допроса Джемилева Мустафы.

19 ноября 1968 г. — г. Москва. Нач. 20.00 — конец 21.00.

... На поставленные вопросы Джемилев Мустафа показал:

Из Москвы, из дома Костерина поступила телеграмма, кто конкретно ее получил в Ташкенте — говорить не буду. Я не скажу, кто меня направил, но только скажу, что был направлен в Москву принять участие в похоронах писателя Костерина, который много помогал нашему крымскотатарскому народу.

14 ноября 1968 года я участвовал в похоронах Костерина. У кого на квартире я ночевал по прибытии в Москву, отвечать отказываюсь и вообще показания давать не желаю и подписывать протокол не буду.

Когда сегодня пришли на квартиру Григоренко с обыском, то я был на этой квартире, т. к. ночевал там. Этот человек сочувствует движению нашего народа за возвращение в Крым.

Я принимал участие в движении крымских татар, чтобы добиться возвращения в Крым, и поскольку это движение на мой взгляд является законным, то о своих действиях рассказывать не желаю, отвечать на вопросы, с какого времени принимаю участие в этом движении, отказываюсь.

Я подписал целый ряд документов в адрес партийных и государственных органов, в которых поднимаются вопросы возвращения крымских татар в Крым и другие вопросы. Если предъявят мне эти документы в подлиннике с моей подписью, то я не откажусь от этих документов, т. к. полностью с ними согласен, одобряю их и поэтому подписал.

Мне предъявлены отпечатанные на машинке копии

документов «Обращение к советским писателям, работникам науки, искусства и культуры . . .», «В Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Генеральному прокурору СССР» от имени 16 представителей крымскотатарского народа, в которых указана в числе других и моя фамилия. Пока нет оригиналов этих документов с моими подписями, то я по копиям не могу сказать, именно этот документ я подписал, а на память я не могу знать, соответствуют ли они подписанным мною оригиналам.

И вообще, еще раз заявляю, что поскольку все документы крымских татар, в том числе и предъявленные мне, не являются антисоветскими, то я никаких показаний по вопросу составления этих документов, их распространения давать не желаю и не буду.

По документам, которые были изъяты на квартире Хаирова Иззета, пусть отвечает за них сам Хаиров. Я отказываюсь отвечать, кем написан документ под названием «Обзор фальшивок и опровержительных документов», который изъят на квартире у Хаирова, т. к. выше я уже объяснил мотив, почему не желаю давать показания по вопросам, которые мне ставятся.

Протокол допроса прочитан, записан правильно, но Джемилев Мустафа отказался от подписи.

Допросили: Березовский
Абушаев.

Дело № 109, т. 13, л. д. 67-68.

№ 17

Заявление Р. К. Кадыева Генеральному Прокурору СССР Р. А. Руденко с протестом против преследований крымских татар и с требованием гласности суда. — 22 ноября 1968 г.

Генеральному Прокурору СССР Руденко от заключенного в следственный изолятор КГБ при Совете Министров УзССР Кадыева Р. К.

З а я в л е н и е

7 октября 1968 года я арестован сотрудниками Комитета госбезопасности Узбекской ССР по санкции прокурора республики якобы: за изготовление и распространение документов, порочащих государственный и общественный строй по статье 191-4 уголовного кодекса Узбекской ССР.

Однако истинная причина моего ареста и заключения в следственный изолятор КГБ станет очевидной для Вас, стоящего на высшей ступени охраны советских законов, если я посвящу Вас в свою «тайну», — вопреки экстремистским попыткам «просталинских» государственных преступников ликвидировать когда-то существовавшую крымскотатарскую социалистическую нацию и даже «узаконить» подобные потуги через Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года о «татарах, ранее проживавших в Крыму» — вопреки этим попыткам я этнически осознаю себя *лишь крымским татаринном*.

И вот, Вы посвящены в мою «тайну», правда, которую я не прошу так оберегать, как Вы оберегали и оберегаете другую «тайну» от советского общества — судебные процессы над участниками национального движения крымских татар. Число невинных жертв «правосудия СССР», «самого гуманного в мире», с учетом ташкентских судебных процессов над Османовым Юрием, Османовым Сабри, Меметовым Энвером и Ме-

метовым Сейдали, а также над чирчикскими товарищами по поводу трагических событий 21 апреля 1968 года, с учетом судебных процессов в Крыму над возвращающимися крымскими татарами на родину, с учетом предстоящих процессов надо мной, Аметовой Светланой, Бариевым Айдером, Байрамовым Решатом, Халиловой Мунирой, Гафаровым Ридваном, Умеровым Ризой, Хаировым Иззетом, Языджиевым Исмаилом и Эминовым Русланом, — число жертв только за 1968 год превысило 50, а за период с 1958 года, во время Вашего прокурорства, число подвергнувшихся репрессиям за участие в национальном движении своего народа превысило 200 крымских татар.

И все это делается втайне от общества, в попытке скрыть от людей истину. Ведь ни один судебный процесс не был отражен в советской печати. Если осужденные совершили преступление перед обществом, то почему же общество не должно знать суть преступления, его причины? Более того, ведь существует вопреки желаниям отдельных руководителей партии и правительства национальное движение крымских татар за организованное возвращение на родину из мест ссылки, «резерваций», за восстановление национального равноправия. Так почему же советская печать — «самая правдивая в мире» — умалчивает об этом, скрывает от советских людей истинное положение национального вопроса полумиллионного народа, а исподтишка, осторожно, через периферическую печать бесстыдно лгала, утверждая, что татары, ранее проживавшие в Крыму, укоренились на территориях Узбекской ССР и других союзных республик.

Это ли не кощунство, если только под отдельными всенародными обращениями крымских татар были собраны до 120 тысяч подписей взрослого населения?

А в это время суды под вещания прокуроров расправлялись с наиболее активными участниками движения, обвиняя их в клеветнических измышлениях на совет-

скую действительность и утверждая, будто бы ничего особого в положении крымских татар нет, они, мол, пользуются всеми привилегиями и всеми правами наряду со всеми народами СССР; ну, а если чего и было плохого, то виноват «культ личности».

Так вот, гражданин Генеральный Прокурор, я хотел бы напомнить Вам некоторые обстоятельства из истории юриспруденции.

На послевоенных судебных процессах над фашистскими преступниками, обвиняемыми в преступлениях против человечности, Вы, представитель Советской державы, от имени миллионов погибших на фронтах Великой Отечественной войны, от имени матерей и вдов, от имени загубленных в лагерях, от имени всего советского народа, Вы, прокурор, требовали должного возмездия преступникам, несмотря на то, что защитники преступников пытались оправдать их или смягчить их вину, ссылаясь на доводы, будто преступники выполняли лишь волю фюрера и приказы немецкого генералитета.

И Вы действительно внесли свой вклад в справедливое дело, по которому преступники понесли заслуженную кару...

И вдруг на 20-м съезде КПСС весь мир узнал о новых массовых преступлениях сталинской своры, — миллионы людей замучены в застенках комитетов госбезопасности, погибли в сталинских лагерях, заточены в тюрьмы и за колючие проволоки, а малые народы, в числе которых и крымские татары, невинно оклеветаны и изгнаны в сталинские резервации. Но подобные чудовищные преступления против человечности оказались слишком компрометирующими партию, которая является «организатором и вдохновителем всех побед», поэтому был найден удобопереваримый «козел отпущения», «культ личности», на который можно было свалить всю кучу преступлений. У победы много родственников, у поражения — ни одного. А потому КПСС, возглавляемая сталинскими преступниками-убийцами

Хрущевым, Молотовым, Маленковым, Кагановичем, Ворошиловым и другими, оградила себя от ответственности за души миллионов; главное, что она вела народ к коммунизму, ну а «коли лес рубят — щепки летят».

В этот момент почему-то не зазвучал Ваш голос от имени миллионов замученных, вдов и сирот о должном возмездии, хотя преступники сидели перед Вами и так же, как и гитлеровские палачи, представляли себя лишь исполнителями воли «Великого Сталина».

А новоявленный «вождь», чья партийная этика обязывала быть «самым честным», «самым умным», «самым принципиальным», . . . в общем, «самым . . . самым», готовый отдать всю силу делу служения народу, а если потребуется, и жизнь, на очередном съезде партии этот вождь не постеснялся заявить, что сам он вместе со всеми членами Президиума ЦК КПСС побоялся бороться за справедливость; да и нужно ли было стесняться, ведь десятиmillionная армия партийцев представляла собой массу из таких же личностей, в лучшем случае молчавших в период «культа» и в большинстве своем делавших карьеру на доносах на честных ленинцев, а порой и на убийствах . . .

Так были списаны грехи с преступников, планомерно уничтожавших ленинскую гвардию большевиков и создавших партию нового типа, установившую вместо диктатуры пролетариата диктатуру кучки убийц с тоталитарным режимом.

А на маскараде отпущения грехов объявили актом величайшей гуманности реабилитацию оставшихся в живых жертв сталинского террора. Всякое преступление должно быть наказуемо.

Мне ли напоминать Вам о той аксиоме юриспруденции? Какая же это гуманность, если убийцы остались ненаказанными и продолжали занимать самые высокие посты в государстве?

Почему же прокуратура СССР не вспомнила о своих

функциях и обязанностях? Да не потому ли, что все было связано круговой порукой?

Ведь Вы лично, например, уже при Сталине были одним из ведущих прокуроров страны.

Сталин прекрасно понял, что для достижения своих целей (установить свою диктатуру в партии) ему понадобятся в первую очередь люди, которые из честолюбивых целей и соображений конъюнктуры будут угождать и выполнять любые его приказы. «Кадры решают все!» — объявил «гений», и он пестовал свои кадры. Кабинет Маленкова отлично справился со своей задачей — через трупы ленинцев вверх к власти пробрались люди новой морали и этики.

Вы, гражданин Генеральный Прокурор, сделали свою карьеру уже при Сталине. И было бы абсурдно предположить, что в сталинской стае волков была хоть одна паршивая овца. Вы, как прокурор, наверняка в тот мир иной притоворили немало настоящих людей. Сколько прошло их через Ваши руки, обогранные кровью? Сотни? Тысячи? Думаю, что в эту «свою тайну» Вы навряд ли хотели бы посвятить меня...

Столь небольшой экскурс в прошлое я вынужден был сделать для того, чтобы выяснить наши отношения, — отношение между обвиняемым в преступлении по ст. 191/4 УК УзССР Кадыевым Р. К., уроженцем города Симферополя Крымской АССР, и патентованным преступником-Генеральным Прокурором, вышестоянным «Великим Сталиным»...

Некоторые фашистские преступники на послевоенных процессах покончили жизнь самоубийством, — не из-за страха перед смертью, а очевидно, из-за того, что в последний момент осознали тягость своих преступлений и сами вынесли себе приговор.

Вы и Вам подобные слишком любите жизнь, и мне не дожидаться, по-видимому, того момента, когда в Вас заговорит человеческая совесть и изволите подписать себе приговор; а потому я с этим заявлением обращаюсь

не к Вам, преступнику прокурору, а к креслу, занимаемому пока Вами.

Я автор «Траурной информации № 69», «Информации № 70» и обращения представителей крымскотатарского народа к июльской сессии Верховного Совета СССР 1968 года.

Несмотря на то, что эти документы были подписаны не только представителями в Москве, а с десятью тысячами подписей под ними были направлены в ЦК КПСС и в Верховный Совет СССР, прокуратура Узбекистана не без и Вашего руководства пытается разыграть очередной процесс над представителями крымскотатарского народа.

С начала следствия я допрашивался лишь три раза, да и то формально; более месяца уже следователи не пытаются даже объяснить, в чем конкретно заключается моя вина. Да этого и им не нужно делать, — ведь обвинительные заключения уже давно состряпаны на предыдущих процессах, и прокурорам не остается делать на судах, как «с листа», по «нотам», пропеть заранее расписанную арию.

Прежде всего я хочу обратить Ваше внимание на нарушения законов прокуратурой Узбекской ССР. Если даже принять, что я совершил преступление, то следствие и суд должны проводиться по месту совершения преступления. Допустим, документы, составленные мною, были в Москве, а не в Узбекистане. Грубым нарушением законов явился и обыск на квартирах в городе Самарканде у моих родителей по улице Джаркурганская № 20 и на квартире тестя по улице Допризывная 13. Ни по одному из этих адресов я не проживал в момент ареста. В ночь с 6 на 7 апреля 1968 года я ночевал у своих родителей. До мая 1968 года я проживал по адресу «Допризывная 13», но впоследствии выписался с намерением прописаться в Крыму. В санкции прокурора республики на обыск указан был адрес «Допризывная 13», но органы КГБ города Самарканда

печатали другим шрифтом также адрес моих родителей, где я ночевал 5 и 6 октября. Так органы КГБ занимаются подлогом документов. Прежде всего я требую привлечения к уголовной ответственности за нарушение законов и подлог документов. Кроме того, при обыске на квартире родителей были изъяты и внесены в мой протокол обыска и документы, никогда не принадлежавшие лично мне, — документы моей матери.

Хочу также обратить внимание на необъективное ведение следствия прокуратурой Узбекской ССР. Следователи вовсе не пытаются разобраться, виновен я или нет, не доказывают мою вину и не объясняют сущность моего «преступления». Они считают, что этого им не надо делать, не нужно, а пытаются выискать тех свидетелей, которые удовлетворяли бы заранее известное обвинительное заключение. Выставляемых мною же свидетелей и факты, доказывающие акт дискриминации даже по отношению лично к себе, следователи не принимают во внимание.

В перечисленных мною выше документах говорится о фактах, соответствующих проводимой политике дискриминации крымских татар. Естественно, что следствие в первую очередь расценит это как «клевету, порочащую общественный и государственный строй».

Не останавливаясь на хорошо известных Вам фактах по крымскотатарскому вопросу, я приведу пример из своей жизни, имевший место даже после пресловутого Указа от 5 сентября.

Я работал с 1965 года ассистентом кафедры теоретической физики СамГУ. Каждому ассистенту полагается, кроме проводимой учебной нагрузки, курировать одну из студенческих групп. Курирование это, в частности, выражается и в том, что ассистенты, независимо от партийной принадлежности и собственной системы взглядов, должны проводить еженедельно политинструктаж в труппах, придерживаясь, конечно, сугубо официальной трактовки политических событий..

Не привыкнув лицемерить (в противоположность некоторым нынешним руководителям партии), я отказался в декабре 1966 года провести политинформацию в своей группе на тему о «самой-самой» демократичной Советской конституции, мотивируя отказ тем, что мне, как крымскому татарину, всю жизнь приходилось и приходится сталкиваться лишь с нарушениями и извращениями Советской конституции.

Не нужно ломать голову над тем, чем же окончился этот инцидент. Меня, беспартийного, вызвали на партбюро и довольно долгое время внушали мне, что я клевету на нашу действительность (какая привычная формулировка), что крымским татарам нечего сетовать на свою судьбу, короче, кончилось тем, что мне умудрились (беспартийному) вклеить выговор на партбюро.

Правда, после заседания некоторые партийцы высказывали мне свое «соболезнование» и посоветовали покорно смириться. «Мы тебя понимаем, но что поделаешь», — говорили они с глазу на глаз.

Но ни один из руководителей факультета и парторганизации нисколько не смутился после выхода Указа от 5-го сентября 1967 года. Ведь указ официально информировал, что положение крымских татар было дискриминационным.

Да и что говорить по поводу этих людей, когда не были реабилитированы представители национального движения крымских татар, народа, ставшие жертвами произвола и беззакония до выхода указа, осужденные за участие в национальном движении. Наоборот, после указа начался массовый террор над наиболее активными участниками движения.

9 сентября 1967 года в актовом зале СамГУ состоялось собрание сотрудников и студентов университета, на котором зачитывался Указ от 5 сентября 1967 года. Представитель ЦК КПСС Вишневский с трибуны начал грязно клеветать на крымских татар тут же после прочтения указа. Он называл вымышленные цифры о

числе дезертиров и предателей среди крымских татар, о спрятанных складах оружия и прочее, используя антисоветскую литературу Надинских, Вергасовых, Первенцевых и их компании. Вишневоцкий лгал с трибуны, утверждая, что у крымских татар никогда не было автономии... В общем трудно перечислить всю ту грязь, которую изрыгал этот матерый шовинист, антикоммунист, сталинский выкормыш, который в такой форме выполнял порученную ЦК ему «миссию».

В такой форме проводилась «политическая реабилитация», обещанная на приеме представителей крымскотатарского народа Ю. В. Андроповым и Вами. Когда же я вместе с В. Исмаиловым разоблачили лживость и провокационную миссию Вишневоцкого, то через день были вызваны в ректорат, где в течение 4 часов подвергались «идеологической обработке».

Состав президиума «суда»: академик Сарымсаков — министр высшего и среднего образования Узбекской ССР, академик Абдуллаев В. А. — ректор СамГУ, секретарь горкома партии Хаитов, представитель ЦК КПСС — Вишневоцкий, зам. председателя горисполкома — Блинков, доценты кафедры марксизма-ленинизма Тальшкин, Урунов и секретарь партбюро СамГУ — Саидов.

Обвинительные речи: «Вы (то есть я и Исмаилов В.) националисты, догматики, не понимаете текущего момента, ссылаетесь на Ленина, а марксизм ведь развивается... вам нет места в университете...»

Приговор: «Если не образумитесь, то пеняйте на себя.»

Так окончился негласный суд над крымскими татарами в «хранилище знаний».

Однако беды начались с этого. Теперь уже я навечно попал в «черные списки» КГБ. Сотрудники КГБ начали проводить планомерную травлю на меня. Дело не в том, что они по всякому поводу или без повода вызывали меня для «обработки» в КГБ или приходили на работу,

а дело в том, что органы госбезопасности начали вмешиваться непосредственно в мои научные дела в университете.

На работе мне под различными предложениями начали отказывать в запланированных командировках — научных. Когда же больше не оказалось предложений в отказе, проректор по науке профессор Риш и ректор академик Абдуллаев вынуждены были признать, что вопрос о моей научной командировке они не в силах решить, и предложили ждать «лучших времен».

И все-таки в феврале 1968 года мне удалось «выхлопотать» командировку — был издан приказ по университету, подписанный ректором на основании моего заявления, удовлетворенного проректором по науке.

Но не тут-то было... Явившись в канцелярию за командировочным удостоверением, я был весьма удивлен тем, что зав. канцелярией отказала мне в выдаче удостоверения, сославшись на выяснение некоторых обстоятельств спец. частью университета. Копии приказа уже были разосланы во все отделы ректората, и с содержанием приказа многие сотрудники были знакомы. Однако не прошло и 30 минут, как каким-то таинственным образом начали исчезать с отделов копии приказов. Работники бухгалтерии ломали голову в поиске приказа с тем, чтобы начислить мне командировочные, но их попытки найти приказ оказались безрезультатными. Все удивлялись и говорили, что в своей практике встречаются с подобным обстоятельством впервые. Явившись вновь в канцелярию, я потребовал подлинник приказа, но мне ответили, что такого приказа уже нет. На мое заявление, что в случае, если отменяется моя командировка, юридически должен быть издан новый приказ об отмене предыдущего, зав. канцелярией и юрисконсульт лишь многозначительно разводили руками...

Все дело оказалось в том, что заведующая спец. частью сразу же сообщила в КГБ о выходе приказа и

получила «санкцию» на немедленную «кражу» самого приказа и всех копий. Через 30 минут явился в ректорат сотрудник КГБ Козюрин и при мне же, ожидавшем в приемной ректора, вызвал проректора по науке и прошел с ним в кабинет ректора. «Беседа» длилась около часа. По окончании «беседы» вышедший из кабинета пунцово-красный профессор Риш, проректор по науке, попросил меня пройти вместе с ним в его кабинет, где сообщил мне, что командировка отменяется по вполне мне понятным причинам.

На мое официальное требование вернуть мне заявление с официальной мотивировкой отмены командировки профессор ответил отказом; отказался также выдать мне заявление с прежней резолюцией. Тогда я обратился к ректору, а он «дружески» посоветовал мне «смириться» и пообещал мне командировку, если я напишу «покаянное» заявление или признаю свои «ошибки» на собрании...

Вот Вам «советская действительность». Однако мое пресловутое «дело» о командировке этим не кончилось... Оказывается, что зав. спец. частью при отчете перед КГБ не досчиталась одного экземпляра копии приказа, того экземпляра, который был выдан расчетному отделу бухгалтерии, в котором работала крымская татарка Чолах Ф. Что тут было...

Два дня в ректорате разгорались страсти. Обвинили в пропаже Чолах Ф., которая якобы украла приказ для того, чтобы дать его мне как «вещественное доказательство» преступлений, творящихся под давлением КГБ. Чолах Ф. и угрожали, и уговаривали, но она лишь... плакала и отрицала свою «виновность» и «причастность» к «делу».

Страсти улеглись лишь на третий день, когда после болезни вышла на работу одна из сотрудниц бухгалтерии и выложила из сейфа злосчастный приказ, который она положила туда в день выхода приказа, перед тем как отпраиться с работы ввиду болезни.

Так вот, гражданин прокурор. Как Вы оцениваете все описанные мною обстоятельства? Или Вы не усматриваете тут никаких «нарушений законов»? Не кажется ли Вам, что здесь попахивает самой открытой, наглой и разнузданной дискриминацией?

Мои следователи пытаются обойти все перечисленное мною. Однако я требую в первую очередь привлечения всех мною перечисленных лиц в качестве свидетелей по моему делу, а в дальнейшем и привлечения кое-кого и к уголовной ответственности. Кого? Вам лучше знать. Не Чолах же!...

В начале мая 1968 года, уволившись с работы, я выехал представителем в Москву. Не буду останавливаться на московских событиях — майских и «облавах», они хорошо известны Вам (наверняка, даже санкционированы). Однако хочу обратить Ваше внимание на следующие факты прямого нарушения Конституции органами КГБ — подслушиванием и записью телефонных разговоров.

Будучи в Москве, мне приходилось по телефону разговаривать о делах представителей с различными моими товарищами, проживающими в Узбекистане. Некоторых из этих товарищей через два часа после разговора навещали работники КГБ и угрожали, если моя просьба к товарищам будет или выполнена, или передана крымским татарам.

Как Вы расцениваете это? Будете ли привлекать к уголовной ответственности зарвавшихся сотрудников КГБ? Ведь я потребую на суде вызова свидетелей этих фактов.

Вызывали сотрудники КГБ и моих киевских друзей и знакомых, которых я навещал в августе этого года.

В написанных мною документах, направленных в советские и партийные органы, нет никаких измышлений. В них говорится лишь о дискриминационном положении моего народа, о том, что до сих пор руководители партии и правительства игнорируют требование

крымскотатарского народа об организованном возвращении в Крым и тем самым проводят политику геноцида, направленную на ликвидацию крымскотатарской нации, в то самое время, когда в своих речах демагогически заявляют о расцвете ленинской национальной политики в СССР, о развитии культуры, науки, искусства всех народов СССР.

Поэтому-то Вы лично, прокурор республики, органы КГБ в угоду этим руководителям прилагают все усилия для расправы с участниками национального движения крымских татар, продолжая в новой форме сталинский план «ликвидации врагов народа» и непосредственно проводя в жизнь хищнический аппетит великодержавного шовинизма.

Не буду доказывать это ленинскими определениями и конкретизациями подобной политики, а Вам, ученику Сталина, приведу дорогие для Вас его слова.

«Существо уклона к великодержавному шовинизму состоит в стремлении обойти национальные различия языка, культуры, быта; в стремлении подготовить ликвидацию национальных республик и областей; в стремлении подорвать принцип национального равноправия и развенчать политику партии по национализации аппарата; национализации прессы, школы и других государственных и общественных организаций» (Сталин, «Об уклонах в области национального вопроса», отчетный доклад XVI съезду партии).*

Сталина, надеюсь, Вы хоть понимаете.

Бедный вождь! Клеймил позором «стремление подготовить ликвидацию национальных республик», но сам же ликвидацией и занимался, а продолжатели его дела прикладывают все силы, чтобы увековечить подобные деяния, и умудрились в 1967 году «узаконить» это по отношению к крымским татарам указом Президиума Верховного Совета СССР.

* См. XVI съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М.-Л. 1930, с. 54.

А вот резолюция X съезда партии «Об очередных задачах партии в национальном вопросе»:

«РСФСР и связанные с ней независимые советские республики представляют около 140 миллионов населения. Из них невеликороссов 65 миллионов (украинцы, белорусы, ... поволжские татары, крымские татары).

Попытки царизма, попытки помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояли в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности, руссифицировать их...»**

Крыть-то Вам и Вашим соратникам нечем!

Ведь «политику царизма, помещиков, буржуазии» с успехом осуществили сталинисты и сегодня еще пытаются «узаконить» свои преступные замыслы. И когда они в этой своей грязной деятельности встречаются с решительным отпором их делам, раскрытием их преступлений, то тут вся власть и весь аппарат партийных, советских государственных органов используется для массовых репрессий, организации по возможности тайных судебных процессов, фальсификации истории, литературы и прочее.

Именно с этой целью подготавливается очередной процесс надо мной и моими товарищами.

Именно поэтому мне отказывают в необходимой литературе для подготовки к защите, не дают сочинений Ленина, Декларации прав человека, резолюций съездов и конференций КПСС. Еще бы, ведь какой же преступник согласится добровольно в своем разоблачении. Тем более это относится к преступникам, стоящим на вершине власти, девиз которых: «Ни шагу назад без боя и крови со своих позиций!»

Поэтому существенным оружием Ваших «единомыслящих и единоедействующих» является террор, репрессии.

** См. X съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М. 1963, с. 701-702.

Но этим Вашим оружием не сломить правду, не поставить на колени мой народ. Вы можете пока лишь облить грязью, засадить в тюрьмы, оклеветать невинных людей, потому что «уж виноват я тем, что хочется Вам (и соратникам) кушать».

Протестуя против этих Ваших хищных замыслов, я требую:

- 1) привлечения к уголовной ответственности упомянутых выше лиц, виновных в нарушении советских законов;
- 2) вызова в качестве свидетелей также и лиц, перечисленных мной в эпизодах по университетской деятельности;
- 3) предание гласности через печать или радио об очередном судебном процессе, подготавливаемом для расправы надо мной и моими товарищами;
- 4) дать мне возможность выступить перед корреспондентами советских и зарубежных газет;
- 5) действительно открытого суда с участием корреспондентов;
- 6) предоставление мне для подготовки к защите:
 - а) Декларации прав человека;
 - б) Конституцию СССР;
 - в) Сочинения Ленина;
 - г) «КПСС в резолюциях и решениях съездов»;
 - д) изъятые при обыске личные записи в блокнотах и тетрадях.

В случае неудовлетворения моих требований я вынужден буду прибегнуть вновь к смертельной голодовке.

22 ноября 1968 года.

Подпись.

Данное заявление приложено к делу в томе № 19, обработано органами (подчеркнуты все острые моменты). [Примечание редактора рукописи].

Отношение начальника 5-го управления КГБ при СМ УзССР Каландарова начальнику ОКГБ при СМ УзССР по Ферганской области Н. Я. Пушкарю с просьбой организовать допросы. — 27 ноября 1968 г.

Начальнику ОКГБ при Совете Министров УзССР по Ферганской области полковнику Пушкарю Н. Я.

№ 5/3 6004, 27 ноября 1968 г. — г. Фергана.

При обыске у арестованного Хаирова И. изъяты списки крымских татар, подписавших автономистский документ «К оценке текущего момента в крымскотатарском национальном вопросе в свете событий 16-18 мая 1968 г. в Москве и в Крыму», а также ознакомившихся с «Траурной информацией».

Направляя часть этих списков, имеющих отношение к жителям Ферганской области, просим организовать допросы лиц, учинивших подписи в этих списках.

В протоколах допросов необходимо отразить следующие обстоятельства:

1. Когда и где учинена подпись, является ли она подлинной?
2. Какой документ зачитывался перед сбором подписей, кто его зачитывал?
3. Помнит ли подписавший содержание документа?
4. Кто собирал подписи?
5. Кому был передан список по окончании сбора подписей?

В связи с тем, что фамилии подписавших внесены в список одним и тем же почерком, необходимо выяснить, кто ему поручал собирать подписи и кому был передан список.

По окончании следственных мероприятий список и протоколы допросов просим направить нам. Ввиду, что по делу проводится следствие, с ответом, просьба, не задерживать.

Приложение: Список на 1 листе.

Начальник 5-го управления КГБ при Совете Министров УзССР

Подполковник Каландаров.

Дело № 109, т. 12, л. д. 2-3.

Заявление Р. К. Кадыева председателю КГБ при СМ СССР Ю. В. Андропову с нападком на КГБ. — декабрь 1968.

Председателю КГБ при Совете Министров СССР Андропову Ю. В. от заключенного в следственный изолятор КГБ при Совете Министров УзССР Кадыева Р. К.

З а я в л е н и е

«Как мы готовимся к славному юбилею — столетию со дня рождения вождя В. И. Ленина», — вот ежедневная рубрика всех советских газет с 1968 года, в которой отражаются отчеты и постановления о подготовке к юбилею ЦК КПСС, ЦК союзных республик, советских и партийных органов, обязательства предприятий, рабочих и служащих.

В этой широкой кампании по подготовке к празднованию юбилея через печать осветили свои цели и планы все органы, кроме комитета государственной безопасности, возглавляемого Вами.

Было бы наивным отнести столь многозначительное молчание к большой скромности аппарата, эмблемой которого является утвержденный самим вождем Щит и Меч; Щит — предназначенный защищать завоевания Октябрьской революции, и Меч — готовый сурово покарать ее врагов.

Так почему же «скромно» молчит Комитет государственной безопасности? Разве не может интересовать людей подготовка к славному юбилею не менее славных чекистов?

У меня, крымского татарина, арестованного 7 октября 1968 года якобы за «изготовление и распространение документов, порочащих общественный и государственный строй», и заключенного в следственный изолятор КГБ Совета Министров УзССР, было время задуматься над этим — следователи предоставили достаточно времени, потревожив меня лишь трижды для допросов

с тем, чтобы задать массу нелепейших вопросов, но ни разу не объяснив сущность моего «преступления», ни разу не указав, что с точки зрения блюстителей законов является «порочающим общественный и государственный строй» в принадлежащих моему перу документах, направленных в центральные советские и партийные органы. Да и нужно ли это следователям, — ведь все уже заранее заготовлено и предопределено, — и обвинение, и секретные инструкции КГБ о мере наказания и соло судьи. Осталось лишь одно — довести спектакль до конца, разыграть очередной фарс-псевдосуд и «именем Узбекской Советской Социалистической Республики» приговорить вновь испеченных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года «аборигенов» Республики, обретших «новую национальную родину», крымских татар Аметову С., Бариева А., Байрамова Р., Гафарова Р., Кадыева Р., Хаирова И., Халилову И., Умерова Р. и других.

Что представляет собой узбекское правосудие?

Вот что пишет шведская писательница и журналистка Сара Лидман.

«Законодательным властям... совершенно безразлично, что о них думают за рубежом. Если бы дело дошло до процесса, мне бы все равно не дали бы сказать ни слова. В этих случаях полиция зачитывает свой протокол, обвиняемый должен коротко отвечать «да» или «нет» на кучу нелепейших вопросов и выслушать приговор суда. В зале суда не обсуждают, справедлив ли закон. Если вы осудите «имморалитет экт» или как-нибудь выразите свое презрение к нему, то это может привести к тому, что вам увеличат срок судебного наказания...»*

Не правда ли, гражданин председатель, довольно убедительная картина беззакония и произвола.

Но не пугайтесь, Сара Лидман имела в виду лишь законодательные власти и правосудие в ЮАР, но я

* См. «Иностранная литература», 1962, № 10, с. 204-205.

представляю себе, что бы она написала, если бы посетила судебные процессы в Ташкенте над крымскими татарами. Смогла бы она тогда сказать о своем пребывании в Ташкенте: «Россию я полюбила через Африку еще до приезда к вам... Только в день отъезда из России я вспомнила, что не успела побывать в вашем суде...»

И я уверен, если бы Сара Лидман и захотела побывать в Ташкенте на таком процессе, то ваши чекисты с мечем в руках преградили бы ей вход.

Так как же чекисты под Вашим чутким руководством готовятся к юбилею?

У меня в камере на стене висят Правила режима для заключенных, содержащихся в следственных изоляторах органов госбезопасности, от 9 марта 1962 года, утвержденные Комитетом государственной безопасности при Совете Министров СССР и согласованные с прокуратурой СССР.

Пункт 6 гласит: «Заключенные имеют право приобретать за собственные средства по безналичному расчету продукты и предметы личного обихода на сумму до 10 рублей в месяц.»

Какое это имеет отношение к подготовке к юбилею?

Непосредственное. Я не буду касаться режима голода, поддерживаемого в тюрьмах, лагерях и изоляторах, при котором пища заключенного содержит ровно столько калорий, чтобы только не умереть от голоду, но зато в ослабленном организме вспыхивают новые и старые болезни.

К чему зверские пытки, избиения? Это ведь выходки фашистов да устаревшие методы Ягоды, Ежова и Берия.

Сейчас все поставлено на «научную базу» — режим и болезни с успехом сделают то, чего не могли бы сделать крайние пытки. Да к тому же от пыток отказались в наши времена даже и фашисты, признав, что режим голода — лучший метод. Это поняли и в ЮАР, и в Греции, и в Индонезии.

Если бы не было режима голода в изоляторах госбезопасности, то зачем же пресловутое право закупки продуктов на собственные деньги на 10 рублей в месяц?

В тюрьмах и лагерях заключенный может приобрести любые продукты на указанную сумму (правда, не от райской жизни).

В изоляторах КГБ это право лишь на бумаге, а секретная инструкция за № 052 от 9 марта 1962 года к «Правилам режима» поясняет, что в пятирублевой закупке из продуктов полагается лишь 0,5 кг. колбасы, 0,5 кг. сыра, 200 грамм маргарина и до двух кг. хлебобулочных изделий.

Вот в этом-то и вся соль! Секретная инструкция! Что это за система секретных инструкций ко всем законам и постановлениям социалистической государственной системы?

По таким же секретным инструкциям крымских татар не прописывают в Крыму, да и работники паспортных отделов открыто заявляют об этом.

По таким же секретным инструкциям осуществляется судебная расправа над активными участниками национального движения крымских татар.

По таким же секретным инструкциям устраивают крымскотатарские погромы (чирчикские события в апреле 1968 года, события в Крыму осенью 1967 года и кровавое воскресенье 1968 года).

По таким же инструкциям мне отказывают в сочинениях Ленина, Конституции СССР, Декларации прав человека и других документах.

И все это осуществляется, прикрываясь фразами о преданности марксизму-ленинизму. «У коммунистов слово не расходится с делом» (Брежнев: «Под ленинским знаменем дружбы народов»).

«Настоящие же коммунисты уверенно пролагают путь вперед, ищут наилучших решений возникших проблем, опираясь на социалистические завоевания. В том или ином вопросе анализируют неправильность их . . .» (Брежнев, Речь на 5 съезде ПОРП).

«По Ленину проверяют советские люди свою коммунистическую убедительность, принципиальность, идейную стойкость, преданность делу трудящихся (Брежнев, «Верность идеям Ленина, делу коммунизма — залог всех наших побед»).*

Это ли не перл лицемерия в устах «коммуниста № 1», вернувшегося к политике террора сталинской эпохи!

Это у Ленина «коммунист № 1» учится избивать и обливать щелочным раствором мирных людей, собравшихся в Чирчике отмечать день рождения Ленина?

Это у Ленина «коммунист № 1» учится избивать возвращающихся на родину в Крым после 25-летней ссылки крымских татар?

Это у Ленина «коммунист № 1» учится репрессировать людей, вина которых заключается лишь в том, что они требуют возвращения на родину?

Это у Ленина «коммунист № 1» учится принимать представителей народа — организовывать облавы и под конвоем доставлять в места резервации?

Это у Ленина «коммунист № 1» учится разрушать архитектурные памятники крымских татар в Крыму, уничтожать их могилы и кладбища, их мечети?

Это у Ленина «коммунист № 1» учится так «заботливо» относиться к чаяниям полумиллионного народа?

И в этой своей разнузданной деятельности первый помощник «коммуниста № 1» — КГБ, возглавляемый Вами. Щит и Меч! Щит лицемерия, под которым скрывают свои антиленинские цели, и Меч террора, нависший над головами тех, кто требует восстановления ленинских принципов национальной политики, — вот суть метаморфозы, происшедшей с КГБ, возглавляемым Андроповым, по сравнению с ВЧК, возглавившимся Дзержинским! Так как же готовятся к 100-летию вождя органы КГБ? Ответ может быть лишь один: «только по-сталински!»

Декабрь 1968 года.

* Л. И. Брежнев, *Ленинским курсом*, М. 1970, т. 2, с. 156-167, 326, 341-342.

№ 20

Заявление А. Бариева Генеральному Прокурору СССР Р. А. Руденко с просьбой ускорить разбор предъявленного ему обвинения. — 3 января 1969 г.

Генеральному Прокурору СССР Руденко Роману Андреевичу от заключенного, находящегося под следствием и содержащегося в следственном изоляторе КГБ при Совете Министров Узбекской ССР Бариева Айдера.

З а я в л е н и е

Гражданин Генеральный Прокурор, родился я 24 июня 1938 года в семье рабочего деревни Коклуз, Куйбышевского района, Крымской АССР — ныне деревня «Богатое ущелье», Куйбышевского района, Крымской области, Украинской ССР. В 1956 году окончил 7 классов, в 1957 году окончил училище механизации сельского хозяйства, с декабря 1958 года по январь 1962 года служил в рядах Советской Армии — танкист, механик-водитель, сержант. С марта 1962 года по 1968 год работал на УзКТЖМ города Чирчика. В 1953-1967 годы член ВЛКСМ. В 1968 году студент-заочник 5 курса сельхозтехникума.

Под руководством вождя мирового пролетариата В. И. Ленина и созданной им коммунистической партии Великая Октябрьская революция открыла новую эру в жизни человечества, эру счастливого будущего — эру социализма, ведущего к коммунизму.

Это в нашем столетии, в XX-м веке, народы всех национальностей, ранее угнетаемые, находящиеся в бесправии, в нищете и голоде, обреченные на вымирание, по призыву вождя мирового пролетариата и Коммунистической партии объединились и восстали против произвола, бесправия, творимого царским самодержавием.

Победа Октябрьской революции завершилась провозглашением Советской власти — факела дружбы, мира, свободы, равенства и счастья всех народов нашей страны. С момента образования молодого советского государства было особое внимание уделено В. И. Лениным и Коммунистической партией разрешению национального вопроса.

Резолюции по национальному вопросу, принятые седьмой Всероссийской конференцией РСДРП в апреле 1917 года, X съездом РКП(б) в марте 1921 года, гласили следующее:

«РСФСР и связанные с нею советские республики представляют около 140 миллионов населения. Из них — невеликороссов — около 65 миллионов (украинцы, белоруссы, киргизы, узбеки, туркмены, таджики, азербайджанцы, поволжские татары, крымские татары, армяне, чеченцы, осетины, кабардинцы, ингуши и другие).

Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве, и наконец, по возможности руссифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов. Теперь, когда помещики и буржуазия свергнуты, а Советская власть провозглашена народными массами и в этих странах, задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликоросских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национальному облику этих народов; б) восстановить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело

и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке.»*

«За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства. Отрицание такого права и непринятие мер, гарантирующих его практическую осуществимость, равносильно поддержке политики захватов или аннексий. Лишь признание пролетариатом права наций на отделение обеспечивает полную солидарность рабочих разных наций и способствует действительно демократическому сближению наций. Противоречия интересов господствующей нации с интересами подчиненных наций являются теми противоречиями, без разрешения которых невозможно устойчивое существование многонационального государства.

Партия требует включения в Конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций, какие бы то ни было нарушения прав национальных меньшинств. Теперь, когда национальные привилегии уничтожены, равенство национальностей проведено в жизнь, а право национальных меньшинств на свободное национальное развитие обеспечено самим характером советского строя, задача партии по отношению к трудовым массам этих национальных групп состоит в том, чтобы помочь им полностью использовать это обеспеченное за ними право свободного развития.»**

По инициативе В. И. Ленина от 18 октября 1921 года была образована Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика, входящая в состав РСФСР. За все пережитые унижения в прошлом, благодаря победе Великой Октябрьской революции, крымские татары наряду с другими национальностями получили возможность развивать свою культуру, национальную по

* См. X съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М. 1963, с. 701-702.

** См. VII Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. М. 1958, с. 251-252.

форме и социалистическую по содержанию. Основным языком Крымской АССР был утвержден татарский и русский.

Крымская АССР, за достигнутые в народном хозяйстве успехи, одной из первых среди республик была награждена орденом Ленина.

Внезапное нападение фашистов Гитлера, с целью поработить весь мир и задушить молодое Советское государство, встревожило и крымских татар. Сыны и дочери крымскотатарского народа, плечом к плечу с русскими, украинцами и так далее, стали на защиту Отечества, с ненавистью боролись против фашистских захватчиков.

Во имя Родины, за счастливое будущее советского народа, отдала свою жизнь дочь крымскотатарского народа Алимэ Абденнанова. Она руководила группой подпольщиков в Крыму и имела связь с Большой Землей. Алимэ была казнена фашистскими захватчиками, по частям вырезали ее тело, но она проявила мужество и героизм.

Сын крымскотатарского народа, Амет-Хан Султан, за проявленное мужество и отвагу в борьбе против авиации фашистских захватчиков дважды удостоен звания Героя Советского Союза, в настоящее время летчик-испытатель. Находящиеся в живых и отдавшие жизнь многие сыны и дочери крымскотатарского народа, за участие в борьбе против поработителей Гитлера, имеют награждения. Это является ярким примером участия крымских татар, плечом к плечу с другими национальностями, в борьбе против гитлеровского плана.

Война еще не окончена . . . 1944 год, в ночь с 17 на 18 мая, оставшаяся в Крыму часть крымских татар, то есть дети, матери, инвалиды, в течение 15 минут собраны в основном на кладбищах, в то время когда большая часть крымских татар находилась на передовой в борьбе с фашизмом.

Узнав о намеченном поголовном выселении из Крыма

крымских татар, все были обеспокоены. Весь Крым находился в траурном состоянии... Слезами была пропитана крымская земля, животный мир, — и тот испускал слезы, крики недовольства. Не щадя ни малого, ни взрослого, не дав ничего взять, почти голыми, граждан крымскотатарской национальности, под охраной с оружием в руках, грузили в товарные вагоны. Крым был в мрачном состоянии. В истории Крыма это было третье переселение крымских татар из Крыма. Вагоны, нагруженные гражданами крымскотатарской национальности, взяли свое направление на Урал и Среднюю Азию. От 18 мая Крым был очищен от исконного его населения. Мне было 6 лет, но я хорошо запомнил минуты прощания, из примера своей деревни, крымских татар с предками, с очагами, с животным миром, с родной землей. Народ, покидая Крым, горсть родной земли увозил с собою.

Крым — фонтан слез.

Война!... Будь она проклята!

На местах переселения крымские татары имели право передвижения в определенных районах, все находилось под комендантским надзором. Не имели права самостоятельного выезда за указанную территорию. Это было трудным периодом в создании нормальной жизни. Мой отец, воспаленный болезнями, 1945 года 11 июня в 2 часа скончался в Янгиюльской городской больнице Ташкентской области. Мать в возрасте 26 лет с двумя детьми осталась вдовой. Верная отцу и заботе воспитать нас, она свою жизнь посвятила воспитанию двух детей, одним из них являюсь я.

В декабре 1958 года мне выпало счастье нести службу в Советской Армии. Я с честью стремился быть верным данной мною присяге перед нашей советской родиной, перед советским народом. К тому же, мое национальное происхождение мне подсказывало о том, что я должен быть примером в служении и преданности

как представитель, призванный на исполнение служебного долга из числа крымских татар.

В последние месяцы службы, то есть перед демобилизацией, я по вызову крымского техникума механизации в ноябре 1961 года приехал в Крым. По окончании вступительных экзаменов меня вызвали в райвоенкомат. Мне военком подполковник Ковецкий задал вопрос:

— Вы поступили учиться?

— Да.

— Вы крымский татарин?

— Да.

— Вам придется сняться у нас с военного учета, забрать документы с техникума и покинуть территорию Крыма.

— Простите пожалуйста, на основании каких причин вы мне заявили об этом?

— Товарищ сержант, вы находитесь на службе, вам сказано, выполняйте!

— Товарищ подполковник, я не нахожусь в строю, и тем более, по решению военно-врачебной комиссии, мне предоставлен длительный отпуск, который я решил использовать для поступления в техникум. Предложенное вами мне заявление, на мой взгляд, не имеет ничего общего с моим долгом к службе. Сказанное вами коренным образом противоречит ленинской национальной политике.

— Вы еще будете меня учить, вон отсюда!

Я вышел, но примерно через десять минут был им же приглашен в кабинет.

— Товарищ сержант, вы не обижайтесь. Я по просьбе начальника милиции Советского района поставил вас об этом в известность. Если начальник милиции разрешит вам оставаться здесь, тогда пожалуйста оставайтесь на учете.

Начальник милиции поселка Советское, Советского района, принял меня вежливо, просмотрев все мои до-

кументы, выразил свое сочувствие моему положению, возражений на мою просьбу оставить меня учиться в Крыму не имел. Посоветовал поехать в город Симферополь к начальнику паспортного отдела Крымской области, так как по положению крымских татар не прописывали.

Разговор, в кабинете начальника паспортного отдела, с подполковником Прокопенко.

— Товарищ подполковник, скажите пожалуйста, в Крыму есть прописка?

— Да, есть.

— Почему же меня не прописали в поселке Советском, Советского района?

— Не может быть, у нас в городах есть прописка, а в районах тем более. (Звонит по телефону, кладет трубку.) Вы, оказывается, крымский татарин.

— Да.

Почему вы об этом не сказали сразу?

— Разве мое национальное происхождение имеет значение к вопросу прописки?

— Вам, как военному, я скажу, что есть указ правительства от 1956 года, на основании которого прописка крымских татар в Крыму запрещена. Обращайтесь в правительство, если будет указание прописать, мне все равно, кого прописывать, места хватит всем.

Поблагодарив за оказанный прием, я направился в городской комитет комсомола города Симферополя. На мое заявление в горком комсомола посоветовали обратиться в обком комсомола. В обкоме комсомола, на мою просьбу оказать содействие в устройстве работать на строительстве Северо-Крымского канала и заочно учиться в Крымском техникуме сельского хозяйства, заявили следующее:

«Крым граничит через море с Турцией, крымским татарам доверия нет, и во-вторых, какая разница, где жить и работать, крымских татар отсюда всех выслали, они живут и работают в Средней Азии, поезжайте

туда, там вас пропишут и будете учиться, а на строительстве Северо-Крымского канала мы обойдемся без вас.»

Я, ленинский комсомолец, будучи в форме советского солдата, был поражен ответом работников Крымского обкома комсомола. Если они с презрением относятся к моему социальному происхождению, то они обязаны были уважать мой комсомольский билет и форму советского солдата, которая была на мне.

С ноября 1961 года, на основаниях выше мною изложенного, я решил добиться истины, я не мог равнодушно отнестись к положению, в котором оказался.

Мною было написано письмо на имя гражданина Хрущева, ответа не последовало. Во второй половине января и первой половине февраля 1965 года, находясь в числе представителей крымскотатарского народа в Москве, я получил возможность письменно изложить чаяния граждан СССР крымскотатарской национальности, и в том числе свои. Написанные мною документы были сданы: в ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, Совет Министров СССР, в период с 27 января по 4 февраля.

Дополнительно имел телефонный разговор с инструктором ЦК КПСС по Узбекистану, гражданином Назаровым. Им было сказано: «Указ 1956 года пока остается в силе, документы ваши получены, они будут рассмотрены.»

В августе-сентябре 1965 года я вторично был в числе представителей. 4 августа 1965 года председатель Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микоян, на оказанном приеме представителям крымскотатарского народа, сказал: «Я принимаю вас по поручению Политбюро, изложенные вами просьбы и чаяния я доведу до сведения Политбюро ЦК КПСС.»

Возвращаясь из Москвы, я глубоко был уверен, что в скором партия и правительство рассмотрят чаяния крымскотатарского народа. Время показало следующее:

Обращение крымскотатарского народа в рамках законов советского общественного строя и ленинской национальной политики, в период 1965-68 годов, к руководителям партии, правительства, с просьбой восстановить настоящую их действительность, то есть организовано в течение определенного срока вернуть граждан СССР крымскотатарской национальности на Родину — Крым, с последующим восстановлением Крымской АССР, по настоящее время влечет за собой аресты, судебные процессы и другие меры наказания.

Нашлись люди, осмелившиеся заявить моей матери, якобы я, ее сын, являюсь первым врагом Советского государства. Как вы думаете, что могло быть с матерью, посвятившей всю жизнь воспитанию сына? Плюс к этому 12 сентября 1968 года сотрудники КГБ города Чирчика, гражданин Попович и гражданин Голубев, пригласили меня на собеседование к начальнику КГБ города Чирчика. Я с удовольствием, без никаких возражений, согласился. Однако, несмотря на мои честные намерения, в ожидании беседы меня доставили в КГБ города Ташкента, при Совете Министров УзССР. Вечером, в здании КГБ, мне предъявили заявление, написанное мною на ваше имя, копия на имя судьи гражданина Сметанина, от декабря 1967 года, по делу Альчикова, Кадырова, Ибраимова, Контуганской и других, — судебный процесс над ними происходил от 28 ноября по 13 декабря 1967 года в Ташкенте.

Следователь гражданин Воробьев заявил: Якобы я подозреваюсь в изготовлении и распространении заведомо ложной, клеветнической литературы, порочащей советский общественный строй.

На основании этого подозрения предъявили санкцию на мой арест, подписанную заместителем прокурора Ташкентской области гражданином Таджиевым.

Я в настоящее время изолирован от общества, но я не преступник, я гражданин СССР, в моей преданности ленинской партии и советскому общественному строю

можете не сомневаться. Если я обратился к коммунистам ленинской партии, к руководителям советского общественного строя, это не значит, что я порочу советский общественный строй. Обращение граждан крымскотатарской национальности, выражающее в себе восстановление их действительности, то есть реабилитировать, а это значит, в определенные сроки организовано вернуть их на Родину, с восстановлением Крымской АССР, которая дает им полноценную возможность развить и укрепить у себя вышеописанное в пунктах а, б, в из резолюции по национальному вопросу, не является преступлением.

Разве справедливо лишать свободы человека за то, что желал добиться права жить, работать и учиться в родном краю, то есть там, где родился.

Я повинуюсь законам юстиции, в следственном изоляторе КГБ города Ташкента с 12 сентября 1968 года жду разбора, то есть выяснения моей невинности.

Я, Бариев Айдер, виновным в предъявленном мне обвинении себя не признаю и о указанной зеведомо ложной клеветнической литературе понятия не имею.

Мне нет надобности и незачем порочить советский общественный строй.

В настоящем санкционирован мой арест прокурором юстиции второго класса гражданином Рузметовым по 15 февраля 1965 года.

Гражданин Генеральный Прокурор, обращаясь к вам данным заявлением, убедительно прошу вашего вмешательства ускорить разбор предъявленного мне обвинения.

3 января 1969 года.

Показания Ш. Ресулева о его подписи под письмом «К оценке текущего момента . . .». — 10 января 1969 г.

Протокол допроса свидетеля Ресулева Шукри. (1909 г. р., родился в г. Бахчисарае КРАССР, образование высшее, безпартийный, не работает по болезни, адрес: Таш. обл., 2-е отд. с/з Кибрай, СоюзНИХИ.) Выписки из показаний.

. . . Мне предъявлены два экземпляра списков с подписями крымских татар 2-го отделения совхоза Кибрай и поселка СоюзНИХИ, которые озаглавлены: «Подписи под письмом — [обращением] «К оценке текущего момента . . .». На обеих листах моя фамилия значится первой сверху. Напротив моей фамилии мной učinена подпись. Подписи моей жены — Ибраимовой Ф., сына Ресулева Рустема также učinена мной. Мной в этом же списке занесены фамилии с указанием места работы семнадцати человек, которые против своих фамилий расписались. Каждый против своей фамилии.

Себя, жену и сына и др. 17 человек я записал в список красными чернилами. Эти подписи были učinены на одном из собраний крымских татар, проживающих в поселке «СоюзНИХИ» и 2-го отделения совхоза Кибрай, которые состоялись летом 1968 года. Перед тем, как расписаться, собравшимся был зачитан документ «К оценке текущего момента . . .».

Кто взял списки с собранными подписями, я также не знаю.

10. 1 — 69 г.

Подпись

Допросил следователь Селюк.

Дело № 109, т. 12, л.д. 104-106.

№ 22

Сопроводительное письмо директора Крымского краеведческого музея в Симферополе Е. Жука в КГБ при СМ СССР по Крымской области о присылке двух записей крымских татар в книге отзывов музея. — 23 января 1969 г.

23 января 1969 г.

В управление КГБ при Совете Министров Украинской ССР по Крымской области.

Направляем на ваше рассмотрение изъятые из книги отзывов Крымского краеведческого музея 5 листов с записями клеветнического содержания, подписанные Хаировым И. С., Джемилевой С. А., Юсуповым М. Д., группой молодежи из 9 человек (Аметова-Ногашев) и Мурахасом Нурфетом.

Директор Крымского краеведческого музея Е. Жук.

Дело № 109, т. 13, л.д. 273.

№ 23

Запись И. С. Хаирова в книге посетителей Крымского краеведческого музея с жалобой на тенденциозное освещение истории Крыма. — 20 июля 1968 г.

Запись в книге посетителей краеведческого музея в Крыму (Симферополь), сделанная Хаириным И. 20 июля 1968 года.

Посещение музея и осмотр его экспонатов оставило в наших сердцах тягостное впечатление.

Слишком однобоко и тенденциозно раскрыта и показана история Крымского полуострова. Нет ни вещественных, ни документальных следов, которые хоть что-либо освещали из истории его коренных жителей — крымских татар, судьба которых так трагически сложилась.

Особый упрек в этом заслуживают научные сотрудники музея, которые, как люди науки, должны были бы быть беспристрастными в вопросах, касающихся истории.

Мы надеемся, что в следующий наш приход в музей мы будем иметь возможность увидеть на стендах личные вещи подпольщиков — крымских татар — Алиме Абденановой (резидента разведгруппы на Керченском полуострове), Абдуллы Дагджи («Дяди Володи») — подпольщика, зверски расстрелянного фашистами, партизанского разведчика Бекира Османовича Османова, за голову которого немцы обещали вознаграждение, и многих других, документы о жизни, деятельности и подвигах которых хранятся в государственных архивах.

Мы надеемся, что наконец будет покончено с фальсификацией истории крымских татар — этой многострадальной нации.

Посетители музея:

Хаиров И. С. — инженер, (подпись),
Джемилева С. А. — педагог, (подпись),
Юсупов М. Д. — шофер, (подпись).

20 июля 1968 г.

Дело № 109, т. 13, л.д. 276.

Замечания группы крымскотатарской молодежи в книге отзывов Крымского краеведческого музея. — Без даты.

Запись в книге отзывов Симферопольского краеведческого музея, сделанная группой крымскотатарской молодежи.

Мы, группа крымскотатарской молодежи, посетили Симферопольский краеведческий музей, где экспонируются материалы, касающиеся этнографии, истории, героических дел людей этого замечательного края. Но нас, уроженцев Крыма, глубоко обидело то, что на стендах музея совершенно не отражены факты, события, героизм, относящиеся к представителям крымскотатарского народа.

Вот наши конкретные замечания:

1. При становлении Советской власти в Крыму в 1917-1920 гг. немаловажную помощь оказали Красной Армии и крымские татары. (Общеизвестен факт участия жителей Дерен-Аеран в операциях совместно с т.т. Мокроусовым и Папаниным.)

2. Подвиг, совершенный разведчицей-резидентом приморской Армии, комсомолкой Алимой Абденнановой, в 1943-1944 гг. Она посмертно награждена орденом Боевого Красного Знамени. О ней имеется сценарий, переданный по Московскому телевидению.

3. Отсутствие фотографий на стендах «Наши земляки — Герои Советского Союза» — Героев Советского Союза-крымских татар: Решитова Абдураима Исмаиловича — подполковника авиации (ныне проживающий в г. Симферополе), Абдул Тейфук — погиб в Берлине, похоронен во Львове на Холме Славы; Абдураманов Узеир — проживающий в г. Бухаре; Сеитнафе Сеитвелиев — проживающий в г. Ленинабаде Таджикской ССР.

4. В годы оккупации Крыма немецкими фашистами в 1941-1944 гг. немало крымских татар было среди от-

важных мстителей-партизан: комиссар Северного соединения — тов. Мустафа Селимов, легендарный разведчик — тов. Османов Бекир Османович (за его голову немецкое командование предлагало 100 000 марок), и другие отважные партизаны. Вожак партизанского подполья в Симферополе «Дядя Володя», описанный в книге И. Козлова «В Крымском подполье», впоследствии казненный немцами — Абдулла Дагджи. Казнены также все члены его семьи.

Очень странно, что все перечисленные факты целиком игнорированы в экспозициях музея.

Мы просим дирекцию музея, получив соответствующую санкцию вышестоящих партийных органов, уделить достойное внимание памяти и делам замечательных сынов и дочерей крымскотатарского народа, хоть все еще находящегося вдали от родного Крыма. Пусть и их коснется лозунг: «Никто не забыт, ничто не забыто!»

1. Аметова — инженер	5. Джемилев Р. — строитель
2. Годженев — педагог	6. Амзаева Р. — рабочая
3. Годженева — мотористка	7. Мустафаева — завмаг
4. Абдуллаев — электрик	8. Ногашев М. — шофер
	9. Ногаш — рабочий.

Документ подписан указанными лицами.

Дело № 109, т. 13, л.д. 274-275.

№ 25

*Письмо секретаря Октябрьского РК КП Узбекистана
Т. С. Садыкова следователю по особо важным делам
Б. И. Березовскому с просьбой сообщить где партийный
билет И. С. Хаирова. — 28 января 1969 г.*

Следователю по особо важным делам при прокуратуре
УзССР.

№ 90 (25, 28) I — 69 — г. Ташкент, ул. Глилки № 11.

Октябрьский райком КП Узбекистана гор. Ташкента
просит Вас сообщить, отбирался ли партийный билет
№ 10486346 у арестованного Хаирова И. С. и куда он
направлен. Партийный билет нам необходим для при-
ложения к учетной карточке, как на исключенного.

Секретарь Октябрьского РК КП Узбекистана
Т. Садыков.

Дело № 109, т. 1, л.д. 93.

№ 26

Ответ Б. И. Березовского на просьбу Т. С. Садыкова
(Док. № 25). — 12 февраля 1969 г.

12 февраля 1969 г. — г. Ташкент, 25/109.

Секретарю Октябрьского РК КП Узбекистана тов.
Садыкову Т.

На ваш № 90 от 21 [?] января 1969 г.

Сообщаю, что во время произведенного обыска на
квартире обвиняемого Хаирова Иззета Серверовича пар-
тийный билет на его имя обнаружен не был.

Следователь по особо важным делам при прокуратуре
УзССР.

Советник юстиции Б. Березовский

Дело № 109, т. 1, л.д. 97.

№ 27

*Заявление И. С. Хаирова следователю КГБ при СМ УзССР К. М. Абушаеву с повторением просьбы о встрече с руководителями высших партийных органов.
28 января 1968 г.*

Следователю КГБ при СМ УзССР Абушаеву К. М.
от з/к Хаирова И. С.

З а я в л е н и е

Гражданин следователь, вот уже пятый месяц, как я брошен в тюремный застенок и по существу дела сам не знаю, за что.

В течение всего этого промежутка времени я неоднократно подвергался унижительной процедуре допросов и так называемых бесед.

Каждая из этих бесед и допросов представляет собой новый (видоизмененный) вариант тонко рассчитанных психологических приемов, направленных на моральное и духовное давление на подсудимого, имеющих конечной целью вынудить последнего давать показания. Не явился исключением в этом смысле и я, пишущий эти строки.

В течение указанных месяцев я имел неоднократно встречи как с вами, так и со следователем Березовским Б. И. В ходе допросов и совместных бесед у меня возник ряд вопросов, выяснение которых для меня существенно важно. В то же время приводимые ниже вопросы должны объяснить смысл данной выше оценки и характеристики методов ваших допросов, направленных (надо полагать) на установление истины.

I

Как вам известно, на первых же допросах я заявил следователю Шафееву, а затем и Воробьеву, о том, что

все необходимые подробные пояснения по поводу изъятых у меня документов я считаю необходимым дать в высшей партийной инстанции. Кроме того, в ходатайстве я заявил о своем стремлении попасть на прием к М. А. Суслову — члену Политбюро, секретарю ЦК КПСС и затем — к Рашидову Ш. Р. — первому секретарю ЦК КП Узбекистана. В письме от 23 октября 1968 года на имя прокурора УзССР я подробно изложил мотивы своего ходатайства и просил через соответствующие каналы довести мою просьбу до сведения члена Политбюро ЦК КПСС — Суслова М. А. Однако конкретного ответа по существу своего заявления я не получил. Мне прислали уведомление о том, что прокуратура считает обоснованным мое заключение — и все. Ответа на свое следующее заявление я вообще не дождался.

В то же время вы и следователь Березовский со своей стороны неоднократно заявляли на следствии, что мое ходатайство — это не что иное как трюк, рассчитанный на то, чтобы уйти из-под ответственности (!?).

Допустим на миг, что вы правы: в таком случае вы считаете, что встреча с руководителями партии поможет мне уйти из-под ответственности.

Если вы искренне уверены в этом, то лучшего признания с вашей стороны моей невиновности и не придумаешь. Ведь, в самом деле, не станете же вы утверждать, что руководители партии менее прозорливы, чем вы. Я абсолютно убежден в том, что с не меньшим успехом истина может быть установлена не только здесь, но и в Москве. Я неоднократно заявлял об этом как вам, так и следователю Березовскому, однако, несмотря на это, вы продолжаете вызывать меня на допросы и домогаться признаний в несуществующем преступлении.

В этой связи возникает вопрос: Какова цель настойчивых стремлений добиться моих показаний здесь, на следствии, и отклонения моего ходатайства о предоставлении мне возможности ответить на эти же вопросы в высшей партийной инстанции? В чьих это интересах?

На последнем допросе, 22 января 1969 года, в беседе, касающейся степени разрешенности крымскотатарского национального вопроса, высказали мысль о том, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года «о гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму», является окончательным и никакого другого указа (решения) не будет. В связи с этим разрешите задать вам второй вопрос:

Какова правовая основа данного утверждения? Является ли это мнение официальным? В каких правительственных документах это находит свое отражение?

Как известно, партия — это руководящая и направляющая сила нашего советского общества. Общественно-экономическая и политическая жизнь — основная сфера, где проявляется ее деятельность. Национальный вопрос в этом аспекте не является исключением. Поэтому хотелось бы спросить вас:

На каком из партийных съездов или пленумов констатирован факт полного и окончательного решения судьбы молодой социалистической нации крымских татар. Можете ли вы назвать документы, отражающие это? Или, быть может, у партии есть решения, скрытые от многомиллионной армии коммунистов и беспартийных.

В течение всего процесса предварительного следствия я неоднократно обращался к вам с ходатайством о предоставлении мне необходимой юридической и политической литературы для того, чтобы иметь представление о своих правах и обязанностях, подготовиться к защите. Кроме того, указанная литература, например, отдельные труды Ленина по национальному вопросу, мне необходима как источник представления доказательств своей невинности. Той же цели должны служить основной закон СССР, Конституция, и программа партии. Но вы неизменно отклоняли эти ходатайства под тем или иным предлогом. Например, на допросе 23 октября 1968 года вы заявили, что согласно правилам режима для заключенных, содержащихся в следственных изоляторах КГБ, иметь в камере юридическую и политическую литера-

туру (мы говорим о литературе, разрешенной законом) запрещается.

Однако согласно этим правилам [режима] КПЗ заключенный имеет право пользоваться литературой из библиотеки изолятора, но в правилах не указано, какой именно литературой. Следовательно, напрашивается вопрос: «Есть ли закон, прямо запрещающий заключенному пользоваться юридической и политической литературой, тем более если это необходимо для целей, указанных выше?» Из всего сказанного вытекает вопрос:

Разве знание подсудственным уголовно-процессуальных законов и всех своих прав (в том числе и политических) делает следователя менее логичным, если выдвинутые последним обвинения объективны и собранные доказательства виновности подсудственного непроверяемы?

По сути дела, следствие с первых же дней моего пребывания под стражей лишило меня важнейших источников доказательства моей невиновности, изолировав от этих источников.

Несколько слов о наших с вами взаимоотношениях в процессе допросов. Согласен с вами — закон уполномочил вас вести следствие по тому или иному делу. Но означает ли это, что вы можете унижать честь и достоинство человека, волею судеб оказавшегося вашим подсудственным.

В процессе допросов мне не один раз приходилось слышать от вас такие выражения, как «бузотер», «баламут», «трус», «человек, озлобленный против Советской власти» и так далее, и это после всего того, как я неоднократно в устном и письменном виде заявлял как в прокуратуру УзССР, так и вам с Березовским Б. И., что по существу поставленных вопросов намерен говорить только в партийных инстанциях.

Чего вы добиваетесь, гражданин следователь? Слобить меня морально и таким путем вырвать удобные следствию показания? Я еще раз спрашиваю: «Кому это нужно? В чьих это интересах?»

II

В заключение коротко остановлюсь на причинах, вынудивших меня искать встречи с руководителями высших партийных органов. На допросах мне неоднократно приходилось слышать от вас и следователя Березовского, что такие, как я, «баламутят» народ, «не дают ему спокойно жить». Для меня до сих пор непонятна сущность подобных обвинений. Что это значит? Следует ли вас понимать так, что крымские татары — это дикий, нецивилизованный народ, лишенный каких-либо приращков национального самосознания, который окончательно осел на новых местах поселения, приспособился к новым экономическим и климатическим условиям, что он быстро теряет свои исторические и этнографические признаки и особенности и таким образом постепенно ассимилируется, растворяясь в среде других наций. А тут де отдельные «баламуты», «бузотеры» мешают этому процессу, и если бы их не было, то процесс этот протекал бы по намеченному руслу.

Если вы в самом деле так думаете, то одно из двух: или вы не совсем ясно себе представляете законы диалектики и исторического развития человеческого общества (что, впрочем, маловероятно), или же вы считаете, что в вопросах регулирования национальных взаимоотношений элемент принуждения играет решающую роль. А это значит, что малую нацию можно подвергать насильственной ассимиляции, если большая нация находит это необходимым для своих интересов, поставив малую нацию в определенные условия и силой подавляя малейшее стремление малого народа к сохранению и развитию всего того, что характеризует его как нацию.

Политика эта по сущности своей не нова, в свое время была разоблачена и отвергнута марксизмом. Она противоречит в корне ленинской национальной политике, на которой строятся сегодня национальные взаимоотношения в СССР.

Она противоречит положениям Конституции СССР, программе КПСС по национальному вопросу.

Чудовищные акты 1944 года по отношению к ряду малых социалистических наций в СССР породили свои проблемы и парадоксы, отдельные из которых не решены по сегодняшний день. Именно этим следует объяснять возникшее в середине шестидесятых годов нашего столетия движение крымских татар, направленное против политики насильственной ассимиляции, за равноправное развитие в многонациональной семье народов СССР. Это движение опирается на марксистско-ленинское учение, на Конституцию СССР, на программу партии. По характеру своего развития движение это представляется мне стихийным, что не гарантирует его от элементов случайности и отдельных отклонений из рамок закона. Но это ни в коем случае не значит, что оно незаконно. Это было подтверждено членами правительства — товарищами Андроповым, Георгадзе, Руденко, Щелоковым на приеме представителей крымских татар в 1967 году.

Однако в настоящее время сложилось такое положение, когда под видом борьбы с этими отдельными нарушениями проявляются тенденции задушить в зародыше само движение. С этой целью делаются попытки расколоть движение изнутри, проводятся меры репрессивного характера. Далеко за примерами ходить не нужно, чтобы показать это: в 1968 году среди крымскотатарского населения были распространены сотни анонимных писем, порочащие законные стремления крымских татар вернуться на Родину отцов. Было устроено несколько судебных процессов, где фактически безвинные люди были приговорены к различным срокам лишения свободы и брошены за колючую проволоку лагерей. Ни суд, ни следствие не ставили своей целью и задачей разобраться в причинах, приведших этих людей на скамью подсудимых.

Образно решение крымскотатарской национальной проблемы сегодня можно сравнить с лечением чирия, выскочившего на здоровом теле, когда этот чирий, вместо

того, чтобы подвергнуть его квалифицированной медицинской операции с вмешательством опытного хирурга, дают лечить знахарю, который ковыряется в нем с ржавым гвоздем. Хорошего от подобной операции, разумеется, ждать не приходится.

Подводя краткое резюме изложенному выше, скажем: крымскотатарская национальная проблема, представляющая собой проблему государственного масштаба, давно назрела и требует своего разрешения. Все вопросы, связанные с этой проблемой, должны рассматриваться прежде всего партийными органами.

Как показывает практика прошедших судебных процессов (а их было около двадцати) над гражданами крымскотатарской национальности, привлекаемыми к уголовной ответственности по ст. 191-4 и 191-6 УК УзССР, в подавляющем большинстве случаев целенаправленность расследования дел, методика следствий, проводимых судебно-следственными органами, не дает оснований рассчитывать на объективное и беспристрастное расследование дел, связанных с национальным вопросом, ибо здесь игнорируется сама идея необходимости глубокого анализа и изучения первопричин, приводящих на скамью подсудимых все новые группы моих соотечественников.

III

Все это и побуждает меня еще и еще раз настаивать на том, чтобы мне была предоставлена возможность встретиться с руководителями высших партийных органов. Вы неоднократно подвергали насмешкам суть моего ходатайства, пытаясь доказать, что подобные ходатайства невыполнимы, что таким, как я, там нечего делать и никто со мной не станет говорить по данному вопросу.

Что касается того, что я простой смертный, — вы правы. Да, я простой человек, рядовой инженер, рядовой член партии. Не имею высоких титулов, не отличен высокими правительственными наградами. Но это не ме-

шает мне оставаться честным человеком, трезво и принципиально смотреть на действительность. К этому меня обязывает принадлежность к партии коммунистов. Что же касается реальности выполнения моего ходатайства, то если отбросить в сторону заботу о чести мундира, которая иного работника занимает больше, чем судьба человека, то ничего невыполнимого я здесь не вижу, ибо партийная демократия, как следует из Устава партии, одна для всех — и для рядового коммуниста и для Генерального Секретаря.

Заканчивая свое заявление, считаю своим долгом еще раз подчеркнуть, что как бы ни сложилась в дальнейшем моя судьба, решения своего менять не собираюсь, ибо речь идет не только о личной моей судьбе.

28 января 1969 года.

*Список документов, признанных следствием
вещественными доказательствами. —
3 февраля 1969 г.*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о признании документов вещественными
доказательствами.

г. Ташкент — 1969 год, 3 февраля.

Следователь следственного отдела КГБ при Совете Министров УзССР, старший л-т Мустафаев, рассмотрев материалы уголовного дела № 109 по обвинению Байрамова, Кадыева, Умерова и других,

у с т а н о в и л :

Привлеченные к уголовной ответственности по настоящему делу Байрамов, Кадыев, Халилова, Аметова, Умеров, Языджиев и др. обвиняются в изготовлении и распространении документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Большое количество таких документов обнаружено и изъято при обыске у вышеназванных обвиняемых, другая часть таких же документов поступила в распоряжение следствия от различных адресатов — учреждений и частных лиц, которым обвиняемыми эти документы были распространены по почте или путем личного вручения:

1. Информации 61-64; 67-68; Траурная информация [69]*; Информации [70]-73.
2. Письмо обвиняемого Кадыева Роллана на имя Генерального Секретаря ЦК КПСС.
3. Обращение крымскотатарского народа к открывающейся сессии Верховного Совета СССР.
4. Письмо обвиняемых Байрамова и Бариева, Халиловой и Аметовой на имя Генерального Секретаря ООН У Тана.

* См. приложения № 8.

5. Письмо обвиняемых Байрамова и Бариева «Инициаторам г. Чирчика».
6. Документ, обращенный к советским писателям, работникам науки, искусства и культуры, политическим и общественным деятелям СССР.
7. «Чирчикских громил к ответу».
8. «Похороны под надзором КГБ».
9. Обращение к советской общественности, Президиуму Верховного Совета СССР от имени 40 крымских татар, возвратившихся в Крым.
10. Письмо, адресованное «В Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Председателю Совета Министров СССР, Генеральному Прокурору СССР «от имени 16 крымских татар».**
11. «Информация от 15 мая по 2 июня 1968 года о фактах неслыханных репрессий против крымских татар в Крыму и в пути этапирования».
12. «Протест», адресованный ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР и Генеральному Прокурору СССР.
13. Письмо в Политбюро ЦК КПСС от имени крымских татар, проживающих в Сырдарьинской области.
14. Письмо Генеральному Секретарю, Верховному Совету СССР и в другие адреса от имени крымских татар, проживающих в г. Баку.
15. «Кровавое воскресенье».
16. Статья А. Костерина «О малых и забытых».
17. Письмо председателю Крымского облисполкома тов. Чемодурову.
18. «К оценке текущего момента в крымскотатарском национальном вопросе в свете событий 16-18 мая 1968 года в Москве и Крыму».
19. Статья А. Костерина «Раздумья на больничной койке».
20. Письмо А. Костерина на имя Председателя Совета

** См. Приложения № 5.

Национальностей Верховного Совета СССР и в редакцию журнала «Новый мир».

21. Письмо А. Костерина «Дорогие мои ребятки — внучатки».
22. Открытое письмо А. Костерина в «Литературную газету».*
23. Письмо А. Костерина «Всем членам Политбюро ЦК КПСС».
24. Запись речи Григоренко, произнесенной 17 марта 1968 года на банкете в Москве по случаю 72-летия писателя Костерина.**
25. «Запись беседы с Григоренко».
26. «Письмо Григоренко на имя Председателя КГБ при Совете Министров СССР Андропова».**
27. Документ, составленный обвиняемым Байрамовым, под названием: «Геноцид в политике правительства Советского государства»***
28. Закрытое письмо членам инициативных групп Самаркандской области.
29. Информация № 5 — о встрече представителей инициативных групп.
30. Информация № 8 — о встрече представителей инициативных групп.
31. Открытое письмо обвиняемого Языджиева.
32. Письмо, адресованное в правительственные инстанции, начинающееся словами: «Крымскотатарский народ почти четверть века лишен отчизны...», изготовленное обвиняемым Языджиевым.
33. Документ, изготовленный обвиняемым Языджиевым, адресованный в редакцию газеты «Правда».
34. Письмо А. Костерину, изготовленное обвиняемым Языджиевым.
35. Документ, начинающийся словами: «Любой рож-

* См. Приложения № 9.

** См. *Мысли сумасшедшего. Избранные письма и выступления Петра Григорьевича Григоренко*. Амстердам 1973.

*** См. Приложения № 6.

ден свободным, равным и без всяких приговоров судьбы...», изготовленный обвиняемым Языджиевым.

Учитывая, что перечисленные документы содержат заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, и являются вещественными доказательствами, руководствуясь ст. ст. 59, 60, 62 п. 5. УПК УзССР,

п о с т а н о в и л :

перечисленные в постановлении документы признать вещественными доказательствами и приобщить их к делу № 109 по обвинению Байрамова, Кадыева и других.

Следователь следственного отдела КГБ при СМ УзССР
Старший лейтенант Мустафаев Д.

Дело 109, т. 9, л.д. 1-4. В томе 9 собраны документы и показания целого ряда свидетелей относительно Кадыева Роллана и Гафарова Ридвана. [Примечание редактора рукописи.]

Показания Р. К. Кадыева о законности крымско-татарского движения. — 5 февраля 1969 г.

Протокол допроса
обвиняемого Кадыева Роллана (выписки).
5/II — 1969 г. Ташкент.

... Если не было «так называемого крымскотатарского вопроса», то к чему же тогда был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года, и следовательно, сами составители указа занимались в равной степени такой же «активной подстрекательной деятельностью». Если это входит в нарушение правовых норм, то готов отвечать за это перед судом, но и вместе с составителями Указа...

... Андропов Ю. В. на приеме представителей заявил, что «так называемый крымскотатарский вопрос» (цитирую из пояснения к обвинению) Политбюро решил только наполовину.

... Печально, если борьба за претворение в жизнь принципов ленинской национальной политики объявляется незаконной и за участие в ней привлекают к ответственности.

... Ссылка не единственного представителя, а целого народа в международной юриспруденции называется резервацией (см. Декларацию защиты прав человека).

Дело № 109, т. 19, л.д. [не указан].

Заявление И. С. Хаирова следователю по особо важным делам Б. И. Березовскому с просьбой обеспечить его юридической литературой. — 13 февраля 1969 г.

Следователю по особо важным делам при прокуратуре УзССР Березовскому Б. И. от обвиняемого Хаирова И. С.

З а я в л е н и е

Гражданин следователь! Как я уже уведомил Вас заявлением от 11 февраля 1969 года, свою защиту как в период предварительного следствия, так и на судебном процессе, намерен возложить на себя.

Не обладая специальным юридическим образованием и не имея под рукой необходимой юридической и другой литературы, я вынужден обратиться к Вам с просьбой обеспечить меня литературой, перечень которой привожу ниже:

1. Уголовный кодекс УзССР.
2. Уголовный кодекс УССР.
3. Уголовно-процессуальный кодекс УзССР.
4. Комментарий к уголовному праву.
5. Основы уголовного права.
6. Введение в теорию государства и права.
7. Труды В. И. Ленина по национальному вопросу (избранные).
8. Программа и Устав партии.
9. Конституция СССР, УзССР и УССР.
10. Указ Президиума Верховного Совета УзССР «о дополнении к главе IX УК УзССР от 9/X-1966 года».
11. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года «о гражданах татарской национальности . . .».

Указанный перечень литературы может быть доставлен моей супругой Васфие Джемилевой, проживающей по адресу:

Октябрьский район, ул. Шамахмудова,
пр. Чемонар, дом № 69.

Убедительно прошу Вас удовлетворить мою просьбу до начала ознакомления с материалами дела.

13 февраля 1969 года

*Характеристика И. С. Хаирова с места работы. —
24 февраля 1969 г.*

Партийно-производственная характеристика
на бывшего работника Узбекской республиканской
лаборатории Госнадзора за стандартами и
измерительной техникой УзРЛГН —
Хаирова Иззета Серверовича.

Хаиров И. С. 1938 г. рождения, по национальности татарин, имеет незаконченное высшее образование (до решения общего собрания 16/Х-1968 г. член КПСС).

Хаиров И. С. начал работу в УзРЛГН с 6 марта 1967 г. в должности старшего инженера отдела надзора за измерительной техникой.

За время работы Хаиров И. С. показал себя технически грамотным работником, в короткий срок освоил методику поверок приборов радиотехнических и электрических измерений.

В общественной жизни коллектива участия не принимал, вел себя обособленно.

Ввиду поступивших данных о связи с группой автономистов, с Хаировым постоянно проводилась пропагандистская работа путем бесед и обсуждений его действий, как со стороны партийной организации, так и со стороны руководства УзРЛГН.

Несмотря на это, а также проведенные беседы в Октябрьском РК КП Узбекистана, Хаиров И. С., продолжал вести работу в качестве одного из организаторов группы автономистов по распространению и пропаганде своих взглядов, несовместимых с политикой партии и Советского государства.

За указанные действия и в связи с его арестом решением общего партийного собрания от 16 октября с. г. Хаиров И. С. исключен из рядов КПСС.

И. о. уполномоченного Комитета С. Мясников
Секретарь партбюро Н. Киселева

Сообщение первого заместителя министра охраны общественного порядка УзССР М. Беглова председателю КГБ при СМ УзССР С. И. Киселеву о судьбе крымскотатарских спецпоселенцев в Узбекистане. — 8 февраля 1968 г.

УзССР	Председателю Комитета
Министерство Охраны	Государственной Безопасности
Общественного Порядка	при Совете Министров
г. Ташкент	Узбекской ССР
	генерал-майору тов. Киселеву

8 февраля 1968 г.

Здесь

Сообщаю, что прибытие в УзССР спецпоселенцев — татар из Крыма началось 29 мая 1944 года и в основном закончилось 8 июня 1944 г.

В архивных документах 9-го отдела КГБ и 7-го спецотдела МВД УзССР первые данные о численном составе прибывших по спецпоселению крымских татар имеются на 1 июля 1944 года. На эту дату прибыло 35 750 семей в количестве 151 424 человека.

На 1 января 1945 года спецпоселенцев-крымских татар в Узбекистане находилось 36 568 семей, что составляло 134 742 человека, в их числе 21 619 человек мужчин, 47 537 женщин и 65 586 человек детей до 16 лет.

По состоянию на 1 января 1946 года значится: 34.947 семей, что составляет 120.129 человек, из них 21.332 мужчин, 42.071 женщин и 56.726 детей до 16 лет.

За период с 1 января 1945 года по 1 января 1946 года умерло 13 183 человека, из них 2 562 мужчины, 4 525 женщин и 6 096 детей до 16 лет.

Изменение количества спецпоселенцев-крымских татар объясняется также убытием за пределы Республики, снятием с учета, побегом с места поселения, арестом за совершенные преступления.

Первый заместитель Министра охраны
общественного порядка УзССР
Генерал вн/сл. III ранга М. Беглов.

Копия верна. Ст. следователь отдела КГБ
при Совете Министров УзССР
Капитан Лысенко.

Справка: Подлинник данного документа находится в архивном уголовном деле № 103 по обвинению Османова Ю. Б., Меметова Э. М. и других.

Дело № 109, т. 17, л.д. 101.

№ 33

*Сообщение заместителя начальника 1-го спецотдела
МООП УзССР в следственный отдел КГБ при СМ УзССР
о судьбе крымскотатарских спецпоселенцев
в Узбекистане. — Не ранее 14 февраля 1968 г.*

Следственный Отдел КГБ при СМ УзССР
На № 3/184 от 14/II-1968 г.

Отчетных данных об изменении контингента лиц, высланных из Крыма за период с мая-июня 1944 года по 1 января 1945 года, в архивных материалах 9-го отдела КГБ и 4-го спецотдела НКВД УзССР нет.

В одной из докладных записок о хоз/бытовом устройстве спецпоселенцев крымского контингента от 9 апреля 1945 года указано, что с момента выселения в УзССР спецпоселенцев из Крыма, с мая 1944 года по 1 января 1945 года умерло 13 592 человека, что составляет 9,1%.
.

п.п. Зам. начальника 1 спецотдела МООП УзССР.
Начальник 3-го отделения,

Строкова.

Дело № 109, т. 17, л.д. [не указан].

№ 34

Справка о следствии по делу № 109, составленная следователем по особо важным делам Б. И. Березовским. — Не ранее 21 февраля 1969 г.

СПРАВКА

1. Уголовное дело возбуждено 4 июля 1968 года.
2. Уголовное дело принято к производству 8 июля 1968 г.
3. К уголовной ответственности по данному делу привлечены 10 человек. Содержатся под стражей:

Байрамов Решат	— с 13 сентября 1968 года
Бариев Айдер	— с 13 сентября 1968 года
Халилова Мунире	— с 13 сентября 1968 года
Гафаров Ридван	— с 13 сентября 1968 года
Хаиров Иззет	— с 16 сентября 1968 года
Аметова Светлана	— с 24 сентября 1968 года
Кадыев Роллан	— с 8 октября 1968 года
Умеров Риза	— с 28 октября 1968 года
Языджиев Исмаил	— с 27 октября 1968 года
Эминов Руслан	— находится под подпиской о невыезде из города Ташкента — ул. Чайковского, дом 1, кв. 9.

4. Все документы, признанные вещественными доказательствами преступной деятельности обвиняемых, приобщены к уголовному делу и находятся в деле.
5. Объявлено об окончании следствия 21 февраля 1969 г.

Следователь по особо важным делам
при прокуроре Узбекской ССР

Советник юстиции Березовский

*Обвинительное заключение по делу № 109, составленное следователем по особо важным делам Б. И. Березовским и утвержденное прокурором УзССР К. Р. Рузметовым. —
Не ранее 21 февраля и не позже 22 апреля 1969 г.*

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«УТВЕРЖДАЮ»

ПРОКУРОР УЗБЕКСКОЙ ССР

Государственный советник
юстиции 2-го класса

К. РУЗМЕТОВ

” ” апреля 1969 г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по уголовному делу по обвинению

1. БАЙРАМОВА Решата по ст.ст. 190-1 УК РСФСР и 187-1 УК Украинской ССР.
2. БАРИЕВА Айдера по ст.ст. 194-4 УК УзССР и 190-1 УК РСФСР.
3. АМЕТОВОЙ Светланы по ст. 190-1 УК РСФСР.
4. ХАЛИЛОВОЙ Муниры по ст. 190-1 УК РСФСР.
5. УМЕРОВА Ризы по ст.ст. 187-1 УК Украинской ССР, 191-4 УК УзССР и 190-1 УК РСФСР.
6. ЭМИНОВА Руслана Якубовича по ст.ст. 190-1 УК РСФСР и 191-4 УК УзССР.
7. ХАИРОВА Иззета по ст.ст. 191-4 УК УзССР и 187-1 УК УССР.
8. КАДЫЕВА Роллана Кемалевича по ст.ст. 191-4 УК УзССР, 190-1 УК РСФСР и 187-1 УК Украинской ССР.
9. ГАФАРОВА Ридвана по ст. 191-4 УК УзССР.
10. ЯЗЫДЖИЕВА Исмаила Мустафаевича по ст.ст. 191-4 УК УзССР, 190-1 УК РСФСР и 203-1 УК Таджикской ССР.

Основанием к возбуждению настоящего уголовного дела послужил клеветнический документ под названием «Траурная информация № 69», поступивший в адрес Союза писателей Узбекистана от обвиняемого Байрамова Решата (т. 1 л.д. 1-14).

Как установлено в ходе предварительного следствия в течение ряда лет, начиная с 1965 года, в Узбекистане действуют так называемые «инициативные группы» из лиц татарской национальности, ранее проживавших в Крыму. Наиболее активными членами нелегальных «инициативных групп» являлись обвиняемые Байрамов Решат, Бариев Айдер, Хаиров Иззет, Гафаров Ридван, Языджиев Исмаил, Эминов Руслан и Умеров Риза, которые совместно с обвиняемыми Кадыевым Ролланом, Аметовой Светланой и Халиловой Мунирой включились в активную деятельность по решению так называемого крымскотатарского вопроса.

Указанные лица продолжительное время занимались изготовлением и распространением различного рода документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, сбором подписей под этими документами, проведением нелегальных сборищ, а некоторые, как, например, Байрамов, сбором денег, которые использовались на расходы «представителей» лиц татарской национальности.

Находясь в Москве, обвиняемые Байрамов, Бариев, Кадыев, Аметова, Халилова и другие, помимо отправления клеветнических документов в партийные и правительственные инстанции, рассылали их в большом количестве в общественные и государственные организации, работникам науки, культуры и искусства, общественным деятелям и частным лицам. Они же занимались размножением клеветнических документов и ознакомливали с ними широкий круг татарского населения, проживающих в Узбекистане и в других городах и районах Союза ССР.

В документах, изготовленных и распространенных

Байрамовым, Бариевым, Кадыевым и другими обвиняемыми, в данном клеветническом духе излагается политика КПСС и Советского правительства по национальному вопросу, а также содержатся утверждения о том, что лица татарской национальности, ранее проживавшие в Крыму, находятся якобы в состоянии крайней нужды, бесправия, угнетения и т. д.

Конкретная преступная деятельность каждого из обвиняемых выражается в следующем.

Обвиняемый БАЙРАМОВ в 1966 году вошел в нелегальную так называемую «инициативную группу», созданную в городе Чирчике Узбекской ССР отдельными крымскими татарами. Как член этой группы, Байрамов стал принимать активное участие в деятельности по разрешению так называемого крымскотатарского вопроса. До сентября 1967 года, проживая в г. Чирчике, Байрамов занимался сбором подписей под разными документами по т. н. крымскотатарскому вопросу, собирал деньги, которые использовались на расходы «представителей» татар, выезжавших в г. Москву (т. 8, л.д. 17, 69, 104-105).

С конца декабря 1967 года и по март 1968 года Байрамов находился в Москве как «представитель» татар, проживающих в г. Мелитополе Запорожской области УССР. В этот период он встал на путь изготовления и распространения документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Так, в январе 1968 года им лично была составлена «Информация № 60». В этом документе Байрамов возводил клевету на положение крымских татар в СССР, утверждал, что этот народ якобы находится в состоянии угнетения и является неравноправным среди других народов СССР (т. 8, л.д. 17, 19-23, 55-56, 105-106, т. 3, л.д. 138-141).

В феврале 1968 года Байрамовым была написана «Информация № 61», в которой он вновь возводит клевету на положение крымских татар в СССР к представителям которых якобы применяются методы насилия и произвола (т. 3, л.д. 142-146, т. 8, л.д. 17-23, 55-57, 105-106).

В том же *феврале 1968 года* Байрамов составил «Информацию № 62», в которой вновь заявлял, что крымские татары находятся якобы в ссылке и что над ними чинят произвол, беззаконие и гонения, и что в Крыму проводится «расистская политика — Крым без крымских татар» (т. 8, л.д. 17-23, 55-57, 105-106).

В марте 1968 года Байрамов составил еще две «Информации» №№ 63 и 64, содержание которых также носит клеветнический характер. В «Информации № 63» Байрамов возводит клевету на положение крымских татар в СССР, утверждает, что они якобы находятся в местах «ссылки» и в неравноправном положении, и что к ним применяются «... бесчеловечные акты, произвол... и прочие репрессии» (т. 8, л.д. 17-23, 55-58, 105-106).

В тот же период времени, то есть с января по март 1968 года, Байрамов сам лично, на *приобретенной им в магазине пишущей машинке*, а также с помощью машинистки Смирновой Г. И. размножал указанные выше клеветнические документы в большом количестве и широко распространял их. Так, Байрамов лично посетил ЦК ВЛКСМ, Всесоюзную организацию советской молодежи, редакции газет «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», институты этнографии им. Миклухо-Маклая, государства и права, и многих других организаций, где им были распространены указанные выше информации (по одному экземпляру в каждом конкретном случае). Эти же документы Байрамов распространил в большом количестве путем направления их по почте разным организациям и учреждениям, писателям и лицам крымскотатарской национальности. Все указанные выше «информации» Байрамов зачитывал также среди крымских татар, находившихся в Москве, и передавал им, чтобы они распространяли их по разным организациям (т. 8, л.д. 17-33, 55-58, 105-106).

Наряду с этим, Байрамовым тогда же *размножались* и широко *распространялись* различного рода коллективные и индивидуальные письма и обращения крымских татар, некоторые из них по своему содержанию явля-

лись клеветническими (т. 2, л.д. 207-208, 214-215; т. 3, л.д. 1-20, 55-56, 156-158, 164, 177-190, 212-228, 235-241, 255-276, 304-307, 363-367, 369-371; т. 8, л.д. 12-14, 17-23, 43-48, 55-58, 105-106).

Так, в *феврале-марте* 1968 года Байрамовым *лично* было размножено в 10-12 экземплярах клеветническое письмо, составленное обвиненным Кадыевым на имя Генерального Секретаря ЦК КПСС. Этот клеветнический документ Байрамовым был распространен путем направления его по почте союзам писателей некоторых республик, а один экземпляр, оставленный им у себя, изъят во время обыска (т. 2, л.д. 203-206, т. 8, л.д. 12-14, 21, 43-48, 105-106).

В 20-х числах марта 1968 года по приезде в г. Мелитополь, Байрамов организовал нелегальное собрание членов «инициативной группы», на котором отчитался о проделанной им в Москве работе и зачитал одну из изложенных выше «информаций» (т. 8, л.д. 23-24, 185).

В конце апреля 1968 года Байрамов вновь приехал в Москву, где, находясь по июль 1968 года, установил преступную связь с обвиняемыми Бариевым Айдером, Аметовой Светланой и Халиловой Мунирой, совместно с которыми стал заниматься изготовлением и распространением документов, содержащих заведомо ложные измышления на советский государственный и общественный строй. Так, в мае 1968 года Байрамов составил «Информацию № 68», в которой как и прежде с клеветнических позиций освещает положение крымских татар в СССР. Возведя клевету на органы советской власти и правосудия, Байрамов в этом документе утверждает, что крымскотатарский народ якобы угнетается, и что к «представителям» применяются методы произвола и насилия. В том же документе Байрамов писал: «Политика «укоренения» крымских татар в Узбекистане проводится путем милицейских дубинок, водометов, исключением честных коммунистов из партии, судами над сыновьями и дочерьми нашего народа. Терпение народа не может

быть безграничным!» Этот документ Байрамовым был размножен лично в 10-12 экземплярах и направлен в правительственные органы, а также передан для ознакомления и дальнейшего распространения лицами крымскотатарской национальности (т. 3, л.д. 320-325; т. 8, л.д. 25-29, 58-59, 106).

14 мая 1968 года Байрамов вместе с обвиняемым Бариевым Айдером составил и отправил телеграмму в Политбюро ЦК КПСС и Генеральному Прокурору СССР, в которой утверждал, что в г. Чирчике над крымскими татарами совершена якобы расправа и требовал «... прекратить антикрымскую пропаганду, преследования и репрессии...» Текст этой телеграммы был воспроизведен затем Байрамовым в составленной им «Информации № 68» (т. 3, л.д. 320-325; т. 8, л.д. 59, 106, 158-159).

В мае 1968 года Байрамовым была написана так называемая «Экстренная информация». В этом документе вновь с клеветнических позиций описывается положение крымскотатарского народа в СССР. «Положить конец, — пишет Байрамов в этой «информации», — 24-летнему изгнанию, насилию и несправедливости целого народа, тем самым покончить с необузданной национальной дискриминацией крымскотатарского народа». Факт привлечения лиц крымскотатарской национальности к уголовной ответственности за совершенные ими общеуголовные преступления Байрамов в этой «информации» характеризует как произвол над представителями народа, как «антинародные методы недоверия, провокации, репрессии и гонения на крымских татар». В ложном, клеветническом духе истолковывается им факт выдворения группы крымских татар из Москвы за нарушение общественного порядка. При этом правомерные действия органов власти по наведению общественного порядка расцениваются как расправа над «бесправными» крымскими татарами. Байрамов также утверждает, что в советской художественной, научной и исторической литературе допускается будто бы «... преднамеренное разжигание не-

нависти к крымскотатарской нации и призыв к национальной розни...» Эта клеветническая информация Байрамовым лично и с помощью названной выше Смирновой была размножена более чем в ста экземплярах и направлена в различные организации и учреждения, писателям, общественным и политическим деятелям, а также распространена среди лиц крымскотатарской национальности (т. 3, л.д. 165-168, 336-339; т. 8, л.д. 27-29, 58-60, 106).

В том же мае 1968 года Байрамов принял участие в изготовлении так называемой «Траурной информации № 69», первоначальный текст которой был составлен обвиняемым *Кадыевым*. В этом документе так же возводится злобная клевета на национальную политику КПСС и Советского правительства и на положение крымских татар в СССР. С целью вызвать недовольство существующим в СССР государственным строем, в этом документе в извращенном виде описан факт выселения татар из Крыма, а районы проживания татар в Узбекистане названы местами «резервации» и «ссылки», где в первые месяцы переселения якобы погибло 46 % всего населения крымских татар. «Разве забыть нам, — пишется далее в этой информации, — что фальсифицируется история нашего народа, что пытаются уничтожить даже остатки нашей культуры? . . . Разве можно примириться с насильственными методами укоренения крымских татар в местах ссылки, с избиениями и издевательствами, с обливанием щелочным раствором из пожарных машин, как это практикуется в Узбекистане?» Факт выдворения из Москвы лиц татарской национальности за нарушение общественного порядка в этой клеветнической информации сравнивается с преследованием негров в XVII веке и с эсэсовскими облавами на евреев в период фашизма. Путем извращения фактов авторы этого документа делают вывод, что по отношению к крымским татарам якобы проводится расовая дискриминация и политика геноцида (т. 3, л.д. 147-153, 355-362; т. 8, л.д. 10, 60, 106; т. 19, л.д. 86-92).

В июне 1968 года Байрамов, Аметова и Халилова приняли участие в составлении «Информации № 70». Их участие в изготовлении этого документа выразилось в том, что они участвовали в обсуждении этого очередного, составленного обвиняемым Кадыевым, пасквиля и одобрили его содержание и подписали. Как и в предыдущем документе, в «Информации № 70» вновь содержатся измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. В этом документе приведены следующие клеветнические измышления: «...нынешние партийно-государственное руководство решило твердо и настойчиво продолжать... политику уничтожения крымскотатарской нации. И хотят ее не только уничтожить, но вычеркнуть из списка наций, когда-либо проживавших на территории СССР». Там же содержатся другие злобные клеветнические утверждения (т. 3, л.д. 316-319; т. 8, л.д. 10, 60, 61, 106).

В июне 1968 года Байрамов, Халилова, Аметова, Бариев, Умеров и другие одобрили и подписали, приняв тем самым участие в изготовлении документа под названием «Обращение крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР», первоначальный текст которого также был составлен Кадыевым. Чтобы опорочить национальную политику Советского государства, в этом документе утверждается, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму», якобы узаконил дискриминационную политику по отношению к крымскотатарскому народу, что этот Указ дает возможность правительству осуществлять в отношении крымских татар политику геноцида, проводить насильственную ассимиляцию и принудительные методы укоренения крымских татар в «резервациях» (т. 2, л.д. 221-222; т. 3, л.д. 265-267, 299-300; т. 8, л.д. 12-14, 62-63, 106, 153, 160, 190-200, 208-209, 254-255, 268-269; т. 14, л.д. 46-47, 53-55, 73-74; т. 19, л.д. 50-51, 55-56, 65-66, 86-92, 258-259).

Аналогичная клевета на КПСС и Советское прави-

тельство, на положение крымских татар содержится и в «Информации № 71», которая была составлена в июле 1968 года Байрамовым вместе с Бариевым и Аметовой (т. 3, л.д. 154-155; т. 8, л.д. 5-6, 10, 29, 60-61, 106, 158-160, 208-209).

В изготовлении указанной «информации» участвовала и Халилова. В этой «информации» указывается: «... крымскотатарский народ находится в «резервации», в условиях насильственной ассимиляции, и это является тягчайшим преступлением перед человечеством — геноцид». Далее в этом пасквиле написано, что «... мы обвиняем руководителей правительства... что руководство дает такую возможность исполнителям произвола и беззакония осуществлять антисоветские действия над советскими гражданами — крымскими татарами».

Этот клеветнический документ Бариев размножил в 15 экземплярах и совместно с Аметовой зачитали среди граждан татарской национальности.

Перечисленные выше документы, а именно: «Траурная информация № 69», «Информация № 70 и № 71» и «Обращение крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР», Байрамов и обвиняемая Халилова лично сами размножили в большом количестве и распространили по разным организациям и учреждениям, а также среди граждан татарский национальности. В распространении этих же документов активное участие принимали также обвиняемые Бариев, Аметова и Умеров (т. 4, л.д. 1-9; т. 5, л.д. 58-62, 295-298; т. 6, л.д. 28-67, 168-201, 265-313; т. 8, л.д. 5-6, 10, 41, 51-54, 65-72, 106, 158-160, 208-209; т. 14, л.д. 45-46, 53-55, 72-74; т. 19, л.д. 86-92).

В конце июня 1968 года обвиняемые Байрамов, Бариев Айдер, Аметова Светлана и Халилова Мунире по сговору между собой составили вместе письмо на имя Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций У Тана. В этом письме возводится клевета на национальную политику Коммунистической партии и Совет-

ского правительства. Факт переселения крымских татар в 1944 году авторы письма преподносят как «варварское злодеяние». Авторы далее утверждают, что в результате «этой зверской акции» якобы погибло 46 % крымских татар, что в настоящее время крымские татары находятся якобы в бесправном положении, и их как будто жестоко преследуют, избивают, обливают щелочной водой из водометных машин, необоснованно арестовывают. Этот клеветнический документ Байрамов, Аметова, Халилова и Бариев подписали, размножили в нескольких экземплярах и распространили. Так, 2 экземпляра этого документа с приложенными к ним фотокарточками авторов был передан жителю города Москвы Григоренко П. Г., у которого они были изъяты. Один экземпляр этого же документа изъят у гр.-ки Улановой Э. А. в гор. Симферополе (т. 6, л.д. 251-253; т. 8, л.д. 2-3, 5-6, 9, 29-30, 35-36, 61-62, 106, 135, 173-174, 243, 252-253, 271-272).

В отношении Григоренко и Улановой материалы уголовного дела выделены в отдельное производство (т. 20, л.д. 3-81, 54-101).

Летом 1968 года Байрамов вместе с Бариевым написал письмо «инициаторам города Чирчика», один экземпляр которого Бариевым был отправлен для распространения среди граждан татарской национальности, проживающих в Чирчике. В этом письме с клеветнических позиций дается оценка положению крымских татар в СССР, утверждается, что представители крымскотатарского народа необоснованно преследуются (т. 3, л.д. 354; т. 8, л.д. 62-63, 106, 154-160).

Тогда же Байрамов одобрил, подписал и тем самым принял участие вместе с другими в изготовлении документа под названием «Обращение представителей крымскотатарского народа к мировой общественности», первоначальный текст которого составлен Кадыевым. В этом документе, обращаясь к народам Советского Союза и к мировой общественности, Кадыев утверждает, что крымскотатарский народ находится якобы в неравно-

правном положении, что со стороны властей к нему применяются произвол и беззаконие, осуществляется будто бы политика геноцида (т. 3, л.д. 103-111; т. 8, л.д. 62-63, 106; т. 19, л.д. 77-79).

Наряду с изготовлением и распространением изложенных выше документов Байрамовым в период с апреля по июль 1968 года распространялись также следующие документы: «Обращение к советским писателям, работникам науки, искусства и культуры, политическим и общественным деятелям СССР», «Чиркчикских громил — к ответу», «Похороны под надзором КГБ», «Обращение к советской общественности, Президиуму Верховного Совета СССР от имени 40 крымских татар, возвратившихся в Крым», «Информация с 15 мая по 2 июня 1968 года о фактах неслыханных репрессий против крымских татар в Крыму и в пути этапирования», «Письмо в Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Председателю Совета Министров СССР, Генеральному Прокурору СССР от имени 16-ти представителей крымскотатарского народа в Москве», «Протест» на имя ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Генеральному Прокурору СССР, Письмо в Политбюро ЦК КПСС от имени крымских татар, проживающих в Сырдарьинской области, Письмо Генеральному Секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР и в другие адреса от имени крымских татар, проживающих в г. Баку и «Кровавое воскресенье». Все эти документы, как и описанные выше, содержат в себе измышления, порочащие советский государственный и общественный строй (т. 4, л.д. 1-9; т. 5, л.д. 58-62, 293-295; т. 6, л.д. 28-61, 168-201, 265-313; т. 8, л.д. 10-11, 27-29, 41, 51-54, 65-72, 107).

Байрамовым за период с мая по июнь 1968 года были направлены по почте и непосредственно вручены адресатам клеветнические документы в следующие адреса:

- Мурманск. Начальнику Политического управления Северного флота: [6]* (т. 4, л.д. 79-81).
- Омск. Областному Комитету партии: [1(69)] (т. 4, л.д. 82-89).
- Москва. Союзу писателей СССР: [8], «Экстренная информация», [7] (т. 4, л.д. 90-101; т. 6, л.д. 140-144).
- Владивосток. Начальнику Политического управления Краснознаменного Тихоокеанского флота: «Экстренная информация», [8, 7, 6] (т. 4, л.д. 102-114).
- Владивосток. Судоремонтный завод № 178. Партийной организации: [6, 1(69)] (т. 4, л.д. 115-124).
- Марийская АССР. Йошкар-Ола. Обком партии. Первому секретарю: [11, 1(69), 6, 7] (т. 4, л.д. 125-142).
- Южно-Сахалинск. Обком партии. Первому секретарю: [7, 6, 11, 1(69)] (т. 4, л.д. 143-161).
- Волгоград. Первому секретарю областного комитета партии: [11, 7, 1(69), 6, 1(70)] (т. 4, л.д. 162-183).
- Москва. В-311. Ломоносовский проспект, 23 кв. 516. Вейсману Евгению Рафаиловичу: [10, 6] (т. 4, л.д. 184-192).
- Владивосток. 202-й судоремонтный завод. Партийной организации: [6, 1(69), 11, 7] (т. 4, л.д. 193-209).
- Тувинская АССР. г. Кызыл. Обком партии. Первому секретарю: [7, 1(69), 11, 6] (т. 4, л.д. 210-226).
- Москва. Министерство Обороны СССР: [1(69)] (т. 4, л.д. 227-235).
- Калининград. Начальнику Политического управления дважды Краснознаменного Балтийского флота: [1(69), 10, 6, 8, 7], «Экстренная информация» (т. 4, л.д. 236-258).
- Москва. Завод «Красный богатырь». Партийной и профсоюзной организации: [1(69), 6, 7] (т. 4, л.д. 259-274).
- Якутская АССР. г. Якутск. Обком партии. Первому секретарю: [11, 7, 6, 1(69)] (т. 4, л.д. 275-293).
- Оренбург. Директору НИИ Молочно-мясного скотовод-

* Числа отсылают читателя на список в документе № 28; 1(69): Траурная информация № 69.

- ства кандидату с/х наук Леушеву: [7, 11, 1(69), 1(70), 6] (т. 4, л.д. 294-317).
- Томск. Медицинский институт: [1(69)-2 экз, 6] (т. 4, л.д. 318-336).
- Москва. Министерству просвещения СССР: [1(69), 7] (т. 4, л.д. 337-347).
- Свердловск. Первому секретарю областного комитета партии: «Экстренная информация», [7, 8, 12, 10, 6] (т. 4, л.д. 348-364).
- Москва. Институту национальных школ: [7, 3, 1(71)] (т. 4, л.д. 365-371; т. 6, л.д. 62-67).
- Москва. Московскому территориальному комитету профсоюзов рабочих геологоразведочных работ: [1(70)] (т. 4, л.д. 372-379).
- Томск. Областному комитету партии: [1(69)-2 экз., 6] (т. 4, л.д. 380-398).
- Москва. Институту международного рабочего движения: [1(70), 9] (т. 4, л.д. 399-419).
- Москва. Завод малолитражных автомобилей. Партийной и профсоюзной организациям: [1(69), 6, 7, 11] (т. 5, л.д. 1-21).
- Москва. Лаврушенский пер. 17, кв. 3, Эфран А. С.: «Экстренная информация», [6, 8, 7] (т. 5, л.д. 38-57).
- Днепропетровск. Тепловозоремонтный завод, мастеру литейного цеха Анатолию Таран: [1(70), 7, 6, 1(69)] (т. 5, л.д. 300, 317-334, 338).
- Днепропетровск. Тепловозоремонтный завод. Литейный цех, слесарю Владиславу Попадк: [1(70), 7, 6, 1(69)] (т. 5, л.д. 300, 318-336, 339-340).
- Москва. А-83. ул. 8 Марта. Радиотехнический институт, Минц Александру Львовичу: [6], «Экстренная информация» (т. 6, л.д. 107-115).
- Председателю КГБ тов. Андропову: [9-2 экз. (К одному из этих обращений приложен листок с подписями), 1(71), 1(70), 7, 13, 14, 17] (т. 5, л.д. 100-110; т. 6, л.д. 18-27, 124-135).
- Ташкент, ул. Новомосковская, 24, кв. 1, Овечкину Ва-

лентину Владимировичу: [7-2 экз., 10, 6, 8] (т. 6, л.д. 81-93).

Минск. Союзу писателей Белоруссии: [1(69)] (т. 6, л.д. 116-123).

Ташкент. Союз писателей: [1(69)] (т. 1, л.д. 4-14).

Алма-Ата. Директору института филологии АН Казахской ССР: [1(69), 1(70), 7, 6] (т. 6, л.д. 28-30, 41-61; т. 8, л.д. 39-40).

Баку. Союз писателей: [7, 8, 12, 6, 10], «Экстренная информация» (т. 6, л.д. 265-282; т. 8, л.д. 49-50).

Город Тула, ул. [Механи]ческая, 2/58, кв. 35. Кузнецову Анатолию Васильевичу: [6, 10, 7, 8], «Экстренная информация» (т. 5, л.д. 341-355; т. 8, л.д. 70-71).

Бухарская область. г. Навои, ул. 50 лет Октября, 13, кв. 1. Абдураманову Узеиру: [15, 1(71), 1(72), 3] (т. 6, л.д. 283-309; т. 8, л.д. 39-40).

Город Ленинабад-30, квартал Победы. дом 11/32, Мамутову Шевкету: «Экстренная информация» (т. 6, л.д. 327-339; т. 8, л.д. 39-40).

В июле 1968 года Байрамовым по почте были также направлены в адреса:

Ташкент 20, ул. Шамахмудова, проезд Чилинзар, дом № 69, Хаирову Иззету;

Ташкентская область, гор. Бука, ул. Пограничная, 36, Мемишеву Серверу;

Ташкентская область, Бекабадский район, х/с ДВЗ № 1, отд.-е 6, Халиловой Хатидже;

г. Чирчик, ул. Рудаки, дом 12, кв. 36, Рустемову Иса. — и каждому из указанных адресатов следующие документы: [1(71), 9, 3].

Направляя Хаирову, Мемишеву и Рустемову указанные клеветнические документы, Байрамов написал каждому из них письма, в которых предлагал ознакомить крымских татар с «Информацией № 71» и собрать их подписи под этими документами (т. 4, л.д. 10-14, 19-53; т. 8, л.д. 53-54, 108).

25 июня 1968 года Байрамов написал и отправил из Москвы по почте своему знакомому — жителю г. Воро-

нежа — Ломакину Владимиру Викторовичу письмо, к которому приложил «Траурную информацию № 69», «Обращение к советским писателям, работникам науки, искусства и культуры, политическим и общественным деятелям СССР», «Чирчикских громил к ответу», «Обращение представителей крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР» и «Информацию с 15 мая по 2 июня 1968 года о фактах неслыханных репрессий против крымских татар в Крыму и в пути этапирования» и «Информацию № 70». В письме он просил Ломакина, чтобы последний с этими документами ознакомил своих товарищей (т. 6, л.д. 158-201; т. 8, л.д. 38-39, 68, 108).

Кроме того, Байрамов вместе с обвиняемой Аметовой в период июнь-август 1968 года распространили клеветнические документы в следующие адреса:

Москва. Всесоюзный проектный институт. «Теплоэнергопроект»: [7, 1(69), 6] (т. 5, л.д. 176-192, 203-204; т. 8, л.д. 65-66, 208-209).

Москва. Областной комитет профсоюзов: [1(71), 9, 17, 3] (т. 5, л.д. 205-220; т. 8, л.д. 65-66, 208-209).

Московская область, Подольский район, п/с Академгородок, Институту земного магнетизма: [3, 1(71), 9] (т. 5, л.д. 263-271; т. 8, л.д. 208-209).

В июле-августе 1968 года Байрамовым вместе с обвиняемым Бариевым распространены клеветнические документы в следующие адреса:

Москва, Председателю постоянного представительства Таджикской ССР: [1(69)] (т. 5, л.д. 22-33; т. 8, л.д. 50-53).

Москва. Министерство обороны СССР: [9, 3, 1(71)] (т. 5, л.д. 111-118; т. 8, л.д. 50-53, 158-160).

Москва. Председателю Комитета госбезопасности: [1(71)] (т. 5, л.д. 97-99; т. 8, л.д. 50-53, 158-160).

Установлено также, что Байрамов в 1968 году лично

сам занимался размножением документов, автором которых является Костерин А. Е., а именно: статьи «О малых и забытых», письмо Председателю Совета Национальностей Верховного Совета СССР и в редакцию журнала «Новый мир», статья «Раздумья на больничной койке», письмо «Дорогие мои ребятки-внучки», «Открытое письмо в «Литературную газету» и письмо «Всем членам Политбюро ЦК КПСС», а также документов, автором которых является упомянутый выше Григоренко П. Г.: «Запись речи Григоренко, произнесенной 17 марта 1968 года на банкете в Москве по случаю 72-летия писателя Костерина», «Письмо в Политбюро ЦК КПСС», «Обращение к гражданам СССР крымскотатарской национальности» и письмо Председателю КГБ при СМ СССР Андропову. Во всех перечисленных документах авторами возводится злостная клевета на Коммунистическую партию Советского Союза, на национальную политику Советского государства, а также допущены другие, заведомо ложные измышления, порочащие государственный и общественный строй. Со многими из этих клеветнических документов Байрамов ознакамливал некоторых лиц из числа крымских татар, с которыми он имел встречи в период своего нахождения в Москве (т. 2, л.д. 200-202, 216-217, 223-227; т. 3, л.д. 56, 107, 114-121, 125-138, 230-234, 244-254, 301-303, 340-347, 368; т. 8, л.д. 31-34, 106-107).

В конце 1968 года Байрамовым был изготовлен очередной клеветнический документ — так называемое «Открытое письмо». В этом документе Байрамов возводит клевету на руководителей КПСС и Советское правительство и на существующий в СССР государственный строй. Свой пасквиль Байрамов начинает с клеветнического утверждения о «невыносимом положении крымскотатарского народа», обвиняя в этом руководителей Советского правительства. Факт переселения татар в 1944 году из Крыма назван «варварским злодеянием», а новые места их жительства «резервацией». Как и в других документах, Байрамов вновь утверждает, что

«в результате этой зверской акции» якобы погибло 46 % татар, ранее проживавших в Крыму. В том же документе Байрамов, возводит клевету на политику Советского государства в национальном вопросе, пишет, что в течение 24-летнего пребывания «... на чужбине крымскотатарский народ дискриминировался как нация, был поставлен в условия насильственной ассимиляции». И далее Байрамов вновь делает клеветнический вывод о том, что по отношению к крымским татарам проводится политика геноцида. Факты привлечения отдельных лиц из числа крымских татар к уголовной ответственности за совершенные ими общеуголовные преступления, а также действия органов власти против нарушителей общественного порядка в том же документе описываются в извращенном виде, и характеризуются как «преступление», «кровавая расправа». В отношении татар, утверждает Байрамов «... проводились массовые облавы... избиения» и что «... властями все это было предусмотрено и учтено». Этот клеветнический документ Байрамов с помощью машинистки по имени Нина, проживающей в г. Мелитополе, размножил в 5-6 экземплярах и в целях распространения направил по почте в Политуправление Тихоокеанского флота, в политотдел Совгаваньской военно-морской базы, в Министерство обороны СССР и в ЦК КПСС (т. 3, л.д. 172-176; т. 6, л.д. 202-208, 314-236; т. 8, л.д. 2, 36-38, 68, 108).

В августе 1968 года, находясь в Мелитополе, Байрамов изготовил еще один документ, дав ему провокационное название «Геноцид в политике правительства Советского государства». В этом документе Байрамов необоснованно, с клеветнических позиций проводит параллель между национальной политикой Советского правительства и колониальной политикой империалистических государств. «Однако, — пишет далее Байрамов, — правящие круги Советского правительства, грубо нарушая общепризнанные нормы международного права, в широких масштабах осуществляют геноцид против крымскотатарского народа». Как бы в подтверждение своих

грубых домыслов Байрамов утверждает, что в СССР проводится якобы «...четвертьвековое истребление крымскотатарского народа». Вновь затрагивая факт переселения татар из Крыма Байрамов и в этом документе утверждает, что «... в результате выселения, голода, холода и эпидемий только в течение одного 1944-1945 года погибло якобы «... более 46 % крымскотатарского народа». «Наш народ, — клеветает далее Байрамов в указанном документе, — был обречен на полное уничтожение путем физического и национально-культурного истребления и ассимиляции. Одновременно, чтобы оправдать свое преступление перед человечеством, в ход пущена пропагандистская машина». Байрамов также утверждает, что национальный вопрос татар, ранее проживавших в Крыму, в СССР якобы разрешается путем репрессий и гонений. Ссылаясь на Конституцию СССР, Байрамов утверждает, что советская общественность якобы дезинформируется. Байрамов в том же документе доходит до утверждения, что «... дискриминация крымскотатарского народа... в резервации» является продолжением политики царизма — «Крым без крымских татар», и что статьи Конституции СССР, Устава ООН, Декларации прав человека, Конвенции международного трибунала Советским правительством якобы грубо нарушаются. В заключении Байрамов в том же документе возводит клевету на действия Советского правительства по оказанию *братской помощи народам Чехословакии*. Этот клеветнический документ Байрамовым был также размножен с помощью той же машинистки по имени Нина в 12 экземплярах. С этим документом, а также с упомянутым выше «Открытым письмом» Байрамов с целью распространения ознакомил некоторых своих знакомых (т. 3, л.д. 29-52; т. 6, л.д. 152-157; т. 8, л.д. 2, 36-38, 68, 108-109).

В июле, незадолго до отъезда из Москвы, Байрамовым были подготовлены к отправке в разные адреса еще 14 конвертов, в которых он намеревался распространить указанные выше документы: «Обращение к советским

писателям, работникам науки, искусства и культуры, политическим и общественным деятелям СССР», «Траурная информация № 69», «Чирчикских громил к ответу». Все эти конверты, с вложенными в них клеветническими документами Байрамов оставил на квартире у гр-ки Жерковой Г. Н., где он проживал без прописки в период своего нахождения в Москве (т. 6, л.д. 343-499; т. 8, л.д. 71-72, 108).

До апреля 1968 года, проживая в городе Чирчике, БАРИЕВ 24 марта 1968 года, на окраине города Чирчика, в районе «Комсомольского моста», на состоявшемся незаконном сборище татар, в присутствии 400 человек зачитал «Информацию № 64», в которой содержится злостная клевета на национальную политику Советского государства о якобы проводимых повсеместно произволах и репрессиях по отношению к крымским татарам. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года, как клеветнически утверждается в этом пасквиле, будто бы был создан преднамеренно, как «подачка» крымскотатарскому народу «за столь долгие требования» (т. 8, л.д. 126-127, 158-160; т. 9, л.д. 70-73, 74-75; т. 20, л.д. 135-136).

22 апреля 1968 года Бариев выехал в город Москву как «представитель» татар, проживающих в городе Чирчике.

В мае 1968 года Бариев установил преступную связь с обвиняемыми Халиловой, Байрамовым, Аметовой и другими, и до 16 августа 1968 года занимался изготовлением и распространением различных документов, в которых содержатся заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Так, в мае 1968 года Бариев составил «Информацию № 67», в которой заведомо ложно описал проводимые действия административных органов по наведению порядка, нарушенного в городе Чирчике 21 апреля 1968 года группой хулиганствующих элементов из числа

граждан татарской национальности. Возводя клевету на советскую действительность и на органы советской власти, Бариев указывает далее, что в отношении крымскотатарского народа применяются провокации и репрессии.

«Информация № 67» распространялась; в частности, она была обнаружена и изъята на квартире у обвиняемого по настоящему делу Гафарова Р. (т. 8, л.д. 158-160; т. 16, л.д. 137-139).

В мае 1968 года Бариев одобрил и подписал, приняв тем самым участие в изготовлении совместно с другими, документ, обращенный к «Советским писателям, работникам науки, искусства, политическим и общественным деятелям СССР». В этом документе с клеветнических позиций утверждается, будто крымскотатарский народ 46 % своего состава потерял в результате переселения из Крыма, над национальными и человеческими достоинствами крымскотатарского народа в настоящее время якобы чинится надругательство. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года якобы их лишил права на проживание в Крыму, на родной язык и культуру (т. 4, л.д. 113-114; т. 8, л.д. 158-160).

В августе 1968 года Бариевым была составлена «Информация № 72» и им же размножена на пишущей машинке. В этом документе в злобной форме возводится клевета на национальную политику Коммунистической партии и положение крымских татар в СССР. Автор этого клеветнического документа пишет, что в отношении крымских татар в СССР применяется политика «геноцида». В подтверждение своих домыслов Бариев указывает: «Требуйте то, что нам принадлежит по праву. Наш крымскотатарский вопрос — вопрос о пресечении национального культурного геноцида, вопрос о защите поруганной чести и гордости крымского татарина». Далее, еще в более злобной форме Бариев пишет: «... печально и обидно, что факт геноцида осуществляется в государстве, где великий вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин...» Обращаясь к руководите-

лям партии и правительства, автор этого пасквиля указывает: «Если в действительности существует демократия, равноправие, справедливость и вы считаете себя истинными марксистами-ленинцами, мудрыми руководителями Советского государства, то пора бы подумать о последствиях совершаемого в течение 24 лет над крымскотатарским народом . . .», что «лишение целого народа родных очагов перед лицом человечества есть геноцид — преступление» (т. 5, л.д. 160-164; т. 8, л.д. 158-160).

Этот клеветнический документ Бариевым обсуждался среди лиц татарской национальности и был роздан своим единомышленникам. Участие в изготовлении «Информации № 72» принимала и Аметова и выразилось оно в том, что она одобрила содержание этого документа и подписала его. Им же в августе 1968 года была составлена «Информация № 73», которую напечатал лично сам и размножил (т. 6, л.д. 137-139).

В этом клеветническом документе Бариев указывает, что «. . . в отношении крымскотатарского народа творятся беззакония, бесчинства, деспотизм». Участие в изготовлении этого документа также принимала Аметова, которая подписала и одобрила. Также как и «Информация № 72», этот документ был Бариевым разослан своим единомышленникам.

В конце июня 1968 года Бариев и Халилова явились на квартиру члена Московского отделения Союза писателей Бондарина С. А., высказывали клеветнические измышления об условиях жизни крымских татар, утверждая, что они якобы терпят унижения и притеснения. Затем Бариев и Халилова вручили Бондарину С. А. текст пасквиля «Траурная информация № 69» и другие клеветнические документы под названием «Чирчикских громил к ответу» (т. 8, л.д. 250-251; т. 8, л.д. 93-103; т. 7, 159, 158-160).

В распространенной Бариевым совместно с Халиловой документе под названием «Чирчикских громил к ответу» возводится клевета на советскую действительность и правомерные действия административных органов по

10 представителей крымско-татарского народа, побывавших на приеме у государственных руководителей в Москве в 1966 г.

Представители крымско-татарского народа возлагают венки у мавзолея Ленина в Москве, 21-го апреля 1966

Представители крымско-татарского народа у мавзолея Ленина в 1967 г.

Траурное шествие 7000 крымских татар в Янги-Юле, Ташкентск области, после убийства Фемі Алмева работниками милиции весной 1967 г. В первом ряду, обернувшись к участникам шествия идет Иззет Хаир

наведению общественного порядка. Тенденциозно описан имевший место факт нарушения общественного порядка со стороны крымских татар в гор. Чирчике и действия органов милиции по восстановлению нарушенного порядка. Авторы этих пасквилей заведомо ложно утверждают, что события в Чирчике якобы представляют собой . . . «одно из звеньев в общей цепи провокаций, анонимных писем и угроз, предназначенных силой укоренить татар на ссылке . . .», затем следует провокационное восклицание «Позор! Позор! современной России, допускающей эти насилия и варварства».

Кроме того, Бариев вместе с Аметовой в период июнь-август 1968 года распространили клеветнические документы в следующие адреса:

Москва. Депутату сессии Верховного Совета СССР:
[3] (т. 5, л.д. 231-234).

Москва. КГБ при Совете Министров СССР: [18, 15,
1(72)] (т. 6, л.д. 255-264).

Оренбург. НИИ молочно-мясного скотоводства, кандидату с/х наук Мушину С.: [9, 3, 1(71)] (т. 5, л.д. 86-97; т. 8, л.д. 58-160).

В клеветническом документе «К оценке текущего момента в крымскотатарском национальном вопросе в свете событий 16-18 мая 1968 года в Москве и Крыму» заведомо ложно указывается, что «. . . делается все возможное, чтобы фактически ликвидировать крымскотатарский народ как нацию . . .», «что в отношении крымскотатарского народа совершаются неслыханные акты насилия и произвола».

Еще в более злобной форме, авторы документа «Кровавое воскресенье» возводят клевету на национальную политику Советского государства, и пишут что «. . . в силу продолжающейся расистской политики, крымские татары нигде не могут применить свои силы и знания, заниматься общественно-полезным трудом и зарабатывать себе на пропитание», «. . . что интересы велико-

державного шовинизма ставятся выше государственных. Чудовищное насилие над целым народом и присвоение его исконно-национальной территории, проводимое под девизом: «Крым без крымских татар», осуществляется с еще большей дикостью».

Возводя клевету на национальную политику Советского государства, авторы Обращения «К советской общественности и Президиуму Верховного Совета СССР», искажая смысл ст. 123 Конституции СССР указывают, «... что к великому сожалению статья Основного закона СССР написана не для крымских татар». Возводя клевету на органы советской власти, авторы по поводу возвращения граждан татарской национальности в Крым, пишут, что «... в 1968 году, году защиты прав человека, мы, крымские татары, вернувшиеся на родину, вынуждены скитаться без жилья, работы и куска хлеба, не защищенные от произвола и беззакония».

Бариевым за период с июня по август 1968 года лично были направлены по почте и вручены адресатам клеветнические документы в следующие адреса:

Москва. Редакции газеты «Труд»: [1(69), 6] (т. 5, л.д. 119-128).

Москва. Депутату сессии Верховного Совета СССР: [3] (т. 5, л.д. 34-37).

Москва. КГБ при Совете Министров СССР: [1(73)] (т. 6, л.д. 136-139).

Наряду с изготовлением и распространением изложенных выше документов, АМЕТОВОЙ за период с июня по август 1968 года были распространены клеветнические документы в следующие адреса:

Алма-Ата. Институт филологии АН Казахской ССР: [3, 1(71), 9] (т. 6, л.д. 31-40).

Волгоград. Обком партии: [9, 1(71), 3] (т. 5, л.д. 222-230).

Москва. Редакция газеты «Труд»: [6, 9, 1(69), 3] (т. 5, л.д. 244-281).

Оренбург. НИИ молочно-мясного скотоводства. Кан-

дидату с/х наук Мушину С. (совместно с Бариевым): [9, 3, 1(71)] (т. 5, л.д. 88-97).

Мурманск. Обком партии: [15, 1(72)], «Обращение к Генеральному Прокурору» (т. 5, л.д. 155-164).

Тула. Обком партии: «Обращение к Генеральному Прокурору СССР» (т. 5, л.д. 172-174).

Москва. Институт народов Азии и Африки: [1(72)], «Обращение к Генеральному Прокурору СССР» (т. 5, л.д. 235-242).

Москва. Редакция журнала Международного рабочего движения: [1(69)] (т. 5, л.д. 147-154).

Свердловск. Обком партии: [9, 1(72), 3] (т. 5, л.д. 279-281).

Москва. Союз писателей СССР: [1(72)], «Обращение к Генеральному прокурору СССР» (т. 6, л.д. 145-157).

Москва. Научно-исследовательский институт национальных школ: [1(69), 9] (т. 6, л.д. 68-80).

г. Казатин. Локомотивное депо им. Володаевых, Холковскому М.: [9, 3, 1(71)] (т. 6, л.д. 303-313).

В первых числах мая 1968 года ХАЛИЛОВА выехала в Москву в качестве «представителя» крымскотатарского народа, где, установив преступную связь с обвиняемыми по настоящему делу Байрамовым Решатом, Бариевым Айдером, Аметовой Светланой и другими, до июля 1968 года занималась изготовлением и распространением различных документов, в которых содержатся заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Так, в середине мая 1968 года, Халилова совместно с другими приняла участие в изготовлении так называемой «Экстренной информации». Ее участие в изготовлении этого документа выразилось в том, что она участвовала в его обсуждении, а затем подписала, одоблив его содержание. В том же мае месяце 1968 года Халилова приняла участие в изготовлении так называемой «Траурной информации № 69» (т. 8, л.д. 12-13, 33-34, 158-160, 171-174, 199-200, 208-209, 237-240, 246-247, 265-268).

Наряду с этим, Халилова лично распространяла, а в отдельных случаях собственноручно вручала клеветнического содержания документы частным лицам или представителям организаций.

Так, Халилова, находясь в Москве, направляла в город Бекабад в адрес своей знакомой Музафаровой С. «Информацию № 71» с просьбой ознакомить с ее содержанием других крымских татар.

Тогда же Халилова своей родственнице Халиловой Х., проживающей в г. Бекабаде, с аналогичной просьбой направила машинописные тексты «Обращения представителей крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР», «Информацию № 71» и обращение «К советской общественности» (т. 4, л.д. 21-29; т. 8, л.д. 217-218, 240-249; т. 9, л.д. 87-88).

В то же время Халилова сдала тексты «Экстренной информации», «Траурной информации № 69» и другие клеветнические документы под названием «Чирчикских громил к ответу» и «Похороны под надзором КГБ» в Институт этнографии им. Миклухо-Маклая (г. Москва) (т. 8, л.д. 250-251, 271; т. 9, л.д. 104-124).

Авторы документа под названием «Похороны под надзором КГБ» правомерные действия работников органов милиции и КГБ представляют как «... кровавую расправу над крымскими татарами» и вновь заявляют «... о трагическом положении крымских татар на местах ссылки...».

Обвиняемый УМЕРОВ Риза на протяжении длительного времени занимался подстрекательской деятельностью по возвращению крымских татар в Крым, распространял в письменной и устной форме клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Кроме того, он участвовал в изготовлении документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Так, 2 октября 1967 года, находясь в городе Симферополе, Умеров посетил Крымский облисполком и вручил заместителю председателя Облисполкома Деркачу копию клеветнического документа под названием «О малых и забытых» А. Костерина, в котором возводится клевета на национальную политику Коммунистической партии и Советского государства (т. 14, л.д. 19-31, 39-40, 54, 76, 180-183).

17 октября 1967 года другой экземпляр того же клеветнического документа Умеров вручил одному из работников Симферопольского городского управления милиции, когда он был приглашен с целью выяснения его личности, т. е. совершил преступление, предусмотренное ст. 187-1 УК Украинской ССР (т. 14, л.д. 5-18, 40, 54, 71).

В марте 1968 года Умеров организовал многолюдное собрание крымских татар в доме жителя поселка завода «Ташавтомаш» Ибраимова Арифа по ул. Ленина, д. 21. На этом собрании по инициативе Умерова была зачитана «Информация № 62», содержащая клеветнические измышления о якобы бесправном положении крымскотатарского народа.

Положение крымскотатарского народа, как утверждается в этой «информации» «...особенно после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года связано с арестами... , произволом и беззаконием проводимыми на местах ссылки, в Крыму и в Москве над его представителями...». Там же указывается, что якобы в Крыму в отношении крымских татар проводится расистская политика.

На том же собрании Умеров выступил с клеветнической и подстрекательской речью о том, что «несмотря на многочисленные всевозможные обращения и заявления в высшие органы власти никаких сдвигов с решением национального вопроса крымских татар нет», и с предложением усилить «борьбу за возвращение в Крым» путем сбора денежных средств и посылки «представителей» в Москву (т. 14, л.д. 41-42, 71-72, 184-185, 203-207, 214-216).

В конце марта 1968 года Умеров в своем доме организовал очередное собрание крымских татар, на котором присутствовало около пятидесяти человек, проживающих в поселке завода «Ташавтомаш».

На этом собрании по инициативе Умерова была зачитана клеветническая «Информация № 64» (т. 12, л.д. 99-101; т. 14, л.д. 43-44, 72, 168-169, 177-178, 191-194, 203-207).

В июне 1968 года Умеров выехал в город Москву в качестве «представителя крымскотатарского народа» и, установив преступную связь с обвиняемой Аметовой Светланой и другими, до начала июля 1968 года занимался распространением клеветнических документов. В частности, он вместе с Аметовой Светланой и Асановой Зерой посетил редакцию журнала «Азия и Африка сегодня» и распространил путем вручения сотрудникам журнала клеветнические документы под названием «Обращение к советским писателям, работникам науки и искусства, политическим и общественным деятелям СССР», «Чирчикских громил к ответу», «Похороны под надзором КГБ», «Экстренная информация», «Траурная информация № 69», а также письмо, адресованное в Политбюро ЦК КПСС и другие высшие органы за подписью 16-ти человек крымскотатарской национальности (т. 6, л.д. 203-240; т. 8, л.д. 184-185, 195-197, 208-209; т. 14, л.д. 45-46, 53-55, 72-74).

Тогда же Умеров, Аметова С. и Асанова посетили Институт международного рабочего движения и распространили в этом институте «Траурную информацию № 69», путем вручения ее секретарю директора института. Кроме того, Умеров вместе с Аметовой и Асановой посетили Академию Медицинских наук СССР и распространили там документы под названием «Обращение к советским писателям, работникам науки, искусства, политическим и общественным деятелям СССР», а также «Траурная информация № 69» (т. 5, л.д. 146-154; т. 6, л.д. 241-250; т. 8, л.д. 175-176, 195-197, 208-209; т. 14, л.д. 45-46, 53-55, 72-74).

Помимо распространения вышеуказанных клеветни-

ческих документов, Умеров в июне 1968 года, находясь в городе Москве, принял участие в изготовлении злобного клеветнического документа под названием «Информация № 70» (т. 14, л.д. 46-47, 53-55, 73-74; т. 17, л.д. 85-126; т. 19, л.д. 258-259).

После размножения «Информации № 70» в июне 1968 года Умеров вместе с Мурахасом (материалы в отношении его выделены в отдельное производство) посетил Министерство просвещения СССР и распространил среди сотрудников этого Министерства «Информацию № 70», а также «Траурную информацию № 69». То есть совершил преступление, предусмотренное ст. 190-1 УК РСФСР (т. 14, л.д. 59-61, 70-71, 220).

Начиная с 1966 года, активно включился в подстрекательскую деятельность по возвращению крымских татар в Крым и обвиняемый Эминов. В 1967 году он вошел в нелегальную так называемую «инициативную группу», созданную в городе Ташкенте, члены которой занимаются подстрекательством татар на массовое возвращение в Крым, изготовлением и распространением различных клеветнических документов, порочащих советский государственный и общественный строй, сбором под ними подписей крымских татар, организацией сборищ крымских татар и направлением в Москву «представителей» для решения там так называемого крымскотатарского вопроса.

В мае 1968 года Эминов выехал в город Москву в качестве «представителя» крымских татар, где совместно с обвиняемыми Байрамовым, Халиловой, Кадыевым и другими принял участие в изготовлении документов под названием «Экстренная информация» и «Траурной информации № 69» (т. [14], л.д. 121-130, 131-149, 155-158; т. 3, л.д. 336-339, 355-362).

После возвращения в Ташкент, в конце июня 1968 года Эминов организовал крымских татар в доме жителя поселка завода «Ташавтомаш» Анафиева Муслима по улице Ленина, дом № 39, где в присутствии 30-40 чело-

век он зачитал вышеупомянутые «Экстренную информацию» и «Траурную информацию № 69», а также «Информацию № 70», составленную обвиняемыми Байрамовым, Кадыевым, Халиловой, Аметовой, Умеровым, Бариевым и другими после отъезда Эминова из Москвы. Этим самым Эминов распространил содержащиеся в этих клеветнических «информациях» заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй (т. 14, л.д. 136-145, 155-158, 160-162, 163-165, 166, 167, 168-174, 175-176, 177-178).

В августе 1968 года Эминов организовал очередное собрание крымских татар, живущих в поселке завода «Ташавтомаш» в доме обвиняемого Умерова Ризы по улице Жданова, дом № 7. На этом собрании в присутствии 20-30 человек Эминов зачитал текст другого клеветнического документа под названием «К оценке текущего момента в крымскотатарском национальном вопросе в свете событий 16-17 мая 1968 года в Москве и Крыму» и собрал подписи под этим документом лиц, участвующих в собрании, тем самым он распространил содержащиеся в нем заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй (т. 14, л.д. 137-145, 155-158, 163-165, 166-167, 168-174).

Несмотря на неоднократные разъяснения и беседы, проводившиеся с Хаировым со стороны партийной организации и руководства Узбекской республиканской лаборатории госнадзора за стандартами и измерительной техникой, а также в Октябрьском РК КП Узбекистана об ошибочности его взглядов, несовместимых с политикой партии и Советского государства, обвиняемый Хаиров с осени 1967 года стал принимать активное участие в деятельности по разрешению так называемого крымскотатарского вопроса. Являясь членом нелегальной так называемой «инициативной группы» в г. Ташкенте, Хаиров неоднократно участвовал на нелегальных собраниях этой группы, на которых обсуждались вопросы активизации работы среди крымских татар по ознакомлению их с различного рода клеветническими доку-

ментами, по организации сбора подписей под этими документами, о направлении в Москву «представителей» крымских татар и другие вопросы.

Как член указанной нелегальной «инициативной группы» Хаиров в период 1967-1968 гг. неоднократно принимал участие на нелегальных сборищах крымских татар, на которых выступал с клеветническими и подстрекательскими речами.

Так, в сентябре 1967 г. Хаиров участвовал на нелегальном сборище крымских татар в г. Алмалыке. В своем выступлении на этом сборище Хаиров, возводя клевету на политику партии и правительства в национальном вопросе, высказывал суждения, порочащие Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г. «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму», называл этот указ «половинчатым» и призывал к тому, чтобы направляли в Москву «представителей» крымских татар и продолжали писать в соответствующие инстанции индивидуальные и коллективные письма с требованием решать вопрос о возвращении крымских татар в Крым.

С аналогичными измышлениями Хаиров выступил также и на нелегальном сборище представителей «инициативных групп» Ташкентской области, которое состоялось летом 1968 г. в г. Алмалыке (т. 13, л.д. 121-135).

В сентябре 1967 года Хаиров являлся участником нелегального сборища представителей «инициативных групп», собравшихся в г. Ленинграде с различных мест Узбекистана и Таджикистана. На этом сборище была составлена и принята «Информация № 5», авторы которой в клеветническом духе описывают положение крымских татар в СССР.

Широкое разъяснение партийными и государственными органами Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года в этом документе охарактеризовано как шантаж, обман и запугивание крымских татар, а места их жительства названы ссылкой (т. 13, л.д. 76-78, 235-236).

В феврале 1968 г. Хаиров принимал участие на другом аналогичном нелегальном сборище крымских татар, которое состоялось в г. Фергане. На этом сборище выступил и Хаиров, который отчитался о работе, проделанной ташкентской «инициативной группой» и на этом же сборище была составлена и принята «Информация-отчет № 9», в которой содержатся измышления о том, что якобы по отношению к крымским татарам необоснованно применяются произвол и репрессии, что их национальные права продолжают оставаться ущемленными (т. 13, л.д. 79-89, 97-110).

В апреле 1968 г. Хаиров в г. Ташкенте одобрил, подписал и тем самым принял участие вместе с другими в изготовлении документа с провокационным названием «Похороны под надзором КГБ» (т. 3, л.д. 330-331; т. 13, л.д. 21).

Летом 1968 г. при участии Хаирова в Ташкенте на одном из нелегальных сборищ «инициативной группы» было принято решение собрать факты для составления документа «К оценке текущего момента в крымскотатарском вопросе в свете событий 16-18 мая 1968 года в Москве и Крыму». Вскоре этот документ был составлен от имени граждан крымскотатарской национальности, проживающих в Ташкенте. По решению той же «инициативной группы» было организовано распространение указанного документа среди крымских татар. Этот документ изъят в частности у обвиняемых Гафарова Р. и Байрамова, а также у Баева Гомера, арестованного УКГВ при СМ УССР по Крымской области. В 1968 году этот документ зачитывался среди лиц татарской национальности, проживающих в поселке СоюзНИХИ Орджоникидзевского района, Ташкентской области. Одновременно с этим документом распространялся другой документ «Траурная информация № 69». С этим клеветническим документом были ознакомлены ряд крымских татар, проживающих в поселке «Ташавтомаш» (т. 3, л.д. 147-153, 222-223; т. 13, л.д. 97-100, 168-173; т. 14, л.д. 157-158; т. 16, л.д. 140-145).

Чтобы создать видимость одобрения широкими массами крымских татар указанных выше двух клеветнических документов, путем обмана, не показывая самих документов, собирались подписи. Списки с этими подписями впоследствии были переданы Хаирову, у которого они изъяты во время обыска (т. 9, л.д. 2-7, 20-30; т. 12, л.д. 25-30, 55-58).

20 июня 1968 г., будучи в Крыму, Хаиров посетил Симферопольский музей, где в книге отзывов произвел клеветническую запись. Так, Хаиров, возводя клевету на национальную политику партии и правительства, писал, что судьба крымских татар «... трагически сложилась...», что фальсифицируется история «... этой многострадальной нации» (т. 13, л.д. 40, 273-284).

В июне 1968 года в период своего пребывания в Крыму Хаиров произвел в своем блокноте записи, в которых возводит злобную клевету на политику КПСС и правительства.

Характеризуя крымских татар как ограбленных, униженных и выброшенных, Хаиров далее указывает в своем пасквиле: «Противоречия между действиями правящих кругов в области национальной политики с одной стороны и тем что записано в Конституции СССР и Программе КПСС с другой — вопиющи и они порождают борьбу» (т. 9, л.д. 2-7; т. 11, л.д. 59-64, 65).

В сентябре 1968 г. Хаиров намеревался распространить так называемое «информационное сообщение» о встрече представителей инициативных групп городов и районов Ташкентской области, которая состоялась 8 сентября 1968 г. в г. Ангрене. В этом документе также содержатся заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Так, авторы документа утверждают о «... трагической судьбе...» крымских татар, что их национальные права якобы ущемлены «... врагами ленинской национальной политики...» и что «... на местах спецпоселений были предприняты целый ряд акций, направленных на подрыв национального движения крымских татар...». В

подтверждение этих домыслов авторы документа необоснованно ссылаются на факты привлечения лиц крымскотатарской национальности за общеуголовные преступления. Распространить указанный клеветнический документ Хайров не успел в связи с арестом и изъятием у него во время обыска 23 экземпляров этого документа (т. 9, л.д. 2-7, 74-119; т. 13, л.д. 3, 5-6).

[КАДЫЕВ,] проживая в г. Самарканде, начиная с декабря 1966 года занимался активной подстрекательской деятельностью, направленной на организацию массового выезда граждан татарской национальности в Крым и разрешение так называемого крымскотатарского вопроса.

Так, еще в декабре 1966 года Кадыев, работая в Самаркандском государственном университете, высказывал среди своего окружения клеветнические измышления на проводимую КПСС и Советским правительством национальную политику и на положение крымских татар, заявляя, что они якобы «... не имеют своего искусства, литературы, журналов и газет» (т. 19, л.д. 30-31, 66-67; т. 9, л.д. 156-159).

В начале августа 1967 года Кадыев изготовил документ под названием «Обращение крымскотатарской молодежи Самаркандской области», в котором заведомо ложно утверждает, что татар, проживавших в Крыму, якобы «... обрекали... на физическое национальное вымирание», что будто бы они лишены прав «... на всестороннее национальное развитие...», а также в отношении их Коммунистической партией и Советским правительством как будто проводится политика, которая является «... прямым нарушением принципов ленинской национальной политики». Изготовив этот клеветнический документ, Кадыев его распространил среди граждан татарской национальности, проживающих в городе Самарканде (т. 19, л.д. 32-33, 35-37).

После выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года «О гражданах татарской

национальности, проживавших в Крыму», Кадыев пытался принизить политическое значение Указа, опорочить его содержание, утверждая, что Указ будто бы является «половинчатым» и «... обманом народа» (т. 9, л.д. 151-152, 158-159; т. 19, л.д. 68-70).

Несмотря на разъяснение Кадыеву ошибочности и политической вредности его взглядов, а также предупреждения, Кадыев продолжал заниматься антиобщественной деятельностью.

В декабре 1967 года Кадыев в гор. Самарканде изготовил злобный клеветнический документ в адрес Генерального Секретаря КПСС. В указанном документе Кадыев вновь возводит клевету на советский государственный и общественный строй.

Охаивая советскую действительность, он пытается доказать, что якобы «... сегодняшнее положение крымскотатарского народа печально и ужасно...» и что национальная политика Коммунистической партии и Советского правительства привела будто бы к тому, что «... крымская нация как таковая сегодня не существует, — советская власть, — указывает Кадыев в своем пасквиле, — породила кримскотатарскую нацию, но она ее и уничтожит...» Названный клеветнический документ был распространен среди широкого круга граждан (т. 2, л.д. 203-206; т. 8, л.д. 13-14; т. 9, л.д. 127, 135-150; т. 16, л.д. 64-67; т. 19, л.д. 38-40 и 55-56).

В первых числах мая 1968 года Кадыев в качестве «представителя» выехал в Москву, где пробыл до конца июля 1968 года. Находясь там, он помимо того, что лично составил указанные выше документы, совместно с Языджиевым изготовил «Закрытое письмо членам инициативных групп Самаркандской области» (т. 8, л.д. 12-13; т. 9, л.д. 164-167, 169-170; т. 7, л.д. 12-16, 35-37, 89-91, 96-104, 211-212, 245-246; т. 19, л.д. 39-40, 55-56, 65-66, 91-92, 250).

В «Закрытом письме» членам инициативных групп Самаркандской области, заведомо ложно описывая правомерные действия органов власти в гор. Москве 16-18

мая 1968 года по восстановлению нарушенного общественного порядка и факт выдворения нарушителей из Москвы, Кадыев и Языджиев пытаются доказать, что это якобы была «зверская расправа с предварительной облавой, учиненная... над представителями народа органами КГБ, милиции и солдатами, еще раз продемонстрировала отношение партии и правительства к... национальному вопросу...» крымских татар (т. 8, л.д. 12-13; т. 19, л.д. 39-40, 91-92 и 250).

В августе 1968 года Кадыев, находясь в гор. Бахчисарае, Крымской области, посетил исторический музей, где в присутствии ряда граждан высказывал заведомо ложные измышления о национальной политике КПСС и Советского правительства, а затем вручил сотруднице музея гр-ке Клипаченко Л. И. упоминавшее выше клеветническое письмо на имя Генерального Секретаря ЦК КПСС (т. 9, л.д. 127, 129-133, 135-146).

Обвиняемый ГАФАРОВ, возвратившись в октябре 1967 года из заключения, вновь активно занялся антиобщественной, подстрекательской деятельностью по разрешению так называемого крымскотатарского вопроса.

В гор. Ангрене Гафаров вошел в состав нелегальной так называемой городской «инициативной группы», возглавил ее и стал продолжать свою антиобщественную деятельность.

Так, в декабре 1967 года Гафаров как руководитель ангренской «инициативной группы» выехал в гор. Ленинск, Андижанской области УзССР, где принял участие в нелегальном совещании «представителей инициативных групп» и изготовлении клеветнического документа под названием «Информация — отчет № 8». В указанном документе Гафаров и другие «представители инициативных групп» заведомо ложно утверждают, что якобы в настоящее время «...еще больше усилились новые гонения, преследования и репрессии против трудящихся крымских татар...», что будто бы «...до сих пор томятся в тюрьмах десятки крымских татар,

участвовавших в национальном движении...» и как будто «... органы власти... повсеместно проводят многочисленные обыски и массовые допросы крымских татар с целью создания и фабрикации так называемого уголовного дела, предметом обвинения в котором является движение народа за восстановление национального равноправия» (т. 9, л.д. 177, 179, 216-224, 226-228; т. 16, л.д. 1-175; т. 17, л.д. 1-126; т. 18, л.д. 1-194; т. 19, л.д. 1-3, 12-15 и 256-257).

Наряду с этим Гафаров систематически организовывал у себя дома нелегальные сборища, на которых оглашались имевшиеся у него документы, содержащие заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а также сам лично занимался распространением их среди своего окружения. Так, в мае-июле 1968 года на происходивших в доме Гафарова нелегальных сборищах были оглашены присутствовавшим имевшиеся у него «Траурная информация № 69» и «Информация № 70 и 71» (т. 9, л.д. 180-191, 205-209, 212-225, 229-231 и 236-239; т. 16, л.д. 24-31, 64-67, 140-167, 168-174, 154-262; т. [?], л.д. 37-58).

В тот же период Гафаров сам лично среди граждан татарской национальности распространил клеветнические документы: письмо обвиняемого Кадыева Роллана Генеральному Секретарю ЦК КПСС, «Информацию № 70», Письмо Костерина А. Е. председателю Совета Национальностей Верховного Совета СССР и в редакцию журнала «Новый мир» и другие. Так, в письме А. Е. Костерина председателю Совета Национальностей Верховного Совета СССР и в редакцию «Новый мир» принижается политическое значение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму» и опорочивается его содержание. Автор этого злобного клеветнического документа утверждает, что якобы указ является «... хитрой ловушкой для простодушных людей, неискушенных в тонкостях юридического и бюрократического языка» и что будто бы в Советском госу-

дарстве «...пышно распустился великодержавный шовинизм...», нарушаются права и дискриминируются малые нации (т. 16, л.д. 24-31, 64-67, 140-174; т. 17, л.д. 73-126; т. 9, л.д. 180-191, 205-209, 220-223, 226-231).

ЯЗЫДЖИЕВ И. М., проживая на ст. Красногвардейская Булунгурского района Самаркандской области на протяжении ряда лет, начиная с 1965 года занимался подстрекательской деятельностью, направленной на возвращение граждан татарской национальности в Крым и разрешение так называемого крымскотатарского вопроса.

Являясь членом так называемой «инициативной группы» Языджи́ев изготавливал и распространял документы, содержащие заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй (т. 15, л.д. 128-129, 139-140, 229-230, 245-246, 248-249, 256-257, 258-259).

Так, летом 1967 года Языджи́ев у себя дома изготовил, а затем размножил и распространил так называемое «открытое письмо». В этом письме он принижает политическое значение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму», утверждая, что этот указ оказался «бесплодным, ему нет почтения». В отношении заголовка указа автор пишет: «Расшифровка его гораздо труднее, чем расшифровка иероглифов древности».

В письме возводится клевета на политику Коммунистической партии и Советского правительства по национальному вопросу, на правомерные действия партийных и советских органов. Сравнивая положение греческих патриотов с крымскими татарами, Языджи́ев утверждает, что будто бы в Узбекистане они — крымские татары — задерживаются насильственными методами, преследуются и не пользуются всеми правами граждан СССР.

Указанное письмо Языджи́ева было распространено среди широкого круга граждан татарской националь-

ности. В частности, два экземпляра «открытого письма» были изъяты при обыске в доме у обвиняемого Гафарова в гор. Ангрене, кроме того, гр. Сейтумеров Р. прочитал это «письмо» в г. Чирчике и большое количество граждан татарской национальности ознакомились с письмом в г. Ташкенте (т. 15, л.д. 130-131, 209-213, 214-217; т. 16, л.д. 15-18).

Осенью 1967 года Языджи́ев изготовил документ, начинающийся словами: «Крымскотатарский народ почти четверть века лишен отчизны...», в котором он вновь умаляет политическое значение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г. «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму» и утверждает, что упомянутый указ якобы не изменил существующий Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года и он будто бы «... не соответствует имени националистической нации».

Извращая советскую действительность, правовое и экономическое положение татар, он указывает, что «новый указ фактически считает крымскотатарский народ саженцами перевезенными из Крыма в республики Средней Азии...» (т. 15, л.д. 4, 73, 118, 127-129).

В сентябре 1967 года Языджи́ев принял участие в организованном нелегальном сборище крымских татар в городе Ленинабаде и совместно с другими изготовил «Информацию № 5», в которой возводится клевета на деятельность партийных и советских органов в период разъяснения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5. 9. 1967 года. В частности в ней указано, что все собрания «... по разъяснению указа носили характер шантажа, давления, обмана и замучивания членов инициативных групп областей, городов и населенных пунктов». Далее авторы утверждают, что «само появление нового указа, снимающего огульное обвинение с нашего народа, свидетельствует о ложности подобных утверждений и здесь не видно не только логики, но и здравого смысла» (т. 15, л.д. 124-125, 159, 205-208).

В октябре 1968 года Языджи́ев изготовил для распро-

странения документ, адресованный в редакцию газеты «Правда». В этом документе возводится злобная клевета на национальную политику Коммунистической партии и Советского правительства. Автор неоднократно проводит мысль, что положение крымскотатарского народа в СССР, якобы находящегося в резервации «... ничуть не отличается от положения негров и индейцев США». Он провокационно утверждает, что якобы советская власть дожидается, чтобы «... США раньше решили национальный вопрос индейцев, чем Советский Союз — национальный вопрос крымскотатарского народа!?» Указанный документ не был Языджиевым распространен в связи с изъятием документа во время обыска.

В письме гр-ну Костерину, изготовленном Языджиевым в октябре 1968 года, автор вновь порочит национальную политику Советского правительства, правомерные действия органов советской власти и подстрекает адресата на новые провокационные действия. В частности он пишет: «Мы уверены, что вы достаточно оценили вой узбекских властей — это и есть плод и сила ваших писем и статей в защиту малых и забытых, которые заставили их жужжать». Однако, принятыми мерами этот документ при обыске у Языджиева был изъят (т. 15, л.д. 116-118, 128).

В ноябре 1968 года Языджиев изготовил, размножил и передал гражданам татарской национальности для распространения документ, начинающийся словами: «Любой рожден свободным, равным, и без всяких приговоров судьбы...».

В этом пасквиле автор возводит гнусную клевету на советский государственный и общественный строй, на национальную политику правительства СССР, а также на правомерные действия органов советской власти.

Современную политику Коммунистической партии и Советского правительства он расценивает и отождествляет с политикой и событиями 1937 года.

Языджиев называет Указ Президиума Верховного

Совета СССР от 5. 9. 1967 года якобы пустой декларацией о реабилитации крымских татар.

Говоря о движении крымских татар за возвращение в Крым автор указывает, что якобы они «... подобно американскому негритянству, совершает шествие на Москву и если суждено этой социалистической нации погибнуть, то пусть она погибнет на Красной площади или в крайнем случае на пути к Москве... Другого выхода нет».

В заключении автор возводит клевету на действительное положение крымских татар, проживающих в республиках Средней Азии, утверждая, что они «... вечные рабы произвола», что над ними якобы издеваются, преследуют и глумятся над их человеческим достоинством (т. 15, л.д. 141, 142, 160, 170-172, 195-204).

Допрошенный в качестве обвиняемого по существу предъявленного ему обвинения по ст. ст. 190-1 УК РСФСР и 187-1 УК УССР БАЙРАМОВ Решат виновным себя не признал. Подтверждая изготовление и распространение документов, перечисленных в постановлении о предъявлении ему обвинения, Байрамов вместе с тем отрицал наличие в них заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (т. 8, л.д. 103-108).

Однако, виновность обвиняемого Байрамова в предъявленном ему обвинении доказана следующим:

Наличие заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, подтверждается содержанием перечисленных в обвинительном заключении и приобщенных к делу в качестве вещественных доказательств документов (т. 2, л.д. 199, 200-208, 214-217, 223-227; т. 3, л.д. 20, 29-52, 55, 56, 89-91, 108-121, 125-133, 138-168, 172-190, 203-204, 212-228, 230-241, 244-276, 297-335, 336-362, 363-368; т. 16, л.д. 74-78, 79-90, 91-110).

Факт изготовления Байрамовым клеветнических документов «Информаций № 60, 61, 62, 63, 64 и 68», «Гено-

цид в политике правительства Советского государства», подтверждается показаниями самого Байрамова, его подписями под этими документами и изъятием этих документов во время произведенных обысков на квартирах Байрамова, Гафарова и других (т. 3, л.д. 29-52, 138-146, 165-168, 172-176, 320-325, 336-339; т. 6, л.д. 152-157, 202-208, 314-326; т. 16, л.д. 74-110; т. 8, л.д. 2, 17-23, 25-29, 36-38, 55-60, 68, 106-109), заключением почерковедческой экспертизы за № 1156 от 23 декабря 1968 года (т. 6, л.д. 1-17).

Установление Байрамовым преступных связей по изготовлению документов клеветнического характера, как «Траурной информации № 69», «Информаций №№ 70, 71», «Обращения представителей крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР», «Обращения представителей крымскотатарского народа к мировой общественности», письма на имя Генерального Секретаря ООН У Тана, письма «инициаторам города Чирчика», совместно с обвиняемыми Бариевым, Аметовой, Халиловой, Эминовым и другими подтверждается:

Показаниями самого Байрамова и подписями этих документов (т. 2, л.д. 221-222; т. 3, л.д. 108-111, 154-155, 267, 299-300, 316-319, 354; т. 6, л.д. 251-253; т. 8, л.д. 2-3, 5-6, 9-10, 29-30, 36-37, 60-63, 106; т. 19, л.д. 258-259), показаниями обвиняемого Бариева А., который показал, что они вместе с Байрамовым составили «Информацию № 71», «Письмо на имя Генерального Секретаря ООН У Тана» и письмо «Инициаторам города Чирчика» (т. 8, л.д. 126-127, 135, 159), показаниями обвиняемых Аметовой С. и Халиловой М., подтвердивших, что Байрамов совместно с ними и Бариевым составили письмо на имя Генерального Секретаря ООН У Тана (т. 8, л.д. 173-174, 242-243), заключением почерковедческой экспертизы, на которой видно, что подпись от имени Байрамова в письме «Генеральному Секретарю Организации Объединенных Наций У Тану» выполнена Байрамовым (т. 6, л.д. 1-17), а

также изъятием у гражданки Улановой Э. А., проживающей в городе Симферополе документа «Обращение представителей крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР», в котором имеется подлинная подпись обвиняемого Байрамова Р. (т. 19, л.д. 258-259).

Составление обвиняемым Байрамовым писем в адрес обвиняемого по делу Хаирова, а также Мемешева и Рустемова, в которых предлагалось последним организовать распространение клеветнической «Информации № 71» и собрать подписи граждан татарской национальности под этим документом, подтверждается показаниями Байрамова (т. 8, л.д. 53-54, 108) и изъятием этих писем с личными подписями обвиняемого Байрамова (т. 4, л.д. 10-13, 30-53).

Факт распространения Байрамовым указанных выше документов, изготовленных как им самим, так и в соавторстве с другими, а также клеветнических документов: «Обращения к советским писателям, работникам науки, искусства и культуры, политическим и общественным деятелям СССР», «Чирчикских громил к ответу», «Похороны под надзором КГБ», «Кровавое воскресенье», «Обращения к советской общественности, Президиуму Верховного Совета СССР от имени 40 крымских татар, возвратившихся в Крым», «Информации с 15 мая по 2 июня 1968 года о фактах неслыханных репрессий против крымских татар в Крыму и в пути этапирования», «Письма в Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Председателю Совета Министров СССР и Генеральному Прокурору СССР от имени 16-ти представителей крымскотатарского народа в Москве», «Протеста на имя ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Генерального Прокурора СССР», «Письма в Политбюро ЦК КПСС от имени крымских татар, проживающих в Сырдарьинской области», «Письма Генеральному Секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР и в другие адреса от имени крымских татар, проживающих в г. Ба-

ку» подтверждается показаниями самого обвиняемого Байрамова (т. 8, л.д. 1-109), показаниями обвиняемых Бариевым (т. 8, л.д. 158-160) и Аметовой (т. 8, л.д. 208-209), наличием перечисленных документов вместе с конвертами, в которых они вкладывались, поступившими в следственные органы этих конвертов с документами от адресатов, которым они были направлены с целью распространения (т. 4, л.д. 30-53, 79-99, 103-414; т. 5, л.д. 1-33, 112-119, 178-188, 206-220, 302-355; т. 6, л.д. 19-23, 81-91, 107-116, 117-135, 141-144, 174-200, 203-208), фактом обнаружения и изъятия большинства указанных выше клеветнических документов во время обысков у обвиняемых Байрамова (т. 2, л.д. 2-10, 221-227; т. 3, л.д. 29-52, 54, 108-111, 112-133, 138-168, 172-176, 203-204, 230-234, 244-254, 256-257, 265-266, 297-325, 330-333, 336-347, 354-362), Гафарова Р. (т. 16, л.д. 55-63, 70, 71-110, 140-182, 220-221, 254-262; т. 17, л.д. 73-126, 240-250) у жителей гор. Москвы Григоренко П. Г. (т. 20, л.д. 4-56), г. Симферополя Улановой Э. (т. 20, л.д. 92-101), заключениями почерковедческих экспертиз, из которых явствует, что записи от имени Байрамова на почтовых конвертах, в которых были вложены клеветнические документы, а затем распространены, исполнены им (т. 4, л.д. 10-14, 54-63; т. 5, л.д. 63-87; т. 6, л.д. 1-17), а также показаниями свидетелей: Смирновой Г. И., которая показала о том, что она по просьбе Байрамова за вознаграждение размножила на пишущей машинке в большом количестве целый ряд документов, которые затем распространялись им (т. 9, л.д. 5-8), Халиловой З. С., которая пояснила, что, будучи в Москве в мае 1968 г., Байрамов дал ей для ознакомления «Траурную информацию № 69» и «Экстренную информацию» (т. 7, л.д. 245-246), Амзаева М., показавшего, что в феврале-марте 1968 года в г. Москве зачитывались среди лиц крымскотатарской национальности «информации» за №№ 63 и 64, которые, как сказано выше, были составлены обвиняемым Байрамовым (т. 8, л.д. 35-37), Мамутова Ш., который рассказал о том, что Байрамов вместе с Бариевым участвовал в обсуждении в мае 1968

года в г. Москве «Информации № 68» и что в июле 1968 года он получил по почте от Байрамова «Экстренную информацию» (т. 6, л.д. 331-339), Абдураманова У., который показал, что в мае-июне 1968 года он получил из Москвы по почте несколько «информаций», которые зачитал в присутствии 50-60 человек в совхозе «Нарпай» Навоинского района (т. 6, л.д. 299-300). Указанное обстоятельство подтвердил на допросе Байрамов, лично отправивший ряд документов, как, например «Кровавое воскресенье», «Информации № 71 и 72», которые изъяты 13. 12. 1968 года на квартире Абдураманова (т. 6, л.д. 285-298), Ломакина В. В., который сообщил о том, что в июне 1968 года Байрамов прислал ему из Москвы по почте клеветнические документы «Информацию № 70», «Чирчикских громил к ответу», «Обращение к советским писателям, работникам науки, искусства, политическим и общественным деятелям СССР», «Обращение представителей крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР», «Траурную информацию № 69» и «Информация с 15 мая по 2 июня 1968 года о фактах неслыханных репрессий против крымских татар в Крыму и в пути этапирования», и в письме просил его ознакомить с этими документами своих товарищей (т. 6, л.д. 163-166).

Распространение Байрамовым документов, автором которых является Костерин А. Е. и Григоренко П. Г., а также некоторых других документов, подтверждается показаниями самого Байрамова и фактом обнаружения и изъятия у него во время обыска этих документов (т. 2, л.д. 1-227; т. 3, л.д. 1-372; т. 8, л.д. 12-14, 21, 31-34, 43-48, 105-107).

Кроме того Байрамов изобличается показаниями свидетелей Вейсман Е. Р. (т. 4, л.д. 189-190), Кривцова М. И. (т. 4, л.д. 273-274), Черникова Р. К. (т. 4, л.д. 369), Мосечкиной Е. Н. (т. 4, л.д. 408-409), Давыдова А. И. (т. 5, л.д. 20-21), Таран А. Д. (т. 5, л.д. 327-339), Савенкова В. З. (т. 5, л.д. 339-340), Овечкина В. В. (т. 6, л.д. 92-93), Ста-

риковой Л. П. (т. 6, л.д. 58-59), Магавин А.А. (т. 6, л.д. 60-61).

Допрошенный в качестве обвиняемого БАРИЕВ Айдер по существу предъявленного ему обвинения по ст. 191-4 УК УзССР и ст. 190-1 УК РСФСР виновным себя не признал. Подтверждая изготовление и распространение документов, перечисленных в постановлении о предъявлении ему обвинения, Бариев вместе с тем отрицал наличие в них заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (т. 8, л.д. 158-160).

Однако, виновность обвиняемого Бариева в предъявленном ему обвинении доказана следующим:

Наличие заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, подтверждается содержанием перечисленных в обвинительном заключении и приобщенных к делу в качестве вещественных доказательств документов (т. 5, л.д. 24-33, 36-37; т. 5 [?], л.д. 89-96, 98-99, 113-118, 120-128, 233-234; т. 6, л.д. 137-138, 251-252, 256-264).

Факт изготовления Бариевым клеветнических документов — «Информаций №№ 67-72 и 73» подтверждается показаниями самого Бариева и его подписями под этими документами (т. 8, л.д. 116-117).

Установление Бариевым преступных связей по изготовлению документов клеветнического характера, таких как обращение «К советским писателям, работникам науки, искусства, политическим и общественным деятелям СССР», «Обращение крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР», письмо на имя Генерального Секретаря ООН У Тана, письмо «Инициаторам города Чирчика», «Информация № 71», с обвиняемыми Байрамовым, Аметовой, Халиловой и другими, подтверждается показаниями самого Бариева (т. 8, л.д. 114, 116-117, 134-135, 158-160), показаниями обвиняемого Байрамова Р., который показал, что он вместе с Бариевым составили «Ин-

формацию № 71», письмо «Инициаторам города Чирчика» и письмо на имя Генерального Секретаря ООН У Тана (т. 8, л.д. 106), показаниями обвиняемой Аметовой, которая пояснила, что в июне 1968 года она совместно с Бариевым и другими приняла участие в составлении «Обращения крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР», «Информации № 71» и письма на имя Генерального Секретаря ООН У Тана (т. 8, л.д. 208-209), показаниями обвиняемой Халиловой М. (т. 8, л.д. 242-243), заключением почерковедческой экспертизы, из которой видно, что подпись от имени Бариева в письме Генеральному Секретарю Организации Объединенных Наций У Тану, выполнена Бариевым А. (т. 6, л.д. 1-17), а также изъятием у жительницы города Симферополя Улановой Э. А., документа «Обращение представителей крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР», в котором имеется подлинная подпись обвиняемого Бариева А. (т. 19, л.д. 258-259) и у жителя города Москвы Григоренко П. Г. двух экземпляров письма на имя Генерального Секретаря ООН У Тана, в которых также имеются подлинные подписи Бариева (т. 20, л.д. 4-56).

Факт распространения Бариевым указанных выше документов, изготовленных как им самим, так и в соавторстве с другими, а также клеветнических документов: «Траурной информации № 69», «Обращение к советской общественности и Президиуму Верховного Совета СССР» от имени 40 крымских татар, возвратившихся в Крым, «Чирчикских громил к ответу», «К оценке текущего момента в крымскотатарском национальном вопросе», «Информации № 64», «Кровавое воскресенье» подтверждается показаниями самого обвиняемого Бариева (т. 8, л.д. 110-147, 158-160), показаниями обвиняемых Байрамова (т. 8, л.д. 103-109), Аметовой (т. 8, л.д. 208-209), Халиловой (т. 8, л.д. 251), наличием перечисленных документов вместе с конвертами, в которых они вкладывались, поступившими в следственные органы этих кон-

вертов с документами от адресатов, которым они были направлены с целью распространения (т. 5, л.д. 23, 24-33, 34, 36-37; т. 5 [?], л.д. 88, 89, 96, 97, 98-99, 112, 113-118, 119, 120-128, 233-234; т. 6, л.д. 136, 137-138, 251-252, 256-264), фактом обнаружения и изъятия большинства указанных выше клеветнических документов во время обысков у обвиняемых Байрамова (т. 2, л.д. 221-227; т. 3, л.д. 1 [?]-113, 147-168, 203-204, 256-257, 263-266, 247-300, 332-333, 3 [?]-362), Гафарова Р. (т. 16, л.д. 91-110, 137-139, 140-167, 220-221, 254-262; т. 17, л.д. 73-83, 247-250), у жителей городов Москвы — Григоренко П. Г. (т. 20, л.д. 4-56) и Симферополя — Улановой Э. А. (т. 20, л.д. 92-101), заключениями почерковедческой экспертизы, из которых видно, что записи на почтовых конвертах адреса получателей и отправителя, в которых были вложены клеветнические документы для распространения, исполнены Бариевым (т. 4, л.д. 10-14, 54-63; т. 5, л.д. 63-87; т. 6, л.д. 1-17), а также показаниями свидетелей: Карачаева В. М., котсрый показал, что в марте 1968 года он по предложению Бариева выступил на сборище в городе Чирчике, а затем Бариев в присутствии 150-200 человек зачитал всем «Информацию № 64» (т. 9, л.д. 70-75), Мумджи Биляла, который показал, что будучи в Москве, в августе 1968 года он познакомился с Бариевым и Аметовой, от которых услышал часть фактов, изложенных в «Информации № 73», и после возвращения в город Коканд ознакомился с указанной «Информацией», направленной «представителями» из Москвы на место (т. 7, л.д. 199-201), Клевлеевой Р. Х., которая пояснила, что в апреле 1968 года она читала «Информацию № 67» (т. 7, л.д. 280-281), Умерова Э., который заявил, что в мае 1968 года в Москве около гостиницы «Алтай» была оглашена «Информация № 68». В отношении этой «информации» наиболее активным был Бариев (т. 7, л.д. 309-311), Буджек И., который заявил, что находясь в Москве присутствовал во время составления «Информации № 72», которая была затем оглашена. В то время не придавал должного значения содержанию документа, в настоящее

время убедился, что в «Информации» допущены нездоровые выпады, порочащие нашу советскую действительность, в частности, что нет у нас справедливости, демократии и равноправия (т. 7, л.д. 347-350), Бондарина С. А., который рассказал, что в конце июня 1968 года к нему на квартиру пришли Бариев и Халилова, которые высказывали клеветнические измышления об условиях жизни крымских татар, утверждая, что они якобы терпят унижения и притеснения, а затем они передали ему документы по национальному вопросу (т. 9, л.д. 98-99, 102-103). Как показала на допросе обвиняемая Халилова, Бондарину были вручены документы «Траурная информация № 69» и «Чирчикских громил к ответу» (т. 8, л.д. 251).

Допрошенная в качестве обвиняемой АМЕТОВА Светлана по существу предъявленного ей обвинения по ст. 190-1 УК РСФСР виновной себя не признала. Подтверждая изготовление и распространение документов, перечисленных в постановлении о предъявлении ей обвинения, Аметова вместе с тем отрицала наличие в них заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, заявила при этом, что и в настоящее время считает, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года узаконил дискриминационную политику по отношению к крымскотатарскому народу и что в отношении крымских татар проводится насильственная ассимиляция (т. 8, л.д. 208-209).

Виновность обвиняемой Аметовой в предъявленном ей обвинении, помимо ее признательных показаний, доказана следующим: наличие заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй подтверждается содержанием перечисленных в обвинительном заключении и приобщенных к делу в качестве вещественных доказательств документов (т. 3, л.д. 89-96, 112-113, 147-153, 154-155, 165-168, 203-204, 316-319, 330-331, 336-339; т. 5, л.д. 89-97, 118-159,

156-168, 168-175, 179-188, 207-220, 223-230, 232-234, 237-242, 245-261, 264-271, 274-281, 283-292; т. 6, л.д. 33-40, 64-80, 146-191, 211-232, 242-253, 304-312).

Установление Аметовой преступных связей по изготовлению документов клеветнического характера, таких как «Обращение крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР», письма на имя Генерального Секретаря ООН У Тана, «Информации №№ 70, 71, 72, 73», с обвиняемыми Байрамовым, Бариевым, Халиловой, Умеровым и другими, подтверждается показаниями самой Аметовой (т. 8, л.д. 173-174, 199-200), показаниями обвиняемого Байрамова Р., который пояснил, что он вместе с Аметовой, Халиловой и Бариевым составили «Информацию № 71» и письмо на имя Генерального Секретаря ООН У Тана (т. 8, л.д. 106), показаниями обвиняемой Халиловой М. (т. [?], л.д. 242-243), заключением почерковедческой экспертизы, из которой видно, что подпись от имени Аметовой в письме Генеральному Секретарю Организации Объединенных Наций У Тану выполнена Аметовой С. (т. 6, л.д. 1-17), а также изъятием у жительницы города Симферополя Улановой Э. А. документа «Обращения представителей крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР», в котором имеется подлинная подпись обвиняемой Аметовой С. (т. 19, л.д. 258-259) и у жителя города Москвы Григоренко П. Г. двух экземпляров письма на имя Генерального Секретаря ООН У Тана, в которых также имеется подлинны подписи Аметовой (т. 20, л.д. 4-56).

Факт распространения Аметовой указанных выше документов, изготовленных как ею самой, так и в соавторстве с другими, а также клеветнических документов: «Обращение к советской общественности, Президиуму Верховного Совета СССР», «Обращение к советским писателям, работникам науки, искусства, политическим и общественным деятелям», «Траурной информации № 69», «Кровавое воскресенье», «Обращение к

Генеральному Прокурору СССР», «Чирчикских громил к ответу», «Письмо председателю Крымского облисполкома Чемодурову», «К оценке текущего момента в крымскотатарском национальном вопросе в свете событий 16-18 мая 1968 года в Москве и Крыму», «Похороны под надзором КГБ» и «Экстренной информации», подтверждается показаниями самой Аметовой (т. 8, л.д. 208-209), показаниями обвиняемых Байрамова (т. 8, л.д. 103-109), Бариева (т. 8, л.д. 158-160), Умерова (т. 14, л.д. 70-74), наличием перечисленных документов вместе с конвертами, в которые они вкладывались, поступившими в следственные органы этих конвертов с названиями документов от различных адресатов, которым они были направлены с целью распространения (т. 5, л.д. 88, 89-97, 117, 118-154, 155, 156-164, 167, 168-175, 178, 179-188, 206, 207-220, 222, 223-230, 231, 232-234, 235, 237-242, 244, 245-261, 263, 264-271, 273, 274-281, 282, 283-292; т. 6, л.д. 32, 33-48, 68, 69-80, 145, 146-151, 210, 211-232, 242-253, 303, 304-311), фактом обнаружения и изъятия большинства указанных выше клеветнических документов во время обысков у обвиняемых Байрамова (т. 2, л.д. 221-227; т. 3, л.д. 112-113, 147-168, 203-204, 256-257, 265-266, 297-300, 332-333, 354-362), Гафарова Р. (т. 16, л.д. 91-110, 137-139, 140, 167, 220-221, 254-262; т. 17, л.д. 73, 83, 247-250), у Григоренко П. Г. (т. 20, 4-56) и Улановой Э. А. (т. 20, л.д. 92-101), заключениями почерковедческой экспертизы, из которых видно, что записи на почтовых конвертах — адрес получателя и отправителя, в которых были вложены клеветнические документы для распространения, исполнены Аметовой С. (т. 5, л.д. 63-87; т. 6, л.д. 1-17), а также показаниями свидетелей: Куртаметова И., который показал, что, находясь в Москве в августе 1968 года встречал Аметову, которая читала перед народом «информации» и «обращения». После чтения собирали подписи и обсуждали содержание документов (т. 7, л.д. 145-147), Гарифовой Н., которая пояснила, что в составлении и обсуждении «Информации № 70» и документа «Обращение представителей крымскотатарского народа к от-

крывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР» активное участие принимала Аметова Светлана. В Москве она очень активно участвовала в «автономистском» движении крымских татар. Эти документы читали на собраниях и ходили по рукам, распространялись по многим учреждениям и отправлялись в места, где проживают крымские татары. Лично она (Гарифова) привезла с собой из Москвы один экземпляр «Информации № 70 и 71». В этих «информациях» имеются разные выражения и слова, неправдоподобно освещаются некоторые события в стране (т. 7, л.д. 145-147), Джепперова А., который показал, что «Информация № 70» и «Обращение представителей крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР», распространялись среди лиц татарской национальности в Москве и направлялись во все места, где проживают крымские татары (т. 7, л.д. 58-60), Курганцева М. А., который сообщил, что во второй половине июня 1968 года в редакции журнала «Азия и Африка сегодня», явились Аметова, Умеров и Асанова. В разговоре Аметова сообщила, что она и ее коллеги уполномочены крымскотатарским народом передать его национальные требования в различные учреждения и организации, деятелям культуры и получить их поддержку. Редакцию журнала они просили опубликовать «Траурную информацию № 69», при этом Аметова передала ему текст этой информации. Причем Аметова заявила, что если журнал не опубликует их информацию, то они вынуждены будут обратиться в зарубежную печать и «тогда будет хуже». Предъявленный ему конверт, на котором имеются записи: «Институт народов Азии и Африки, Москва Н-106 до востребования Аметовой С.» является тем конвертом, в котором находилась «Траурная информация № 69», переданная ему Аметовой (т. 6, л.д. 209, 235-237), Белгородской И. М., которая пояснила, что она знакома со многими информацией и документами по крымскотатарскому вопросу, в частности с «Траурной информацией № 69» и документом «Чирчик-

ских громил к ответу» (т. 9, л.д. 78-79), Кобрин М. М., который пояснил, что в июне 1968 года в редакцию Института международного рабочего движения прибыли три человека, в числе которых были Аметова и Умеров. После состоявшейся беседы с ними, Аметова положила на стол синий конверт, в котором оказались документы под названием: «Траурная информация № 69» и «Обращение к советским писателям, работникам науки, искусства и культуры, политическим и общественным деятелям СССР» (т. 4, л.д. 414-419), Холковского М. П., который показал, что в июле 1968 года он встречал возле локомотивного депо сменного мастера, сообщившего ему, что из Москвы ему (Холковскому) прибыло письмо. Вскрыв конверт, он увидел три документа, из содержания одного из документов убедился, что в нем идет речь о крымских татарах (т. 6, л.д. 312-313). Этими документами оказались: «Обращение к советской общественности, Президиуму Верховного Совета СССР», «Обращение представителей крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР» и «Информации № 71» (т. 6, л.д. 303-311).

Подтверждением показаний обвиняемой Аметовой в распространении клеветнических документов в Институт международного рабочего движения, редакцию журнала «Азия и Африка» и Академию медицинских наук являются записи, произведенные ею в верхних левых углах «Траурной информации № 69», «копия в Институт международного рабочего движения» (т. 5, л.д. 283), «Траурной информации № 69»: «копия в редакцию журнала Азия и Африка» (т. 6, л.д. 223). «Обращения к советским писателям, работникам науки, искусства, политическим и общественным деятелям СССР»: «копия в Академию медицинских наук» (т. 6, л.д. 242).

Допрошенная в качестве обвиняемой ХАЛИЛОВА Мунире по существу предъявленного ей обвинения по ст. 190-1 УК РСФСР, виновной себя признала частично и заявила, что будучи в г. Москве, занималась изготовле-

нием и распространением документов, перечисленных в постановлении о предъявлении ей обвинения и в этих документах содержатся резкие и неправильные утверждения, как, например, о гибели якобы 46 % крымских татар, желание партийно-государственного руководства уничтожить крымских татар, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года якобы узаконил дискриминационную политику к крымскотатарскому народу, политику геноцида, политику насильственной ассимиляции, все это не соответствует действительности и написано неверно (т. 8, л.д. 264-273).

Виновность обвиняемой Халиловой помимо ее признательных показаний доказана следующим: наличие заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, подтверждается содержанием перечисленных в обвинительном заключении и приобщенных к делу вещественных доказательств документов (т. 3, л.д. 147-153, 154-155, 165-168, 316-319, 330-331; т. 5, л.д. 144-145, 179; т. 6, л.д. 251-253; т. 19, л.д. 258-259).

Установление Халиловой преступных связей по изготовлению документов клеветнического характера, таких как, «Экстренная информация», «Траурная информация № 69», «Информации №№ 70 и 71», «Обращение представителей крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР», а также письма Генеральному Секретарю ООН У Тану, с обвиняемыми Байрамовым, Бариевым, Аметовой и другими, подтверждается показаниями самой Халиловой (т. 8, л.д. 264-273), показаниями обвиняемого Байрамова (т. 8, л.д. 106), показаниями обвиняемой Аметовой (т. 8, л.д. 208-209), а также изъятием у Улановой Э. А. документа «Обращение представителей крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР», в котором имеется подлинная подпись обвиняемой Халиловой (т. 19, л.д. 258-259) и у Григоренко П. Г. двух экземпляров письма на имя Гене-

Милиция и войска розгоняют массовое гуляние, устроенное крымскими татарами по случаю дня рождения Ленина 21-го апреля 1968 г. в г. Чирчике Ташкентской области.

Милиция и войска перед разгоном

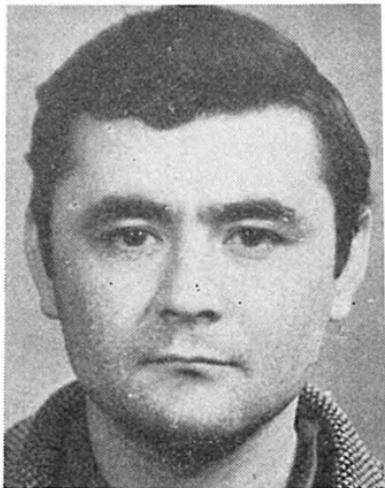
1.

1. Сидячая демонстрация крымских татар у здания облисполкома г. Симферополя в Крыму в августе 1968 г.

2. Осужденные крымские татары в лагере. Справа: физик Юрий Османов, приговоренный к заключению в 1968 г. за участие в народном движении.

3. Гомер Баев, инженер, осужденный на 2 года лагерей в апреле 1969 г. в Симферополе за такую же деятельность.

4. Абдураим Решитов из г. Нальчика, один из крымских татар, удостоенный звания Героя Советского Союза.

2.

рального Секретаря ООН У Тана, в которых также имеются подлинные подписи Халиловой (т. 20, л.д. 4-56).

Факт распространения Халиловой документов, изготовленных ею в соавторстве с другими, а также клеветнических документов: «Чирчикских громил к ответу», «Похороны под надзором КГБ», подтверждается показаниями самой Халиловой (т. 8, л. д. 264-273), показаниями обвиняемого Байрамова (т. 8, л. д. 32-34), Бариева (т. 8, л. д. 147), наличием перечисленных документов вместе с конвертами, в которых они вкладывались, поступившими в следственные органы названных документов от адресатов, которым они были направлены с целью распространения (т. 4, л. д. 20-29; т. 9, л. д. 105-124), личными письмами Халиловой (т. 2, л. д. 28-30, 217-218), письмом на имя Халиловой Хатидже, направленное ею из Москвы, в котором указывает, что посылает материалы и просит собрать подписи под «Информацией № 71» (т. 2, л. д. 23), заключениями почерковедческих экспертиз, из которых видно, что запись адреса на почтовом конверте, в котором были вложены клеветнические документы, адресованном Халиловой Хатидже, и текст письма, а также подписывает имени Халиловой в письме на имя Генерального Секретаря ООН У Тана, исполнены Халиловой (т. 4, л. д. 60-61; т. 6, л. д. 8-14), а также показаниями свидетелей Музафарова С. В. (т. 9, л. д. 87-88), Бондарина С. А. (т. 9, л. д. 98-101), Буколини А. А. (т. 9, л. д. 104-[?]).

Допрошенный в качестве обвиняемого УМЕРОВ Риза в предъявленном ему обвинении по ст. ст. 190¹ УК РСФСР и 191⁴ УК УзССР виновным себя не признал. Не отрицая факта организации им сборищ крымских татар в поселке «Ташавтомаш», на которых по его инициативе были оглашены тексты «Информации № 62» и «Информации № 64», вручения им копии документа «О малых и забытых»» Деркачу и работнику Симферопольского управления милиции, распространения совместно с обвиняемой Аметовой и Асановой документов в различ-

ные учреждения Москвы, а также свое участие в изготовлении документов под названием «Информации № 70» и «Обращение представителей крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР», он вместе с тем отрицал наличие в указанных документах заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (т. 14, л. д. 70-74).

Виновность Умерова Р. в предъявленном ему обвинении подтверждается следующими имеющимися в деле доказательствами: активная роль Умерова в подстрекательстве крымских татар на массовые возвращения в Крым, организация им нелегальных сборищ, на которых по его инициативе зачитывались различные документы, подтверждается показаниями самого Умерова (т. 14, л. д. 36-50, 53-55, 70-74), а также показаниями свидетелей Исмаилова З. (т. 14, л. д. 160-162), Анафиева М. (т. 14, л. д. 163-165, 217-219), Эмирсалиева И. (т. 14, л. д. 167-174), Бабич М. (т. 14, л. д. 177-178), Мустафаева А. Ю. (т. 14, л. д. 191-194), Сулейманова Дж. (т. 14, л. д. 186-187), Ислямова Р. Р. (т. 14, л. д. 203-207), Ресулева Р. (т. 12, л. д. 99-101), и документами, изъятыми при обыске в доме Умерова (т. 14, л. д. 4).

Факт распространения обвиняемым Умеровым клеветнического документа «О малых и забытых» подтверждается показаниями самого Умерова (т. 14, л. д. 39-40, 53-55, 70-73), препроводительным письмом за подписью заместителя председателя Крымского облисполкома Деркача от 10 октября 1967 года и приложенным к письму машинописным текстом документа под названием «О малых и забытых» (т. 14, л. д. 19-31), имеющимся в деле письменными объяснениями Умерова и Акимова С. А. (т. 14, л. д. 7-8), показанием свидетеля Деркача А. П. (т. 14, л. д. 180-183), документом «О малых и забытых», поступившим из Симферопольского управления милиции (т. 14, л. д. 5-6, 9-18).

Организация Умеровым в марте 1968 года многолюд-

ного собрания крымских татар в доме Ибраимова Арифа, оглашение там по инициативе Умерова клеветнического документа «Информации № 62» и выступление Умерова на этом собрании с подстрекательской речью подтверждается показаниями обвиняемого Умерова (т. 14, л. д. 41-42, 70-74), свидетелей Ибраимова А. (т. 14, л. д. 184-185) и Мустафаева О. (т. 14, л. д. 214-216).

Факт организации Умеровым у себя дома многолюдного собрания крымских татар и оглашения там по его инициативе «Информации № 64» подтверждается показаниями самого Умерова (т. 14, л. д. 43-44, 72), свидетелей Ресулева Р. (т. 12, л. д. 99-101), Бабиц Марьям (т. 14, л. д. 177-178), Эмирсалиева Иззета (т. 14, л. д. 168-174), Мустафаева Акима (т. 14, л. д. 191-194).

Распространение обвиняемым Умеровым совместно с Аметовой клеветнических документов «Обращение к советским писателям, работникам науки и искусства, политическим и общественным деятелям СССР», «Чирчикских громил к ответу», «Похороны под надзором КГБ», «Экстренная информация», «Траурная информация № 69», «Информация № 70», а также письма, адресованного в Политбюро ЦК КПСС и другие высшие органы за подписью 16-ти человек крымскотатарской национальности в различные организации в городе Москве подтверждается показаниями самого Умерова (т. 14, л. д. 45-47, 53-55, 70-74), обвиняемой Аметовой (т. 8, л. д. 175-176, 196-197, 208-209), свидетелей Курганцева М. А. (т. 6, л. д. 209, 235-236), Степанова И. С. (т. 6, л. д. 233-234, 239-240) и самими клеветническими документами (т. 5, л. д. 146-154; т. 6, л. д. 211-232, 241-250). Распространение Умеровым совместно с Мурахасом Н. А. «Траурной информации № 69» и «Информации № 70» среди сотрудников Министерства просвещения СССР подтверждается показаниями самого Умерова (т. 14, л. д. 60-61, 70-74) и свидетеля Мурахаса Н. А. (т. 14, л. д. 220).

Участие обвиняемого Умерова в изготовлении клеветнических документов «Информации № 70» и «Обра-

щение представителей крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР» подтверждается наличием подписей Умерова под этими документами (т. 6, л. д. 132-135, 184-185; т. 17, л. д. 85-126; т. 19, л. д. 258-259) и показаниями самого Умерова (т. 14, л. д. 46-47, 53-55, 73-74).

Допрошенный в качестве обвиняемого по ст. ст. 190¹ УК РСФСР и 191⁴ УК УзССР ЭМИНОВ Р. Я. виновным себя в предъявленном ему обвинении не признал. Не отрицая свое участие в составлении документов под названием «Экстренная информация» и «Траурная информация № 69», а также факты оглашения им указанных документов, «Информации № 70», «К оценке текущего момента в крымскотатарском национальном вопросе в свете событий 16-18 мая 1968 года в Москве и Крыму» на многочисленных собраниях крымских татар, он вместе с тем отрицал наличие в этих документах заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (т. 14, л. д. 125-135, 136-141, 146-149, 155-158).

Виновность Эминова Р. Я. в предъявленном ему обвинении подтверждается следующими имеющимися в деле документами:

Участие Эминова в изготовлении клеветнических документов под названием «Экстренная информация» и «Траурная информация № 69» подтверждается показаниями обвиняемого Эминова, пояснившего в частности о том, что записанные им со слов жительницы г. Душанбе Расуловой Элямии факты были помещены в «Экстренной информации» и «Траурная информация № 69» (т. 14, л. д. 125-135, 146-149, 153-158), частично показаниями свидетеля Эмирсалиева И. (т. 14, л. д. 168-172), а также имеющимися в деле указанными клеветническими документами, в числе авторов которых значится фамилия Эминова (т. 4, л. д. 83-89, 94-97).

Допрошенная в качестве свидетеля Расулова-Шумарева Э. А. показала, что факты, рассказанные ею в «Тра-

урной информации № 69», помещены в ложном и извращенном виде (т. 7, л. д. 91-104), что свидетельствует о клеветническом характере «Траурной информации № 69».

Распространение Эминовым клеветнических документов «Экстренная информация», «Траурная информация № 69» и «Информация № 70» на многолюдном сборище крымских татар, организованном им в доме Анафиева Муслима, подтверждается показаниями самого обвиняемого Эминова (т. 14, л. д. 128, 136-138, 155-158), показаниями свидетелей Эмирсалиева Иззета о том, что на сборище крымских татар, состоявшемся летом 1968 года в доме Анафиева Муслима были зачтены Эминовым Русланом «Экстренная информация», «Траурная информация № 69» и «Информация № 70» (т. 14, л. д. 171-174), Хаялиева Э. и Карабашова С., пояснивших о том, что на сборище крымских татар, организованном летом 1968 года в доме Анафиева Муслима Эминовым были зачтены какие-то информации (т. 14, л. д. 166-167, 175-176), а также показаниями свидетелей Анафиева М. (т. 14, л. д. 177-178), Бабич М. (т. 14, л. д. 177-178) и Исмаилова З. (т. 14, л. д. 160-162).

Распространение Эминовым клеветнического документа «К оценке текущего момента в крымскотатарском национальном вопросе в свете событий 16-18 мая 1968 г. в Москве и Крыму» и сбор подписей под этим документом на сборище татар, организованном Эминовым в доме обвиняемого Умерова Р., подтверждается показаниями самого Эминова (т. 14, л. д. 139-141, 155-158), свидетелей Хаялиева Э. (т. 14, л. д. 166-167), Эмирсалиева И. (т. 14, л. д. 172), Анафиева М. (т. 14, л. д. 163-165), а также самим клеветническим документом под названием «К оценке текущего момента . . .» (т. 17, л. д. 240-246).

Допрошенный в качестве обвиняемого ХАИРОВ ИЗЗЕТ в предъявленном ему обвинении по ст. ст. 191⁴ УК УзССР и 187¹ УК Украинской ССР виновным себя не признал и от дачи показаний отказался (т. 13, л. д. 11-

48). Виновность обвиняемого Хаирова в предъявленном ему обвинении доказана следующим:

Наличие заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй подтверждается содержанием самих документов, изготовлением и распространением которых вменяется Хаирову в вину (т. 3, л. д. 147-153, 222-223, 330-331; т. 10, л. д. 2-7, 74-119, 273-[-?]; т. 11, л. д. 65; т. 13, л. д. 102, 235-236).

О том, что Хаиров является членом нелегальной «информационной группы» в гор. Ташкенте, принимал участие на нелегальных сборищах, состоявшихся в городах Ташкенте, Алмалыке, Ленинабаде и Фергане, о его клеветнических выступлениях на сборищах, а также о его роли как одного из организаторов распространения клеветнических документов «Траурная информация № 69» и «К оценке текущего момента в крымско-татарском национальном вопросе в свете событий 16-18 мая в Москве и Крыму» и в сборе подписей крымских татар под этими документами подтверждается показаниями ряда свидетелей.

Так свидетель Мустафаев М. показал, что в сентябре 1967 года в гор. Алмалыке состоялось «собрание» членов алмалыкской «инициативной группы», на котором выступил Хаиров и заявил, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года будто является «половинчатым» и не решил до конца национальный вопрос крымских татар, и призывал в связи с этим и впредь направить «представителей» в Москву, писать письма в правительственные органы с требованием возвратить татар в Крым (т. 13, л. д. 124-126).

Об аналогичном выступлении обвиняемого Хаирова летом 1968 года в г. Алмалыке на нелегальном так называемом областном «собрании» представителей «инициативных групп» Ташкентской области показал свидетель Абдувелиев С. (т. 13, л. д. 121-123).

О факте участия Хаирова на нелегальных сборищах

в г. Алмалыке и его выступлениях показали также свидетели Мустафаев Н. (т. 13, л. д. 133-135), Дейна М. (т. 13, л. д. 131-132), Дахи М. К. (т. 13, л. д. 127-130) и Челкаев Р. (т. 13, л. д. 119-120).

Свидетель Мустафаев Н. показал и о том, что на указанном нелегальном сборище перед собравшимися зачитывалась «Информация № 70», в которой возводится клевета на национальную политику КПСС и правительства (т. 13, л. д. 133-135), а свидетель Дахи М. К. заявил, что обвиняемый Хаиров являлся членом «инициативной группы» (т. 13, л. д. 127-130).

Свидетель Халилов М. показал, что в сентябре 1967 года он вместе с Хаировым принимал участие на нелегальном сборище представителей «инициативных групп» в гор. Ленинабаде (т. 13, л. д. 76-78). На этом сборище была принята «Информация № 5», подлинник которой был изъят в связи с расследованием уголовного дела в отношении Османова Ю. и других осужденных Верховным Судом УзССР (т. 13, л. д. 235-236).

Участие обвиняемого Хаирова на нелегальном совещании представителей «инициативных групп» в гор. Фергане и выступление его на этом сборище подтверждается показаниями свидетелей Асанова Ш. и Трасинова А. Я., принятая на этом сборище «Информация-отчет № 9» (т. 13, л. д. 79-89, 97-110).

Допрошенные по делу Трасинов А. Я. и Эминов Р. подтвердили о том, что Хаиров, как член нелегальной «инициативной группы», присутствовал на сборищах, на которых принимались решения о сборе фактов для составления документов и распространении их, в частности «К оценке текущего момента в крымскотатарском национальном вопросе в свете событий 16-18 мая 1968 года в Москве и Крыму» (т. 13, л. д. 97-100; т. 14, л. д. 139-141). Это же подтверждается и фактом обнаружения и изъятия у обвиняемого Хаирова нескольких списков с подписями лиц, одобрявших указанный документ и документ под названием «Граурная информа-

ция № 69», а также чистых бланков для сбора подписей под документом «К оценке текущего момента . . .» (т. 10, л. д. 2-7, 20-30; т. 12, л. д. 4, 25-30, 55-58, 95-98, 125-126, 146-147, 174-180). О том, что подписи граждан татарской национальности, якобы одоббивших указанные документы собирались путем обмана, а в некоторых случаях учинялись подписи от их имени, подтверждается показаниями многочисленных свидетелей. Так, свидетели Амедов И. Г., Челебиева А., Дервиш С. и Асанов Б. показали, что в списках лиц якобы одоббивших «Траурную информацию № 69», они не расписывались, такого документа не видели и их подписи сфабрикованы (т. 12, л. д. 33-36, 41-42, 53-54).

Свидетели Джемперова Н., Джемперов М., Бекиров Р., Рустемова Р. и Джемперова Н. А. заявили, что собиравшие подписи лица им объяснили, что если они желают выехать в Крым, то должны поставить свою подпись в списке и поэтому они расписались, при этом «Траурную информацию № 69» ни не видели (т. 12, л. д. 37-40, 47-52).

Далее, в списках с подписями, якобы одобвивших документ «К оценке текущего момента в крымскотатарском национальном вопросе в свете событий 16-18 мая 1968 года в Москве и Крыму» значатся жители Орджоникидзевского района, Ташкентской области Рустемов З., Алимджанов С., Меметова М., Умеров Э., Алимджанова Э. С., Меметова З., Джемилева М., Люман Н., Мурадасилова А., Мевлюдов А., Хасан Оглы Р., Ибраимова Ш., Куртиева Р. С., Мурадасилова М. К. и Мустафаев Э., которые, будучи допрошенными в качестве свидетелей, заявили, что подписи в этих списках учинены не ими, а кем-то другим и указанного в списке документа не читали (т. 12, л. д. 59-62, 71-72, 81-84, 111-114, 117-118, 127-128, 132-133, 136-143, 150-151).

Свидетели Селяметова З., Саттаров З. и другие, всего 2[?] человек — жители того же района, показали, что они поставили свои подписи в списках лишь за то, что

желают выехать в Крым и что никаких документов они не одабривали (т. 12, л. д. 63-70, 73-74, 77-80, 85-94, 109-110, 115-116, 119-124, 144-145, 148-149, 152-164, 164-165).

Аналогичные показания дали и свидетели из числа жителей Сырдарьинской области и Ферганской, фамилии которых также значатся в списках, обнаруженных и изъятых у обвиняемого Хаирова (т. 12, л. д. 11-18, 21-24, 182-188, 190, 192-195).

Участие обвиняемого Хаирова в изготовлении клеветнического документа «Похороны под надзором КГБ» подтверждается показаниями самого Хаирова (т. 13, л. д. 21[?]) и клеветническим содержанием самого документа (т. 3, л. д. 330-331).

Авторство Хаирова в написании клеветнического отзыва в Крымском краеведческом музее и записей в блокноте подтверждается показаниями обвиняемого Хаирова (т. 13, л. д. 40), обнаружением этих документов (т. 10, л. д. 2-7; т. 11, л. д. 65; т. 13, л. д. 284) и заключениями почерковедческих экспертиз (т. 11, л. д. 59, 64; т. 13, л. д. 279-283).

Попытка обвиняемого Хаирова распространить клеветнический документ — «Информационное сообщение» о встрече представителей инициативных групп народов и районов Ташкентской области, которая состоялась 8 сентября 1968 года в гор. Ангрене, подтверждается показаниями Хаирова (т. 13, л. д. 3, 5, 6), фактом обнаружения и изъятия у него 23 экземпляров этого документа (т. 9, л. д. 74-119).

Произведенные обвиняемым Хаириным записи в блокноте (т. 9, л. д. 2-7; т. 11, л. д. 65) и изъятая у него во время обыска переписка (т. 10, л. д. 2-7, 147-155) также подтверждают о том, что он является одним из активных членов «инициативной группы».

Допрошенный в качестве обвиняемого КАДЫЕВ в предъявленном ему обвинении по ст. 190¹ УК РСФСР, ст. 191⁴ УК УзССР и ст. 181¹ УК Украинской ССР виновным себя не признал.

Потверждая изготовление и распространение отдельных документов, перечисленных в постановлении о предъявлении ему обвинения, он вместе с тем отрицает наличие в них заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (т. 19, л.д. 80-92). Однако, виновность Кадыева в предъявленном ему обвинении доказана следующим:

Распространение в декабре 1966 года среди своего окружения клеветнических измышлений на проводимую КПСС и Советским правительством национальную политику частично по личным признаниям Кадыева (т. 19, л.д. 30-31, 66-67), а также показаниями свидетеля Саидова К., который выяснил, что Кадыев в политическом отношении допускал неправильные, нездоровые суждения в области национальной политики партии и правительства. Он доказывал, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1968 года в отношении татар якобы является половинчатым, ничего не дающим крымским татарам и будто бы является просто обманом народа (т. 9, л.д. 158-159). Аналогичные показания дал и свидетель Киньшаков М. Ф. (т. 9, л.д. 156-157).

Изготовление и распространение в августе 1967 года клеветнического документа под названием «Обращение крымскотатарской молодежи Самаркандской области» признанием самого Кадыева (т. 19, л.д. 32-33), а также рукописным текстом этого документа (т. 19, л.д. 32-33, 35-37).

Попытка Кадыева опорочить содержание Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму» признанием его самого (т. 19, л.д. 68-70); а также показаниями свидетелей Талышкина Ю. В. (т. 9, л.д. 151-152) и Саидова К. (т. 9, л.д. 158-159).

Изготовление и распространение злобного клеветнического письма в адрес Генерального Секретаря ЦК КПСС личным признанием (т. 19, л.д. 39-40), показа-

ниями обвиняемого Байрамова Р. (т. 8, л.д. 13-14), показаниями свидетелей Клипаченко Л. И. (т. 9, л.д. 127, 135-138), Герцен А. Г. (т. 9, л.д. 139-144) и Зубкова В. Л. (т. 9, л.д. 145-150), а также текстами распространенного письма (т. 2, л.д. 203-206; т. 9, л.д. 129-133; т. 16, л.д. 64-67).

Изготовление текстов документов под названием «Траурная информация № 69», «Информация № 70», «Обращения представителей крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР», «Закрытое письмо членам инициативных групп Самаркандской области» и «Обращение представителей крымскотатарского народа к мировой общественности», содержащих злобную клевету на советский государственный и общественный строй подтверждается признанием самого Кадыева (т. 19, л.д. 39-40, 44-47, 65-66, 77-78), показаниями обвиняемого Байрамова Р. (т. 8, л.д. 13-14 и 61-63) и частично показаниями свидетелей Джемилова К. (т. 9, л.д. 89-91), Кириченко С. Б. (т. 9, л.д. 164-167) и Теке С. Б. (т. 15, л.д. 258-259), а также вещественными доказательствами (т. 19, л.д. 250, 258-259).

Допрошенный в качестве обвиняемого ГАФАРОВ РИДВАН виновным себя в предъявленном ему обвинении по ст. 191⁴ УК УзССР не признал (т. 19, л.д. 20-29). Однако, виновность Гафарова в предъявленном ему обвинении подтверждается следующим:

Руководство нелегальной так называемой «инициативной группы» в гор. Ангрене и занятие активной анти-общественной подстрекательской деятельностью к массовому выезду татар в Крым, списками «инициативников», бланками мандатов «представителей», различными обязательствами и другими многочисленными документами, изъятыми при обыске у Гафарова (т. 16, л.д. 1-275; т. 17, л.д. 1-326; т. 18, л.д. 1-194), показанием свидетелей Вантова А. М. (т. 9, л.д. 177), Каври Р. А. (т. 9, л.д. 179), Гралова Р. (т. 9, л.д. 220-224), Тызыкова

Н. И. (т. 9, л.д. 216-219) и Аширова О. (т. 9, л.д. 226-228), а также письмом-отчетом Максудова З. (т. 17, л.д. 216).

Участие в декабре 1967 года на нелегальном совещании «представителей инициативных групп» и изготовление клеветнического документа под названием «Информации — отчет № 8», частично его личным признанием (т. 19, л.д. 27-28), показанием свидетеля Мухтереева Ш. К. (т. 9, л.д. 153-155), а также вещественным доказательством (т. 19, л.д. 256-257).

Организация Гафаровым собраний членов «инициативной группы» у себя на квартире, на которых зачитывались документы, содержащие заведомо ложные измышления, частично личным признанием (т. 19, л.д. 1-3), а также показаниями свидетелей Измаилова Т. Б. (т. 9, л.д. 180-187), Туганова А. К. (т. 9, л.д. 188-191), Арнаутова М. Я. (т. 9, л.д. 205-209), Банкурова И. (т. 9, л.д. 212-215), Тызыкова Н. И. (т. 9, л.д. 216-219), Гралова Р. (т. 9, л.д. 220-223), Усеинова А. (т. 9, л.д. 224-225), Халилова Н. (т. 9, л.д. 229-231) и Асанова А. (т. 9, л.д. 236-239). Обвинение Гафарова в том, что он лично распространил среди граждан татарской национальности клеветнические документы под названием «Траурная информация № 69», «Информация № 70 и № 71», письмо обвиняемого Кадыева Генеральному Секретарю ЦК КПСС и письмо Костерина Председателю Верховного Совета СССР [и] в редакцию журнала «Новый мир», частично его личным признанием (т. 19, л.д. 1-2, 18-19, 28), изъятыми у него при обыске многочисленными текстами этих документов (т. 16, л.д. 24-31, 64-67, 140-174; т. 17, л.д. 73-126), а также показаниями свидетелей: Измаилова Т. Б. (т. 9, л.д. 180-187), Туганова А. К. (т. 9, л.д. 188-191), Арнаутова М. Я. (т. 9, л.д. 205-209), Гралова Р. (т. 9, л.д. 220-223), Аширова О. (т. 9, л.д. 226-228), и Халилова Н. (т. 9, л.д. 229-31).

Допрошенный в качестве обвиняемого ЯЗЫДЖИЕВ ИСМАИЛ МУСТАФАЕВИЧ виновным себя не признал. Подтверждая факт по существу предъявленного ему

обвинения по ст. ст. 190¹ УК РСФСР, 191⁴ УК УзССР и 203¹ УК ТаджССР изготовления, а также учинения подписей в перечисляемых в постановлении и предъявленном обвинении документах, Языджиев вместе с тем отрицает наличие в них заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (т. 15, л.д. 135-138, 151-163).

Однако наличие заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, подтверждается содержанием приобщенных к делу в качестве вещественных доказательств документов, изготовление и распространение которых ему вменено в вину (т. 15, л.д. 73-78, 175-204, 205-208).

Участие Языджиева с 1965 г. в так называемом движении по разрешению крымскотатарского вопроса в Булунгурском районе Самаркандской области, где им изготавливались и распространялись клеветнические документы, а также его участие на нелегальном сборище крымских татар в сентябре 1967 года в городе Ленинабаде ТаджССР, где им учинена подпись под клеветнической «Информацией № 5», подтверждается показаниями самого обвиняемого Языджиева (т. 15, л.д. 132, 139-143, 158-160), показаниями свидетелей Сейтумерова Р. (т. 15, л.д. 209-213), Асанова Н. (т. 15, л.д. 216-217), Карабаш С. (т. 15, л.д. 221), Подошева О. (т. 15, л.д. 229-230), Абдураманова М. (т. 15, л.д. 245-246), Исмаиловой Д. (т. 15, л.д. 248-249), Абдурамановой М. (т. 15, л.д. 256-257), Теке С. Б. (т. 15, л.д. 258-259).

Факты изготовления Языджиевым клеветнических документов:

- «Открытое письмо»,
- Документ, адресованный в правительственные инстанции, начинающийся словами: «Крымскотатарский народ почти четверть века лишен отчизны...»,
- Документ, адресованный в редакцию газеты «Правда»,
- Письмо гр-ну Костерину,

— Документ в адрес правительственных инстанций, начинающийся словами: «Любой рожден свободным, равным и без всяких приговоров судьбы...» подтверждаются показаниями самого Языджиева (т. 15, л.д. 127-16[?]), заключениями почерковедческих экспертиз (т. 15, л.д. 104-126), самими документами (т. 15, л.д. 73-78, 175-204).

Факт учинения Языджиевым подписей под клеветническими документами:

— «Информация № 5»,

— «Закрытое письмо членам инициативных групп Самаркандской области»,

подтверждается показаниями самого обвиняемого (т. 15, л.д. 157-160), а также заключениями почерковедческих экспертиз (т. 15, л.д. 104-126), самими документами (т. 15, л.д. 205-208; т. 19, л.д. 250).

Распространение Языджиевым так называемого «открытого письма» подтверждается показаниями самого обвиняемого Языджиева (т. 15, л.д. 130-131, 158-159), фактом изъятия упомянутого письма при обыске в доме у обвиняемого Гафарова в городе Ангрене (т. 16, л.д. 15-19), показаниями свидетеля Сейтумерова Р. о том, что «открытое письмо» он читал в доме у Абибуллаева в гор. Чирчике (т. 15, л.д. 209-213). По этому же поводу свидетель Асанов Н. показал, что «открытое письмо» Языджиева он зачитал в гор. Ташкенте, у здания областного суда, а затем для распространения передал его другим гражданам татарской национальности (т. 15, л.д. 216-217).

Распространение злобного клеветнического документа, адресованного Генеральному Секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР, Председателю Совета Министров СССР, председателю КГБ при СМ СССР и в адрес редакции газеты «Правда», начинающийся словами: «Любой рожден свободным, равным, и без всяких приговоров судьбы...» подтверждается показаниями обвиняемого Языджиева (т. 15, л.д. 130-131, 160), наличием нескольких экземпляров

указанного документа вместе с конвертами, в которых они распространялись, поступившими в распоряжение следствия от адресатов, которым эти документы были написаны (т. 15, л.д. 175-204), содержанием изъятой «Информации № 81», где указано, что упомянутый документ был разослан по указанным в нем адресам (т. 15, л.д. 170-172).

Факт распространения закрытого письма членам «Инициативных групп Самаркандской области», изготовленного Языджиевым совместно с обвиняемым Кадыевым в гор. Москве, подтверждается показаниями обвиняемого Кадыева (т. 19, л.д. 92), показаниями свидетеля Теке С. о том, что письмо было изготовлено Языджиевым (т. 15, л.д. 258-259).

Изготовленные Языджиевым клеветнические документы:

- начинающийся словами: «крымскотатарский народ почти четверть века лишен отчизны . . .»,
- письмо гр-ну Костерину,
- документ, адресованный в редакцию газеты «Правда»,

не получили распространения в связи с изъятием во время обыска (т. 15, л.д. 3-6, 73-78).

На основании изложенного

Байрамов Решат, 1943 года рождения, уроженец дер. Камышлик, Белогорского района Крымской области, татарин, гражданин СССР, беспартийный, с 9-классным образованием, неженатый, ранее не судимый, до ареста работавший в т. Мелитополе в монтажном строительном управлении № 400 электромонтером, проживавший в т. Мелитополе по ул. Болдана Хмельницкого, 43, ком. 55, —

обвиняется в том, что:

в период с января по август 1968 года, находясь в городах Москве и Мелитополе, систематически занимался изготовлением и распространением клеветнических

ких документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, то есть в совершении преступлений, предусмотренных по ст. ст. 190¹ УК РСФСР и 187¹ УК Украинской ССР.

Бариев Айдер, 1938 года рождения, уроженец Крымской области, Куйбышевского района, татарин, гражданин СССР, беспартийный, со средним образованием, женатый, ранее не судимый, без определенных занятий, проживающий в городе Чирчике по ул. Саперной, дом 40, кв. 24, —

обвиняется в том, что:

в период с марта по август 1968 года, находясь в городах Чирчике и Москве, систематически занимался изготовлением и распространением клеветнических документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, то есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 191⁴ УК УзССР и 190¹ УК РСФСР.

Аметова Светлана, 1941 года рождения, уроженка города Ташкента, татарка, гражданка СССР, беспартийная, со средним образованием, без определенных занятий, проживающая в городе Янгиюле по ул. Горького, дом 10, —

обвиняется в том, что:

в период с мая по август 1968 года, находясь в городе Москве, систематически занималась изготовлением и распространением клеветнических документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, то есть в преступлении, предусмотренном ст. 190¹ УК РСФСР.

Халилова Мунире, 1945 года рождения, уроженка пос. Усть-Гаревая, Красновишерского района,

Пермьской области, татарка, г-ка СССР, ранее не судимая, исключенная из ВЛКСМ в связи с настоящим делом, со средним медицинским образованием, до ареста проживавшая в г. Бекабаде по ул. Сырдарьинская, 27 кв. 8, и работавшая там же акушеркой в горбольнице, —

обвиняется в том, что:

находясь в мае-июле 1968 года в г. Москве, совместно с другими принимала участие в изготовлении и распространении документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, то есть в преступлении, предусмотренном ст. 190¹ УК РСФСР.

Умеров Риза, 1920 года рождения, уроженец деревни Авжикой, Бахчисарайского района, Крымской области, татарин, беспартийный, с 5-классным образованием, не судимый, работавший электросварщиком Ташкентской ГРЭС, проживавший в городе Ташкенте, поселок «Ташавтомаш» по ул. Жданова, дом № 7, —

обвиняется в том, что:

он, начиная с октября 1967 года до начала июля 1968 года, систематически занимался распространением и изготовлением документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй в городах Симферополе, Ташкенте и Москве, то есть совершил преступление, предусмотренное ст. ст. 187¹ УК Украинской ССР, 191⁴ УК Узбекской ССР и 190¹ УК РСФСР.

Эминов Руслан Якубович, 1939 года рождения, уроженец города Симферополя, татарин, гражданин СССР, беспартийный, не судимый, имеет среднетехническое образование, работавший старшим прорабом СУ № 55 стройтреста № 9 «Глав-

ташкентстрою», проживающий в городе Ташкенте по ул. Чайковского, дом 1, кв. 9, —

обвиняется в том, что:

он, находясь в городах Москве и Ташкенте, с мая по август 1968 года участвовал в изготовлении и распространении клеветнических документов, в которых содержатся заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, то есть совершил преступление, предусмотренное ст. ст. 191⁴ УК УзССР и 190¹ УК РСФСР.

Хаиров Иззет Серверович, 1938 года рождения, уроженец дер. Корбек, Алуштинского района, Крымской области, татарин, гражданин СССР, исключен из членов КПСС в связи с арестом по настоящему делу, с незаконченным высшим образованием, не судим, работавший в Комитете мер и измерительных приборов при СМ УзССР инженер-метрологом, проживавший в гор. Ташкенте, ул. Шамахмудовых, проезд Чамонар, дом № 69, —

обвиняется в том, что:

в период 1967-68 годов в гор. Алмалыке УзССР систематически распространял в устной форме заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а равно в 1968 году, будучи в Крымской области Украинской ССР и в городе Ташкенте, изготовил ряд документов того же содержания, и в сентябре 1968 года в гор. Ташкенте пытался распространить клеветнический документ, то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 191⁴ УК УзССР и 187¹ УК Украинской ССР.

Кадыев Роллан Кемалевич, 1937 года рождения, уроженец г. Симферополя, татарин, гражданин СССР, ранее не судимый, беспартийный, с высшим образованием, до ареста проживавший в гор. Са-

марканде по ул. Допризывная, № 13, временно не работавший, —

обвиняется в том, что:

начиная с декабря 1966 года, проживая в Самарканде, а затем находясь в мае-августе 1968 года в городах Москве и Бахчисарае занимался изготовлением и распространением клеветнических документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, то есть в преступлениях, предусмотренных ст. 191⁴ УК УзССР, ст. 190¹ УК РСФСР и ст. 187¹ УК Украинской ССР.

Гафарова Ридвана, 1915 года рождения, уроженец гор. Симферополя, Крымской области, татарин, гражданин СССР, беспартийный, с пятиклассным образованием, судимый в феврале 1967 года по ст. 191⁴ и ст. 191⁶ УК УзССР к одному году лишения свободы, проживавший в гор. Ангрене по ул. Янги-Халт, 153, —

обвиняется в том, что:

возвратившись по отбытию наказания в г. Ангрэн в октябре 1967 года вновь занимался распространением документов, содержащих заведомо ложные измышления на советский государственный и общественный строй, то есть в преступлении, предусмотренном ст. 191⁴ УК УзССР.

Языджиев Исмаил Мустафаевич, 1920 года рождения, уроженец деревни Корбек, Алуштинского района Крымской области, татарин, гражданин СССР, беспартийный, со средним образованием, не судимый, семейный, до ареста работавший каменщиком передвижной механизированной колонны № 1, Стройтреста 15 на Разъезде Джамбай, Самаркандской области, проживавший в Самаркандской области, ст. Красногвардейск, ул. Рабочая, дом № 18, —

обвиняется в том, что:

проживая на ст. Красногвардейская, Самаркандской области, а затем находясь в г. Ленинабаде, в течение 1967-1968 годов занимался изготовлением и распространением клеветнических документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, то есть в совершении преступления, предусмотренного ст. ст. 191⁴ УК УзССР, 203¹ УК ТаджССР и 190¹ УК РСФСР.

Обвинительное заключение составлено в городе Ташкенте «————» апреля 1969 года.

На основании ст. 185 УПК УзССР настоящее уголовное дело подлежит направлению Прокурору Узбекской ССР для утверждения обвинительного заключения.

Следователь по особо важным делам
при прокуратуре Узбекской ССР
советник юстиции

(Березовский)

Список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание.

ОБВИНЯЕМЫЕ

1. БАЙРАМОВ Решат (т. 8, л.д. 1-73, 103-109) — содержится под стражей в следственном изоляторе КГБ при СМ УзССР.
2. БАРИЕВ Айдер (т. 8, л.д. 116-147, 158-160) — содержится под стражей в следственном изоляторе КГБ при СМ УзССР.
3. АМЕТОВА Светлана (т. 8, л.д. 173-177, 180-197, 199-200, 208-209) — содержится под стражей в следственном изоляторе КГБ при СМ УзССР.
4. ХАЛИЛОВА Мунире (т. 8, л.д. 218-273) — содержится под стражей в следственном изоляторе КГБ при СМ УзССР.
5. ХАИРОВ Иззет Серверович (т. 13, л.д. 1-49) — содержится под стражей в следственном изоляторе КГБ при СМ УзССР.
6. УМЕРОВ Риза (т. 14, л.д. 36-74) — содержится под стражей в следственном изоляторе КГБ при СМ УзССР.
7. ЯЗЫДЖИЕВ Исмаил Мустафаевич (т. 15, л.д. 127-163) — содержится под стражей в следственном изоляторе КГБ при СМ УзССР.
8. ГАФАРОВ Ридван (т. 19, л.д. 1-29) — содержится под стражей в следственном изоляторе КГБ при СМ УзССР.
9. КАДЫЕВ Роллан Кемалевич (т. 19, л.д. 31-92) — содержится под стражей в следственном изоляторе КГБ при СМ УзССР.
10. ЭМИНОВ Руслан Якубович (т. 14, л.д. 121-158) — находится под подпиской о невыезде из города Ташкента, проживает по адресу: ул. Чайковского, дом 1, кв. 9.

СВИДЕТЕЛИ:

1. ЕВДОКУШИНА Анна Алексеевна (т. 4, л.д. 100-101) — г. Москва, проспект Вернадского, дом 22, кв. 33.
2. ВЕЙСМАН Евгений Рафаилович (т. 4, л.д. 189-190) — г. Москва, Ломоносовский проспект, дом 23, кв. 516.
3. КРИВЦОВ Михаил Иванович (т. 4, л.д. 273-274) — г. Москва, Погонный проезд, дом 1, кв. 11, корпус 1.
4. ЧЕРНИКОВ Роман Кондратьевич (т. 4, л.д. 369-371) — г. Москва, проспект Мира, дом 180, кв. 65.
5. МАТВЕЕВА Любовь Александровна (т. 3, л.д. 378-379) — г. Москва, Сереневый[?] бульвар, дом 62, кв. 195.
6. МОСЕЧКИНА Варвара Николаевна (т. 4, л.д. 408-413) — г. Москва, Анадырский проезд, дом 39, корпус 2, кв. 51.
7. КОБРИН Михаил Моисеевич (т. 4, л.д. 414-419) — г. Москва, ул. Салям Адила, дом 11, кв. 13.
8. ДАВЫДОВ Александр Иванович (т. 5, л.д. 20-21) — г. Москва, ул. Люблинская, дом 35, корпус 1, кв. 166.
9. СМОЛЯНИНОВ Александр Иванович (т. 5, л.д. 191-192) — г. Москва, Ленинградский проспект, дом 89, корпус 5, кв. 32.
10. ТАРАН Анатолий Данилович (т. 5, л.д. 337-338) — г. Днепропетровск, проспект им. К. Маркса, дом 119, кв. [?].
11. САВЕНКОВ Василий Захарович (т. 5, л.д. 339-340) — г. Днепропетровск, пр. Калинина, д. 3, кв. 7.
12. СТАРИКОВА Любовь Петровна (т. 6, л.д. 58-59) — г. Алма-Ата, ул. Джаносова, дом 7, кв. 14.
13. МАГАВИН Амир Айкенович (т. 6, л.д. 60-61) — г. Алма-Ата, ул. Пушкина, дом 114, кв. 11.
14. ОВЕЧКИН Валентин Валентинович (т. 6, л.д. 92-

- 93) — г. Ташкент, ул. Обсерваторская, дом 41, кв. 2.
15. ЛОМАКИН Владимир Викторович (т. 6, л.д. 163-166) — поселок 1 Мая, Семилукский район, Воронежская область.
 16. СТЕПАНОВ Иван Степанович (т. 6, л.д. 233-234) — город Москва, Кутузовский проспект, дом 41, кв. 71.
 17. КУРГАНЦЕВ Михаил Абрамович (т. 6, л.д. 235-240) — город Москва, ул. Ткацкая, дом 34/5, кв. 34.
 18. ХОЛКОВСКИЙ Михаил Павлович (т. 6, л.д. [3]12-333) — Винницкая область, г. Казатин, ул. Волдаевская, 24.
 19. МАМУТОВ Шевкет (т. 6, л.д. 331-339) — г. Ленинабад, квартал Победы, 11/32.
 20. АКИМОВ Абдували Аблякимович (т. 7, л.д. 7-9) — г. Алма-Ата, ул. Самаркандская, дом 28А, кв. 2.
 21. АМЕТОВ Джалил Куртматович (т. 7, л.д. 12-16) — г. Алма-Ата, ул. Казанская, дом 55.
 22. УМЕРОВ Сеит Аджи (т. 7, л.д. 17-18) — г. Алма-Ата, ул. Матросова 113.
 23. ГАРИФОВА Назыфе (т. 7, л.д. 52-57) — г. Шахрисабз, пос. Китаб, ул. Фуркат, дом 86.
 24. ДЖЕППЕРОВ Абдулджемиль (т. 7, л.д. 58-60) — г. Шахрисабз, ул. Магистральная, дом 109, кв. 6.
 25. КУРТАМЕТОВ Ильяжилин (т. 7, л.д. 145-147) — Самаркандская обл. Пастдаргомский район, совхоз им. Ильича.
 26. МУМДЖИ Билял (т. 7, л.д. 199-201) — г. Коканд, ул. Тракторная, 34.
 27. АБКАЛЯМОВ Зеври (т. 7, л.д. 208-210) — г. Коканд, ул. Казахская, дом 44.
 28. КЛЕВЛЕЕВА Равзие Халиловна (т. 7, л.д. 208-281) — г. Андижан, ул. Энгельса 19.
 29. УМЕРОВ Энвер (т. 7, л.д. 309-311) — г. Бекабад, пер. Лумумбы, дом 2, кв. 3.

30. МАЛЫШЕВА Нина Измайловна (т. 7, л.д. 316-318), — г. Бекабад, пер. им. П. Лумумбы, дом 4, кв. 5.
31. ЮРЧЕНКО Ольга Михайловна (т. 7, л.д. 319-320) — г. Бекабад, ул. Тельмана, дом 8, кв. 10.
32. ШАБАНОВ Эльдар (т. 7, л.д. 324-326) — г. Бекабад, ул. Запарожская, 13, кв. 5.
33. АДЖИЕВА Эфие Джебарова (т. 7, л.д. 336-340) — г. Бекабад, ул. Колхозная, 59.
34. БУДЖЕК Исмаил (т. 7, л.д. 347-350) — г. Бекабад, поселок Дальверзинского хлопзавода.
35. ЯКУБОВ Ибраим (т. 7, л.д. 376-377) — г. Янгиюль, Родниковский переулок, дом 35.
36. КАТЯРОВ Эскандер (т. 7, л.д. 384-386) — г. Янгиюль, ул. Обводная, дом 1-а, кв. 19.
37. ШУМАЕВА Элямие Асановна (т. 7, л.д. 96-104) — г. Душанбе, ул. Мир-Али, дом 3, кв. 37.
38. СМЕРНОВА Галина Ивьяновна (т. 9, л.д. 5-12) — г. Москва, Новые Черемушки, квартал 34, корпус 2, кв. 33.
39. КАРАЧЕВ Вячеслав Михайлович (т. 9, л.д. 70-75) — г. Чирчик, Бассу, Джалайр 2, дом 134.
40. ЗОРИНА Розалия Степановна (т. 9, л.д. 76-77) — г. Чирчик, ул. Юбилейная, дом 35, кв. 14.
41. МУЗАФАРОВА Салиме Валуловна (т. 9, л.д. 87-88) — г. Бекабад, ул. Сырдарьинская, дом 27, общежитие 2, кв. 8.
42. ХАЛИЛОВА Хатидже (т. 9, л.д. 89-90) — Бекабадский район, отделение № 6. х/с Дальверзин № 1.
43. ИБРИШ Мустафа Османович (т. 9, л.д. 94-97) — г. Ташкент, Чиланзар, квартал 23, дом 14, кв. 54.
44. БОНДАРИН Сергей Александрович (т. 9, л.д. 98-103) — г. Москва, ул. Красноармейская, дом 23, кв. 86.
45. КЛИПАЧЕНКО Людмила Ивановна (т. 9, л.д. 135-138), — г. Симферополь, ул. Проездная, дом 3,

- кв. 4 (прописана), проживает в городе Бахчисарае, ул. Южная, 56.
46. ГЕРЦЕН Александр Германович (т. 9, л.д. 139-144) — г. Симферополь, ул. Гоголя, дом 74, кв. 53.
 47. ЗУБКОВ Виктор Леонидович (т. 9, л.д. 145-150) — г. Симферополь, ул. Желябова, дом 37/6, кв. 68.
 48. ТАЛЫШКИН Юрий Владимирович (т. 9, л.д. 151-152) — г. Самарканд, ул. Красноармейская, дом 26.
 49. КИНЬШАКОВ Михаил Филимонович (т. 9, л.д. 156-157) — г. Самарканд, ул. Советская, дом 98.
 50. САИДОВ Карим (т. 9, л.д. 158-159) — г. Самарканд, ул. Гастелло, дом 18.
 51. ИЗМАЙЛОВ Таир (т. 3, л.д. 180-185) — г. Ангрен, ул. Сурикова, дом 197.
 52. ТУГАНОВ Азамат Кемалович (т. 9, л.д. 188-191) — г. Ангрен, ул. Дмитрова, 13, кв. 5.
 53. ТЫЗЫКОВ Леннар Ибраимович (т. 9, л.д. 192-200) — г. Ангрен, ул. Водоканальная, дом 27.
 54. АРНАУТОВ Мансур Якубович (т. 9, л.д. 205-209) — г. Ангрен, ул. Ахунбабаева, дом 17.
 55. БАНКУРОВ Ибрагим (т. 9, л.д. 212-215) — г. Ангрен, 1-й Саманный поселок, ул. Ватутина, дом 3.
 56. ТЫЗЫКОВ Нариман Ибраимович (т. 9, л.д. 216-219) — г. Ангрен, ул. Хорезмская, дом 8, кв. 4.
 57. ГРАЛОВ Робеспьер (т. 9, л.д. 220-223) — г. Ангрен, ул. Алмалыженская, дом 24.
 58. УСЕИНОВ Айдер (т. 9, л.д. 224-225) — г. Ангрен, ул. Лахути, дом 14, кв. 12.
 59. АШИРОВ Осман (т. 9, л.д. 226-228) — г. Ангрен, Тешик-Тане, ул. Чайкина, 112.
 60. ХАЛИЛОВ Нури (т. 9, л.д. 229-231) — г. Ангрен, пос. 1-й Саманный, ул. Плановая, дом 22.
 61. АСАНОВ Абдулла (т. 9, л.д. 236-239) — г. Ангрен, Новый город, ул. Хорезмская, дом 13, кв. 9.
 62. АМЕДОВ Ислям Газиевич (т. 12, л.д. 33-34) — Таш.

- обл., Орджоникидзевский район, пос. Кибрай, ул. Орджоникидзе, дом 424.
63. ДЖЕППЕРОВА Нурие (т. 12, л.д. 37-38) — пос. Кибрай, ул. Фуркат, дом 4.
 64. ДЖЕППЕРОВ Мустафа (т. 12, л.д. 39-40) — пос. Кибрай, ул. РТС, дом 8.
 65. ДЕРВИШ Сеитабла (т. 12, л.д. 41-42) — пос. Кибрай, ул. РТС, дом 2.
 66. АСАНОВ Бектемир (т. 12, л.д. 53-54) — пос. Кибрай, Орджоникидзевский район, ул. Орджоникидзе, пос. МТС, дом 4.
 67. РУСТЕМОВ Зеки (т. 12, л.д. 59-60) — Таш. обл., Садвинсовхоз «Кибрай», участок 2.
 68. СЕЛЯМЕТОВА Зекие (т. 12, л.д. 63-64) — Таш. обл., Орджоникидзевский район, пос. Улугбек, ул. Садовая, дом 20.
 69. САТТАРОВ Зейвер (т. 12, л.д. 65-66) — пос. Улугбек, ул. Садовая, 25.
 70. МЕМЕТОВА Медене (т. 12, л.д. 71-72) — пос. Улугбек, ул. Мичурина, 11/3.
 71. УМЕРОВ Эмиралли (т. 12, л.д. 81-82) — пос. Улугбек, ул. Мичурина 11.
 72. АЛИМДЖАНОВА Эсма Сабриевна (т. 12, л.д. 83-85) — пос. Улугбек, ул. Мичурина, 11.
 73. МЕМЕТОВА Зодие (т. 12, л.д. 111-112) — Таш. обл., поселок СоюзНИХИ.
 74. ДЖЕМИЛЕВА Мидала (т. 12, л.д. 113-114) — Таш. обл., Орджоникидзевский район, Ик-Кавок, СоюзНИХИ, ул. Низами, дом 1.
 75. ЛЮМАН Нафе (т. 12, л.д. 117-118) — Таш. обл., пос. «Ботаника», опытная станция ВИР.
 76. МУРАДАСИЛОВА Айше (т. 12, л.д. 127-128) — 1 отделение садвинсовхоза «Кибрай-1».
 77. МЕВЛЮДОВ Ахтем (т. 12, л.д. 132-133) — 1 отделение садвинсовхоза «Кибрай».
 78. ХАСАН-Оглы Рашид (т. 12, л.д. 136-137) — Таш. обл., Орджоникидзевский район, Чинабадский с/с, совхоз № 1, отделение 1.

79. АСАНОВ Шевкет (т. 13, л.д. 79-89) — Таш. область, с. Кибрай, ул. Стахановская.
80. ТРАСИНОВ Али (т. 13, л.д. 103-110) — Ташкент, ул. Гульхани, дом 2, кв. 9 (массив Ак-Тепе).
81. ЧЕЛКАЕВ Риза (т. 13, л.д. 119-120) — г. Алмалык, ул. Фабричная, дом 25.
82. МУСТАФАЕВ Мидат (т. 13, л.д. 124-126) — г. Алмалык, квартал 94, дом 62.
83. ДАХИ Мамет Куртумарович (т. 13, л.д. 127-130) — г. Алмалык, ул. Фабричная, 74.
84. ДЕЙНА Мустафа (т. 13, л.д. 131-132) — г. Алмалык, ул. 1-я Левобережная, дом 427.
85. МУСТАФАЕВ Неби (т. 13, л.д. 133-135) — г. Алмалык, ул. Фабричная, дом 4.
86. АБДУВЕЛИЕВ Сеттар Асанович (т. 13, л.д. 121-123) — г. Алмалык, ул. Фабричная, 80.
87. ХАЛИЛОВ Мустафа Халилович (т. 13, л.д. 76-78) — Ташкент, ул. Большевик, проезд Укумлик, дом 20.
88. РЕСУЛЕВ Рустем (т. 12, л.д. 99-101) — Ташкент, массив Чиланзар, квартал Г-9-а, дом 9, кв. 13.
89. ИСМАИЛОВ Заредин (т. 14, л.д. 160-162) — г. Ташкент, поселок «Ташавтомаш», ул. Жданова, дом 4.
90. АНАФИЕВ Муслим (т. 14, л.д. 163-165) — г. Ташкент, поселок «Ташавтомаш», ул. Ленина, дом 39.
91. ХАЯЛИЕВ Эскендер (т. 14, л.д. 166-167) — г. Ташкент, поселок «Ташавтомаш», ул. М. Горького, дом 19, кв. 7.
92. ЭМИРСАЛИЕВ Иззет (т. 14, л.д. 168-174) — г. Ташкент, поселок «Ташавтомаш», ул. М. Горького, дом 27, кв. 1.
93. БАБИЧ Марьям Каракаевна (т. 14, л.д. 177-178) — г. Ташкент, поселок «Ташавтомаш», ул. Ленина, дом 41.
94. ДЕРКАЧ Анатолий Петрович (т. 14, л.д. 182-183) — г. Киев, ул. Кирова, 34/а, кв. 65.

95. СУЛЕЙМАНОВ Джафер (т. 14, л.д. 186-187) — г. Ташкент, поселок «Ташавтомаш», ул. Луначарская, дом 406.
96. ИБРАИМОВ Ариф (т. 14, л.д. 184-185) — г. Ташкент, пос. «Ташавтомаш», ул. Ленина, дом 21.
97. МУСТАФАЕВ Аким Юсуфович (т. 14, л.д. 191-194) — г. Ташкент, поселок «Ташавтомаш», ул. Ленина 36.
98. ИСЛЯМОВ Решат Рефатович (т. 14, л.д. 203-207) — г. Ташкент, поселок завода «Ташавтомаш», микрорайон, дом 7, кв. 7.
99. МУСТАФАЕВ Осман Мустафаевич (т. 14, л.д. 214-216) — г. Ташкент, массив Северо-Восток — 2, дом 88, кв. 101.
100. МУРАХАС Нурфет Алиевич (т. 14, л.д. 220 — г. Фергана, ул. Пушкина, дом 4, кв. 29.
101. СЕЙТУМЕРОВ Решат (т. 15, л.д. 209-213) — г. Чирчик, ул. Советская, дом 8, кв. 40.
102. АСАНОВ Нариман Иззетович (т. 15, л.д. 214-217) — г. Чирчик, ул. Коммунистическая, дом 19, кв. 3.
103. КАРАБАШ Сеитумер (т. 15, л.д. 220-221) — Самаркандская область, пос. Красногвардейск, ул. Ахунбабаева, дом. 17.
104. ПОДОШЕВ Осман (т. 15, л.д. 229-230) — пос. Красногвардейск, ул. Ахунбабаева, пер. 2-й, дом 8.
105. АБДУРАМАНОВ Мухтар (т. 15, л.д. 245-246) — пос. Красногвардейск, ул. Рабочая, 39.
106. ИСМАИЛОВА Диляра (т. 15, л.д. 248-249) — пос. Красногвардейск, ул. Ахунбабаева, 1-й переулок, дом 1.
107. АБДУРАМАНОВА Мунире (т. 15, л.д. 256-257) — ст. Красногвардейская, ул. Рабочая, дом 18.
108. ТЕКЕ Сурли Бекирович (т. 15, л.д. 258-259) — г. Самарканд, ул. Дубровского, дом II, кв. 27.

Следователь по особо важным делам
при прокуроре Узбекской ССР

Советник юстиции Березовский

№ 37

Заявление И. С. Хаирова прокурору К. Р. Рузметову с просьбой разъяснить ему право заключенного пользоваться юридической и политической литературой. — 26 февраля 1969 г.

Прокурору УзССР, государственному советнику юстиции II класса Рузметову К. Р. от з/к Хаирова И. С.

З а я в л е н и е

Гражданин прокурор! Прошу разъяснить мне следующее:

1. Имеет ли право следственный заключенный пользоваться литературой юридического и политического характера, официально издаваемой государством, если данная литература необходима ему для юридической защиты как на предварительном следствии, так и на судебном процессе.

а) если да, то имеет ли значение стадия процесса предварительного следствия и может ли он держать эту литературу в месте своего заключения, то есть в камере.

б) если нет, то на основании каких законов или постановлений ему запрещается пользоваться указанной литературой.

Данное заявление и ответ на него прошу направить для приобщения к уголовному делу № 109, которое находится в производстве следователя по особо важным делам при прокуратуре УзССР советника юстиции Березовского Б. И.

26/II-1969 года.

Заявление И. С. Хаирова начальнику следственного изолятора КГБ при СМ УзССР А. И. Коршунову с просьбой разрешить ему пользование юридической и политической литературой в пределах тюрьмы. — 26 февраля 1969 г.

Начальнику следственного изолятора КГБ при Совете Министров УзССР Коршунову Анатолию Ивановичу от заключенного Хаирова И. С.

З а я в л е н и е

В связи с тем, что как в период предварительного следствия, так и на судебном процессе свою юридическую защиту я решил возложить на себя, то для целей подготовки к защите мне необходимо использовать юридическую и политическую литературу, официально разрешенную законами советского государства.

Прошу Вас разрешить мне пользование данной литературой в пределах вверенного Вам изолятора. Если же по каким-либо мотивам не разрешается пользование подобной литературой в общей камере с другими заключенными, то прошу до начала судебного процесса поместить меня в одиночную камеру (хотя бы в карцере) для того, чтобы я мог иметь возможность подготовиться к защите. Убедительно прошу Вас не отказать в моей просьбе.

Необходимую литературу может доставить моя супруга — Хаирова Васфие Джемилевна, проживающая по адресу: г. Ташкент, Октябрьский р-н, ул. Шамахмудовых, проезд Чамонар, дом № 69.

26 февраля 1969 года.

№ 39

Заявление И. С. Хаирова следователю по особо важным делам Б. И. Березовскому с повторением просьбы обеспечить его юридической и политической литературой. — 26 февраля 1969 г.

Следователю по особо важным делам при прокуратуре УзССР Березовскому Б. И. от заключенного Хаирова И. С.

З а я в л е н и е

Гражданин следователь! Я повторно вынужден обратиться к Вам с настоятельной просьбой обеспечить меня всей необходимой литературой, перечень которой прилагаю к данному заявлению.

Вследствие того, что мое заявление от 13 февраля с. г., направленное в Ваш адрес, не удовлетворено до сих пор, это ставит меня в весьма затруднительное положение в части, касающейся функции защиты на предварительном следствии, которую я возложил на себя.

Для осуществления полноценной защиты в период предварительного следствия я нахожу необходимым пользоваться не только юридической литературой, но и трудами классиков марксизма-ленинизма и советскими партийно-государственными законами, отраженными в тех или иных источниках.

Я не в состоянии знакомиться одновременно с материалами дела и уголовно-процессуальными законами, ибо это отнимает много непроизводительного времени в ущерб ознакомления. Поэтому прошу Вас передать всю необходимую литературу ко мне в камеру в следственном изоляторе для того, чтобы я мог использовать свободное от работы по ознакомлению с материалами дела время.

Если же по каким-либо мотивам считаете неудобным, чтобы я изучал требуемую литературу в общей камере

с другими заключенными, то прошу до начала судебного процесса поместить меня в одиночную камеру, для того чтобы я мог иметь возможность подготовиться к защите.

26/II-1969 года.

Перечень прилагаемой к заявлению от 26/II-1969 года литературы:

1. Уголовный кодекс УзССР.
2. Уголовный кодекс УССР.
3. Уголовно-процессуальный кодекс УзССР (РСФСР).
4. Комментарии к уголовному праву (кодексу) УзССР.
5. Основы уголовного права.
6. Введение в теорию государства и права.
7. Труды В. И. Ленина по национальному вопросу (избранные).
8. Программа и Устав партии.
9. Конституция СССР, УзССР, УССР.
10. В. И. Ленин, Материализм и эмпириократицизм.
11. В. И. Ленин, Государство и революция.
12. Г. Димитров на процессе 1933 года.
13. Сборник речей и выступлений под общим названием «Подсудимые обвиняют».
14. Указ Президиума Верховного Совета СССР за 1944 год (по поводу выселения крымских татар).
15. Указ Президиума Верховного Совета СССР за 1956 год (о снятии некоторых ограничений по спецпереселению).
16. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года.
17. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 сентября 1966 года.
18. Декларация защиты прав человека, принятая ООН в 1948 году.
19. Письмо к XXIII съезду от крымских татар.
20. 50-я информация о приеме представителей крымских татар товарищем Андроповым в 1967 году.

26 февраля 1969 года.

№ 40

Заявление М. Халиловой прокурору УзССР К. Р. Рузметову с просьбой о литературе — 3 марта 1969 года.

Прокурору УзССР Рузметову от заключенной следственного изолятора КГБ при Совете Министров УзССР гор. Ташкента Халиловой Мунире.

З а я в л е н и е

Я, Халилова Мунире, 1945 года рождения, до своего ареста проживала в городе Бекабад по улице Сыр-Дарьинская 27.

С 13 сентября 1968 года арестована по статье 190-1 УК РСФСР. Следствие закончено, и я предстаю перед судом.

Так как я отказалась от защитника, то для защиты себя я прошу Вашего разрешения предоставить мне нижеследующую литературу:

1. Декларацию прав человека.
2. Конституцию СССР.
3. Труды Ленина по национальному вопросу.
4. Тома В. И. Ленина 17, 19, 25, 27.

Прошу удовлетворить мою просьбу.

3 марта 1969 года.

Подпись (Халилова).

№ 41

Заявление Р. Байрамова прокурору УзССР К. Р. Рузметову с просьбой о литературе. — 5 марта 1969 года.

Прокурору УзССР от заключенного Байрамова Решата

З а я в л е н и е

В целях осуществления защиты на предстоящем судебном процессе, в качестве источников для подготовки, прошу предоставить мне следующую литературу:

1. Труды Ленина В. И. — тома: 12, 19, 20, 24.
2. Конституцию СССР.
3. Всеобщую декларацию прав человека.
4. Уголовный кодекс УССР, РСФСР, УзССР.
5. Уголовно-процессуальный кодекс.

5 марта 1969 года.

Подпись (Байрамов).

№ 42

Ответ заместителя начальника следственного управления прокуратуры УзССР А. Никифорова на заявление И. С. Хаирова от 26 февраля 1969 г. — 6 марта 1969 г.

25/1153 — 68, 6/3 — 69 года.

Начальнику следственного изолятора КГБ при Совете Министров УзССР майору тов. Коршунову.

В связи с поступлением заявления прошу Вас разъяснить заключенному Хаирову И. С. о том, что согласно Правилам режима для заключенных, содержащихся в следственных изоляторах органов госбезопасности, заключенные имеют право пользоваться книгами из библиотеки изолятора.

Эти правила распространяются только на следственных заключенных, осужденные пользуются другими правами.

Зам. начальника следственного управления прокуратура УзССР

Старший советник юстиции Никифоров.

Заявление И. С. Хаирова начальнику следственного изолятора А. И. Коршунову с просьбой истолковать ему ответ А. Никифорова на его заявление прокурору УзССР.
— 11 марта 1969 г.

Начальнику следственного изолятора КГБ при Совете Министров УзССР Коршунову А. И. от заключенного Хаирова И. С.

З а я в л е н и е

Вчера, 10 марта с. т., я был ознакомлен с ответом зам. начальника следственного управления ст. советника юстиции Никифорова на свое заявление в адрес прокурора УзССР Рузметова. В этом заявлении я просил разъяснить мне: «Имеет ли право следственный заключенный пользоваться литературой юридического и политического характера, официально издаваемой государством, если данная литература необходима ему для юридической защиты как на предварительном следствии, так и на судебном процессе.

а) если да, то имеет ли значение стадия процесса и может ли он держать эту литературу в месте своего заключения.

б) если нет, то на основании каких законов или постановлений ему запрещается пользоваться указанной литературой.»

Однако указанный выше ответ зам. начальника следственного управления А. Никифорова не разъяснил конкретно поставленный мной вопрос, вследствие чего я вынужден обратиться к Вам с просьбой истолковать мне суть этого ответа. Кроме того, я прошу Вас дать мне ответ по существу моего заявления от 26 февраля 1969 года. Копии ответа Никифорова, моего заявления и Вашего ответа и разъяснений прошу направить следователю по особо важным делам при прокуратуре УзССР Березовскому Б. И. для приобщения к уголовному делу № 109.

11 марта 1969 года

*Заявление И. С. Хаирова прокурору УзССР
К. Р. Рузметову со вторичной просьбой предоставить
ему литературу. — 14 марта 1969 г.*

Прокурору УзССР государственному советнику юстиции II класса Рузметову К. Р. от з/к Хаирова И. С.

З а я в л е н и е

26 февраля с. г. мной на Ваше имя было направлено заявление, в котором я просил прокуратуру разъяснить мне следующее: «Имеет ли право следственный заключенный пользоваться литературой юридического и политического характера, официально издаваемой государством, если данная литература необходима ему для юридической защиты как на предварительном следствии, так и на судебном процессе. При этом: а) если да, то имеет ли значение стадия процесса предварительного следствия и может ли заключенный держать эту литературу в месте своего заключения (то есть в камере); б) если нет, то на основании конкретно каких законов запрещается пользоваться указанной литературой?»

6 марта с. г. я был ознакомлен с ответом зам. начальника следственного управления при прокуратуре УзССР ст. советника юстиции А. Никифорова. Привожу о том ответ дословно: «Начальнику следственного изолятора КГБ при Совете Министров УзССР майору тов. Коршунову. В связи с поступлением заявления прошу Вас разъяснить з/к Хаирову о том, что согласно правилам режима для заключенных, содержащихся в следственных изоляторах органов госбезопасности, заключенные имеют право пользоваться книгами из библиотеки изолятора. Эти правила распространяются только на следственных заключенных, осужденные пользуются другими правами.»

Замечу сразу, что пункт третий раздела IV «Правил

режима для заключенных, содержащихся в следственных изоляторах органов госбезопасности», утвержденных 9 марта 1962 года, полный текст которых вывешен в каждой камере изолятора, мне был известен и раньше. Однако эти правила не регламентируют виды литературы, которыми заключенный имеет право пользоваться (юридическая, политическая, художественная, естествознание и . . .). В октябре м-це 68 г. я обращался к и. о. начальника изолятора Мишуткину, а впоследствии и к начальнику изолятора майору Коршунову А. И. с просьбой выдать мне требуемую литературу. Мне ответили, что литературы, которую я требую, в библиотеке изолятора не имеется. Тогда я попросил принять указанную литературу у моей супруги, которая может принести все, что необходимо. Ответ гласил, что все решает следователь. Неоднократные обращения к следователям Березовскому, Абушаеву и Шафееву в устной и письменной форме ни к чему не привели. Ответ следователя по особо важным делам при прокуратуре УзССР Березовского неизменно гласил: «Обратиться к начальнику изолятора, если он разрешит, то я не против, получай хоть воз литературы.» Начальник изолятора в свою очередь отсылал меня к Березовскому. Письменного отказа (или любых иных резолюций) на мои заявления ни тот ни другой не давали и категорически отказывались это сделать. Как видите, я оказался в порочном кругу, и чтобы выйти из него, я решил 26 февраля обратиться к Вам. К сожалению, ответ ст. советника юстиции А. Никифорова не внес ясности в этот вопрос. Я обращаюсь к Вам вторично с просьбой предоставить мне литературу.

14 марта 1969 года.

№ 45

Заявление Р. Байрамова начальнику следственного изолятора А. И. Коршунову с просьбой дать ему необходимую литературу из тюремной библиотеки. — 12 марта 1969 г.

Начальнику следственного изолятора КГБ при Совете Министров Узбекской ССР гражданину Коршунову от заключенного Байрамова Решата

З а я в л е н и е

Мною 5 марта 1969 года было направлено заявление на имя прокурора УзССР, в котором я просил предоставить мне необходимую литературу для подготовки к судебному процессу. Прокурор в своем ответе указал, что необходимую литературу, согласно правилам, можно приобрести в библиотеке.

Исходя из вышеизложенного, прошу Вас дать соответствующее указание лицу и обязать его выполнить мою просьбу.

12 марта 1969 г.

Подпись (Байрамов).

Заявление Р. Байрамова председателю Верховного Суда УзССР с требованием гласности суда. — 21 апреля 1969 г.

Председателю Верховного Суда УзССР от Байрамова
Решата

З а я в л е н и е

Принимая во внимание то, что решение крымскотатарского национального вопроса входит в компетенцию политического руководства ленинского Центрального Комитета и его Политбюро, и принимая во внимание то, что судебные процессы над представителями нашего народа возникают на почве движения за восстановление национального равноправия крымскотатарского народа, я требую:

1. Присутствия на судебном процессе в качестве наблюдателей и слушателей представителей Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.
2. Известить общественность о предстоящем судебном процессе, путем помещения объявления на страницах центральных газет.
3. Обеспечить свободный вход граждан в зал судебного разбирательства.

Исходя из вышеизложенного, прошу Вас довести до сведения соответствующих лиц и инстанций мое требование.

21 апреля 1969 года.

подпись (Байрамов).

№ 47

Заявление М. Халиловой в Верховный Суд УзССР с протестом против протокола допроса. — 24 апреля 1969 г.

УзССР, город Ташкент.

В Верховный Суд от следственной заключенной по статье 190 УК РСФСР Халиловой Мунире

З а я в л е н и е - ж а л о б а

Я, Халилова Мунире, 1945 года рождения, до своего ареста проживала в городе Бекабад по улице Сыр-Дарьинская 27 кв. 8, работала в должности акушерки в городской больнице.

С 13 сентября 1968 года арестована по статье 190 УК РСФСР.

Последние показания, данные мною на следствии следователю Лысенко и в присутствии следователя по особо важным делам при прокуратуре УзССР Березовского, были сформированы ими самими, кроме 46 % гибели крымскотатарского народа, а на следствии я действительно говорила, что эту цифру действительно не знаю и что она взята из предыдущих документов. На несогласие мое Лысенко ответил, что сделает дополнение в конце ознакомления с делом, но так как он ушел в отпуск и дело подписывалось без него, то Березовский отказался сделать мне дополнение, ссылаясь на то, что я выскажу все это на суде, но в итоге этого в обвинительном заключении я якобы признала себя частично виновной. И все это получилось из-за моего доверия к следователю, так как я, во-первых, нахожусь в следственных органах, но он своего слова не сдержал и дополнение он мне не сделал.

Я все равно категорически заявляю, что виновной себя не признаю, так как никакого преступления я не делала, и в документах, которые я изготовляла и распространяла, нет ничего ложного, порочащего совет-

ский и государственный строй, а все это взято из фактов.

Декларация прав народов России провозглашает: равенство, равноправие народов России, право на национальное самоопределение, развитие национальных меньшинств и этнографических групп, отмену национальных и религиозных привилегий.*

Этот документ послужил фундаментом формулирования и развития ленинской дружбы братских советских народов и на его основе Лениным был подписан декрет об образовании Крымской АССР.

И вся сущность национального вопроса заключается в восстановлении равноправия в Крыму и в восстановлении всего того, что дала партия, *Л е н и н* и революция.

И поэтому я еще раз повторяю, что виновной себя не признаю, как это написано в обвинилровке.

И как бы ни сложилась моя судьба, решения своего менять не буду.

24 апреля 1969 года.

Подпись (Халилова).

* См. *Декреты Советской власти*, т. 1, М. 1957, с. 39-40.

*Заявление Р. Байрамова Генеральному Прокурору СССР
Р. А. Руденко о том, что состава преступления нет. —
11 мая 1969 г.*

Москва, Генеральному Прокурору СССР Руденко. Р. А.

З а я в л е н и е

Гражданин Генеральный Прокурор. В настоящем обращаюсь к Вам в связи с предстоящим судебным процессом над очередной группой представителей крымскотатарского народа, необоснованно обвиняемых в изготовлении и распространении документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. В документах и материалах, составленных и распространенных нами, правдиво отражено положение крымскотатарского народа и его движение за восстановление своих национальных и конституционных прав и свобод. Непонятен тот факт, что вещественным доказательством виновности каждого из нас принимают документы и свидетельские показания. Во время всего хода следствия следователи больше всего касались вопроса изготовления документов, а меньше распространения их, хоть сам факт изготовления и распространения каждый из нас не отрицает. Из этого вытекает, что основным пунктом обвинения является изготовление и распространение. Насколько понимаю, если в основу обвинения принято изготовление и распространение, то в первую очередь должно быть доказано наличие клеветнических измышлений в документах, составленных и распространенных нами. А как ни странно, этот факт остался незатронутым. Возмутителен и тот факт, что Березовский существующий крымскотатарский национальный вопрос называет «так называемый крымскотатарский вопрос», хотя в материалах дела отсутствуют документы, содержащие официальные правительствен-

ные постановления или ссылки на [них, признающие] закономерно существующее национальное движение крымскотатарского народа за возвращение на Родину — в Крым вне закона, то есть, [которые] подтверждали бы, что такого вопроса вовсе не существует и государством не признается. Как видно из обвинительного заключения, меня, так же как и моих товарищей, обвиняют, что я в течение продолжительного времени занимался изготовлением и также распространением клеветнических документов.

Давайте, мы рассмотрим некоторые детали: Рассмотрим первый пункт, применяется ли политика геноцида по отношению к крымскотатарскому народу. К примеру, возьмем автономию. Национальная автономия — это средство, связывающее определенную группу людей в единую нацию или народ.

Геноцид — это тягчайшее преступление, равное по своему характеру апартиду, которому подвергаются аборигены Южной Африки властями страны. Вроде бы несравнимые вещи — негры Африки и крымские татары СССР. Но к сожалению, это так, ибо об этом в достаточной мере свидетельствуют факты. С выселением нашего народа и ликвидацией Крымской АССР наш народ был лишен дальнейшего национального развития и оказался в условиях уничтожения. То есть мы потеряли то о чем я уже писал выше. Тогда как одна из форм геноцида определяет[ся как] уничтожение того, что связывает определенную группу людей в единую нацию или народ, а также лишение возможности развития преследуемого народа, уничтожение его языка, литературы, искусства, разрушение исторических памятников древней культуры и так далее. Вот первый факт неопровержимый, доказывающий вышеупомянутое, что так усердно старались опровергнуть следственный отдел КГБ и прокуратура.

Что же касается ответственности за действия, направленные на уничтожение какой-либо группы людей,

то каждое государство несет международную, политическую и материальную ответственность. Организации же, преследующие цели геноцида и от имени которых совершается преступление, должны быть признаны преступными и распущены. Это предусматривает статья 10 Устава международного трибунала.

Обвиняя меня и моих товарищей по этим принципам, о которых говорилось выше, нас одновременно обвиняют и за свободное выражение своих мыслей по отношению к позиции, занятой руководителями нашего государства по национальному вопросу. Однако, в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя, гражданам СССР гарантируется законом свобода слова и печати, свобода уличных шествий и демонстраций, свобода митингов и собраний.

Статья 125 о свободе слова и печати — есть прежде всего свобода критики. Хвалить правительство никто никогда не запрещал. Ну, а если в Конституцию внесена статья о свободе слова, то нужно иметь терпение выслушивать ее. Страны же, где запрещается критиковать правительство, называются капиталистическими. Но в буржуазных странах существует коммунистическая партия, которая ставит своей целью подрыв капиталистического строя. До некоторого времени в США коммунистическая партия была запрещена, однако Верховный Суд признал это противозаконным, и она была восстановлена во всех ее правах.

Хочу опять-таки коротко остановиться на статье 125. Данная статья введена, разумеется, в Конституцию не для проведения первомайских и ноябрьских демонстраций. В данном случае опасаться нечего того, что демонстрации будут разогнаны посредством силы. Они проводятся государством. Демонстрация — это мощное оружие в руках рабочего класса, в котором выражается его справедливое требование и голос. А почему-то мероприятия, проводимые крымскотатарским народом,

разгоняются посредством силы. Это ли не нарушение основных положений Советской Конституции? И далее — свобода митингов и собраний. Очевидно и эта свобода была включена в Конституцию не в целях защиты собраний, лекций, митингов, проводимых советскими партийными организациями. Это ли не ограничение наших конституционных прав и свобод!

Непонятно, на каком основании Березовский окрестил собрания крымских татар, предусмотренные Конституцией СССР — «нелегальным собранием». Вот Вам второй неопровержимый факт правдивости наших действий.

Меня, так же как и моих товарищей, обвиняют в том, что мы якобы необоснованно утверждали, что в советской художественной, научной и исторической литературе допускается преднамеренное разжигание ненависти к крымскотатарской нации. В своих документах эту мысль я формулировал, взяв за основу выступление товарища Андропова Ю. В. на приеме представителей нашего народа в Москве в 1967 году, в котором участвовали, кстати, и Вы. В частности, товарищ Андропов заверил представителей нашего народа в том, что вся клеветническая литература будет изъята из пользования. Если же вышеупомянутая клеветническая литература не издавалась и не существует, то нечего было заверять представителей, тем более на официальном правительственном приеме.

Вот Вам третий неопровержимый факт.

Собственно подобных примеров можно привести еще. Но стоит ли!?

Ведь эти факты произвола санкционируются Вами лично. Я имею в виду инциденты в городах и районах Средней Азии, где проживают крымские татары. Кому-кому, а Вам они известны, как никому. Меня, так же как и моих товарищей, обвиняют в том, как видно из обвинительного заключения, что мы своими якобы кле-

ветническими документами, высказываниями и действиями дискредитируем политику правительства, но само правительство настолько себя дискредитировало, что нам ничего не остается добавить.

Состава преступления в нашем деле нет. Виновность наша полностью не доказана. Абсолютно не раскаиваюсь в своих действиях. И когда я окажусь на свободе опять, то буду продолжать борьбу так же с полным соблюдением законов.

11 мая 1969 года.

Подпись (Байрамов).

Заявление Р. Байрамова в Верховный Суд УзССР с повторением требования гласности суда. — 15 мая 1969 г.

В Верховный Суд УзССР от Байрамова Решата

З а я в л е н и е

18 мая исполняется четверть века со дня огульного обвинения и выселения нашего народа из родных очагов наших отцов и дедов. Вот уже 25 лет наш народ лишен отчизны.

В течение этого продолжительного времени партийно-правительственное руководство не сделало надлежащего шага по пути справедливого решения судьбы нашего народа. Партийно-правительственное руководство не только не сделало справедливого шага по разрешению национального вопроса крымских татар, а наоборот, прикладывало все усилия, чтобы заглушить его и замять.

20 лет народ ждал и надеялся, что правительственные круги по собственной инициативе приступят к решению вопроса, к исправлению ошибок, допущенных в годы культа личности бандой Берия-Абакумова. Удостоверившись в ошибочности своих предположений, с 1964 года наш народ стал непосредственно обращаться через созданные к этому времени инициативные группы в высшие партийно-правительственные инстанции. За это время в различные государственные учреждения и организации поступали от граждан крымскотатарской национальности коллективные письма, телеграммы, обращения, протесты и заявления, число подписей под которыми превысило три миллиона. Это значит, что каждый крымский татарин обращался в высшие правительственные инстанции более 10 раз. В этих документах народ настойчиво требовал организованного возвращения в Крым и восстановления ленинских декретов о Крыме.

Ответами на эти письма, телеграммы, заявления, обращения, протесты служили многочисленные аресты,

судебные процессы, исключения из рядов КПСС лучших сыновей и дочерей крымскотатарского народа. Ярким подтверждением сказанному служат инциденты в тородах Чирчике, Ташкенте, Бекабаде, Ангрене, полицейские расправы при возложении венков к памятнику Ленина в ряде городов Узбекистана, напоминающие погромы участников марша на Вашингтон. Подтверждением этому служат более 20 судебных процессов, проходящих в нарушение основ Советской конституции и демократии, на которых были осуждены более 150 представителей нашего народа. На днях перед судом предстанет группа представителей нашего народа, среди которых две девушки. Наша вина заключается в том, что мы участвуем в борьбе крымскотатарского народа за восстановление своих национальных и конституционных прав. Хочу пожелать, чтобы судебная коллегия отнеслась с большей серьезностью к нашему делу. Ведь решается не только наша судьба. Обвиняя меня и моих товарищей, Вы тем самым перечеркиваете законно существующий крымскотатарский национальный вопрос и тем самым отвергаете справедливое требование нашего народа о возвращении на Родину — в Крым и восстановлении национального равноправия нашего народа в многонациональной семье народов СССР.

Если же Вы проявите необходимую принципиальность, Вы тем самым внесете надлежащий вклад в дело разрешения национального равноправия крымскотатарского народа, и тем самым будет положен конец четвертьвековой необузданной национальной дискриминационной политике в отношении нашего народа за весь период нахождения в резервации.

В настоящем хочу выразить уверенность в том, что мое требование о характере суда, изложенное в моем заявлении от 21 апреля 1969 года, будет удовлетворено, ибо эти недостатки в корне противоречат нашей К о н с т и т у ц и и.

15 мая 1969 года.
Подпись (Байрамов).

Заявление М. Халиловой в Верховный Суд с жалобой на следствие. — 19 мая 1969 г.

УзССР, гор. Ташкент.

В Верховный Суд от следственной заключенной по статье 190-1 УК РСФСР Халиловой Мунире

З а я в л е н и е

Я, Халилова М., 1945 года рождения, арестована 13 сентября 1968 года, по сей день нахожусь под стражей в следственном изоляторе № 1 МВД УзССР. Следствие по делу закончено 21-го февраля и 22 апреля получено обвинительное заключение, составленное следователем по особо важным делам при прокуратуре УзССР государственным советником юстиции II класса Рузметовым на основании статьи 185 УПК УзССР.

И до сих пор мне непонятна сущность предъявленных нам обвинений, сформулированных [группой следователей] во главе со следователем при прокуратуре УзССР Березовским, где в извращенном виде [говорится] о текущем крымскотатарском национальном [движении], охватывающем все слои крымскотатарского народа, которое направлено на равноправное развитие в многонациональной семье народов СССР, которое опирается на идеи марксизма-ленинизма.

Мне, например, непонятно — почему наш крымскотатарский вопрос группа следователей во главе со следователем Березовским называет «так называемым крымскотатарским вопросом». Мне бы очень хотелось, чтобы на этот вопрос мне дали ответ на судебном процессе, который по неизвестным причинам не может состояться.

Хочу отметить — разве это не преступление, когда нас под различными предложениями хотят физически и морально уничтожить не только на свободе, но и в за-

стенках тюрьмы, убеждая нас в нашей неправоте. Поэтому описанная в документах действительность в обвинительном заключении заменяется частицей «якобы», сущность которой мне также непонятна. И непонятно затягивание настоящего судебного процесса, именно когда это затрагивает крымских татар, так как судить нужно справедливых людей, которые хотят единства и дружбы со всеми народами мира.

Понятно и то, что кое-кому нужно крепко поразмыслить над предъявленным нам обвинением, а судить по такому обвинительному заключению, составленному Березовским, я считаю преступлением.

Я надеюсь, что суть моего заявления Вам понятна и ясна, и если кое-кто из обвиняемых стал помехой к открытию судебного процесса, то не исключена возможность, что такие помехи появятся вновь.

Прошу рассмотреть мое заявление и принять соответствующие меры по существу, так как по ленинскому указанию в нашей стране создан самый демократичный и справедливый суд, выражающий подлинно-народную сущность нашего общественного строя.

19 мая 1969 года.

Подпись (Халилова).

№ 51

*Заявление С. Аметовой в Верховный Суд Узбекистана об
объявлении голодовки до открытия судебного процесса.
— 23 июня 1969 г.*

В Верховный Суд Узбекистана от заключенной Таш-
тюрьмы № I Аметовой Светланы, арестованной 23/9 —
1968 года по статье 190 — 1 УК РСФСР

З а я в л е н и е

В знак протеста по поводу творимого беззакония над
заключенными крымскотатарской национальности, арес-
тованными в сентябре-ноябре месяцах прошлого года
по ст. 190 УК РСФСР, 191-1 УК УзССР, 187 УК УССР,
объявляю голодовку с 23/6-1969 года до открытия судеб-
ного процесса.

23/6-1969 года

(Аметова)

№ 52

Заявление С. Аметовой начальнику тюремного отделения Стокозенко с просьбой изолировать ее в одиночную камеру. — 27 июня 1969 г.

Начальнику п/я/у/я 64 ст. 1 Стокозенко от заключенной камеры 1111 Аметовой Светланы, арестованной 23/9 — 1969 года по ст. 190-I УК РСФСР

З а я в л е н и е

23/6-1969 года я сообщила в Верховный Суд Узбекистана и Вам о том, что с 23/6-1969 года объявляю голодовку до открытия судебного процесса, дважды писала заявления на Ваше имя, где просила принять меня на личное собеседование, но просьба моя осталась неудовлетворенной.

Прошу изолировать меня в одиночную камеру и принять меня на собеседование.

27/6-1969 года

(Аметова)

№ 53

Заявление С. Аметовой начальнику санчасти с просьбой принять ее на прием к терапевту. — 27 июня 1969 г.

Начальнику санчасти от заключенной камеры № 1111 Аметовой Светланы

З а я в л е н и е

Довожу до Вашего сведения о том, что я с 23/6 сего года объявила голодовку, о мотивах которой сообщила в Верховный Суд Узбекистана и начальнику п/я у/я 64 ст. 1 Стокозенко. Прошу принять меня на прием к терапевту, чтобы освидетельствовать вышеуказанное, в противном случае я вынуждена буду обращаться в вышестоящие инстанции. Мою обоснованную жалобу подтвердят заключенные, находящиеся в одной камере со мной.

27 июня 1969 года.

(Аметова).

II СУД

ЗАПИСЬ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА В ТАШКЕНТЕ
НАД ДЕСЯТЬЮ УЧАСТНИКАМИ НАЦИОНАЛЬНОГО
ДВИЖЕНИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО НАРОДА

Заседание судебной коллегии Верховного Суда
Узбекской ССР

под председательством судьи Сайфутдинова
1 июля — 5 августа 1969 г.

Заседатели: Самойлова, Исмандияров.

Секретарь суда: Аплетаев.

Государственный обвинитель:

Прокурор Узбекской ССР, советник юстиции Ерыкалов.

Защита:

Члены Московской городской коллегии адвокатов

Монахов Н. А., Заславский В. А., Сафонов Н. С.

На скамье подсудимых:

1. Байрамов Решат — ст. 190-1 УК РСФСР, ст. 187-1 УК УССР.
2. Бариев Айдер — ст. 191-4 УК УзССР, ст. 190-1 УК РСФСР.
3. Аметова Светлана — ст. 190-1 УК РСФСР.
4. Халилова Мунире — ст. 190-1 УК РСФСР.
5. Умеров Риза — ст. 187-1 УК УССР, ст. 191-4 УК УзССР, ст. 190-1 УК РСФСР.
6. Эминов Руслан — ст. 191-4 УК УзССР, ст. 190-1 УК РСФСР (мера пресечения Эминова — подписка о невыезде).
7. Хаиров Иззет — ст. 191-4 УК УзССР, ст. 187-1 УК УССР.
8. Кадыев Роллан — ст. 191-4 УК УзССР, ст. 190-1 УК РСФСР, ст. 187-1 УК УССР.
9. Гафаров Ридван — ст. 191-4 УК УзССР.
10. Языджиев Исмаил — ст. 191-4 УК УзССР, ст. 190-1 УК РСФСР.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СУДА

1 июля 1969 г.

Судья: Слушается уголовное дело по обвинению Байрамова, Бариева, Аметовой, Халиловой, Эминова, Умерова, Кадыева, Гафарова, Хаирова, Языджиева. Каждый подсудимый имеет право заявлять суду свои ходатайства, делать заявления, отводы членам суда. Есть ли отводы членам суда? (Отвода составу пока нет.)

Судья: Байрамов Решат. Встаньте. Правильно я назвал вашу фамилию? Имя?

Байрамов: Да, Байрамов Решат.

Судья: Получили ли вы обвинительное заключение? Когда оно вручено?

Байрамов: Да, получил 22 апреля 1969 года.

Судья: Год рождения?

Байрамов: 1943.

Судья: Место рождения?

Байрамов: Крымская АССР, дер. Камышлык, Карасубазарского района.

Судья: Национальность?

Байрамов: Крымский татарин.

Судья: Женатый?

Байрамов: Нет, холост.

Судья: Образование?

Байрамов: 9 классов.

Судья: Специальность и последнее место работы?

Байрамов: Монтажник, управление № 400. Электромонтер.

Судья: Место жительства?

Байрамов: Город Мелитополь, ул. Б. Хмельницкого, 43, комн. 55.

Судья: Партийность?

Байрамов: Член ВЛКСМ. (Исключен в связи с арестом.)

Судья: Были ли ранее судимы?

Байрамов: Нет.

Судья: Садитесь. Бариев Айдер, правильно я назвал вашу фамилию?

Бариев: Да.

Судья: Получили ли вы обвинительное заключение? Когда?

Бариев: Да. 22 апреля 1969 года.

Судья: Год рождения?

Бариев: 1938.

Судья: Место рождения?

Бариев: Крымская АССР, Куйбышевский район.

Судья: Национальность?

Бариев: Крымский татарин.

Судья: Семейное положение?

Бариев: Женат, двое детей 1965 и 1966 года рождения.

Судья: Образование?

Бариев: Незаконченное средне-техническое.

Судья: Специальность и место работы?

Бариев: Экскаваторщик, гор. Чирчик. (В обвинительном заключении — неопределенный род занятий.)

Судья: Место жительства?

Бариев: Город Чирчик, ул. Саперная, дом № 40, кв. 24.

Судья: Партийность?

Бариев: Беспартийный.

Судья: Были ранее судимы?

Бариев: Нет.

Судья: Аметова Светлана, получили вы обвинительное заключение? Когда?

Аметова: Да. Получила 22 апреля 1969 года.

Судья: Год рождения?

Аметова: 1941 год.
Судья: Место рождения?
Аметова: Крымская АССР, гор. Симферополь.
Судья: Национальность?
Аметова: Крымская татарка.
Судья: Семейное положение?
Аметова: Замужем, сын шесть лет.
Судья: Образование?
Аметова: Среднее медицинское.
Судья: Специальность и последнее место работы?
Аметова: Медсестра, гор. Янгиюль. (В обвинительном заключении — без определенных занятий.)
Судья: Место жительства?
Аметова: Город Янгиюль, ул. Горького, № 10.
Судья: Партийность?
Аметова: Беспартийная.
Судья: Были ранее судимы?
Аметова: Нет.
Судья: Халилова Мунире, получили вы обвинительное заключение? Когда?
Халилова: Да, 22 апреля 1969 года.
Судья: Год рождения?
Халилова: 1945 год.
Судья: Место рождения?
Халилова: Пермская область, дер. Усть-Гаревая, Красновишерского района.
Судья: Национальность?
Халилова: Крымская татарка.
Судья: Семейное положение?
Халилова: Незамужняя.
Судья: Образование?
Халилова: Среднее медицинское.
Судья: Специальность и последнее место работы?
Халилова: Медсестра, гор. Бекабад, горбольница, акушерка.
Судья: Партийность?

Халилова: Член ВЛКСМ. (Исключена в связи с арестом.)

Судья: Были ли ранее судимы?

Халилова: Нет.

Судья: Умеров Риза. Получили ли вы обвинительное заключение? Когда?

Умеров: Я отказался получить обвинительное заключение.

Судья: Почему?

Умеров: Когда мне вручали обвинительное заключение, потребовали расписаться за него. Я сказал, что сначала хотел бы ознакомиться с ним, а уже потом расписаться. Тот гражданин, который принес обвинительное заключение, оскорбил меня, сказав: «Ты продал Крым и еще не хочешь расписываться.» На мое заявление: «Я же воевал, как же я мог продать Крым?» — получил ответ: «Не ты, так твой народ.»

Судья: Год рождения?

Умеров: 1920 год.

Судья: Место рождения?

Умеров: Крым, дер. Авджикой, Бахчисарайского района.

Судья: Национальность?

Умеров: Крымский татарин.

Судья: Семейное положение?

Умеров: Женат, двое детей.

Судья: Образование?

Умеров: Пять классов.

Судья: Специальность и последнее место работы?

Умеров: Электросварщик, Ташгрэс.

Судья: Место жительства?

Умеров: Ташкент, пос. Ташавтомаш, ул. Жданова, дом № 7.

Судья: Партийность?

Умеров: Беспартийный.

Судья: Привлекались ли вы к уголовной ответственности ранее?

Умеров: Да.

Судья: Когда?

Умеров: 17 мая 1944 года я был осужден вместе со всем народом.

Судья: Где? Кто вас судил? Это же выселение, а не суд.

Умеров: Меня судили в Кремле, вместе с народом. Бериевская банда.

Судья: Эминов Руслан Якубович. Получили вы обвинительное заключение?

Эминов: Да, 22 апреля 1969 года.

Судья: Год рождения?

Эминов: 1939 г.

Судья: Место рождения?

Эминов: Крымская АССР, гор. Симферополь.

Судья: Национальность?

Эминов: Крымский татарин.

Судья: Семейное положение?

Эминов: Женат, двое детей.

Судья: Образование?

Эминов: Среднее техническое.

Судья: Специальность, место работы?

Эминов: Старший прораб, СУ-55, Стройтрест № 9 Главташкентстроя.

Судья: Место жительства?

Эминов: Гор. Ташкент, ул. Чайковского, № 1, кв. 9.

Судья: Партийность?

Эминов: Беспартийный.

Судья: Были ли ранее судимы?

Эминов: Нет.

Судья: Хаиров Иззет Серверович, получили вы обвинительное заключение?

Хаиров: Получил 22 апреля 1969 года.

Судья: Год рождения?

Хаиров: 1938 год.

Судья: Место рождения?

Хаиров: Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика, Алуштинский район, дер. Корбек

Судья: Национальность?

Хаиров: Крымский татарин.

Судья: Семейное положение?

Хаиров: Женат, двое детей.

Судья: Образование?

Хаиров: Незаконченное высшее.

Судья: Специальность, последнее место работы?

Хаиров: Инженер-метролог. Комитет мер и измерительных приборов при СМ Узбекской ССР.

Судья: Место жительства?

Хаиров: г. Ташкент, ул. Шамахмудова, проезд Чомонар, 69.

Судья: Партийность?

Хаиров: Член КПСС. (Исключен в связи с арестом.)

Судья: Были ли ранее судимы?

Хаиров: Нет.

Судья: Кадыев Роллан Кемалевич, получили ли вы обвинительное заключение? Когда?

Кадыев: Получил. 22 апреля 1969 года.

Судья: Год рождения?

Кадыев: 1937, 9 апреля.

Судья: Место рождения?

Кадыев: Крымская АССР, гор. Симферополь.

Судья: Национальность?

Кадыев: Крымский татарин.

Судья: Семейное положение?

Кадыев: Женат, трое детей.

Судья: Образование?

Кадыев: Высшее.

Судья: Специальность и место работы?

Кадыев: Ассистент Самаркандского государственного университета.

Судья: Место жительства?
Кадыев: Гор. Самарканд, ул. Допризывная, дом № 13.
Судья: Партийность?
Кадыев: Беспартийный.
Судья: Были ли ранее судимы?
Кадыев: Нет.
Судья: Гафаров Ридван, получили ли вы обвинительное заключение? Когда?
Гафаров: Да, 22 апреля 1969 года.
Судья: Год рождения?
Гафаров: 1915.
Судья: Место рождения?
Гафаров: Крым, гор. Симферополь.
Судья: Национальность?
Гафаров: Крымский татарин.
Судья: Семейное положение?
Гафаров: Женат.
Судья: Образование?
Гафаров: 5 классов.
Судья: Специальность и место работы?
Гафаров: Пенсионер, инвалид второй группы.
Судья: Место жительства?
Гафаров: Ташкентская область, гор. Ангрен, ул. Янги-Хаят, д. № 153.
Судья: Партийность?
Гафаров: Беспартийный.
Судья: Были ли ранее судимы?
Гафаров: Да. Был.
Судья: По какой статье?
Гафаров: По ст. 191-4-6 УК УзССР в 1967 году.
Судья: Языджиев Исмаил Мустафаевич, получили вы обвинительное заключение? Когда?
Языджиев: Да, получил 22 апреля 1969 года.
Судья: Год рождения?
Языджиев: 1920.
Судья: Место рождения?
Языджиев: Крым, Алуштинский район, дер. Корбек.

Судья: Национальность?

Языджиев: Крымский татарин.

Судья: Семейное положение?

Языджиев: Женат, двое детей.

Судья: Образование?

Языджиев: Учительский институт.

Судья: Специальность и место работы?

Языджиев: В Крыму — учитель, здесь — каменщик передвижной колонны № 1 стройтреста 15, разъезд Джамбай, Самаркандской области.

Судья: Место жительства?

Языджиев: Самаркандская обл., ст. Красногвардейская, райцентр Булунгур, ул. Рабочая, № 18.

Судья: Партийность?

Языджиев: Беспартийный.

Судья: Были ли ранее судимы?

Языджиев: Нет.

Судья: Прошу подсудимых заявить свои ходатайства.

Подсудимыми были заявлены следующие ходатайства:

1. О вызове на данный процесс корреспондентов газет «Правда» и «Известия», крымскотатарской газеты «Ленин Байрагы».*

2. Об освещении процесса в печати и показе его по телевидению.

3. О вызове на процесс экспертной комиссии для разрешения крымскотатарского вопроса.

4. О вызове на этот процесс в качестве наблюдателей представителей ЦК КПСС и Советского правительства.

5. О выдаче подсудимым необходимой литературы для подготовки к процессу.

6. Об изменении условий содержания в тюрьме. Все подсудимые содержатся в камерах с уголовниками: убийцами, насильниками, грабителями, ворами, хулиганами. Подсудимые заявляют, что ничего общего они не

* «Ленинское Знамя».

имеют с преступниками подобного рода, поэтому просят изолировать их от уголовников и создать надлежащие условия для подготовки к процессу.

Подсудимые заявляют, что они имеют право на свою защиту и поэтому ходатайствуют об изменении условий содержания в Таштюрме, чтобы обеспечить полноценную защиту и доказать правоту того дела, за которое они борются — доказать суду, что они не являются преступниками, а их обращения к руководителям Советского правительства и информации не являются клеветническими документами, порочащими советский общественный и государственный строй. За 9 месяцев содержания в изоляторе подсудимые множество раз подавали ходатайства, заявления и жалобы на условия содержания, но не получили ответа на свои заявления.

7. Об оказании необходимой медицинской помощи.

8. О свидании с родными, о передаче смены белья и одежды (подсудимая Халилова на процессе присутствует в чужой одежде).

Кадыев: Я прошу суд, который предоставил мне право защищаться самому, освободить меня из-под стражи с тем, чтобы иметь возможность готовиться к защите. Я обращался с ходатайством в соответствующие инстанции, чтобы нас обеспечили необходимой политической и юридической литературой для подготовки к процессу, и эти ходатайства не были удовлетворены. В связи с этим я объявил голодовку с 20 июня и нахожусь в состоянии голодовки до сегодняшнего дня. Я прошу изменить мне меру пресечения на подписку о невыезде.

Я хочу воспользоваться правом, гарантированным статьями 10 и 11 Всеобщей декларации прав человека, предусматривающими полную гласность и беспристрастность суда. Сегодня суд негласен. В зале суда присутствуют представители КГБ. Это видно из того, что даже подсудимый Эминов не мог войти в зал суда.

Обычно на суде запрещают какие бы то ни было

записи. В материалах следственного дела есть вопрос, заданный следователем Хаирову: «Кто вел запись в суде?» Я прошу не препятствовать вести запись в суде, так как суд должен быть гласным. А на прошедших судах пытались выводить тех, кто вел записи. У меня несколько ходатайств.

Ходатайствую об обеспечении гласности судебного разбирательства, о допуске на процесс журналистов, представителей общественности, об освещении процесса в печати, по радио и телевидению.

Ходатайствую о создании экспертной комиссии с участием лиц, компетентных в вопросах философии, социологии, истории, научной эстетики.

Я хочу, чтобы суд не воспользовался тем, что я нахожусь в состоянии голодовки, и не выделил мое дело в особое.

Изиджиев: Ходатайствую о гласности суда. Зал не вмещает всех желающих. Прошу известить корреспондентов из «Правды» и «Известий» о сегодняшнем процессе, так как мои письма были адресованы непосредственно в эти газеты.

Мной было написано заявление прокурору Узбекской ССР о том, что мои личные письма в редакции не могут квалифицироваться как распространение клеветнических документов.

Я ходатайствую о предоставлении нам для подготовки к защите соответствующей политической и юридической литературы. Ходатайствую о предоставлении мне свидания с семьей, так как в течение шести месяцев не имел свидания.

Условия, в которых нас содержат, жестокие. Я ходатайствую об изменении условий в тюрьме, так как не имею возможности готовиться к процессу.

Хаиров: Я полностью присоединяюсь к заявлениям и ходатайствам моих товарищей. Я неоднократно обращался в Политбюро ЦК КПСС о назначении компетентной комиссии из Политбюро для решения крымскота-

тарского национального вопроса. Я прошу Верховный Суд УзССР довести это ходатайство до сведения Политбюро ЦК КПСС через соответствующие каналы. Свое ходатайство я обосновываю тем, что на протяжении ряда лет продолжаются судебные процессы над представителями крымских татар, причем суд подходит к рассмотрению виновности, не вникая в существо поставленного вопроса. До тех пор, пока не будет разрешен крымскотатарский вопрос, все новые и новые представители его будут попадать на скамью подсудимых.

Суд может оказаться неправомочным в решении многих вопросов, заложенных в наших документах, касающихся существа крымскотатарского национального вопроса, поэтому я прошу известить Политбюро ЦК и правительство о настоящем процессе, чтобы здесь присутствовали представители от ЦК и правительства.

Советская общественность должна знать о том, какие мы преступники, поэтому ходатайствую о широком освещении хода суда в печати, по радио и телевидению.

В камере 1176, очень маленькой, находится 26 человек. Основной контингент — воры, бродяги, насильники, убийцы. Я не хочу задеть их человеческое достоинство, но что общего между ними и мною? Я неоднократно обращался во многие инстанции с просьбой предоставить мне возможность пользоваться необходимой литературой для подготовки к процессу. Но мне отказали без всякой мотивировки. Поэтому я прошу дать мне возможность хотя бы на время процесса находиться в одиночной камере, чтобы иметь возможность готовиться к суду.

Монахов: Я поддерживаю ходатайство Кадыева об изменении меры пресечения на подписку о невыезде, об изменении условий содержания подсудимых в изоляторе, так как их пребывание в одной камере с другими никак не способствует подготовке к процессу; об обеспечении подсудимых необходимой литературой, меди-

цинской помощью, о создании благоприятных условий в свободное от судебных заседаний время для подготовки подсудимых к процессу.

Ходатайствую об изменении меры пресечения подзащитным Хаирову Иззету, Бариеву Айдеру, Умерову Ризе на подписку о невыезде. Вопрос о вызове экспертной комиссии прошу оставить открытым. Вызов представителей газеты, телевидения и правительства не входит в компетенцию суда.

Заславский: Суд действительно не может своим решением обязать представителей газеты, телевидения, представителей ЦК КПСС и правительства присутствовать на процессе, но он может поставить эти учреждения в известность о данном процессе и просить участия в нем представителей данных советских и партийных учреждений.

Защита поддерживает ходатайство об изменении меры пресечения подсудимому Кадыеву Роллану, одновременно ходатайствую об изменении меры пресечения Халиловой Мунире и Аметовой Светлане, так как они более 9 месяцев находятся под стражей, а по статье, предъявленной им, возможна не только изоляция, но и штраф.

Кроме того, подсудимые не представляют на свободе опасности для общества и уклоняться от суда не будут. Изменение же меры пресечения на подписку о невыезде автоматически решает множество других проблем: обеспечение литературой, передач, условий подготовки к процессу.

Судья: Есть ли ходатайства у прокурора?

Прокурор: Нет.

Судья: Перерыв до 10 часов утра.

Кадыев (поднимает руку, хочет что-то сказать) . . .

Судья (резко): Почему вы недовольны решением суда? Почему вы хотите навязать свою волю суду?

Кадыев. Я требую, гражданин судья, не разговари-

вать со мной в таком тоне. Прошу занести это в протокол.

Судья: Не нужно.

Кадыев. У меня по ходу суда могут возникнуть вопросы.

Судья: Какой у вас вопрос?

Кадыев: Объясните, пожалуйста, почему заседание суда не может продолжаться сегодня?

Судья: Суд должен обсудить все сегодняшние ходатайства, рассмотреть их. Кроме того, всем участвующим в суде необходим отдых. Мы и впредь будем объявлять частые перерывы, чтобы обеспечить нормальную работу всех участвующих в судебном заседании. Вы несогласны с этим?

Кадыев: Согласен. Спасибо.

Судья: Перерыв до 10 часов утра.

П р и л о ж е н и е : Ходатайство И. С. Хаирова судье Сайфутдинову. — 1 июля 1969 г.

Председательствующему суда судье Сайфутдинову от подсудимого Хаирова И. С. (для приобщения к материалам уголовного дела № 109)

х о д а т а й с т в о

Прошу Верховный Суд УзССР через соответствующие каналы довести до сведения Политбюро ЦК КПСС мое ходатайство о направлении партийной комиссии из состава ЦК КПСС для принятия участия в данном судебном процессе в качестве комиссии консультативной по вопросам, задевающим крымскотатарскую национальную проблему.

Необходимость участия такой комиссии на судебном процессе вытекает из следующих соображений:

В сентябре месяце 1968 года прокуратурой УзССР мне и моим товарищам было предъявлено обвинение в «изготовлении и распространении документов с заведомо ложными измышлениями, порочащими советский государственный строй».

Мои неоднократные попытки доказать необоснованность подобного обвинения не имели успеха.

Следствие, бездоказательно утверждая о клеветническом характере инкриминируемых нам документов, в то же время не предпринимало никаких шагов к исследованию существа выдвигаемых в них вопросов и достоверности излагаемых в них фактов и событий. Оно, заострив свое внимание на несколько резкий тон отдельных документов, на неудачно приведенные в отдельных письмах выражения и формулировки, преднамеренно уклонилось от рассмотрения существа самих документов.

В самом начале процесса предварительного следствия мне заявили (следователи Березовский и Абушаев), что следствие не будет касаться вопросов, затрагивающих национальное движение крымских татар, так как это не входит в его компетенцию, что мы привлекаемся к ответственности за клевету на советский государственный и общественный строй и что мне необходимо доказывать, участвовал я или нет в изготовлении и распространении того или иного документа, участвовал я на том или ином собрании, или нет. Но возникали вопросы: 1) На каком основании инкриминируемые мне и моим товарищам документы признаны клеветническими? 2) Можно ли рассматривать вопросы, связанные с изготовлением и распространением документов, изолированно от национального движения крымских татар за возвращение в свой отчий край, откуда они были по огульному обвинению высланы в 1944 году, и восстановление условий нормального развития как социалистической нации?

Ведь именно неразрешенный национальный вопрос и является причиной, вынуждающей нас, крымских татар, искать пути его разумного и законного решения.

Индивидуальные и коллективные обращения в адрес партийных и правительственных инстанций, посылка в Москву представителей из среды народа — есть следствие указанной выше причины.

В ходе следствия выяснилось также, что органы следствия вообще не признают объективного существования крымскотатарского национального вопроса, имея его «так называемым крымскотатарским вопросом» а тех, кто стремится к справедливому решению этого вопроса и обращается в адрес директивных органов называют «крымскотатарскими автономистами», в то же время уклоняясь от разъяснения политического смысла этого выражения.

Тем самым искусственно разделив следствие от причин, следственные органы избавили себя от необходимости «выяснения обстоятельств, способствовавших совершению преступления» (нарушив тем самым ст. 49 УПК УзССР). Если даже предположить, что мы действительно совершили преступление перед законом.

В ст. 11 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10/ХІІ-1948 года говорится: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невинным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты».

Однако, уже через месяц после моего ареста по заключению, данному следователем прокуратуры УзССР Березовским, первичная партийная организация исключила меня из рядов КПСС. При этом мне не была предоставлена возможность присутствовать на партийном собрании, где обсуждалось мое персональное дело. Из всего происходящего я понял, что следственные органы не ставят перед собой задачу беспристрастного и объективного ведения следствия по делу. Это вынудило меня категорически отказаться от дачи показаний и искать встречи с руководителями высших партийных инстанций, в частности с товарищем Сусловым, ибо в такой встрече я [вижу] единственный путь установления истины и доказательства своей невинности и невинности товарищей.

Но в этом мне было отказано. Мне отказали даже в [предоставлении] необходимой для юридической защиты литературы, лишив тем самым возможности подготовить мне свою юридическую защиту на предварительном следствии и на суде.

Несмотря на многократные обращения в адрес прокуратуры Республики в течение 9 месяцев, мне не удалось встретиться с прокурором по надзору.

Вот в таких условиях я и мои товарищи предстали сегодня — 1 июля перед Верховным Судом УзССР.

Собранные по делу материалы следствия и составленные на их основании обвинительные заключения отображают действительное положение вещей однобоко, тенденциозно, и нет никаких гарантий от того, что это не введет в заблуждение даже столь высокий суд, как Верховный Суд УзССР.

На основании изложенного выше и принимая во внимание, что в ходе судебного процесса неизбежно возникнут вопросы, касающиеся национального движения крымскотатарского народа, и принимая во внимание, что во имя строжайшего соблюдения социалистической законности невозможно уклониться от их рассмотрения, и принимая во внимание, что суд может оказаться неправомочным в исследовании этих вопросов со стороны политической, и принимая во внимание, что необходимо детальное и глубокое изучение социально-политических причин, приводящих все новые и новые группы крымских татар на скамью подсудимых по обвинениям подобного характера, я и вынужден обратиться к суду с изложенным выше ходатайством.

Прошу суд о [воспроизведении] содержания документов, перечисленных в постановлении от 3/2-1969 года (л.д. 1-4, т. 9) [по рассмотрении] существ[а] выдвигаемых в них вопросов относительно крымскотатарской национальной проблемы.

Это в частности относится к инкриминируемым мне документам:

1. «К оценке текущего момента в крымскотатарском национальном вопросе . . .».
2. «Похороны под надзором КГБ».
3. «Информационное сообщение о встрече представителей инициативных групп».
4. «Записи в книге посетителей Симферопольского краеведческого музея».
5. Записи в личном блокноте . . .

Прошу путем расследования установить достоверность изложенных в этих документах событий и фактов из национального движения крымских татар.

С этой целью прошу вызвать в качестве свидетелей перечисленных лиц:

[1.] Относительно документов «К оценке текущего момента . . .» и «Информационное сообщение представителей инициативных групп городов и районов Ташкентской области» (по поводу притеснений в Крыму)

1. Карабашева Рустема, ранее проживал в Бекабаде.
2. Рамазанова Башира, г. Фергана.
3. Сейтджемилова Сейтджемилы, Намаганская обл. Хак-Абад.
4. Билялова Иззета, Таш. обл. Назарбек.
5. Атаманова Курсита, Ташкент.
6. Ислямова Мустафу, Ташкент.
7. Османову Мунире, Ташкент.
8. Марсова Вельмура, Ташкент.
9. Сеттарова Османа, Чирчик.
10. Сейтумерова Решата, Чирчик.
11. Алиева Османа, Янгиюль.
12. Нафеева Анафи, Гулистан.
13. Одабаш Суваде, с. Солдатское.
14. Зам. приемной Крымского облисполкома — Эбенко.
15. Председателя с/с Дубовец, с-за «Большеви» Крымская обл.
16. Директора совхоза «Большевик» — Панченко.

17. Прокурора Красногвардейского р-на юриста II класса Петухова.

[2.] По поводу распространения анонимных писем:

1. Девлетову Н., работницу Таш. кирпичного завода.
2. Асанова Ниметуллы, оттуда же.
3. Гафарова Ваапа, Самарканд.
4. Аджигельдыева Ваапа, Бухар. обл. Нарпай.
5. Абдулаева Якуба, Ташкент.
6. Исмаилов Соню[?], Ходжикент Таш. обл.
7. Исмаилова Якуба, Ташкент.
8. Меджитова Леннара, Ташкент.
9. Мустафаева Биляла, Таш. обл. Нарпай.
10. Белюллаева, Таш. обл. Назарбек.
11. Селимова Эмая, Таш. обл. Нарпай.
12. Ибраимову Разие, Таш. обл. Нарпай.
13. Азизова Ридвана, Таш. обл. Нарпай.
14. Джемилеву Зарему, Бухара.
15. Меджитову Разие, Бухара.
16. Мангуш Хурия, Бухара.
17. Данислямову Эсма, Бухара.
18. Зекирьяеву Гульнару, Бухара.
19. Абдулкадырову Гульнару, Нарпай.
20. Саакену Рафика, Нарпай.
21. Аблаева Виталика, Бухара.

[3.] Относительно событий, происшедших в день похорон шофера 145-й Ташкентской автобазы — Гафурова Селима — всех лиц, указанных под письмом «Похороны под надзором КГБ», а также свидетелей:

1. Ибраимова Якуба, Янгиюльский р-н, сад с/З № 10.
2. Алиеву Шадида, оттуда же.

[4.] По поводу моих записей в книге отзывов в Симферопольском краеведческом музее:

1. Директора Симферопольского краеведческого музея — Е. Жука.

2. Научного сотрудника музея — Виноградову, а также лиц, чьи подписи указаны под другой аналогичной записью в этой же книге отзывов. Данная запись находится в материалах дела № 109 (л.д. 273, т. 13).

Прошу суд поручить установление места жительства указанных выше свидетелей моим близким родственникам, которые это смогут сделать в короткий срок.

Прошу суд в ходе следствия установить социальные причины возникновения документов, перечисленных в постановлении от 3/2-1969 года (л.д. 1-4, том 9), за изготовление и распространение которых сегодня судят меня и моих товарищей.

Прошу суд выявить обстоятельства, способствовавшие совершению действий, названных следствием «преступными».

На основе ст. 10 Всеобщей декларации прав человека, гласящей: «Каждый человек, для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения, имеет право на основе полного равенства на то, чтобы его дело было рассмотрено *гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом*».

И на основании соответствующих уголовно-процессуальных законов Советского государства прошу организации и проведения действительно открытого гласного судебного процесса с участием в суде представителей общественности и представителей прессы.

Прошу освещения в печати хода всего судебного процесса с участием корреспондентов радио и газет.

Если мы совершили преступление перед общественностью, то общественность должна знать, какое конкретно преступление нами совершено.

Ходатайствую перед судом о предоставлении мне необходимой литературы, как, например:

1. Программа и Устав партии.

2. Избранные труды В. И. Ленина по национальному вопросу (сборник).
3. Всеобщая декларация прав человека.
4. Информация № 50 (представителей крымскотатарского народа, присутствовавших на приеме членами правительства в Москве).
5. Конституция СССР.

Указанные выше книги мне необходимы для использования в процессе судебного следствия в целях юридической защиты.

1 июля 1969 года. (Хаиров И.)

ВТОРОЙ ДЕНЬ СУДА

2 июля 1969 г.

Судья: Прошу прокурора высказаться по предложенным ходатайствам.

Прокурор: Все заявленные ходатайства распадаются на две группы: имеющие отношение к существу рассматриваемого дела и не имеющие отношения к рассматриваемому делу.

Ходатайство, заявленное подсудимым Кадыевым и адвокатами, об изменении меры пресечения в связи с рассмотрением данного дела, я считаю, удовлетворению не подлежит. Что касается условий содержания подсудимых, то их дело является уголовным, а не политическим, как заявляют подсудимые, и никаких особых условий для их содержания быть не может и не должно. Они содержатся в условиях, предусмотренных инструкциями и положением об изоляторах для уголовных преступников. Вопрос о передачах и свиданиях с родственниками должен решаться администрацией тюрьмы и судом в рабочем порядке.

Вторая группа ходатайств не относится по существу. Ходатайство о вызове от ЦК и правительства, об освещении процесса в печати, по радио и телевидению имеет цель увести суд в сторону от рассмотрения дела

по существу. Я прошу суд предложить адвокату Монахову разъяснить подсудимым необоснованность их ходатайств.

Монахов: Я не имею права давать заключения по выступлению прокурора. Но я считаю необходимым заявить, что представитель обвинения по отношению к защите только что допустил безтактность, с которой я не считаю возможным мириться.

Во-первых, вопрос консультаций адвоката и его защитного гарантируется адвокатской тайной, и никто не вправе в него вторгаться. Поэтому высказанная прокурором претензия о соответствующей консультации подсудимых есть не что иное, как попытка оказать давление на защиту в интересах обвинения.

Во-вторых, обвиняемый не связан советами адвоката и вправе заявлять любые ходатайства независимо от адвоката.

Решением суда все ходатайства отклонены. Судья читает обвинительное заключение.

Судья: Дело было передано прокуратурой Узбекской республики в Верховный Суд УзССР. Председатель Верховного Суда УзССР поручил ведение этого дела Ташкентскому областному суду, затем вновь по требованию Верховного Суда дело было возвращено в Верховный Суд УзССР и передано для ведения его судьей Сайфутдинову.

Слушание дела было назначено на 22 мая 1969 года и было отложено утром того же дня в связи с внезапным заболеванием судьи Сайфутдинова.

(Зачитывает определение суда о предании обвиняемых Байрамова, Бариева, Аметовой, Халиловой, Эминова, Умерова, Кадыева, Гафарова, Языджиева, Хаирова суду.)

Сейчас каждый подсудимый должен ответить на конкретные вопросы: Понятно ли обвинительное заключение? Признает ли себя виновным? Желает ли давать показания?

Байрамов. Встаньте. Понятно ли вам обвинительное заключение?

Байрамов: Содержание обвинительного заключения понятно.

Судья: Признаете вы себя виновным?

Байрамов: Виновным не признаю.

Судья: Факт составления и распространения указанных документов признаете?

Байрамов: Факт составления и распространения не отрицаю. Но клеветническими не признаю.

Судья: Будете ли давать показания суду?

Байрамов: Показания буду давать только после выполнения моих ходатайств. Суд не обеспечил гласности суда.

Судья: Но ходатайства уже отклонены. Вы будете давать показания?

Байрамов: Нет, показания суду давать не буду.

Судья: Бариев Айдер, понятно ли вам обвинительное заключение?

Бариев: Да, понятно.

Судья: Признаете ли вы себя виновным?

Бариев: Не признаю.

Судья: Факт составления и распространения указанных документов признаете?

Бариев: Факт составления и распространения признаю. Но что касается преступности этих документов, отрицаю. Предъявленных по статье 191-4 УК УзССР моментов в обвинительном заключении не признаю. Я подавал об этом заявление на имя прокурора. Ответа нет. Я повторяю свою просьбу к суду об извещении Советского правительства о принятии участия в процессе лиц, компетентных в национальном вопросе.

Судья: Суд не может обеспечить присутствия на процессе членов Советского правительства.

Бариев: Обеспечить и известить — две разные вещи. Я прошу известить. Я прошу известить Советское правительство о данном процессе.

Судья: Будете ли давать показания суду?

Бариев: Да. Буду. Спасибо.

Судья: Аметова Светлана. Понятно ли вам содержание обвинительного заключения?

Аметора: Да, в обвинительном заключении все понятно.

Судья: Признаете вы себя виновной?

Аметова: Виновной себя не считаю.

Судья: Факт размножения и распространения документов признаете?

Аметова: Не отрицаю размножение и распространение документов, но клеветнические измышления отрицаю. (Повторяет свои ходатайства об извещении о процессе и их ходатайствах членов ЦК партии и правительства, о гласности.)

Судья: Поймите, мы вам уже разъясняли, что это не относится к компетенции суда. Если у вас родится ребенок и вы идете регистрировать его, например, не в ЗАГС, а в какой-нибудь институт, там его не регистрируют. Так и здесь. Мы не можем обязать журналистов присутствовать здесь. Если кто-либо из них изъявит желание присутствовать здесь, мы не будем возражать и чинить препятствия. Будете ли давать показания суду?

Аметова: Да, буду.

Судья: Халилова Мунире, понятно ли вам обвинительное заключение?

Халилова: Да, понятно, только не согласна с тем, что в обвинительном заключении написано о частичном признании. Об этом я написала заявление во время предварительного следствия.

Судья: Признаете ли вы себя виновной?

Халилова: Виновной себя не признаю.

Судья: Факт распространения и размножения документов признаете?

Халилова: Факт распространения и размножения документов не отрицаю. Отрицаю клеветнический характер этих документов.

Судья: Будете ли давать показания суду?

Халилова: Показания по существу давать буду. Хочу, чтобы показали нас по телевизору.

Судья: Умеров Риза, понятно ли вам содержание обвинительного заключения?

Умеров: Я его не читал.

Судья: Но сейчас мы зачитывали. Вы слышали?

Умеров: Да, слышал.

Судья: Понятно ли вам содержание обвинительного заключения?

Умеров: Да, понятно.

Судья: Признаете вы себя виновным?

Умеров: Виновным себя не признаю.

Судья: Факт распространения указанных документов и их размножение признаете?

Умеров: Предъявленное обвинение (факт распространения и размножения) — правильно. Есть некоторые расхождения. (Повторяет ходатайство о расширении зала судебного заседания.)

Судья: Зал достаточно велик, но и из этого зала просят перейти в другой, меньше этого.

Умеров: Как только судят крымских татар, так и помещения уменьшают.

Судья: Эминов Руслан, понятно ли вам содержание обвинительного заключения?

Эминов: Да, понятно.

Судья: Признаете ли вы себя виновным?

Эминов: Виновным не признаю.

Судья: Факт изготовления и распространения документов, указанных в обвинительном заключении, признаете?

Эминов: Факт изготовления и распространения не отрицаю. Но документы не носят клеветнического характера.

Судья: Будете ли давать показания суду?

Эминов: Да, буду.

Судья: Хаиров Иззет, понятно ли вам обвинительное заключение?

Хаиров: Что написано в обвинительном заключении, понятно, но смысл статей, предъявленных мне, непонятен. Научных комментариев к этим статьям нет.

Судья: Эти статьи вышли недавно, комментариев действительно нет, но каждый юрист руководствуется практикой в работе с этими статьями. Признаете ли вы себя виновным?

Хаиров: Нет, виновным себя не признаю.

Судья: Факт изготовления и распространения признаете?

Хаиров: Факт изготовления и распространения частично признаю, но отрицаю клеветнический характер.

Судья: Будете давать показания суду?

Хаиров: Да, буду. Для меня большая неожиданность отклонение наших ходатайств. Я прошу дать моим родным официальный документ об отклонении этих ходатайств, чтобы мои родные могли известить Политбюро ЦК о нашем процессе.

Судья: Законы не предусматривают выдачи выписок из протоколов судебного заседания.

Хаиров: Законом не предусмотрено крымским татарам 25 лет жить в Узбекистане. Я еще раз прошу суд обеспечить широкую гласность этого процесса.

Судья: Видимо, вас интересуют не гласность судебного разбирательства, а пропаганда ваших идей. Суд не может позволить превратить его в трибуну для агитации и пропаганды.

Хаиров: Я хочу, чтобы на процессе присутствовали все мои соотечественники, русские, украинцы, корейцы и другие.

Судья: Суд не может обеспечить присутствие всех ваших соотечественников. Скажите, кого нет в зале суда из ваших родственников? Если кого-либо из них нет, мы им обеспечим место в зале и выведем других.

Хаиров: Речь идет не только о родственниках, а о представителях народа и представителях других наций.

Судья: Для чего такое количество народа?

Хаиров: Если я совершил преступление перед обществом, то пусть общественность знает, какое преступление я совершил и за что меня судят. Если я виновен, то пусть и общественность меня осудит. Для этого нужна широкая аудитория; пусть это будет под открытым небом или на стадионе. Я обращаюсь к родственникам с просьбой сообщить Политбюро ЦК в самое ближайшее время и поставить его в известность о наших ходатайствах.

Судья: Это должны сделать только вы сами в соответствующем заявлении и передать его по инстанциям.

Прокурор: Подсудимый Хаиров пытается увести суд от разбирательства дела по существу. Позиция Хаирова является недопустимой. Прошу суд сделать замечание Хаирову о неправильном его поведении. Прошу указать адвокату на необходимость правильных консультаций подсудимых. Прошу внести это в протокол.

Монахов: Я должен заявить, что мой подзащитный был лишен возможности пользоваться юридической литературой и поэтому мог допустить процессуальные ошибки. Адвокаты, консультируя подзащитных, пользуются Положением об адвокатуре и уголовно-процессуальными законами. Консультация подзащитного относится к области адвокатской тайны, и поэтому прокурор не может судить о качестве консультации подзащитных. Я, разумеется, дополнительно проконсультирую подсудимого Хаирова, который, кстати, в суде впервые. Но подсудимый имеет право повторить свое ходатайство и после отклонения его судом.

Прокурор: Я настаиваю на вынесении замечания подсудимому Хаирову.

Судья: Суд воздерживается от замечания подсудимому Хаирову. Замечание может повлечь за собою удаление подсудимого с процесса и разбирательство дела в его отсутствие. Предлагаем адвокату проконсультиро-

вать подсудимого о поведении в суде. Выступление прокурора и адвоката внести в протокол.

Судья (обращается к Кадыеву): Понятно ли вам предъявленное обвинение?

Кадыев: Да, понятно.

Судья: Признаете вы себя виновным?

Кадыев: Вину не признаю, хотя не отрицаю факта участия в изготовлении и распространении указанных документов. Я считаю, что суд нарушил статьи 10 и 11 Всеобщей декларации прав человека.

Судья: Что гласят эти статьи?

Кадыев (цитирует текст статей): Нарушена гласность судопроизводства и наше право на защиту, так как мы не имеем полной возможности для своей защиты.

Судья: Будете ли вы давать показания суду?

Кадыев: Давать показания суду буду.

Судья: Гафаров Ридван, понятно ли вам предъявленное обвинение?

Гафаров: Да, понятно.

Судья: Признаете ли вы себя виновным?

Гафаров: Виновным себя не признаю. Факты и содержание предъявленных мне обвинений не признаю, показания давать буду.

Судья: Подсудимый Языджиев, понятно ли вам обвинительное заключение?

Языджиев: Виновным себя не признаю, не все в обвинительном заключении мне понятно.

Судья: Что вам непонятно в обвинительном заключении?

Языджиев: Мне непонятен термин «националистическая нация».

Судья: Это ошибка в тексте.

Языджиев: Факт распространения и размножения не доказан.

Судья: Почему?

Языджиев: Мне непонятно, почему письма, написан-

ные мной лично и врученные по адресу, квалифицируются как распространение клеветы.

Судья: Будете ли давать показания суду?

Языджиев: Показания давать буду.

П р и л о ж е н и е: Определение судебного заседания по ходатайствам подсудимых. 2 июля 1969 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда УзССР в составе председателя Сайфутдинова, народных заседателей Самойловой и Исмандиярова при секретаре Аплетяеве, с участием заместителя начальника отдела прокуратуры УзССР советника юстиции Ерыкалова, адвокатов Монахова и Заславского, рассматривая уголовное дело по обвинению Байрамова Р., Бариева А., Кадыева, Халиловой и др., всего 10 человек, обсудила ходатайства подсудимых и адвокатов.

Ходатаями заявлено:

1. О расширении гласности судебного процесса. Подсудимые Кадыев, Хаиров, Языджиев и Байрамов заявили о том, что зал судебного заседания по своему объему не обеспечивает требований закона, не вмещает всех желающих присутствовать на суде. Органы милиции, под видом охраны порядка, фильтруют граждан, многие представители общественности не попадают в зал.

В порядке обеспечения тех же принципов гласности, эти же подсудимые ходатайствуют, чтобы суд обеспечил широкую информацию о процессе через центральные органы печати, радио и телевидение.

Известить и допустить на судебный процесс корреспондентов, в том числе иностранной прессы. Требуют, чтобы суд обеспечил присутствие на процессе редактора газеты «Ленин Байрагъы» — органа ЦК КП Узбекистана.

2. Обеспечение в судебный процесс явки представителей партийных и советских органов.

Подсудимые Кадыев и Хаиров заявили, что суд должен через соответствующие каналы сообщить в Политбюро ЦК КПСС, чтобы последний прислал в данный судебный процесс комиссию из членов ЦК КПСС для изучения крымскотатарского вопроса о возвращении в Крым.

Подсудимый Бариев к вышеприведенным заявлениям добавил, чтобы аналогичная комиссия была также из правительства Союза ССР и прокуратуры СССР, так как вмененное им обвинение совершено на территории разных союзных республик.

Подсудимый Языджиев также поддержал вышеуказанные заявления и потребовал личного участия в суде прокурора УзССР, считая, что он неправильно информирован по делу. В случае отклонения ходатайства судом, заявил Языджиев, он объявит голодовку завтра-послезавтра.

3. О созыве экспертной и других компетентных комиссий. Те же подсудимые Кадыев, Хаиров заявили о необходимости создать экспертную и другие комиссии по политическим, культурным, историческим и национальным вопросам, относящимся к проблемам крымских татар об их национальном движении. Это заявление поддержал подсудимый Байрамов.

4. Об улучшении режима содержания в тюрьме. Подсудимые Кадыев, Хаиров, Языджиев заявили, что они содержатся в камерах следственного изолятора вместе с арестованными по другим делам, где тесно и нет условий для полной подготовки к процессу.

5. Об изменении меры пресечения лицам, содержащимся под стражей. Подсудимый Кадыев заявил об изменении ему меры пресечения на не связанную с содержанием под стражей. Добиваясь этого, заявил, что он объявил голодовку с 20/VI-69 г., в данное время находится в режиме голодающих, что полное и объективное разбирательство дела может быть только тогда, когда он будет на свободе. Адвокаты Заславский и Мо-

нахов также заявили ходатайство об изменении меры пресечения арестованным Умерову, Хаирову, Бариеву, Аметовой, Халиловой и Гафарову, всего 6 человек. Это ходатайство мотивировано тем, что обвинение этих лиц не относится к тяжким. Санкция статей УК, по которым они преданы суду, предусматривает меры наказания, не связанные с лишением свободы, что они длительное время содержатся под стражей до суда. Адвокаты заявили, что наиболее полная подготовка подсудимых к защите по предъявленному обвинению будет обеспечена, если они будут на свободе.

Представитель государственного обвинения в своем заключении считает, что большинство ходатайств подсудимых вовсе не относится к компетенции суда. Таковым является требование о присутствии различных комиссий. Созыв экспертной комиссии может быть осуществлен судом при анализе конкретных эпизодов обвинения, если это потребуется по делу.

В данном случае заявления подсудимых о созыве таких комиссий для решения таких проблем крымскотатарского вопроса в компетенцию суда не входят и к существу вменяемого обвинения отношения не имеют, являются беспредметными. Ходатайство об изменении меры пресечения на несвязанную с содержанием под стражей — коллегия считает, что на данной стадии протест не подлежит удовлетворению.

Руководствуясь ст. УПК УзССР, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда УзССР

определила:

заявленные ходатайства обвиняемых и адвокатов об изменении меры пресечения Кадыеву, Умерову, Хаирову, Аметовой Халиловой и Гафарову оставить без удовлетворения.

Другие заявления и ходатайства обвиняемых оставить без рассмотрения как не относящиеся к компетенции суда.

Вопрос о гласности судебного процесса считать решенным в соответствии с требованиями ст. 12 УПК УзССР.

Председательствующий: (Сайфутдинов)

Народные заседатели: (Самойлова)

(Исмандияров)

ТРЕТИЙ ДЕНЬ СУДА

3 июля 1969 г.

Судья: Какой прием порядок судебного разбирательства?

Монахов: Защита предлагает начать с допроса подсудимых, затем — свидетелей. Порядок допроса подсудимых выскажет адвокат Заславский. Прошу вызвать свидетелей Шабанова Эльдара, Шумаеву, Мустафаева, Абдувелиева, Халилова М. Х., Эмирсалиева.

Судья: Остальных по списку?

Монахов: С точки зрения защиты, количество свидетелей в обвинительном заключении очень велико. На их вызове мы не настаиваем. Защита считает необходимой проверку фактов, изложенных в документах, квалифицированных как клеветнические. Из этих соображений предлагаю вызвать дополнительно свидетелей: по материалам «Похороны под надзором КГБ» и другим документам — Гафурова Умера (был допрошен на предварительном следствии том 12, л.д. 12), Ибраимова, Глубовского Кима, Алиева — все проживают в Ташкенте и в Ташкентской области. Многие из этих свидетелей знают и другие обстоятельства.

По Информации № 69 и по Информации о Чирчикских событиях я предлагаю вызвать Хаялиева Эскендера, имеющего непосредственное отношение к факту распространения Информации № 69; Мустафаева Османа, Эминову.

По Ангренской информации — 13 свидетелей по списку, который у меня есть. Еще нет точных адресов, но они будут установлены через несколько часов. По-

ка указаны районы проживания. Других ходатайств о вызове свидетелей у меня нет.

Сафонов: Я поддерживаю ходатайство адвоката Монахова о порядке судебного следствия. Дополнительно прошу вызвать свидетелей Изетдинова (т. 9, л.д. 67) — по согласованию с Бариевым (по Информации № 64); Исмаилова, Асанова А., Тызыкова Леннара.

Заславский (предлагает порядок допроса подсудимых).

Судья: Байрамов, вас интересует порядок допроса?

Байрамов: Я поддерживаю порядок, предложенный защитой.

Судья: По поводу вызова свидетелей какие у вас соображения?

Байрамов: Адвокат сказал достаточно. Дополнительно прошу вызвать 100 человек свидетелей.

Судья: Список вы нам представите? Фамилии? Адреса? Для чего столько свидетелей?

Байрамов: Для выяснения обстоятельств в Чирчике, в Москве.

Судья: Что должны сказать свидетели, по-вашему?

Байрамов: Подтвердить факты.

Судья: Сколько человек берете для подтверждения каждого факта? Это очень много свидетелей.

Байрамов: По документу «Похороны под надзором КГБ» для подтверждения этих событий — 29 человек. (Переговаривается с Кадыевым.)

Судья: Байрамов, разговаривайте с судом, а не с подсудимыми. С ними вы видите достаточно.

Байрамов: Для подтверждения событий, отраженных в документе «Протест школьников гор. Бекабада» — всех подписавших (около ста человек.)

Судья: Этот документ не вменяется вам в вину. Почему вас интересует этот документ?

Байрамов: Эти факты изложены в моем «Открытом письме», которое вменяется мне в вину.

Судья: Почему 100 человек? Можно меньше?

Байрамов: Можно и меньше. Свидетелей Аримякова и Богомазова.

Судья: Этот документ не вменяется вам в вину. Зачем говорить о посторонних документах?

Байрамов: Я уже говорил, что факты эти изложены в моем письме. По событиям в Москве 16-18 мая 1968 года — четыре человека. Адреса есть. По Чирчикским событиям 1968 года — 17 человек. По событиям в Крыму 1967 г. («Открытое письмо») — восемь человек.

Судья: Кто составлял письмо?

Байрамов: Я составлял.

Судья: Адреса свидетелей есть?

Байрамов: Есть. Адреса неточные.

Судья: Значит, всего — 157 свидетелей. Еще что у вас есть?

Байрамов: Пока все.

Судья: Список сейчас дадите?

Байрамов: Попозже.

Судья: Еще отказался от защиты Кадыев.

Кадыев: Против порядка ведения судебного разбирательства ничего не имею. Относительно списка свидетелей ни на ком не настаиваю. Прошу вызвать для подтверждения фактов по документу «Траурная информация № 69» — жителей Москвы Григоренко, Белгородскую Ирину, Емелькину Надежду. Точные адреса могут указать органы КГБ. Некоторые из этих товарищей сейчас находятся под арестом, не знаю где.

Для подтверждения фактов, изложенных в документах «Обращение к мировой общественности», «Траурная информация» — свидетеля из Москвы Кириченко. Адрес: 6-я Парковая, дом № 12, кв. 3. Он фигурирует в материалах дела и допрошен (стр. 168), но не вызван в качестве свидетеля. По поводу моего письма на имя Генерального Секретаря КПСС прошу вызвать сотрудника КГБ Самаркандской области Нургалина.

Судья: Что он может сказать?

Кадыев: Он должен подтвердить, что по поводу этого письма меня неоднократно вызывали в КГБ, где этот человек говорил, что в этом документе ничего порочащего наш строй нет.

По поводу «Траурной информации» — Алиеву Зекие из города Андижана. Точный адрес сказать не могу, но это можно установить. Она подтвердит факты, изложенные в «Траурной информации».

Мне вменяется, кроме составления документов, еще так называемая подстрекательская деятельность.

(Продолжение следует).

[В сборнике материалов о Ташкентском процессе отсутствует продолжение записи заседания 3 июля 1969 г.]

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ СУДА

4 июля 1969 г.

[В сборнике материалов о Ташкентском процессе отсутствует запись заседания судебной коллегии 4 июля 1969 г. Информация № 2 сообщает об этом заседании следующее:]

Подсудимые поддержали предложенный защитой порядок судадопроса подсудимых; список дополнительных свидетелей, а также ходатайство о вызове большого количества дополнительных свидетелей. Прокурор полностью отклонил ходатайства подсудимых и защиты о вызове дополнительных свидетелей, мотивируя это тем, что проверка обстоятельств и фактов, изложенных в документах не относится к существу дела.

Суд приступил к допросу подсудимых.

Первым был допрошен Бариев, который заявил: «Да, будучи представителем крымскотатарского народа в Москве, составлял различные документы. Все составленные мною документы основаны на фактах, которые имели место в Москве, Чирчике, Бекабаде и в ряде других городах, а так же на пути этапирования из Крыма через Кавказ в Ташкент, из Москвы в Ташкент. Кроме того в основе документов слова очевидцев этих событий из различных мест СССР. Следствие называет составленные мною документы пасквилями, что там есть моменты порочащие советский общественный и

государственный строй. Я отрицаю наличие в этих документах характер клеветы на наш общественный строй. Документы, перечисленные в обвинительном заключении, составлены на почве того, что в течение 25 лет крымские татары, высланные из Крыма, не могут восстановить свои права и свою национальную самостоятельность и свободу. О том, насколько нарушаются права крымскотатарского народа, скажут товарищи, сидящие со мной на скамье подсудимых. Все, что я делал, имело единственную цель — восстановление декрета В. И. Ленина — быть среди равных в семье советских народов. Насколько мне известно, ни мои товарищи, ни я, будучи в Москве, не имели цели выпускать документы, порочащие общественно-государственный строй, поскольку мы являемся гражданами Советского государства. Возможно, что в тех или иных документах мы могли, находясь в состоянии возмущения от изложенных в них фактов, допустить неточные выражения, придали им резкость. Но однако, я отмечаю, что в документах, составленных мной, я сам не замечаю [клеветы], возможно суд установит ее. Я надеюсь, конечно, что суд объективно рассмотрит наше дело.

Бариев в своих показаниях полностью разоблачил необоснованность, вымышленность и ложность предъявленных ему обвинений и доказал, что в документах отражены истинное положение крымскотатарского народа.

ПЯТЫЙ ДЕНЬ СУДА

7 июля 1969 г.

Заседание началось в 10 час. 50 мин.

Показания Бариева Айдера
(продолжение)

Судья: На прошлом заседании не был решен вопрос об отказе Байрамова от защитника. (Адвокату Сафонову.) Беседовали ли вы с подсудимым на эту тему?

Сафонов: Да, он отказался от защитника.

Судья: Подсудимый Байрамов, действительно ли вы отказались от защитника?

Байрамов: Да, я отказался.

Судья: Подсудимый не освобождается от адвоката, если он психически ненормальный, или если ему грозит смертная казнь. Правильно, товарищ прокурор?

Прокурор: Правильно.

Судья: Подсудимый Байрамов не подходит к указанным категориям. Прошу записать в протокол, что Байрамов отказался от защитника.

Продолжайте показания, Бариев. Мы остановились в прошлый раз на том, что вы объясняли Информацию № 73. Следующие ваши показания в чем будут выражаться?

Бариев: Одним из следующих документов, вменяемых мне, является письмо инициаторам г. Чирчика. Страница 11 обвинительного заключения.

Судья: Вас обвиняют в авторстве и распространении.

Бариев: Это письмо написал лично я и сам же отпечатал в двух экземплярах. Один экземпляр я передал Байрамову, а второй отправил кому-то из инициаторов г. Чирчика для ознакомления. Больше никаких размножений не было. Это было в июне месяце. Что касается Байрамова, мы с ним это письмо обсудили и подписали.

Судья: Что неправильно в обвинительном заключении? (Читает.) «Летом 1968 года Байрамов вместе с Бариевым написал письмо «Инициаторам города Чирчика», один экземпляр которого Бариевым был отправлен для распространения среди граждан татарской национальности, проживающих в Чирчике. В этом письме с клеветнических позиций дается оценка положению крымских татар в СССР, утверждается, что представителей крымскотатарского народа необоснованно преследуют».

Бариев: То, что составляли и отправили — все это правильно. Только дается неправильная оценка. В этом документе я ничего клеветнического не нахожу. Оно

адресовано инициаторам г. Чирчика, а инициатором может быть каждый крымский татарин. В этом документе мы говорили, что верим в скорое возвращение в родной Крым, в восстановление наших национальных прав, что выражаем сочувствие арестованным товарищам и что ходатайства представителей крымскотатарского народа перед партией и правительством не будут прекращаться до их полного освобождения. В обвинительном заключении говорится, что в письме дается клеветническая оценка положению крымских татар в СССР.

В действительности, в Москве нас задерживали, не прописывали в гостиницах, не давали возможности ссанавливаться на частных квартирах. Товарищей задерживали, допрашивали, предлагали в течение суток покинуть столицу. Поэтому здесь и применили слово «преследования».

Судья: Здесь написано следующее: «Все акты произвола против нашего народа...» Что это за все акты произвола?

Бариев: Задержки, аресты. Все факты в Крыму, в Москве — задержания и отправления под конвоем милиции в Ташкент. Это делалось и в отношении представителей крымскотатарского народа, которые обращались к партии и правительству.

Судья: Со стороны кого, вы имели в виду, был произвол?

Бариев: Разумеется, со стороны работников МООП и КГБ.

Судья: В частности, против вас, в чем выражался произвол?

Бариев: 1 мая меня увели с парада, хотя я ничего плохого не делал. 7 мая меня задержали возле приемной ЦК КПСС.

Судья: Какие претензии вам были предъявлены?

Бариев: Спрашивали, зачем приехал, требовали, чтобы покинул Москву. Несколько часов допрашивали в

46-м отделении милиции. В гостиницах нас не прописывали. Администратор гостиницы прямо сказал, что дано указание крымских татар не прописывать. Потом, правда, меня и нескольких товарищей прописали.

Судья: Что еще имеет в виду под словом «произол»?

Бариев: События 16, 17 и 18 мая в Москве.

Судья: Что против вас еще предпринималось?

Бариев: В документах говорится о фактах произвола не только против меня.

Судья: Я хочу знать, что еще против вас лично предпринималось.

Бариев: Я сидел на скамейке недалеко от ЦК. Ко мне подошел гражданин в штатской одежде в звании капитана и потребовал документы. Несмотря на то, что я вел себя спокойно и в паспорте у меня был штемпель о прописке в гостинице, мне предложили сесть в машину. Я настаивал, чтобы меня отпустили и вернули документы, но меня повезли в милицию, продержали весь день, а вечером посадили в машину, привезли на вокзал и отправили под охраной в Ташкент, т.е. в место насильственного поселения. Меня сопровождал старший лейтенант Кузоватов.

Судья: Так поступили и с вашими товарищами?

Бариев: С ними обходились еще хуже.

Судья: Скажите, какая была необходимость писать обо всем этом?

Бариев: Так поступили с более чем 500 представителями крымскотатарского народа. Их посылали в Москву добиваться решения нашего национального вопроса перед правительством. На посылку этих представителей были израсходованы большие народные средства...

Судья: Но почему вы писали? Какую цель вы преследовали?

Бариев: Хотел поставить народ в известность о том, как поступают с его представителями.

Судья: Это все?

Бариев: По этому документу все.

Судья: Какой следующий документ? Придерживайтесь обвинительного заключения.

Бариев: Я стараюсь придерживаться, но здесь не все идет по порядку. Следующий документ: «Обращение к советским писателям, работникам науки, искусства и культуры, политическим и общественным деятелям СССР». О разговоре в Союзе писателей СССР и о вручении этого документа в обвинительном заключении записано неправильно. После взаимных приветствий с писателями, я сказал, что наша цель — ознакомить их с положением крымскотатарского народа, который насильственно был выслан в 1944 году. Я говорил, что мы писали и неоднократно обращались в различные советские и партийные учреждения, но это не дало никаких результатов.

Судья: Это основная тема разговора?

Бариев: Да. Я говорил, что лишь за желание вернуться на Родину крымских татар преследуют и что поэтому мы решили обратиться к писателям, общественным деятелям. С этой целью я и Халилова посетили писателя Бондарина и вручили ему документ «Обращение к советским писателям, работникам науки...». Посетили мы его 2 июня, хотя в обвинительном заключении говорится, что в конце июня. Конверт с документами вручил лично я.

Судья: Этот документ был составлен вами?

Бариев: Нет, я не составлял. Я только его одобрил и подписал.

Судья: Чья была инициатива посетить Бондарина? Почему не другого, а именно его?

Бариев: Инициатива моя. Могли посетить и другого. Мы обращались ко многим писателям. Такие писаки, как Вергасов, Первенцев, писали о нас плохо. Мы хотели внести ясность, чтобы о нас писали правильно. Но Союз писателей направил этот документ в КГБ с сопроводительным письмом, где говорится, что Союз писателей не имеет никакого отношения к крымским татарам.

Когда они клеветали, у них было отношение к крымским татарам.

По этому документу у меня все.

Далее о документе «Обращение представителей крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 г. сессии Верховного Совета СССР». В обвинительном заключении говорится, что я распространял с Халиловой. Я ранее говорил, что обращение к сессии мы вручали депутатам. Вручили 78 депутатам.

В обвинительном заключении далее говорится, что я Аметовой направил в КГБ при СМ СССР документы: «К оценке текущего момента в крымскотатарском национальном вопросе в свете событий 16-18 мая 1968 года в Москве и Крыму», «Кровавое воскресенье» и «Информацию № 72». Ссылка на том 6, лист дела 255-264.

Что касается этих документов, то могу сообщить, что эти документы действительно отправил в КГБ я, адрес на конверте отпечатал на машинке «Консул». В конверт был вложен еще один документ по поводу судебной расправы над Чобановым Мамеди в Крыму. Отправил я их в августе месяце.

Судья: Правильно ли в обвинительном заключении говорится, что вы распространяли эти документы?

Бариев: Нет, я это не считаю распространением. Мы направляли эти документы в КГБ, а КГБ, как вы знаете, в основном решает все вопросы государства.

Судья: Приложенный документ тоже составлен вами?

Бариев: Нет, этот документ нам прислали, чтобы сдать адресатам.

Судья: Следующий адресат, кажется, Оренбург. Отправляли туда документы?

Бариев: Да, отправлял лично я из почты И-238, 18 июля 1968 года.

Судья: Сколько документов было в конверте?

Бариев: Обращение к сессии Верховного Совета, Обращение 40 граждан-крымских татар, вернувших-

ся в Крым, и еще один документ. Всего три документа. Записи на конверте произвела Аметова по моей просьбе.

Судья: Почему вы обращались именно туда, именно к директору НИИ молочно-мясного скотоводства Лешеву?

Бариев: Не придавал особого значения. Я его лично не знаю. Отправили как ответственному работнику, к тому же ученому.

Судья: Личные связи у вас с ним были?

Бариев: Нет, никаких.

Судья: Что вы имели в виду, отправляя ему документы?

Бариев: Я надеялся, что он окажет поддержку нам в вопросе возвращения в Крым. Вся цель этих писем — восстановить права крымских татар.

Судья (читает обвинительное заключение): «В клеветническом документе «К оценке текущего момента» заведомо ложно указывается, что «... делается все возможное, чтобы фактически ликвидировать крымскотатарский народ как нацию...», «что в отношении крымскотатарского народа совершаются неслыханные акты насилия и произвола».

Здесь написано «ликвидировать крымскотатарский народ как нацию». Вы кого имеете в виду? Кто хочет ликвидировать вашу нацию?

Бариев: Здесь указано положение, в котором находятся крымские татары. Мы действительно как нация сейчас не существуем...

Судья: Содержание этого документа вы знали? Знакомы с текстом?

Бариев: Я его читал.

Судья: Вы с ним согласны?

Бариев: Да, согласен.

Судья: С выражением «ликвидировать как нацию» тоже согласны?

Бариев: Да. В течение 25 лет мы находимся в поло-

женин, способствующем ликвидации нашего народа как нации. Мы не имеем возможности развивать свою национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру.

Судья: «Кровавое воскресенье» читали?

Бариев: Я читал все, что отправлял.

Судья: Здесь говорится, что по отношению к крымским татарам проводится «расистская политика». Что вы подразумеваете под этим?

Бариев: Я понимаю под этим термином следующее. Приезжающих в Крым после Указа 5 сентября 1967 года крымских татар не прописывают только потому, что они крымские татары. Их избивают, над ними издеваются, насильно грузят в машины и вывозят за пределы Крыма. Может быть, это называется иначе. Я считаю, что это расизм. Местное население — русские, украинцы стараются нам помочь, а органы притесняют и запугивают их.

Прошу записать это. Крымские татары установили палатки, чтобы жить в них до отыскания иного жилья. Ответственные работники органов, явившиеся сюда, разрезают палатки и притом оскорбляют женщин, нагло говоря: «Я тобой воспользуюсь.» Это как называется?

Судья: Можно было написать «великодержавный шовинизм», но не расизм же!

Бариев: Я не могу дать точного определения слову «расизм». Возможно, вы и правы. Но я знаю, что подобные действия в других странах у нас называют расизмом.

Судья: На странице 33 обвинительного заключения приводятся слова из обращения, где говорится, что статья 123 Конституции СССР «к великому сожалению... написана не для крымских татар». Это вы читали?

Бариев: Я не помню, что означает эта статья. Я просил литературу, но мне же не дали.

Сафонов (зачитывает статью из Конституции СССР): «Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения, — караясь законом».

Бариев: Правильно, я считаю, что она записана не для крымских татар.

Судья: По этим документам у вас все?

Бариев: Да, у меня все.

Судья: Тут приводятся еще адреса, куда вы отправляли документы. В газету «Труд» тоже отправляли? «Траурную информацию» и «Обращение к советским писателям...»?

Бариев: Да. Записи на конвертах делал я. Отправлял по почте.

Судья: Правильно ли я вас понял? То, что вы отправляли по почте в государственные органы, не считаете распространением, а среди писателей и других лиц — распространением?

Бариев: Нет. Передачу документов писателям тоже не считаю распространением. Мы действовали вполне легально...

Судья: Считаете вы распространением или нет?

Бариев: Нет, не считаю. Законы говорят, что советские граждане имеют право...

Судья: Не о праве идет речь.

Бариев: Бондарин и другие, к кому мы направляли документы, являются коммунистами. В одном из своих выступлений Брежнев говорил, что у нас 14 миллионов коммунистов и что все они в какой-то мере являются

руководителями государства. Поэтому обращения к коммунистам я считаю обращением к руководству страны, а не распространением.

Судья: Все?

Бариев: На странице 10 обвинительного заключения говорится, что в конце 1968 года мы составили письмо на имя Генерального Секретаря ООН У Тана, где яко бы возводится клевета на национальную политику КПСС и правительства.

Судья: Вы участвовали в составлении этого документа?

Бариев: Сейчас поясню. Идея написать письмо господину У Тану возникла у меня. Затем включились Аметова, Байрамов и Халилова. Черновик писал я. После написания Байрамов отпечатал его в 4 экземплярах. Все 4 экземпляра мы подписали. Один экземпляр и черновик остались у Байрамова. Три экземпляра взял я. Окончательный вариант мы изготовили и подписали 24 июля 1968 г. — в день моего рождения — на квартире, где мы проживали.

Судья: Почему решили писать именно У Тану?

Бариев: Господину У Тану мы решили написать, основываясь на Устав ООН.

Судья: То есть вы хотели поставить этот вопрос перед кем?

Бариев: Мы надеялись, что г. У Тан обратит внимание нашего правительства, в частности Я. А. Малика, на факты, изложенные в письме.

Судья: Вы считали, что У Тан вас поддержит?

Бариев: Да, мы надеялись.

Судья: Почему в письме вы говорите именно о злодеяниях, о 46 процентах погибших? Почему нужно писать эти подробности?

Бариев: Декларация прав человека гласит, что каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободу выражения их. Это право включает свободу распространения информации и идей независимо от государственных границ...

Судья: Зачем эта университетская азбука? У каждого свое понятие о праве. Вы скажите, почему писал У Тану о «варварских злодеяниях советских властей» над крымскими татарами?

Бариев: Я решил ему написать потому, что допускаются эти зверские злодеяния и допускают их советские власти. К советским властям мы обращались неоднократно.

Судья: Вы отдаете себе отчет в том, что У Тан является Генеральным Секретарем буржуазной организации? Ведь ООН — это буржуазная организация. У Тан, конечно, является проводником империалистической политики. Вы это имели в виду?

Бариев: Нет, я об этом не знаю. Я знаю, что У Тан является Генеральным Секретарем ООН — международной организации, куда входят почти все государства, в том числе социалистические, и СССР.

Судья: Дошло это письмо до У Тана?

Бариев: Не знаю.

Судья: Вы лично отправляли?

Бариев: Нет.

Судья: Как вы думали отправлять?

Бариев: Я собирался один экземпляр сбросить в почтовый ящик какого-нибудь иностранного посольства в Москве, другой сдать в Министерство иностранных дел на имя Малика, а третий отправить по почте в ООН.

Судья: Почему не отправили?

Бариев: Потом передумал.

Судья: Вы знаете, где те экземпляры, которые собирались отправить?

Бариев: Два экземпляра я оставил на квартире Григоренко в конце июня 1968 года, числа 27-28. Они изъяты у него при обыске 19 ноября.

Судья (показывает): Это ваше письмо?

Бариев: Да, это то самое письмо.

Судья (читает): «18 мая 1944 года было совершено варварское злодеяние — все крымские татары были

выселены полуодетыми... 46 процентов своего состава потерял наш народ...» Почему именно У Тану вы пишете таким языком? Вы согласны, что некрасиво к У Тану обращаться таким языком?

Бариев: Если против целого народа, против незащищенных детей, стариков совершается глубокой ночью такое, разве можно говорить иначе? Конечно, это варварское злодеяние!

Хочу сказать о том, что яко бы мы исказили процент смертности крымских татар. В деле есть справки КГБ. Эти справки неверны тоже. Точно установить они также не могли. По этим справкам получается 21 %. У меня в то время от голода умер отец. Я затрудняюсь определить его смерть в процентном отношении...

Судья: По документам у вас все? По поводу Информаций №№ 63, 64 что вы можете сказать?

Бариев: Простите, я это упустил. Поясняю. Я к ним отношения не имел. В обвинительном заключении на странице 29 говорится: «До апреля 1968 года, проживая в Чирчике, Бариев 24 марта 1968 года на окраине города Чирчика, в районе «Комсомольского моста» на состоявшемся незаконном сборище, в присутствии 400 человек зачитал «Информацию № 64», в которой содержится злостная клевета на национальную политику Советского государства о якобы проводимых повсеместно произволах и репрессиях по отношению к крымским татарам...»

На собрании я присутствовал, но документ я не читал.

Судья: Вас задержали после собрания?

Бариев: Нет. Меня вызвал начальник милиции и начальник КГБ г. Чирчика. Это было 12 сентября 1968 года. При задержании у меня нашли мое письмо на имя судьи Сметанина (копия Генеральному Прокурору СССР). Других документов ни при задержании, ни при обыске не было обнаружено.

Судья: На каком основании вам предъявлен этот документ?

Бариев: Мне неизвестно.

Судья: Других объяснений нет?

Бариев: Я надеялся, что следствие подойдет объективно...

Судья: Что вы скажете по поводу «Информации № 68»?

Бариев: Эту информацию я не писал, не читал, ничего о ней не знаю. Прочитал впервые у следователя после ареста.

Судья: Вашей подписи там нет?

Бариев: Я ее не подписывал. Но моя фамилия там должна быть, так как я был в Москве в описанный в информации период в качестве представителя.

Судья: С содержанием вы согласны, хотя и не составляли?

Бариев: Да, согласен.

Судья: Еще есть какие-нибудь показания по этому документу?

Бариев: Нет.

Судья: А по поводу Информации № 69?

Бариев: Я ее тоже не составлял. События, изложенные там, я знаю, описаны они правильно. С содержанием информации я согласен.

Судья: Товарищ прокурор, есть у вас вопросы к Бариеву?

Прокурор: Нет, у меня есть вопросы к Байрамову.

Судья: Байрамов, встаньте! Постарайтесь говорить точно.

Прокурор: Из показаний Бариева видно, что вы участвовали в составлении каких-либо документов. Вы подтверждаете?

Байрамов: Я уже говорил, что отказываюсь от дачи показаний.

Прокурор: Но вы подтверждаете показания Бариева?

Байрамов: Я не отрицал факты составления и распространения документов.

Судья: У адвокатов есть вопросы?

ния, послужившие основанием для этого документа, в подлиннике сданы в партийные и государственные органы.

Судья (конвоиру): Скажите милиционерам, пусть они не разгоняют толпу. Лучше мы уйдем в другое, меньшее по размерам, помещение. (В окно видно, как милиционеры расталкивают и оттесняют людей, расположившихся за глубоким рвом напротив здания суда.)

Продолжайте, Аметова.

Аметова: Этот документ сдан в приемную Верховного Совета и вручен 87 депутатам. Я сама лично вручала депутатам. Многие депутаты, прочитав обращение, проявляли интерес к нашему вопросу и просили дополнительные материалы. Но мы работали в условиях преследования и не могли, конечно, доставить им сразу дополнительные материалы. Если бы была такая возможность, я бы с удовольствием это сделала.

Судья: Здесь вы не объяснили выражение, где говорится о геноциде, о резервациях...

Аметова: Геноцид я понимаю так: нас выслали, лишили элементарных человеческих прав, ликвидировали автономию, уничтожили культуру, язык...

Судья: Что понимаете под выражением «насильственная ассимиляция»?

Аметова: Привезли сюда нас насильственно...

Судья: А «резервации»?

Аметова: Выслали нас в определенные районы, откуда...

Судья: Короче, вы и сейчас не отказываетесь от этой информации?

Аметова: Да, я ее полностью поддерживаю.

Судья: Следующее?

Аметова: На странице 10 обвинительного заключения сказано: «В конце июня 1968 года обвиняемые Байрамов, Бариев Айдер, Аметова и Халилова Мунире поговору между собой составили вместе письмо на имя Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций У Тана...»

рода? Он даже не утвержден сессией Верховного Совета СССР. После этого указа имели место события в Москве, в Крыму, в Чирчике. События я связываю с указом. Если бы указ удовлетворил стремления народа, не было бы и этих событий.

Судья: Вы пишете, что «правительство объявило борьбу за национальное равноправие малых народов».

Аметова: Было бы хорошо, если бы это было так. Вы, наверное, неправильно прочитали.

Судья: То есть вы пишете: «правительство объявило борьбу движению за национальное равноправие малых народов».

Аметова: Совершенно правильно. Разве не так?

Судья: А это выражение: «Хотят не только уничтожить, но и вычеркнуть из списка наций...»?

Аметова: Если Указ 1956 года еще признавал нас как нацию крымских татар, то Указ 1967 года вычеркнул нас из списка наций. В информации написано все правильно. Хочу дать дополнительные пояснения. Указ не мог выйти без ведома правительства. Правительство в курсе всего: оно сознательно предпринимает меры по ликвидации нашей нации...

Судья: У вас все по Информации № 70?

Аметова: Все. На странице 9 обвинительного заключения говорится, что в июне 1968 г. Байрамов, Аметова, Халилова, Бариев и другие одобрили и подписали Обращение представителей крымскотатарского народа к сессии Верховного Совета СССР. Сессия начала свою работу 25 июня 1968 г. Текст обращения я приняла и подписала в готовом варианте.

Судья: Кто составлял этот документ?

Аметова: Этого я не знаю. Содержание этого документа мне знакомо, и я его подписала. Обращение составлено по материалам, присланным из мест проживания крымских татар, представителями в Москве. Обращение заверено тысячами подписей. Поэтому можно сказать, что документ народный. Письма и обраще-

крымскотатарской нации. И хотят ее не только уничтожить, но и вычеркнуть из списка наций, когда-либо проживавших на территории СССР.» По поводу этого так называемого измышления я хочу дать свое объяснение.

Судья: По-вашему, это измышление или не измышление?

Аметова: Это не измышление. Я руководствовалась собственными убеждениями, когда подписывала этот документ.

Указ, вышедший в 1956 году, признавал нас как нацию, а Указ 1967 года вычеркивает нас из списка наций. Уничтожается культура, искусство крымских татар, нет возможности для развития языка. Так я понимала и думала, когда подписывала эту информацию. Я не помню полностью содержание этой информации. Но если у вас есть какие-то вопросы, я отвечу на них.

Судья: Информация № 70, том 3. Подойдите сюда, Аметова. Это и есть та самая информация? (Показывает.)

Аметова: Да. Вторая подпись в этой информации моя. С содержанием информации полностью была согласна.

Судья: Ваше мнение по поводу этой информации не изменилось?

Аметова: Нет, не изменилось.

Судья (читает отрывок информации, где говорится о бесправном положении крымских татар; упоминается академик Сахаров): Вы и сейчас считаете, что крымские татары в бесправном положении?

Аметова: Я это понимаю буквально. Я сейчас не пользуюсь всеми правами.

Судья (со смехом): Как арестованная, конечно.

Аметова: У меня и до ареста не было права проживать в Крыму.

Судья: Указ 5 сентября 1967 г. здесь назван антинародным. Вы согласны и сейчас с этим?

Аметова: Разве указ удовлетворил чаяния моего на-

документах и есть какой-то процент клеветы, то это не говорит о том, что весь документ клеветнический.

Прокурор: В зале находится ребенок. Прошу удалить.

Судья: Детей моложе 10 лет нельзя оставлять в зале суда. (Конвоиру.) Выведите!

Аметова: Это мой ребенок, его не с кем оставить дома.

Судья: Нет, ребенка надо вывести. (Секретарю.) Занесите в протокол, что в зале находится ребенок моложе 10 лет. (К матери Аметовой подходит солдат и вместе с ребенком — 7-8-летним мальчиком — выводит ее из зала.)

Аметова: Я отказываюсь давать показания, из зала вывели мою мать.

Судья: Не мать, а ребенка. Нельзя травмировать ребенка. Нам самим хватит этой травмы. Продолжайте.

Аметова: Я показания буду давать, когда в зале будет моя мать.

Судья: Объявляется перерыв на 10 минут.

(Перерыв)

Заседание продолжается в 14 час. 40 мин.

Судья: Аметова, продолжайте показания.

Аметова: Я говорила, что даже если в документах и есть какой-то процент клеветы, весь документ не может быть клеветническим.

На странице 8 обвинительного заключения указано, что в июне 1968 года Байрамов, Аметова и Халилова приняли участие в составлении Информации № 70. В этой информации изложены события с 1 по 16 июня 1968 года. Я приняла окончательный вариант этого документа, так как была согласна с его содержанием. Кто писал текст, мне неизвестно. Здесь сказано, что Информация № 70 содержит измышления, порочащие советский строй. Для подтверждения этого утверждения приводятся слова из информации: «... нынешнее партийно-государственное руководство решило твердо и настойчиво продолжать... политику уничтожения

Кадыев: Вы находились в Москве, когда была написана «Траурная информация № 69»?

Бариев: Я, кажется, тогда выезжал.

Кадыев: Я это спрашиваю в связи с 46 процентами. Эта цифра приводилась в этой информации. Может быть, вы просто списали эти проценты с этой информации?

Бариев: Нет, я об этом знал и раньше. На прошлом заседании я объяснял это.

(Судья объявляет перерыв на обед. Послеобеденное заседание началось в 14 час. 10 мин.)

Показания Аметовой Светланы

Судья: С Бариевым мы кажется закончили. Показания дает Аметова.

Аметова: Я надеюсь, что мои ответы по поводу предъявленного мне обвинения еще более осветят наш национальный вопрос.

В обвинительном заключении сказано, что я, находясь в Москве, вступила в преступную связь с Бариевым, Кадыевым и занималась составлением и распространением документов, содержащих клеветнические измышления против советского строя.

Почему-то везде в обвинительном заключении пишется: «так называемый крымскотатарский вопрос». Тем самым делается попытка показать, что мы занимались не этим вопросом, поскольку по утверждению обвинительного заключения его нет, а занимались клеветой на советский строй.

Единственной моей целью было способствовать восстановлению декрета Ленина о Крымской АССР.

На этой же странице обвинительного заключения говорится, что в документах содержатся ложные измышления. Я считаю, что документы могут быть ложными, если в них не отражены действительные факты. Ложными можно назвать документы, если описанные в них факты проверены и не подтвердились. Если даже в

Бариев: Я писал информацию, исходя из фактов и из проделанной представителями в Москве работы. Никаких направлений не было.

(Судья спрашивает Аметову, Халилову, Умерову, Гафарова, Языджиева, Эминова, Хаирова, есть ли у них вопросы к Бариеву.)

Хаиров: Известен ли вам факт, когда секретарь комсомольской организации г. Чирчика Руденко, собрав школьников — крымских татар из школ №№ 6 и 7 после событий 21 апреля, выступил с речью, где говорил, что все взрослые крымские татары предатели, что их, т.е. детей, воспитает советская власть, и призывал детей доносить на своих родителей?

Судья: Это наводящий вопрос. Снимается.

Бариев: Нет, этот случай я подробно не знаю. После событий 21 апреля я все время был в Москве. Но я слышал об этом от других. Я знаю другой случай, когда директор одной школы, выступая перед школьниками, противопоставлял крымских татар другим народам.

Кадыев: Вы говорили, что два экземпляра письма У Тану оставили у Григоренко. Оставили специально?

Бариев: Нет, просто забыл.

Судья: Вы не надеялись, что Григоренко отправит их?

Бариев: Я отвечу вам так же, как и Кадыеву. Я их просто забыл у него. Они лежали у Григоренко несколько месяцев. Если бы я просил его отправить и если бы он занимался такими делами, письма конечно были бы переправлены.

Судья: То есть вы не договаривались с ним об отправке? Вы просили, чтобы он их возвратил?

Бариев: У меня не было возможности вторично зайти к нему. Не было времени. К тому же квартира Григоренко находилась под постоянным наблюдением, и если зайти к нему, то обязательно можно было прихватить с собой «хвост». А нас и без того преследовали.

армии я хотел поступить в Крымский техникум механизации. Меня не приняли, сказали, чтобы я забрал документы обратно, так как я крымский татарин. Меня вызвал военком Советского района Корецкий и сказал, что крымским татарам нельзя жить в Крыму, потому что недалеко Турция. Моя беседа с ним изложена в заявлении на имя Генерального Прокурора СССР. Я обращался и в обком партии Крыма, все безрезультатно. С этого времени я включился в борьбу своего народа и буду продолжать борьбу до победного конца.

Сафонов: Будучи комсомольцем, вы когда-нибудь были членом конференций?

Бариев: Я был членом бюро на работе в комбинате. В армии я был членом бюро батальона, избирался делегатом на конференции. В г. Чирчике дважды был избран на городскую конференцию, по комсомольской линии имел благодарности.

Сафонов: Были ли у вас поощрения во время службы в армии?

Бариев: Да, меня командир всегда ставил в пример.

Сафонов: Какое у вас семейное положение?

Бариев: У меня две дочери 1965 и 1966 года рождения.

Сафонов: На работе были поощрения?

Бариев: Моя фотография в течение года висела на «доске почета». А когда я попал сюда, мне дали отрицательную характеристику.

Сафонов: Считаете ли вы сами свою деятельность преступной?

Бариев: Я всегда был уверен в правоте нашего дела. Нам всегда говорили, что собираться нельзя, а можно писать обращения руководителям. Я так и делал. Как видите, судят и за это. Один русский коммунист даже сказал: «Нас русских 150 миллионов, а вас всего 500 тысяч человек. Как-нибудь справимся с вами!»

Сулья: Товарищ Монахов, у вас есть вопросы?

Монахов: Нет.

Заседатель Самойлова: Давали ли вам направления при составлении информации?

Сафронов: К событиям какого времени относятся слова «варварское злодеяние» в вашем письме У Тану?

Бариев: К событиям 1944 года, к моменту выселения крымских татар из Крыма.

Сафронов: Когда вы писали о 46 процентах погибших, вы основывались на своих личных впечатлениях или рассказах взрослых?

Бариев: Я эти смерти видел и своими глазами. Например, из четырех представителей, случайно встретившихся в Москве и писавших это письмо, трое — я, Аметова и Халилова потеряли своих отцов. Я знаю женщину, которая до сих пор не знает о судьбе своих детей, потерянных во время выселения. Я уверен, что справки КГБ и МООН о 21 процентах смертности неверны.

Сафонов: Вы утверждаете, что писателю Бондарину вручили только один документ. А в обвинительном заключении говорится и о других документах — «Чирчикских громил к ответу!» . . .

Бариев: Других документов я писателю Бондарину не давал.

Сафонов: Вы считали клеветническими документы, которые вручали?

Бариев: Нет, если бы я считал их клеветническими, я бы их не сдавал. Я подписывал только те документы, где говорится о событиях, которые я видел собственными глазами.

Сафонов: Слова в обращениях, где говорится о притеснениях, относятся только к вам лично или ко всем крымским татарам?

Бариев: Ко всем, конечно. Речь идет о крымскотатарском народе.

Сафонов: Какова была цель вашей деятельности? Что вас побудило?

Бариев: Это длинная история.

Сафонов: Но вы коротко.

Бариев: Я служил в армии, был комсомольцем. После

Будучи представителем в Москве, я знакомилась с обращением крымскотатарского народа к XXIII съезду партии. Там тоже указано 46 процентов. Я лично в подсчете участия не принимала, но я верю этим подсчетам.

Судья: Вы видели документ к XXIII съезду или составляли?

Аметова: Я видела.

Судья: Вы верите, что погибло 46 процентов?

Аметова: Я верю статистике народа. По поводу письма У Тану я дала все объяснения. Если будут дополнительные вопросы, я отвечу.

Судья (показывает письмо У Тану): Эта подпись ваша?

Аметова: Да, это моя подпись.

Судья: Продолжайте.

Аметова: Далее, на странице 31 обвинительного заключения говорится, что в изготовлении Информации № 72 участвовала Аметова. Хочу дать пояснения по поводу этой информации.

Кем составлена и где составлена она, мне неизвестно. Она была зачитана перед представителями народа 31 июля. Были внесены поправки, дополнения. Во время обсуждения я принимала участие, одобрила ее и подписала. Я не считаю этот документ клеветническим. Там изложены факты, которые имели место. Чтобы назвать его клеветническим, нужно проверить эти факты.

Судья: Первая подпись ваша?

Аметова: Да.

Судья: Почему ваша подпись первая?

Аметова: Потому что подписи ставятся обычно по алфавиту. В обвинительном заключении мне и мои товарищам вменяется в вину, что мы пишем в информации о том, что в СССР по отношению к крымским татарам применяется политика геноцида, а также слова: «Требуйте то, что вам принадлежит по праву. На крымский вопрос — это вопрос о пресечении наци

Судья: Правильно, что вы составили?

Аметова: Я сейчас поясню, почему я составила письмо на имя господина У Тана.

Так как несмотря на то, что в течение многих лет народ ставит перед правительством наш национальный вопрос, но правительство не решает его, я решилась обратиться в эту организацию. Обращений в адрес правительства было очень много, времени для решения тоже. Но вопрос не решается. Письмо У Тану — это письмо частного характера генеральному секретарю организации, которая ставит себе целью соблюдение справедливости. К тому же я слышала, что У Тан мусульманин. Я тоже мусульманка, и я надеялась, что он меня поймет.

Судья: Кто поручил вам написать это письмо?

Аметова: Никто. Я руководствовалась собственными соображениями и собственным желанием. Я лично подписала 4 экземпляра этого письма. К письму были приложены и фотографии авторов письма.

Судья: Письмо доведено до адресата? Кто должен был довести до адресата?

Аметова: Я этого не знаю. Договоренности не было. Мне сказали, что копии были изъяты при обыске у Григоренко и у Улановой.

Судья: Почему вы употребляете в письме слова «варварское злодеяние»?

Аметова: Выселение народа в 1944 году я лично называю варварским злодеянием.

Вам, может быть, интересно, почему в письме указано именно 46 процентов погибших крымских татар. В 1966 году я была свидетелем того, как представители моего народа ходили по домам и делали перепись — сколько человек было в семье до войны, во время войны, сколько умерло в первые два года высылки. Так были собраны данные о смертности. Я верю статистике своего народа, тем более, что официальная статистика переписи населения не имеет графы «крымские татары».

нально-культурного геноцида, вопрос о поруганной чести и гордости крымского татарина.»

По поводу геноцида я уже говорила. Родина мне принадлежит по праву. Мне стыдно жить в стране, где творится такое. Ленин завещал не это.

Далее в информации нам вменяются в вину слова, обращенные к руководству партии и правительства: «Если в действительности существует демократия, равноправие, справедливость, и вы считаете себя истинными марксистами-ленинцами, мудрыми руководителями Советского государства, то пора бы подумать о последствиях совершаемого произвола в течение 24 лет над крымскотатарским народом...»

По этому поводу я хочу сказать, что истинных марксистов не должен вводить в заблуждение факт высылки моего народа по вымышленному обвинению. Они должны критически подойти к изучению нашего национального вопроса. Я разговаривала со многими и заметила дифференциацию взглядов. Есть люди, которые неправильно понимают наш национальный вопрос. Это оттого, что наш вопрос не освещается в печати, радио...

Судья: Вы сами пробовали выступать в газете? Кого вы обвиняете в этом?

Аметова: Это бесполезно, и вы знаете это. Я подписала единственное письмо У Тану и оказалась здесь, видимо для того, чтобы другим неповадно было писать.

Судья: Вы пробовали писать о крымских татарах-героях Отечественной войны, партизанах?

Аметова: Товарищи писали, я — нет. После отбытия срока буду.

Судья: Что вы скажете по Информации № 68?

Аметова: В момент написания этой информации меня в Москве не было.

Судья: Почему вас там указали?

Аметова: Я там не указана. Я обвиняюсь в распространении ее. Я вручала ее депутатам вполне легально,

открыто. Это я не считаю распространением. Второй адрес: Москва, КГБ при Совете Министров СССР. Сюда были отправлены документы: «К оценке текущего момента в крымскотатарском национальном вопросе...», «Кровавое воскресенье» и «Информация № 72». Я считаю, что если представители информируют правительственные органы о творимых беззакониях, то в этом нет никакого нарушения закона. Это является помощью партии и правительству.

Судья: Дальше. Следующий адрес?

Аметова: Дальше — Оренбург, кандидату наук Мушину: «Обращение представителей крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 г. сессии Верховного Совета СССР», «Информация № 71». С этими документами я согласна, подписывала и не сожалею, что отправляла.

Судья: Еще Алма-Атинский институт филологии Академии Наук Казахской ССР.

Аметова: Здесь указаны адреса, по которым я лично отправляла документы. По 11 адресам я лично сама отправляла документы.

Судья: Почему именно эти адреса? Откуда вы их брали?

Аметова: По газетам, по другим официальным источникам я искала передовиков производства, научных работников...

Судья: Какие вы преследовали цели?

Аметова: Я хотела информировать советскую общественность.

Судья: Ну что, например, вы ожидали от Института народов Азии и Африки?

Аметова: Я просто хотела информировать. Что они предпримут — дело их совести.

Судья: Чем объяснить, что частным лицам вы писали мало, а в учреждения много?

Аметова: Учреждения — это коллективы частных лиц.

Судья: Зачем в Институт народов Азии и Африки ходили?

Аметова: «... Вместе с Аметовой С. и [Асановой] Зерой посетил редакцию журнала «Азия и Африка сегодня» и распространил путем вручения сотрудникам журнала клеветнические документы...» Это на странице 40 обвинительного заключения.

Судья: Откуда вы взяли этот адрес?

Аметова: Это не очень трудно. Я сама устанавливала адреса.

Судья: Как должны были поступать эти учреждения?

Аметова: Этого я не знаю. Там говорится, что я будто просила Курганцева опубликовать «Траурную информацию № 69». Я эту информацию ему не вручала.

Судья: С его показаниями вы не согласны?

Аметова: Нет, я не согласна. Если бы речь шла о публикации наших материалов, то я не стала бы выделять Информацию № 69, а просила бы обо всех документах. Мы с Умеровым были также в Институте международного рабочего движения, в Академии медицинских наук. Цель та же. Какую именно информацию вручала, не помню.

Судья: Вы не считаете это преступлением?

Аметова: Не считаю. Что преступного в том, что я пришла в государственное учреждение и принесла документы? Я не отрицаю факты составления и распространения, но не считаю эти действия преступными. С показаниями свидетельницы Гарифовой, что я принимала участие в обсуждении Информации № 70 и Обращения к сессии, я согласна. Курганцев заявляет, что я будто сказала: «Если информация не будет опубликована, то будет хуже.» Этого я не помню. Я не согласна с его показаниями.

Судья: В итоге, значит, вас обвиняют в составлении и распространении информации №№ 70, 71, 72, 73, Обращения к сессии Верховного Совета и письма У Тану. Далее идет распространение. Вы со всем согласны?

Аметова: Все факты я не отрицаю и не считаю эти действия преступными. Еще я хочу дополнить. На прошлом заседании вы спросили Бариева: «Считаете вы правильными такие методы работы?» Я не знаю, какой метод более правильный. Когда я была представительницей в Москве, мы неоднократно обращались с просьбой предоставить помещения и условия для нормальной работы. Но ничего руководством предпринято не было. Если бы они предприняли что-нибудь, многие вопросы были бы решены. Мы все делаем открыто, никаких секретов из своей деятельности не делаем. Мы методы выбирали сами.

Судья: Объявляется перерыв на 15 минут.

(Перерыв. Время 15 час. 55 мин. Заседание продолжается в 16 час. 20 мин.)

Прокурор: Что вы понимаете под «народной статистикой»?

Аметова: Народная статистика — это статистика, которую ведет сам народ.

Прокурор: Кто конкретно вел эти подсчеты?

Аметова: Народные представители.

Прокурор: Кто именно?

Аметова: Этого я не могу сказать.

Прокурор: Когда это было?

Аметова: В 1966 году.

Прокурор: Вы сказали, что весь документ не клеветнический. А какую часть вы считаете клеветнической?

Аметова: Свое мнение по поводу документов я уже сказала.

Прокурор: По поводу Информации № 70 вы сказали, что не вся она клеветническая. А какая же часть клеветническая?

Судья: В ней нет ничего клеветнического?

Прокурор: Из ваших показаний видно, что часть ваших документов вы считаете ошибочной.

Аметова: Ничего подобного я не говорила. В них все верно. Там изложено все на основании фактов.

Прокурор: Здесь есть выражения «геноцид», «насильственная ассимиляция»... Вы все это считаете правильным?

Аметова: Да. Я высказала свои определения этих выражений. Может быть, они не совпадают с официальными определениями. Судите как вам угодно.

Прокурор: У вас какое образование?

Аметова: Я кончила Янгиюльское медучилище.

Прокурор: В общественной жизни принимали участие?

Аметова: Да, и сейчас принимаю. За активное участие в общественной жизни меня и посадили на скамью подсудимых.

Прокурор: Какую школу вы кончили?

Аметова: Среднюю школу имени Горького в г. Янгиюле.

Прокурор: И вы считаете правильными эти выражения?

Аметова: Я изложила свои понятия.

Судья: У адвокатов есть вопросы?

Заславский: Какую власть вы считаете для себя приемлемой?

Аметова: Советскую.

Заславский: Вы анализировали все слова, когда подписывались?

Аметова: Я подписывала документы, потому что там были отражены действительные факты.

Заславский: Правильно я вас понял, что основной вашей целью было отражение фактов? Вы верили в то, что писали?

Аметова: Да.

Заславский: Были непонятные выражения в подписываемых вами документах?

Аметова: Нет.

Заславский: Что такое креатура? Это слово есть в Обращении.

Аметова: Не знаю. Я не придавала этому слову значения.

Заславский: Что вы понимаете под клеветой?

Аметова: Заведомую ложь.

Заславский: У вас были сомнения в статистических народных данных?

Аметова: Нет, я верю народу.

Заславский: Вопросов к подсудимой у меня больше нет.

Судья: У кого есть вопросы к Аметовой?

(Вопросов ни у кого нет.)

Судья: У нас осталась работа об окончательном утверждении описки свидетелей.

Кадыев: У меня есть ходатайство. Я прошу вызвать дополнительно 9 свидетелей по поводу нашего утверждения о 46 процентах смертности крымских татар.

Судья: В ходе рассмотрения вопроса могут быть дополнительные ходатайства. Мы их обсудим.

Кадыев: Я настаиваю на том, чтобы суд рассмотрел мое ходатайство до моего опроса. Это крымские татары, которые принимали участие в учете погибших в местах резерваций.

Прокурор: Кто их уполномочил?

Кадыев: Народ. Народ уполномочил не только их, но и нас бороться за свои права.

Прокурор: Где они проводили этот опрос?

Кадыев: Почему я должен отвечать на этот вопрос? Я прошу вызвать их, чтобы вы им задали вопросы.

Монахов: Я поддерживаю вызов дополнительных свидетелей по следующим соображениям. Подсудимому Бариеву предъявлено обвинение в искажении данных о смертности крымских татар. В деле имеются документы о смертности. Из двух справок КГБ видно, что эти данные не точны. Данные могут быть проверены только свидетельскими показаниями.

Прокурор: Делать переписи — это сложное государственное дело. Для того, чтобы произвести опрос, требуются ресурсы, много лиц. Свидетели могут сказать об отдельных случаях. В каждой семье есть погибшие,

умершие, вновь родившиеся и среди лиц, приехавших из Крыма. Вызовом определенного количества лиц мы никак не получим ответа.

Судья: Объявляется перерыв на 15 минут.

(Перерыв. Время 16 час. 15 мин. [?]. Заседание продолжается.)

Судья: Определение написано большое. Мы не будем читать его все. Я скажу его основное содержание. Из списка 108 свидетелей, названных в обвинительном заключении, мы решили вызвать 54. Мы исключили тех, кто ничего не знает и кто дублирует показания предыдущих. Из числа дополнительных свидетелей решили вызвать: Ибраимова, Головацкого, Мустафаева, Гафарова, Умерова, Карабашева, Османову М., Сейдаметова, Изетдинова, Кириченко, Нургалина, Исмаилова, Сулейманова. Всего будет 65-70 свидетелей.

Кадыев: У меня есть отводы прокурору и составу суда.

Судья: У нас есть соображения насчет перерыва. Мотивы скажете завтра.

(Перерыв до следующего дня)

П р и л о ж е н и е: Определение судебного заседания по списку свидетелей — 7 июля 1969 г.

Определение судебного заседания
7 июля 1969 г. — г. Ташкент.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда УзССР, в составе председательствующего Сайфутдинова, народных заседателей Исмандиярова и Самойловой при секретаре Аплеттаеве, с участием заместителя начальника отдела прокуратуры УзССР, советника юстиции Ерыкалова, адвокатов Монахова, Сафонова, Заславского, при рассмотрении уголовного дела по обвинению Байрамова, Бариева, Халиловой и других, всего десять человек, обсудила ходатайство защитни-

ков, подсудимых и заключение представителя государственного обвинителя об уточнении описки свидетелей, подлежащих вызову в судебное заседание. При этом суд обсудил также ходатайства о вызове дополнительных свидетелей, не включенных в список при обвинительном заключении.

Адвокат Монахов выступил от имени защитников и их подзащитных, заявил, что они настаивают вызвать из числа свидетелей, названных при обвинительном заключении, всего девять человек, одновременно просят вызвать дополнительно 22 человека, список которых представил суду, мотивируя это тем, что данные свидетели могут показать о фактах, изложенных в документах, составленных подсудимыми, признанных по делу заведомо клеветническими измышлениями.

Адвокат Сафонов для этих же целей просил вызвать свидетеля Изетдинова, ранее допрошенного (т. 9, л.д. 67).

Подсудимый Байрамов отказался от услуг адвокатов, представленных судом, заявив о своем ходатайстве вызвать дополнительно 157 человек свидетелей. В том числе подписавших документ под названием «Протест школьников Бекабада» 100 человек, и подписавших другие документы.

Прокурор в своем заключении заявил, что подсудимый Кадыев также отказался от защиты со стороны адвокатов, заявил о вызове дополнительных свидетелей: Григоренко, Белгородскую и Дементьеву для проверки фактов, изложенных в Информации № 69; Кириченко Славу для проверки фактов, изложенных в «К мировой общественности»; Нургалина для допроса о том, признавался ли клеветническим «Письмо в ЦК КПСС». Он же ходатайствовал вызвать Алиеву Зекие.

Подсудимый Языджиев, также не желавший пользоваться услугами адвоката, заявил, что он воздерживается заявлять ходатайства по данному поводу.

Прокурор в своем заключении полагает, что суд должен отклонить все ходатайства подсудимых и адвока-

тов о вызове дополнительных свидетелей. Только часть этих свидетелей выставляется для проверки фактов, имевших место в различных районах страны, для пресечения и предотвращения преступных действий отдельных лиц.

Другие свидетели выставляются по эпизодам, не вменяемым подсудимым в вину. Из числа свидетелей, указанных в списке при обвинительном заключении, прокурор полагает возможным не вызывать девять человек, фактически дублирующих показания других или не являющихся в курсе какого-либо события.

Судебной коллегией, руководствуясь ст. 258 УПК УзССР,

определено

1. Вызвать на суд пришедших свидетелей, названных в списке при обвинительном заключении:

№№ 2, 9, 12, 14, 15, 16, 17, 21, 23, 24, 28, 29, 30, 31, 35, 32, 37, 39, 40, 41, 43, 44, 48, 49, 50, 51, 53, 56, 61, 62, 67, 68, 70, 71, 72, 79, 80-82, 84, 85, 86, 90, 89, 87, 92, 93, 96, 98, 100-102, 104.

2. Вызвать дополнительно указанных в ходатайстве подсудимых и адвокатов Ибраимова, Головацкого, Мустафаева, Гафарова том 13, (л.д. 90), Карабашева, Османову М., Сейдаметова, Изетдинова том 9, (л.д. 67), Кириченко (168) д[?], Нургалина, Исмаилова, В. Сулейманова, Умерова.

3. Остальных свидетелей, как включенных в список при обвинительном заключении, так и названных в ходатайствах подсудимых и адвокатов, в суд не вызывать.

Председательствующий
Народные заседатели.

ШЕСТОЙ ДЕНЬ СУДА

8 июля 1969 г.

[В этот день велось прения об отводе прокурору и составу суда. Потом дали показания Мунире Халилова,

Риза Умеров и Руслан Эминов. В сборнике материалов по процессу имеется только запись показаний Руслана Эминова. Информация № 2 сообщает о ходе прений об отводах и о показаниях Мунире Халиловой и Ризы Умерова следующее:]

Шестой день суда начался с заявления Кадыева по отводу прокурору и составу суда. Давая отвод государственному обвинителю, Кадыев мотивировал тем, что прокурор пытается увести суд от рассмотрения сущности дела, он пытался заставить суд отклонить наши ходатайства и всех свидетелей, которые могут подтвердить события и факты, содержащиеся в документах.

Все представители заявили свой отвод прокурору, мотивируя тем, что он оказывает давление на суд и не хочет вникать в первооснову и причину, явившуюся основой в составлении документов, якобы порочащих по мнению обвинения советский общественный строй.

Недоверие своих подзащитных государственному обвинителю поддержали адвокаты: Монахов, Заславский и Сафонов, имея ввиду, что прокурор полностью старается отвергать все доводы защиты.

Прокурор, выступив снова с нападками на представителей народа, настаивает на том, чтобы суд отклонил ходатайства наших представителей.

Суд выносит определение: Заявленный отвод не удовлетворить.

Начинается разбирательство дела Халиловой Мунире.

Перед нами встает молодая дочь нашего народа, родившаяся вдали от Родины своих предков в местах резервации. Громко звучит в зале: «Я ездила в Москву для оказания помощи в решении крымскотатарского национального вопроса, и не так называемого, как об этом написано в обвинительном заключении.» Нельзя без восхищения слушать ее слова: «Я счастлива, что хоть мало времени, но я явилась представителем моего народа в Москве, борцом за его справедливое дело — возвращение на Родину — Крым и восстановление

национальных прав.» Как известно, в страшных условиях спецрежима умерли мученической смертью безвинные сыны и дочери нашего народа. В обвинительном заключении не постеснялись торгашески вести демагогию о процентном соотношении смертности нашего народа в первые годы режима, — на это Мунире заявила: «По поводу 46 % смертности крымскотатарского народа у меня сомнений нет. Я верю статистике народа, ибо в официальной статистике крымские татары не числятся».

Судья: Кто привлек вас к этой работе?

Халилова: «Я сама пришла к выводу, что должна бороться за то, чтобы мой народ жил на Родине — Крыму. За это я и мои товарищи посажены на скамью подсудимых», — мужественно и тордо! Так предстала пред нами наша Мунире!

Встает Умеров Риза — человек, на лице которого искренность, улыбка надежды и веры в справедливость, за плечами которого тяжелые годы войны, раны и мучения. Он об этом здесь не говорит, не старается об этом знать и суд. Из его показаний присутствующие еще раз узнают о холодно-бездушном отношении небызвестных нашему народу дергачей, зубенок, занимающих посты в Крыму и осердно исполняющих всякого рода беззакония и издевательства над вернувшимися на основании Указа от 5/IX-1967 года крымских татар. В числе преследуемых оказался и этот человек, биография которого должна заставить подзадуматься каждого о своем месте в обществе и о горькой судьбе нашего многострадального народа.

Монахов: Вы воевали за Крым, бабушка, жена, племянница, которую повесили немцы — все вы участники борьбы за Крым. Никто из ваших близких не оставался в стороне. Могли ли вы принять выселение, как справедливость?

Умеров: Нет. В 1944 г. немцы поймали моих родителей. Отца хотели расстрелять, но слезы родных как-то

тронули их, и немцы отправили их в Симферопольскую тюрьму. Наши освободили их из тюрьмы и с теми же автоматами погрузили в эшелоны и выслали в Среднюю Азию. Сейчас каждый сопляк называет меня изменником и предателем. Обидно. Я тоже человек, но его обвинить не могу — его так воспитали. научили, он читал эти книги. Почему сейчас обсуждается каждое слово, каждая буква? В чем мы виноваты? Кто будет за это отвечать? Я читал о героях 1941-45 гг, но я не встретил ни одного крымского татарина. У нас есть 8 героев СССР. (Из зала: 14.) Почему о них никто не пишет? Не знают? В газетах, даже в центральных, героев крымских татар не встретишь. Почему? В Керчь для подпольной работы была направлена «Аня» — Алиме. Она организовала работу, создала подпольную организацию в 70-75 чел. Она настоящий герой! Крымские татары собрали много ценных документов и послали в «Комсомольскую правду», но эти документы до сегодняшнего дня не опубликованы в этой газете.

Я и мой народ хотим вернуться на национальную Родину. Нам говорят: «Почему ваша родина не Советский Союз?» «Да наша Родина — Советский Крым.» Мы ценим свою Родину, а нас никто не хочет понимать, несмотря на то, что прошли XX-XXIII съезды, а наши товарищи томятся в тюрьмах. Если это в ваших силах, граждане судьи, сообщите в ЦК, а то мы пишем, ходатайствуем, но нас никто не слушает а только сажают в тюрьму.

Показания Эминова Руслана Якубовича

Эминов: В обвинительном заключении, где касается меня, следствием, вместо того, чтобы согласно статье 14 и статье 17 Основ [уголовного] судопроизводства и статье 49 УПК УзССР раскрыть обстоятельства и причины, приведшие меня и моих товарищей [на скамью подсудимых], сделано литературное отступление. (Зачитывает обвинительное заключение лист 41, абзац 2 о

нелегальной инициативной группе крымских татар в городе Ташкенте.)

Если существует нелегальная преступная группа, то дело следствия, наверное, раскрыть ее, а не предоставлять суду задачу по раскрытию ее.

Я знаю, что инициативные группы существуют во всех городах, где проживают крымские татары, и списки членов этих групп в первую очередь переданы в ЦК.

В инициативные группы входят самые честные товарищи крымских татар, имеющие стройное неугасимое желание вернуться на Родину и помочь в этом всему народу. Они после напряженного трудового дня выполняют наказы народа, доводят до его сведения положение нашего вопроса в текущий момент, помогают писать заявления и обращения и массу еще других дел и поручений. И вот это делается среди народа, вместе с народом и вполне легально. Ведь и Указ от 5-го сентября 1967 года явился результатом их деятельности, ведь никто за 25 лет из партийных и правительственных организаций и общественно-политических деятелей не сделал ничего существенного для разрешения нашего вопроса.

Но в обвинительном заключении ни слова не говорится о причинах и мотивах, вызвавших [составление] инкриминируемых нам документов и образование инициативных групп. Поэтому, касаясь существа обвинения, я начну с причины, побудившей меня предпринять поездку в Москву и дальнейшие мои действия.

В начале августа 1967 года я получил отпуск и вылетел в Крым. Там, в Севастополе, в августе жена родила сына. Побыл месяц и 10 сентября уже в самолете перед взлетом на своем кресле взял лежащую газету Правда Востока и не садясь взглянул на газету и в глаза мне сразу же бросился Указ Президиума Верховного Совета СССР о гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму, от 5 сентября 1967 года.

Не скрою, какое сильное волнение охватило меня, не передать мне [что я чувствовал, читая] этот долгожданный указ. Сердце неистово забилося, я пожалел, что с трудом достал билет и сел на самолет.

Как долетел до Ташкента, не заметил. Всю дорогу я рассказывал пассажирам о нашем движении. Поработав два месяца и оформив премию за рацпредложение, я получил 364 рубля, рассчитался и вылетел снова в Крым с целью устроиться на работу. Пока я был в отпуске, уже тогда зондировал и обнаружил, что для строителей в Крыму работы непочатый край.

В Крыму я пробыл семь месяцев. Семь тяжелых, полных унижений и оскорблений, в мытарствах и в поисках работы месяцев. Работы было много, даже очень много, только не для крымского татарина. В трех местах подписал заявления, но узнав, что я крымский татарин, отказали. Так было в Межколхозстрое по улице Желябова № 24. Мне сначала предложили поехать в Белогорск главным инженером, но потом, когда узнали, что я крымский татарин, отказали, сказав, что туда, оказывается, присылают специалиста из Киева, и предложили мне работу прорабом в Бахчисарае. При этом было сказано: «У нас есть работа прораба в Бахчисарае, но вы наверное не согласитесь.» А когда я дал, не задумываясь, свое согласие, мне отказали, сказав, что надо будет месяц подождать, а когда я предложил месяц проработать на любой работе, мне отказали категорически. В ПМК-3 Крымсельстроя по улице Крайней 46 начальник отдела кадров гражданин Мангуплы заявил: «Что ходишь, морочишь голову себе и другим, хоть ты и золотой специалист, знай, что татар здесь не прописывают.» Я сказал, что есть указ, он ответил: «Указ не для нас. Здесь Украинская ССР», и выругался. Был я и в совхозах и в колхозах, но везде, узнав, что я крымский татарин, меня выпроваживали.

Судья: Вам отказывали как крымскому татарину?

Эминов: Нет, выпроваживали вежливо, таких гру-

бостей, как Мангуплы, в лицо не говорили. В это время жену положили в больницу и сделали операцию. Ей удалили почку, я же два месяца был с детьми. Сыну тогда было 6 месяцев. Находясь в Крыму, я переписывался с Ташкентом и по договоренности выехал представителем в Москву.

Я понял, что один человек ничего не сможет добиться, только при полном и окончательном решении нашего вопроса отпадут личные надежды по трудоустройству и прописке всех крымских татар. Мои хождения по мукам определили мое решение добиваться разрешения нашего крымскотатарского вопроса о возвращении в Крым и восстановлении автономии совместно со всем народом. В Москву я приехал 14 мая 1968 года. В гостинице меня естественно не прописали, но я был уже не один, к этому времени в Москве уже было около 600 представителей, может больше. Они помогли мне устроиться. 15 мая были в приемной прокуратуры СССР, а ночью нас подняли и привезли в милицию и заставили подписаться о немедленном выезде. Кроме меня одного, у всех были выписки из приказа о нахождении в трудовом отпуске и даже четверо были прописаны в гостинице. Мы спрашивали, почему мы должны выехать, нам не объяснили и только пригрозили, что выбросят из Москвы силой.

Они сдержали свое обещание. Это я увидел на следующий день. В четыре часа мы вдвоем с товарищем приехали в район гостиниц «Алтай» и «Заря». Сойдя с автобуса, сразу поняли все. Мой товарищ уже был очевидцем Ташкентских и Чирчикских событий, его это поразило меньше. Мы стали очевидцами очередной облавы на крымских татар. Картина была страшная и жуткая, весь район был плотно оцеплен отрядами милиции, а в этом оцеплении милиция, дружинники и молодые ребята со значками. Группами останавливали прохожих и проверяли документы. Нам удалось пройти два поста, благо у нас не черная, как у негров, кожа и при себе не было паспортов. По улицам легковые

милицейские машины с рациями. Очень много было высшего офицерского состава милиции. Мы дошли до центральной аллеи, где обычно собирались крымские татары, и увидели, как наших представителей заталкивают в машины. Находиться больше было опасно, так как начали собирать всех смуглолицых. Мы быстро прошли в кино, находящийся в этом же районе в оцеплении, и пробывали там два часа. Выйдя из кино, мы прошли вдоль главной аллеи, там так же, как обычно, былолюдно, но это уже был другой контингент, а не крымские татары. А вновь прибывающих, которые подходили к скамейкам с традиционным «селям алейкум», тут же забирали. Неожиданно заскочив в автобус, мы вырвались из кольца оцепления. Переночевали в вестибюле гостиницы Россия, а утром направились к зданию ЦК с целью сообщить о случившемся, что представителей, направленных народом для ходатайства перед партией и правительством, грубо, дико схватили и увезли неизвестно куда. Но к зданию ЦК мы все с тем же товарищем подойти не смогли. Кордоны милиции преградили нам путь, издали мы наблюдали, как и здесь, перед парадным подъездом с золотыми буквами, где развевается красный флаг с серпом и молотом, заталкивали ходоков за справедливость в черные вороны. Несколько дней мы, как зайцы, бегали по Москве. А затем, встретив своих товарищей, чудом уцелевших и бежавших с пути этапирования, решили собраться на станции Левобережная, чтобы обсудить создавшееся положение. На Левобережной собралось человек 80, может больше, не считал. Все были единогласны, что во-первых надо о случившемся довести до сведения партии и правительства и народа, который нас делегировал в Москву. Здесь же начал каждый, кто желал, писать то, что с ним лично произошло, в виде письма. Тут же и я, со слов женщины из Душанбе, записал виденное и пережитое ею за эти дни. В конце письма она расписалась, и этот листок забрал один высокий

светловолосый парень. Потом через несколько дней я подписал уже готовый текст Экстренной информации, на какой-то станции метро. Мы тогда по-много не собирались. 6 июля я получил, с опозданием на день, телеграмму, поздравляющую меня со днем рождения, и, проходя мимо памятника Карлу Марксу, увидел на скамейке 4 крымских татар, подсел к ним и через несколько минут был арестован вместе с ними. Прдержав сутки в милиции, нас всех пятерых выпроводили на поезд из Москвы, правда, бесплатно.

Приехав в Ташкент, на следующий день я поступил на работу. Жители поселка Ташавтомаш, откуда я был делегирован в Москву как представитель, при встрече со мной спрашивали, что произошло в Москве, по слухам они уже кое-что знали. И когда поступили информации, я сказал об этом встретившим меня, и в воскресенье мы собрались дома у Анафиева.

Судья: Информацию вы получили по почте, там был обратный адрес?

Эминов: Да, по почте, обратный адрес был Москва, И-106, до востребования, и подпись.

Судья: Откуда знали ваш адрес?

Эминов: Находясь в Москве, я его оставил представителям.

Судья: Вы там зачитывали 69, 70 и 71 информацию?

Эминов: Я не помню, читали и другие. 71-й не было.

Судья: О собрании в доме Умерова?

Эминов: К концу августа я обнаружил у себя в почтовом ящике документ «К оценке текущего момента в крымскотатарском национальном вопросе в свете событий 16-18 мая в Москве и Крыму». Об этом документе я уже знал со встречи членов инициативных групп города Ташкента, там же были бланки с заголовком для подписей.

Судья: Вы по почте получили?

Эминов: Нет. Штампа и адреса на конверте не было, вероятно, кто-то, придя домой и не застав меня, опу-

тил в почтовый ящик. Затем я на очередном собрании — у нас собрания бывают через две недели регулярно, так как два раза в месяц выходят информации из Москвы, да и кроме того, собираемся, чтобы обсуждать и подписывать письма, направляемые в Москву. Анонимные письма распространяются, тоже надо собираться зачитывать их, так как они не всем поступают, отвечать провокаторам, так что причин собираться много. Вербовка началась, тоже надо собираться и обсудить.

На собрании в доме Умерова Ризы я зачитал текст обращения к ЦК под названием «К оценке текущего момента» и одобдившие его подписали.

Судья: Умеров был на этом собрании?

Эминов: Нет. Он в это время вместе с женой находился в Крыму, дома были дети.

Судья: А как же вы?

Эминов: С Умеровым я очень хорошо знаком, у них большой двор, и я счел возможным там собраться. Мы сидели на скамейках во дворе.

Судья: Много было там народу?

Эминов: Нет. На этот раз мало, человек 25-30.

Судья: Что вы сделали дальше с этими подписями?

Эминов: Я их повез на следующий сбор членов инициативных групп и передал Али-Агья, который должен был вылететь делегатом в Москву.

Судья: С содержанием вы согласны?

Эминов: Да. С содержанием всех документов, которые я подписал, я полностью согласен, тем более, я сам был очевидцем этих событий. Все наши документы направленные в партийные и государственные органы, и уже по своему адресату они никак не могут порочить советский государственный и общественный строй, так как мы к нему обращаемся, просим его, ждем у него решения и надеемся на него. В наших документах речь идет о злоупотреблениях отдельными руководителями, а отдельная личность никогда еще не была основой

советского общественного строя. Более того, когда на XX съезде развенчали культ личности, никто не сказал, что в этом виноват наш государственный и общественный строй, а были указаны отдельные виновники творимого произвола. Мы знаем в органах злодеяния шайки Берия и Абакумова, Ягоды и Ежова. Мы обращались к партии. Я, в противовес своим товарищам, имел возможность готовиться к процессу и изучил труды Ленина по национальному вопросу, решения съездов и пленумов по национальному вопросу и вообще широкую политическую и юридическую литературу вплоть до международного права.

Так что я не встретил ни одного решения партии, [направленного] на дискриминацию и выселение малых народов, а наоборот, во всех решениях указывается на расширение прав национальных меньшинств, укрепление дружбы народов и интернациональную солидарность.

В 1944 году 18 мая мы были высланы по решению правительства. Я никогда не забуду этот страшный день. В памяти ребенка события запечатлеваются отдельными картинками, и хронологию можно восстановить только по рассказам взрослых. Я помню эту ночь, очень хорошо помню, помню лучше чем вчерашний день, помню злобные лица солдат, помню автоматы и помню, что шел мелкий дождь. Да, я помню, и не я виноват, что забыть не могу, да такое забыть будет преступлением. Это надо помнить всем, чтобы такое никогда больше ни с одним народом не повторилось.

Так вот, было решение правительства в нарушение всех решений партии. На XX съезде партией были осуждены действия тогдашнего правительства и было решение о восстановлении ленинской национальной политики. Согласно решению XX съезда партии были возвращены на Родину и восстановлены права и автономия чеченцев, ингушей, балкарцев и калмыков. То же самое должно было последовать и в отношении нас,

так как партия не имеет отдельной национальной политики для чеченцев, ингушей и отдельно для крымских татар, а партия в своих решениях исходит из равенства и равноправия наций и имеет единую национальную политику для всех наций и народностей, узбеков, украинцев и татар.

Но правительство и на этот раз не выполнило решение партии до конца. По сути Указ от 5 сентября 1967 года является результатом решений XX съезда, хотя и не доведенным до конца, хоть и был издан через одиннадцать лет. Другого решения партии не было, и я думаю, не будет, так как его и не надо, надо использовать уже бывшее решение. Так что в этом вопросе правительство не исполнило решения партии.

Мы знаем, что многие руководители правительства препятствовали проведению в жизнь решений партии и восстановлению ленинских норм партийной демократии. Так была вскрыта антипартийная группа Молотова, Кагановича, Маленкова, Сабурова, Первухина, Булганина, Ворошилова и примкнувшего к ним Шепилова.

И до сих пор есть еще силы, препятствующие восстановлению ленинских норм и принципов. Поэтому мы хотели довести до сведения всех членов партии, всех участников XX съезда, что их решение не используется. Все наши документы направлены политическим и общественным деятелям, и только коммунистам. А события, изложенные в документах, имели место. Поэтому все, что я делал и делали мои товарищи, считаю правильным и виновным себя не признаю, тем более ознакомившись и изучив *Ленина*. Мы действовали по-ленински.

У меня все, если я что пропустил или что вас интересует, пожалуйста, задавайте вопросы, я отвечу.

Председательствующий: Вопросы будут?

Судебные заседатели: Нет.

Прокурор: Нет.

Эминов: Здесь моим товарищам задавали вопросы о насильственной ассимиляции, геноциде, проценте смертности, уничтожении.

Судья: Нет, не надо.

Эминов: Нет, я хочу сказать об уничтожении крымскотатарской нации с марксистской позиции.

Судья: Нам этого не нужно.

Эминов: Почему же? Вот вы как-то на предыдущем заседании сказали, что являетесь татаринном, я же докажу, что вы не татарин.

Судья (смеется): Ну как же так?

Эминов: А исходя из четырех признаков отпределения нации: общность территории, общность языка, экономической жизни и психологического склада, то есть общность культуры и истории.

Судья: Нет, нет, хватит. У защиты будут вопросы?

Эминов: Я же готовился.

Монахов: Скажите пожалуйста, у вас кто-нибудь служил в армии, погиб во время войны из ваших близких родственников?

Эминов: Да как же. Когда во время войны все взрослое мужское население было призвано в армию, и все мои дяди, достигшие призывного возраста, были в армии. Двое погибли — это дядя Якуб, отец моего двоюродного братишки Сейрана (а Сейран умер здесь в Узбекистане в первый год от голода), отец моего двоюродного брата Февзий. А отца Светланы, дядю Мустафу, немцы закопали живым, он оставлен был для организации партизанского движения. Остальные вернулись в 1946 году.

Монахов: Сколько вам было лет при выселении, и помните ли что-нибудь?

Эминов: Помню, очень хорошо помню, помню лучше чем вчерашний день и забыть это я не могу. Мне в ту роковую ночь 18 мая 1944 года еще не исполнилось 5 лет, но в памяти ребенка, оказывается, запечатлеваются отдельные картинки, конечно, хронологическую

последовательность этих картинок я восстановил уже потом со слов старших... Но эта ночь... Эти лица, озлобленные лица солдат, которых недавно с такой радостью встречали... Я помню и приход Красной Армии. Когда нас выгнали на улицу, моросил дождь. Я поднял голову, чтобы посмотреть, не слезы ли матери на меня падают. Да. Плакала и моя мать, и моя мать-Родина...

Это тяжело очень, нас привезли и поместили в бараки, я еще в дороге заболел дизентерией. Да что об этом говорить, об этом все находящиеся здесь очень хорошо знают. Это судьба всех моих чудом оставшихся в живых сверстников. Правда, и осталось нас очень и очень мало, и оставшимся сейчас нет покоя. Но они в основном в первых рядах движения моего народа. И еще, я очень не любил драться, но дрался из обиды, когда меня называли предателем, продажной шкурой, меня, когда мне-то было неполных 5 лет. Но это также типичная судьба моих сверстников. Мне тяжело вспоминать.

Судья: Вопросы еще будут?

Адвокаты: Нет.

Судья: Кто у нас следующий? Хаиров, прошу вас.

[Видимо суд решил потом откладывать показания И. С. Хаирова до следующего дня.]

Приложение: Определение судебного заседания по ходатайствам об отводе прокурору и составу суда. — 8 июля 1969 г.

Определение судебного заседания
8 июля 1969 г. — г. Ташкент

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда УзССР в составе председательствующего Сайфутдинова, народных заседателей Исмандиярова, Самойловой, при секретаре Аплетаеве, с участием заместителя начальника отдела прокуратуры УзССР советника юстиции Ерыкалова и адвокатов Монахова, Сафо-

нова, Заславского, рассматривая уголовное дело по обвинению Байрамова, Бариева и других, всего 10 человек, обсудила ходатайство подсудимых Кадыева и Байрамова об отводе прокурору и составу суда, а также ходатайства других подсудимых и адвокатов об отводе прокурору.

Отвод представителю государственного обвинения Ерыкалову заявил подсудимый Кадыев, мотивируя это тем, что прокурор давал в суде заключения против проверки судом фактов и событий, положенных в основу документов, составленных и вменяемых в вину как клеветнические измышления. Прокурор также дал заключение об отклонении ходатайств подсудимых и адвокатов по поводу вызова дополнительных свидетелей. Он пытается заранее составить мнение о подсудимых и навязать это мнение суду — осудить их без проверки доказательств. В ходе допроса подсудимых Бариева, Аметовой, заявил далее Кадыев, прокурор вовсе не интересовался мотивами и причинами, побудившими составить тот или иной документ. Он своими вопросами пытается доказать, что Аметова виновата только в том, что она подписывала отдельные бумаги. Прокурор пытается, по словам Кадыева, увести суд от разбора предъявленного им обвинения.

Подсудимый Байрамов поддержал отвод прокурору, также все остальные 8 подсудимых и все три адвоката, по мотивам, изложенным их подзащитными.

Отвод составу суда заявил также подсудимый Кадыев, указывая на то, что в составе суда исключительно члены партии, являющейся в нашей стране правящей и единственной. Обвинение вменено с формулировкой о посягательстве на основы общественного и государственного строя, руководимого этой партией. В таком составе суд не является в полной мере беспристрастным и не будет в состоянии объективно разобрать наше дело. Далее Кадыев заявил, что дело неподсудно Верховному Суду Республики, потому что они — Ка-

дыев и Байрамов ко времени отправления Информации № 69 в КГБ не были в УзССР. Этот момент отправления информации обвинительное заключение считает поводом к возбуждению уголовного дела. Кадыев указал, что состав суда назначен Президиумом Верховного Совета УзССР. Председатель этого Президиума при встрече с представителями крымских татар высказала свое мнение о необходимости задержания нашего народа в Узбекистане.

По этим основаниям состав суда также не может быть беспристрастным. При обсуждении наших ходатайств суд почти полностью остался на позициях, за которые ратовал прокурор, заявил далее Кадыев. Следовательно, суд стоит в зависимости от данного прокурора.

Подсудимый Байрамов полностью по всем пунктам поддержал Кадыева, заявил, что он сам также заявляет отвод суду.

Адвокаты Монахов, Заславский и Сафонов, а также все остальные подсудимые — Хаиров, Бариев, Аметова, Халилова и другие, каждый в отдельности, заявили, что отвода составу суда не заявляют.

В заключении прокурор заявил, что отвод составу суда со стороны Кадыева и Байрамова не основан на законе. Статья 32 УПК УзССР дает перечень оснований для отвода. Приведенные Кадыевым основания — особенно на почве принадлежности судьи к членам КПСС — нельзя признать соответствующими этой статье УПК. Прошу отвод суду отклонить. Об отводе самому представителю государственного обвинения прокурор заключения не давал.

Судебная коллегия считает, что заявленный отвод представителю государственного обвинения и составу суда не основан на законе, противоречит требованиям ст. 32 УПК УзССР. Полномочия судей, разбирающих данное дело, основаны на Конституции и законе судопроизводства УзССР. Принадлежность их к членам

КПСС и выборность Верховным Советом УзССР не может служить основанием к отводу.

Данное уголовное дело принято в производство Верховного Суда УзССР в соответствии с требованиями ст. 203 УПК УзССР. Квалификация организации следствия отдельных эпизодов обвинения по уголовному закону других союзных республик не является препятствием рассмотрения дела судами УзССР.

Руководствуясь статьей 258 УПК УзССР судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда УзССР.

о п р е д е л и л а :

Отводы, заявленные составу суда и представителю гособвинения, оставить без удовлетворения.

Дело продолжать рассмотрением по ранее намеченному порядку.

Председатель: (Сайфутдинов)

Заседатели: (Исмандияров)

(Самойлова)

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ СУДА

9 июля 1969 г.

Заседание началось в 10 час. 15 мин.

Показания Хаирова Иззета

Судья: Если Байрамов изменит свое решение и даст показания, то дадим ему слово.

Байрамов: Нет, я показаний давать не буду.

Судья (секретарю): Так запишите в протокол. Слово предоставляется Хаирову.

Хаиров: Граждане судьи. Я хочу дать пояснения по существу предъявленного обвинения. Но прежде хочу ввести вас в курс событий, приведших меня на скамью подсудимых.

С 18 мая 1944 года история крымскотатарского народа начинается с новой главы. За период до 1956 года погибли десятки и десятки тысяч моих соотечественников. Эти смерти я видел своими глазами.

После 1956 года начинается борьба народа за свои конституционные права. Мое поколение, кому выпала доля видеть трагедию народа после выселения, не желает повторения этих ужасов, не желает мириться со своим неравноправием. Все, кто остался в живых, никогда не забудут. Мы не хотим, чтобы повторилась эта трагедия.

Прокурор: Я уже повторял, что нет необходимости вдаваться в экскурс в историю, что отводит суд от существования рассматриваемого дела. Я настаиваю, чтобы подсудимые давали показания по существу предъявленного обвинения, а не занимались пропагандой. Нет необходимости вдаваться в историю.

Монахов: Не могу не выразить самый решительный протест против заявления государственного обвинителя. Мой подзащитный ничем, даже намеком не подверг сомнению устои нашего государства и коммунистической партии. Все, что он говорил, относится к существу предъявленного обвинения. Прокурор пытается лишить его права на защиту. Объяснить причины, приведшие его на скамью подсудимых, есть его право на защиту, и лишить его этого никто не имеет права.

Судья: Решение такое — занести в протокол оба заявления.

Хаиров: Прошу занести и мое заявление. Я заявляю самый решительный протест против попытки прокурора лишить меня права, предоставленного ст. 49 уголовно-процессуального кодекса Узбекской ССР.

Судья: Продолжайте, Хаиров, и меньше вдавайтесь в историю.

Хаиров: Считаю уместным напомнить известную притчу про зайчика. Бежит по лесу заяц. Его останавливает лиса и спрашивает: «Куда ты так бежишь?» Заяц отвечает: «В лесу появился новый царь, который всем зайцам отрубает пятую ногу.» «Так чего же ты боишься, — говорит лиса, — ведь у тебя-то четыре ноги?» «Дело в том, — отвечает заяц, — что он сначала отрубает, а потом считает.»

Этот процесс над крымскими татарами не первый. Будет видимо еще, до тех пор пока не решится наш вопрос. Я хотел, чтобы на этом процессе рассматривался наш вопрос по существу. Конечно, он будет решен. Но хотелось бы, чтобы это случилось до того, как будут осуждены новые десятки крымских татар. И вот почему вы просили пригласить кого-нибудь из ЦК и правительства.

Я коммунист с 1962 года. Для меня никогда не стоял вопрос, присоединиться к народному движению или нет. Правительство, выселив 14 народов со своей территории, нарушило советские законы и свои международные обязательства по охране прав национальных меньшинств. Движение крымскотатарского народа за восстановление своих прав законно и обосновано. Цели, которые ставит движение, законные и не противоречат программе и уставу партии. Как коммунист, я считаю своим долгом принимать самое активное участие в этом движении. Председатель КГБ Андропов, принявший наших представителей в Москве в июле 1967 года, на вопрос: «С кем должны быть коммунисты-крымские татары?», тоже признал, что коммунисты крымскотатарской национальности должны быть со своим народом.

Руководствуясь программными решениями партии, советскими законами и законами международного характера, которые Советское правительство обязалось соблюдать, а также руководствуясь своей совестью, я вступил в это движение.

После отбытия срока мне наверное придется добиваться реабилитации, так же как реабилитированы жертвы 1937 года. Я хочу, чтобы во всем разбирались и вынесли правильное решение на этом процессе, а не через несколько лет после того, как совершится беззаконие. В соответствии со ст. 125 Конституции СССР и ст. 19 Всеобщей декларации прав человека я имею право на убеждения. Но я никогда, ни при каких обстоя-

тельствах, гражданин обвинитель, не занимался составлением документов, направленных против советского строя.

Теперь по существу обвинительного заключения.

На странице 42 обвинительного заключения говорится: «Несмотря на неоднократные разъяснения и беседы, проводившиеся с Хаировым со стороны партийной организации и руководства Узбекской республиканской лаборатории госнадзора за стандартами и измерительной техникой, а также в Октябрьском РК КП Узбекистана об ошибочности его взглядов, несовместимых с политикой партии и Советского государства, обвиняемый Хаиров с осени 1967 года стал принимать активное участие в деятельности по разрешению так называемого крымскотатарского вопроса.»

Этот абзац составлен следователем Березовским на основании характеристики, выданной комитетом стандартов. Я проработал там 2 года. Более лживой характеристики я не встречал. Никаких бесед со мной не проводилось, только однажды я и мое руководство были вызваны в Октябрьский райком партии. Принимал первый секретарь райкома и его заместитель. Основной целью вызова было заставить меня подписать обращение от имени 17 граждан-крымских татар, направленное против национального движения нашего народа. Я высказал по этому документу свои соображения. Это очень не понравилось «товарищам». Посыпались угрозы исключить меня из партии, уволить с работы. Сказали, что на днях будет партийное собрание. Я выразил полную готовность [выступить] за свои взгляды перед собранием коммунистов своего коллектива. Одновременно секретарь райкома обязал инструктора Сергеева, чтобы мне было поручено собирать подписи крымских татар под обращением 17 граждан. Я дал на это согласие в том случае, если со мной будет ходить и Сергеев, чтобы он лично мог убедиться в мнении крымских татар по поводу этого обращения. Ни

завтра, ни в последующие дни Сергеева не было. Не было ни бюро, ни партийного собрания. Я несколько раз обращался к секретарю партбюро с просьбой — созвать партийное собрание. Я сознаю, что здесь я допустил ошибку. Мне следовало изложить свою просьбу в форме письменного заявления. Но повторяю, никто со мной беседы не проводил.

Была еще одна встреча с заместителем уполномоченного комитета стандартов Мясниковым в его кабинете.

21 апреля на Куйлуюке убили моего родственника и друга Гафурова Селима. Я безусловно бросился к начальнику, чтобы отпроситься от работы. Они дали мне освобождение. Когда 24-го числа я пришел на работу, во время планерки начальник отдела мне передал записку: «Напиши, пожалуйста, объяснительную записку, где ты был вчера?» Я категорически отказался. Начальник отдела повторно передал мне записку, где было написано: «Иззет, от меня ничего не зависит. Это приказ сверху.» В обеденный перерыв меня вызвал в свой кабинет Мясников и потребовал, чтобы я сказал, где я был вчера. Я объяснил. «Представьте справку, что покойный был ваш родственник», — говорит он. Если бы он был мне сверстником, я заехал бы ему по физиономии. Но так как он годился мне в отцы, я сдержался и спросил: «У кого же мне взять эту справку? Может быть, у его матери, которая находится при смерти?» Кстати она уже умерла. Но он все же требовал какую-нибудь бумажку. Я написал объяснительную, где говорил, что он мой родственник. Потом я спросил: «Почему такая подозрительность?» Мясников ответил: «Так будет до тех пор, пока ты не откажешься от взглядов, высказанных в райкоме партии.»

За день до моего вызова вызвали нечлена партии Меджитова Леннара и также заставляли его подписывать обращение 17 граждан. Он это обращение не подписал, но тем не менее его фамилия была под текстом в поддержку этого обращения. Это может подтвердить и он сам — Меджитов.

Я не буду давать характеристику этому Мясникову. О нем могли бы при необходимости многое сказать служащие комитета — русские, узбеки. Иной характеристики, чем та, которую дал на меня Мясников, трудно было бы от него ждать.

Вот, собственно, все о моей характеристике. Далее в обвинительном заключении говорится: «Являясь членом нелегальной так называемой «инициативной группы» в г. Ташкенте, Хаиров неоднократно участвовал в нелегальных сборищах этой группы, на которых обсуждались вопросы активизации работы среди крымских татар по ознакомлению с различного рода клеветническими документами, о направлении в Москву «представителей» крымских татар и другие вопросы.»

В дальнейшем я не раз буду произносить термин «инициативные группы». Поэтому я хотел бы сначала дать пояснения этому термину.

Судья: Я например, не считаю, что «инициативная группа» сама по себе является чем-то незаконным.

Хаиров: Спасибо за замечание. Нелегальных инициативных групп никогда не существовало. Инициативная группа — это совокупность людей, основная цель которых довести до сведения руководства партии и правительства чаяния народа. Состоит она из двух или более людей. Инициативная группа не имеет ни устава, ни программы. Это чисто добровольное объединение.

В деле имеется несколько мандатов, в частности мандат Умерова Ризы. Там предельно ясно изложены цели и обязанности представителей, направляемых в Москву, которые обычно являются членами инициативных групп. В движении за возвращение на Родину участвуют все крымские татары. Но не все татары могут свои чаяния и требования изложить в письменной форме. Но в каждом населенном пункте, где проживают крымские татары, имеются группы, состоящие из более или менее грамотных и сознательных граждан, которые в письменной форме излагают чаяния и тре-

бования народа, являются зачинателями народных мероприятий.

В Ташкенте тоже есть несколько инициативных групп — по районам, общегородская и областная инициативная группа. Никогда на собраниях инициативных групп, во всяком случае в моем присутствии, не подвергалась сомнению правильность советских законов. Наоборот, инициативные группы всегда стремились требования народа сообразовать с постановлениями ЦК партии и правительства.

В обвинительном заключении говорится: «Как член указанной нелегальной «инициативной группы», Хаиров в период 1967-1968 гг. неоднократно принимал участие на нелегальных сборищах крымских татар, на которых выступал с клеветническими и подстрекательными речами.»

Это клевета! Никогда я не выступал с клеветническими измышлениями против советского строя. Далее говорится: «... В сентябре 1967 года Хаиров участвовал на нелегальном сборище крымских татар в г. Алмалыке. В своем выступлении на этом сборище Хаиров, возводя клевету на политику партии и правительства в национальном вопросе, высказывал суждения, порочащие Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г. «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму», называл этот Указ «половинчатым» и призывал к тому, чтобы направляли в Москву «представителей» крымских татар и продолжали писать в соответствующие инстанции индивидуальные и коллективные письма с требованием решить вопрос о возвращении крымских татар в Крым».

В той части обвинительного заключения, где говорится, что я участвовал на собраниях крымских татар в городе Алмалыке, верно. Там живет моя мать. Я очень часто, почти каждую неделю приезжал в г. Алмалык. В Алмалыке, как и в любом районе, где проживают крымские татары, люди очень интересуются своим на-

циональным вопросом. Основными темами разговора крымских татар сейчас являются темы, связанные с национальным движением. Люди собираются друг у друга, и разговор невольно переходит на национальную тему. Они интересуются, что нового в столице, где постоянно находятся наши представители, что нового в Ташкенте.

Я рассказывал.

Движение крымскотатарского народа я рассматривал всегда с двух точек зрения — с правовой и с партийной. Свою принадлежность к коммунистической партии я согласовал и с тем, что я крымский татарин. Прошу обратить внимание на показания всех свидетелей г. Алмалыка, которые собирал следователь Лысенко. Все они говорят, что я не делал ничего антизаконного и советовал другим придерживаться законов.

Следствие совершенно правильно выявило, где и когда я участвовал на собраниях. Но оно тенденциозно подошло к оценке моих выступлений.

Прошу обратить внимание на утверждение в обвинительном заключении о том, что я будто Указ от 5 сентября 1967 года на собрании назвал «половинчатым».

В беседах со своими соотечественниками я всегда старался говорить на своем родном языке и просил других делать то же самое. Я с презрением отношусь к людям, которые пренебрегают своим языком и в обществе своих соотечественников говорят на русском языке. Я говорил по-русски, если при беседе присутствовал хоть один русский человек. Но на наших собраниях, как правило, присутствуют только крымские татары, и я всегда говорил только на своем языке. Так вот, на крымскотатарском языке нет слова «половинчатый», во всяком случае я не знаю, как это слово говорится на нашем языке. Даже если бы я назвал этот указ «половинчатым», конечно это не было бы большой ошибкой. Но дело в том, что я такого слова никогда не употреблял. В большинстве случаев утверждения в обвинительном заключении — это домыслы следователей КГБ.

Здесь характерно одно собрание, где я говорил об анонимных письмах. Да, в 1968 году к крымским татарам по почте начали поступать анонимные письма, где содержались разные измышления против активных участников национального движения и призывы чуть ли не к расправе с ними. Распространением этих анонимок, как выяснилось, занимались местные органы. Люди спрашивали, что делать с ними — письмами, как на них реагировать. Я в этом случае говорил, что ни на одно письмо не следует реагировать, поскольку они анонимные. Я говорил, что надо продолжать писать в центральные органы с изложением своих требований. Разве в этом есть что-нибудь противозаконное?

Далее в обвинительном заключении говорится: «В сентябре 1967 года Хаиров являлся участником нелегального сборища представителей «инициативных групп», собравшихся в г. Ленинабаде с различных мест Узбекистана. На этом сборище была составлена и принята «Информация № 5», авторы которой в клеветническом духе описывают положение крымских татар в СССР.» Здесь речь идет о республиканском совещании народных представителей в г. Ленинабаде. Из города Ташкента тоже выезжали представители на эту встречу. Так как мне не инкриминируется Информация № 5, я не буду о ней говорить. Как говорил свидетель Халилов Мустафа, я не успел ее подписать.

Судья: Не подписали и не принимали участия в ее составлении?

Хаиров: Я очень сожалею, что не успел подписать.

Далее: «В феврале 1968 года Хаиров принимал участие на другом аналогичном нелегальном сборище крымских татар, которое состоялось в городе Фергане. На этом сборище выступил и Хаиров, который отчитался о работе, проделанной ташкентской «инициативной группой» и на этом же сборище была составлена и принята «Информация-отчет № 9», в которой содержатся измышления о том, что якобы по отношению к крым-

ским татарам необоснованно применяются произвол и репрессии, что их национальные права продолжают оставаться ущемленными.»

Я на это собрание попал вовремя. Асанов Шевкет и Трасинов Али дали правильные показания об этом собрании. Я говорил там, как представитель г. Ташкента, о том, что нового в нашем национальном движении. Принимал участие в обсуждении всех вопросов. Там было около 150 человек, в том числе из Краснодарского края и Таджикистана. Была написана информация, где содержалось обращение к партии и правительству. Суд с полным основанием может считать, что я принимал участие в его составлении. Факты, изложенные в информации вполне достоверные. Это об Информации № 9. (Хаиров просит воды.)

Судья: Мы поняли так. Вы принимали участие в составлении и подписали Информацию № 9.

Хаиров: Я видел фотокопию. Там нет моей подписи. События отражены правильно и оценка дана правильная.

Судья: То, что там написано об ущемлении национальных прав считаете правильным?

Хаиров: Безусловно.

Судья: Дальше.

Хаиров (читает обвинительное заключение): «В апреле 1968 года Хаиров в городе Ташкенте одобрил, подписал и тем самым принял участие вместе с другими в изготовлении документа с провокационным названием «Похороны под надзором КГБ». »

Судья: Подписали или нет?

Хаиров: Да.

Судья: В составлении принимали участие?

Хаиров: Я слушал готовый текст этого документа.

Судья: С текстом согласны?

Хаиров: Да. Я прошу огласить его.

Судья: Нет необходимости читать полностью. Вы же знакомы с текстом. Мы будем только обозревать...

Хаиров: В КГБ тоже только обзревали этот документ и, не проверив изложенные там факты, назвали его клеветническим.

Судья: Какие вы хотите дать пояснения?

Хаиров: Я настаиваю на оглашении.

Судья: Что важным вы считаете в этом документе?

Хаиров: Я считаю, что надо знать содержание письма.

Судья: Читать не будем.

Хаиров: Это нарушение правил исследования документов.

Судья: Расскажите своими словами.

Хаиров: Как я уже говорил, 21 апреля 1968 года был бандитски убит мой друг и родственник Гафуров Селим. Похороны состоялись 23 апреля. После траурного ритуала и захоронения мы направились к выходу кладбища. У выхода я заметил несколько автомобилей марки «Волга» и группу людей. Я не обратил бы на них внимания, если бы не заметил среди них Свалова. Этот работник КГБ знаком многим крымским татарам. Потом мы заметили около кладбища много милиционеров. Не обращая на них внимания, люди направились в дом погибшего. По мусульманским обычаям старики вскоре начали поминальную молитву. Мы же, молодежь, готовили столы, чтобы люди после молитвы могли покушать.

Через некоторое время открылась калитка и на пороге появились 2 подполковника и один полковник милиции. Мы подошли к ним и пригласили войти в дом. «Нет, мы постоим здесь», — сказали они. Потом к ним подошел человек в форме генерала. Мы и его пригласили в дом. Он тоже отказался, но продолжал стоять.

«Что вы собираетесь делать?», — спросил генерал. Мы ответили, что идут поминки по убитому и после поминок люди видимо разойдутся. Генерал погрозил пальцем и строго сказал: «Смотрите у меня! Чтобы не было никаких собраний и митингов!»

Все были крайне возмущены бестактностью, вернее хамством генерала. Но мы сдержанно вновь пригласили

его войти в дом, чтобы он сам мог убедиться, что идут обычные поминки. Генерал отказался войти и отошел в сторону. Через некоторое время прибегают соседи узбеки и говорят, что вся махалля* окружена милиционерами и что за домом установлено усиленное наблюдение. Возмущенные люди и написали это заявление.

Судья: Вы считаете название документа «Похороны под надзором КГБ» правильно?

Хаиров: Конечно. Ведь это же надзор! Письмо было прочитано и все подписали.

Судья: Адресату отправили?

Хаиров: Думаю, что отправили.

Судья: Где-нибудь вы его читали?

Хаиров: Нет, нигде не читал. Второй раз прочитал в КГБ.

Судья: Вы говорили об инициаторах, которые пишут за других и выражают чаяния народа. Вы, как инициатор, принимали участие в составлении?

Хаиров: Нет. Я был «аякъчы».** Я таскал тарелки.

Судья: А кого вы считаете инициатором написания этого документа?

Хаиров: В данном случае инициатором можно считать генерала, ему следовало зайти. Может быть, в уставах МВД это не предусмотрено, но в уставе партии предусмотрено. Партийная этика требует уважения к религиозным ритуалам. Прошу установить фамилию этого генерала. Я слышал, что Беглов. Возможно, что и не Беглов. Небольшого роста, русский. Я прошу вас вынести частное определение, чтобы ему воздали по заслугам. Прошу, как член партии.

Прокурор: Прошу разъяснить, что частное определение должностным лицам не выносится.

Судья: В письме излагаются не только факты, касающиеся этого инцидента. Здесь приводятся мысли и обобщающего характера. (Читает.) «... Вот до какой

* Квартал города.

** Виночерпий.

степени возведен антитатарский психоз!» Это вы считаете правильным?

Хаиров: Да, это так. За два дня до этого произошли события в Чирчике, было это действительно нарушением законов со стороны органов. Выражение «антитатарский психоз» здесь приведено вполне правильно. Если бы не было психоза, органы могли ограничиться посылкой на похороны одного-двух своих агентов, но не целые отряды во главе с генералами.

Я в своем последнем слове обращаю особое внимание на роль партийных организаций в подобных беззакониях. (Читает текст.) «... Это были те же люди, которые расправлялись с крымскими татарами в г. Чирчике...» Да, этот генерал и полковники были в Чирчике. (Читает.) «Разве это не трагедия!..» Я полностью согласен с написанным здесь. Это трагедия, если даже похороны проходят под таким надзором.

Судья: Письмо адресовано товарищу Брежневу. Почему к нему?

Хаиров: Я считаю, что Генеральный Секретарь и есть тот человек, к которому следует обращаться. Я хотел бы, чтобы обвинитель в своей предстоящей речи дал конкретную характеристику не только нашим действиям, но и действиям руководителей. Прошу свои доводы обосновать научно...

Прокурор: Раз на данном процессе будет рассматриваться уголовное дело, то не следует далеко уходить. Некоторые обвиняемые видимо решили избрать известную тактику: «Самая лучшая оборона — нападение». Так ведут себя в частности Кадыев и Хаиров. Хаиров делает упреки в адрес представителей власти вместо того, чтобы давать объяснения. Это провокационное заявление. Это попытка уйти от существа дела. Высокопарные слова о партии, о приглашении на суд членов правительства используются подсудимым, чтобы увести суд от существа. Напомню, что Хаиров исключен из партии. Нужно быть более скромным, чтобы давать рекомендации обвинителю. Он, видите ли, винит предста-

вителей власти. Я не удивляюсь, если он завтра заявит, что государственный обвинитель занимается не тем, чем надо.

Хаиров неправильно выполняет свои задачи по даче показаний. Я прошу вновь не заниматься демагогическими словоплетениями и не выходить за рамки.

Монахов: Что касается тех советов, которые пытается давать Хаиров, это просто недостаточное понимание им процессуальных законов. Попытаюсь объяснить Хаирову, что преждевременно делать выводы о предстоящем выступлении обвинителя не нужно.

Что касается критики Хаировым должностных лиц, то она не только правомерна, но и целесообразна. Я полагаю, что представитель государственного обвинения своими заявлениями пытается парализовать его право на защиту.

Судья: У вас, Хаиров, все?

Хаиров: Я заявляю решительный протест против необоснованных заявлений гражданина прокурора. По поводу письма у меня все.

Судья: Занесем в протокол оба заявления.

(Объявляется перерыв на 15 минут. После перерыва судья диктует секретарю свое мнение по сделанным заявлениям.)

Судья: Оба заявления рассмотрены и занесены в протокол. Подсудимый Хаиров отклонился от основной мысли и стал критиковать представителей власти, а также прокурора по еще не высказанной обвинительной речи. Хаиров не имел права делать суждения по еще не высказанным мыслям прокурора. (Хаирову.) Что там дальше?

Хаиров: «Летом 1968 года при участии Хаирова в Ташкенте на одном из нелегальных сборищ «инициативной группы» было принято решение собрать факты для составления документа «К оценке текущего момента в крымскотатарском вопросе в свете событий 16-18 мая в Москве и Крыму.»»

При мне ни на одном собрании не обсуждался вопрос о сборе фактов для составления документа «К оценке текущего момента...»

Судья: Какое участие принимали при составлении этого документа?

Хаиров: Впервые с этим документом я ознакомился в КГБ.

Судья: Здесь говорится еще: «По решению этой же «инициативной группы» было затем организовано распространение указанного документа среди крымских татар».

Хаиров: При мне это не обсуждалось.

Судья: Какое имеете отношение к их хранению? Почему они были обнаружены у Байрамова, Баева, Гафарова?

Хаиров: Не знаю. Я лично указанным лицам никаких документов не давал.

Судья: Откуда у вас оказались бланки с подписями? У вас обнаружены бланки с подписями без указания, к каким документам они относятся.

Хаиров: Эти подписи я брал для проверки. В Москве в центральном КГБ по поводу подписей говорили, что во-первых на бланке с подписями обязательно должно быть указано название документа, под которым собираются подписи. Во-вторых, каждый, подписывающий свою фамилию, должен писать собственноручно. При сортировке я задержал ряд бланков, не отвечавших этим требованиям. Были подписи из г. Ферганы, Ташавтомаша и поселка Кибрай, которые и были изъяты при обыске. Эти подписи я собирался вернуть обратно, чтобы товарищи исправили допущенные ошибки.

Судья: Вы собирали подписи в районе кинотеатра «Спутник»?

Хаиров: Нет. Я там не собирал.

Судья: Кто собирал?

Хаиров: Я не знаю.

Судья: Кто в Ташкенте собирал подписи?

Хаиров: Не знаю.

Судья: Вам неизвестно, почему следствие относит эти подписи к документу «К оценке текущего момента» и к «Информации № 69»?

Хаиров: Нет, не знаю.

Судья: Вы сами занимались сбором подписей?

Хаиров: Нет. У меня на это не бывает времени.

Судья: Дальше, кажется, о записи в музее. Почему вы поехали в Крым?

Хаиров: В Крым я поехал в июне 1968 года, во-первых, потому что не видел родные места уже 24 года. Во-вторых, я хотел, так сказать, прозондировать почву, то есть поискать какой-нибудь домик для приобретения, работу. Я много слышал и читал в наших документах, что приезжающие крымские татары в Крыму подвергаются со стороны администрации издевательствам — их не прописывают, отказываются принимать на работу, выселяют. Я хотел убедиться в этом лично.

Приехав в Крым, я обратился в милицию, облисполком к известному Зубенко, обращался во многие инстанции. Везде я встречал твердое нежелание прописывать крымских татар.

Судья: Значит вы хотели посетить родные места после 24 лет пребывания вне пределов Крыма и найти место жительства и работу?

Хаиров: Да. В обкоме сказали, что вопрос решается в Москве и Киеве. Я специально ездил по Крыму, чтобы оценить, есть ли возможность переселяться в Крым, и увидел, что разместить можно очень многих. Видел много заколоченных пустующих домов для переселенцев. Но эти дома предназначены не для крымских татар. Вы уже знаете, что постигло 14 семей крымских татар, которые по устному совету Зубенко заняли несколько домов в совхозе «Большевик» Красногвардейского района. Эти дома предназначались для украинцев и русских, переселяемых по вербовке из Западной Украины.

Придя однажды к зданию облисполкома, я увидел много семей крымских татар. У всех у них был измученный вид, были больные, дети. Все они уже долгое время безуспешно добивались прописки в Крыму. В то же время приезжали по вербовке много украинцев из Западной Украины. Для них быстро находили дома и работу. Вид этих измученных детей заставил меня забыть все свои другие дела. В дальнейшем я с группой товарищей занимался только устройством приезжающих семей крымских татар. Мы искали для них временные квартиры, обращались в административные органы...

Судья: Можно обобщить. Значит вы были в Крыму, ходили по родным местам и, зайдя в Симферопольский музей, сделали запись.

Хаиров: 20 июня 1968 года я, врач Джемилева Сидика и шофер из Кашкадарьинской области посетили Симферопольский музей. Нас, уроженцев Крыма, очень обидело, что на стендах музея совершенно не отражены факты, события, героизм, относящиеся к представителям крымскотатарского народа. Когда добрались до последнего зала с вывеской «Наши земляки — Герои Советского Союза», то увидели, что среди героев есть из крымских татар только дважды Герой Советского Союза Амет-Хан Султан. А их у нас 13 или 14. Лозунг «Никто не забыт — ничто не забыто» крымских татар не коснулся.

Судья: Значит вы обнаружили, что музей не отражает подвигов крымских татар?

Хаиров: Да. Посоветовались мы, сделали запись. Книга вопреки правилам была не прошнурована и страницы не пронумерованы. Через 20 минут записи были вырваны и были на столе у директора.

Судья: Предоставляется на обозрение запись в Симферопольском музее. Том 13, лист дела 276. Хаиров, это ваши записи?

Хаиров: Да, это наши.

Судья: Вы считаете, что здесь все написано правильно?

Хаиров: Да, здесь записано: «Посещение музея и осмотр его экспонатов оставили в наших сердцах тягостное впечатление. Слишком однобоко и тенденциозно показана история Крымского полуострова. Нет ни вещественных, ни документальных следов, которые хоть что-либо освещали бы из истории его коренных жителей — крымских татар, судьба которых так трагично сложилась.

Особый упрек в этом аспекте заслуживают научные сотрудники музея, которые, как люди науки, должны были бы быть беспристрастными в вопросах истории. Мы надеемся, что в следующий наш приход в музей мы будем иметь возможность увидеть на стендах личные вещи подпольщиков-крымских татар — Алимэ Абденнановой (резидента разведгруппы на Керченском полуострове, [Абдуллы Дагджи (Дяди Володи)] — подпольщика, зверски расстрелянного фашистами, партизанского разведчика Османова Бекира Османовича, за голову которого немцы обещали вознаграждение, и многих других, документы о жизни, деятельности и подвигах которых хранятся в государственных архивах.

Мы надеемся, что наконец будет покончено с фальсификацией истории крымских татар — этой многострадальной нации. Посетители музея: Хаиров И. С. — инженер, Джемилова С. А. — врач, Юсупов М. Д. — шофер, 20 июня 1968 года».

Я считаю, что здесь записано все верно, нет никакой фальсификации.

Судья: Почему вы утверждаете, что история Крыма фальсифицируется?

Хаиров: В книжных магазинах Крыма продаются труды Надинского, различные справочники, путеводители, в которых содержатся записи о крымских татарах клеветнического характера.

(В это время в зал суда входит какая-то женщина и

говорит, обращаясь к председателю суда: «Пулатходжаев просил объявить перерыв и чтобы вы ему позвонили.» Судья кивает головой. Пулатходжаев — заместитель председателя Верховного Суда УзССР.)

Судья: Зачем вы составили эту запись?

Хаиров: Составил запись в надежде, что ошибки будут исправлены. Я подтверждаю, что записи мои, считаю их правильными.

(Перерыв на обед.)

Судья: Так. Запись в блокноте. Где вы хранили блокнот?

Хаиров: Эту запись я сделал для себя. Распространять не собирался. Никому не читал. В обвинительном заключении говорится: «В июне 1968 года, в период своего пребывания в Крыму, Хаиров произвел в своем блокноте записи, в которых возводит злобную клевету на политику КПСС и правительства. Характеризуя крымских татар, как ограбленных, униженных и выброшенных, Хаиров далее указывает в своем пасквиле: «Противоречия между действиями правящих кругов в области национальной политики, с одной стороны, и тем, что записано в конституции СССР и Программе КПСС, с другой — вопиющи, и они порождают борьбу.»

Действительно, приехав в Крым, я увидел своими глазами то, что писалось в наших документах. В блокноте написаны мои мысли. Видя, что делается по отношению к крымским татарам, я писал: (читает). Да, я считаю, что это так. Без суда и следствия у нас было конфисковано все движимое и недвижимое и были высланы в Среднюю Азию, факт выселения я и сейчас считаю преступлением.

После выселения крымских татар в Крыму было организовано 190 совхозов для переселенцев из Украины. Им оказывалась помощь, им отдавали конфискованное у нас имущество. А крымские татары в это время умирали от голода в степях Средней Азии. Крым-

ским татарам тоже давали ссуду по 5 000 рублей. Но это обернулось тяжелым бременем для народа. Как известно, денежная реформа 1947 года 10 рублей заменила на один рубль новых денег. А с крымских татар требовали возратить ссуду 5 000 рублей новыми деньгами. Так что ссуда стала причиной [гибели] вместо помощи; послужила причиной гибели новых, вновь ограбленных крымских татар.

Судья: То есть, вы запись сделали, исходя из этих данных?

Хаиров: Да.

Судья: У вас блокнот изъяли при обыске?

Хаиров: Да, дома.

Судья: Предъявляется на обозрение блокнот Хаирова. Том 11, лист дела 48. Это ваш блокнот, Хаиров?

Хаиров: Да.

Судья: Вы и сейчас считаете, что крымские татары были ограблены?

Хаиров: Исходя из международных правовых норм и советских законов, я считаю это грабежом. Другого названия этому я не знаю.

И, наконец, в обвинительном заключении говорится: «В сентябре 1968 года Хаиров намеревался распространить так называемое «Информационное сообщение» о встрече представителей инициативных групп городов и районов Ташкентской области, которая состоялась 8 сентября 1968 года в г. Ангрене. В этом документе также содержатся заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.»

Областная встреча народных представителей в г. Ангрене состоялась 8 сентября 1968 года. На повестке дня стояли такие вопросы:

1. Ночное нападение на 14 семей крымских татар милиционеров в совхозе «Большевик» и их выселение.
2. Трудности с пропиской крымских татар в Крыму.

3. Распространение властями новых анонимных обращений против нашего национального движения.

Мы собрались, чтобы выяснить, являются ли собранные факты единичными, или подобные антизаконные мероприятия проводятся в большом масштабе, чтобы послать в Москву человека с конкретными данными.

Информация была принята на встрече, но отпечатано не было. Рукописный текст с 23 подписями был отправлен в ЦК КПСС. Второй экземпляр с подписями отправили в КГБ при СМ СССР. Машинописные тексты должны были быть отправлены другим адресатам, но не успел. Я намеревался отпечатанные экземпляры разослать по районам.

Судья: Написанное считаете правильным?

Хаиров: Безусловно. Могу представить 20 с лишним свидетелей, которые покажут, что подписи под обращением против нашего национального движения собирались с помощью угроз и шантажа. Их вызывали по месту работы в горкомы, обкомы и с помощью угроз заставляли подписывать. Были случаи, когда под эти обращения подставляли фамилии и не подписавшихся.

Судья: У вас все по обвинительному заключению?

Хаиров: Да, по обвинительному заключению я ответил на все пункты. Хотелось бы добавить еще вот что. В обвинительном заключении говорится, что я отказался от дачи показаний. Но там не приведены мотивы, почему я отказался их давать. В деле есть мое письмо в адрес Березовского и Абушаева. Это письмо я прошу считать моим ответом.

Судья: Обозревается письмо, лист дела 39, том 13. (Судья читает отрывки из заявления. Основной смысл заявления, что следствие ведется необъективно.) Вы отказались от дачи показаний потому, что считали, что следствие ведется необъективно?

Хаиров: Совершенно верно. Я ставил 4 вопроса, но все они отведены. Мне заявили, что крымскотатарский вопрос решен окончательно и бесповоротно. Я хотел

знать, откуда это исходит, и просил встречи с кемнибудь из секретарей ЦК.

Судья: Вы действовали совершенно самостоятельно по своим убеждениям?

Хаиров: Совершенно правильно. Поступаю в соответствии со своими убеждениями.

Прокурор: В томах 6, 10, 11 имеются документы, изъятые у вас, в том числе рукопись, исполненная красными чернилами. Кто автор этих документов?

Хаиров: Если вопросы будут исходить от государственного обвинителя, я отказываюсь отвечать. Я заявил ему отвод.

(Судья диктует секретарю суть заявления Хаирова о том, что он не будет отвечать прокурору.)

Хаиров: На любой вопрос, исходящий от судей, я буду отвечать.

Судья (повторяя вопрос прокурора): Кто автор этого документа?

Хаиров: Какого? Назовите документ.

(Судья показывает рукопись под заглавием «История советского империализма».)

Хаиров: В деле есть постановление о прекращении дела против Сейдалиева Февзи в связи с его смертью. Том 13, лист дела 51-55. Эти записи принадлежат ему.

Судья: Как они попали к вам?

Хаиров: Сейдалиев Февзи появился в Ташкенте в середине июня 1968 года. Он был в числе 14 семей, высланных из Крыма. Он с семьей был доставлен в Ташкент. Вещи свои он отказался брать и в знак протеста отправил обратно. Вместе с тремя детьми он жил на вокзале. В этот день я работал в районе вокзала. Я пригласил его к себе. Через несколько дней он уехал куда-то. Эти записи он забыл у меня. В конце июля он вновь выехал в Крым. Потом, как я узнал, он был в Москве. Порвать записи я не мог. С содержанием я ознакомился на следствии, да и то частично.

Монахов: При составлении и подписании докумен-

тов, которые вам вменяются в вину, вы имели намерение порочить советский строй?

Хаиров: Нет, я не ставил такой цели.

Монахов: Считаете ли вы, что вменяемые вам документы являются порочащими советский строй?

Хаиров: Я убежден, что в них нет ничего порочащего строй. Может быть, есть отдельные резкие выражения, но они являются критикой действий отдельных представителей власти. Социалистический строй, советская власть меня устраивают.

Монахов: Были ли у вас колебания относительно руководящей роли партии?

Хаиров: Если бы были, я бы не состоял в партии.

Монахов: Давал ли кто-нибудь из партийных работников вам советы о том, как надо действовать?

Хаиров: Я считаю, что если бы движение нашего народа контролировалось партийными органами, мы не были бы на скамье подсудимых. Я несколько раз пытался попасть на прием к Рашидову. Я встречался с руководством отдела парторганов ЦК КП Узбекистана, с Сафаевым, Кадыровым, но не получил никакой консультации относительно методов.

Монахов: В целом ряде документов есть записи о фальсификации истории. Они имеют отношение к музею, или затрагивают больше вопросов?

Хаиров: Я под этим понимаю гораздо больше. Фальсификация была начата раньше. После войны появился целый ряд произведений: Вергасова, Югова, Козлова, Первенцева. В них описывались события, имевшие место в Крыму. В этих произведениях нет ни одного положительного героя-крымского татарина. А крымские татары принимали большое участие в партизанском движении в Крыму. Например: брат жены подсудимого Умерова Ризы — Селимов был руководителем партизанского соединения. У нас имеются обрывки немецких газет, где за головы некоторых крымских та-

тар-партизан германское командование обещало крупные вознаграждения.

Монахов: Может быть, это только в отдельных произведениях неправильно трактуется история крымских татар?

Хаиров: Я не встретил ни одной книги послевоенного издания, где роль крымских татар в Крыму излагалась объективно.

Монахов: Значит вы говорите не только об отдельных искажениях, а о целой нации?

Хаиров: Более того, в 1952 году Крымским отделением АН СССР была разработана целая система по фальсификации истории Крыма и крымских татар. Возьмите Большую Советскую Энциклопедию 1934 года и сравните с изданием 50-х годов. Вы заметите, какие произошли резкие перемены в концепциях.

Монахов: Вы говорите об Алиме Абденнановой. Когда были опубликованы материалы о ней?

Хаиров: В 1966 году по телевидению передавали о ней инсценировку. Но представляли ее как русскую девушку Аню. Только после Краснодарского процесса всплыло ее настоящее имя. Сколько просили «Комсомольскую правду», чтобы в ней опубликовали материалы об Абденнановой! Но они говорили, что они действуют согласно указаниям сверху.

Монахов: Сколько было вам лет при выселении?

Хаиров: 6 лет. Со мной вместе были две сестры и братишка. Спустя полмесяца после приезда в Узбекистан заболел братишка Сейдали. Когда мать второй раз отнесла больного ребенка в поликлинику, врач говорит: «Может быть, и сегодня твой ребенок не умрет. Так что же, я должен каждый день тебе давать освобождение от работы? Больше не приноси его сюда!» Ребенок вскоре умер. Вот такое было к нам отношение после выселения.

Монахов: Кто из ваших родственников погиб во время войны?

Хаиров: Немцы расстреляли дядю Караева Рустема, оставленного в оккупированном Крыму по заданию советского командования. Расстреляли также двоюродных сестер Караевых Эдие и Февзие. Пятеро детей Февзие пропали без вести после выселения. Ее муж погиб на фронте.

Монахов: Сколько ваших близких умерли после выселения?

Хаиров: В течение 3-4 месяцев после выселения погибли от голода две сестры Салиха и Селиме и братишка Сейдали. В один день от голода погибла почти вся семья моего дяди — Абдуллы: его жена Нафизе и трое детей. Погиб и он сам. Один из его детей был явно убит врачами. В то время крымских татар очень часто, видимо по заданию властей, убивали и врачи. В общем, из всех детей нашей семьи и семей близких родственников в живых после выселения остался я один.

Монахов: Есть ли у вас родственники — Герои Советского Союза?

Хаиров: Да, мой дядя Кара Мустафа — Герой Советского Союза, живет в Москве. Он без обеих ног.

(Объявляется перерыв на 15 минут)

Показания Кадыева Роллана

Кадыев: Граждане судьи! Я прежде всего хочу обратить ваше внимание на имеющиеся в деле свои заявления в различные инстанции, где я неоднократно указывал на необъективность ведения предварительного следствия. Мне непонятно, в чем конкретно заключается моя вина и почему мне вменяется статья 191, пункт 4.

Я надеюсь, суд внимательно выслушает обстоятельства и мотивы, которые послужили причиной написания тех или иных вменяемых нам документов. Я не буду останавливаться на тех пунктах обвинительного заключения, о которых говорили мои товарищи. Я вполне одобряю и согласен с их мнением по этим вопро-

сам. Постараюсь дополнить то, что было упущено в показаниях и пояснениях моих товарищей.

На странице 2 обвинительного заключения говорится: «... в течение ряда лет, начиная с 1965 года, в Узбекистане действуют так называемые «инициативные группы» из лиц татарской национальности, ранее проживавших в Крыму.»

Замечу одно, что инициативные группы избираются народом, члены их имеют специальные мандаты, и список членов инициативных групп по районам и областям в первую очередь официально передается в партийные и советские органы.

«Наиболее активными членами нелегальных «инициативных групп» являлись обвиняемые Байрамов Решат, Бариев Айдер, Хаиров Иззет, Гафаров Ридван, Языджиев Исмаил, Эминов Руслан и Умеров Риза...»

Я хочу обратить внимание суда на утверждение о нелегальности инициативных групп. Здесь я усматриваю новую клевету на мой народ. Из этого следует, что татары занимаются какой-то деятельностью, запрещенной законом. На каком основании инициативные группы нелегальные? Всеобщая декларация прав человека предусматривает свободу мирных собраний и ассоциаций.

С другой стороны, следствие берет на себя большую смелость, бросая тень на руководителей правительственных органов, так члены инициативных групп были приняты руководителями государства. Таким образом, получается, что руководители принимали членов нелегальных групп, и поэтому они должны сидеть с нами на скамье подсудимых за связь с подпольными организациями. С нас должно быть снято это клеветническое измышление о нелегальности.

Далее в обвинительном заключении говорится: «... включились в активную деятельность по разрешению так называемого крымскотатарского вопроса.»

Обращаю внимание суда на слова «так называемый

крымскотатарский вопрос». Почему-то во всех обвинительных заключениях — это я знаю из предыдущих процессов — юридические органы пытаются именовать наш национальный вопрос «так называемым крымскотатарским вопросом». В свое время для ленинской партии не было «так называемого» вопроса, а на повестке дня был действительный национальный вопрос крымских татар. В связи с образованием Крымской АССР газета «Жизнь национальностей» в то время писала: (Кадыев приводит выдержку из указанной газеты за 1921 год.)

Вот так рассматривала партия, возглавляемая Лениным, в свое время крымскотатарский национальный вопрос!

Меня удивляет та метаморфоза, которая следует из обвинительного заключения: «Указанные лица продолжительное время занимались изготовлением и распространением различного рода документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, сбором подписей под этими документами, проведением нелегальных сборищ . . .»

Здесь нет ничего, кроме общих демагогических, ничем не обоснованных выводов, и я ничего не могу сказать. Ни в одном из наших документов нет клеветнических измышлений на строй и Коммунистическую партию. Есть критика правительства и отдельных руководителей государственных органов в Узбекистане, в Москве и в Крыму, но нет клеветы. Никакая критика не может расцениваться как клевета.

Относительно «нелегальных сборищ». Я неоднократно участвовал на собраниях крымских татар. Это обычно бывает в выходные дни или в другое свободное от работы время. За день до собрания я, как правило, обращался в органы КГБ, чтобы они официально присутствовали и слышали, что говорится на этих собраниях. Но в КГБ всегда отказывались, и затем наши собрания

объявлялись «нелегальными сборищами». Эти собрания не могут быть нелегальными, ибо о времени и месте мы ставили в известность соответствующие органы. В утверждении о «нелегальных сборищах» я усматриваю еще одну клевету на мой народ. Прошу суд принять во внимание эту сторону моих показаний и оградить народ от этой клеветы, чтобы опять на основе подобных фальсификаций не произошла новая трагедия и не вышел новый указ, подобный Указу 1944 года о высылке.

На странице седьмой обвинительного заключения говорится: «В том же мае 1968 года Байрамов принял участие в изготовлении так называемой «Траурной информации № 69», первоначальный текст которой был составлен обвиняемым Кадыевым. В этом документе также возводится злобная клевета на национальную политику КПСС и Советского правительства и на положение крымских татар в СССР. С целью вызвать недовольство существующим в СССР государственным строем, в этом документе в извращенном виде описан факт выселения татар из Крыма, а районы проживания татар в Узбекистане названы местами «резерваций» и «ссылки», где в первые месяцы переселения якобы погибло 46 % всего населения крымских татар».

Я хочу обратить внимание суда на слова «с целью вызвать недовольство существующим строем». Почему, интересно, не «с целью вызвать государственный переворот». Та же демагогия, не подкреплённая никакими фактическими данными.

Текст информации был составлен лично мной. Участие остальных представителей свелось лишь к обсуждению и подписанию ее. Я лично отпечатал текст в четырех экземплярах и сдал в Верховный Совет, ЦК КПСС и Совет Министров СССР.

В основу информации легли майские события 1968 года — выдворение представителей крымскотатарского народа из Москвы. Я был очевидцем этих событий: сам тоже был задержан, препровожден в вытрезвитель и

подвергнут принудительной высылке. В основу текста легли также письма и заметки очевидцев. Я хотел бы в связи с этой информацией рассказать, что я видел собственными глазами.

16-го мая я находился у дальних родственников моей жены. В то время встречи представителей в Москве происходили обычно в скверике гостиниц «Алтай», «Заря», «Восток» и зачастую под наблюдением работников КГБ. Представители на этих встречах информировали друг друга о проделанной работе за день и намечали план действий на следующий день.

16 мая к месту обычной встречи представителей я подъехал на такси без пятнадцати семь. Там уже был кордон из милиционеров, «дружинников» и студентов со значками. Не помню, что за значки, но видимо для того, чтобы отличать своих и в суматохе не побить друг друга. Студенты были из юридического факультета. Я понял, что устраивается очередная облава.

Впереди стояли несколько крымских татар. Их видно за километр по характерным фуражкам, которые летом носят многие татары. К ним подошли милиционеры и люди в штатском и увели к стоящим в стороне машинам. Я вышел из такси и направился к ним. За мной сразу же пристроились несколько молодчиков. Заметив стоящую в стороне группу офицеров и лиц в гражданской форме, я направился к ним и попросил у полковника прикурить. Я тогда был солиднее и одет по-другому. Потом я спросил у полковника: «Что здесь происходит?» «Да вот, крымские татары понаехали», — ответил он. «Дружинники», шедшие за мной, увидя, что я разговариваю с начальством, опешили и отошли в сторону. Так я стоял с офицерами, пока мое дальнейшее нахождение среди них не стало казаться навязчивым и бестактным.

Как только я отошел от них, молодчики вновь направились в мою сторону. Я быстрыми шагами стал удаляться. Филеры тоже ускорили шаг. Я побежал, перепрыгнул через забор Ботанического сада и скрылся.

На следующий день я созвонился со своими московскими товарищами и некоторыми крымскими татарами адреса которых знал. Предложил им собраться у памятника К. Марксу на площади Свердлова, чтобы пойти в ЦК КПСС и выразить протест по поводу задержания представителей. Видимо, телефоны подслушивались. К назначенному месту сбора я подъехал с небольшим опозданием и увидел, как собравшихся у памятника татар арестовывали и загоняли в стоявшие спецмашины. Тогда я решил один явиться в ЦК и направился в сторону площади Ногина. Здесь в скверике на скамейках сидели несколько моих товарищей, в том числе генерал Григоренко Петр Григорьевич. Мы решили подождать немного, может быть, придут еще уцелевшие от облавы крымские татары.

Прошло пятнадцать минут. Подъехала машина, из которой вышли 30-40 лиц в гражданской форме и вместе с милиционерами оцепили район памятника. Потом подъехала «Волга», вышел гражданин в коричневом костюме. Это был полковник Смирнов. К нему подошли и пальцем указали в мою сторону. Смирнов с трупной физиономией подошел к нам и потребовал: «Гражданин, пойдете!» Я спросил: «На каком основании?» Тогда они стали применять силу. Я требовал предъявить документы, но они выкрутили мне руки и повели к машинам. Видя такое, подошел Григоренко и тоже присоединился к моему требованию. «Молодой человек правильно говорит, — сказал он. — Предъявите документы!» У моего друга Григоренко такой голос, что приводит в трепет даже крупных чинов из КГБ. Полковник машинально полез в карман и вытащил удостоверение, откуда я собственно и узнал, что это Смирнов — начальник уголовного розыска не то города Москвы, не то Московской области.

Был задержан и товарищ Григоренко, а также подошедшие крымские татары. Нас отделили от Григоренко, загнали в автобус и повезли в 46-е отделение милиции.

Заперли в камеры, набитые по 50-60 человек крымскими татарами. Блюстители порядка по ошибке схватили и загнали в камеры даже двух венгров-туристов. (О живление в зале.) Потом мы объяснили начальству, что они не крымские татары, и их выпустили.

Нас держали с 11 часов до 18, не давая ни еды, ни воды. Было много женщин. Некоторым было плохо. С одной девушкой случился приступ, ей отказали оказать медицинскую помощь. Хорошо, что среди нас был врач, и он оказал ей посильную в тех условиях помощь. Ее не разрешили даже вынести на свежий воздух.

Вскоре меня вызвали к сотруднику КГБ. Фамилию он отказался назвать. «Беседа» была в основном из угроз и клеветы в адрес Костерина, Григоренко. Потом меня изолировали и посадили в камеру с тремя крымскими татарами.

Через час явился прокурор по надзору КГБ Евстифеев. Всех удалили, и прокурор набросился на меня с бранью, матом. Грязными словами охаивал мой народ, угрожал избить меня, выкрутить руки. Со мной и раньше так беседовали работники КГБ.

Потом нас повезли к Казанскому вокзалу и, погрузив в вагоны, отправили в Узбекистан. Погрузка была организована так, чтобы нас видели поменьше людей. Милицейские машины подкатывали прямо к дверям вагонов. Проводница вагона, куда был посажен я, удивленно говорила: «А мне сказали, что повезем призывников. А тут женщины...»

У многих не было документов. Вещи у кого в гостинице, у кого на частной квартире...

В «Траурной информации» нет ничего клеветнического. Все основано на фактах.

(Глядя в обвинительное заключение): Здесь говорится, что в извращенном виде преподнесен факт выселения татар из мест проживания. Кроме слова «извращение» здесь нет ничего, что доказывало бы факт извращения.

Критерием истины может быть только факт. Где извращение?

«Районы проживания татар в Узбекистане названы местами «резерваций»...» (Из обвинительного заключения.)

Я не хочу занимать время на объяснение этого термина. Объяснения, данные этому термину моими товарищами, ясные и верные.

«... где в первые месяцы переселения якобы погибло 46 % всего населения крымских татар». (Из обвинительного заключения.)

Судья: Вы и сейчас считаете, что погибло 46 процентов и что вы живете в резервациях?

Кадыев: Да. Я еще раз хочу подтвердить ту мысль, которую излагал уже в информации. Хочу остановиться на 46 процентах.

Когда нет официальных данных, правомочна статистика, проводимая частными лицами, в данном случае крымскотатарским народом.

На Нюрнбергском процессе одним из основных обвинений фашистским преступникам были многочисленные жертвы войны. Мы предъявили обвинение, что в результате кровопролитной войны, развязанной фашистской Германией, погибло 20 миллионов советских граждан. Исходя из численности населения нашей страны того времени и принимая во внимание, что война продолжалась 4 года, получается, что мы ежегодно теряли 2,5 % населения страны. Это было предъявлено нацистским преступникам, и они были наказаны.

В деле имеется выданная органами справка о смертности крымских татар после выселения. Эта справка видимо должна была служить опровержением нашей статистики. В этой справке говорится, что данные о численности крымских татар, прибывших в Узбекистан, имеются на 1 июля 1944 года и на 1 января 1945 года. Согласно этой справке, численность крымских татар сократилась «всего» на 16 682 человека, что составляло около 10 % крымских татар, прибывших в Узбекистан.

Таким образом, получается, фашисты уничтожали по 2,5 % всех советских граждан в год, а на основе даже справки КГБ в резервациях Узбекистана лишь за полгода было уничтожено около 10 процентов крымских татар.

Сегодня нас судят за обнаружение этих фактов. Следствие пытается тем самым прикрыть истинных преступников, которые и по сей день наверное здравствуют в органах КГБ. Я на это хочу обратить внимание суда. Я обвиняю следственные органы в попытке увести преступников от ответственности за преступления против моего народа.

В обвинительном заключении приводится выдержка из «Траурной информации»: «Разве забыть нам, что уничтожена крымскотатарская нация? Разве можно примириться с тем, что фальсифицируется история нашего народа, что пытаются уничтожить даже остатки нашей культуры? ... Разве можно примириться с насильственными методами укоренения крымских татар в местах ссылки, с избиениями и издевательствами, с обливанием щелочным раствором из пожарных машин, как это практикуется в Узбекистане?»

Это мои слова, мои мысли. Я не думаю, что является криминальным то, что я не хочу забывать. Это мое право к субъективизму — хочу забуду, хочу нет. В данном случае я не могу и не хочу забыть. Почему советский народ не может забыть преступлений фашизма, а мы обязаны забыть государственный бандитизм, в результате которого количество крымских татар сократилось на 46 процентов?

По поводу слов: «Разве забыть нам, что уничтожена крымскотатарская нация?» — я хочу показать, почему все представители посчитали это правильным и подписали информацию. Я считаю, что крымскотатарская нация действительно уничтожена. Свою мысль я хочу обосновать научно.

В свое время я внимательно изучал политическую

литературу и современное партийное определение нации. Это общность людей, характеризующаяся сознанием общего этнического происхождения, общностью территории, общностью . . .

Судья (перебивает): Кадыев, нам не нужны определения нации. Вы их можете не помнить и можете ошибиться.

Кадыев: Я не ошибусь. Я доскажу: . . . общностью экономических связей, общностью психологического склада, куда относятся общность культурного наследия и общность языка. Все это может быть обеспечено через государственность.

Ассимиляция наций, согласно марксистской трактовке — это очень длительный процесс. Даже при коммунизме, после отмирания государственности, сохраняются нации. Нация исчезает через свое развитие, посредством взаимного обогащения культур. Исходя из марксистского определения нации, мой народ как нация не существует.

Прокурор: Мне приходится опять возвращаться к своему замечанию. Подсудимый Кадыев обвиняется в составлении и распространении документов, порочащих советский государственный и общественный строй. Подсудимый привлечен к уголовной ответственности за клевету. Но под видом дачи показаний Кадыев пытается проводить свои клеветнические суждения. От того, что он пытается прикрыться марксизмом, от этого они не перестают быть клеветническими. Прошу сделать замечание Кадыеву, чтобы он прекратил свои демагогические выступления и не превращал суд в трибуну для распространения своих клеветнических измышлений.

Кадыев: На правах защиты я должен выразить решительный протест против попытки прокурора лишить меня права на защиту. Я обвиняюсь в составлении клеветнических документов. Когда же я пытаюсь объяснить причину написания мной того или иного выражения, вменяемого мне в вину, гражданин прокурор меня перебивает. Что же я должен делать? Мне нельзя вызывать

свидетелей, которые могли бы подтвердить факты, изложенные в моих документах. Мне нельзя и обсуждать факты и мысли, изложенные в этих документах. Может быть, гражданин прокурор считает, что это мне не инкриминируется? То тогда почему это приводится в обвинительном заключении? Почему утверждается, что я клевету на КПСС? Тогда надо снять это обвинение. Я не возражаю.

Судья: Оба заявления мы внесем в протокол. Внесем в протокол и мое замечание.

Указать, что чрезмерно широкое толкование, чрезмерные подробности при объяснении фактов не требуются для суда. Кадыев пытается повлиять на публику.

Все подробности мы знаем. Зачем говорить высокопарные слова, как например, «мой друг генерал Григоренко»? А я знаю, что по определению суда Григоренко сидел в психиатрической больнице. Он сумасшедший. Давайте избегать попыток влиять на публику. Чрезмерно подробное объяснение фактов мы считаем попыткой повлиять на публику, а также попыткой отклониться от существа предъявленного обвинения.

Кадыев: Я еще не до конца объяснил, почему именно считаю, что крымскотатарская нация уничтожена.

До 1944 года крымскотатарская нация существовала, а сейчас нет таковой нации.

Судья (с усмешкой): Официально в Конституции до 1944 года существовала. Можете и это сказать.

Кадыев: Не восстановлен наш литературный язык. История нашего народа фальсифицируется. Утверждение о фальсификации истории, которое приводится в «Траурной информации», касается не только периода Отечественной войны, о которой говорил мой товарищ Хаиров Иззет. Подвергается фальсификации вся история, начиная с возникновения крымскотатарского народа, т.е. с 8-9 века н.э. И именно потому, чтобы скрыть эту фальсификацию, разрушаются архитектурные памятники моего народа. Приведу только два факта.

В Бахчисарае, недалеко от памятника средневековья Чуфут-Кале, был прекрасный архитектурный ансамбль — памятник Гази-Мансур. Сейчас этого памятника нет. Это место скрыто от взоров посетителей колючей проволокой. Там же, в Бахчисарае, был прекрасный ансамбль Азиз-Джами. У меня дома есть фотографии 1956 года, как бульдозерами разрушали этот памятник.

Рядом с Юсуповским дворцом был минарет. Бывший председатель Шульц пытался бульдозером стянуть башню минарета с полумесяцем, что указывало на мусульманский колорит. Он хотел свалить и весь минарет, но современной технике это оказалось не под силу, так как минарет изнутри был залит свинцом до основания. Ныне этот Шульц проживает в селе «Счастливым».

Разрушение памятников мусульманской культуры вызывает возмущение не только крымских татар, но и многих прогрессивных людей. В деле имеется заявление художницы Ногаевской в горисполком, где она протестует против уничтожения одного татарского мавзолея. Там же имеется ответ из горисполкома, где говорится: «На Ваше заявление поясняем, что средневековая башенка, о которой говорится в Вашем заявлении, архитектурным памятником не является... Липатов».

Я не буду дальше касаться этого вопроса. Думаю, что достаточно.

Теперь насчет моего утверждения о насильственном укоренении крымских татар в местах ссылки. Я в этом уверен. Да, в Узбекистане путем избиений и издевательств хотят укоренить крымских татар.

Хотел бы в двух словах рассказать о моем дяде Кадыеве Меджите — бывшем участнике Отечественной войны. За свою жизнь он был избит трижды. Первый раз белогвардейцами. Его били, чтобы он сказал, куда ушли его братья-красноармейцы. Второй раз он был избит немцами в концлагере, когда он попал в плен во время отступления Красной армии от Севастополя. Третий раз его били в г. Чирчике 21 апреля 1968 г., когда

крымские татары устроили национальный фестиваль. У него была язва желудка. Он только вышел из больницы после операции; швы еще не заросли. В этот день он проходил по городскому парку и попал под облаву солдат и милиции на празднестве крымских татар. Его держали за руки и били ногами в живот, потом два дня держали в милиции. В деле имеется фотография.

Обо всем этом он рассказал, когда в мае посетил Самарканд. Он рассказывал об избиениях в Чирчике и плакал. Я первый раз видел, как плачут мужчины . . .

Судья: А вот сравнения с преследованиями негров в 17 веке, с эсэсовскими облавами на евреев? Это тоже считаете правильным?

Кадыев: Это даже не выдержка из информации, а выдержка из письма одного из очевидцев московских событий в мае. Ничего в этом клеветнического не вижу. Это субъективное право автора сравнивать с теми или иными фактами. Облавы на крымских татар были действительно похожи на эсэсовские облавы, как их нам показывают в кино.

Судья: Накопилось много материалов, которые надо обработать. Нам надо время. Объявляется перерыв до 11 часов утра 10-го июля.

(Перерыв до следующего дня)

ВОСЬМОЙ ДЕНЬ СУДА

10 июля 1969 г.

Показания Кадыева Роллана (продолжение)

Гафаров: Гражданин судья, сына не пустили.

Умеров: Гражданин судья, мою старшую сестру не пустили.

Хаиров: Гражданин судья, моего родственника Жемилева Мустафу не пустили.

Судья: Его не пустят, ему сделали замечание. Он отвлек конвой. Ну, Кадыев, давайте.

Кадыев: Я не кончил о «Траурной информации». В

обвинительном заключении указано, что татары нарушали общественный порядок в Москве. Ни мне, ни моим товарищам не было предъявлено, в чем я провинился, и был доставлен в места ссылки — в Узбекистан.

Это расцениваю как новую клевету на мой народ. Именно, чтобы скрыть от общественности лиц, незаконно задержавших нас, следственные органы отказались произвести допрос свидетелей-очевидцев выдворения нас из Москвы. С другой стороны, я усматриваю в этой фразе стремление очернить представителей перед своим народом. Эта фраза направлена на то, чтобы бросить тень на представителей моего народа.

В конце абзаца утверждается... (Читает отрывок из обвинительного заключения о геноциде и расовой дискриминации.) Я, как автор информации, утверждаю и придерживаюсь того мнения, что по отношению к нам проводится расовая дискриминация. Свои рассуждения я обосновываю следующим — статья 1 Конвенции ООН. (Читает отрывок из статьи 1 Конвенции ООН о расовой дискриминации.)

Совершенно понятно и не стоит оспаривать, что даже юридически проводился геноцид до указа 1967 года, хотя бы потому, что по указу 1956 года мы были лишены права проживать на территории Крыма. Указ 1956 года оставлял на нас клеймо изменников Родины. Кроме того, этот же указ фактическое ограбление или, как говорится в указе, — конфискацию имущества — считает законным.

Даже после указа 1967 года расовая дискриминация проводится по отношению к нам. Хочу подтвердить следующим доказательством (зачитывает отрывок из газеты «Жизнь национальностей» № 23 за 1921 год о важности крымскотатарского национального вопроса для молодого Советского государства), то есть иными словами, как это исходит из политики партии — максимум условий для развития нации через государственность.

Мы государственности лишены и, следовательно, не являемся нацией.

Ассимиляция происходит через государственность. Лишение нас государственности лишает нас возможности развиваться как нация. Поэтому я считаю, что указ 1967 года, не восстановивший наши права, содействует проведению политики расовой дискриминации по отношению к крымским татарам. Что касается последнего пункта — геноцида, он проводится по отношению к нам. Он включает в себя (читает подробное определение геноцида . . .).

В отношении нас физическое истребление проводилось в первые годы высылки, когда в связи с бесчеловечными условиями погибло 46 % крымских татар. В настоящее время физический геноцид не проводится. Проводится национально-культурный геноцид, так как развитие культуры, языка не может осуществляться без государственности.

Разрешите в этом отношении зачитать резолюцию X съезда партии по национальному вопросу, как ленинская партия подходила к решению вопроса о малых нациях. (Зачитывает с абзаца «политика царизма» и так далее . . .)*

Мой народ и при царизме имел своих писателей, художников и газету. Но, согласно резолюции X съезда, не имея национальной государственности, нация не может развиваться ни в культурном, ни в других отношениях, определяющих нацию.

Именно Октябрьская революция дала нам возможность национального возрождения. Никогда я не имел против ни государственного, ни общественного строя ничего. Именно Советская власть дала нам национальность. В отношении меня и моих товарищей в зале суда было заявлено, что мы пытаемся использовать его трибуну для пропаганды идей, порочащих советский общественный и государственный строй. Причем я хочу обратить внимание суда на то, что я в своих доказательствах и мои товарищи пользуемся партийными документами и

* См. X съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М. 1963, с. 702.

ленинскими определениями. Ленинизм для нас, для моего народа является оружием борьбы. Другого оружия у нас нет и не может быть. Мы поддерживаем Советскую власть, которая дала государственность нашему народу. Иной власти мы не желаем.

Информация № 70 (второй абзац обвинительного заключения).

Судья: Кадыев, составляли информацию вы?

Кадыев: 70-я информация была написана лично мной, обсуждена представителями народа, и первые четыре экземпляра отпечатаны для передачи в Центральный Комитет, в Президиум Верховного Совета СССР и в Совет Министров СССР. Что касается содержания, то в этом документе имеются факты о продолжающихся преследованиях наших представителей. Стоит ли останавливаться на содержании?

Судья: С содержанием вы согласны? Измышлением не считаете?

Кадыев: Да, да.

Судья: В чем выразилось участие Бариева, Байрамова, Халиловой в составлении этой информации?

Кадыев: Уже объясняли. Участие заключалось в обсуждении, подписании, и затем передали в партийные и государственные органы.

Судья: 71-я информация вами составлялась?

Кадыев: Никакого отношения не имею. Когда составлялась информация, меня в Москве не было.

Судья: «Обращение к сессии...»

Кадыев (зачитывает отрывок из обвинительного заключения): Первоначальный текст этого обращения был составлен мною, одобрен представителями и передан партийным и советским органам. Моими товарищами в дальнейшем это обращение вручалось депутатам сессии. Я прошу суд обратить внимание вот на что: везде в обвинительном заключении, где затрагивается моя фамилия, используются домыслы. Я считаю эти домыслы попыткой опорочить мое имя в первую очередь перед

судом и опорочить национальное движение моего народа и возвести клевету на национальную политику нашего государства. В основе борьбы моего народа лежит именно национальная политика, разработанная Лениным. Если бы я хотел опорочить советский общественный строй, то я должен был бы требовать другого республиканского строя, каких-либо привилегий для своего народа в ущерб другой национальности.

Еще раз подчеркиваю: есть прямая попытка следственных органов вновь бросить клевету через мое имя на весь народ, представителем которого я являюсь. Именно исходя из политики Советского государства, я требовал для своего народа того, чем пользуются все народы СССР.

Судья: Составляли обращение вы?

Кадыев: Лично мною составлен первоначальный текст. Считаю, нет необходимости повторяться, что расизм и геноцид проводятся в отношении нашего народа.

Судья: Что вы имели в виду, говоря о том, что указ 1967 года способствует укоренению в резервациях?

Кадыев: Дополняю. Да, этот указ, я считаю, узаконил политику насильственной ассимиляции по отношению к моему народу, так как естественная ассимиляция проходит обязательно через: от народности к нации, через высокий уровень культуры, экономики, через развитие государственности. И сама естественная ассимиляция фактически лишь продолжается даже с построением коммунизма, даже после отмирания государства. Нация отмирает позже. Стирание граней между нациями будет происходить через взаимное обогащение культуры. В отношении к моему народу произошла насильственная ассимиляция, так как, лишив нас права называться нацией, не давая возможности нам развиваться со своей государственностью...

Прокурор (перебивает): Разрешите.

Судья: По-моему, когда исчезнет нация, отмирание государства — это научные рассуждения.

Кадыев: Вот поэтому я ходатайствовал об участии экспертной комиссии...

Прокурор (перебивает): На вчерашнем заседании Кадыеву было сделано предупреждение. Кадыев по-прежнему уклоняется от разбирательства дела, неправильно дает оценки фактам, пропагандирует идеи, порочащие советский общественный и государственный строй. Поскольку составом суда сделано замечание Кадыеву на основании статьи 276 УПК УзССР, прошу сделать предупреждение, что при попытке продолжать свою речь, подсудимый Кадыев будет выведен из зала.

Кадыев: Граждане судьи, я должен выразить решительный протест. Я расцениваю заявление прокурора как прямую попытку давления на суд и лишения меня возможности защиты. (Подтверждает свой протест выдержками из речи Горкина от февраля 1968 года — «Правда» [25. 2. 1969].)

Я усматриваю заявление прокурора как попытку давления на суд и превращения состава суда в чиновников. Я ссылаюсь на партийные источники, а прокурор хочет опорочить сами источники. У меня все.

Байрамов: На правах защиты я заявляю решительный протест прокурору.

Судья: Замечание Кадыеву, сделанное на заседании 9-го июля 1969 года, считаю законным. За сегодняшнюю попытку отклонения от существа дела вынести предупреждение.

Кадыев: Остается отвечать только «да» или «нет». (Зачитывает журнальную заметку о суде в ЮАР французского журналиста.) «Принудительное укоренение». Пример — Чирчикские события (1968 год) и как представителей из Москвы насильно вывезли в Узбекистан, несмотря на то, что они проживали в разных районах, в частности людей, приехавших с Кавказа и Крыма, тоже везли в Узбекистан.

(Зачитывает обвинительное заключение, стр. 46, 2-й абзац.) По-видимому, я обвиняюсь в подстрекательстве

крымских татар. Этот пункт считаю защитным на основании всех документов. Если моя деятельность является подстрекательной, то меня подстрекает сам указ 1967 года. Почему же авторы, подписавшие этот указ — секретарь Георгадзе и председатель Президиума Верховного Совета СССР Подгорный не попали на скамью подсудимых?

(Далее он читает стр. 46, 2-й абзац обвинительного заключения.) Это прямая клевета на меня следственных органов. Выдержка взята из показаний свидетеля Киньшакова. Дело в том, что 5 [декабря] 1966 года я должен был провести информацию о Дне Конституции. Я явился к декану и сказал, чтобы меня заменили, так как я сам крымский татарин, и в группе, где я провожу информации, есть студенты крымскотатарской национальности. И я знал, что неминуем вопрос о том, почему крымские татары не имеют права проживать в Крыму, не имеют своей государственности, что является нарушением Конституции.

Декан счел необходимым созвать партбюро, с целью сделать мне внушение. Оно было собрано, хотя я не являюсь членом партии. На бюро я придерживался тех мнений, которые отстаиваю здесь на суде. В частности, я ставил вопрос, почему мне, крымскому татарину, нельзя проживать в Крыму? Почему реабилитированы другие народы, а крымские татары нет? Вполне понятно, что они не могли ответить. То, что я был прав на бюро, подтверждает сам указ от 1967 года. Никто из членов бюро не извинился после выхода указа 1967 года.

Судья: Вы не высказывались в своем окружении? А на бюро?

Кадыев: Меня заставили высказаться на бюро. (Кадыев зачитывает обвинительное заключение — «Обращение молодежи Самаркандской области».) Я составил обращение молодежи и подлинник этого документа я отнес в КГБ Самаркандской области. Я хочу обратить внимание на то, что оно было составлено в августе, то есть до указа 1967 года.

В деле есть этот документ, но не знаю, почему именно вырван последний лист с моей подписью, подтверждающей, что я именно сдал в КГБ. Первый экземпляр отправлен в Москву, с подпис[анным] подлинник[ом] явился на вызов КГБ и сдал его. Написан в августе 1967 года, до выхода указа. Содержит клеветнические измышления или нет, отвечает сам указ 1967 года. В этом обращении было чаяние молодежи, чтобы с нас было снято клеймо изменников-предателей. (Зачитывает обвинительное заключение о половинчатом указе.)

(Перерыв)

Кадыев: В день выхода указа утром в СамГУ в актовом зале собрали в течение 5-6 минут работников и студентов. В проходной мне сказали, что вышел указ о крымских татарах. Я летел, как на крыльях, думая, что наконец-то долгожданный указ вышел в свет. В президиуме был Вишневский — представитель ЦК. Зачитав указ, он начал объяснять, что в Крыму было 20 000 дезертиров, 20 000 добровольных карательных отрядов, 7-8 000 предателей, 6 000 ушли за границу. У татар были пушки, танки и так далее. Все это взято у Надинского. Получается, что изменников было больше, чем все взрослое население Крыма. Меня, конечно, возмутили такие методы разьяснения указа и, естественно, после выступления Вишневского я попросил слово и разьяснил, что такой метод разьяснения указа, что крымские татары не имеют государственности и так далее, является обманом общественного мнения. Политическая реабилитация является восстановлением бывшего статус-кво.

(Зачитывает следующий абзац обвинительного заключения.)

Я считаю антиобщественную деятельность, указанную в обвинительном заключении, — клеветой. Написание письма Брежневу не считаю антиобщественным.

Приведенные в обвинительном заключении выдержки не являются клеветническими.

Да! Положение моего народа действительно печальное и ужасное. Что касается несуществования крымскотатарской нации как таковой, это действительно так, и ни один орган не возьмется это оспаривать. Мы — нация социалистическая. До Октябрьской революции такой нации не существовало. Тяжелые годы культа личности были и уничтожением. Мой народ не может называться крымскотатарской нацией. В этой связи нужно сказать, что Советская власть ее породила и она же уничтожит в том смысле, если не восстановит нашу государственность.

И так как пока отдельные руководители советского правительства и партии до сих пор не восстановили статус-кво, и мы не можем быть названы нацией, то при дальнейшем течении обстоятельств крымскотатарской нации больше не будет в том смысле, если не будет восстановлена ленинская национальная политика, пока отдельные руководители не восстановят права крымскотатарского народа. Распространение данного письма я отрицаю.

(Зачитывает абзац обвинительного заключения о закрытом письме.) В первых числах мая 1968 года я выехал в Москву в качестве представителя. Это письмо сразу же было написано, как только я вернулся вновь в Москву после выдворения представителей. Мы составили закрытое письмо, чтобы прислали достойных представителей, а закрытым названо, [так как] оно не распространялось среди населения и не было предназначено для ЦК.

(Зачитывает следующий абзац обвинительного заключения.)

Находясь в Крыму в начале августа, я посетил Исторический музей в городе Бахчисарае. Находясь в Крыму, я пришел к выводу, что Крым из всесоюзной здравницы стал всесоюзным институтом для разжигания

национальной розни. С уст экскурсоводов не сходило выражение «татары варвары, не имеющие культуры, занимались только набегами, не являлись коренными жителями, что Крым это исконно русская земля». После окончания экскурсии я задал экскурсоводу несколько вопросов. Спросил, почему именно ваша трактовка истории совпадает полностью с трактовкой послевоенной?

Она заявила, что пользуется послевоенной литературой. Когда я спросил: Почему утверждаете, что Петр I никогда не был в Крыму? — она сказала, что так говорится в источниках. Когда я ей напомнил, что Петр I был взят в плен татарами и отпущен под честное слово, что больше не будет воевать с крымским ханством, она ответила, что да, теперь припоминает, что где-то читала. Тогда я ей обещал дать список литературы, трактующей историю Крыма с марксистской точки [зрения] — то есть довоенной. Почему не вызвали из СССР никого, тем более, что в показаниях Клипаченко, Герцена и Зубкова имеются противоречия.

Последний инкриминированный мне документ — обращение к мировой общественности. В течение года после выхода указа 1967 года представители крымских татар просили Советское правительство, партию, чтобы были приняты, чтобы довести до сведения ЦК об отчаянии народа. Эти просьбы были выражены в тысячах писем и телеграмм, однако все наши обращения остались без ответа. Нас не принимали, ответ не давали, а [выдворяли].

Судья: Почему вы решили обратиться к мировой общественности?

Кадыев: В Информации № 69 в одном из последних абзацев сказано, что если правительство не решит наш вопрос, мы оставляем за собой право обращения к мировой общественности. Так как мы не получили ответа на эту информацию, мы решили кратко информировать советскую и мировую общественность. В содержании

оно ничего нового не имеет. Одним из мотивов написания были методы разъяснения указа 1967 года. Везде, где проживали советские люди, они воспитывались на антитатарской литературе, как Вергасовы, Первенцевы, Надинский и так далее. Куда бы ни поехал крымский татарин, его может оскорбить каждый житель, назвав предателем, и так далее. Наша страна раскинута от Карпат до Тихого океана, а указ был издан только в местной печати в УзССР. Обращаясь к мировой общественности, мы считали, что прогрессивные люди мировой общественности не останутся безучастными к судьбе целого народа. Вся наша цель ясно изложена в самом обращении.

Прокурор: Вы в своем документе ссылаетесь на народ и говорите от имени народа. Не наводите ли клевету на свой народ?

Кадыев: Ни на один вопрос, исходящий со стороны прокурора, я отвечать не буду, даже если он трансформирован судом.

Прокурор: Кадыев получил высшее образование, является преподавателем университета, а сравнивает методы обращения фашистов с евреями и американцев с неграми с правомерными действиями работников милиции.

Кадыев: Ответ тот же.

Прокурор: В одном из совещаний Кадыев дал отвод суду по партийной принадлежности. Что вас не устраивает? Руководящая роль партии?

Кадыев: Отвечать не буду.

Судья: Вопросы будут?

Монахов: Скажите, пожалуйста, здесь шла речь о международной конференции физиков. Вы участвовали на ней и делали доклад?

Кадыев: Да, я участвовал на международной конференции физиков-теоретиков в городе Тбилиси летом 1968 года. Я выступил со своим докладом о теории относительности. Работу эту мы разработали с Арифовым,

причем нам удалось найти нашим теоретическим выводом практическое подтверждение на «отрицательном параллаксе» звезд.

Монахов: Как было воспринято ваше выступление на этом форуме?

Кадыев: Ученые проявили очень большой интерес к нашему сообщению.

Монахов: Опубликовались ли ваши статьи в каком-нибудь печатном органе?

Кадыев: Да, мои статьи публиковались в «Астрономическом журнале».

Монахов: Повлияла ли ваша изоляция на вашу дальнейшую научную работу?

Кадыев: Находясь в следственном изоляторе КГБ, я просил предоставить мне возможность работать и пользоваться необходимой литературой. Такая возможность была мне предоставлена только последние два месяца, за этот период я написал две статьи. По прибытии в тюрьму у меня все было отобрано. Я неоднократно просил и заявлял начальству, оперуполномоченному, прокурору по надзору, чтобы мои записи были переданы моему соавтору Арифову, чтобы он мог их подготовить для печати, однако мои просьбы и ходатайства в устной и письменной форме не были удовлетворены. Я не знаю судьбу своих записей. В этой связи, конечно, моя изоляция безусловно повлияла на мою научную работу.

(После обеда)

Судья: Следующий у нас Байрамов. Будете ли вы давать показания?

Байрамов: Гражданин судья, в первый же день суда я отказался от дачи показаний и сейчас стою на этом, так как свой отказ я мотивирую тем, что мы заявляли ходатайство о вызове дополнительных свидетелей для объективного рассмотрения дела. Однако судом были отклонены наши ходатайства, и были оставлены свидетели только обвинения.

Судья: Проверку данных проведем путем оглашения показаний, данных на следствии Байрамовым, и огласим показания, данные свидетелями.

Последний раз Байрамову предъявлены по постановлению 9 января 1969 года листы 74-101, том 8. Это постановление ему объявлено под расписку. Оглашается дело 103-109, том 8.

Прокурор: Подсудимый Байрамов, в протоколе от 14 сентября вы в своих показаниях говорили, что некоторые документы имеют ряд клеветнических измышлений. А вы можете это подтвердить?

Байрамов: Так как я дал отвод прокурору, на вопросы его я не отвечаю, но хочу внести поправку по поводу первого допроса от 14 сентября 1968 года в городе Симферополе. Протокол допроса я подписал сам, [не] прочитав, так как следователь заявил, что все записано с моих слов. Я отрицаю, что документы имели ряд клеветнических измышлений, [я заявляю,] что так я не говорил.

Судья записывает в протокол поправку Байрамова.)

Показания Гафарова Ридвана

[Потом дает показания Гафаров Ридван. Запись его показаний отсутствует в материалах о Ташкентском процессе. Информация № 3 сообщает о них следующее:]

Во второй половине 8-го дня судебного процесса давал показания Гафаров Ридван, инвалид, участник Финской и Отечественной войны. Он так же, как и предыдущие товарищи, разоблачил фальшивость и лживость предъявленных ему обвинений и заявил что ни в коей мере виновным себя не считает.

Показания Языджиева Исмаила

Языджиев: В одном из своих писем руководителям партии и правительства я убедительно просил их о постановке вопроса перед советскими учеными о разрешении проблемы изобретения такого прибора, который

мог бы точно определить душу человека, так как у нас наука и техника достигли высокого уровня, способного определить душу беспредельной вселенной. Это имело бы громадное значение в избавлении многих честных людей от незаслуженной кары.

Судья (смеется): Но такого прибора нет, и пока мы определяем душу человека.

Языджиев: Но вы можете ошибиться. Я убежден, современем эти проблемы будут разрешены. Я очень сожалею, и очень, что суд не удовлетворил мои ходатайства об изменении меры пресечения или же создании условий для подготовки к процессу, тем более такой почетный суд, как Верховный Суд Узбекской ССР. Для более обыкновенного подхода к решению моей судьбы на данном процессе считаю необходимым заявить суду следующее: считаю законным, справедливым, если суд будет вести рассмотрение моего дела на данном процессе взаимосвязи с обстоятельствами и причинами, порождающими естественное, справедливое и конституционное движение крымскотатарского народа за возвращение в Родной край — Крым, поскольку это движение направлено к восстановлению государственности нашего народа в рамках ленинского . . .

Судья: Языджиев, по сути обвинения.

Языджиев (волнуется, сказывается его контузия, нервничает, конвульсивно прочищает пальцем ухо): Я должен сказать, я говорю о том, что меня заставило написать мои письма. Так как данный процесс неразрывно связан с движением крымскотатарского народа за восстановление своих конституционных прав в рамках статьи 123 Конституции СССР, прошу суд вывести из следственного дела все термины, искажающие действительность. Например, термин: «так называемое крымскотатарское движение», «нелегальное», «автономисты» и «яко бы, будто бы» и заменить термин «переселение» термином «выселение». Эти термины направлены на извращение действительности, чтобы поставить

суд в заблуждение, и в конечном счете являются политикой дезинформировать директивные органы государства о стремлении нашего народа в целом, о стремлении ныне подсудимых в частности, вернуться на свою национальную родину, в Крым, и стать равноправными гражданами СССР.

Заявляю суду, что я оказался на скамье подсудимых не потому, что имею какие-либо намерения против советского общественного строя, а потому, что я являюсь сыном крымскотатарского народа и одним из его представителей, от общественности райцентра Булунгур и совхоза «Булунгур-1», за то, что я разделяю чаяния моего народа об осуществлении его неотъемлемых конституционных прав, то есть о восстановлении подлинного равноправия на родной земле в рамках Ленинского Декрета от 18 октября 1921 года.

В обвинительном заключении сказано «так называемый крымскотатарский вопрос». Я исхожу из того, что истину нельзя отклонять, так как это движение носит отчетливый народный характер, в нем заинтересован весь наш народ. Не согласен с термином «нелегальная инициативная группа», так как инициативная группа не только должна быть, но она и есть, а вступившему в инициативную группу человеку выдается мандат, подписанный людьми, выдвигавшими его, и мандат отправляется в ЦК. У нас также нет «автономистического» понятия, а наша цель в восстановлении декрета Ленина о Крымской АССР.

И мне непонятно, когда следствие пишет «так называемый национальный вопрос», отрицая существование национального вопроса, и тут же пишет «автономистическое движение». Разве одно не противоречит другому, и разве в СССР желание иметь свою автономию противозаконно?

Переселения у нас не было, а было выселение. Под переселением я понимаю то, что об этом заботится госу-

дарство, а наше выселение ни в коем случае не может быть переселением.

Судья: Вас тоже не оставили без забот.

Языджиев: Да, в одну ночь загнали в сталинские вагоны, вывезли в Среднюю Азию, где половина умерла с голоду.

Судья: Почему сталинские вагоны, когда жил Сталин, в России еще железной дороги не было[?].*

Языджиев: Так говорят в народе. Прошу учесть, что мне предъявлено обвинение в нарушении 125 статьи Конституции СССР, тогда как меня лишают права свободного выражения своих мыслей руководителям партии и правительства. Прошу суд дать мне точное определение: соответствует ли значение термина «изготовление документов» значению слова «писать личные письма», так как я писал личные письма Брежневу, Косыгину, в ЦК КПСС и в редакцию «Правды». В своих письмах, которые называли документами, выражены мои личные мысли и личное желание, и их никак нельзя назвать документами.

Распространение их следствием не доказано, я из них некоторые только набросал в черновик, они еще не закончены, являются только наброском. Я осуждаю термин «подстрекательная деятельность». Если печать и радио говорят о переселении куда-то в Приамурье, это разве значит, что они подстрекают; говорят агитируют. Подстрекать я понимаю — такое действие, которое направлено против желания крымскотатарского народа; разве хоть один татарин из всех опрошенных следствием заявил, что он не желает вернуться в Крым?

Татары не нуждаются в подстрекательстве и агитации. Я считаю, что наш народ имеет свои головы, и подстрекать их я считаю невозможным и оскорбляющим наш народ.

Судья: Подстрекать разве можно только на плохое? Подстрекать можно и на хорошее, например, подстре-

* М.Б. Языджиев говорил о «Столыпинских вагонах».

кать на подвиг, подстрекать к знаниям. Вы говорите по существу обвинения, не надо отклоняться. Что вам предъявлено? Национальный вопрос мы здесь не разбираем. Продолжайте.

Языджиев: Исходя из этого соображения, я просил суд, чтоб был большой зал и чтоб знала широкая общественность и чтоб знали, за что нас судят.

Открытое письмо я писал после выхода указа, в октябре, а не летом. Отослал через своих представителей, через кого именно, сейчас не помню. Другим я его не передавал. Отослал в одном экземпляре. Как распространение мной этого письма и убедительное в этом доказательство, следствие прилагает к тому письмо, изъятое у Гафарова. Как оно попало к нему, я не знаю, и почему в двух экземплярах?

Судья: Вы его читали кому-нибудь?

Языджиев: Нет, читать его я никому не давал, это было бы нескромно с моей стороны.

Судья: А с содержанием его вы и сейчас согласны?

Языджиев: По поводу содержания я и сейчас считаю и согласен, что, как греческие патриоты, и мои товарищи являются патриотами моего народа, которых судят сейчас и которые были осуждены ранее. Слово бесплодный я употребил, так как считал и считаю, что указ ничего не дал моему народу, об этом я писал правительству. Я никогда не скрывал от руководства имеющиеся недостатки, пользуясь статьей 125. Термин «иероглифы древности» я употребил, так как этот указ непонятен не только мне, но также и общественным деятелям. Если бы его можно было бы понять, зачем нужно было направлять армию разъяснителей из ЦК? Кроме того, указ не нужен татарам, ранее проживавшим в Крыму, это моим родителям, дедам и прадедам, у которых и кости уже сгнили, указ нужен живым, настоящим крымским татарам, которые сейчас живут в Узбекистане.

В заголовке указа он предназначен только для гражд-

дан татарской национальности, проживавших в Крыму, а в тексте говорится о новом поколении, вступившем в жизнь. Если они снимают огульное обвинение с тех, кто ранее проживал в Крыму, остаются виновными те, кто родился здесь. Ведь были обвинены полностью все крымские татары. Не называя нас своим именем, его составители сами запутались.

Судья: Что вы хотели?

Языджиев: Я хотел бы, чтобы заголовок указа соответствовал и полностью отражал сущность текста. Ведь из Крыма были выселены не только крымские татары, но и казанские, греки, болгары, армяне, так указ указывает только татар, то он не для крымских татар, которых и на сей день считают предателями.

Судья: Сделаем перерыв до завтра, 11 июля, до 10 часов.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ СУДА

11 июля 1969 г.

Заседание началось в 11.05 час.

Показания Языджиева Исмаила (продолжение)

Судья: Продолжайте показания, Языджиев.

Языджиев: Я слушаю вас. Какой вопрос будет и что вас интересует?

Судья: Продолжайте по обвинительному заключению.

Языджиев: Вчера я говорил по отношению к своему письму. В обвинительном говорится, что я принизил политическое значение Указа от 5 сентября 1967 года.

Я говорил и говорю, что я считаю, что официальное объявление [об] огульности нашего обвинения и публикация в печати имеют большое политическое значение. В этом отношении я придаю ему большое политическое значение и не признаю пункта обвинения о принижении политического значения нашего указа, так как он все же снял с нас огульное обвинение.

(Судья зачитывает: «в письме возводится клевета на

политику КПСС», обвинительное заключение, лист 50, абзац 4.)

Языджиев: Также я не согласен с тем, что я клевету на национальную политику партии. Я считаю, что у партии нет отдельной национальной политики в отношении крымских татар, а есть общая политика по национальному вопросу, и у нас вся надежда на ленинскую партию и ленинскую национальную политику.

В отношении распространения я вчера сказал, я полностью повторяю, письма, отправленные руководителям партии и правительства, я распространением не считаю. (Читает обвинительное заключение лист 52, абзац 1.) Письмо, начинающееся словами «крымскотатарский народ», написано мною как черновик и является наброском или первоначальным вариантом того письма, которое я отправил и о котором говорил. Письмом он тоже не является, никуда послан не был, а находился в газете, случайно там забыт и при обыске обнаружен в конце 1968 года. (Читает обвинительное заключение страница 51, абзац 1.) Указ соответствует именно националистической нации.

После издания указа, когда многие крымские татары поехали в Крым и не смогли прописаться, у меня возникла мысль, и я ее записал для себя. К распространению она не предназначалась. В дальнейшем эту мысль я использовал в своем открытом письме.

Судья: Обозревается лист 53, том 15.

Языджиев: Это тот лист, о котором написано в обвинительном.

Судья: Вы его писали в ученической тетради?

Языджиев: Вот, как есть на листке, и он является наброском.

Судья: Никем не подписан?

Языджиев: Да.

Судья: Но вот здесь есть графа для подписей, видимо, вы хотели собрать подписи?

Языджиев: Это был набросок. Может быть.

Судья: Но здесь есть нумерация до 11. Вероятно, вы хотели собрать подписи.

Языджиев: Это было два года назад, что я тогда хотел и не сделал, я не помню.

Судья: Но здесь в протоколе написано, что прежде вероятно вы собирались.

Языджиев (зачитывает обвинительное заключение страница 51, абзац 2): Я по своим соображениям считаю, что народ не может укорениться и что наш народ не является саженцами. Мои слова, укоренение народа я считаю невозможным, у него есть отчизна, и он ее не сменяет на любой райский уголок света.

Судья: Все у вас?

Языджиев: Да.

Судья: Теперь у вас есть организация вами нелегального собрания в Ленинабаде.

Языджиев (зачитывает лист 51, абзац 3): Мое присутствие на данной встрече представителей инициативных групп в Ленинабаде я не считаю нелегальным.

Судья: Когда это было?

Языджиев: Если не ошибаюсь, в 1967 году.

Судья: Много там народу было?

Языджиев: Не считал. 50-60 человек.

Судья: Из различных районов?

Языджиев: Да, из различных районов двух республик.

Судья: Что это собрание нелегальное, отрицаете?

Языджиев: Я отрицаю. Я поехал с мандатом от жителей района Булунгур, где проживает более 100 семей, не сам, а меня избрали и попросили, я не отказался, и считаю отказ в исполнении наказа народа позором.

Судья: Скрывались там где-нибудь?

Языджиев: Нет.

Судья: Где проживали?

Языджиев: В одном доме, скрываться можно в лесу.

Судья: Долго там были?

Языджиев: Нет. Как мне помнится, там мы информировали о настроении народа и мнение — как поступить дальше.

Судья: Всего сколько там были времени?

Языджиев: Всего одну ночь.

Судья: Там информацию вы составляли?

Языджиев: Да.

Судья: В чем заключалось ваше участие в изготовлении?

Языджиев: Я присутствовал и участвовал в обсуждении.

Судья: Сами исправляли, внесли поправки?

Языджиев: Нет.

Судья: Вы там голосовали?

Языджиев: Нет. Прочли рукопись. Товарищи, кто хотел, вносили изменения и подписывали.

Судья: Вы одобрили его содержание?

Языджиев: После того, как прочитал, я одобрил и клевету не усматриваю на политику партии и правительства.

Судья: Еще что у вас есть?

Языджиев: Там, в этом документе имеются ясные факты о том, кто и как проводил разъяснение указа 1967 года. Мне еще факты дал хорошо мне знакомый гражданин, имеющий точные сведения, я верю ему.

Судья: Обозревается лист 205, том 15. Здесь фотокопия, где подлинник?

Языджиев: Здесь приложена фотокопия. Я думаю, подлинник должен быть в ЦК КПСС. А направлен он адресату, или попал в руки КГБ, я не знаю. Адресат меня не известил.

Судья: Первой стоит ваша фамилия?

Языджиев: Да, я верю, глядеть не надо.

Судья: Дальше.

Языджиев: То, что первой стоит моя фамилия — у органов КГБ и следствия возникли подозрения, что его составил я. Я подписал перед посадкой в самолет.

Судья: Еще у вас есть объяснение на это?

Языджиев: Нет у меня больше ничего.

Судья: Так, распространяли этот документ где-нибудь?

Языджиев: Я впервые увидел вторично этот документ в деле при ознакомлении.

Судья: Следующее обвинение.

Языджиев: Следующее обвинение — мое письмо в адрес редакции «Правды». (Зачитывает обвинительное заключение лист 52, абзац 1.)

Судья: В редакцию вами был отправлен изготовленный документ?

Языджиев: Не изготовлен, а написан, и это был набросок. Я намеревался написать в редакцию.

Судья: Время правильно — октябрь 1967 года?

Языджиев: Да, я прочел в газете «Правда» статью «За фасадом свободного мира», подзаголовок «Бесправные люди», эта статья побудила меня написать свою статью в «Правду», напечатанное там очень напоминало наше положение.

Судья: Так что еще?

Языджиев: Я сделал набросок и хотел переписать, но потом раздумал отправлять.

Судья: Почему?

Языджиев: Так как в последнее время за мной здорово ухаживали сотрудники КГБ.

Судья: Еще почему раздумали?

Языджиев: Больше причин не было. Да, положение, описанное в газете, точь в точь, как наше положение. Газета за 30 сентября, я написал 1 октября, обыск был 7 октября, а статья была в газете, из которой я ее переписал, изменив индейцев на крымских татар, так как смысл точь в точь подходил к нашему положению. Распространять его я не собирался и я опровергаю домысл следствия, как будто я собирался распространять, а обыск и изъятие его у меня предотвратили это.

Судья: Писали сами, или диктовал кто-нибудь, или советовал?

Языджиев: Писал сам и вопрос считаю оскорбительным.

Судья: Еще какие объяснения будут?

Языджиев: Нет.

Судья: Следующее письмо Костерину.

Языджиев (читает обвинительное заключение стр. 52, абзац 2): Утверждение, что это письмо в начале октября, не соответствует действительности. Это письмо было написано в апреле до моего выезда в Москву.

Судья: Так объясните.

Языджиев: Поводом к написанию письма было письмо Костерина «О малых и забытых».

Судья: Где вы его читали, при каких обстоятельствах?

Языджиев: Не помню, где читал, сидя или стоя. Прочтя письмо, я нашел, что Костерин настоящий коммунист, ясно понимающий положение малых наций у нас, и поэтому решил к нему обратиться.

Судья (обозревает лист 276, том 15): Это письмо?

Языджиев: Да, это тот набросок, что я делал, я намеревался его отправить, но потом отказался.

Судья: О содержании вы можете что-нибудь рассказать?

Языджиев: О содержании могу сказать, что сотрудники КГБ в последнее время усилили обыски, допросы, исключения из партии, снятия с работы, — такие действия считаю недопустимыми. (Зачитывает обвинительное заключение, лист 52, абзац 3.) Письмо написано 2-го декабря, последний допрос меня был произведен 30 ноября. Написал наспех, предвидя приближение грозы, думая, что мне не дадут быть больше на свободе, за одну ночь после работы. Написал письмо, чтобы сообщить, довести до сведения руководства партии о своем положении, о действиях и произволе КГБ. На другой же день напечатал и отправил адресатам, по всем пяти адресам.

Судья: Кому-нибудь распространяли?

Языджиев: Распространение отрицаю. Я через представителя, ехавшего в Москву, отправил адресатам.

Судья: Здесь говорится, что вы хотели распространить.

Языджиев: Я отправил правительству, чтобы получить помощь от него.

Судья: У вас еще что-нибудь есть?

Языджиев: Я никогда ничего не скрывал от партии и правительства, мне от них фактически скрывать нечего. Прошу обратить внимание, что мои письма адресату не попали, а по требованию КГБ из отделов писем Совета Министров, «Правды» и т. д. отправлены в КГБ.

Судья: На следствии были конверты из отдела писем?

Языджиев: Меня лишили права переписки с партийными органами. В этом я вижу лишение меня права, предоставленного Конституцией.

Судья: На следствии были конверты из отдела писем?

Языджиев: Из отдела писем Совета Министров по запросу КГБ, и вообще эти письма распространяли сотрудники КГБ, я их не распространял.

Мне вменяется в вину подпись под закрытым письмом членам инициативных групп. На это письмо полное объяснение дал Кадыев, в написании я не участвовал и распространением не занимался, а только подписал.

Судья: Вы подписали какой документ?

Языджиев: Закрытое письмо членам инициативных групп.

Судья: Фактически вы это письмо не составляли?

Языджиев: Нет.

Судья: Где вы его подписали?

Языджиев: Не помню.

Судья: В Москве или нет?

Языджиев: В Москве.

Судья: Давайте еще раз проверим, что в обвинении вам предъявлено. Письмо Генеральному Секретарю Брежневу, закрытое письмо членам инициативных групп Самаркандской области — изготовление, распространение, открытое письмо, изготовленное летом.

Языджиев: Это мое личное письмо.

Судья: Информация № 5 — подписали и обсуждали. Письмо в редакцию «Правды».

Языджиев: Считаю наброском и отказываюсь.

Судья: Значит вы ни в чем себя виновным не считаете?

Прокурор: Языджиев, говорили, что собрание было ночью, почему ночью?

Языджиев: Я дал прокурору отвод и отвечать не буду.

Прокурор: По поводу письма в «Правду». Личную корреспонденцию он отправляет без всякой опаски, почему он опасался отправить и связывает ее с действиями КГБ?

Языджиев: Я заявил отвод прокурору, ему не доверяю и отвечать отказываюсь.

Заславский: Скажите, Языджиев, во время поездки в Ленинабад брали ли вы отпуск за свой счет?

Языджиев: Я выехал в субботу или в воскресенье и на следующий день вернулся в Самарканд.

Заславский: Следующий день был рабочий?

Языджиев: Да.

Заславский: Можно понять вас так, что вы собирались ночью, чтобы успеть на работу?

Языджиев: Да.

Заславский: Где вы были во время Великой Отечественной войны?

Языджиев: Призывом от 8 января 1940–45 гг. служил в армии. Звание — старшина 1-й статьи, потом...

Заславский: Ваша военная специальность?

Языджиев: Пулеметчик.

Заславский: Вы представлены к награде?

Языджиев: Имел 3 ранения и 2 контузии.

Заславский: Какие последствия?

Языджиев: Отразилось на слухе и нервной системе.

Заславский: Насчет наград.

Языджиев: Медаль за победу над Германией, за боевую операцию от 13 по 14 июня 1942 года, был представлен к награде Героя Советского Союза, но о судьбе награды еще неизвестно. Мои товарищи представлены на другие награды — это я говорю по словам майора Подчакина.

Судья: После этого вы его разыскивали?

Языджиев: Да. Начиная с 1957 года, после снятия комендантского надзора.

Заславский: Родственники ваши принимали участие в Отечественной войне?

Языджиев: Да. Я горжусь своими родственниками. Были и расстрелянные и...

Заславский: Назовите, кто из ваших родственников погиб на фронте.

Языджиев: Языджиев Осман — мой брат — партизан в Чехословакии — погиб. Аппазов Абдураман — расстрелян немцами за то, что был коммунистом, членом партии. Родная сестра чудом осталась жива.

Заславский: Вы участвовали в подпольном движении?

Языджиев: В 1943 году был в партизанском соединении под командованием майора Сиворова.

Заславский: Вы работали постоянно до ареста? После войны все время работали? Были ли у вас почетные грамоты?

Языджиев: Не было ни одного праздника, чтобы я остался без поощрения, и в последнее время был на доске почета треста.

Заславский: Когда были представлены к награде, присутствовали люди?

Языджиев: Да. Это было на КП.

Роллан: Вы были узником концлагеря?

Языджиев: Был в плену в Крыму, затем в Кривом Роге. Из Кривого Рога перебросили в Черкасск. Был во многих лагерях. Бежал и присоединился к отряду «Грозный». Мы бежали из лагеря в составе 12 человек. С нами был один казанский татарин. Я и казанский татарин пошли искать партизан. Остальные не согласились с нашим мнением и остались в хуторах... И мы присоединились к отряду «Грозный». Мы были первыми двумя партизанами, которые соединились с десантом, брошенным для создания партизанского отряда в тылу врага.

[Информация № 3 кончает свой отчет о девятом дне суда следующими словами]:

Этим заканчивается дача показаний подсудимыми.

Объявляется перерыв до 15 июля.
Судья говорит, что 15 июля начнется опрос свидетелей.

ДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ СУДА
15 июля 1969 г.

Показания Якубова Ибраима
Список свидетелей № 35

Якубов Ибраим, 1923 года рождения, беспартийный, место жительства — город Янгиюль, улица Родниковая № 35.

Судья: Кого вы знаете из подсудимых?

Якубов: Никого.

Судья: Какие личные взаимоотношения?

Якубов: Никакие.

Судья (предупреждает о статье 161-162 УК УзССР): Были ли вы допрошены на предварительном следствии? Помните ли краткое содержание?

Якубов: Я все помню. У меня спрашивали про похороны Селима Гафурова в Ташкенте. Во время похорон были генерал и работники милиции.

Судья: Вы были на похоронах. Кем был вам умерший?

Якубов: Я был на похоронах. Он — Гафуров — мой племянник.

Судья: Что делали генерал и милиция?

Якубов: Мы пригласили их быть гостями, но они не зашли, их присутствие на улице было всем неприятно, они следили за тем, что происходило во дворе умершего.

Судья: Что они предъявили? Какие документы составлялись во время похорон? Кто писал?

Якубов: Я подписал и одобрил содержание.

Судья: Следователь во время предварительного следствия читал вам документ, где описаны похороны?

Якубов: Я не помню названия документа.

Судья: Правильно ли там написано или нет?

Якубов: Я не помню содержания документа.

Судья: На предварительном следствии вы говорили что там написано резко, есть ряд нездоровых измышлений?

Якубов: Я политически малограмотный, я говорил своими словами то, что видел.

Судья: Вы подписывали содержание документа, или за то, чтобы возвратиться в Крым?

Якубов: Меня возмутило присутствие КГБ на похоронах.

Монахов: Были ли нарушения общественного порядка во время похорон? Были ли у властей основания вмешиваться в обряд похорон? Присутствие органов обидело родственников? Подписывая документ, вы имели цель извратить факты, наклеветать?

Якубов: У меня была одна цель — известить об истине.

Роллан: В протоколе вашего допроса на предварительном следствии указано, что вы считаете, что в документе есть злобные измышления.

Якубов: В протоколе предварительного допроса не мои слова. Я не знаю, что такое измышления. (Обозревается лист дела 37, том 6. Выдержка. «Ознакомившись с документом под названием «Похороны под надзором КГБ» — этот документ содержит ряд нездоровых и несоответствующих измышлений.)

Судья: Объясните.

Якубов: Я своими словами объясняю, что видел, а что прочитали сейчас, я не понимаю. Я малограмотный.

Хаиров: Со стороны родственников и друзей во время похорон были ли нарушения общественного порядка?

Якубов: Нет.

Судья: Сколько человек было при похоронах?

Якубов: 100-150.

Судья: Каково расстояние между домом и кладбищем? Как несли покойного? Были ли нарушения порядка? Сколько было милиции?

Якубов: Расстояние небольшое. Был наряд милиции, они стояли около калитки.

Прокурор: Вы читали на предварительном следствии протокол допроса?

Якубов: На предварительном следствии я отвечал на заданные вопросы и подписал протокол, прочитал мне его следователь.

Прокурор: Я понял вас, что документ вы подписали в связи с безграмотностью. Правильно ли это?

Якубов: На предварительном следствии мне следователь прочитал не такой протокол, какой сейчас читают. Мне следователь сказал, что этот документ написан против Советской власти.

Заславский: Вам следователь читал документ. Содержал ли он выпады против власти?

Якубов: Я не понимаю, что такое выпады. Я не помню, что мне читали.

*Показания Ибриша Мустафы
Список свидетелей № 43*

Ибриш Мустафа, 1938 года рождения, беспартийный, строитель, место жительства — Чиланзар.

Судья: Кого вы знаете из подсудимых?

Ибриш: Эминова. Личных счетов нет. (Предупредили о статье 161-162.)

Судья: Расскажите краткое содержание предварительного допроса.

Ибриш: По собственной инициативе я поехал в Москву, был в ЦК у Тихомирова, в это время я был в отпуску. Народ вручил мне мандат.

Судья: Составляли ли вы документы?

Ибриш: Никаких документов я не составлял, обсуждали наше положение, как нам, представителям, дальше быть. Это был период, когда наших этапировали в Ташкент.

Судья: Как ваша фамилия очутилась под Информацией № 69?

Ибриш: Информацию я не подписывал, я не знаю как моя фамилия оказалась там, наверное потому, что мой мандат был зарегистрирован, потому что я в то время считался представителем.

Судья: Как вы знаете и где познакомились с Эминовым?

Ибриш: По работе.

Судья: Были ли читки информации?

Ибриш: Были обмены мнениями по национальному вопросу.

Судья: Кто вручал вам мандат, деньги?

Ибриш: Народ.

Судья: Отчитывались ли вы перед народом?

Ибриш: Отчитывался.

Судья: На предварительном следствии вы говорили, что поехали в Москву, что вам вручили деньги.

Ибриш: Да, получил.

Прокурор: Кто вручил деньги, мандат?

Ибриш: Фамилию вручившего мне деньги и мандат не знаю.

Монахов: Правильны ли описания событий в информации или нет, [есть ли там искажения]? Была ли санкция на арест? Был ли повод для недовольства милицией? Были ли вы участником Чирчикских событий?

Ибриш: В данной информации искажений нет. Санкции на арест не было предъявлено. Я сам был участником Московских, Чирчикских событий. Я видел празднично одетый народ и наряды милиции, пожарные машины. Нужно наказать виновников этих событий.

Заславский: Вы говорили, что вас везли под конвоем?

Ибриш: Да. В отделение милиции сопровождали под конвоем, в поезде тоже с конвоем.

Язиджиев: Вы говорили, что не подписывали информации, не одобряли, не знаете, как фамилия очутилась в информации? Не жаловались ли вы, что без вашего согласия в информацию внесли вашу фамилию?

Ибриш: Я согласен с содержанием информации и что внесли мою фамилию.

Кадыев: Вам народ вручил деньги, мандат, как же он знал о вашей работе? Считали ли вы подлогом внесение вашей фамилии в информацию?

Хаиров: Находите ли что-нибудь порочащее в документах?

Ибриш: Подлогом не считаю, ибо согласен с содержанием документа. Порочащего наш общественный и государственный строй ничего не вижу.

*Показания Измайлова Таира
Список свидетелей № 51*

Измайлов Таир, 1911 года рождения, образование среднее педагогическое, беспартийный, начальник водосбыта.

Судья: Кого вы знаете из подсудимых?

Таир: Кроме Гафарова никого не знаю.

Судья: Личных счетов с ним нету?

Таир: Нет.

Судья: Я предупреждаю вас, что вы должны давать правильные показания, а за ложные показания будете привлечены к уголовной ответственности по статье 161-162 УК УзССР.

Судья: Были ли ваши показания правдивы на предварительном следствии?

Таир: Все мои показания были правдивыми.

Судья: Знаете ли вы, что Гафаров был членом инициативной группы и какие мероприятия проводились у него дома?

Таир: Я знаю, что он был инициатором, его работа не выделялась среди других, все мы заинтересованы в одном, все мы готовы быть инициаторами.

Судья: Знали ли вы о его первой судимости, был ли он после членом инициативной группы?

Таир: Я знал о его судимости в 1967 году.

Судья: На предварительном следствии вы говорили, что он вновь был избран членом инициативной группы.

Таур: Я в это время оговорился и сейчас заявляю, что нового полномочия для этого не требуется.

Судья: Объясните, что такое был ранее избран в инициативную группу, а сейчас не требуется нового уполномочия.

Таур: Первый его мандат был передан в ЦК КПСС, его представительство не снимается. Я не знаю, после его возвращения был ли он вновь избран народом.

Судья: На предварительном следствии вы сказали, что после ареста Гафарова в Ангрене осталось двое из трех инициаторов.

Таур: Да, я сейчас подтверждаю это показание.

Судья: В Траурной информации есть ли ваша фамилия?

Таур: Не помню.

Судья: На предварительном следствии по этому поводу давали ли вы какие-нибудь показания?

Таур: Не помню.

Судья: Вам представляли документ, где 44-я подпись ваша?

Таур: Да, моя. Для нас это траур. Где, когда давал подпись, не помню.

Судья: Вы одобряли содержание информации или просто подписывались за возвращение в Крым?

Таур: Одобрял.

Судья: Вы раньше показывали, что одобряли содержание информации в доме Гафарова?

Таур: Я не помню этого. По-моему, в его доме после его возвращения из первого заключения собраний не было.

Судья: Где собирали подписи под Информацией № 69?

Таур: Не помню.

Судья: Брели ли какие документы у Гафарова?

Таур: Нигде, никогда не брал.

Судья: На предварительном следствии вы показали, что брали у Гафарова Информацию № 68 или 70.

Таир: Не помню, чтобы у него брал такие документы.

Судья: Читали ли Информацию № 70 у Гафарова?

Таир: Не помню.

Судья: Вы на предварительном следствии показывали, что явились к Гафарову на собрание с опозданием.

Таир: Таких подробностей я не помню. Я был у Гафарова, когда его сыну прислали повестку. Я сам пришел к ним. О том, что его сына вызвали в оргнабор, сказал мне Ахмедов.

Судья: На предварительном следствии вы говорили, что Гафаров вам сам сказал об этом.

Таир: Мне сказал Ахмедов, а Гафаров сказал, что он хотел сдать дом горисполкому.

Судья: Были ли у него собрания?

Таир: Я видел у него только родственников, никаких документов не читали.

Судья: Состоите ли вы в инициативной группе?

Таир: Да.

Судья: Знаете ли Костерина?

Таир: Его никогда не видел, но читал его документы. И видел в нем заступника и поэтому послал ему поздравительную телеграмму.

Судья: Вы согласны с Информацией № 70?

Таир: Да. Я верю своим представителям.

Судья: Как доставлялись информации?

Таир: Отправляли тем, чьи адреса были у представителей.

Судья: Что в документах вы видите порочащее государственной и общественной строй?

Таир: Я не понимаю, что такое порочащее.

Прокурор: Что вы имели в виду, когда на предварительном следствии говорили, что с отдельными моментами в документах несогласны?

Таир: Если я тогда что-то сказал, то сегодня я меняю свои показания, я сейчас изучаю труды Ленина и многое понял, поэтому считаю, что тогда сказал необдуманно.

Сафонов: На собраниях были разговоры, порочащие советский общественный и государственный строй?

Таир: Всегда говорили о затянувшемся национальном вопросе, ничего порочащего не говорили.

Сафонов: Прокурор вам зачитывал ваши показания на предварительном следствии, где сказано, что в документах есть грубые и резкие выражения?

Таир: Порочащие и грубые не одно и то же.

Заславский: Вы читали Информацию № 44?

Таир: Да. Я хотел всегда быть в курсе событий, хотел знать, что партия и правительство обещают нашим представителям.

*Показания Овечкина Валентина Валентиновича
Список свидетелей № 14*

Показания свидетеля Овечкина В., 1932 года рождения, беспартийный, образование высшее, старший инженер Среднеазиатского института геологии и минералогии.

Судья: Кого знаете из числа сидящих здесь?

Овечкин: Никого не знаю.

Судья: А в этом ряду, где сидят не девушки, а парни?

Овечкин: Никого.

Судья: Никаких личных счетов значит не имеете?

Овечкин: Нет.

Судья: Вас допрашивали?

Овечкин: Да.

Судья: В связи с этим мы вас предупредим — вы должны сказать правду. Данные на предварительном следствии показания правильны или нет. Ничего не изменено?

Овечкин: Я в отношении сказанного ничего не изменю.

Судья: Расскажите краткое содержание.

Овечкин: Мне трудно пересказать, что я рассказывал раньше.

Судья: Не точно, а смысл.

Овечкин: Дело обстояло так. Отец мой был известным в стране человеком — писателем. У него была широкая переписка. Часто получал письма от близких людей. Примерно через три месяца после смерти его мы получили письмо неличного характера, а только документы, напечатанные на тонкой бумаге. Авторы были указаны. На двух или трех письмах были указаны места жительства. В то время мы занимались разбором переписки и архива отца. Мне было известно, что идут процессы над гражданами крымскотатарской национальности. Поэтому я не считал нужным держать эти письма дома. Такой документ мог повлечь арест архива отца. Поэтому я это письмо отнес в органы КГБ. В этом и есть мои показания.

Судья: Сколько было документов? Количество вы не помните?

Овечкин: Порядка 15 страниц.

Судья: Все было машинописного текста?

Овечкин: Да. Если не ошибаюсь, то одно письмо было написано от руки.

Судья: Содержание этих писем вы не помните? Сами наверное читали их?

Овечкин: Я прочитал не все.

Судья: Примерное содержание вам не знакомо, хотя бы элементы?

Овечкин: В одном из документов описывались события, имевшие место в Чирчике. Во втором выселение из Москвы ходоков. Больше не помню.

Судья: Язык этих документов не помните? Угрозы, мольбы, просьбы были?

Овечкин: Они написаны логично, грамотно, литературно, последовательно, но в них есть некоторые исторические неточности.

Судья: Вы говорили, что архив отца мог привлечь внимание органов КГБ.

Овечкин: Да.

Судья: Почему?

Овечкин: Мне было известно, что к тому времени был ряд арестов [среди] крымских татар.

Судья: Что вашего отца связывало с этими людьми?

Овечкин: Привлекал внимание не только отец. Как я вспомнил, одно из писем адресовалось всей интеллигенции нашей страны. Там было обращение к советской общественности.

Судья: Выходит, не потому, что привлекал личное внимание, к нему обращались как к представителю общественности?

Овечкин: Отец был писателем.

Судья: По поводу содержания писем вы не могли бы ничего больше сказать? Можно было, не боясь содержания этих писем, оставить их у себя?

Овечкин: Мне о содержании их судить трудно, так как я не знал истинного факта, например, Чирчикские события в газетах не печатались, а слухам я не склонен верить.

Самойлова: Скажите пожалуйста, обратный адрес там был?

Овечкин: Нет, не было. А нет, помню, обратный адрес — Москва. Какая, не помню, но подпись на конверте была.

Судья (показывает страницу из дела): Эта?

Овечкин: Да, но подпись мне ничего не говорит.

Судья: Вы в таком виде уже сдали эти письма, да?

Овечкин: Да.

Прокурор: У меня есть вопрос. На конверте указаны фамилия, имя Эминов Р., адрес Москва? Сейчас вы это не утверждаете?

Овечкин: С того времени я забыл, сейчас я не помню, но конверт тот.

Прокурор: По поводу содержания в своих показаниях вы говорили, что они носят нездоровый характер. Сейчас же вы говорите только об истерических нотках. Объясните, что вы имели в виду?

Овечкин: Я это объясняю тем, что документы не прошли цензуру и распространены необычным способом.

Языджиев: Вы испугались за себя или за архив отца?
(Судья отводит вопрос.)

Языджиев: Известны ли вам такие факты, которые бы повлекли за собой арест архива ученых, писателей?

Овечкин: Нет.

Языджиев: Вы, как образованный, интеллигентный человек, как оцениваете события в Чирчике?

Овечкин: Я там не был, и не было ни одного товарища, которому в этом можно было бы поверить.

Хаиров: Скажите, из нашей советской литературы вам приходилось читать книги о событиях в Крыму, в частности, о крымских татарах?

(Реплика судьи, что это к делу не относится.)

Хаиров: Как раз относится к данному процессу.

Овечкин: Я знаю одну такую книгу, это книга Первенцева «Береги честь смолоду».

Хаиров: Скажите пожалуйста, как вы восприняли эту книгу и какое у вас сложилось впечатление в отношении крымских татар?

Судья: Вы устраиваете экзамен. Не надо отвечать. (Переспрашивает фамилию автора. Не читал, потому и спрашиваю.)

Хаиров: В таком случае я считаю это одним из основных вопросов. Свидетелю поступили документы в свое время... (Судья обрывает.)

Кадыев: Вы, гражданин свидетель, судя по протоколу, говорили, что, прочитав документы, увидели, что они написаны тенденциозно, что крымские татары несправедливо лишены государственности. В чем же вы видите тенденциозность, именно в том, что крымские татары несправедливо были высланы из Крыма?

(Прочитываются свидетельские показания. В некоторых из них тенденциозно написано, что они несправедливо лишены государственности. Свидетель проверяет свои показания в протоколе.)

Кадыев: У вас пояснения брали по какому поводу?

Овечкин: Оценить справедливость или несправедли-

вость выселения я не могу, но в отношении положения крымских татар в Советском Союзе я знаю. Я работал на рудниках, там встречался с ними, все они пользовались теми же самыми правами, что и остальные. Потому я считаю, что в этих письмах положение крымских татар неправильно отражено.

Кадыев: Как вас понимать? Когда вы говорите «права крымских татар», вы имеете в виду только юридические или только национальные права?

Овечкин: Вопрос о национальных правах меня никогда не интересовал.

Кадыев: Вы показывали, что документы были написаны логично, последовательно и литературно, но есть некоторые истерические ноты. Наличие истерических нот заставило вас передать письма в КГБ. Правильно ли я вас понял, что КГБ должно [заниматься] только истерическими фразами?

Овечкин: Делу [?] лучше известно, есть ли там истерические выкрики. Я сомневаюсь в действительности.

Аметова: Свидетель сказал, что в документах, которые были присланы, было написано о Московских, Чирчикских событиях и о ходоках. О каких именно ходоках?

Овечкин: О тех, что в Москву прибыли, в [числе] 500 человек, и их начали выселять.

Судья (Эминову): Вы отправляли письмо, знали ли вы Овечкина?

Эминов: Я никакого письма не отправлял, Овечкина я не знал и ничего напечатанного им не читал.

Показания Тызыкова Леннара Список свидетелей № 53

Свидетель Тызыков [Леннар], 1936 года рождения, образование среднетехническое, в 1969 году исключен из партии за участие в национальном движении. Место работы РСУ г. Ангрэн.

Судья: В настоящее время место работы? Есть ли среди подсудимых знакомые?

Тызыков: Знаю всех представителей нашего народа.

Судья: Нет, личные знакомые? Неприязненных или неприятельских отношений нет?

Тызыков: Нет.

Судья: Есть подписка свидетеля. Подойдите и прочтите. (Свидетель предупреждается, что за дачу ложных показаний и т. д. будет нести ответственность по ст.ст. 161-162 УК УзССР.)

Судья: На предварительном следствии правдивые показания дали?

Тызыков: Правдивые.

Судья: Приведите краткое содержание.

Тызыков: Я уже не помню.

Судья: О чем вы показали, хотя бы кратко.

Тызыков: Вы спрашивали, был ли я на собрании. На собрании я был один раз.

Судья: Время не помните?

Тызыков: Нет.

Судья: До конца 1967 года были в заключении. Вернулись в декабре.

Тызыков: 15 октября 1967 года.

Судья: Собрание было в какое время, зимой, летом?

Тызыков: Осенью.

Судья: У кого?

Тызыков: У Аширова.

Судья: Сколько было человек?

Тызыков: Человек 20-30.

Судья: Выступал Гафаров?

Тызыков: Да.

Судья: О чем говорил?

Тызыков: Критиковал 2 семьи, которые записались ехать в Крым и потом отказались.

Судья: Зачем их критиковал, не скажете?

Тызыков: Что они отказались ехать на Родину. Переселение каждой семьи стоит миллионы денег для на-

рода. После указа 1967 года переселены 200-250 семей. Поэтому отказаться они считали неправильно.

Судья: Вы хотите сказать, что на переселение каждой семьи тратится миллион рублей?

Тызыков: Не на каждую семью, а вообще. Само ходатайство о переселении нам обходится в миллионы.

Судья: Усилия народа не оправдываются, да?

Тызыков: Да.

Судья: Еще почему критиковали?

Тызыков: Больше не критиковали.

Судья: Еще о чем говорил Гафаров? По поводу поездки в Москву? Посылки представителей?

Тызыков: Я уже говорил об этом.

Судья: Как вы говорите, в чьем доме было собрание?

Тызыков: Аширова Османа.

Судья: А о Андижанском совещании что вы знаете?

Тызыков: Там было у нас собрание. Я присутствовал.

Судья: Гафаров присутствовал?

Тызыков: Нет.

Судья: То, что Гафаров является членом инициативной группы, вам известно?

Тызыков: Известно.

Судья: С какого времени?

Тызыков: Не помню.

Судья: А после возвращения из заключения были у него сборища?

Тызыков: Нет. Участвовать в национальном движении может каждый, поэтому она называется инициативной группой. Все, кто интересуется национальным вопросом, у кого проявляется инициатива, становится инициатором.

Судья: Другие показания у вас есть?

Тызыков: Нет.

Самойлова: Какую работу вел Гафаров после отбытия срока?

Тызыков: Конкретно не знаю. Я с ним был один раз на собрании.

Самойлова: Когда и где было это собрание?

Тызыков: У Аширова Османа. Я уже говорил.

Судья: Что было в Андижане и сколько человек присутствовало?

Тызыков: В Андижане была написана информация, которую отправили в Москву.

Судья: Конкретно, какая именно?

Тызыков: Не помню. Но вопрос о национальном движении, поставить перед партией и правительством наш вопрос, чтобы он был решен по-ленински, то есть чтобы народ был возвращен в Крым и создана Крымская автономия.

Судья: Вы сами поехали, или кто послал?

Тызыков: Нас известили, и я поехал.

Судья: В вашем присутствии Гафаров читал что-нибудь?

Тызыков: Он не читал, у него зрение плохое.

Прокурор: О каких миллионах вы говорили? Кому они обходятся?

Тызыков: Посылки представителей в Москву с 1964 года по сей день нам обошлись в большие расходы.

Прокурор: А какое имеют отношение эти расходы к переселению?

Тызыков: Как мы добились этой вербовки? Более 400 представителей послали в Москву.

Судья: Они же о другом ходатайствовали, а не о поездке по вербовке?

Тызыков: Народ на протяжении многих лет содержит представителей, а вербовка это частичная доля успеха народа.

Заславский: У Гафарова вы бывали?

Тызыков: Бывал.

Заславский: Собрания там бывали?

Тызыков: Нет.

Заславский: Вам известно, что за последнее время его здоровье ухудшилось?

Тызыков: Да, и мы заходили навестить его.

Гафаров: Я хотел сказать, что это не о вербовке речь шла, а хотели организованно послать в Крым. Из Ангрена посылали Измаилова (и еще две семьи), а те две в последний момент отказались, а говорили, почему вы так делаете, сперва согласились, потом отказываетесь. Ведь мы же могли послать других, а вы и сами не поехали и другим не дали возможности поехать.

(*Судья* диктует секретарю — *Гафаров* подтверждает, что после указа приехали из Украины представители, которые производили организованный набор для новых совхозов.)

Монахов: Были ли вы свидетелем Чирчикских событий и событий в Москве?

Тызыков: Нет.

Судья: Я всем подал список свидетелей. Из 13 человек прибыли только 5. В отношении остальных причины неявки неизвестны. Я попрошу обдумать, если есть такие, без которых нельзя решить, мы их повторно вызовем повесткой или милицией.

ОДИННАДЦАТЫЙ ДЕНЬ СУДА

16 июня 1969 г.

Показания Аширова Османа

Список свидетелей № 59

Судья: Кого вы знаете из подсудимых? Есть ли личные счета?

Аширов: Гафарова. Личных счетов нет.

Судья: Вас вызвали свидетелем для проверки показаний, данных на предварительном следствии. Ознакомьтесь со статьей 161-162. (Аширов знакомится со ст. 161-162 УК УзССР.)

Судья: Что вы знаете о Гафарове, чем он занимался, собирал ли собрания, читал ли документы?

Аширов: У нас инициаторов много. Со стороны партии и правительства были хорошие приемы. Народ составил планы о переселении, чтобы помочь партии и правительству.

Судья: Гафаров составлял документы?

Аширов: Он такой инициатор, как и я. В моем присутствии он не писал.

Судья: Читал ли он вслух?

Аширов: При мне не читал.

Судья: Передавал ли он кому-нибудь документы?

Аширов: Я не видел.

Судья: Вы сами у него брали документы?

Аширов: До первого его ареста брал, больше нет.

Судья: Какую информацию давали вам?

Аширов: Не помню.

Судья: Были у Гафарова собрания?

Аширов: Нет.

Судья: У вас были собрания?

Аширов: Было одно, дату не помню. Когда двое отказались ехать в Крым, было собрание. На этом собрании был Гафаров.

Судья: Кто читал информацию, какой номер?

Аширов: Читал. Номера не помню.

Судья: Читал ли информацию Гафаров? Если нет, то кто?

Аширов: Читал Ленар, Нариман.

Судья: Значит Гафаров получал информации и передавал их народу?

Аширов: Я не знаю. У него дома нет места для большого сборища, мы у властей просили помещение, но...

Прокурор: Почему две семьи отказались ехать в Крым?

Аширов: Они были в Крыму. Им предложили работу не по специальности (они шофера), поэтому они отказались ехать. Потому что в колхозе должны были работать землекопами. Один на вторые сутки вернулся назад.

Прокурор: Вы сказали, что на собрании читали информации. Какие?

Аширов: Не помню.

Сафонов: Информацию брали до или после первого ареста Гафарова?

Аширов: До первого ареста.

Монахов: Кто мешал народу вести собрания?

Аширов: КГБ. Если мы выезжали за город, нас арестовывали.

Монахов: Были нарушения общественного порядка?

Аширов: Нарушений не было, люди вели себя лично.

Монахов: Почему вам мешали, по какому поводу?

Аширов: Не хотели наших собраний.

Монахов: Вам известно, кого арестовали?

Аширов: Тызыккова и других.

Монахов: Предъявляли ли этим людям санкции на арест?

Аширов: Не знаю.

Прокурор: Вы знаете, кого привлекли к ответственности?

Аширов: 3-4 человека.

Гафаров: Свидетель малограмотный, его путают, я не [понимаю], почему задают такие вопросы свидетелям.

Показания Абдувеллева Сеттара

Список свидетелей № 86

Показания свидетеля Абдувеллева Сеттара, 1924 года рождения, образование 7 классов, беспартийный, шофер, г. Алмалык.

Судья: Кого вы знаете из подсудимых?

Сеттар: Хаирова Иззета.

Судья: Личных счетов нет?

Сеттар: Нет.

Судья: Ознакомьтесь со ст. 161-162 УК УзССР. (Сеттар ознакомился.) Вы давали правдивые показания? Расскажите содержание допроса.

Сеттар: Мне Иззет двоюродный брат. Он приехал к родной матери, я зашел к ним, где было не более десяти

человек. Я спросил Иззета, что нового в национальном вопросе, он сказал, что указ — облегчение, с нас снято огульное обвинение.

Судья: Вы слышали, чтобы он раньше выступал на собраниях?

Сеттар: Нет.

Судья: Вы слышали о том, когда Хаиров говорил о дальнейших действиях?

Сеттар: Да. Он говорил, что нужно посылать в Москву представителей, посылать нужно достойных людей.

*Показания Гвардеева Османа**

Показания свидетеля Гвардеева Османа, 1932 года рождения, образование 11 классов, беспартийный, временно не работает в связи с травмой.

Судья: Кого знаете из подсудимых? Личных счетов нет?

Осман: Знаю только Гафарова. Личных счетов нет.

Судья: Ознакомьтесь со ст. 161-162. (Он ознакомился.) На предварительном следствии вас допрашивали?

Осман: Да.

Судья: Ваши показания правдивые?

Осман: Да.

Судья: Расскажите краткое содержание допроса, как вы знаете Гафарова?

Осман: Я знаю Гафарова по месту жительства, знаю давно, знаю, что он вторично наказан за участие в народном движении.

Судья: Что вы знаете об участии Гафарова в национальном движении?

Осман: Его участие в народном движении заключается в стремлении возвратиться со всем народом на свою Родину в Крым.

Судья: Вы бывали дома у Гафарова на собраниях после его возвращения?

* В списке свидетелей Гвардеев не упоминается.

Осман: После его возвращения собраний у него дома не было. Он все время болел.

Судья: Откуда вам известно, что не было у него собраний?

Осман: Он мой сосед.

Показания Мустафаева Неби
Список свидетелей № 85

Показания свидетеля Мустафаева Неби, 1937 года рождения, образование 6 классов, беспартийный, шофер, г. Алмалык.

Судья: Кого знаете из подсудимых?

Неби: Знаю всех.

Судья: Как?

Неби: Был на судебном процессе с самого начала.

Судья: А до этого кого знали?

Неби: Знал Ридвана, был на его судебном процессе.

Судья: Давали ли вы на предварительном следствии правдивые показания?

Неби: Частично с целью попасть на судебный процесс.

Судья: Кратко расскажите о допросе.

Неби: Я желаю отвечать на вопросы суда, ибо я могу отвечать и говорить бесконечно.

Судья: У меня появилось сомнение и мне кажется, что свидетель пьян.

Прокурор: Вы сказали, что давали частично правдивые показания. Объясните почему?

Неби: Меня допрашивал следователь Лысенко, и мне показалось, что в кабинете имеется магнитная запись, поэтому я не хотел говорить правду. Сейчас я буду говорить правду. Я член инициативной группы, более десяти лет мы боремся за возвращение народа в Крым. Я считал, что указ, с одной стороны, реабилитирует, снимает огульное обвинение, с другой стороны, в указе утверждается, что нация уничтожена. Я указ понял так: снято огульное обвинение в связи с вступлением в

жизнь молодого поколения, а я отношусь к старшему поколению, так как в Крыму, выходит, я виноват.

Монахов: Вы были на собраниях?

Неби: Бывал. Там возвращенные из Крыма. Из подсудимых никто на собрании не присутствовал. Люди говорили о положении в Крыму и об указе.

Судья: Были ли вы участником Чирчикских и Московских событий?

Неби: Я не был участником Чирчикских и Московских событий.

*Показания Асанова Шевкета
Список свидетелей № 79*

Показания свидетеля Асанова Шевкета, 1940 года рождения, беспартийный, образование высшее техническое — инженер-конструктор автомашин.

Судья: Кого знаете из подсудимых?

Асанов: Хаирова, знаком с Умеровым.

Судья: Вас пригласили, чтобы проверить ваши предварительные показания. Ознакомьтесь со ст. 161-162. (Асанов знакомится.) Давали ли вы правдивые показания во время предварительного следствия?

Асанов: Подробностей допроса я не помню, это случилось позднее событий, о которых меня спрашивали. Беседа длилась более 9 часов, и в конце была произведена запись. Я не ожидал такой беседы. Дома я проанализировал и понял, что допустил некоторые неточности. Меня спрашивали по поводу встречи в Фергане, по поводу Чирчикских событий. На республиканскую встречу в Фергане я поехал по собственной инициативе. Меня поразила массовость встречи. Там были люди со всех городов и республик. Там говорили о текущих делах, о несправедливом положении народа, о выезде народа в Крым, восстановлении национальных прав.

Судья: Какие документы обсуждались и были приняты?

Асанов: Документов не было. Все выступали с устной речью.

Судья: Вы там видели Хаирова?

Асанов: Да.

Судья: Что скажете о нем, как об участнике собрания?

Асанов: Он ничем не отличался от других. Выступал наравне с другими.

Судья: Какова была тема его выступления?

Асанов: Все говорили о тех вопросах, которые я упомянул.

Судья: Какие вы сами читали информации, у кого их брали?

Асанов: Среди нашего народа нет таких людей, у кого не было бы информации. У всех одно желание — знать все о национальном вопросе. Я не могу назвать лиц, у кого я брал информации и кому отдавал. Мне часто передавали содержание информации в устной форме.

Судья: Брали ли вы информации у Хаирова?

Асанов: Нет, я с ним редко встречался.

Судья: Как вы знаете Умерова?

Асанов: Я встречал Умерова на свадьбе, официальных знакомств не было.

Судья: Что вы скажете об Умерове как об участнике национального движения?

Асанов: С ним у меня не было бесед на эту тему.

Монахов: Что вы видели сами во время Чирчикских событий?

Асанов: Это трудно передать, особенно если человек сам не видел. Я опишу эпизоды, которые я сам видел. В Чирчик я поехал, чтобы отметить национальный праздник, тем более такое празднование было год назад. В мои глаза бросились толпы людей, которых разгоняла милиция пенной водой. Трудно в такой момент глазами охватить все. Милиция крутила людям руки, избивала людей, хватала людей, хватала подряд всех и бросала в машины. Когда одна из девушек хотела под-

нять и передать милиционеру его фуражку, милиционер ругаясь замахнулся на нее ногой, но подоспевшие молодые люди выручили девушку, но все равно девушке и им скрутили руки и бросили их в милицейскую машину.

Заславский: Вы были очевидцем нарушений общественного порядка со стороны гуляющих?

Асанов: Люди, приехавшие на гулянье, общественно-го порядка не нарушали.

*Показания Трасинова Али
Список свидетелей № 30*

Показания свидетеля Трасинова Али, 1937 года рождения, образование среднее авиационное, университет Марксизма-Ленинизма, место работы тракторосборочный завод, г. Ташкент.

Судья: Вас допрашивали на предварительном следствии?

Али: Да.

Судья: Кого знаете из подсудимых?

Али: Знаю всех.

Судья: Кого лично?

Али: Хаирова, Гафарова.

Судья: Расскажите краткое содержание предварительного допроса.

Али: Иззета знаю два года. Гафарова давно. Они являются представителями народа. Я тоже с ними участвовал в народном движении. Знаю их честными, принципиальными. У меня с ними одна цель — восстановить национальные права. По документам знаю, что все остальные тоже являются борцами за восстановление национальных прав.

Судья: Писали ли с Иззетом какие-либо документы?

Али: Никаких документов с ним не писал.

Судья: Какие письма обсуждались с Иззетом?

Али: В парке ленинского комсомола обсуждали Экстренную информацию.

Судья: Кто был кроме Хаирова?

Али: Было около 40 человек, в основном интеллигенция из многих городов. Была получена из Москвы информация, в которой описывались события в Москве. Мы обсуждали причину выселения.

Судья: Каким методом обсуждали документ? Чтением? Кто читал?

Али: Документ читали, кто, не помню.

Судья: Что еще обсуждали?

Али: Других документов не было.

Судья: Читали «О малых и забытых»?

Али: Да, читали, это было давно. Из подсудимых никого не было.

Судья: Совместно с другими подсудимыми что-нибудь обсуждали?

Али: Нет.

Судья: Что проводили совместно с Хаириным?

Али: Ничего.

Судья: Что проводили с Гафаровым?

Али: Его знаю давно. На любых встречах всегда возникал один и тот же вопрос.

Судья: С Гафаровым ничего не составляли?

Али: Нет. В 1966 году я ездил в Москву представителем от жителей города Ангрена. Приехав, я отчитался о проделанной работе. Это было на свадьбе.

Судья: После освобождения чем занимался Гафаров?

Али: После освобождения я ездил к нему, чтобы справиться о его здоровье, так как он приехал больным. Я у него хотел узнать, какое воспитание он получил в тюрьме. Он сказал, что остается при этом мнении, что работу надо проводить по-прежнему. До полного разрешения вопроса.

Судья: Было ли присутствие других лиц при этом разговоре?

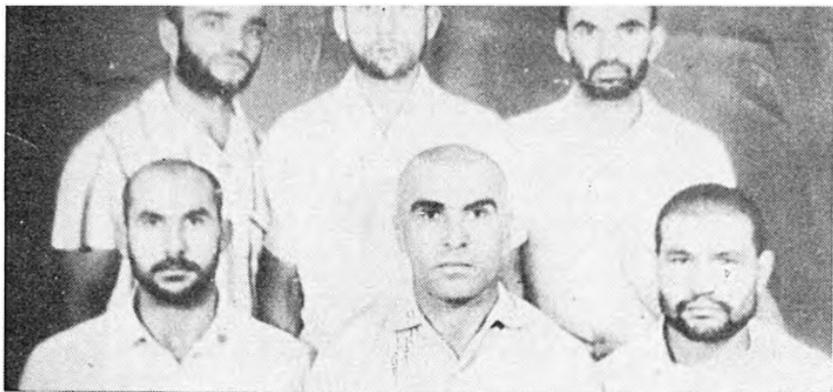
Али: Были другие люди, 7-8 человек. Вопросы задавал я, он отвечал. [Документы] у него не составляли. Информации сейчас быстро размножаются, они нужны

*Возложение венка крымскими татарами у памятника Ленина
в г. Крымске Краснодарского края 22-го апреля 1969 г.*

*Крымские татары около ташкентского суда, ожидающие нача-
процесса над 10-ю представителями народа 22-го мая 1969
Процесс был отложен*

Группа крымских татар после 15 суток ареста за участие в демонстрации 27 августа 1967 г. Верхний ряд (слева направо): Айдер Зейтуллаев, Энвер Ибраи. Абляз Абдуллаев. Нижний ряд: Якуб Селимов, Риза Умеров, Февзи Абибулл. Позднее, в 1969 году, Зейтуллаев принял участие в демонстрации крымских татар на пл. Маяковского в Москве. Умеров в том же году был приговорен к 10 месяцам заключения на известном процессе над 10 крымскими татарами в Ташке

Муштафа Джемилев, один из лидеров крымских татар, член Инициативной группы по защите прав человека в СССР

Иззет Хаиров, инженер, осужден на том же процессе.

Роллан Кадыев, физик из Самарканда, осужден там же.

Группа крымских татар. Справа: Решат Джемилев, один из активистов движения, участник демонстрации 1969 г. в Москве на пл. Маяковского. В центре: один из участников демонстрации.

каждой семье. Хочу отметить, что Гафарова наказали за народное дело. С Эминовым я родственник, он мне хороший товарищ.

Судья: Какие он проводил работы?

Али: Мне он всегда читал ленинские выдержки и говорил, что должны все решить по-ленински.

Судья: Какие подписи собирались Эминовым, какие он давал вам документы?

Али: Мне никаких документов он не давал, я сам их находил. Подписи никакие не собирали.

Судья: В чем заключалась ваша дружба?

Али: Общие взгляды, интересы.

Прокурор: Вы сказали, что подсудимые сидят за народное дело. Вы знаете, что в нашей стране никто не сидит за народное дело. Они сидят за распространение клеветнических документов. Ваше субъективное мнение не к лицу человеку с вашим образованием. Ваше заявление преждевременное и неправильное.

Али: Я хочу обратить ваше внимание на основной корень зла: не было бы выселения, не было бы документов, не было бы подсудимых, факт налицо.

Монахов: Вы были свидетелем Чирчикских событий?

Али: Нет. В Москве тоже не был.

Хаиров: На предварительном следствии вы давали правдивые показания. Уточните, пожалуйста, дату встречи в парке им. ленинского комсомола.

Али: Это было 15/5-1967 года.

Хаиров: Знаете ли вы, что Экстренная информация вышла после московских событий в мае 1968 года?

Али: Я имел в виду экстренную информацию, выпущенную в 1967 году, не ту, которая выпущена в мае 1968 года.

Хаиров: На предварительном следствии вы заявили, что вас исключили из партии и после этого вы в народном движении не участвовали.

Али: После того, как меня исключили из партии, я разуверился в возможности добиться решения наци-

онального вопроса крымских татар. Поэтому я заявил, пусть партия сама решает вопрос крымских татар.

Роллан и Иззет (заявили протест прокурору, так как он уже обвинил подсудимых, в то время как суд должен решить это): Я заявляю решительный протест в отношении нотации в адрес свидетеля. В этом я усматриваю попытку заранее представить нас перед судом как виновных. Только суд может установить нашу виновность, а прокурор заранее объявляет об этом.

Показания Мустафаева Мидата
Список свидетелей № 82

Показания свидетеля Мустафаева Мидата, 1925 года рождения, образование 7 классов, беспартийный, шофер, т. Алмалык.

Судья: Вы работаете в АТК-14?

Мидат: Да. АТК-14.

Судья: В каком городе проживаете?

Мидат: В г. Алмалыке.

Судья: Кого из подсудимых знаете?

Мидат: Знаю Иззета. Он жил в Алмалыке.

Судья: Личных счетов, неприятельских отношений нет?

Мидат: Нет.

Судья: Хаиров, правильно он говорит?

Хаиров: Правильно.

Судья: Вы русским языком владеете? На предварительном следствии по-русски говорили?

Мидат: Да.

Судья: Правдивые давали показания?

Мидат: Считаю правильными.

Судья: Вы не помните краткое содержание? Вас вызывали в качестве свидетеля для проверки показаний, которые вы давали на предварительном следствии. Дайте подписку в том, что я вас предупредил, что вы должны говорить только правду. (Мустафаев знакомится

и подписывается.) Кратко расскажите, о чем вас спрашивали и какие вы дали показания.

Мидат: Спрашивали, как знаю Иззета. Я его не могу хорошо знать. Я его знаю через родственников. Еще я его видел, когда вышел указ 1967 года. У нас читали в газете этот указ и каждый понял по-своему. В этот момент товарищ нам объяснил смысл указа. Указ разрешил только одну часть крымскотатарского вопроса. Снял вину, а в смысле возвращения на Родину ничего не давал.

Судья (диктует секретарю суда): Указ снимает с народа ложное неправильное обвинение, а другого вопроса не разрешает. (Секретарь пишет.) Вы не помните, где — дома, на улице, в клубе он давал разъяснения?

Мидат: Нет, не в клубе, полгода прошло, не помню.

Судья: Может в чайхане?*

Мидат: Где-то во дворе.

Судья: Там народу было много? Таких, как вы, которые по-разному поняли указ?

Мидат: 7-8 человек.

Судья: Кроме содержания указа, о чем-нибудь еще рассказывали?

Мидат: Нет.

Судья: Что вы знаете по поводу инициативной группы? Был ли он в составе инициативной группы и что вы знаете об этом?

Мидат: Когда жил в Ташкенте, не знаю, а в Алмалыке не был.

Судья: А в Алмалыке, кто был членом инициативной группы? Здесь среди подсудимых никого из них нет?

Мидат: Нет.

Судья: Правильно ли вы говорили на предварительном следствии, что на собрании было больше 70 человек, а сейчас говорите 7-8 человек.

Мидат: 70 никогда не было, когда мы собирались на горе, тогда было.

* Чайная.

Судья (читает показания на предварительном следствии «рассказывал об указе, было 80 человек»): Подойдите, ознакомьтесь. (Подходит, читает.) Хаиров говорил, как дальше быть, поскольку указ не дает права организованного возвращения?

Мидат: Он еще говорил, что надо опять также писать в Москву.

Судья: Какой-нибудь документ читали там на собраниях?

Мидат: Нет. При мне никакой документ не читали.

Судья: Когда на горе собирались?

Мидат: 1965-66 гг. Говорили о наших Героях. В газетах ничего не писалось о крымских татарах.

Судья: Кто выступал?

Мидат: Народ.

Судья: Сколько народу там бывало?

Мидат: Там бывало 200, 300, 500 человек.

Судья: Когда вы давали показания, вам читали?

Мидат: Читали.

Прокурор: Когда вы правильно говорили, сейчас или тогда?

Мидат: И сейчас и тогда.

Судья: А если спросят вас завтра, по-другому не скажете?

Мидат: Нет. Ведь 70-80 человек в квартире никогда не поместится. (Знакомится с протоколом.)

Судья: У защиты будут вопросы?

Защита: Нет.

Судья: У Хаирова?

Хаиров: Скажите пожалуйста, когда я говорил об указе, я говорил на русском или крымскотатарском языке?

Мидат: Когда мы собирались, то иногда говорили и на русском языке.

Хаиров: А я говорю только на крымскотатарском языке. Скажите, на нашем языке есть слово половин-

чатый? Насколько я помню, в своих показаниях вы говорили о половинчатости указа.

Мидат: Я такого слова не слышал. Вы только сказали, что этот указ не дал ничего в отношении возвращения на Родину. (Разъяснение. Судья рассматривает протокол и читает: «Указ является половинчатым».)

Судья: Слово половинчатый есть в протоколе.

Хаиров: Теперь я спрашиваю у свидетеля: «Когда-нибудь вы слышали слово половинчатый?»

Судья: Когда говорил Хаиров об указе, он называл слово половинчатый?

Хаиров: Скажите, я говорил, по вашим словам, что надо писать в Москву, надо добиваться и так далее. Если бы я не говорил эти слова, и меня не было бы вообще, сами вы считали бы нужным писать в Москву, добиваться? Этот свидетель и другие товарищи говорили, что нужно писать, и только после этого мы решили писать. Может быть, только мое присутствие их подталкивало к этому? Пусть свидетель объяснит.

Судья: О чем писать? Чтобы в Крым возвратиться?

Мидат: Чтобы решить наш вопрос окончательно.

Гафаров: По окончании допроса протокол сами читали, или читал следователь?

Мидат: Читал следователь, я слушал. Я ему объяснил, что не понимаю значения многих слов. Я учился на татарском языке.

Гафаров: Фамилию следователя помните? Звание?

Мидат: Он был в вольной форме.

Гафаров: А в какой рубашке? Лысин [Лысенко] наверное? (Гафаров проверяет протокол и говорит — это его работа. Он и мое обвинение составил.)

Судья: Все. Есть вопросы?

Мидат: Нет.

Судья: Тогда вы свободны. Можете остаться здесь и слушать.

Показания Дейны Мустафы
Список свидетелей № 84

Показания свидетеля Дейны, 1925 год рождения, образование 5 классов, беспартийный, плотник СЦУ, г. Алмалык.

Судья: Кого из подсудимых вы знаете?

Дейна: Знаю только Хаирова, как родственника.

Судья: Личных счетов, неприязней нет у вас с Хаировым?

Дейна: Нет.

Судья: Хаиров, правильно говорит он?

Хаиров: Да, правильно. У меня тоже нет.

Судья: Мы вызвали вас свидетелем, чтобы проверить ваши показания на предварительном следствии. Подойдите и распишитесь в том, что я предупредил вас, что вы должны давать только правильные показания. (Дейна подходит и расписывается.) На предварительном следствии правдивые показания давали?

Дейна: Да.

Судья: Краткое содержание этого показания не помните?

Дейна: Спрашивали, были ли дома собрания. Никаких собраний я не видел. Собирались родственники и говорили о новостях.

Судья: Хаиров приезжал к матери?

Дейна: Да. Собирались под деревом несколько человек. Разговаривали. (Судья проверяет протокол.)

Судья: Правильно, следовательно спрашивал, было ли там собрание, вы ответили: — «никакого собрания не было».

Дейна: Собрания я понимаю, когда ведется протокол. Здесь несколько человек просто сидели.

Судья: Когда, в каком году это было, не помните?

Дейна: Не могу сказать.

Судья: В прошлом году или нет?

Дейна: В прошлом.

Судья: Получается в 1968 году, сейчас 1969 год. Ваш дом расположен близко к дому матери Хаирова?

Дейна: Да.

Судья: Вы как туда собирались? По вызову или сами пришли?

Дейна: Никакого вызова не было. Я проходил мимо, увидел, — стоят двое и подошел. У меня много родственников, и часто собираются 10-15 человек.

Судья: Кроме вас, кто еще там был?

Дейна: Был Неби.

Судья: Фамилию не помните?

Дейна: Фамилий ничьих не знаю.

Судья: По образованию не знаете? Был инженер или преподаватель?

Дейна: Нет, простые работники на моем уровне.

Судья: Что он вам там разъяснял?

Дейна: Что мы спрашивали, на то и отвечал.

Судья: Какие вопросы были?

Дейна: Основной вопрос, поедем мы или не поедем в Крым. Если мы имеем право требовать, то как нужно требовать? Он нам всегда отвечал, что нужно требовать по закону.

Судья: Об указе 1967 года что-нибудь говорили?

Дейна: Я не могу ничего сказать. Мы сами газеты читаем.

Судья: А вот другие свидетели говорят, что сказал.

Дейна: А может, и сказал. Я ничего не слышал.

Судья: Какой-нибудь документ там читали или нет?

Дейна: Никакого документа не читали.

Самойлова: Скажите, это ваше домашнее собрание проходило как совещание или просто как домашняя встреча?

Дейна: Человек проживает в Ташкенте. Приезжает к матери, я его встречаю и приглашаю к себе домой и разговариваем.

Самойлова: Значит это не совещание?

Дейна: Нет, не совещание.

Судья: Хаиров, вы подтверждаете, это правильно?

Хаиров: Да, я полностью подтверждаю.

Судья: Других вопросов нет?

Гафаров: Вы говорили, что встречались или собирались осенью, да? Вы, как родственник, знаете, что он арестован?

Дейна: Знаю.

Гафаров: Примерно какого числа?

Дейна: Числа 12-го.

Гафаров: Хаиров был арестован в сентябре, а вы говорите, что встреча состоялась осенью, как-то нескладно получается.

Дейна: Я точно не помню, но могу сказать, что не в мае месяце.

Судья: Других вопросов нет?

Гафаров: Нет.

Судья: Садитесь. Можете послушать нас, если нужно, на повестке отметим.

Дейна: Нужно отметить. (Судья отмечает на повестке.)

Показания Арнаутова Мансура

Список свидетелей № 54

Показания свидетеля Арнаутова Мансура, 1937 года рождения, образование 10 классов, парикмахер, г. Пскент.

Судья: Кого знаете из сидящих здесь?

Мансур: Гафарова.

Судья: Личных счетов и неприязненных отношений нет?

Мансур: Нет.

Судья: Гафаров, правильно он сказал?

Гафаров: Правильно.

Судья: Вы привлекаетесь свидетелем для проверки данных вами показаний на предварительном следствии. (Далее говорит об ответственности за дачу предвзято ложных показаний. Мансур расписывается в том, что ознакомлен с положением об ответственности.)

О чем у вас были показания на предварительном следствии? Краткое содержание не помните? Как вы знаете его?

Мансур: Несколько раз бывал у нас дома.

Судья: По какому поводу бывал?

Мансур: Люди же ходят в гости.

Судья: Вы бывали в доме Гафарова? Собрания, совещания, совместные разговоры были у него дома?

Мансур: Собраний не было. Ну человек с человеком поговорил, разве это собрание?

Судья: Разговоры о новостях и так далее были? Когда были такие беседы, время не помните?

Мансур: Год тому назад.

Судья: В 1968 году? Сколько там было народу?

Мансур: В последнее время 5-6 человек.

Судья: Говорили об указе 1967 года?

Мансур: Да.

Судья: Какой-нибудь документ там читали или пересказывали?

Мансур: Там не читали.

Судья: Не пересказывали содержание какого-нибудь документа?

Мансур: Нет.

Судья: Может это было в другом месте?

Мансур: Нет.

Мансур: Когда нас вербовали (в 10-м кабинете горисполкома), я записался. На следующий день я пошел к Гафарову, объяснил ему о своем положении. Такой разговор был.

Судья: С кем?

Мансур: С Гафаровым.

Судья: С Гафаровым был разговор, поеду ли я сам в Крым в данное время?

Мансур: Да.

Судья: Вы сказали, что не можете поехать, так как жена учится и квартира хорошая.

Мансур: Квартиру продал.

Судья: Не квартиру наверное, а дом?

Мансур: Да, дом.

Судья: Как реагировал на это Гафаров? Что он сказал?

Мансур: Гафаров приехал и мое заявление забрал с собой.

Судья: Это заявление увезли в Ташкент? Кому, для чего?

Мансур: Не помню.

Судья: Вас он не ругал? Кто-то говорил, что Гафаров ругал вас?

Мансур: Нет.

Гафаров: Какое я имею право ругать его? Это было так... (Судья перебивает — не нужно.)

Судья: Содержание информации вы читали или где слышали?

Мансур: Экстренной, да?

Судья: Есть две информации и экстренная.

Мансур: Слышал.

Судья: Письма некоторые приходилось читать?

Мансур: Письмо открытое.

Судья: Все эти документы вы читали дома у него или брали с собой?

Мансур: Были они в единственном экземпляре и читали у него.

Судья: Читали один или в присутствии других людей, или кто читал, а вы слушали?

Мансур: Я сам для себя читал.

Судья: Вы говорили, что там был Тызыков, он вслух читал, да?

Мансур: Нет.

Судья: Тызыкова Леннара знаете? Вы говорили, что он читал, да?

Мансур: Это было в поселке, где я живу, и там он читал информацию.

Судья: Вам приходилось когда-нибудь подписывать документы?

Мансур: Приходилось.

Судья: Какой документ, вы не помните? Ну, по этому вопросу — по крымскотатарскому?

Мансур: Подписывался, когда собирали подписи.

Судья: Какой документ вы можете сказать?

Мансур: Если вы покажете, да.

Судья: Нас не интересует, какой документ. Нас интересует, где подписывали. У себя дома или у кого другого? У Гафарова дома подписывали или когда один на один ходили с Гафаровым?

[Ответ Мансура в рукописи отсутствует.]

Судья: Вы говорили, что подписи собирали на двух экземплярах, для ЦК и Президиума Верховного Совета СССР?

Мансур: Все подписи мы передавали Гафарову. Он должен был передать их представителям, уезжающим в Москву.

Судья: Подойдите, ознакомьтесь с протестом. Верно, что два экземпляра подписывали?

Мансур: Верно. Два экземпляра.

Судья: И эти подписанные оставляли у Гафарова, да?

Мансур: Один оставил у себя, другой отдал людям, уезжающим в Москву.

Судья: Кто у вас собирает подписи?

Мансур: Любой, кто имеет возможность.

Судья: Вы здесь говорите, что сначала мандат оставляли у Гафарова, так?

Мансур: Оставлял.

Судья: Гафаров передавал уезжающим представителям?

Мансур: Это раньше было.

Судья: Вы не помните, в какое время Гафаров занимался этим, то есть передавал людям мандаты? До первого ареста или после первого ареста?

Мансур: До первого ареста.

Судья: У Гафарова обнаружен ряд списков с указанием, кому и когда выдал мандат. В этом списке есть ваша фамилия.

(Исмандияров вышел и принес тома дела.)

Судья: Гафаров, вы не помните, на какой странице?

Гафаров: Нет, не помню.

Судья: Короче, вы сами когда получили у Гафарова мандат, в каком году, не помните?

Мансур: В 1967 году.

Судья: В какое время, не помните? Летом 1967 года, да? Но тогда Гафарова не было.

Мансур (думает и говорит): Три года тому назад.

Гафаров (шутит): В номере, когда сидел, и выдавал мандаты. Сами посудите, у меня три-четыре класса образования, у него среднее, как я могу ему давать мандаты?

Судья (диктует секретарю: в каком году не помнит, года два-три тому назад): В доме Гафарова Тызыков вам читал Информацию № 66?

Мансур: Читал.

Судья: Где он читал?

Мансур: На собрании. Я уже говорил вам, на Саманном.

Судья: Саманный, это улица или поселок?

Мансур: Поселок.

Судья: Гафаров там был?

Мансур: Нет.

Судья: Вы собирали там на чистом листе подписи крымских татар, правильно?

Мансур: Правильно.

Судья: Кто вам давал эти листы?

Мансур: Не помню.

Судья: Гафаров не давал вам такой лист?

Мансур: Нет.

Судья: Вот этот список подписей, которые вы собирали, оказался у Гафарова. Как он оказался у Гафарова, вы не скажете? Вы сами не передавали ему? Подойдите сюда, который из этих списков вы собирали? Эта бумага, которую вы смотрели, оказалась у Гафарова. Вы не можете сказать, как? Вы не передавали?

Мансур: Это передали на собрании.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ СУДА

17 июля 1969 г.

Судебное заседание начинается в 11 часов дня.

Судья: Судебное заседание продолжается. Вчера была жена подсудимого Хаирова и что-то хотела передать. Что у вас, подойдите.

(*Хаирова Васфие* передает суду обращения и протесты с тысячами подписей крымских татар с требованием освободить сыновей и дочерей крымскотатарского народа.)

Перед вызовом свидетелей *Хаиров* делает заявление суду следующего содержания: «Я на вчерашнем судебном заседании внимательно прослушал государственного обвинителя, который на заявление Трасинова, что Гафарова и других товарищей судят за народное дело, грубо ответил, что «у нас за народное дело никто не сидит, они сидят за распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Из этого вытекает, что государственный обвинитель уже приготовил для нас приговор. У меня возникает вопрос, как же государственный обвинитель допускает такие грубые ошибки, когда еще нет определенных выводов и не проверены все факты и события, описанные в документах. Этим самым он оказывает давление на состав суда. Поэтому я вновь заявляю ходатайство, чтобы на судебном процессе присутствовали представители из ЦК КПСС, компетентные в разрешении национального вопроса крымских татар».

Судья заявляет, что не входит в компетенцию суда вызывать представителей из ЦК.

Вызывается свидетель Халилов Мустафа.

Показания Халилова Мустафы
Список свидетелей № 87

Свидетель Халилов Мустафа, 1897 г. рождения, образование высшее педагогическое, беспартийный, пенсионер, в прошлом педагог русского языка в узбекской школе.

Судья: Кого вы знаете из подсудимых?

Халилов: Знаю всех, кроме Халиловой и Байрамова.

Судья: Личных счетов нет с ними?

Халилов: Наоборот, я симпатизирую им.

Судья: Мы вызвали вас для подтверждения ваших показаний. За дачу ложных показаний вы будете нести ответственность по статье 161-162. Подпишитесь. Правдивы ли ваши показания на предварительном следствии?

Халилов: Да.

Судья: Расскажите краткое содержание.

Халилов: Не все, но могу. Какого числа, не помню, мне пришлось поехать на республиканское совещание. Со мной был молодой человек, я потом узнал, что это был Хаиров Иззет. По дороге было что-то с самолетом, и мы приехали поздно, к 11-12 часам ночи и при этом не нашли место встречи. Мы блуждали и даже с Иззетом потеряли друг друга. Я пришел уже к утру к месту встречи. Народу было много, около 150 человек, и в Информации это отражено. Не знаю, когда пришел Иззет, потом все разошлись. Там была информация, с которой ознакомились все, а затем одобрили и подписали информацию, я читал сам лично.

Судья: На обсуждении вы были?

Халилов: Не был.

Судья: Вы лично читали его?

Халилов: Да, читал лично.

Судья: Содержание помните?

Халилов: Нет, содержания не помню.

Судья: Вы можете сказать, подписал ли ее Хаиров?

Халилов: Нет, не могу сказать.

Судья: Значит вы свидетель того, что Хаиров пришел на совещание поздно?

Халилов: Да.

Судья: Когда была встреча, в сентябре 1967 года?

Халилов: Да.

Судья: Как называется встреча?

Халилов: Республиканская встреча крымскотатарского народа.

Судья: Значит вы не знали Хаирова?

Халилов: Так я его встречал, но не знал, что это Иззет Хаиров. Особых контактов не было. Также не помню особых фактов, которые врезались бы в память. У нас очень много молодых людей, все они прекрасные люди, и что-либо особенного о Хаирове сказать не могу.

Судья: Вы взяли с собой информацию и читали ее кому-нибудь?

Халилов: Нет.

Судья: А Хаиров?

Халилов: Тоже нет, так как по обстановке Хаиров не смог взять текст информации с собой.

Судья: Знаете ли вы Языджиева Исмаила?

Халилов: Да, знаю, так как он бывший педагог, хоть и говорит, что каменщик, это просто из скромности.

Судья: О его участии на совещании можете сказать?

Халилов: Не могу, так как приехал поздно.

Заседатель: Кроме двоих, вы говорите, что знаете всех. Где вы встречались, расскажите.

Халилов: Кое с кем имею родственные отношения. Кого знаю по городским встречам. И знаю как своих соотечественников. А как знаю по национальному вопросу, я не хочу говорить. Насчет Ленинабадской встречи я могу сказать, что эта встреча была вполне официальной и легальной. В обвинительном заключении эта встреча фигурирует как «нелегальное сборище». Я крайне возмущен такой формулировкой. По-моему, это бросает тень на нашу конституцию и социалистические законы, а люди, которые составили это обвинительное заключение, тенденциозно очерняют наш крымско-

татарский народ. Документы, составленные нами, они называют пасквилями.

Прокурор: Вы сказали, что вам не нравятся термины из обвинительного заключения. Откуда вы знаете обвинительное заключение?

Халилов: Здесь сидел в зале, когда зачитывали обвинительное заключение, и слышал, как ребята комментировали его.

Прокурор: Вы сказали, что Языджи́ев был педагогом.

Халилов: Да, я его знаю как известного педагога. В какой он школе работал, точно не помню. Я не могу сказать, где он работал.

Прокурор: А Языджи́ев из каких-то соображений скрыл это от следователя. Языджи́ев, это точно, что вы были педагогом?

Языджи́ев: Вопрос хоть и уместный, но я на него отвечать не буду, так как я дал отвод прокурору.

Судья: Языджи́ев, вы когда работали педагогом — до войны или после?

Языджи́ев: Я работал учителем до призыва в армию в 1940 году.

Судья: Почему же вы не стали преподавать, а стали каменщиком?

Языджи́ев: Я не хотел больше преподавать, так как сейчас такие учителя, которые не стоят моего ученика.

Прокурор: У меня вопрос к свидетелю.

Халилов (перебивая прокурора): Я поддерживаю отвод, данный прокурору моими соотечественниками и на вопросы прокурора тоже отвечать не буду. (Смех в зале.)

Прокурор: Ваше положение иное, чем у подсудимых. За отказ от дачи показаний *вы* будете привлечены к уголовной ответственности.

Халилов: В любом случае я отказываюсь отвечать.

Монахов: Давно ли вы проживаете в Узбекистане?

Халилов: Да, давно.

Монахов: Когда вы возвратились в Узбекистан?

Халилов: В 1945 году.

Монахов: Известно ли вам, как татары, проживающие в различных городах, пытались произвести подсчет смертности крымских татар во время и в первые годы выселения?

Халилов: После выселения крымских татар были составлены списки по деревням, в которых было учтено, сколько людей было до выселения, сколько было в армии, сколько умерло при переселении, сколько умерло в Средней Азии. Я лично сам искал свою семью, мать и двоих сестер, которые попали в Ходжаабадский район. Я поехал туда и узнал, что моя мать умерла от голода, и мне рассказали, что ее обнаружили через 3 дня. Она жила в маленькой комнате в стороне, и когда люди спохватились, то обнаружили труп около дверей. Она, видимо, хотела подойти к двери и попросить воды, упала от слабости в результате голода и болезни и умерла возле двери.

Судья: Откуда у вас данные, что она умерла с голоду?

Халилов: Потому что у нас не было ничего. Ведь их выслали без ничего, голыми. Я разузнал это у соседей и сестры, которая жила от нее на расстоянии одного километра.

Судья: Был ли общий список?

Халилов: Я знаю, что когда составлялось обращение к XXIII съезду, то участвовало все население и подписали его 123 тысячи человек. Тогда был собран материал от некоторых населенных пунктов, сельсоветов, и был собран материал, подсчитан процент, сколько было на фронте, сколько выселено, сколько прибыло, сколько умерло. Эти документы были приложены к обращению XXIII съезду партии и направлены в ЦК КПСС.

Монахов: У меня есть ходатайство приложить эти справки к делу на основании показаний свидетеля. (Представил списки переписи населения по районам Крыма и высланных в УзССР с указанием фамилий.)

Судья: До суда вы эти списки видели?

Халилов: Да, видел, но того большого списка, кото-

рый я видел, нет. Там было несколько сот семей из Сыр-Дарьинского района. Я могу представить копию документов, которые мы послали XXIII съезду, если это нужно.

Показания Глубовского Кима
Вызван по просьбе Хаирова Иззета

Свидетель Глубовский, 1936 года рождения, образование среднее, беспартийный, конструктор Ташкентского авиационного завода, г. Ташкент. (На предварительном следствии не опрошен.)

Судья: Кого-нибудь из подсудимых знаете?

Глубовский: Знаю Хаирова Иззета.

Судья: Личных счетов нет?

Глубовский: Не имею.

Судья: Вас вызвали по поводу Хаирова и по его просьбе. За отказ и утаиванье показаний вы подвергаетесь уголовной ответственности по статьям 161-162.

Хаиров: Уважаемый свидетель, что вы помните, расскажите, пожалуйста, об эпизоде при похоронах и после похорон.

Глубовский: Как вам известно, на Рисовой был убит мой шурин. Меня вызвали с работы. Мы находились дома, сразу стали сообщать родственникам. Фамилия шурина Гафуров Селим, фамилия убийцы Масалимов. Привезли после обеда, но в семье были слезы. Все его уважали, также и рабочие автобазы. Стали приезжать родственники, я хочу отметить, что пришли два человека, которые записали фамилию и имя убитого. Я спросил, кто они, и они не ответили. Так как было два человека [убийцы] ([но] судом это не было установлено), я думал, что они пришли узнать насчет второго убийцы. Затем приехали остальные родственники. Незадолго до выноса тела погибшего снова появился тот человек, которого никто не знал. Затем вынесли тело и понесли

на кладбище. Народу было очень много. Его похоронили, сфотографировали на кладбище — я сам. При возвращении я обратил внимание, что к кладбищу приехали три легковых машин и из них вышли люди. Среди них был Свалов — майор КГБ. Пришли домой, жена была в тяжелом состоянии. Когда затем устроили поминки — был мулла, отпевал — вдруг открылась калитка и зашел майор и полковники. Люди стали их приглашать, но они отказались, и люди пошли их провожать. Я запомнил, что один из них, полковник, сказал: «Вы смотрите, чтобы здесь было тихо» — затем они ушли. А за оградой стоял генерал милиции. Все покушали и разъехались по домам. Хочу заметить, что милиции было очень много, только с детсада вышли пять офицеров.

Хаиров: Со стороны собравшихся людей были ли какие-нибудь нарушения, или наоборот?

Глубовский: Нет, не было. Наоборот, их приглашали.

Заславский: Были ли нарушения со стороны общественного порядка?

Глубовский: Нет, не было.

Показания Эмирсалиева Иззета Список свидетелей № 92

Свидетель Эмирсалиев Иззет, 1937 года рождения, образование семь классов, беспартийный, слесарь завода «Ташавтомаш».

Судья: Кого знаете из подсудимых?

Эмирсалиев: Знаю Умерова.

Судья: Личных счетов нет?

Эмирсалиев: Нет.

Судья: Вас вызвали для подтверждения ваших предварительных показаний. За дачу ложных показаний будете нести ответственность по ст. 161-162. На предварительном следствии вы давали правдивые показания?

Эмирсалиев: Да.

Судья: Расскажите коротко.

Эмирсалиев: Дело было зимой в 1968 году, зачитали письмо 17 отщепенцев.

Судья: Народу было много?

Эмирсалиев: Да, все были крымские.

Судья: Разбирали письмо 17 отщепенцев, которые говорили, что им в Узбекистане хорошо?

Эмирсалиев: Да.

Судья: Были собраны подписи?

Эмирсалиев: Да.

Судья: Сам Умеров был там?

Эмирсалиев: Да.

Судья: Он читал?

Эмирсалиев: Нет.

Судья: Выступал он?

Эмирсалиев: Нет.

Судья: Кто из присутствующих выступал?

Эмирсалиев: Не помню.

Судья: Сами вы выступали?

Эмирсалиев: Нет. На этом собрании нам сказали, если кому положен отпуск, тот может ехать в Москву. Я взял отпуск и поехал как представитель.

Судья: Мандат вам дали?

Эмирсалиев: Да, деньги собрал сам.

Судья: Вы говорили, что собрали 54 рубля. Правильно?

Эмирсалиев: Да.

Судья: Короче, перед посадкой у вас было около 200 рублей. Да?

Эмирсалиев: Да.

Судья: Кто собирал собрание в доме Умерова?

Эмирсалиев: Никто, просто друг другу говорят и собираются.

Судья: О том, что собрание у Умерова, откуда вы знали?

Эмирсалиев: Я знал в тот же день от товарища.

Судья: Какой-нибудь другой документ читали еще?

Эмирсалиев: Нет.

Судья: Где читали 68-ю информацию?

Эмирсалиев: Читали в Москве.

Судья: На обсуждении присутствовали?

Эмирсалиев: Да.

Судья: Кто его читал?

Эмирсалиев: Не знаю.

Судья: Кто писал эту информацию, вы не можете сказать?

Эмирсалиев: Не знаю.

Судья: Вы Эминова Руслана знаете?

Эмирсалиев: Да.

Судья: Взаимоотношения у вас нормальные, да?

Эмирсалиев: Да.

Судья: Вы говорили, что вы были на собрании у Анафиева?

Эмирсалиев: Да, я там был.

Судья: Кто говорил вам об этом собрании? Вы говорили, что вас предупредил Руслан?

Эмирсалиев: Может быть, точно не помню.

Судья: Какую там информацию читали?

Эмирсалиев: Не помню.

Судья: Но вы говорили, что читал информацию Руслан, и ему помогали другие?

Эмирсалиев: Возможно.

Судья: После этого вам предложили ехать в Москву?

Эмирсалиев: Нет.

Судья: Руслан был на собрании у Ризы?

Эмирсалиев: Нет, не был на втором собрании, когда Ризы не было.

Судья: Какие документы там зачитали?

Эмирсалиев: Не помню.

Заседатель: Скажите пожалуйста, Информацию 69 вы читали в Москве, а Информацию 68 не в доме Умерова?

Эмирсалиев: 69 в Москве читал, а подписывал обе информации в Москве.

Монахов просит рассказать о Чирчикских событиях.

Эмирсалиев: Там было массовое гулянье, люди весе-

лились, а на них были направлены струи из пожарных машин.

Монахов: Были со стороны народа нарушения?

Эмирсалиев: Нет.

Кадыев: С какого числа по какое вы были в Москве и что там было с вами?

Эмирсалиев: Я был в Москве, был в ЦК, чтобы узнать о национальном вопросе. Было много людей, около 200 человек, и все мы ждали ответа на запрос и каждый день просиживали там до 6 часов вечера. При возвращении на квартиру, не разбираясь, какие это люди, нас сажали в черные вороны и везли в милицию. Среди этих людей были венгры и другие люди. На следующий день мы пошли обратиться в ЦК по поводу этих облав, но нас тоже арестовали и увезли в 9-е отделение. У многих не было вещей, и нам объяснили, что наши вещи будут в сохранности. Затем нас посадили в автобус, сказав, что мы поедем за вещами, но нас привезли на Казанский вокзал. Мы протестовали, что у нас не было вещей, а нам сказали, чтобы мы назвали адреса квартир, и что наши вещи привезут. Нас всех погрузили в вагоны и отправили в Узбекистан.

Халилова: Как вас везли из Москвы, конвоем?

Эмирсалиев: Да, под конвоем.

Халилова: А по прибытии в Узбекистан — вас снова везли конвоем или нет?

Эмирсалиев: Нет, с вагона мы сходили, как и все другие пассажиры.

Показания Изетдинова Сервера

Вызван по просьбе адвоката Сафонова

Свидетель Изетдинов Сервер, 1947 года рождения, образование техническое, член партии, Чирчикский филиал транспортного строения, старший технический инженер.

Изетдинов: Я знаю Бариева и Байрамова по фамилии, лично их не знаю, но видел, личных счетов нет.

Судья: Вас на предварительном следствии допрашивали?

Изетдинов: Да.

Судья: Давали правдивые показания?

Изетдинов: Да, правдивые.

Судья: Вы вызваны по ходатайству Сафонова.

Сафонов: Вы были очевидцем событий в Чирчике?

Изетдинов: Да. В Чирчике был национальный праздник «дервиза». Такой праздник уже был, по форме он социалистический. Это понравилось, особенно молодежи, которая хочет знать свои обычаи. Начали 21 апреля 1968 года, с самого утра, людей разгонять, но люди все-таки собрались в городском парке, однако их старания были напрасны. Милиционеры разгоняли народ, поливали щелочной водой из пожарных машин, хватали детей, женщин и бросали в машины. Все это продолжалось до вечера. Я был сам очевидцем. Я видел, как девушку 16 лет избили, которая ни за что попала в милицию, а также видел, как избили старика.

Сафонов: Вы видели какие-либо нарушения со стороны народа?

Изетдинов: Нет.

Судья: Вы видели и были очевидцем собрания на Комсомольском мосту?

Изетдинов: Да, был и читал Информацию.

Судья: Вы читали ее с начала до конца?

Изетдинов: Да.

Судья: Вы лично видели, что Бариев читал когда-либо Информацию?

Изетдинов: Нет, он ничего не читал. А был ли он там, не помню.

Бариев: Эту информацию на мосту я не читал, это подтверждает и свидетель.

Показания Ибраимова Якуба
Вызван по просьбе адвоката Монахова

Свидетель Ибраимов Якуб, 1938 года рождения, образование 7 классов, выбыл из членов ВЛКСМ, по специальности шофер, г. Янгиюль.

Ибраимов: Я знаю Хаирова Иззета, личных счетов не имею.

Судья: На предварительном следствии вас не вызывали?

Ибраимов: Нет.

Судья: Вызваны вы по ходатайству Монахова.

Хаиров: У меня к вам есть ряд вопросов. Вы знали Алиева Феми?

Ибраимов: Да, это был мой друг. Я был единственным другом его. Феми убили работники милиции. Это было 20 мая. Я оставил машину и пришел домой. Мне жена сказала, что приехал Феми. Я вышел на улицу и увидел его. Он довез меня до родственников. Я попросил его, чтобы на обратном пути он довез меня домой. Мы играли в домино. Время было уже позднее, мы возвращались домой. Недалеко от моста нас встретил один человек в гражданской одежде. Он попросил документы. Тогда Феми спросил: «А кто вы такой?» Он ответил, что он из органов. Феми тогда не поверил и попросил его, чтобы он сел в машину и поехал с нами в милицию. Он отказался. В кустах стоял мотоцикл, и Феми, чтобы посмотреть номер мотоцикла, слез с машины. В это время этот работник выстрелил четыре раза. Феми вернулся и осветил мотоцикл фарами. В это время милиционер выстрелил в него. Феми сказал, чтобы я запомнил номер мотоцикла. Милиционеры сразу уехали. Их было двое. Мы тоже поехали. Машину вел Феми, но по дороге он обессилел, поэтому повел машину я. Мы доехали до городской больницы. Ему сделали операцию, но через полтора суток он умер.

Судья: Фамилию вы помните?

Ибраимов: Один Ташматов, другой Рахматов.

Судья: О них вы знаете что-либо?

Ибраимов: Нет. У меня с ними была только очная ставка, и все, а потом нам прислали ответ, что дело вашего брата закрыто и передано в архив.

Судья: Вы можете принести эти бумаги?

Ибраимов: Да.

Судья: Вы считаете, что следствие было, и дело закрыто не расследовав?

Ибраимов: Да.

Хаиров: Много людей было на похоронах?

Ибраимов: Приблизительно около 5 тысяч.

Хаиров: Скажите, много ли раз посещали органы?

Ибраимов: Да из-за этого даже сестра разошлась с мужем, а мать парализовало.

Показания Мустафаева Османа
Список свидетелей № 99

Свидетель Мустафаев Осман, в документе 1937 года рождения, а на самом деле 1936 года, образование — высшее, инженер-строитель, член КПСС с 1962 года, в седьмом тресте СУ-39.

Судья: Кого вы знаете?

Мустафаев: Некоторых знаю в лицо.

Судья: Вас на предварительном следствии допрашивали по делу этих подсудимых?

Мустафаев: Один раз вызывали, но по другому делу.

Судья: Сейчас вас вызвали по ходатайству адвокатов, вы должны давать правдивые показания.

Монахов: Скажите, Чирчикские события вам известны?

Мустафаев: Да. Я до 21 апреля узнал, что в Чирчике будет праздник — «дервиза», который совпадает со днем рождения В. И. Ленина. Заранее было назначено место за городом. Я в 10 часов утра поехал в Чирчик. В автобусе со мной ехали и другие крымские татары. В Кибрае автобус остановили и велели всем сойти. Мы думали, что получилось недоразумение, но милиционеры смеялись, смотря друг на друга, и один сказал, что автобус не пойдет дальше. Но затем часть людей, не похожих на крымских татар, погрузили на автобус и отправили, мы остались в Кибрае. Мы были свидетелями, как в

Кибрае вынесли венок от крымскотатарского народа и возложили к памятнику Ленина. Некоторые из оставленных пошли пешком, некоторые, и я в том числе, поехали на попутных машинах. Доехали до Чирчика, дальше парка нас не пустили. В парке было много народу, как в обычный праздничный день, но нас удивило также большое количество милиции. Крымские татары стали собираться около танцевальной площадки. Молодежь — девушки и парни — под музыку начали танцевать. В танцах участвовало человек 30-40. Вдруг все танцующие и наблюдающие были окружены милицией. Когда мы хотели подойти, нас не пустили, что нас очень возмутило. Нам ответили, что такой был приказ. Люди, ничего не понимая, скопились в шесть-семь рядов вокруг площадки. Подошел капитан с громкоговорителем и сказал, чтобы люди разошлись, но люди не расходились и, не обращая внимания на милицию, продолжали танцевать. Была подана команда «батальон, становись», и люди остались в окружении, в общем образовался хаос. Крымские татары возмущались тем, что им запрещают гулять в парке. В это время на нас направили струи воды из пожарных шлангов, да притом с грязью. Солдаты и милиционеры были с противогазами и, поливая водой, с силой сталкивали народ. Стали хватать народ и заталкивать в машины. Люди находились возле клумбы и туда же столкнули старика, который упал и ударился головой. Затем людей вытеснили струями воды, а когда в машине вода кончилась, подъехала другая машина. Мне тоже оторвали все пуговицы и нас оттеснили к воротам. Везде были военные. С какой стороны слышались [крики] возмущения, там и хватали людей. Очень много людей забрали. Когда один из мужчин спросил, что это такое, то его — этого русского мужчину облили водой, скрутили руки и увезли в милицию.

Монахов: Собравшиеся люди общественный порядок нарушали?

Мустафаев: Нет, никто не нарушал.

Показания Сейтумерова
Вызван по просьбе адвоката Монахова

Свидетель Сейтумеров, 1905 года рождения, попросил переводчика перевести на русский язык. Приглашается Халматова Бахри, 1942 года рождения, работающая переводчицей в Ташкентском городском суде. Эту девушку он не знает, но не возражает, если она будет переводить, и отбирается подписка от переводчика, что она будет переводить правдиво.

Судья: Образование у вас какое?

Сейтумеров отвечает: 5 классов, живу в колхозе «Свердлова», работаю рядовым колхозником.

Судья: Кого-нибудь из подсудимых знаете?

Сейтумеров отвечает: Нет, не знаю.

Судья: Сейтумеров, вас просил вызвать сюда адвокат, и вы все же должны говорить правильно!

Монахов: С какого года живете в Янгиюле?

Сейтумеров отвечает: Живу со времени выселки. Нас привезли на ГЭС. Был один эшелон людей. Все мы остались там жить.

Монахов: И много ли татар умерло после выселения?

Сейтумеров отвечает: Я в армии не был по болезни и знаю количество умерших в нашей деревне.

Судья: Составляли списки умерших по деревням?

Сейтумеров отвечает: Да, составляли. [*Судья*]: Пусть посмотрит эти списки и скажет, такие ли списки?

Сейтумеров отвечает: Я знаю списки только своей деревни. И их собственноручно храню, так как был бригадиром.

Судья: Вычисляли ли процент смертности?

Сейтумеров: Я не умею высчитывать, я знаю умерших.

Кадыев: Вопрос не имеет [. . .]

Сейтумеров: Составлял списки только по своей деревне, но не обрабатывал их. Предъявляем вам список нашей деревни. Когда мы приехали на ГЭС, то мне поставили специально как бригадиру два человека, ко-

торые специально копали могилы и хоронили людей. Перевели это неправильно. Перевели, как люди погибли от природных условий. (Свидетель говорит, что всех умерших он знает и говорит правильно.)

Прокурор: Спросите. Люди указаны в этом списке, в котором году умерли?

Сейтумеров: Они умерли в 1944 году, с момента выселения до января.

Прокурор: Кто составлял эти списки?

Сейтумеров: Этот список составляли молодые люди, а я знаю всех этих людей, которые в списке.

Прокурор: Для чего этот список составляли?

Сейтумеров: Этот список составляется для крымских татар, так как судят их за эти проценты и так как нет другой статистики.

(Мать Халиловой М. передала бумаги в большом количестве от имени народа с требованием освободить наших ребят.)

Показания Зориной Розалии Степановны
Список свидетелей № 40

Свидетель Зорина Розалия Степановна, 1926 года рождения, образование среднее, беспартийная, работала судебным исполнителем в народном суде гор. Чирчика.

Судья: Кого знаете из подсудимых?

Зорина: По фамилии знаю Бариева.

Судья: Где он сидит?

Зорина: Не могу найти.

Судья: Может первый с краю?

Зорина: Не помню.

Судья: Бариев, встаньте. Это он?

Зорина: Да, кажется, он. (Отбирается подписка.)

Судья: Личных счетов у вас нет?

Зорина: Нет.

Бариев: Нет.

Судья: На предварительном следствии вас допрашивали?

Зорина: Да.

Судья: Правдивые давали показания?

Зорина: Да, правдивые показания.

Судья: Расскажите кратко содержание.

Зорина: Этому событию уже год. Давно, в прошлом году летом, я работала судебным исполнителем. Приходила женщина, которая не получила алименты от мужа. Затем она сказала, что ее муж Бариев ее избивал, не платит алименты. Затем мы вызвали Бариева. Бариев сказал, что платит алименты. Затем снова пришла она и сказала, что это за алименты, вот уже 4 месяца она их не получает. Что его не бывает по несколько месяцев, и сказала, что она знает, где он и чего там делает, что ездит по своему национальному вопросу. Затем мы вызвали его и налетели на него, отчитали, алименочник всегда увиливает, оправдывается, прикидывается, и я обратилась прямо к Бариеву, где он был эти 4 месяца и что он делал. В Чирчик я приехала в январе 1968 года и здесь впервые услышала, что татары бунтуют, хотят ехать в Крым, поэтому я спросила Бариева, где вы были 4 месяца. Бариев ответил: «Мы требуем автономию». «Зачем эта автономия вам?», — сказала я. Бариев стал объяснять, что их выселили за два часа, и они ничего не успели взять. Я до этого слышала, что татары во время войны предавали русских. Я стала доказывать свое — сказала: «Раз вас выслали, тогда на это было основание, невиновных не выслали бы, вы предавали, и это была правда». Бариев сказал, что с ними поступили жестоко. Я сказала, что нельзя обвинять русских в жестокости, русские никогда не были жестокими, а татары всегда отличались жестокостью, это всем известно. Он говорил, им ничего не дали взять, не разобрались, выслали всех. Я ответила, что это была война, иначе нельзя было с ними поступить. Он говорил, что они пострадали. Я ответила: «Если вы пострадавшие, то и мы пострадавшие, была война, и мы, русские, больше всех пострадали, мы воевали».

Я хотела выяснить — что вам здесь плохо живется что ли? Он говорил насчет языка, культуры и т. д. Я объяснила, что русский язык самый богатый и красивый язык и гораздо лучше татарского, на нем все говорят, и зачем он вам — уже не нужен. Он говорил, что они ходатайствуют, что их поддерживают и другие, кажется, называл фамилии. Я сказала, что ничего у вас не выйдет. Он рассказывал, что с ними продолжают поступать жестоко, говорил, что их разогнали в Чирчике. Я ответила: «Очевидно, правильно поступили», потому что как-то весной мой муж говорит: «Сегодня никуда не выходи». Мой муж офицер. Тогда татары что-то собирались в Чирчике делать, и их разогнали. Да он еще говорил, что их не пускают в Крым. Я говорила, что очевидно так нужно, и у вас ничего не выйдет за давностью срока. Там уже живут русские, украинцы, и куда вас поместить, да и если всех туда пустить, начнется кровопролитная резня. Вы же перережете там всех русских. Да он говорил — мы советские люди и еще что-то. Я сказала: «Вам верить нельзя», и еще, что вам, кажется, разрешили вернуться, но он говорит, что нет.

Судья: Мы не затем вас вызвали. Что еще говорила Бариева?

Зорина: После этого она еще приходила. Я ей сказала, что был ваш муж, и сказал, что передал вам сто рублей. Она ответила, что это за деньги, что ей сунули за счет других собранные мятые бумажки.

Судья: Она пришла к вам с исполнительным листом?

Зорина: Да, они пришли, чтобы его устроили на работу. После этого жена не стала приходить. Когда они в последний раз были, она сказала, что он в тюрьме.

Судья: У прокурора вопросов нет?

Прокурор: Нет.

Судья: У защиты?

Монахов: Скажите, вы давно живете в Узбекистане?

Зорина: С января 1968 года.

Монахов: Вы наверное часть войны помните.

Зорина: Да, я помню.

Монахов: Вы потеряли кого-нибудь на войне, были расстреляны?

Зорина: У меня дядю расстреляли.

Монахов: Вы убеждены в справедливости выселения крымских татар? Каким образом вы пришли к такому заключению, знаете ли, свидетель, о Героях Советского Союза, о погибших смертью храбрых? Скольким героям посмертно присуждено звание, находившимся в партизанских отрядах, и имеете ли данные о возможности их возвращения в Крым?

Председатель: На эти вопросы свидетель не должен отвечать, проверка личных знаний свидетеля не входит в функцию суда.

Зорина: Этими сведениями я не располагала. До беседы с Бариевым я этого не знала.

Монахов: Вы упомянули о сроке давности. Это ваши личные убеждения?

Зорина: Да, я отвечала по личному убеждению.

Монахов: Товарищи уважаемые судьи. Прошу отметить, что свидетель не располагает ни данными о героях, ни о партизанах и разведчиках из числа крымских татар. Ответы свидетеля подтверждают показания подсудимого Хаирова о многолетней фальсификации истории крымскотатарского народа и скрывании фактов. (В зале суда раздаются бурные аплодисменты.)

Судья: Вы наверное тоже не знаете, сколько Героев Советского Союза среди казанских татар. Я, например, не знаю.

Монахов: Знаю — 107.

Заславский: Свидетель, скажите пожалуйста, вы читали Указ от 5 сентября 1967 г. о крымских татарах?

Зорина: Нет, не читала.

Заславский: Вы в полемике высказали, что при возвращении татар начнется резня в Крыму, откуда вы это взяли?

Зорина: Это мои личные убеждения.

Прокурор: Я в связи с заявлением адвокатов заявляю...

Судья: Придется сделать мне замечание, мы не в суде, у нас не суд, а перебранка.

Прокурор: Я заявляю...

Судья: Послушайте...

Бариев: Разрешите...

Прокурор: Я хотел бы выразить свое отношение к заявлению защитника Монахова. Он по существу сделал неправильный вывод, что история фальсифицируется, и это глубоко ошибочное заявление, непартийное, является провокационным. Незнание свидетелем тех или иных фактов еще ни о чем не говорит. Это заявление провокационное, оно затрагивает национальные чувства для приобретения дешевого авторитета у неподготовленной публики. Это не только необычная, но [и] непартийная [выходка], и прошу суд вынести частное определение и довести до сведения адвокатуры.

Бариев: Вызванный данный свидетель по данным показаниям не упоминается в обвинительном заключении, и мне непонятно, с какой целью они вызвали её. Показания свидетеля я подтверждаю частично, жена жаловалась необоснованно.

Судья: Задержка в уплате алиментов была?

Бариев: Да. Был в ученическом отпуске, зарплаты не начислялось, а затем после событий в Чирчике я срочно вылетел в Москву. Я оттуда через товарищей передал сто рублей, а затем по почте отправил пятьдесят рублей, о чем свидетельствуют квитанции, изъятые у меня при обыске и находящиеся в деле.

Заславский: Вы сказали, что муж вас предупредил, чтобы вы не выходили из дому. Когда это было?

Зорина: Это было весной.

Заславский: В какое время, днем, утром, вечером?

Зорина: Так примерно в 10-12 часов дня.

Заславский: Понятно.

Хаиров: Уважаемый свидетель, все же я не понял и

Крымские татары, высланные семьями под конвоем из Крыма в 1969 г., после того, как их выгрузили на станции в Усть-Лабинске Краснодарского края. Главы семей: Ислям Мусаев, Шевкет Бейтуллаев, Сетгар Смаилов, Февзи Поска, Смаил Чани.

Семья Февзи Поски, в скором времени пробравшаяся назад в Крым, у своего дома, заколоченного досками

Генеральному Секретарю ООН Курту Вальдхайму

Глубокоуважаемый господин Генеральный Секретарь!

Нам стало известно обращение крымских татар, которое, вместе с безответными жалобами в советские инстанции и некоторыми другими документами, недавно было адресовано в ООН многими представителями этого притесняемого народа.

Мы призываем Вас употребить Ваше влияние и все Ваши возможности для того, что трагическое положение крымских татар было бы более и эффективно рассмотрено в соответствующих комитетах ООН.

Наша просьба ни в какой мере не означает, что мы разделяем точку зрения в этих документах о том, что подавления национальных и гражданских свобод крымских татар осуществляют антисоциалистические и империалистические силы, получившие возможность использовать военную и репрессивную мощь социалистического государства. Мы не входим также в анализ вопроса, соответствует ли современная национальная политика советского правительства политической доктрине В.И.Ленина. Но мы свидетельствуем, что приводимая в документах фактическая картина преступлений, клевет, злоупотреблений властью и судебного произвола полностью соответствует тому, что нам известно.

Мы призываем Вас, господин Генеральный Секретарь, всеми возможными средствами способствовать возвращению на родину крымских татар, административно удерживаемых в изгнании вопреки недвусмысленно выраженной воле этого народа.

А. Сахаров, Т. Великанова, С. Ковалев
Международный комитет помощи крымским татарам

*А. Левитин / Великанова /
С. Ковалев / Ковалев /
Г. Подъяпольский / Крашinsky /
Т. Ходорович / Ходорович /*

Факсимиле обращения к Ген. секретарю ООН К. Вальдхайму, январь 1974 г. Подписали А. Сахаров, Т. Великанова, С. Ковалев, А. Левитин, Г. Подъяпольский, Т. Ходорович.

не уловил, что татары жестоки и что по возвращении откроют резню. Приходилось ли вам читать литературу про военное время в Крыму — так, как вы говорили?

Судья: Опять начинается экзамен.

Зорина: Были слухи, что было много предателей, что татары связывали партизанам руки и сбрасывали с высоких скал.

Хаиров: Вы слышали, что крымские татары были расстреляны немцами?

Зорина: Это я не слышала.

Кадыев: Вы говорите, что ваш отец погиб от руки немцев, а от чьих рук пострадали крымские татары?

Судья: Снять этот вопрос — он провокационный.

Умеров: Конечно, уважаемый свидетель, как мои товарищи уже говорили, вы конечно не виноваты в том, что вы не знаете о нас, потому что о нас нигде ничего правдиво не пишут.

Бариев: Прошу обратить внимание, том 9, лист дела 6. (Зачитывает показания свидетеля Зориной.)

В одном месте я должен и обидеться на вас, когда вы меня называете «шарлатаном». Меня ведь пригласили по поводу алиментов, я ведь вам не навязывал национальный вопрос. Вы изъявили желание и задавали вопросы, интересующие вас, ведь вы могли уйти, это было как раз в обеденный перерыв, к тому же ваши сотрудницы пригласили вас обедать, я вас не задерживал. Вы ответили им, что это интересно и что вы с охотой слушаете.

Зорина: Да, да, это было так. У меня просто сложилось такое впечатление, что вы работаете и не помогаете жене, и на основании этого я вас назвала «шарлатаном» и «пустым».

Бариев: Почему же вы тогда этому «шарлатану» дали точный адрес, если вы меня сочли за «шарлатана», могли не давать адреса или дать неточный, но вы просили сообщить о результатах нашего ходатайства.

Зорина: Да, я оставила точный адрес и просила, если

у вас что выйдет, чтобы вы сообщили. Да, почему-т это меня заинтересовало. Потому что вы еще сказали что если ваш вопрос не решат, то вы обратитесь к какую-то организацию за границей, кажется, в НАТО (Смех в зале, с места подсказывают: ООН.)

Зорина: Да, да, ООН.

Бариев: Я вам сказал, что наша конституция дает нам право на свободу собраний, печати, свободу слова и митингов, что такие же права дает нам и преамбула ООН, и каждый человек имеет право обращаться. ООН — это международная организация и защищает права каждого человека.

ТРИНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ СУДА

18 июля 1969 г.

Судебное заседание началось в 10.30 ч.

Показания Ломакина Владимира Викторовича Список свидетелей № 15

Ломакин Владимир Викторович, 1941 года рождения, образование средне-техническое, член ВЛКСМ, радио-регулировщик, г. Воронеж.

Судья: На предварительном следствии вас допрашивали?

Ломакин: Да.

Судья: Кого знаете?

Ломакин: Байрамова Решата.

Судья: Личных счетов нет?

Ломакин: Нет.

Судья: Расскажите краткое содержание. Суду должны давать правдивые показания. За дачу ложных показаний вы можете привлечь к уголовной ответственности по ст. 161-162 УК УзССР.

Ломакин: Я давал правдивые показания. Решата знаю с 1963 года, вместе служили, он хороший специалист,

пользовался авторитетом. Мы обменялись адресами, стали переписываться. Он прислал мне письмо с отпечатанными на машинке документами в 1968 году.

Судья: Кому адресовано письмо, какой обратный адрес?

Ломакин: Адресовано мне, обратный адрес — Москва — до востребования.

Судья: Сколько было экземпляров документов?

Ломакин: Не помню, так как полностью документ не читал.

Судья: Когда передали документы, кому?

Ломакин: Сам передал парторгу, а он в КГБ.

Судья: Почему вы решили передать, какая причина?

Ломакин: Много недовольства против правительства, считаю, что их все равно бы обнаружили.

Судья: Этот конверт тот, что вам прислали (лист дела 171-201, том 6)?

Ломакин: Да, конверт тот. Документы отпечатаны на машинке, были вложены в этот конверт. (Обозревается том 6, лист дела 171-201.)

Судья: Письмо было напечатано на толстой бумаге? Ознакомьтесь с содержанием.

Ломакин: Да, это присланное на мое имя.

Судья: Информация № 70, Чирчикских громил к ответу, Письмо к писателям, Траурная информация, Обращение к сессии Верховного Совета СССР. Вы их полностью читали?

Ломакин: Прочитал начало, отнес к парторгу познакомиться.

Судья: Вы раньше интересовались национальным вопросом, почему он вам прислал, вы были депутатом, писателем, работником органов прокуратуры?

Ломакин: Я не могу ответить. В письме написано, чтобы я прочитал и узнал, какова его жизнь.

Судья: Сейчас мы ознакомились с вашим протоколом допроса на предварительном следствии, где вы показывали, что раньше о национальном вопросе с ним не говорили.

Самойлова: Сколько раз вы получали документы от него?

Ломакин: Всего один раз.

Прокурор: Раньше никаких разговоров не было с Байрамовым по национальному вопросу?

Ломакин: Нет. И так служба была тяжелой.

Судья: Байрамов, вы подтверждаете его показания?

Байрамов: Я считаю, что ответить на вопрос значит давать показания. Я отказываюсь отвечать.

Монахов: В этих газетных вырезках речь идет о Байрамове. Это о Решате. Ознакомьтесь с их содержанием.

Ломакин: Да, я подтверждаю.

Монахов: В трудные минуты он всегда готов был помочь, рискуя многим?

Ломакин: Да, он всегда отличался мужеством.

Байрамов: На предварительном следствии вы говорили, что писали мне в письме, чтобы я бросил этим заниматься, ибо это плохо кончится.

Ломакин: Дал товарищеский совет. Сейчас вы сидите на скамье подсудимых, это уже плохо.

Байрамов: Вы на предварительном следствии говорили, что в документах клевета на советский строй. В чем вы видите клевету?

Ломакин: Ты сам прекрасно понимаешь.

Судья: Свидетель, вы можете отвечать, можете не отвечать, предоставьте это на усмотрение суда.

Чего вы добились, Байрамов, посылая ему документы?

Байрамов: Я хотел познакомить его как товарища, и независимо от того, решит ли он крымскотатарский вопрос.

Хаиров: Вы знакомы с программой партии по национальным вопросам, с Конституцией СССР?

Судья: Вопрос снимается.

Хаиров: Вы сказали, что бегло осмотрели документы, из каких фактов вы решили, что документы анти-советского характера?

Ломакин: Я обратился к парторгу, и с ним мы пришли к такому выводу.

Умеров: Он коммунист? Вы служили и вернулись на свою родину, а вот наш друг не смог прописаться у себя на Родине. Вы подумали об этом? (Свидетель молчит.)

Эминов: Вы всегда пишете письма друзьям под копирку? В деле копия вашего письма?

Ломакин: Нет.

Кадыев: Вы раньше знали что-нибудь о татарах, читали ли литературу как об изменниках?

Ломакин: Нет. Ничего не читал, не слышал.

Кадыев: Вы знали, что с татар сняли огульное обвинение. Можете ли вы считать, что об указе узнали из документов Решата?

Ломакин: Да, узнал из документов; раньше ничего не знал.

Показания Исмаилова Зареддина

Список свидетелей № 89

Исмаилов Зареддин, 1931 года рождения, образование 4 класса, беспартийный, механик автогаража, г. Ташкент.

Судья: Кого из подсудимых знаете?

Исмаилов: Соседа Умерова. Личных счетов нет.

Судья: На предварительном следствии вы давали правдивые показания?

Исмаилов: Да.

Судья: За дачу заведомо ложных показаний вы привлекаетесь к уголовной ответственности по статьям 161-162. Расскажите краткое содержание допроса.

Исмаилов: Меня вызвали и спросили насчет собрания и ездил ли я в Москву. Я был представителем года два назад.

Судья: Как вы знаете Умерова?

Исмаилов: Я его знаю лет 18. Работали вместе. Я давал ему рекомендацию при поступлении на работу, на завод.

Судья: Кто рекомендовал вам ехать в Москву? Умеров?

Исмаилов: Нет, народ.

Судья: Было собрание в доме Умерова? Кто дал мандат и деньги?

Исмаилов: Не знаю.

Судья: Не Умеров?

Исмаилов: Нет.

Судья: Кто купил билет?

Исмаилов: Не знаю. Я дал согласие ехать, раз народ попросил. После этого мать говорит, что вот принесли тебе бумажку; я посмотрел, это был билет. На утро я уехал.

Судья: Перед кем вы отчитывались?

Исмаилов: Не перед кем, а кого видел своих и кто спрашивал, тому и говорил.

Судья: В протоколе отмечено, что Умеров вам предлагал отчитаться перед народом. Умерову вы рассказали?

Исмаилов: При встрече, возможно. Отчитаться он меня не просил.

Судья: На собрании в доме Анафиева были?

Исмаилов: Да, был, видя, что народ идет, я тоже пошел.

Судья: Умеров был тогда?

Исмаилов: Нет, не был.

Судья: Он не критиковал вас, что вы не хотите ехать в Крым?

Исмаилов: Нет, никто не критиковал.

Судья: С Эминовым вы бывали где-нибудь?

Исмаилов: Нет, я его знаю просто так, и при встрече только здоровались.

Заседатель: Как вас можно понять, там было собрание или просто встреча?

Исмаилов: Просто встреча.

Прокурор: Скажите по поводу вашего оргнабора.

Исмаилов: Пришли на работу, и мне сказали, что меня вызывают в горисполком по поводу выезда в Крым, затем мне дали анкету, чтобы оформить.

Судья: Почему вы не поехали?

Исмаилов: Я приходил каждый день, а документы не были готовы, и меня оставили на вторую очередь и больше не вызывали. Вот так я и остался.

Прокурор: Так вы в Крыму не были?

Исмаилов: Нет, был по своему желанию.

Умеров: Скажите, вы ездили в 1967 году, а собрание было в 1968 году, и там рекомендовали вам ехать в Москву. Как же так получается, что якобы ему была рекомендация дана в моем доме?

Исмаилов: Мандат вручили мне на другом собрании, Умерова там не было. А в Крым я ездил сам. Без вербовки.

Прокурор: На предварительном следствии вы говорили, что в Крыму вам не понравилось, и вы вернулись.

Исмаилов: Так я не говорил, повторяю, ездил без вербовки.

Показания Ибраимова Арифа
Список свидетелей № 96

Ибраимов Ариф, 1924 года рождения, образование 7 классов, беспартийный, слесарь, пос. Ташавтомаш.

Судья: Кого знаете из подсудимых?

Ариф: Знаю Умерова Ризу. Личных счетов нет.

Судья: На предварительном следствии показания давали?

Ариф: Да.

Судья: Правильные?

Ариф: Да.

Судья: Вы должны давать сейчас правильные показания. Краткое содержание расскажете? Как знаете Умерова?

Ариф: Я работал вместе с ним, живем по-соседски.

Судья: Вы знаете, что у него бывают люди и обсуждают документы?

Ариф: Нет, не знаю.

Судья: А на заводе были ли собрания крымских татар?

Арип: Не помню.

Судья: В доме Анафиева что было?

Арип: В его доме было собрание, читали информацию.

Судья: Кто читал?

Арип: Читали по очереди, кто хотел, тот и читал.

Судья: Сами не читали?

Арип: Нет.

Судья: Умеров читал?

Арип: Нет.

Судья: Был там Умеров?

Арип: Не помню, был ли там Умеров.

Судья: В вашем доме были собрания?

Арип: После 2 недель, как было собрание у Анафиева, было собрание у меня. Было 30-40 человек.

Судья: Что там читали?

Арип: Тоже информацию.

Судья: Какую?

Арип: Не помню.

Судья: Умеров был там?

Арип: Был.

Судья: Умеров не приносил информацию?

Арип: Нет.

Судья: Какое решение было принято на этом собрании и выступал ли Умеров?

Арип: Лично я не слышал, так как народу было много.

Судья: Никакой документ не составляли тогда?

Арип: Нет, не составляли и не подписывали.

Судья: По-вашему, Умеров не был организатором этих собраний?

Арип: Нет, не был. А насчет собрания у меня: в доме Анафиева назначили собрание на следующий раз у меня, я согласился.

Судья: Умеров, вы были на этих собраниях?

Умеров: Да, был, его показания правдивые.

Показания Сулейманова Юсуфа
Вызван по просьбе защитников

Сулейманов Юсуф, 1899 года рождения, неграмотный, место жительства совхоз Свердлова.

Судья: Кого знаете из сидящих?

Юсуф: Никого.

Судья: Вас вызвали по просьбе защитников.

Юсуф: Я не понимаю ни по-русски, ни по-узбекски. И поэтому требую переводчика на татарском языке. (Переводчик Халилов Эдем, по просьбе свидетеля, 1917 года рождения, преподаватель школы № 1 им. Ленина Янгиюльского района.)

Судья: Халилов, на вас возлагается ответственность за перевод, в чем вы распишитесь.

Кадыев: Скажите суду, что вам известно о фактах смерти крымских татар после выселения в первые годы.

Юсуф: Когда мы выехали из Крыма за 15 минут, нас привезли и выгрузили в Урта-Аул как скот на бойне. На нас никто не обращал внимания. Мы были голодные, грязные и больные. Люди еще больше стали болеть, опухать от голода и начали семьями умирать. Я хочу сказать, что из деревни нашей, где было 206 человек, умерло 100 человек, 18 человек я сам похоронил. Из 7 дворов своих родных никого не осталось. Я могу назвать еще всех умерших из двух деревень, привезенных с нами, если вас это интересует.

Кадыев: Что вы знаете об этих двух деревнях?

Юсуф: О них я могу сказать то, что я вспомню, возможно, чего-нибудь и забыл, а по фамилии я могу перечислить всех умерших.

Заславский: Как называлась ваша деревня?

Юсуф: Деревня Албад.

Монахов: Пусть посмотрит эти списки, эти ли люди?

Юсуф: Да, это списки умерших из нашей деревни.

Показания Бабича Марьям
Список свидетелей № 93

Бабич Марьям, 1920 года рождения, образование 7

классов, до войны была партийная, а сейчас беспартийная, должность продавец, Ташкент.

Судья: Кого знаете?

Бабич: Ризу. Личных счетов нет.

Судья: Правдивые ли показания на предварительном следствии?

Бабич: Да, правильные.

Судья: За ложные показания будете привлечены к ответственности по статьям 161-162 УК УзССР.

Расскажите краткое содержание ваших показаний.

Бабич: Меня спрашивали, как собираются собрания, как собираются деньги, что делается в доме Умерова? Я ответила, что у него в доме мы собирались, точно не знаю, в какое время, в прошлом году.

Судья: Где читали письмо о 17 отщепенцах? Это письмо обсуждалось. Кто его читал? Умеров?

Бабич: Не помню. Читал не Умеров.

Судья: Кто выступал?

Бабич: Никто.

Судья: Ответ писали?

Бабич: Хотели ответить, написать, но не знаю, написали или нет, даже я сама хотела написать.

Судья: Подписи собирали?

Бабич: Не собирали.

Судья: Вы говорили, что народу было много?

Бабич: Ну были соседи, а если много народу, то надо помещение, а мы сидели в коридоре.

Судья: А еще были собрания? После собрания назначили еще собрание, кто назначил?

Бабич: Да, были. Никто не назначал. Например, я сама пригласила людей, и мы все зашли к соседу Анафиеву, чтобы поговорить об оргнаборе.

Судья: Что еще знаете о Умерове?

Бабич: Мы считаем его хорошим человеком, знаем его семью. Выбрали его как представителя, так как в Москву посылают достойных людей. Он был в отпуске, хотел лечиться, но мы его попросили поехать в Москву, он не отказал.

Показания Бариевой Гулизар
Видимо вызвана по просьбе Бариева Айдера

Бариева Гулизар, 1940 г. рождения, супруга Бариева.

Судья: В последнее время жили вместе или нет?

Бариева: Вместе, двое детей.

Судья: Вы должны давать правдивые показания суду, хоть и семейные.

Бариев: Скажите, пожалуйста, я как отец оставлял своих детей без присмотра?

Бариева: Нет. Мы были вместе и жили дружно, но детям я по решению суда получала алименты. И он платил постоянно. А какая-то женщина с горсуда, приехав, наговорила на меня.

Бариев: Скажите, вам от меня товарищи передавали 100 рублей. Я хочу узнать, получила ли она эти деньги?

Бариева: Да. Получила.

Бариев: Кроме того, вы получили 50 рублей.

Бариева: Да.

Прокурор: Вы находитесь в зарегистрированном браке?

Бариева: Да. Я его сильно любила и ревновала, и поэтому я не возвращала исполнительного листа.

Сафонов: Как он относился к детям?

Бариева: Да, он очень хорошо относился к детям. (Свидетельница начала плакать, кричать, поэтому председательствующий сделал замечание свидетельнице. Затем объявил перерыв до 21 июля.)

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ СУДА

23 июля 1969 г.

21 июля судебное заседание не состоялось из-за болезни одного из заседателей. Суд был переведен на 23 июля.

23 июля 10 часов. Началось судебное заседание. Из зала суда мать Халиловой вновь подала документы в 264 листа от имени крымскотатарского народа под названием «Протест против суда над нашими представителями». Суд принял документы, передал на обозрение участникам процесса.

*Показания Селяметова Зекие
Список свидетелей № 68*

Селяметова Зекие, 1930 года рождения, образование 4 класса, беспартийная, домохозяйка, г. Ташкент.

Судья: Кого из подсудимых знаете?

Зекие: Знаю только Умерова Ризу.

Судья: Личных счетов нет?

Зекие: Я знаю его по работе до 1956 года, а после этого ничего о нем не знаю.

Судья: Вы были на предварительном допросе?

Зекие: Да.

Судья: Показания давали правдивые или неправдивые?

Зекие: Да, правдивые, но будут дополнения.

Судья: Вам предъявлен список, да?

Зекие: Да.

Судья: Фамилия там была ваша, а также подпись?

Зекие: За меня расписался муж, а фамилия моя. Я точно не знала тогда, что за меня расписался муж, но я всегда готова расписаться под документом, где требуется возвращение на Родину, я всегда за народное дело.

Судья: Если бы подписи собирали под документы, вы бы подписались?

Зекие: Представители всегда объясняют, за что расписываешься.

Судья (предъявляет список, л.д. 55, т. 12): Есть ли ваша фамилия и подпись?

Зекие: Да, есть подпись к «Оценке текущего момента», после фамилии моего мужа. Халилова подпись сделана

моим мужем. Документ я не видела, не читала, но слышала.

Судья: Кто собирал и составлял список?

Зекие: Не могу сказать.

Судья: У кого изъят этот список?

Зекие: Не знаю.

Судья: Хаиров, как оказался список у вас?

Хаиров: Я уже отвечал, в любом действии отступление от правил, а также халатность. Так получилось и здесь. Бланки были оформлены плохо, поэтому я хотел возвратить их, откуда они были присланы.

Показания Подошева Османа
Список свидетелей № 104

Подошев Осман, 1924 года рождения, образование 4 класса, беспартийный, рабочий-строитель, пос. Красногвардейск, Самаркандской области.

Судья: Кого из подсудимых знаете?

Осман: Языджиева.

Судья: Личных счетов нет?

Осман: Нет. (Вызывается переводчик Фазылов Эскендер, преподаватель языка и литературы поселка Чиназ.)

Судья: Распишитесь, свидетель, за то, что будете давать правдивые показания. Вас допрашивали на предварительном следствии? О чем говорили?

Осман: Допрашивали. Меня спросили: «Ты знаешь Языджиева?» «Как знаешь?» Я рассказал, что знаю его давно, так как мы с одной деревни, и знаю его, как хорошего товарища, а также, что он воевал с первых дней обороны Севастополя и до последних дней. Поэтому народ посчитал нужным послать его в Москву, как представителя, чтобы он узнал о нашем вопросе.

Судья: Таким образом, вы послали его?

Осман: Народ собрался, поговорили и решили послать Языджиева, так как он был в отпуску. Народу было 50-100 человек.

Судья: Были ли на этом собрании протокол и так далее?

Осман: Нет. Каждый высказывал свое.

Судья: В каком году это было?

Осман: Не помню.

Судья: Писал ли Языджиев какой документ?

Осман: Нет. Ничего не писал.

Судья: На предварительном следствии вы говорили, что Языджиев составлял документ от имени народа.

Осман: Я считаю, что это подлог. Я подписывал документ о нашей высылке и что у нас отобрано все. Я просил, чтобы пришла моя жена, так как у нее 7 классов образования, но следователь ответил, что он ничего плохого не написал в протоколе, а все только в пользу народа. Я считаю свою подпись под этим протоколом подлогом.

Судья: Проводил ли собрания Языджиев по возвращении?

Осман: Мы слышали уже о положении в Москве до приезда Языджиева.

Судья: В протоколе написано, что о событиях в Москве рассказал Языджиев.

Осман: Мало ли что там может быть написано.

Судья: Какие документы читал Языджиев?

Осман: Я никогда не слышал, так как есть более молодые товарищи.

Судья: Какой документ, кто читал, можете сказать?

Осман: Нет. Не могу сказать.

Судья: Вы подписывали сами какой-нибудь документ?

Осман: Да подписывал за возвращение на Родину, где были заголовки, а на предварительном следствии мне предъявили без заголовка. С другой целью я не подписывался и никого я обвинять не хотел. (Обозревается лист дела 9, том 15, где Подошев находит подпись.) Я подписывался, чтобы возвратиться на Родину, а также подписывался за мать, которой уже 90 лет.

Заславский: Скажите, как Языджиев воевал?

Осман: В 1941 году Языджиев один остался у пулемета и до конца был верен. Это я знаю из бесед с ним.

Языджиев: Я хочу дать пояснения. Был май месяц, и от Булунгура должны были вылететь в Москву. В заглавии списка было написано, что подписи под мандат и вот эти списки, это остаток от подписей мандата. (Продолжайте.) Когда принесли эти списки, я уже вылетел в Москву, поэтому они и остались у меня дома. Они были в двух экземплярах. Этот список не имеет никакого отношения к письму. В конце письма была приготовлена графа для подписей, но я отказался писать это письмо. Общие показания свидетеля Подошева правильны. Меня пригласили и попросили, чтобы я был представителем. Я дал согласие. Я поехал не насильно. Я при чтке протоколов свидетеля сразу понял, что следователь Шафеев использовал его неграмотность и направил дело по необходимому для себя руслу.

Показания Асанова Наримана
Список свидетелей № 102

Асанов Нариман, 1927 года рождения, образование 4 класса, беспартийный, место работы швейная фабрика, г. Чирчик.

Судья: Расскажите краткое содержание показаний, которые вы давали на предварительном следствии.

Асанов: Я отвечал на вопросы в течение 2 часов. 24 марта 1968 года был выходной. Я навестил брата в Ангрене. У реки Чирчик собрались люди, я тоже пошел. Там было собрание и читали информацию.

Судья: Кто читал?

Асанов: Не могу сказать.

Судья: Вы говорили, что был Бариев.

Асанов: Не знаю его вообще.

Судья: Отчет-информацию вы видели и зачитывали его там?

Асанов: Нет, не помню.

Судья: Что было 7 апреля, кто собрал собрание? Что там читали?

Асанов: Не помню.

Судья: Составляли что-нибудь на собрании?

Асанов: Не помню.

Судья: Как вы знаете Языджиева?

Асанов: Его я не знаю, а на следствии читал его письмо.

Судья: Вы на предварительном следствии давали другие показания.

(Оглашается лист дела 16, том 15.) Здесь написано: с Языджиев[ым] Исмаилом я лично знаком. Видел его около горсуда на Ташкентском судебном процессе над арестованными Ибраимовым Зейтулой и другими.

Асанов: Слова эти не мои.

Судья: Где читали письмо Языджиева, которое передавалось из рук в руки?

Асанов: Я лично с Языджиевым не знаком. А с письмом знаком и согласен.

Судья: Как узнали, что это письмо написал Языджиев?

Асанов: Это же не подпольный документ, и он подписан.

Судья: Сохранился текст этого письма?

Асанов: Нет, изъяли, но сейчас тоже есть.

Прокурор: Вы в начале показаний заявили, что ваши показания правдивые, но сейчас некоторые из них не подтверждаете?

Асанов: Я протокол не читал, читал следователь, а я расписался. А Бариева я не знаю.

Монахов: Что вы знаете о Чирчикских событиях 21 апреля 1968 года?

Асанов: Числа 5-го я лично ходил в горком просить помещения, нам в этом отказали, а 7-го было собрание, где было решено, чтобы 21-го провести праздник «Дервиза». Такой праздник уже был в 1967 году.

Монахов: Что помешало провести вам этот праздник?

Асанов: Работники милиции, они разогнали собравшихся, применив физическую силу, дубинки и водометы. При мне лично крутили руки девочке 16 лет, которая кричала «помогите!».

Монахов: Со стороны народа были нарушения?

Асанов: Нет никаких, наоборот, люди были одеты по праздничному.

*Показания Сейтумерова Решата
Список свидетелей № 101*

Сейтумеров Решат, 1925 года рождения, образование 7 классов, беспартийный, слесарь Чирчиксельмаш.

Судья: Кого знаете из подсудимых?

Решат: Знаю Бариева, как участника художественной самодеятельности.

Судья: На предварительном следствии показания давали?

Решат: Да.

Судья: Какие давали показания?

Решат: Следователь показал мне бумагу о событиях в Крыму, где имеется моя подпись. Я считаю, что написано правильно. Но затем он обвинил Бариева в том, что он читал [письмо] Языджијева на собрании 7 апреля. Я на собрание пришел с опозданием, там уже танцевали, и я не видел, кто читал это письмо. Письмо Языджијева я читал сам лично в доме Ибраимова на собрании.

Судья: Откуда знали, что это письмо Языджијева?

Решат: Там есть адрес и подпись. Языджијева я видел в 1966 году будучи представителем в Москве, где была встреча с дважды Героем Амет-Ханом Султаном. Затем часто встречались с его стихами в «Ленин Байрагы».

Судья: Что вы знаете о собрании 24 марта?

Решат: Я там не был.

Судья: Вы говорили на предварительном следствии, что были на собрании на мосту, где было 400 человек, там читали информацию. Правильны ли эти ваши показания?

Решат: Возможно, я и был.

Судья: Вы говорите, что вы лично видели Бариева.

Решат: Не видел, и он не выступал.

Судья: Какой там документ читали?

Решат: Не помню.

Судья: На предварительном следствии вы говорили, что была зачитана Информация № 64.

Решат: Возможно, и зачитывалось. Я забыл. (Приводится выдержка о том, что на собрании 24 марта 1968 года была зачитана Информация № 64.) Да, это мои слова. С обращением 17 коммунистов, письмом Языджиева к Григоренко я был знаком до собрания.

Сафонов: А вы не были очевидцем Чирчикских событий?

Решат: Я как раз ехал в Ташкент и утром видел, что весь город окружен милицией.

Заславский: Вы в Крыму были?

Решат: Да, был.

Заславский: Зачем ездили?

Решат: Да ездил, чтобы устроиться, да притом как холостяк, потому что не зарегистрирован, и мне не поверили. Начальник паспортного отдела сказал, что пропишет, если найду жилплощадь. Я нашел частную квартиру. Но потом он мне говорит, пропишись в «Красном чабане», а работай у нас. Я ответил, что хочу жить в Крыму. Меня не прописали. Я со своими соотечественниками жил в палатках в городе Симферополе. Но нам не разрешили жить в палатках. Пришли работники милиции, дружинники, разбросали палатки, а нас силой погрузили в машины и увезли через Кавказ в Узбекистан. По дороге мы голодали, нам не давали еду, не разрешали выходить в туалет, женщинам приходилось оправляться при милиции. В Дербенте местные жители нас накормили. На всем пути следования нас сопровождала милиция.

Заславский: В Симферополе со стороны народа были нарушения порядка?

Решат: Нет.

Монахов: Была ли санкция на ваш арест?

Решат: Нет, не было.

Кадыев: Скажите пожалуйста, где были разбиты ваши палатки?

Решат: За городом.

Показания Умерова Энвера

Список свидетелей № 29

Умеров Энвер, 1924 года рождения, образование 7 классов татарской школы, арматурщик, город Бекабад.

Судья: Вас допрашивали, где?

Энвер: Да, в КГБ города Бекабада.

Судья: Краткое содержание?

Энвер: Меня спрашивали, зачем я поехал в Москву. Я ответил, что был в городе Москве с женой, от имени народа.

Судья: Что там было?

Энвер: Там было страшное дело, нас всех собрали на улице и привезли в камеры, затем посадили в автобусы, привезли на вокзал. Погрузили на поезд и привезли в Узбекистан, но я снова на следующий день поехал в Москву. По приезде встретился с некоторыми товарищами. Мы везде ходили, но нас нигде не приняли, и вопрос остался нерешенным. Наши муки были напрасны.

Прокурор: На следствии вы заявили, что ездили по личному делу, для лечения ног.

Энвер: Нет, я ездил как представитель по национальному делу, если нужно, то снова поеду.

Судья: В Москве вы видели какие-нибудь документы?

Энвер: Да, видел и подписывал. Я присутствовал, когда читали информацию. Я одобрил ее и подписал.

Прокурор: Вы говорили, что зачитывал информацию Айдер, что вы скажете по этому поводу?

Энвер: Я говорил, что действительно видел Айдера и спросил, как доехать в Верховный Совет. (Оглашается лист дела [3] 10 [том 7]: При чтении этого документа наиболее активным был Айдер, волос кучерявый, и он является инициатором приема представителей крымских татар в Прокуратуре СССР.) Это не мои слова. Я протокол не читал, а верил следователю и подписал.

Сафонов: За что вас посадили в камеру в Москве?

Энвер: Не знаю, наверное за то, что я крымский татарин. Нас там было около 90 человек. Всех нас везли в Узбекистан, но доехали всего 35 человек, а остальные обратно возвратились в Москву, несмотря на то, что нас сопровождала милиция.

Заславский: Скажите, вы подписывали 67-ю информацию?

Энвер: Кажется, 67.

Заславский: Вам следователь не предъявлял обвинения и прекращение уголовного дела?

Энвер: Нет.

Заславский: Бариев, какого же числа вы приехали в Москву?

Бариев: 12 мая. В этот период Информация № 67 не изготовлялась. А инициатором приема в прокуратуру СССР я был.

Показания Исматова Вали
Вызван по просьбе защиты

Исмаилов Вали, 1936 года рождения, образование высшее, член КПСС, преподаватель кафедры научного коммунизма СамГУ.

Судья: Расскажите суду кратко о том, как читали Указ от 5 сентября 1967 года в актовом зале СамГУ.

Исмаилов: Это было 9 сентября утром, я пришел на кафедру. Я не знал ничего, но кто-то сказал, что в актовом зале будет большое событие, будут разъяснять указ о реабилитации крымскотатарского народа. Мне

бросилось в глаза и очень удивило, что в зале только студенты первого, второго курса, а студентов-крымских татар почти не было. Встречу открыл секретарь Саидов, он зачитал текст указа. После этого мы начали задавать вопросы, появились разногласия. Представитель из Москвы товарищ Вишневский должен был разъяснить указ, но он вместо этого стал угрожать, показывая статью 123[?] УК УзССР. Кроме того, он затронул и оскорбил национальные чувства крымских татар. Он о крымских татарах говорил с презрением. Я задал ему два вопроса:

1. Почему не признается крымскотатарская нация, почему в указе говорится о гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму?

2. Почему не признаются исторические документы об образовании Крымской АССР?

Вишневский не ответил на первый вопрос. На второй вопрос он ответил, сказав, что Крымской АССР нет.

Тогда Роллан зачитал декрет с подписью Ленина. В стенах Исторического института меня всегда учили говорить правду, и меня очень возмутила фальсификация крымскотатарской истории. Он говорил, что крымские татары были предателями, что среди крымских татар было 20-25 тысяч предателей. На наше возмущение он сказал, что эти данные дали ему в органах. Когда мы сделали вычисление, то получилось, что все взрослое население крымских татар было предателями. Я заявил, что он фальсифицирует историю. Я спросил его, знает ли он героев крымских татар: Амет-Хан Султана, Алиме Абденнанову и многих других. В качестве примера привел свою семью — мой отец был убит немцами. На вопрос, почему не возвращают крымских татар и не восстанавливают справедливость, он ответил, что переселение в Крым невозможно, ибо это связано с экономическими трудностями.

Судья: Что вы заметили в поведении Кадыева по поводу указа?

Исмаилов: По этому поводу могу сказать, что все говорилось от души. Указу была дана такая оценка, что официально снимается огульное обвинение со всего народа, это было воспринято с одобрением. Что касается второй части, где говорится об укоренении, то Кадыев выступал, он говорил об указе.

Судья: Вам не помнится, что он говорил?

Исмаилов: Он говорил о том, что политическая реабилитация народа является первым шагом в решении национального вопроса. Он просил Вишневского довести до сведения ЦК желание народа возвратиться на Родину. Роллан на этом собрании не говорил, что указ половинчатый и антинародный.

Судья: По поводу чего было собрание в парткоме?

Исмаилов: Опять было то же самое, разъясняли указ. Было 15 человек.

Судья: Выступал ли Кадыев?

Исмаилов: Он зачитывал текст Декрета об образовании Крымской АССР, потому что Вишневский не знал об этом декрете, как он заявил.

Судья: Грубости со стороны Кадыева были?

Исмаилов: Никаких грубостей со стороны Кадыева в адрес сидящих не было.

Кадыев: Скажите, во время зачитки указа в актовом зале, что говорил Талышкин?

Исмаилов: Доцент Талышкин утверждал, что Крымской автономии не было и что это фальсификация истории.

Кадыев: После того, как был зачитан указ, я сам вызвался выступать, или меня попросили выступить?

Исмаилов: После зачитывания Вишневским указа товарищи попросили, чтобы выступил Кадыев. Выступали и другие товарищи-крымские татары. На партбюро были вызваны только я и Кадыев. Нам предъявили обвинение, что мы не понимаем текущего момента в национальной политике партии и правительства.

Кадыев: Дали ли нам разъяснения по вопросу теку-

щего момента в национальной политике партии и Советского правительства?

Исмаилов: Нет, не дали.

Кадыев: Были ли угрозы, что если я не изменю своих взглядов, то меня лишат работы?

Исмаилов: Да. Со стороны Вишневецкого, Тальшкина и других были угрозы, что лишат работы в СамГУ.

Хаиров: Скажите, свидетель, вы по специальности историк. После появления указа прошло почти два года. Указ констатировал факт огульного обвинения и необоснованного выселения всего нашего народа из Крыма. Нашла ли отражение эта констатация в трудах советских историков в течение этих двух лет? Встречается ли эта констатация в художественной литературе?

Исмаилов: Я не встречал, чтобы эта констатация была отражена в трудах историков или в художественной литературе.

Судья: Что написано вами по данной истории?

Исмаилов: По истории крымскотатарского народа ничего не писал, так как уверен, что ничего не опубликуют.

Хаиров: Так как на данном судебном процессе не может быть поставлен вопрос о решении нашего национального вопроса, я настаиваю и прошу суд — довести до сведения Политбюро ЦК КПСС мое ходатайство о направлении компетентной [комиссии] из состава членов ЦК КПСС на данный судебный процесс.

Судья: Это не входит в компетенцию суда; поэтому мы не можем удовлетворить это ходатайство.

Кадыев: Показания Исмаилова полностью опровергают показания Тальшкина, доказывают их ложность. Показания Тальшкина я считаю ложными и тенденциозными и не без умысла. Его показания также опровергаются показаниями Саидова (лист дела 58, том 9), который не подтвердил, что я вел себя грубо, возмутительно и оскорбительно. Тальшкин был возмущен тем, что он не мог ответить на мои вопросы.

Прокурор: На предварительном следствии Кадыев признал, что назвал указ половинчатым, говорил он это?

Исмаилов: Вы хотите найти противоречие в наших показаниях. Я об этом уже говорил.

Кадыев: Относительно половинчастости указа я говорил следователю, но не в актовом зале университета.

Показания Мурахаса Нурфета
Список свидетелей № 100

Мурахас Нурфет, 1940 года рождения.

Мурахас: Я хочу давать показания на своем чисто деревенском языке ускутском, Алуштинского района, Крымской области, так как я скучаю по этому языку.

Судья: Думаю, что заявление — провокация, так как такого языка с таким уклоном нет.

(Совещаясь, суд определ, что деревенского ускутского языка в истории нет. Переводчика суд обеспечить не может. Заявление свидетеля является провокационным, фактическим отказом от дачи показаний, а поэтому свидетель не спрашивается и выводится из зала суда).

Показания Рустемова Зеки
Список свидетелей № 67

Рустемов Зеки, 1931 года рождения, образование 4 класса, беспартийный, заведующий центральным складом садвинтреста Кибрай.

Судья: Правильны показания или нет?

Зеки: Может и правильно, может и нет. Я забыл, какие давал показания. У меня что-то спрашивали относительно подписей. Я сам не подписывался, за меня подписывается жена. (Обозревается лист дела [не указан] том 12. Список с подписями. За № 15 сверху

значится фамилия Рустемова.) Подпись учинена не мной, а женой за то, что народ хочет поехать в Крым.

Судья (дает свидетелю прочитать заголовок, где подписи собраны под документом «К оценке текущего момента»): Жена ваша разбирается в этих документах?

Зеки: Наверное разбирается.

Прокурор: На предварительном следствии вы говорили, что ни вы ни жена не расписывались.

Зеки: По возвращении домой жена мне сказала, что подписи учинила она, а до допроса я не знал, что она расписалась за меня.

Сафонов: Скажите, вы не были очевидцем Чирчикских событий?

Зеки: Да, был и видел, как обливали водой и избивали людей. Была избита моя сестренка 20 лет, беременная, до синяков. После избиения ее с мужем погрузили в машину и отвезли в милицию. После этого целую неделю лежала, не могла пойти на работу. Когда мы спросили, она ответила, что избивали солдаты и милиционеры. Со стороны моей сестры никакого нарушения общественного порядка не было.

Показания Ислямова Решата Рефатовича
Список свидетелей № 98

Ислямов Решат Рефатович, 1929 года рождения, образование 8 классов, с 1962 года член КПСС, Ташавтомаш.

Судья: Кого знаете из подсудимых? Личных счетов нет?

Решат: Знаю по работе Умерова. Личных счетов нет.

Умеров: У нас неприязненные отношения.

Решат: Он говорит неправду. Я на предварительном следствии давал правдивые показания. Я не помню дату, но знаю, что в Москве были наши представители. Наши люди собрались дома у Умерова.

Судья: У вас жена татарка?

Решат: Да.

Умеров: Я не согласен с его показаниями на предварительном следствии, прошу огласить. (Оглашается показание.) Это клевета и ложь.

Хаиров: Я хочу спросить у вас, как у члена КПСС. Какая позиция у коммуниста в народном движении, у вас в частности?

Решат: Народ действует правильно.

Судья: На судебном разбирательстве допрошены 40 свидетелей из 7[5] человек. Из неявившихся 4 не пришли из-за уважительной причины, остальные не явились без причин. Какие будут мнения?

(Подсудимые высказались, что можно закончить допрос свидетелей и повторно не вызывать свидетелей. Мнение защиты — мы считаем, что возможно закончить судебное следствие, ограничившись допросом вызванных свидетелей. Прокурор такого же мнения.

Суд, совещаясь на месте, определил ограничиться допросом явившихся свидетелей и дополнительно никого не вызывать.)

ПЯТНАДЦАТИЙ ДЕНЬ СУДА

25 июля 1969 г.

Судья: Судебное заседание продолжается. Одно запоздалое мероприятие. Прислали дополнительные документы в отношении Эминова. Он здесь?

Из зала: Он здесь. Не может пройти.

Бариев: И у меня дети и мать не могут зайти.

Судья: Сначала родственников впускать! Мы уже говорили об этом. Продолжаем судебное заседание.

Монахов: Прошу приобщить к делу справку о количестве детей Хаирова Иззета.

Судья: Если других предложений нет, судебное следствие объявляется законченным. Суд переходит к заслушиванию обвинения и защиты. По закону первое слово предоставляется прокурору.

Обвинительная речь государственного обвинителя.

Товарищи судьи, данный судебный процесс подходит к завершению. Пользуясь предоставленным мне словом, я попытаюсь выразить отношение государственного обвинения к рассматриваемому судебному процессу, дать ему соответствующую оценку и показать степень участия каждого из подсудимых, и таким образом оказать помощь в правильном рассмотрении этого дела.

Правильная оценка обстоятельств судебного процесса может быть дана, исходя из указаний ЦК КПСС, и в частности апрельского пленума, потому что в настоящее время историческое развитие характеризуется идеологической борьбой между социализмом и империализмом.

Империализм старается подорвать изнутри, очернить общественный и государственный строй страны Советов. В этой цели используются политически незрелые, морально неустойчивые элементы. Выискивание и разоблачение их является задачей каждого советского человека. Пока еще находятся люди, которые легко поддаются буржуазной идеологии. Наши идеологические враги, не останавливаясь на этом, распространяют злобные клеветнические измышления на существующий государственный и общественный строй. Все это ярко подтверждается апрельским Пленумом ЦК КПСС, где указывалось на необходимость повышения бдительности в отношении происков идеологических противников. Партия активно выступает против любых попыток чуждых элементов опорочить наш строй. Ибо, как указывал Брежнев: «В области идеологии не может быть мирного сосуществования». Данный процесс является одним из проявлений этой борьбы и с юридической точки зрения направлен на подрыв [?] государственного и общественного строя Советского Союза.

Речь идет о деятельности подсудимых, выражавшейся в распространении клеветнических измышлений в отношении не частного лица, а общественного строя Советского государства.

Особая опасность совершенного подсудимыми преступления заключается в том, что в течение сравнительно длительного времени и в большом масштабе, начиная с осени 1967 года по октябрь 1968 года, они изготовляли и распространяли документы, содержащие порочащие советский общественный и государственный строй измышления. Всего изготовлено более 50 подобных документов. Эти клеветнические документы, которые составлялись не только подсудимыми, но и писателем Костериным, ярим антисоветчиком Григоренко, рассылались в различные органы, деятелям науки, искусства и даже частным лицам крымскотатарской национальности. В этих документах, которые изготовлялись и распространялись, в ложном клеветническом духе излагается политика ЦК КПСС и советского правительства. На наше советское правительство вот уже 50 лет клеветают буржуазные писатели. В лице Байрамова, Кадыева и других они нашли достойных подражателей. Их выступления с вниманием будут подхвачены буржуазными крикунами. Содержание одного из клеветнических пасквилей уже было опубликовано в журнале «Посев». Корысть вполне, как видно, устраивает наших идеологических противников.

Остается спросить: За сколько гривенников они взялись клеветать на свое государство и сколько времени они решили клеветать? Факт опубликования в «Посеве» говорит о том, что содержание этих пасквилей полностью отвечает интересам наших врагов. В тех же преступных целях, для распространения не только среди граждан Советского Союза, но и за рубежом, Кадыевым, Байрамовым и другими подсудимыми был изготовлен пасквиль под названием «Обращение к мировой общественности», в котором сказано, что будто бы крымские татары находятся в неравном положении. А письмо на имя У Тана? Разве это не попытка передать очередную порцию клеветы на советский и общественный строй?

Суд не располагает данными, что данное обращение

и письмо опубликованы, но где гарантия того, что эти пасквилы не будут опубликованы завтра?

Нет, не из благородных намерений и не с целью доведения своих просьб до партии и правительства распространяли свои пасквилы. Любая информация, извращая действительные факты, насыщена злобной клеветой. Разница между ними только в том, что они составлены в разное время и по разному поводу, имеют различные названия. Характерно, что в этих своих пасквилях подсудимые сознательно не замечают успехи, которые добился советский народ с участием крымско-татарского народа. Если бы те или иные обвиняемые действительно выражали волю народа, то они прежде всего говорили бы об успехах и достижениях своего народа.

Поэтому, кроме того, что они аппелируют на народ и возводят на него же клевету, нет ни одного доброго слова о своем народе. Так называемые представители умышленно забывают, что среди их народа есть и депутат Верховного Совета СССР, сотни их избраны в местные советы, занимают руководящие посты, среди них большая армия коммунистов, сотни человек награждены орденами и медалями, имеют на родном языке газеты и журналы.

В материальном отношении [они живут] ничем не хуже, а многие из них даже лучше других народов. Подсудимые представили на суд немало хороших характеристик. Значит, их ценили? Ничего подобного в их писаниях не отражено.

Если подсудимые все-таки посмели говорить о каких-то преследованиях, о геноциде, дискриминации и так далее, то несомненно они возводят ложь на свой народ, партию и правительство.

Подтверждением того, что эти документы порочат советский государственный и общественный строй, является, на наш взгляд, приговор Ташкентского областного суда над Малаевым, в котором статья «О малых

и забытых» признана клеветнической, а также решение Верховного Суда от 25 мая 1968 года по другому уголовному делу.

Группа, сидящая здесь на скамье подсудимых, считает, что они являются патриотами. Позволительно спросить: Разве патриот в прямом смысле этого слова может клеветать на свой народ? Нет человека, который бы поверил этому.

Ссылаются далее на доверие народа. Но разве народ уполномочивал Кадыева, Байрамова, Бариева и других возводить клевету на себя? Нет, народ никогда не уполномочивал их нарушать социалистические законы, и в мандатах это тоже не записано. А разве имеющиеся на списках подписи подтверждают, что они выражают волю народа? Нет, конечно, а наоборот, доказано, что подписи собирались нечестным путем. Например, документы «Траурная информация» и «Оценка текущего момента». Эти документы содержат клеветнические измышления. Они снабжены поддельными подписями, а например, Рустемов Зеки из Кибрая говорит, что он не подписывал, а его подпись стоит под документом, а его жена подписывалась за возвращение в Крым. То, что подписи собирались путем обмана, и то, что они поддельвались, подтверждается показаниями многих других свидетелей. Например: Челебиева, Дервиш из Кибрая не расписывались, а их подписи сфабрикованы. Жители Орджоникидзевского района заявили на следствии, что подписи под документом «Оценка текущего момента» учинены не ими, а кем-то другим и что эти документы они не читали. И другие допрошенные в качестве свидетелей жители того же района заявили, что они поставили свои подписи о возвращении в Крым и никаких документов они не подписывали. Следовательно, ссылками на народ, пытаясь прикрыться и спекулируя именем народа, они тем самым оказывают плохую услугу своему народу: компрометируют его перед всем советским народом. Это обычное следствие действий преступников, нарушающих закон.

Несколько слов об отношении советских людей к содержанию этих документов.

Вполне естественно, большинство советских людей сразу же распознало клеветнический характер полученных документов и направило в местные органы. Например, Овечкин, получив по почте на имя отца письмо, сразу угадал по содержанию истерических выкриков, что речь не может идти о действительном положении вещей, и передал все полученное в органы КГБ. Ломакин, который ранее служил в армии с Байрамовым, тоже получал по почте подобные письма. Ломакин, увидев, что по своему содержанию они являются антисоветскими, тоже сдал их в КГБ.

Буджек Исмаил показал, что в Информации № 64 авторы допустили нездравый вымысел, порочащий советский государственный и общественный строй.

Акимов Абдулла показал: «Эти письма пишут люди душевнобольные, я никогда не подписывал их письма. И они поступают неправильно. Они пишут письма неправильные и подписывают их от имени большого количества людей».

Или возьмем Ибраимова. Он ознакомился с «Траурной информацией» и выступил с критикой по поводу этой информации. И многие другие свидетели документы, которые вручали им подсудимые, назвали клеветническими, антисоветскими и осудили их.

Товарищи судьи, я понимаю, что суд и только суд может ответить на вопрос — содержит ли тот или иной документ клеветнические измышления? И я привожу эти документы не для того, чтобы указать вам, что они являются клеветническими, я хочу сказать, что честные люди разбираются, где ложь, а где правда, и разоблачили клеветнический и вредный характер данных документов и сделали правильный вывод. Но надо сказать, что не все отдельные лица правильно поняли их, нашлись даже люди, которые отнеслись положительно. И вред их заключается в том, что эти люди смогли не

только распространять клеветнические измышления, но и [вводить в заблуждение] многих крымских татар, играя на национальных чувствах. Нашлись сочувствующие среди неустойчивых людей. Например, Трасинов Али заявил, что подсудимые являются борцами за народное дело, хотя даже школьнику известно, что за народное дело не судят и никогда не судили, а за клеветнические измышления, как видите, приходится отвечать. Преступления этих людей не прошли даром, они дали плоды и оказали отрицательное действие в отношении к советскому обществу. В этом их главная опасность для общества.

Наиболее плодотворным по части изготовления клеветнических писаний и их распространения является Байрамов.

Он обвиняется в том, что изготовлял, размножал и распространял лично, а также с участием других лиц, различные клеветнические документы. Он участвовал в изготовлении 17 и лично изготовил 9 документов. Это информации №№ 60, 61, 62, 63, 64, Экстренная информация, так называемое «Открытое письмо». Он лично размножил информации №№ 60, 61 и другие в 154 экземплярах. Кроме того, распространял информации №№ 69, 70, 71. Он лично разослал по почте и вручил лично в различные министерства, партийные и правительственные органы, в другие учреждения и частным лицам 268 экземпляров клеветнического содержания. Из них подготовил к отправке по почте, но не успел отправить 42 экземпляра и еще 15 экземпляров, всего 283 экземпляра. В этих документах Байрамов писал, что их народ якобы находится в неравноправном положении, и со стороны властей к нему применяются произвол и насилие, о чем говорится, например, в Информации № 61. Эти же злостные вымыслы Байрамов повторяет и в информациях №№ 63, 64. Байрамов возводит клевету на положение крымских татар в СССР, утверждает, что они якобы находятся в местах «ссылки».

В мае 1968 года Байрамов составляет Информацию № 68, где вновь возводится клевета. В этом документе с клеветнической позиции описаны случаи пресечения органами МООП нарушений общественного порядка со стороны некоторых представителей крымскотатарского населения.

Далее Байрамовым составлена «Экстренная информация», в которой говорится, что в Советском Союзе преднамеренно разжигается ненависть к крымскотатарской нации, и призыв[ается] к национальной розни.

Оставаясь в течение длительного времени безнаказанным, продолжал составлять и распространять различные пасквилы. Так, находясь в Мелитополе, изготовил документ под названием «Геноцид и политика правительства Советского государства». В этом документе Байрамов необоснованно, с клеветнических позиций проводит параллель между национальной политикой советского правительства и колониальной политикой империалистических государств. «Наш народ», — клеветает далее Байрамов в указанном документе, — «был обречен на полное уничтожение путем физического и национального истребления и ассимиляции». Здесь же утверждает, что «дискриминация крымскотатарского народа в резервации» является продолжением политики царизма — «Крым без крымских татар».

Трудно поверить, что эти слова мог сказать молодой человек, воспитавшийся в нашей стране. Байрамов принимал участие в изготовлении пасквилей и так называемых информационных №№ 70 и 71, документа под названием «Обращение крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР» и других документов, в том числе и письмо на имя Генерального Секретаря ООН У Тана. В подобных документах, предназначенных для распространения за рубежом, факт переселения крымских татар в 1944 году авторы преподносят, как «варварское злодеяние», и бесстыдно заявляют о геноциде в отношении крымско-

татарского народа, якобы имеющем место в Советском Союзе. С января по май 1968 года Байрамов сам лично, на пишущей машинке, приобретенной в магазине, и с помощью машинистки Смирновой изготовил и размножил большое количество документов, так, например, информации №№ 60, 61, 62 и другие. В частности, лично посетил многие партийные и государственные и другие органы с целью распространения клеветнических измышлений на существующий строй. Эти документы распространял путем пересылки по почте и зачитывал среди представителей крымскотатарского народа.

В феврале 1968 года и несколько позже лично подсудимым Байрамовым распространена в 50 экземплярах Информация № 61. 14 мая 1968 года вместе с подсудимым Бариевым составили и направили телеграмму в Политбюро ЦК КПСС и Генеральному Прокурору СССР, в которой утверждал, что над крымскими татарами в городе Чирчике якобы совершена расправа. Совместно с другими подсудимыми им направлено более 100 телеграмм.

Байрамов совместно с машинисткой Смирновой распространил среди народа немало всяких документов в виде Экстренной информации и другие.

Лично им и при содействии с другими подсудимыми были изготовлены и распространены содержащие гнусные измышления информации №№ 62, 70, 71 и «Обращение крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1969 года сессии Верховного Совета СССР».

Одновременно с этим лично распространял документы, авторами которых являются Григоренко и Костерин, в которых также имеются заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный строй. Со многими из этих клеветнических документов Байрамов ознакамливал ряд граждан, с которыми встречался. О том, какой широкий размах приняло это распространение, видно из его показаний, где он пояснил, что в отдельные дни он успевал подписывать до 70 конвертов,

которые направлял в различные организации и многим гражданам. Например, Хаирову Иззету, Меметову Серверу, Халиловой Хатидже и многим другим, которых он просил о том, чтобы с этими документами были ознакомлены другие.

Таким образом, 289 документов было распространено среди сотен тысяч граждан СССР. Это ясно из его показаний и других фактов. Он оспаривал не распространение, а содержание в документах элементов, порочащих советский государственный и общественный строй. Правда, впоследствии он отказался от дачи показаний, проявил малодушие. Только этим можно объяснить и то, что потом он объяснял, что вообще не давал таких показаний и что это выдумал следователь, а он не подписывал эти показания. Ничего удивительного нет в том, что возводя клевету на общественный строй, Байрамов клеветает и на следователя, это лишь продолжение большой клеветы. Не зря же, обращаясь к Халиловой, пишет: «Я боюсь, чтобы как бы к кому из нас не применили статью 70 УК РСФСР». В этом можно согласиться с Байрамовым. Его опасения в отношении статьи 70 УК РСФСР обоснованы, так как содеянное им граничит с содержанием статьи 70. Байрамов сам лично изготовил ряд клеветнических документов и распространил их среди большого количества людей. Это доказано его же показаниями, документами, изъятыми при обыске в его квартире, и показаниями свидетелей.

Поскольку совершенные Байрамовым преступления доказаны, его действия правильно инкриминированы по статье 190-1 УК РСФСР и статье 187-1 УК УССР. В своих деяниях Байрамов использовал весь свой лексикон, все свое умение и дошел до того, что начал утверждать, якобы нынешняя политика КПСС направлена на полное уничтожение крымских татар, как нации, что в отношении их проводится политика геноцида.

На предварительном следствии и судебном заседании Байрамов подтвердил изготовление документов, однако,

отрицал в них содержание клеветы. И на суде продолжал утверждать, что в отношении татар, ранее проживавших в Крыму, проводится политика геноцида и дискриминации, и заявил, что в этом нет клеветы, что в этом его субъективное право на сравнение.

Подсудимый Кадыев в течение ряда лет также специализировался в изготовлении и распространении клеветнических измышлений. Начал несколько лет назад во время работы в Самаркандском государственном университете. Там он высказывал среди своего окружения клеветнические измышления на проводимую КПСС и Советским правительством национальную политику.

Преступление совершил, когда он стал на путь изготовления пасквилей. Так с августа 1967 по август 1968 года, им изготовлен текст информации №№ 69 и 70, «Обращение крымскотатарской молодежи Самаркандской области», письмо в адрес Генерального Секретаря КПСС. Каждый из этих документов является клеветой на советский общественный и государственный строй.

Подсудимый Кадыев также участвовал в изготовлении Экстренной информации, где, как и в других документах, содержатся клеветнические измышления. В августе 1968 года Кадыев посетил Бахчисарайский исторический музей, где в присутствии граждан высказывал заведомо ложные измышления на национальную политику КПСС и Советского правительства, а затем вручил сотруднице музея Клипаченко клеветническое письмо на имя Генерального Секретаря ЦК КПСС.

После выхода Указа от 5 сентября 1967 года Кадыев пытался принизить его значение, клеветнически утверждая, что якобы является обманом народа. Во всех перечисленных пасквилях говорится о геноциде, дискриминации и насильственной ассимиляции, которые якобы имеют место по отношению к татарам, ранее проживавшим в Крыму.

На предварительном следствии и судебном заседании Кадыев подтвердил факт изготовления и распространения

ния, но всячески отрицал наличие в них клеветы. Посмотрите, товарищи судьи, Кадыев получил бесплатное образование, учился в университете, без 5 минут учебный. Ему предоставлены все условия, но по Кадыеву выходит — забота партии и правительства не что иное, как геноцид и насильственная ассимиляция.

Подсудимый Кадыев, в свои 30 лет не испытывавший никаких трудностей, получивший от государства все необходимое для проявления своего таланта и способностей, платит черной неблагодарностью и клеветает на тот же самый строй.

Что касается своих литературных сравнений, то есть упражнений в клевете, подсудимому Кадыеву следует знать, что всякие измышления, посягающие на советский государственный и общественный строй, в какой бы литературной или высокопарной форме они ни подавались, караются по всей строгости советских законов. В данный момент подсудимый Кадыев является убежденным носителем заведомо ложных измышлений, порочащих политику партии и правительства. Это видно хотя бы из заявления об отводе всему составу суда, якобы потому, что они являются членами партии. Попытка вызвать недоверие к суду по партийным признакам является одним из терминов, которым старается прикрыть свои преступные действия. Глубоко, очень глубоко погряз Кадыев в своей клевете.

Подсудимый Кадыев является одним из активных участников составления и распространения клеветнических измышлений на политику КПСС и Советского правительства. Это подтверждается его собственным признанием, показаниями свидетелей и вещественными доказательствами. И поэтому инкриминированное по статье 190-1 УК РСФСР, статье 191-4 УК УзССР и статье 187-1 УК УССР [обвинение] является правильным.

Подсудимый Бариев, находясь в преступной связи с обвиняемыми Халиловой, Байрамовым, Аметовой и дру-

гими, занимался изготовлением и распространением различных документов, в которых содержатся заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Лично им составлены информации №№ 67, 72, 73, принимал участие в составлении письма «Инициаторам города Чирчика», «Обращения к советским писателям, работникам науки, искусства, политическим деятелям СССР», и других. Лично размножил в 10 экземплярах информации 70 и 71.

Составлял и распространял и другие документы. Зачитывал Информацию № 64 на сборище татар, ранее проживавших в Крыму, в городе Чирчике. Лично сам и с участием других составил «Обращение крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР», письмо на имя Генерального Секретаря ООН У Тана и многие другие. Кроме того, в период посещения члена Московского Совета писателя Бондарина высказывал свои клеветнические измышления, что крымские татары якобы терпят унижения и притеснения... Каждое составленное Бариевым произведение, равно как и размноженное, по своему содержанию является злобным измышлением, которое порочит существующее положение. Так, в Информации 72 в злобной форме возводится клевета на национальную политику Коммунистической партии и на положение крымских татар в СССР. В пасквиле под названием «Информация № 73» указывается, что «в отношении крымскотатарского народа творятся незакония, бесчинства, деспотизм». Аналогичное содержится и в других пасквилях. Факты изготовления и распространения документов подтверждаются показаниями самого Бариева, свидетельскими показаниями, данными экспертизы, вещественными доказательствами. На том, что эти документы содержат заведомую ложь, я оставался выше. Считаю, что предъявленное Бариеву обвинение по статье 191-4 УК УзССР и статье 190-1 УК РСФСР правильно.

Гафаров, ранее судим за распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. После возвращения из мест заключения в октябре 1967 года не сделал соответствующего вывода и начал свою преступную деятельность вновь. Также Гафаров действительно является инициатором сборищ, проходивших с мая по июнь 1968 года в его доме.

Кроме того, распространял среди граждан татарской национальности, ранее проживавших в Крыму, ряд пасквилей, как информации 69, 70, 71 и другие, в которых говорится, будто бы в Советском государстве пышно распустился великодержавный шовинизм. Гафаров виновным себя не признал. Однако виновность Гафарова доказана собственными показаниями, показаниями свидетелей и вещественными доказательствами. И действия [инкриминированы] по статье 191-4 УК УзССР полагаю правильно.

Хаиров Иззет. По настоящему делу неоднократные беседы, [которые] проводили с ним со стороны партийной организации и руководства предприятия, на котором он работал, как видно, не пошли впровок.

С 1967 года он встал на преступный путь. В сентябре 1967 года участвовал на нелегальном сборище в городе Алмалыке, где возводил клевету на политику партии и правительства в национальном вопросе и принижал политическое значение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года, называя указ половинчатым. В феврале 1968 года выступал на сборище, состоявшемся в городе Фергане, участвовал в составлении Информации-отчете № 9, в котором содержатся измышления о том, что якобы татары, ранее проживавшие в Крыму, находятся в неравноправном положении. В апреле 1968 года принял участие в составлении документа с провокационным названием «Похороны под надзором КГБ». 20 июня 1968 года Хаиров с группой лиц в музее города Симферополя в книге отзывов оста-

вил запись, что якобы судьба крымских татар трагически сложилась. В тот же период в сентябре 1968 года Хаиров намеревался распространить так называемое «Информационное сообщение...», в котором также содержатся заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, но 24 экземпляра этого документа были изъяты при обыске. Виновным себя Хаиров не признал, но его виновность установлена рядом свидетельских показаний, экспертизой и вещественными доказательствами.

Предъявленное обвинение по статье 191-4 УК УзССР и статье 187-1 УК УССР считаю правильным.

Подсудимый Умеров в июне 1968 года установил ряд преступных связей с Аметовой Светланой и другими. Специализировался на распространении измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Так, в сентябре 1967 года в городе Симферополе Умеров посетил Крымский облисполком и вручил заместителю председателя облисполкома Деркачу копию клеветнического документа под названием «О малых и забытых» А. Костерина, в котором возводится клевета на национальную политику Коммунистической партии и Советского государства.

За время пребывания в Москве в июне 1968 года посетил редакцию журнала «Азия и Африка сегодня», где среди работников редакции распространял документы с клеветническим содержанием. Тогда же в Академии медицинских наук и других учреждениях распространил 12 клеветнических документов, в том числе документы под названием «Обращение к советским писателям, работникам науки и искусства, политическим и общественным деятелям СССР», «Похороны под надзором КГБ», «Чирчикских громил к ответу» и так далее.

Во всех этих документах возводится злобная клевета на национальную политику КПСС и Советского правительства. Кроме того, по инициативе Умерова в марте 1968 года в доме Ибраимова и в его собственном доме

были организованы многолюдные сборища. В июне 1968 года Умеров принял участие в составлении злобного клеветнического документа под названием «Информация № 70», «Обращение крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета СССР». Считаю, что подсудимому Умерову правильно предъявлено обвинение по статье 190-1 УК РСФСР и статье 191-4 УК УзССР и статье 187-1 УК УССР. Утверждение Умерова о том, что в распространенных им документах нет клеветнических измышлений, не соответствует действительности. О наличии клеветнических измышлений в перечисленных выше распространяемых Умеровым информациях уже говорилось, а наличие измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, в статье А. Костерина «О малых и забытых» установлено и подтверждено решением Ташоблсуда от 25 июня 1968 года.

Подсудимый Языджиев проявил свои литературные способности в составлении клеветнических измышлений на политику партии и правительства по национальному вопросу. Так, с лета 1967 года по ноябрь 1968 года изготовил 5 писем клеветнического содержания. Это такие документы, как «Открытое письмо», документы, адресованные в правительственные инстанции, документы в газету «Правда», письмо Костерину, письмо крымскотатарскому народу. В них он принижает роль крымскотатарского народа в Крыму и утверждает, что Указ от 5 сентября 1967 года о гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму, оказался бесплодным. Утверждает, что будто граждане татарской национальности, ранее проживавшие в Крыму, ныне находятся в резервации и что их положение ничем не отличается от положения негров и индийцев в США. Кроме того, Языджиев участвовал в изготовлении Информации № 5. Факт изготовления клеветнических писем и их распространения подтверждается экспертизой, вещественными доказательствами, показаниями свидетелей.

Является голословным утверждение, что изготовлением и распространением клеветнических измышлений не занимался, виновным себя не признал.

Инкриминированное по статье 190-1 УК РСФСР и статье 191-4 УК УзССР и статье 203-1 УК Таджикской ССР обвинение считаю правильным.

Подсудимая Халилова обвиняется в том, что с мая 1968 года участвовала в изготовлении 6 документов и в размножении и распространении многих других. Так, совместно с другими обвиняемыми Халилова принимала участие в изготовлении так называемой Экстренной информации № 70 [?], Информации № 71 и других. В этих пасквилях содержатся заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй.

Эти клеветнические документы Халилова вместе с подсудимым Байрамовым рассылала по почте. Кроме того, Халилова лично распространила, а в отдельных случаях собственноручно вручала, клеветнического содержания документы частным лицам или же представителям организаций. В то же время Халилова сдала текст «Экстренной информации», «Траурной информации № 69» и другие клеветнические документы под названием «Чирчикских громил к ответу», «Похороны под надзором КГБ» в Институт этнографии имени Миклуха-Маклая. Одновременно с этим вместе с подсудимым Бариевым, явившись на квартиру писателя Бондарина, высказывали клеветнические измышления об условиях жизни крымских татар, утверждая, что они якобы терпят унижения и притеснения. Затем вручили ему пакет пасквилей, «Траурная информация № 69» и другие клеветнические документы. В этот же период направили из Москвы своим родственникам и своим знакомым в Бекабад пасквили под названием «Обращение представителей крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 года сессии Верховного Совета

СССР», Информацию № 70 и «Обращение к советской общественности».

Подсудимая Аметова обвиняется в изготовлении и распространении документов, содержащих клеветнические измышления на существующий государственный и общественный строй. Установив преступную связь с подсудимыми Байрамовым, Бариевым и другими, принимает участие в изготовлении 6 пасквилей, в которых путем извращения фактов утверждается, что будто бы проводимая КПСС политика в национальном вопросе является дискриминационной политикой и геноцидом.

С июня по август 1968 года Аметовой были распространены клеветнические документы в партийные и государственные органы, в редакции различных газет и журналов и другие, всего в 12 адресов. Кроме этого, совместно с Байрамовым и другими распространила 20 экземпляров в 8 адресов. Кроме того, распространяла клеветнические измышления в устной форме. Так, в июне 1968 года зачитала Информацию № 71 среди граждан крымскотатарской национальности. Подсудимые Халилова и Аметова совершили преступления, предусмотренные статьей 190-1 УК РСФСР.

Документы, в создании которых принимали участие Халилова и Аметова, как уже отмечалось выше, содержат в себе клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Подсудимые Аметова и Халилова виновными себя не признали, однако, обоснованность обвинения нашла свое подтверждение в показаниях свидетелей и в вещественных доказательствах.

Инкриминированные обвинения по статье 190-1 УК РСФСР в отношении Халиловой и Аметовой считаю правильными.

Роль подсудимого Эминова Руслана в этой группе пасквильянтов менее активна, но остается преступной. В мае 1968 года Эминов принял участие в изготовлении документа под названием «Экстренная информация» и

«Траурная информация № 69», а затем и огласил их 1 июня 1968 года в присутствии большого числа людей. Факт участия Эминовым в изготовлении этих документов установлен, кроме его собственных показаний также и показаниями свидетелей.

Выше я останавливался на характере этих документов, являющихся злостной клеветой на советский общественный и государственный строй.

Полагаю, виновность Эминова доказана, и обвинение его по статье 190-1 УК РСФСР и 191-4 УК УзССР — правильным.

Товарищи судьи, излагая свои суждения о мерах наказания, я считаю виновность всех подсудимых доказана, при этом нельзя не учесть, что подсудимые не осознали своей вины, что по закону является смягчающим вину обстоятельством. С учетом изложенного прошу определить меру наказания:

1. Байрамову Решату по совокупности статей 190-1 УК РСФСР, 187-1 УК УССР — 3 года лишения свободы.
2. Бариеву Айдеру по совокупности статей 191-4 УзССР, 190-1 УК РСФСР — 3 года лишения свободы.
3. Кадыеву Роллану по совокупности статей 191-4 УК УзССР, 190-1 УК РСФСР, 187-1 УК УССР — 3 года лишения свободы.
4. Гафарову Ридвану по статье 191-4 УК УзССР — 3 года лишения свободы.
- 5-6. Хаирова Иззета и Умерова Ризу по совокупности также к 3 годам лишения свободы.
7. Язиджиева по совокупности статей 191-4 УК УзССР, 190-1 УК РСФСР, 203-1 УК ТаджССР к двум годам лишения свободы.
- 8-9. Халилову и Аметову по статье 190-1 УК РСФСР к двум годам лишения свободы.

При исчислении времени отбывания наказания прошу

срок пребывания под следствием включить в срок действительного отбытия наказания.

Эминова считаю нецелесообразно изолировать и по совокупности статей 190-1 УК РСФСР, 191-4 УК УзССР назначить исправительное взыскание 20 % зарплаты в течение одного года.

Согласно тому, что Гафаров и ранее был судим по этому же вопросу, то ему надлежит определить срок пребывания в лагерях строгого режима, но учитывая состояние его здоровья, предлагаю определить пребывание в лагерях общего режима.

Остальным подсудимым предлагаю назначить пребывание в лагерях общего режима.

Товарищи судьи, я прошу вынести частное определение в отношении адвоката Монахова. Во время судебного расследования Монахов вел себя недостойно. 17 июля при допросе свидетеля Зориной сделал замечание, что ее показания подтверждают правильность утверждения подсудимого Хаирова о том, что якобы в Советском Союзе имеет место фальсификация истории крымских татар. Это беспрецедентный случай в практике советского суда. Адвокат Монахов использовал этот дешевый прием для того, чтобы заслужить авторитет у неподготовленной публики. Этим адвокат Монахов грубо нарушил принципы советской адвокатуры. Поэтому прошу суд вынести частное определение о недостойном поведении адвоката Монахова, прошу довести до сведения юридической консультации и президиума Московской коллегии адвокатов о недостойном его поведении.

Считаю, что ему не место находиться в дальнейшем в рядах советских адвокатов за непартийное поведение, в частности, выступление на данном судебном разбирательстве.

[После обвинительной речи государственного обвинителя выступили адвокаты Монахов и Сафонов. Запись их защитительных речей в материалах о Ташкентском

процессе отсутствует. Информация № 5 сообщает об их речах следующее:]

Защитительная речь адвоката Монахова

После прокурора слово предоставляется адвокату Монахову, который защищал Хаирова, Умерова и Эминова.

В начале своей речи Монахов говорит, что настало время подвести черту и спокойно разобраться в материалах дела и доводах прокурора и защиты. Он говорит, что будет просить для своих подзащитных оправдательного приговора, так как на скамье подсудимых не обычные преступники, которых мы привыкли видеть, и это налагает на судебную коллегия особую ответственность.

«Сегодня на скамье подсудимых мы видим талантливых ученых, инженеров, участников обороны Севастополя и Отечественной войны», — говорит адвокат. Он особо отмечает, что ни один из подсудимых не просит пощады, ибо они требуют справедливого решения своего национального вопроса.

Далее Монахов говорит, что нет никакого закона, который запрещает писать и требовать возвращения народа на родину своих предков, собирать подписи и деньги, а также собирать людей у себя дома и делиться впечатлениями. Затем он резко критикует речь прокурора, которая содержит только нападки и голословные заявления и не содержит обоснованных доказательств вины подсудимых.

Монахов переходит к защите каждого подсудимого. Относительно Хаирова он говорит, что предъявленное ему обвинение о его участии в городе Алмалыке на собрании и заявлении, что указ половинчатый, не было доказано как на предварительном следствии, так и на судебном разбирательстве. Свидетели показали, что Хаиров приезжал к матери и говорил, что указ — это большое облегчение, что со временем решится вопрос полностью. Также не доказано, что Хаиров подписывал Информацию № 5 и Информацию № 9. В октябре 1967

года Хаиров присутствовал на собрании в городе Ангрене и подписал там письмо, но Хаиров в составлении этого документа не участвовал. На суде не было доказано его участие в составлении этого письма. Также не доказано участие его на собрании летом 1968 года в городе Ташкенте.

Относительно записи в Крымском музее и в записной книжке Монахов говорит, что это не произведение с измышлениями, а запись о фактах фальсификации истории крымскотатарского народа. Государственный обвинитель не имеет доказательств по этим пунктам обвинения.

По поводу Умерова Р. Монахов говорит, что он, как всякий крымский татарин, интересовался судьбой своего национального вопроса, читал информации близким. Все допрошенные свидетели показали, что Умеров не собирал собраний и не распространял документы. Обвинение не располагает достаточными доказательствами вины Умерова.

Далее Монахов говорит о заслугах Умерова в годы Великой Отечественной войны, о заслугах его жены, родных, участвовавших в партизанском движении.

Для Умерова Монахов попросил оправдательный приговор.

Что касается Эминова, то суд не располагает сколько-нибудь достоверными фактами и доказательствами вины Эминова в изготовлении и распространении ложных измышлений, порочащих государственный и общественный строй. Монахов, доказывая невиновность Эминова, просит суд оправдать его.

Защитительная речь адвоката Сафонова

Затем слово для защиты предоставляется Сафонову.

Сафонов защищал Гафарова и Бариева.

В начале своей речи Сафонов подверг резкой критике обвинительную речь прокурора. Сафонов сказал, что прокурор «пронесся галопом по Европе», только он «пронесся галопом по делу». Если в глазах прокурора под-

судимые являются очень опасными преступниками, то почему же он уделил для доказательства вины каждого так мало времени? Так, Байрамову он уделил две минуты, Бариеву 1,5 минуты, Кадыеву 1 минуту, а остальным по 30-40 секунд. Далее Сафонов говорит, что прокурор голословно повторил обвинение, выдвинутое на предварительном следствии. Затем он обратился к судьям, чтобы они внимательно подошли к изучению дела, и просил для своих подзащитных оправдательного приговора.

Сафонов говорил: «Допустим, вы вынесете обвинительный приговор, через день вы почувствуете, что вам что-то мешает спать, вы начинаете вспоминать, и вдруг перед вами предстанет одухотворенное и решительное лицо Роллана Кадыева, возле него несколько застенчивое лицо Байрамова Решата. Потом перед вами предстанет спокойное лицо Гафарова Ридвана, несколько дерзковатый взгляд Бариева Айдера, полные обаяния лица девушек и другие. И вы будете вспоминать, за что же они осуждены».

После этого Сафонов переходит к защите своих подзащитных, Бариева А. и Гафарова Р. Все обвинения, выдвинутые против Гафарова, не доказаны ни на предварительном следствии, ни в ходе судебного разбирательства. Гафаров после отбытия срока наказания почти не участвовал в национальном движении из-за болезни. А документы, взятые у него, — это документы, за которые он отбыл наказание. «За одно и то же преступление дважды не судят», — говорит Сафонов. Учитывая эти обстоятельства, его заслуги перед родиной как участника Отечественной войны, Сафонов просит оправдать Гафарова. Для Бариева он также просит оправдательного приговора, так как в действиях его нет состава преступления. В документах, которые он изготавлял, описываются факты, имевшие место. Направление их в государственные и партийные органы не есть распространение. Нужно учитывать при вынесении приговора,

— говорит Сафонов, — прошлую жизнь подсудимого. А в прошлом Бариев был активным комсомольцем и общественником.

Объявляется перерыв до 28 июля 1969 года.

Приложение: Из зала суда (народу). Родство, рожденное в суде. — 24 июля 1969 г.

Суд залындан (джемааткъа)
Процесте догъгъан тувгъанлыкъ

24/VII-1969 сенеси уйлелик софра башында, сёз сырасы, Языджиев Исмаил бизим арамызда булунгъан халкъымызнынъ эки кызынынъ следствие ве процесс вакътында озьлерини гъает нумюневий, тактикий ве джесур алып баргъанлары ичюн оларнен гъает мемнун олгъаныны бильдирди.

Озь небетинде, Аметова Светлана ве Халилова Мунире де онъа самимий тешеккурлерини бильдирдилер. Самимийлик мунасибетинден файдаланып, Аметова Светлана, бабасы олмагъанындан себеп, Языджиев Исмаилгъа онынъ бабасы олмакъны теклиф этип, онынъ разылыгъыны сорады. Языджиев, бу теклифни джан юрекден къабул этип, разылыкъ берди.

Аметова: — Бу дакъыкъадан башлап мен сизге «БА-БА» дейджеким-деди. Языджиев исе: — Мен де «КЪЫ-ЗЫМ» дейджегини билдирди.

Бу тувгъанлыкъ къучакълашип опюшмекнен пеки-тильди. Бу левха бизге чокъ йыллардан сонъ бири — биринен тапышкъан баба ве кызынынъ илькинги корюшювини анъдырды.

Бу инициативаны деръал Умеров Ризанен Халилова Мунире къапталладылар. Ризанынъ теклифинен, Мунире онынъ тувгъан къардашы олмагъа джан юректен разы олды.

Бойледже, махбусте догъгъан тувгъанлыкъ даа да пишкинлешти.

Бу фактларны джемаатчылыккъкъа официалъ биль-диремиз.

Процессте шекилленген бу тувгъанлыкънынъ къанунийлигине ве эдебийлигине биз шаадлыкъ этемиз:

1. Кадыев Роллан	4. Гафаров Ридван
2. Байрамов Решат	5. Жаиров Иззет
3. Бариев Айдер	6. Эминов Руслан

Перевод:

Из зала суда (народу)

Родство, рожденное в суде

24. 7. 1969 года в беседе во время обеда, Языджиев Исмаил, между прочим заметил, что он остался очень доволен образцовым, смелым поведением и тактикой во время следствия и процесса двух находящихся среди нас дочерей нашего народа.

В свою очередь, Аметова Светлана и Халилова Мунире его сердечно поблагодарили: Аметова Светлана, воспользуясь сердечным отношением, обратилась к Языджиеву Исмаилу, и ввиду того, что она не имеет отца, предложила ему и просила его согласия быть ее отцом. Языджиев принял это предложение от всей души, дал свое согласие.

Аметова сказала: «С этого момента я буду называть Вас моим отцом». Языджиев же сказал, что он будет называть ее дочерью.

Это родство было скреплено объятиями и поцелуями. Это событие напоминало сцену первой встречи отца и дочери, нашедших друг друга после многих лет разлуки.

Эту инициативу моментально подхватили Умеров Риза и Халилова Мунире. По предложению Ризы, Мунире дала свое согласие стать его сестрой.

Таким образом, родство, рожденное в неволе еще больше укрепилось.

Эти факты официально сообщаем народу.

Мы свидетельствуем о законности и ненарушимости

этого родства, оформившегося во время судебного процесса.

1. Кадыев Роллан	4. Гафаров Ридван
2. Байрамов Решат	5. Хаиров Иззет
3. Бариев Айдер	6. Эминов Руслан

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ СУДА

28 июля 1969 г.

[На заседании 28 июля с защитительными речами выступили адвокат Заславский и обвиняемые Байрамов, Языджиев и Кадыев. Запись защитительной речи адвоката Заславского в материалах о Ташкентском процессе отсутствует. Информация № 5 сообщает об этой речи следующее:]

Защитительная речь адвоката Заславского.

28 июля выступает адвокат Заславский. Он защищает Аметову С. и Халилову М.

Заславский вскрывает все недостатки обвинительной речи прокурора, показывает юридическую безграмотность прокурора и беспочвенность выдвинутых обвинений.

Защитительная речь Байрамова Решата

Граждане судьи!

Прежде чем коснуться вопроса по существу предъявленного мне обвинения, я хотел бы коротко остановиться на ряде причин и обстоятельств, приведших меня на скамью подсудимых, то есть послуживших поводом для составления, а так же распространения документов, касающихся движения нашего народа в вопросе восстановления своих национальных прав.

Насколько вам известно, вначале судебного следствия я отказался от дачи каких-либо показаний по существу дела, мотивируя это тем, что судом отклонены наши

ходатайства, одним из основных которых является вызов на судебный процесс дополнительных свидетелей для подтверждения того или иного эпизода, описанного в ряде документов, инкриминируемых мне.

Еще до призыва в ряды Советской Армии мне приходилось слышать о том, что перед высшими партийно-правительственными инстанциями неоднократно поднимался вопрос о возвращении нашего народа на Родину в Крым. Подобные разговоры и беседы мне приходилось слышать в г. Чирчике от моих старших товарищей. Так же появилось у меня желание хоть на час приблизить момент возвращения крымскотатарского народа. Я хотел помочь в этом моему народу.

Уже находясь в рядах военно-морского флота, я стал читать труды Ленина в области национального вопроса. После демобилизации из рядов военно-морского флота я стал интересоваться разрешением нашего вопроса. В тот же период времени я прочитал различного рода письма, будь то индивидуальные, коллективные, информации представителей из Москвы, присутствовал на собраниях. И в документах, прочитанных в то время мною, и на собраниях высказывались требования о возвращении нашего народа в Крым и восстановлении всех ленинских декретов о Крыме. Из тех же источников я узнал, что многие представители нашего народа исключены из рядов КПСС, уволены с работы, подвергаются вызову в КГБ, привлекаются к уголовной ответственности за их участие в национальном движении. С того же времени я стал участвовать в этом движении. Мое участие выражалось в том, что я собирал подписи под различными документами, присутствовал на собраниях по месту жительства, писал индивидуальные письма в различные партийно-правительственные инстанции. Инциденты в городах Чирчике, Ташкенте, Ангрене, Бекабаде, полицейские расправы в ряде городов и районов республик Средней Азии при возложении венков к памятнику В. И. Ленина, особенно события имевшие

место в г. Ташкенте 27 августа 1967 года, окончательно возмутили меня. События этих двух дней привели на скамью подсудимых 12 представителей нашего народа.

Спустя несколько дней после этих событий вышел в свет Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года, признающий огульное обвинение и выселение нашего народа из Крыма. Воспользовавшись выходом указа, я выехал в Крым, в надежде прописаться и трудоустроиться. О фактах отказа в вопросе прописки и трудоустройства, наглядно описанных в моем открытом письме, повторяться, думаю, не следует. Но хочу сказать одно. Обобщая результаты практические трудоустройства крымских татар в Крыму с момента выхода указа на сегодняшний день, можно смело сказать, что указ явился [отнюдь не] декларацией о реабилитации крымских татар. В начале октября месяца 1967 г. я, в числе группы крымских татар, выехал в г. Москву для обращения в соответствующие инстанции о препятствиях, имеющихся в Крыму в отношении нас. Принимавший наших товарищей заведующий приемной ЦК КПСС тов. Тихомиров заверил, что вопрос прописки и трудоустройства в ближайшее время будет урегулирован, но по возвращении в Крым мы убедились, что ничего не изменилось, а наоборот усилилось преследование крымских татар. Органы милиции с раннего утра устраивали облавы и аресты, путем шантажа и запугивания предлагали покинуть пределы Крыма. В конце декабря я выехал в г. Москву в качестве представителя крымских татар, проживающих в г. Мелитополе и его окрестностях, где я находился по март месяц 1968 г. 21 апреля того же года мне пришлось быть свидетелем того, что произошло в г. Чирчике. В связи с этими событиями мне пришлось вновь выехать в г. Москву. В период моего нахождения в Москве с декабря по март и с апреля по июль месяц мною лично или же в соавторстве были составлены и распределены инкриминируемые мне документы, перечислен-

ные в обвинительном заключении. Я считаю и убежден, что они построены на конкретных фактах и событиях, происшедших в тех или иных городах и районах нашей страны. Поэтому отклонение судом наших ходатайств по поводу вызова дополнительных свидетелей для подтверждения тех или иных событий, описанных в документах, вмененных мне в вину, я считаю неправильным и необоснованным. Свидетели же, вызывающиеся на суд по списку обвинительного заключения, в основном вызваны для подтверждения факта распространения, хоть этот факт никто из нас не отрицает.

Прежде чем коснуться вопроса по существу каждого документа, я бы хотел остановиться еще на одном. В материалах дела отсутствуют документы, содержащие официальные правительственные постановления или ссылки, признающие законно существующее движение крымскотатарского народа вне закона, то есть, [которые] подтверждали бы, что такого вопроса вовсе не существует и государством не признается. Возмутительно, на каком основании следственные органы существующий крымскотатарский национальный вопрос называют «так называемый крымскотатарский вопрос». Непонятно и то, на каком основании собрания крымских татар, предусмотренные Конституцией СССР, Всеобщей декларацией прав человека, окрестили «незаконными собраниями». Статья 125 разумеется введена в Конституцию не для защиты собраний и митингов проводимых советскими и партийными органами. В данном случае опасаться нечего, ведь они проводятся государством. Вы обвиняете нас в составлении документов, тем самым вы лишаете нас прав, предоставленных нам статьей 125 Конституции СССР. Статья 125 о свободе слова, печати — это прежде всего свобода критики; хвалить правительство никто никогда не запрещал. Ну, а если в Конституцию внесена данная статья, то нужно иметь терпение слушать критику действий правительства. Как же называются страны, где запре-

щается критиковать правительство? Может быть капиталистическими? Нет! Нам известно, что в буржуазных странах существует коммунистическая партия, которая ставит своей целью подрыв государственного строя. До некоторого времени в США коммунистическая партия была запрещена. Однако Верховный Суд признал это противозаконным и она была восстановлена во всех ее правах. Это линия ограничения наших законных прав.

В Информации № 60, составленной мною, говорится, что крымскотатарский народ находится в состоянии угнетения и неравноправия среди других народов СССР. То, что наш народ является неравноправным, это, я думаю, не требует глубокого объяснения. Этот факт уже приобрел форму аксиомы — начиная с 1944 года, мы лишены возможности развития языка, культуры, литературы, искусства и др. Далее, в Информации № 61, также составленной мною, говорится, что к представителям народа применяются насилия и произвол. Произвол и насилия выражаются в преследовании, в привлечении к уголовной ответственности, в вызовах в КГБ, в исключении из партии за участие в национальном движении. В виде примера хочу привести исключение из партии Сеферова Ридвана из г. Чирчика. Когда этот вопрос был поставлен на обсуждение, то две трети состава партбюро проголосовали против. Тогда секретарь партбюро сказал: «Товарищи! Что вы делаете? Ведь есть решение торкома о его исключении из партии». При вторичном голосовании результат был прежним. Секретарь повторил вновь те же слова, [но] и в третий раз большинство членов бюро проголосовало против его исключения. Но несмотря на это, наш товарищ Сеферов Ридван был исключен из партии.

В составленной мной Информации № 62 утверждается, что в Крыму проводится расистская политика, Крым — без крымских татар. Политику расизма можно характеризовать как политику царизма. По этому по-

воду я хочу зачитать выдержку из резолюции X съезда РКП(б) 1921 г.:* «Политика царизма — политика помещиков и буржуазии в отношении малых народов состоялась в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснить язык, держать в невежестве и наконец, по возможности русифицировать их.» Известно, что с победой Великой Октябрьской революции наш народ обрел государственность. Развита национальная по форме, социалистическая по содержанию культура. Однако известно и то, что при Советской же власти была ликвидирована Крымская АССР.

В составленных мной информациях № 63 и 64 пишется о том, что крымскотатарский народ находится в ссылке и к нему применяются безчеловечные акты произвола и репрессии. По этим утверждениям мной были даны соответствующие ответы и, думаю, повторяться нет смысла.

Меня обвиняют также в том, что в г. Мелитополе организовал нелегальные сборища крымских татар — членов инициативной группы, на которых зачитал одну из информаций.

В отношении терминологии следственных органов многое было сказано моими товарищами и останавливаться на этом не стоит. Действительно было организовано собрание членов инициативной группы, на котором я зачитал одну из вышеупомянутых информаций. В этом я не вижу ничего преступного и действия свои считаю правильными. И опять я должен сослаться на статью 125 Конституции СССР, которая гласит: «В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируются законом — свобода слова, печати, свобода уличных шествий и демонстраций, свобода собраний и митингов.»

Статья 20 Всеобщей декларации прав человека,

* Десятый съезд РКП(б). Стен. отч. М. 1963, с. 702.

утвержденная и провозглашенная Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1968 года, гласит: «Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций.» Вот как уважаются у нас в Советском Союзе права человека.

Меня также обвиняют в том, что в составленной мною совместно с Бариевым телеграмме будто бы необоснованно утверждается, что в Чирчике совершена расправа и [что я] требовал прекратить антикрымскую пропаганду, провокации, преследования и репрессии. В этот день, когда весь мир обращает свои взоры на Советский Союз, где впервые в мире вождем революции Лениным были провозглашены — мир, свобода, равенство, братство, когда весь мир праздновал день рождения Ленина, власти Узбекистана растоптали самую гуманную Советскую конституцию, основы и принципы Советского государства. В этот день крымские татары собрались праздновать день рождения Ленина, совместив с этой знаменательной датой весенний национальный праздник «Дервиза», массовым гулянием (в программе — игры, песни, танцы), заранее известив об этом горком партии г. Чирчика. Место, где намечалось провести это мероприятие, берег реки Чирчик, с самого утра был оцеплен нарядом милиции, солдатами и пожарными машинами, которые в любую минуту были готовы к бою. Весь город был блокирован, дороги ведущие к нему патрулировались. Власти в этом видели бунт крымских татар, как они любили выражаться. Крымские татары, совместно с другими национальностями, собрались в городском парке культуры и отдыха. В самый разгар торжества парк был окружен войсками. Следует отметить, что все они были снабжены противогазами. Люди, поминавшие в своих песнях, стихах, словах Ленина, стали избиваться, обливаться щелочным раствором из пожарных машин; им стали крутить руки, арестовывать. Машины то и дело курсировали парк-милиция-парк. Однако правдивость

[описания] Чирчикских событий, описанных в телеграмме, подтверждается показаниями свидетелей: Асанова Шевкета, Эмирсалиева, Изетдинова Сервера, Мустафаева Османа, и других, которые подтвердили факты скручивания рук, арестов, избиений и то, что властями были применены пожарные машины, из которых людей обливали щелочной жидкостью, в результате чего была испорчена одежда на многих гражданах. Имеются фотографии и материалы дела, изъятые во время обыска в доме обвиняемого по настоящему делу Гафарова Ридвана.

Под словом провокация я имел в виду распространение анонимных писем среди крымскотатарского народа со стороны властей. В этих антинародных письмах организованное возвращение нашего народа в Крым называют авантюрой и видят в этом новую трагедию. Странное понятие, граждане судьи. Неужели постановление Президиума Верховного Совета СССР о возвращении на свою землю ранее репрессированных народов: Болгарцев, Ингушей, Калмыков и других было авантюрой Президиума Верховного Совета СССР [и постановление] о восстановлении равноправия этих народов стало для них трагедией?

В подобных письмах указывалась фамилия и тех, кто вообще не подписывался под ними, или же не указывали фамилии, именуя авторов сыновьями, дочерьми крымскотатарского народа. На мой взгляд этим преследуются чисто провокационные цели, иначе не выскажешься.

Уже сегодня наше национальное движение находит поддержку и сочувствие у многих прогрессивных людей нашей страны, которые в своих письмах указывают на бесправное положение крымскотатарского населения. Сегодня их десятки, сотни, тысячи, завтра их будут миллионы.

В Экстренной информации, составленной мною, говорится, что в советской научной исторической литера-

туре допускается преднамеренное разжигание ненависти к крымским татарам. После выселения нашего народа из Крыма, чтобы оправдать свое преступление перед человечеством, в ход была пущена пропагандистская машина, цель которой — опорочить и оклеветать крымскотатарский народ перед народами мира. К разряду такой литературы относится «Честь смолоду», «В горах Таврии», ряд очерков по истории Крыма, авторами которых являются Вергасовы, Первенцевы, Надинские, Шульцы.

Наряду с этим, мысль свою в документах я формулировал также, взяв за основу выступления Ю. В. Андропова на приеме представителей народа в 1967 г. в г. Москве. В частности, тов. Андропов заверил представителей в том, что вся клеветническая литература будет изъята из пользования и уничтожена. Если же вышеупомянутая литература не существует и не издавалась, то не зачем было бы в чем-то заверять представителей, тем более на официальном правительственном приеме.

Мне также вменяется в вину широкое распространение документов в различные адреса. Находясь в Москве, в указанный период я ставил себе целью широко информировать общественность нашей страны о положении дел в вопросе восстановления национального равноправия крымскотатарского народа [посредством распространения наших документов], а также документов, авторами которых являются Костерин А. Е. и Григоренко П. Г., которые также якобы содержат в себе клевету на национальную политику КПСС, а [в которых] также [якобы] допущены другие заведомо ложные измышления, порочащие общественно-государственный строй. Обвиняя меня и моих товарищей за распространение, вы тем самым отвергаете наши права, предоставленные статьей 19 Всеобщей декларации прав человека, которая гласит: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и свободное выражение их. Это право включает и свободу беспрепят-

ственно придерживаться своих убеждений, искать, получать, распространять информацию и идеи, независимо от государственных границ.»

Да, граждане судьи, независимо от государственных границ! Исходя из точки зрения международных правовых норм, действия свои я считаю правильными и не вижу в этом ничего преступного. Думаю, что работа, проделанная в Москве моими товарищами и мною лично, свое дело сделала. Уже сегодня наше национальное движение находит поддержку и сочувствие у многих прогрессивных деятелей страны, которые в своих письмах указывают на бесправное положение крымскотатарского народа. Сегодня их десятки, сотни, тысячи! Завтра их будут миллионы!

В письме на имя Генерального Секретаря ООН господин У Тана, составленном мною и Бариевым Айдером, утверждается, что в результате выселения погибло 46 % крымских татар. Факт переселения назван варварским злодеянием. Огульное обвинение и выселение целого народа из веками обжитых очагов иначе не назовешь. В материалах дела по поводу смертности крымских татар имеются две справки. Эти два документа не имеют никакой юридической силы. Во-первых, они выданы теми органами, которые непосредственно осуществляли те или иные действия по отношению к нашему народу. [Во-вторых], в этих документах не отражено состояние нашего народа в пути, когда погибло большое количество нашего народа в пути от Крыма до места высылки.

Третье, в этих документах отражено состояние только в Средней Азии. Однако, известно, что в пути погибло большое количество населения крымских татар, вследствие невыносимых условий в пути следования. Численные данные о смертности в период [1944-]1945 гг. мною были взяты из обращения к XXIII съезду партии. Это проводилось, насколько мне известно, следующим образом: Брали определенный район Крыма

и по деревням этого района проводили перепись. При этом брали следующие данные:

1. Состав семьи в момент высылки.
2. Число погибших в период 1944-1945 гг.

На основании этих данных была выверена цифра смертности крымских татар в период 44-45 гг., которая выражается в 46 %. Это обстоятельство приводилось показаниями свидетелей Сулейманова и Умерова Анафи. Сулейманов, например, пояснил, что в течение 44-45 гг. в Узбекистане по месту их прибытия из Крыма им лично было похоронено из двести шести жителей его деревни — сто человек. Он же подтвердил зачитанный ему список в свое время сданный в соответствующие каналы и приложенный к обращению к XXIII съезду, с фамилиями лиц, погибших в период 44-45 гг. в Узбекистане из его деревни.

В составленной мной Информации № 68 говорится, что крымскотатарский народ угнетается, к нему применяются методы насилия и произвола. Политика укоренения крымских татар в Узбекистане производится путем милицейских дубинок, водометов, исключением честных коммунистов из партии, судами над сыновьями, дочерьми нашего народа. Факт применения подобных действий, я думаю, ни гражданин прокурор, ни судья отрицать не станут.

Действия антиконституционные и антинародные местных органов власти, при попустительстве правительства, в г. Чирчике 21 апреля, в Москве 16-18 мая, в Крыму и других населенных пунктах и городах. Этими действиями правительство не только продемонстрировало барское пренебрежение свободно выраженной воле целого народа и полное неуважение к полномочиям его представителей, но и объявило движение нашего народа за национальное равноправие преступным. Свидетельством этому более 20 судебных процессов над представителями нашего народа.

Меня также обвиняют в том, что я принял участие в

изготовлении, а затем подписал «Траурную информацию», которая якобы также относится к разряду документов, содержащих заведомо ложные измышления на советский общественно-государственный строй. В обвинительном заключении утверждается: «Путем извращения фактов авторы этого документа делают вывод, что по отношению к крымским татарам якобы проводится расовая дискриминация и политика геноцида.»

Мне непонятно, граждане судьи, на основании чего в обвинительном заключении утверждается, что мы извратили факты? Какие именно факты! Разве были проведены какие-либо исследования тех или иных эпизодов, описанных в документах, на основании которых можно было бы утверждать, что тот или иной факт описан неправильно, [например] факт выдворения из Москвы лиц крымскотатарской национальности, за нарушение общественного порядка и т. д.

Граждане судьи! Из показаний свидетелей Энвера Умерова, Эмирсалиева, Ибриша Мустафы и других стало ясно, что со стороны крымских татар не были допущены факты нарушения общественного порядка. И даже покажите хотя одного представителя нашего народа, которому было предъявлено обвинение за нарушение общественного порядка 16-18 мая в г. Москве.

В обвинительном заключении в отношении моего письма «Геноцид в политике Советского государства» пишется: «В этом документе Байрамов необоснованно, из клеветнических позиций проводит параллель между национальной политикой Советского правительства и колониальной политикой капиталистических государств». Сопоставление тех или иных событий, происшедших в государствах, это право автора на литературное сравнение, и это нельзя характеризовать как преступление. В письме говорится, что по отношению к крымскотатарскому народу применяется политика геноцида. Давайте же, граждане судьи, объективно подойдем к разбору данного обстоятельства.

Геноцид — преступление, оно представляет собой ряд действий, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, национальной или религиозной группы. К примеру, возьмем автономию. Национальная автономия — это средство, связывающее определенную группу людей в единую нацию или народ. С выселением же нашего народа и ликвидацией Крымской АССР наш народ был лишен дальнейшего национального развития и оказался в условиях уничтожения, т. е. мы потеряли то, о чем я говорил выше, тогда одна из форм геноцида определяет[ся как] уничтожение того, что связывает определенную группу людей в единую нацию или народ, а также лишение возможности развития преследуемого народа, уничтожение его языка, литературы, искусства, разрушение исторических памятников древней культуры и т. д. Исходя из ряда конкретных фактов, высказанных мною выше, можно сказать, что нынешнее партийно-государственное руководство решило твердо и настойчиво продолжать политику уничтожения крымскотатарской нации, остатки нашей культуры, быта, литературы, искусства и хочет ее не только уничтожить, но и вычеркнуть из списка наций когда-то проживавших на территории СССР. И указ Президиума Верховного Совета СССР способствует дальнейшему проведению политики геноцида, в какой бы то форме не выражалось. [Это была] и политика царизма — Крым без крымских татар. Что же касается ответственности за геноцид, то каждое государство несет международную, политическую и материальную ответственность. Организации, преследующие цель геноцида, и от имени которых совершается преступление, должны быть признаны преступными и распущены. Это предусматривает ст. [9] Устава Международного Трибунала. Выводы, граждане судьи, я оставляю за вами.

Я не буду касаться остальных документов, перечисленных в обвинительном заключении, потому что во

всех документах речь идет об одном и том же. [Обвинительное заключение,] как и предыдущие, направлено на подавление движения нашего народа, чтобы посеять страх в народе, путем морального воздействия на членов инициативных групп. Пункт 5 [статьи 2] Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой или национальной дискриминации, принятой на XX сессии ООН 21 декабря 1965 г., гласит: «Поощрять в надлежащих случаях все организации и движения, направленные на ликвидацию расовой или национальной дискриминации.» Как говорится в народе про 9 января 1905 г.: вместо хлеба получили пулю, — так и мы, вместо поощрения, получили тюремное заключение.

Говоря о равноправии крымскотатарского народа, гражданин государственного обвинения сказал, что крымские татары избираются депутатами, работают на руководящих должностях, пользуются газетами и журналами, издаваемыми на родном языке. В свою очередь я хотел бы спросить, мог ли бы гражданин прокурор показать хоть одного крымского татарина, работающего в системе министерства связи, в системе охраны общественного порядка, в системе госбезопасности, в системе прокуратуры и суда, в системе партийно-хозяйственных органов, даже на ответственных участках химической промышленности. Гражданин государственного обвинения, говоря о степени доказанности моей вины, берет в основу мое же признание, как в отношении составления документов так и их распространения, и идет в разрез со статьей уголовного-процессуального кодекса УзССР и постановлением Верховного Суда УзССР от 5-XII-69 г. Далее гражданин прокурор в своей речи сказал, что в истории не было такого, чтобы в СССР судили людей за народное дело. Гражданин государственного обвинения очевидно быстро забывает наше прошлое. Разве мало честных коммунистов, старых большевиков — ленинцев, военных деятелей было расстреляно, заточено в сталинские лагеря

за их высказывания против нарушения партийных норм? Разве не говорит об этом уничтожение более 50 % членов ЦК? Разве не говорит об этом, что в первое время войны наши границы во время фашистского военного нападения остались фактически беззащитными? Армия была лишена опытных военных руководителей, таких как Тухачевский, Якир, Блюхер. В результате всего этого мы понесли большие потери как в живой силе так и в военной технике, тем самым дав возможность врагу без больших усилий продвинуться на несколько сот километров вглубь нашей страны. Разве мало советских солдат и офицеров сумевших сбежать из фашистских лагерей смерти, были брошены в сталинские лагеря? Разве не были осуждены эти действия Сталина и его приближенных на XX съезде и последующих съездах партии?

Гражданин прокурор не желает считаться с подобными фактами. Однако, они, к нашему сожалению, имели место.

Защитительная речь Языджиева Исмаила

Граждане судьи! Вчера исполнилось семь месяцев как я оказался за решеткой. Не буду говорить о подробностях этой вопиющей несправедливости. [За] семь месяцев полной изоляции от советского общества, которому я предан всей душой, я, от нечего делать, сделал подсчет: сколько пользы я принес бы за эти семь месяцев нашему государству, нашей общественной системе. Минимум, с расчета 800-850 кирпичей в день (а я свободно кладу 3000-3200 кирпичей в день), получилось бы 20 000 кирпичей в месяц, за семь месяцев 140 тысяч, в кубометре 350 кубов готовой кладки. Это значит — два двухэтажных, 15-квартирных дома со всеми придворными постройками. Значит, 30 семей советских граждан лишили квартир. Не следует ли прокурору взять [это] во внимание при определении степени нака-

зания сидящих на скамье подсудимых советских граждан?

Например: Молодой ученый Кадыев Роллан прервал исследования своих научных трудов, которого зовут сияющие вершины науки. Он доктор одного института во Франции.

Инженер Хаиров Иззет — лишился своей путевки в жизнь — диплома об окончании института.

Молодая мать — Аметова Светлана — оставила своего единственного ребенка на произвол судьбы, которого она берегла, как зеницу ока.

Семь месяцев тюремного заключения! Мне невольно поминается стихотворение — песня А. С. Пушкина «Сижу за решеткой в темнице сырой». Да, мы вольные птицы эпохи ленинизма. А почему нас держат за решеткой?!

Ведь каждому грамотному человеку известна народная сказка: «Золотая клетка и соловей». Не эти ли чувства, стремления, желания, жажда к объятиям родной земли принуждают наш народ одобрить, поддерживать [движение] за возвращение в родной Крым? Не эти ли обстоятельства являются причинами данного процесса? Не тот ли факт осуждения последствий культа личности XX съездом КПСС является неопровержимым доказательством того, что движение крымскотатарского народа есть не только естественное конституционное движение, но и есть прогрессивное, всенародное движение, которое нельзя считать нелегальным, антиконституционным? Ибо любое движение народа, направленное на исправление последствий культа личности, может рассматриваться только как прогрессивное.

Целью следствия была попытка узаконить последствия культа личности и оправдать произвол Сталина и сталинизма в целом национальном вопросе крымскотатарского народа.

Поэтому сие «следствие» старалось объявить незакон-

ным любое мероприятие, направленное на искоренение культа личности, осужденного высшим органом нашей партии — ее XX съездом, изобразить движение, в целом как стремление группы «авантюристов», «партиалистов»[?], «любителей легкой наживы».

Поэтому следствие часто применяло термины «так называемый крымскотатарский вопрос», «так называемое крымскотатарское движение», «нелегальные собрания», «пасквили» и т. п.

Я надеюсь, Верховный Суд УзССР в лице данного суда воочию убедился во всенародности этого прогрессивного движения, которое ставит цель — смыть пятно сталинизма со знамени советской демократии.

Я никогда не был нищим в советской стране, я не был нищим и у своего народа. Я не прошу у данного Верховного Суда УзССР никаких снисхождений, я не хочу, я не желаю. Я прошу суд, чтобы не были обижены и оскорблены основные принципы советского правосудия: истина, правда, справедливость. Как вам известно, и я, как и мои товарищи, выразили недоверие прокурору. Я рад, что мои предчувствия оправдались. Прокурор себя показал таким, каким я предполагал. Мне было понятно, что обязанностью государственного обвинителя обвинять в конкретных фактах, но не обливать грязью, хотя и было достаточно времени у прокурора, чтобы изучать материалы следствия, сопоставить их с фактами судебного следствия и сделать объективные выводы. Он счел нужным и резюмировать текст обвинительного заключения и украсить его газетными статьями. Он грубо нарушил основной принцип обвинения — приведение конкретных фактов обвинения. Представитель государственного обвинения, на мой взгляд, умышленно повернул на 180 градусов от процессуальных норм законности, умышленно стремился оставить суд в заблуждении и навязать суду свое принципиальное стремление во что бы то ни стало и как-нибудь обвинить меня и моих товарищей. Но суду нужны факты, а не лекции

о международном положении и значении идеологического воспитания советского гражданина по морали. Не является ли неопровержимым фактом то обстоятельство, что из 25 свидетелей по моему «так называемому делу» ни один не показал какие-либо факты, подтверждающие предъявленные мне статьи. Только факты могут подтвердить совершенные преступления. Он, чувствуя себя бессильным перед неопровержимыми фактами необоснованности предъявленных мне статей, выдумал какие-то литературные способности, проявленные мною в моих личных [письмах] руководителям партии и правительства, и то, что я назвал людей патриотами своего народа, за который они страдали. А ведь мне предъявлены аналогичные статьи 191-4 УК УзССР, 203-1 УК ТаджССР и 191-1 УК РСФСР, «за изготовление и распространение документов, содержащих заведомо лживые измышления, порочащие советский общественный строй», а не за проявление литературных способностей. Прошу суд учесть это обстоятельство. Эти литературные способности не проявились у меня в сединах моих волос, а являются угольками пламенного костра молодости, который прогорел на фронтах Отечественной войны и в годы комендантского надзора. Если бы не было трагедии нашего народа, его высылки из Родной земли и лишения государственности, возможно, по-настоящему проявились бы мои литературные способности, и я мог бы действительно служить моему народу. Но как ни крутись, везде следы произвола сталинизма.

Гражданин прокурор, чтобы умолчать о духовных потребностях нашего народа, указал на тот факт, что крымские татары гораздо лучше живут, чем другие народы Узбекистана. Да, факт неопровержимый. Но не забудьте, гражданин прокурор, что материальное обеспечение человека или народа не удовлетворяет его духовных потребностей. Это есть плоды его труда на благо его Родины. Это является доказательством трудо-

любия нашего народа. Это есть гарантия того, что наш народ еще лучше будет работать на родной земле, чем в Узбекистане. Он утверждает, что многие крымские татары работают в разных культурно-хозяйственных учреждениях. А ведь это и есть подтверждение жизнеспособности, жизнерадостности, стремления пользоваться благами нашей эпохи.

Опять встает вопрос — почему этот жизнерадостный, жизнеспособный, трудолюбивый народ лишен Отчизны, с которой связана его история, его культура, его духовное богатство, его будущее.

Любому, кто имеет гуманное сердце, понятно, почему наш народ в течение ряда лет добивается положительного решения нашего вопроса — возвращения в свой родной, священный край Крым.

Такие люди, как вы, прокурор, умышленно игнорируют чаяния нашего народа и умышленно дезинформируют директивные органы нашего государства, представив ложные сведения о том, что мол движение нашего народа является движением отдельных лиц, а не всенародное. Поэтому-то объясняется причина затяжки ленинского решения национального вопроса крымскотатарского народа. Но я верю, я убежден, что осуществляются чаяния нашего народа и на обломках произвола сталинизма напишут имена не только тех, кто творил, кто осуществлял этот произвол, но и тех, кто на сегодняшний день чинит препятствия ленинскому решению судьбы моего многострадального народа.

Пусть никто не считает крымскотатарский народ стадом овец, которому безразлично, где бы ни пастись, лишь бы быть сытым.

Необходимо понять, что никакая материальная обеспеченность не может утолить жажду к объятиям родной земли, которой определяются достоинства любого народа. Моему уму непостижимо представить себя, полноправного, полноценного гражданина СССР, ли-

шенного права жить на родной земле. Вот эти обстоятельства зародили движение народа.

Уважаемый судья! Я хочу обратить ваше внимание на то, что гражданин прокурор своим необоснованным обвинением нанес большое оскорбление моему гражданскому достоинству, моей личности.

Я считаю [себя] и сейчас, находясь на скамье подсудимых, считаю [себя] вполне зрелым гражданином СССР, готовым в любое время перешагнуть в коммунизм. Но уму непостижимо, чтобы я мог перейти в коммунизм через порог тюрьмы.

Я надеюсь, что данный суд будет исходить из гуманных принципов совестского правосудия.

Защитительная речь Кадыева Роллана

Прежде чем приступить к защитительной речи, я хотел бы попросить, чтобы впустили моего 70-летнего отца и моего родственника Косул Мустафу, чтобы они знали в чем меня обвиняют и в чем моя защита.

Против меня и моих товарищей выдвинуто обвинение, которое по сути своей не обосновано. В этой части я полностью согласен с адвокатами, которые защищали интересы наших товарищей. Лично свое мнение о необоснованности обвинения я постараюсь суду доказать.

Еще в ходе предварительного следствия мы в адрес Генерального Прокурора и в другие инстанции неоднократно подавали заявления и ходатайства о том, чтобы в данном процессе были научно обоснованы, хотя бы с юридической точки зрения, те или иные положения и формулировки, которые вменяют нам в вину как криминальные, но, к сожалению, этого научного обоснования мы не услышали ни в ходе предварительного следствия, ни в ходе судебного разбирательства, ни в речи государственного обвинителя.

О той невнимательности, которую проявил прокурор в изучении этого дела, говорят хорошо раскрытые до меня выступившими адвокатами факты. И еще прокурор в ходе судебного расследования попросил прочитать

протокол допроса Нечкина о пришедших к нему Умерове и Смедляеве. Он не разобрал о каком Умерове идет речь, или Риза это, или Рефат — это не важно. В обвинительной речи прокурор коснулся также Экстренной информации, которая никому не вменяется в вину в обвинительном заключении. Но прокурора это и не интересовало вовсе, очевидно, что устами прокурора говорили сами органы расследования, а все следователи были из органов КГБ, кроме одного — Березовского, которого включили для видимости того, что дело расследуется прокуратурой.

Я бы не хотел вновь останавливаться на пунктах обвинения. В ходе судебного разбирательства я уже подробно останавливался на этом, но все же на некоторых моментах считаю нужным остановиться. В частности, в обвинительном заключении говорится, что «Кадыев в декабре 1966 года среди своего окружения высказывал клеветнические измышления на проводимую КПСС и Советским правительством национальную политику и на положение крымских татар, заявляя, что они якобы не имеют своего искусства, литературы, журналов и газет». Вот здесь я хочу обратить внимание суда на слова «не имеет своего искусства, литературы, журналов и газет». Это берется из показаний свидетеля Киньшакова — доцента СамГУ, бывшего декана физического факультета.

Во-первых, я хотел обратить внимание суда на то, что этот свидетель не был допрошен на судебном разбирательстве. Из его показаний искусственно выбираются факты. Показания свидетеля Киньшакова [гласят:] «крымские татары не имеют своей национальной республики, не имеют своего искусства, и своих газет и журналов». А в обвинительной речи прокурора берутся искусственные выдержки из этой фразы. Ведь нужно же в чем-то обвинить.

Какое же это окружение, среди которого я высказывал «клеветнические измышления», если беседа-то бы-

ла в частном порядке с Киньшаковым и не по моей инициативе. Я отказался от проведения политинформации о Конституции СССР, считая, что эта конституция не защитила мои права. Позже я был вызван на партбюро, где я давал свои объяснения. Речь шла прежде всего об «измене Родине», о Конституции, о несправедливом выселении и лишении государственности крымских татар, а в связи с этим о неравноправном положении — об отсутствии условий для возрождения культуры, искусства, литературы, национальных школ, институтов, газет и журналов.

А в дальнейшем здесь же умудрились вклеить мне партийный выговор, хотя я никогда не состоял в членах партии.

Я хотел бы обратить внимание суда на то, что даже в частной своей беседе с Киньшаковым — это декабрь 1966 года, то есть нет еще самого Указа от 5 сентября 1967 года — [я был прав]. Дискриминация была фактом, который признало правительство. Ведь у суда это не вызывает сомнения?

Во-первых, очевидно, речь могла идти о том, что я, являясь «изменником», не имею право говорить, лгать о своей конституции, когда я сам стал перед ней как «изменник Родины», а мои показания на этом партбюро были признаны как нездоровые политические суждения.

Все показания свидетеля, который не был допрошен здесь, не были проверены в ходе судебного разбирательства. Этим свидетелем обвинения все время ставится вопрос о том, что я имел нездоровые политические суждения о положении крымских татар. Я хотел бы, чтобы вы обратили внимание, у кого они могли бы быть нездоровыми, эти суждения, если после этих суждений вышел указ о снятии огульного обвинения, причем никто из присутствовавших на бюро после выхода указа не извинился.

Прокурор в самом начале судебного процесса заявил, что мы рассматриваем здесь исключительно уголовное

дело, не имеющее отношения ни к какой политике, тем более национальной, и не связано с мнением отдельных подсудимых о состоянии крымскотатарского вопроса или с убеждениями.

Но почему же тогда и в предварительных показаниях свидетелей, и в обвинительном заключении, и в речи прокурора ставятся под сомнение мои политические суждения — здоровы они или нет, и в ходе всего судебного разбирательства стояло и стоит не равноправное политическое положение крымских татар в СССР? Вполне ясно, что с самого начала мы имеем дело с попыткой под маской уголовного дела обвинить и осудить нас, прежде всего за политические убеждения и за требование национального равноправия.

Следующий пункт обвинительного заключения касается «Обращения крымскотатарской молодежи города Самарканда», адресованное ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета, Совету Министров СССР.

В обвинительном заключении сказано:

а) «... заведомо ложно утверждает, что татар ранее проживавших в Крыму, якобы, обрекали на физически-национальное вымирание.»

Если крымских татар не обрекали на физическое и национальное вымирание, то почему же в деле представлены справки КГБ о смертности среди крымских татар. Разве эта справка не отвечает прямо на вопрос «было ли вымирание или не было». Даже сам прокурор не оспаривает этот факт, а оспаривает только 46 % смертности. [Эти справки] показывают, что крымские татары за первые годы выселения [вымирали] (полагая, что справки КГБ являются официально-верными источниками). Позже я еще вернусь к этим справкам. А сейчас не буду касаться вопроса о процентности, чтобы не повторяться. Далее:

б) «... Коммунистической партией и Советским правительством как будто проводится политика, которая

является прямым нарушением принципов ленинской национальной политики . . .»

Обратите внимание на следующее: Обращение составлено в августе 1967 года, а указ, который вышел буквально через несколько недель, снимает с народа огульное обвинение в измене Родине, следовательно в какой-то мере по-видимому считает, [что] лишение государственности, выселение было необосновано, хотя указ прямо об этом не говорит. Если даже признать, что я утверждаю в этом обращении, что политика КПСС и Советского правительства является прямым нарушением ленинской национальной политики; если признать, что действия в отношении крымских татар юридически правомочны, значит, лишение государственности, выселение крымских татар из Родины, аресты и уголовные обвинения, как указывает государственный обвинитель, соответствуют ленинской национальной политике (еще раз повторяю, что обращение составлено в августе, а указ вышел позже); если следственные органы и прокурор настаивают на том, что и в августе это было клеветническое утверждение, — то единственное, что я могу сказать по этому поводу, [это что] «на скамье подсудимых я занимаю чужое место».

в) « . . . Кадыев распространял его среди граждан татарской национальности, проживающих в городе Самарканде . . .»

Разве в деле есть документы, свидетельствующие о распространении обращения? И нет и не могло быть. Подлинник-черновик я сдал лично в органы КГБ. Обращение было сдано по адресатам.

Есть основание считать, что это «обращение от молодежи» принято во внимание составителями указа, где говорится, что «огульное обвинение должно быть снято, тем более, что в трудовую и политическую жизнь вступило новое поколение людей».

Так в чем же я обвиняюсь? В том, что это обращение молодежи было составлено мною? Я надеялся полу-

чить ответы относительно этого и всех других документов в ходе следствия, но не получил их. У меня еще была надежда услышать ответ из уст прокурора — мои надежды не оправдались.

Относительно эпизода, связанного с чтением указа в СамГУ, я уже дал подробное объяснение и хочу добавить, что свидетели со стороны обвинения, которые были допрошены в ходе предварительного следствия, по тем или иным причинам не могли быть на суде и поэтому соответствующие пункты обвинения я считаю не доказанными. А предъявленное обвинение не является еще доказательством вины. Единственно правильными я считаю показания Исмаилова Вали. Если же отдельные сотрудники СамГУ в ходе предварительного следствия давали в отношении моих политических суждений разноречивые показания, непроверенные в ходе судебного разбирательства, то в данной мне характеристике из университета надо считать правильно отражены мои политические взгляды. Там сказано, что я проводил политинформации среди студентов и именно эти политинформации пользовались уважением среди студентов и преподавателей. Надеюсь, это не вызывает сомнение у суда? Я не буду останавливаться на других эпизодах разъяснения указа, чтобы не отнимать время у суда. Так же я не хочу касаться всех других моментов, связанных с обвинительным заключением, имевших место в течение 1968 года, которые были отражены в документах, автором которых являюсь я, прежде всего Чирчикские события. О них я давал показания на предварительном следствии.

Не буду повторяться о мнениях адвокатов и защиты, которые подтвердились при допросе свидетелей в зале этого суда.

Вы, гражданин председательствующий, несколькими вопросами пытались выяснить — участвовали ли в Чирчике исключительно граждане крымскотатарской национальности. Так может брали людей не за то, что

они крымские татары, а просто за нарушение. Допустим, что имело место в некоторой степени нарушение общественного порядка. Известно, что в этот день в парке были не одни крымские татары. А почему же на судебном процессе были одни крымские татары? Исключительно ли крымские татары являются смутьянами?

Кроме того, события в Чирчике проходили лишь 21 апреля, а аресты продолжались в течение трех дней и в общей сложности были арестованы 300 человек, и по существу люди, которые не были в самом Чирчике и не участвовали в гулянии. Думаю, вполне достаточно приведенных доводов, чтобы у суда не оставалось сомнения по поводу того, что Чирчикский процесс не имеет ничего общего с уголовным делом. То же самое и в отношении Московских и Крымских событий. Я сам участник Московских событий. Сам арестован и этапирован.

Коль скоро в обвинительном заключении говорится, что факты выдворения представителей за нарушение общественного порядка авторами документов [клеветнически] названы актом беззакония, произволом, чинимым властями, коль скоро следственные органы пошли на это, то надо было найти хотя бы одного крымского татарина, который действительно что-то нарушал и у суда был бы повод говорить об уголовном нарушении. Однако это не было сделано ни следователем, ни государственным обвинителем на данном процессе. Это и невозможно было сделать, потому что не было совершенно никакого нарушения общественного порядка и ни одному крымскому татарину не было предъявлено обвинения.

В отношении Траурной информации № 69, обращения крымскотатарского народа к мировой общественности и других документов вменяется мне со стороны обвинения, как автору, будто бы мы искажаем факты переселения, называя их актом юридической расправы или трагедией.

Я хотел бы обратить внимание суда на то, что в анонимном письме 17 коммунистов крымских татар, а так же 77 примкнувших к ним, факт переселения крымских татар тоже названо трагедией и так далее, а органы КГБ почему-то не привлекли их за это к ответственности, а нам, представителям крымскотатарского народа, вменяется именно то, что называем переселение трагедией крымскотатарского народа.

Точно также не привлечен к ответственности и писатель Георгий Гулиа, который писал об этой ужасной картине переселения, когда бесконечные эшелоны, набитые людьми, тянулись по дорогам Союза. «Их везли куда-то на восток с женщинами, детьми и стариками. Очень грустные, убитые горем, высланные не взирая ни на гражданские заслуги, не взирая ни на возраст и убеждения.» «Все это было делом рук бериевцев.» (Издательство ЦК ВЛКСМ, «Молодая Гвардия»)*

Для того, чтобы полностью понять существо нашего вопроса, невозможно не коснуться всех указов по вопросу крымских татар.

Возьмем указ 1946 года. В нем утверждается, что основная масса местного населения в Крыму (Черногории) и Чечено-Ингушетии не оказала должного сопротивления. Обратите внимание на то место, где говорится «основная масса». А по статистическим данным довоенной переписи населения в Крыму проживало около 1 миллиона 200 тысяч человек, из них крымских татар всего 200 тысяч. И основная масса-то были не крымские татары. Если даже допустить, что «основная масса», то почему именно крымские татары?

В том же указе говорится, что крымским татарам была оказана необходимая государственная помощь по их хозяйственному устройству, что они были наделены землей... Здесь лучше Юрия Османова, осужденного на два года, не скажешь: «Действительно крымские

* Г. Д. Гулиа, Дмитрий Гулиа. Повесть о моем отце. М. 1965, с. 215-216.

татары были наделены землей — это полтора погонных метра на кладбище.»

Мне хотелось бы привести именно этот пример дискриминации в политике правительства в отношении крымских татар, допущенной вплоть до 1956 года. Мы, татары, поднятые с родных земель в течение 15 минут, выброшены совершенно без пищи, одежды, без всякой материальной помощи, выброшены на Урал, Узбекистан, Сибирь и так далее. На местах прибытия нас забрасывали камнями. Я лично помню, как встретили нас отравленные сталинской пропагандой местные жители. Один из камней угодил в меня — тогда еще мальчишка. Я хотел бы для доказательства дискриминации, проводимой в отношении крымских татар, привести следующие сравнения.

Писатель Любимов, являясь сыном одного из видных чиновников царского двора, бывший эмигрант, бывший участник всех антисоветских изданий — правда, после войны изменил свои взгляды и вернулся в Россию — в своей книге «На чужбине» пишет: «14 июня 1946 года. Решение советского правительства, предоставившее право на восстановление в советском гражданстве бывшим подданным Российской империи. Каждый эмигрант, какая бы ни была его прошлая деятельность, обретал право на получение советского паспорта, выдаваемого немедленно и почти без всяких формальностей. Тысячи русских людей воспряли духом в этот незабываемый день, как бы очистились сразу от накипи всех годов прозябания и унижения.» О том, как встречали их пишет: «Мы увидели на перроне трех молодых советских солдат. Один из них встретился с нами глазами. Он понял, что нужен нам, угадал, что мы ему не чужие. — Свои, русские — говорит он и тепло становится от его слов... Оставляет нам пачку папирос и соскакивает на перрон. Так первым приветствовал нас в нашей новой жизни молодой советский воин.

Каждому в репатриационном лагере выдали костюм,

зимнее пальто, чемодан, ботинки, теплое белье, туалетные принадлежности и денег на расходы. Родина заботилась о нас.»

Так вот, граждане судьи, я спрашиваю вас: «Как Родина заботилась обо мне? Как она заботилась о 200 тысяч крымских татар?»

Приехав в Москву, Любимов попадает в милицию: «Начальник отделения милиции посмотрел мои документы (в Москве), извинился за недоразумение, крепко пожал мне руку и пожелал всяческой удачи в новой жизни на Родине.»*

Я тоже вернулся в Крым в прошлом году, но милиция, сразу же узнавая по паспорту, что я крымский татарин, предложила мне убраться.

Так где же эта пресловутая забота, о которой так трогательно писал Любимов? Что же представляет собой паспорт крымского татарина? Каким образом органам удастся все-таки определить, хотя сегодня в паспорте не указано — крымский татарин я или какой другой? Но если я приеду со своим паспортом в Москву или в Крым, то они сразу же узнают мою принадлежность к крымским татарам и сделают все, чтобы я убрался, и поскорей.

В отношении крымских событий я хочу напомнить о тех фактах, которые я изложил, чтобы довести до моего народа, представителем которого я являюсь.

Приехали в Крым Исмаилов Фахри с женой Сарминой М. Ф., русской по национальности. В то время, как муж обивал пороги различных учреждений Крыма, жена сразу же устроилась в Алуштинский курортторг в качестве продавца ларька. После того, как Сармина вместе с мужем была выдворена за пределы Крыма, руководители предприятия потребовали, чтобы она написала заявление об увольнении по собственному желанию, в противном случае грозя уволить по статье, которая не дает ей больше возможности работать в

* Л. Д. Любимов, *На чужбине*. Новый мир, 1957, № 4, сс. 184, 191, 193.

сфере торговли. И вот красноречивая резолюция на заявлении, говорящая о фактической причине: «Не возражаю уволить с 15 мая 1968 года в связи с тем, что у Сарминой муж крымский татарин.»

Вот он результат проводимой расистской политики! Я думаю, что на этих фактах и событиях не стоит останавливаться, потому что чем больше останавливаться на этих фактах, тем больше уверяюсь, что за весь тот производ, который чинят в отношении моего народа, никто не будет наказан.

Я перейду к той части обвинительного заключения, которая вменяется мне и моим товарищам, как бы политическую часть, а именно [к утверждениям] о дискриминационной политике советского правительства и о насильственной ассимиляции, проводимой правительством, о геноциде и других проявлениях в отношении моего народа.

Здесь ложится на меня большая ответственность, потому что именно я являюсь автором документов, где встречаются эти утверждения, и потому я считаю моим долгом отстаивать и доказывать это мнение перед судом.

В обвинительном заключении и в обвинительной речи прокурора говорилось, что мы, как представители крымскотатарского народа, путем обмана собирали подписи под тем или иным документом. В качестве попытки обосновать это обвинение здесь в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства были попытки с разных сторон задать вопросы о том, как понимают подсудимые или свидетели такой термин, как геноцид, дискриминация и так далее. Я бы хотел в качестве примера привести следующую аналогию: совсем недавно в связи с инцидентом на советско-китайской границе вся советская общественность, возмущенная провокационными действиями китайских властей, выразила свое возмущение целым рядом документов и другим [способом], например, в виде митингов. Я читал

в газетах, что на том или ином заводе прошли митинги, на которых рабочие заклеили позором ревизионистскую политику маоизма, а именно ревизионизм слева и справа. Обратите внимание: разве каждый рабочий завода может объяснить, что такое ревизионизм слева и справа? И потому резолюция митинга на заводе не может быть вменена в вину из-за подписи под ней.

Задача партийных и советских органов заключается в том, чтобы объяснить каждому, что такое ревизионизм слева и что такое ревизионизм справа.

Точно также я ставил себе задачу довести до сознания каждого крымского татарина, что политика, проводимая в отношении моего народа, [является] геноцидом и дискриминацией.

А [возьмите] сам тот факт, что в ходе предварительного расследования не было такой попытки выяснить мое мнение, почему я применял такие термины. Следователей совершенно не интересовало это, так же, как и гражданин прокурор не старался научно обосновать, почему документы считает клеветническими.

Этот факт говорит о том, что с одной стороны следственные органы не могли это сделать, потому что следователи сами являются безграмотными людьми. Гражданин судья, обратите внимание на все протоколы. В каждом из них допущено множество грамматических ошибок. Как же могут безграмотные люди решать судьбы людей?

А с другой стороны, я считаю, попыт[ались] избежать научного обоснования, потому что при любой попытке научного обоснования обвинение превратилось бы в защиту.

Советское правительство, начиная с 1944 года, неуклонно проводит эту ассимиляторскую политику. Приведу сравнение: «Насильственная ассимиляция», «Новое время», № 27, 1969 года. «Безчинства маоистов на уйгурской земле.»

«Уйгуры, казахи и другие народы могли рассчиты-

вать на осуществление своих вековых чаяний о национальном и социальном освобождении. Но их надежды на то, что в Китайской Народной Республике, вставшей на путь строительства социализма, будет последовательно проводиться ленинская национальная политика, не оправдались.»

Почему же не оправдались?

«Пекинское руководство взяло курс на насильственную ассимиляцию национальных меньшинств. Курс в сущности своей буржуазно-шовинистический, ничего общего не имеющий с научным социализмом.»

Сущность этой политики — насильственная ассимиляция.

«Формально в Синьцзян-Уйгурском автономном районе были учреждены так называемые органы национального самоуправления... Маоисты не верят в «благонадежность» национальных меньшинств и стремятся как можно быстрее растворить местное население в огромной массе переселенцев ханьской национальности... Местное население изгоняется со своих исконных земель... Принудительная ассимиляция неханьских национальностей объявляется целью государственной политики Пекина. Именно такую политику проводили китайские феодалы, а затем и гоминдановцы. То, что творится сейчас в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, не происходило ни при императорах, ни при гоминдане... Уйгуров и казахов натравливают друг на друга, закрывают школы, уничтожают памятники древней культуры, сжигают книги на уйгурском и казахском языках. В ходе «культурной революции» посланцы великого кормчего в Синьцзяне разоряли мечети и избивали людей... Ни исторические, ни этнические факторы не могут оправдать курс нынешнего руководства на ассимиляцию уйгуров. Политика Пекина в отношении национальных меньшинств относительно Синьцзяна — реакционная политика. Она целиком

и полностью подчинена великодержавным устремлениям Мао и его сподвижников.»

Кажется и комментарии не нужны к этой статье. Можно с успехом, где говорится об уйгурах и казахах, заменить крымскими татарами, и то не полностью будет отражено положение татар, начиная с 1944 года.

Обратите внимание: если в Китае еще формально существует автономия, у нас она ликвидирована полностью.

Как же не вспомнить басню Крылова, начинающуюся словами: «Мартышка в зеркало увидев образ свой...»?

Разве мы не изгнаны с родных земель? А благонадежность? Давно ли мы начали служить в армии? Работает ли хотя бы один крымский татарин в милиции, органах КГБ и прокуратуры, есть ли судья крымский татарин? А разве не натравливают и не натравливали на нас другие народы? Достаточно вспомнить всю ту свору сталинских писак, которые делали свою карьеру на несчастном деле крымских татар. Это Вергасов, Надинский, Рыльский и другие.

Разве показания Зориной, Ломакина и интеллигента Овечкина не служат подтверждением того, что до сих пор правительство не оградило крымских татар от огульного обвинения? Разве не Первенцев в этом виноват?

Зорина явилась примером того, что среди народа до сих пор бытует мнение, что крымские татары люди способные только на подлости и даже нет никакой необходимости в сохранении их языка. А ведь это свидетель обвинения. Разве не вас, представитель обвинения, обвиняют подобные откровения? А разве о том, что с меня сняли клеймо предателя знает советский народ?

Не случайно каждому свидетелю не крымскому татарину я задавал вопрос: знал ли он, что огульное обвинение в измене родине снято с народа. И Ломакин под-

твердил, что только из тех документов, которые он получил от Байрамова, узнал, что это обвинение снято. Сам указ был напечатан только в местах, где проживают крымские татары, ведь нам и без того было известно, что мы не являемся предателями.

Нас всего полмиллиона, а остальные 230 миллионов советского народа ничего не знают о том, что с нас сняли огульное обвинение.

Это полностью направлено на то, чтобы оставить в силе политику в отношении крымских татар. Именно поэтому крымский татарин обивает пороги различных компетентных инстанций с требованием о возвращении в Крым, о восстановлении государственности.

А разве есть у моего народа история, по которой мы могли бы изучать свое прошлое? Разве не сожгли все наши книги после выселения? Где все эти книги, которые были изданы после революции? Они сожжены! Их нет! А то немногое, которое было издано до революции, держится в сейфах КГБ, во всяком случае я так считаю, потому что, [хотя эти книги имеются] в архивах библиотек, но чтобы воспользоваться ими нужно особое разрешение КГБ.

А разве не уничтожены все наши памятники и реликвии? Мы обращались в компетентные органы, чтобы прекратить это варварство, но это явилось одной из причин приведший нас на скамью подсудимых. Прекрасное доказательство этому является то, что в Крыму исчезли все наши памятники, стерты с лица земли памятники Азиз-Джами, Гази-Мансур, Бахчисарайский дворец, мечети и так далее и тому подобное.

В Симферополе в центре города стоит [как] памятник танк, первым ворвавшийся в город. До присоединения к Украине у этого танка было высечено имя командира танка — брата Героя Советского Союза Абдула Тейфука. Сегодня это имя убрали с мемориальной доски. А группы людей водят экскурсоводы и говорят о героях, отдавших жизнь за освобождение города.

Когда же у них спрашивают, кто является командиром этого танка, они отвечают Петренко, в другой раз Архипенко, в третий раз называют другую фамилию. Вот она живая фальсификация истории. Разве не избивали нас, крымских татар? Разве не проводится то огромное переселение русских и украинцев в Крым по сегодняшний день? Это как раз является одним из ярких доказательств политики ассимиляции, проводимой в отношении нас. Переселение проводится путем вербовки в Крым украинцев, в основном из Воронежской и соседних областей, чтобы потом плюнуть нам в лицо, что дескать люди уже укоренились, что дескать Крым и без того перенаселен.

Кстати и переселение — то это проводится с подлым обманом. Я видел парня, бывший комсомолец. Он рассказывал, что когда агитировали, показывали открытки [чуть ли не] Ялтинского побережья, а приехал, и его бросили в степную часть Крыма. И он ругался, что обманом, показывая виды прекрасной природы, оторвали от насиженного и привычного места. Это один из примеров политики, проводимой с той целью, чтобы нога крымского татарина не вступила на крымскую землю. Все приведенное здесь, особенно статья в «Новом времени», подтверждает ассимиляторскую политику в отношении моего народа.

Одним из других терминов, который вменяется мне в вину, как преступнику, это вопрос о дискриминаторской политике, проводимой Советским правительством в отношении моего народа.

В ходе показаний на предварительном следствии и на судебном разбирательстве я уже говорил, почему в тех или иных документах я употреблял слово дискриминация, в частности расовая дискриминация. Поэтому считаю излишним вновь повторяться, но хочу дополнить все недосказанное.

Резолюция X съезда РКП(б) 1921 года четко определила национальную политику партии, именно ленин-

скую политику в национальном вопросе: «Задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им:

а) Развить и укрепить у себя советскую государственность в формах соответствующих национально-бытовым условиям этих народов;

б) Развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения;

в) Развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке;

г) Поставить и развить широкую сеть курсов и школ, как общеобразовательного так и профессионально-технического характера на родном языке.»*

Вот та задача, которую ставила в свое время ленинская партия для решения национального вопроса, в частности и крымских татар. Как же она претворяется в жизнь сегодня? Никакой государственности. Никаких национальных школ, никакой сети культурно-просветительных учреждений, никаких судов на национальном языке и так далее.

Вот на какой основе возникла терминология дискриминации. Прокурор в своей речи и не попытался даже научно обосновать свои доводы, доказать хотя бы необоснованность этой моей терминологии. Единственное, что он сказал в отношении терминологии, это то, что заявил, якобы авторы занимаются литературными упражнениями. А ярким опровержением всех этих терминов по мнению прокурора является то, что сотни крымских татар награждены орденами и медалями, среди них имеются депутаты местных советов и даже депутат Верховного Совета СССР. Для них ведутся передачи по радио и телевидению. Выпускаются газеты и журналы.

* См. X съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М. 1963, с. 702.

Если сегодня каждому крымскому татарину прилепить по 5 орденов, решился бы национальный вопрос? Я здесь усматриваю определенную тенденцию, взятую у Хрущева, когда тот путем раздачи орденов пытался решать национальные вопросы. Насколько эта теория потерпела крах, не стоит говорить. Я говорю об этом, чтобы показать, что не орденами питается национальный вопрос. А что касается депутатов, то среди депутатов в Верховный Совет действительно есть один депутат из крымских татар, но разве этот депутат является представителем крымскотатарской национальности? Он является представителем УзССР. Разве он может довести о чаяниях или внести на сессии вопрос о крымских татарах?

Крымские татары еще до революции имели своего представителя в Думе. Это представитель большевистской[?] фракции — Медиев. Но из-за того, что Медиев был депутатом, даже царское правительство никогда не брало на себя смелости утверждать, что в отношении крымских татар не проводилась колониальная политика. Но царское правительство не может сказать, что по радио и телевидению велись передачи для крымских татар, это в силу того, что поздно родился изобретатель радио — Попов. Другим фактом дискриминации является следующее: здесь даже прокурор говорил о трудолюбии крымскотатарского народа, но назовите мне хотя бы одного крымского татарина, являющегося представителем народа, руками которого создан Бекабадский металлургический комбинат, заводы Чирчика, новые города, назовите среди этого народа хотя бы одного, которому было бы присвоено звание Героя Социалистического Труда. А разве имеется какая-нибудь возможность для развития литературы и искусства у нас?

Читая газеты, видим, что недавно прошла декада Каракалпакского искусства в Узбекистане. Отпраздновали юбилей Алишера Навои.

А ведь наш народ тоже имел своих поэтов и писателей: Абдулла Меджит (14 век), Азиз Умер (16 век), Бекир Чобан-Заде (20 век). А разве мы имеем [возможность] праздновать им юбилей? Имеем возможность на родном языке обучать своих детей в тех условиях, в которых мы находимся сегодня? Нет, нет и еще раз нет! Приведу один пример: 25 лет мы находимся в Узбекистане. Как широко шагнула Узбекская литература за это время. Но в романах, которые я читал на русском и на узбекском языках, я никогда не видел даже в эпизодических картинах крымского татарина. А ведь полмиллиона человек в течение четверти века живут, трудятся, создают материальные богатства бок о бок с другими народами. Разве в какой-либо литературе отражен труд этого народа? Его судьбы, надежды, мысли о возвращении на Родину? Именно в отсутствии этого я усматриваю тенденциозность, а иногда и лживость советской литературы, которая обязана нести правду народу. Я эту правду в отношении крымскотатарского народа не вижу.

Где наше киноискусство? Где та широкая сеть культурного просвещения? А разве за все эти годы, которые мы здесь живем, хотя бы одно слово благодарности было сказано в отношении моего народа? Мы еще не слышали этой благодарности.

Одним из основных вопросов в области культуры является вопрос преемственности этой культуры. Например, я 33-летний человек, не знающий своей литературы, языка, не имевший в свое время возможности изучать свой язык, культуру, историю. Как я могу что-нибудь, касающееся истории, литературы, искусства, передать своим детям — а старшему из них уже 10 лет. Что я могу ему передать? Как воспитать его? Как воспользоваться советом Николаевой, которая пишет: «Ребенку с малых лет следует прививать любовь к родной земле, родному языку, самобытной национальной культуре, лучшим традициям, к историческому прошлому...

своего народа.» («Правда Востока» от 21 марта 1969 года, статья: «Большое чувство. Советы родителям».)

Как я могу привить все эти чувства своим детям?

Я не хочу отнимать много времени у суда описанием своей жизни, будучи ребенком, но считаю своим долгом сослаться на следующий факт. Всего два года назад мой сын — второклассник, [вернулся домой] заплаканный, оттого что его одноклассник Саша Степанов назвал его предателем, что родители продали Крым и так далее. Моему сыну было тогда 9 лет, Саше Степанову тоже 9-й год.

Что я мог сказать своему ребенку, когда я сам прошел через все это? Стоило ли говорить, что это явилось определенной политикой государства? Разве нет? Разве сегодня партия и правительство оградили моего ребенка от такого? Нет, не оградили!

Но кто же должен отвечать за все это? Там, где речь касается побед советского народа, партия всегда все успехи приписывает себе. Так почему же, где касается поражений, спихивают почему-то на кого угодно?

Правильно говорил Кеннеди, у победы много родственников, у поражения ни одного. Лучше не скажешь в отношении Коммунистической партии.

В суде по отношению ко всем подсудимым и некоторым свидетелям задавался вопрос, что вы сделали лично для того, чтобы написать статью о положении вашего народа и послать в органы правительства, но почему-то судья избежал задать мне этот вопрос. Я воспользуюсь возможностью ответить на не заданный вопрос.

В моей памяти возникает эпизод связанный с обыском СС-овцев в квартире моих родителей в Бахчисарае. Отец мой член партии с 1921 года, мать одна из первых комсомолок, отдавшая всю свою молодость раскулачиванию. С начала войны мы не успели эвакуироваться и вынуждены были бежать в направлении Бахчисарая. В Бахчисарае нас и настигли немцы. Через некоторое время был обыск. Я прекрасно помню его. Обыск дела-

ли несколько часов. В квартире были тома Ленина на татарском и русском языках. СС-овец, взял их в руки, прекрасно понимал, что это именно Ленин, но не обратил на это внимания и положил на место. Два часа длился обыск. Мать перед самым их появлением успела бросить все документы в печку и они успели истлеть. Так они ушли ни с чем.

Я хочу обратить внимание на то, что даже СС-овец не забрал труды Ленина. И вот обыск, проведенный у меня в квартире в 1968 году. Посмотрите внимательно в акт моего обыска. Что забрали советские чекисты сегодня? В первую очередь сборник, где собраны статьи Ленина. Сборник исторических очерков о Крыме, которые я по крупицам собирал уже много лет. Попытки моего перевода на русский язык истории моего народа, написанной на татарском языке.

Самыми опасными для политики нашего правительства являются люди, досконально знающие Ленина. Именно эти люди в первую очередь обращаются в органы правительства за восстановление норм ленинской национальной политики. Для подтверждения этой же мысли я приведу пример. Найдите том 7, страница 243. Именно для подтверждения мысли, что подлежат изоляции люди, которые в первую очередь являются наиболее опасными в политическом отношении. Письмо заместителю начальника КГБ Дехканову: «Для сведения сообщаем, что Ганиева является активной участницей «автономистского» движения. В прошлом у нее в квартире производился обыск с целью обнаружения политически вредных документов.»

И у меня производился обыск с целью отыскания политически вредных документов, и в первую очередь изъяли Ленина.

Более подробно я хотел бы остановиться на той части документов, где я утверждаю, что указ 1967 года именно узаконил эту дискриминационную политику.

Для того чтобы защитить именно эту свою мысль,

проводимую в этих документах, я зачитаю из журнала «Крым», № [1 (3)], 1927 года, статью [о том], как ленинская партия предусматривала решение национального вопроса крымских татар, не о национальной политике вообще, а в частности, именно в отношении крымских татар. Даже при предоставлении государственности партия считала, что это не является полным решением национального вопроса. Это еще не давала возможности для восстановления культуры крымских татар. Необходимо провести еще ряд мероприятий в этом направлении, а именно: «... меры по развитию крымской кустарной промышленности, создание кадров татарского рабочего пролетариата, кооперирование, сельхозкредитирование, огромное культурное строительство, от сотен реформированных школ до десятков школ повышенного типа, техникумов и так далее, от издательской работы до создания национального театра, от десятков тысяч обученных грамоте до огромных достижений в деле охраны и изучения памятников татарской старины и искусства. Мероприятия по улучшению экономического положения национального крестьянства, кустарей безработных и так далее, выделение национальных сельсоветов, две-три сотни национальных школ с родным языком преподавания, десятки политико-просветительных учреждений, и так далее, вот что говорит о несомненном возрождении забытых до революции национальностей Крыма. Вот тот путь, который приведет татар и другие национальности... к национальной культуре и даст возможность свободно самостоятельно строить свою жизнь... наша дальнейшая задача углубить, развить и закрепить имеющиеся сейчас достижения.»

Как же углубили, развили и закрепили эти достижения? Ответом является указ. Углубили до того, что уничтожили крымскотатарскую национальность: «татары ранее проживавшие в Крыму» «укоренились» на территории Узбекистана. Как проводились мероприя-

тия в жизнь? Даже не называя действительность тем, чем она является на самом деле, замечу полное отсутствие всего того, что можно назвать национальным в отношении крымских татар. Я считаю [это] дискриминацией. Где же тот путь, который должен был привести к возрождению культуры? Почему-то проводимый сейчас партией путь до сих пор является путем полного уничтожения национальности, языка, старины, памятников и культуры.

Перехожу на фальсификацию истории.

Вопрос фальсификации истории вменяется мне во всех документах. Здесь нельзя не коснуться истории. Фальсификация началась еще при царизме и проявлялась в том, что, даже проводя широкую в какой-то степени археологические и исторические исследования, особенно в начале XX века, имея большой материал по истории и археологии Крыма, царское правительство с помощью своих ученых представляло всю культуру Крыма, как варварскую культуру. Именно об этом говорится в том же журнале «Крым», № 2 [(4)] за 1927 год, в статье Бороздина: «Еще недавно признаком хорошего тона (на русификаторской подоплеке) считалось говорить о варварстве и некультурности татар-завоевателей, уничтоживших «все и вся»... в настоящее время этот шаблон несомненно изживается. Старая легенда рухнет на наших глазах... Достаточно сказать, что татарские города 13 и 14 века, воскрешенные новейшими раскопками, были благоустроенными и цветущими [городами], с прекрасными зданиями, дворцами, школами, мечетями, мастерскими, водопроводами и так далее.»

В 1927 году ленинская партия сделала все, чтобы покончить с фальсификацией истории крымских татар.

И вот мое пребывание в Крыму. Ознакомление с путеводителями, которые наводнили «вся и все». Везде слышишь, что крымские татары занимались только набегами и грабежами, у них даже ложка появилась в 19

веке. Не готовили жидкой пищи и так далее. И эту гнусность рассказывают каждому из миллионов людей, посещающих Крым со всей страны. Стоит ли говорить, что никакой объективности в истории, а только грязь и грязь.

И вот, чтобы показать суду, что даже в тех случаях, когда мы, крымские татары, в частном порядке пытаемся через сведущие органы и институты поставить этот вопрос, мы не получаем никакого ответа, а порой отвечаем сами перед судом. Приведу пример: Вот запись, оставленная в книге отзывов Крымского областного краеведческого музея: «Мы, группа крымскотатарской молодежи, посетили краеведческий музей, где экспонируются материалы, касающиеся этнографии, истории, героических дел людей этого замечательного края. Но нас, уроженцев Крыма, глубоко обидело то, что на стенах музея совершенно не отражены факты, события, героизм, относящиеся к представителям крымскотатарского народа.

Вот наши конкретные замечания:

1. При становлении Советской власти в Крыму в 1917-1920 годы немаловажную помощь оказали Красной армии и крымские татары. (Общеизвестный факт [участия жителей Дерен-Аеран] в операциях совместно с товарищами Мокроусовым и Папаниным.)

2. Подвиг, совершенный разведчицей-резидентом приморской армии комсомолкой Алиме Абденнановой в 1943-1944 годы. Она посмертно награждена орденом Боевого Красного Знамени. О ней имеется сценарий, переданный по Московскому телевидению.

3. Отсутствие фотографий на стендах «Наши земляки-Герои Советского Союза» — Героев Советского Союза крымских татар — Решитова Абдураима Исмаиловича — полковника авиации, ныне проживающего в городе Симферополе; Абдул Тейфук — погиб в Берлине, но похоронен во Львове на Холме Славы; Абдураманов Узеир — проживает в городе Бухаре; Сеитнафе Сеитве-

лиев — проживает в городе Ленинабаде Таджикской ССР.

4. В годы оккупации Крыма немецкими фашистами в 1941-44 годах не мало крымских татар было среди отважных мстителей-партизан: Комиссар Северного соединения Мустафа Селимов, легендарный разведчик Османов Бекир Османович, за чью голову немецкое командование предлагало 100 000 марок, и другие отважные партизаны. Вожак партизанского подполья в городе Симферополе «Дядя Володя», описанный в книге И. Козлова «В крымском подполье», впоследствии казненный — Абдула Дагджи. Казнены также все члены его семьи.

Очень странно, что все перечисленные факты игнорированы в этнографических музеях.

Мы просим дирекцию музея, получив соответствующие санкции партийных органов, уделить достойное внимание памяти и делам замечательных сынов и дочерей крымскотатарского народа, хотя все еще находящегося вдали от родного Крыма. Пусть и их коснется лозунг: «Ничто не забыто, никто не забыт».

Граждане судьи, я прочел запись, оставленную представителями крымскотатарского народа в книге отзывов. Разве есть в этой записи хотя бы одно слово клеветническое? Ведь здесь только просьба к дирекции, получив разрешение, уделить внимание... И посмотрите реакцию.

Том 13, страница 273, КГБ Украинской ССР по Крымской области: «Направляем на ваше рассмотрение изъятые из книги отзывов краеведческого музея 5 листов с записями клеветнического содержания, подписанные Хаировым Иззетом и Мурахасом Нурфетом. 23 января 1969 года. Дирекция музея Жук.»

И вот на основании данного заявления заводится уголовное дело! Какими же словами комментировать саму очевидность? Вот это-то беззаконие и произвол, о котором мы пишем почти в каждом своем документе.

Наконец, мне остается уделить несколько слов термину геноцид, употребляемому мной в тех или иных документах.

Здесь, в ходе судебного расследования по нашему ходатайству были вызваны свидетели, но к сожалению явился не полный список свидетелей, которых лично я просил вызвать в подтверждение 46 % крымских татар, погибших в первые годы в результате высылки. Но даже те свидетели, которые явились на суд, достаточно четко показали, что крымские татары не брали эту цифру с потолка. К сожалению не были вызваны на суд непосредственные авторы обращения к XXIII съезду, где на основании показаний тех людей, которые сами непосредственно хоронили умерших, была проведена статистическая обработка и в качестве обращения была направлена на XXIII съезд КПСС. Я хотел бы только лишь дополнить это следующим.

Во-первых, если суд будет внимателен, то заметит, что о 46 % речь идет в Обращении представителей крымскотатарской национальности к мировой общественности и в Траурной информации. Там сказано, что в первые годы погибла половина моего народа. А разве справка, предоставленная органами КГБ, если даже допустить, что она точна, опровергает наши данные? Прокурор пытался опровергнуть, что, видите ли, это справки 1947 года, а разве 47-й год не один из первых годов после выселения? По этим спискам погибло 25 % в Узбекистане за полтора года, а мои сородичи высланы и на Урал и в другие места. В этих местах, например на Урале, в некоторых деревнях погибло до 100 % привезенных крымских татар.

Вот факт, что даже пытаюсь вменить нам в вину [как] «заведомо ложные измышления» 46 %, представители власти пользуются справками, на которых стоит гриф «секретно», а эти же справки и подтверждают наши данные о 46 %. Данные исследований отдельных лиц являются правильными, и там не стоит предупреждение «секретно».

Я не хотел бы повторяться в своих трактовках о геноциде, но коротко напомним, что формы геноцида бывают разные — это физический, культурно-национальный, биологический и так далее.

Так вот я вовсе не утверждаю, что геноцид в форме физического существует и сегодня. Это было в годы выселения крымских татар, но геноцид в форме национального геноцида существует и сегодня.

Так у нас нет никакой возможности восстановить и развить свою культуру. Мы, социалистическая нация, ликвидированы из списков национальностей [как нация] когда-либо существовавшая. Не только это подтверждает геноцид в отношении моего народа. В качестве подтверждения приведу две выписки.

В «Правде» за 11 февраля 1969 года была заметка «На каторгу без суда», где говорится: «Как сообщает индонезийская печать в Джакарте принято решение о ссылке 60 000 коммунистов и других патриотов в джунгли центрального Калимантана.

Орган военных властей, газета «Армд Форсиз курир», в номере от 29 января с циничной откровенностью пишет, что высылка заключенных позволит решить сразу три проблемы: сократить расходы на содержание заключенных в тюрьмах и лагерях и «использовать скрытые людские резервы», обеспечить «быстрое воспитание» этих людей, прежде чем «вернуть их обществу», и, наконец, уменьшить вопрос о «перенаселенности Явы», поскольку вместе с заключенными в ссылку будут отправлены их семьи.

Осуществляя политический геноцид, индонезийские власти пытаются представить дело таким образом, что их действия якобы «продиктованы интересами общества».

Так вот, там где речь касается индонезийских властей, которые ссылают на острова 60 тысяч человек вместе с их семьями, Советская власть может утверждать, что это политический геноцид. Но почему же

в бешенство приводит следственные органы напоми-
ние о геноциде в отношении народа, 25 лет находяще-
гося под комендантским режимом?

Почему, когда они отражают в документах этот гено-
цид, следственные органы пытаются это рассматривать
как клевету на существующий строй?

И, наконец, последнее доказательство геноцида в
отношении моего народа.

Фиш — советский писатель, побывавший в Швеции,
пишет: «Шведские писатели прокладывают пути не
только к более углубленному познанию своей родины,
но и к нам. Они начинают лучше понимать, как ранее
далекие, но ставшие теперь близкими, проблемы решает
Советский Союз.

В первую очередь это [история] судьбы тех племен и
народов, которые в Российской империи назывались
«инородцами»: узбеков, армян, татаров, казахов, насе-
ляющих окраины-колонии царской России.

Значит, есть страна, где народы бывшей метрополии
и бывших колоний — не только разноплеменные, но и
разнорасовые — равноправны. И народы, не то что
малограмотные, но недавно обретшие письменность,
уже создали свою литературу, университеты со своими
видными учеными.

Разве можно найти лучшее опровержение теории
сегрегации, чем эта живая практика?»*

Так вот в первую очередь, прокурор, [кто] хотел бы
сказать, что отсутствие судов, университетов, школ не
является фактом геноцида?

Одним из основных моментов предъявленных мне
обвинений — это мои мысли, а также документы, пред-
шествовавшие указу и написанные относительно Указа
1967 года. Это Обращение крымскотатарской молодежи
в ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и
Совет Министров СССР, и, в частности, Обращение к
сессии Верховного Совета СССР.

* Новый мир, 1965, № 12, с. 190.

Судья: Много еще?

Кадыев: На полтора часа, но если кратко, могу уложиться в один час.

Судья объявляет перерыв.

После перерыва.

Судья: Нельзя покороче? Трудно протокол писать.

Кадыев: Я устал гораздо больше за 10 месяцев. За что же тогда вы меня судите?

Следующий пункт обвинения касается непосредственно событий, связанных с Указом 1967 года.

В основном в документах, предшествовавших указу и написанных в отношении этого указа: Обращение крымскотатарской молодежи города Самарканда в ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров и Обращение крымскотатарского народа к сессии Верховного Совета СССР [...]. А именно, что в этом обращении я назвал указ [акт,] узаконивший дискриминаторскую политику по отношению к крымским татарам.

Прежде чем отгородить себя от этого необоснованного обвинения, я хотел бы обратить внимание суда на то, что при составлении этих документов я пользовался гарантированным мне Советской конституцией правом критиковать любого государственного или должностного лица.

«Правда», 28 марта 1969 года, Чаковский «О свободах мнимых и свободах действительных»:

«Свобода... включает в себя право гражданина высказываться по серьезнейшим вопросам государственного и партийного строительства, бичевать любые отклонения от социальных и этических норм советского образа жизни, критиковать недостатки государственного аппарата, открыто обсуждать предлагаемые партией и правительством реформы и законопроекты. Было бы непростительным самохвальством утверждать, что наша печать, радио, телевидение идеально выполняют свои

вытекающие из социальной структуры нашего общества функции».

Так вот, гражданин государственный обвинитель пытался обосновать свои обвинения ссылками на [апрельский Пленум] и приведением цитат об усилении идеологической борьбы. Я тоже, воспользовавшись этим методом государственного обвинителя, хочу привести выдержку из речи на 5 съезде ПОРП Генерального Секретаря Брежнева:

«Настоящие коммунисты уверенно пролагают путь вперед, ищут наилучших решений возникших проблем, опираясь на социалистические завоевания. Они честно признают допущенные в том или ином вопросе ошибки, анализируют и исправляют их с тем, чтобы еще более укрепить позиции социализма».*

Именно из этого указа я вижу, что коммунисты, считающие себя наиболее честными и принципиальными людьми, не признали на деле своих ошибок. Нигде в этом указе нет, что после смерти Сталина до 1967 года не был решен национальный вопрос крымских татар. Я хотел бы, чтобы отстоять свои позиции, еще раз напомнить, что к моменту появления обращения самаркандской молодежи еще не было указа 1967 года о бесправном положении крымских татар, а именно этот указ утверждает, что татары были в бесправном положении. Советское правительство знало о положении крымских татар и ничего не предпринимало в этом направлении.

В декабре 1966 года Косыгин, находясь в Париже на пресс-конференции, заявил: «Все национальности, подчеркиваю, абсолютно все нации в нашей стране, равны... Каждая национальность чувствует себя в нашей стране полным хозяином положения. Это отвечает нашей ленинской национальной политике...»**

В этих словах я усматриваю преднамеренную ложь, допускаемую руководителями партии и правительства.

* Правда, 12. 11. 1968.

** Правда, 5. 12. 1966.

Эта ложь направлена на то, чтобы скрыть от мировой общественности истинное положение крымских татар и продолжать проводить свою великодержавную политику в отношении моего народа.

То, что я говорю, вполне обосновано и подтверждается указом 1967 года. А если я не прав, то почему же указ через год утверждает, что действительно имело место огульное обвинение народа.

Скажите, Косыгин не знал этого? Как руководитель государства и член правительства, издавшего этот указ, знал.

В качестве сравнения приведу пример о печальной судьбе американских туземцев из речи Никсона, напечатанной в «Правде» 30 сентября 1968 года.

«Печальная тяжелая судьба американских индейцев — это пятно на репутации американского народа. У этих исконных американцев отняты их наследованные родовые земли. Они низвержены до положения бесправных людей».

К сожалению эта речь исходит от Никсона — американца-империалиста.

Так вот, в предвыборной речи я усматриваю признаки горькой истины. В речи Косыгина — коммуниста, который должен честно признавать допущенные ошибки, я усматриваю прямую ложь о положении моего народа.

А в ходе разъяснения указа народу было честное признание?

Нет, не было! А наоборот, в тех показаниях, которые давал свидетель Исмаилов Вали, мы видели как людям разъясняли этот указ в СамГУ.

Ясно, что сегодняшнее правительство направило целую армию партийных работников для разъяснения этого указа. Я не помню ни одного другого указа, который бы потребовал такой армии миссионеров.

В своих документах я назвал этот указ антисоветским, потому что этот указ не удовлетворил чаяний полумиллионного моего народа, то есть направлен против

интересов народа и является антинародным, а раз антинародным, то значит и антисоветским.

И не случайно после этого указа усилились прямые физические расправы, репрессии против моего народа, что подтвердилось Чирчикскими, Московскими и Крымскими событиями. Добавлю, что сам указ держится в тайне от народа — это подтверждается показаниями свидетелей не крымскотатарской национальности.

Что касается «укоренения», скажу вот что. Если татары действительно укоренились в Узбекистане, для чего же государству понадобилось такое мощное противодействие переезду отдельных желающих? Для чего нужно было устраивать Чирчикскую расправу, давать указания по всем гостиницам Москвы не прописывать крымских татар, устраивать облавы в Москве, в Крыму, для чего нужно было устраивать десятки процессов и собирать 20 томов материала для настоящего процесса? Если же это действия отдельных представителей, а не государства, то поражает удивительная согласованность всех событий в государственном масштабе. Все эти факты ни в коем случае не могут говорить об укоренении крымских татар на территории Узбекистана. Далее.

Мы, крымские татары до сих пор называли себя крымскими татарами, указ — татарами ранее проживавшими в Крыму, а государственный обвинитель сам запутался. Разве не примечательно то, что в одном месте он нас называет крымскими татарами, а в другом месте — татарами ранее проживавшими в Крыму?

Суду задавались разные вопросы. Я тоже хотел бы задать вопрос, не суду, а вообще, сославшись на работы Ленина: «Тот ли марксист, тот ли демократ, кто не признает и не отстаивает равноправие наций и языков и не борется со всяким национальным гнетом и неравенством?»*

Что конкретно сделал прокурор, другие коммунисты,

* Ленин, ПСС, 5 изд. т. 24, с. 125.

и в том числе судьи, до выхода указа? Что вы сделали для восстановления национального равноправия крымских татар, начиная с 1944 года? Никто не сможет ответить на этот вопрос. Никто не смог ответить, когда я обращался в партийные и советские органы.

В ходе разъяснения о положении своего народа тем или иным гражданам других национальностей лично у меня оставался один путь — довести до сведения народа, путем передачи частной информации, то есть рассказывая, что вышел указ. И мне часто задавали вопрос: «Почему крымских татар не вернули на родину, если они не изменники, других же вернули?» На этот вопрос я не могу ответить. Но видимо причина в том, что в правительстве и в управленческом аппарате имеются великодержавные шовинисты, и делают все для того, чтобы уничтожить народ, литературу, искусство, язык, потому что «сущность уклона к великодержавному шовинизму состоит в стремлении обойти национальные различия языка, культуры, быта; в стремлении подготовить ликвидацию национальных республик и областей, в стремлении подорвать принципы национального равноправия и развенчать политику партии по национализации аппарата, по национализации прессы, школы и других государственных и общественных организаций».

Это определение великодержавного шовинизма дал в отчетном докладе на XVI съезде партии о работе ЦК ВКП(б) в 1930 году Сталин.*

Он сам дал определение великодержавному шовинизму, однако это не помешало ему теснить язык, культуру, выселять целые народы.

Обратите внимание, [граждане] судьи, это очень важный пункт в истории советского государства. Я много знаю судебных процессов, на которых судили людей за национализм, но не знаю ни одного человека, которого бы судили за великодержавный шовинизм. Потому что

* Сталин, *Сочинения*, т. 12, с. 362.

в руках великодержавного шовинизма находится вся партийная и государственная власть. Именно этот безликий фронт проводил в отношении нашего и других малых народов политику великодержавного шовинизма. Эти же шовинисты сегодня остались у власти.

XX съезд заклеил культ личности, но кроме этого в отношении своего народа я не вижу никаких попыток восстановления всего поправленного. Все те люди, которые принимали решение, руководили и участвовали в выселении народа, в уничтожении культурных ценностей этого народа, остались у власти. Никто не привлекает их к уголовной ответственности за совершенные преступления против малых народов. Да это и невозможно было бы, потому что вся центральная власть находится в тех же кровавых руках.

Я не буду зачитывать письмо, зачитанное на XX съезде, и другие документы, которые разоблачили Молотова, Ворошилова и еще целый ряд лиц, принимавших непосредственное участие в осуждении 10 миллионов [в чем не] повинных людей, замученных в концентрационных лагерях.

На сегодняшний день ничего конкретно не изменилось, и именно прокурор раскрыл это, заявив, что суд наш выражает волю партии, посадив нас сюда на скамью подсудимых, именно та партия, которая повинна в изгнании целых народов, в физическом истреблении половины моего народа, поставившая на грань исчезновения мировую ценность, на создание которой потребовалась вся жизнь целого народа — культуру, литературу, язык. Сегодня пытаются осудить нас за то, что мы критиковали их политику направленную на...

Прокурор (обрывает): Здесь в течение двух часов мы слушаем показания Кадыева. Я предполагал, что он будет более конкретно выражать свои мысли. Вместо того Кадыев отвлекается и дает показания, не касающиеся существа дела. В соответствии со статьей 277 УПК УзССР я прошу разъяснить дополнительно Ка-

дыеву, чтобы он не выходил за рамки предъявленного обвинения и вместо дачи показаний по существу не возводил новые измышления, направленные против политики партии и правительства.

Судья: Принимая во внимание то, что в речи Кадыева имеется тенденция высказывать дополнительно ранее не включени[ые] в обвинительное заключение обвинения, названи[ые] клеветой и измышлениями против советской власти и КПСС, предупредить Кадыева, что в случае повторения его дальнейшая речь будет выслушана в закрытом судебном процессе.

Кадыев: В своей речи я вовсе не пытался отклониться от тех пунктов обвинительного заключения, которые вменяются мне в вину, потому что я не занимался ничем иным, как объяснением мотивов заставивших написать вменяемые мне в вину документы.

Я заявил, что следственные органы не интересовались мотивами, а это является одним из пунктов на которое должно было опираться следствие. Эти же мотивировки не были указаны и в речи прокурора.

Как же я могу отклоняться от существа дела, если я объясняю именно мотивы, способствовавшие появлению данного процесса.

И выступление прокурора, и решение суда я рассматриваю, как прямое отклонение от рассмотрения мотивов. А следовательно, отказываются разобраться в существе дела.

В связи с этим я считаю, что моя защитительная речь совершенно бессмысленна и я отказываюсь от дальнейшего продолжения своей защитительной речи.

СЕМНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ СУДА

29 июля 1969 г.

Последнее слово подсудимого Бариева Айдера

Уважаемый гражданин председательствующий!

Уважаемые граждане заседатели!

Речь, произнесенная прокурором, тем более, после

расследования материалов дела на данном судебном процессе, мне дает право произнести следующее:

Гражданин государственный обвинитель в своей речи ясно выразил, что цель одна — это изолировать моих товарищей и меня от общества, а вопиющие нарушения законности властями, имевшие место, и составление «кощунственных» обвинений следователями считать правомочными.

Печально, что в лице моих товарищей и меня государственный обвинитель видит преступников, а не преданных и честных граждан нашего Советского государства.

«Любой рожден свободным, равным и без всяких приговоров судьбы». Так скажите, что же меня привело на скамью подсудимых, в чем моя вина?

Нет у меня вины!

И нет вины у моих товарищей!

Обвинять и судить надо не нас, а тех, по чьей вине крымскотатарский народ поголовно, необоснованно был выслан из исконной родной земли — Крыма, на почве которого трагически сложилась судьба моего народа.

Обвинять и судить надо тех, кто стремится узаконить это выселение; и тех, кто старается вычеркнуть крымских татар, как национальность, из истории. Кое для кого очень неприятно сознаться в этой истине, кое-кому хочется набросить на это явление покрывало, некоторые личности, пользуясь властью, любят сшивать такое покрывало из лоскутков совсем почти «конституционных» теорий. Национальная политика, проводимая ленинской Коммунистической партией и Советским правительством, не может совместить в себе действия некоторых личностей, направленные против разрешения национального вопроса крымскотатарского народа.

Крымскотатарский народ перед ЦК КПСС и Советским правительством ставил и ставит справедливое требование — это восстановить Декрет Ленина от 18 октября 1921 года о Крымской АССР и принять меры организованного возвращения граждан СССР крымскотатар-

ской национальности на их исконную Родину — Крым; и это вполне совместимо с основным документом, принятым на Международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве 17 июня 1969 года, в котором говорится: «Мы, коммунисты, выступаем против любых форм угнетения наций и национальных меньшинств, высказываемся за то, чтобы каждая нация или национальная группа развивала собственную культуру и язык, и мы твердо защищаем право всех наций на самоопределение».*

Не погасить в сердцах моего народа пережитую боль и горечь, нет, не найдется сила, могущая остановить движение народа, а в частности стремление каждого крымского татарина вернуться на Родину. Пройдут года, десятилетия, но народ не забудет пережитое трагическое прошлое, и я уверен, история заклеит позором тех, по чьей вине страдает честный трудовой крымскотатарский народ и необоснованно свершаются судебные процессы над его дочерьми и сыновьями.

Прошедшие судебные процессы и унижительные преследования инициаторов крымскотатарского национального движения ясно говорят о том, что национальным вопросом крымских татар в нашей стране усердно занимается КГБ, милиция и судебные органы, конечно, не без санкции отдельных руководителей ЦК и правительства.

Политбюро ЦК КПСС и Советское правительство должны взять разрешение национального вопроса крымских татар в свои руки и восстановить законное требование крымскотатарского народа, ибо игнорирование этого остро стоящего вопроса является большим пятном на ленинской национальной политике, ответственность за проведение которой лежит на КПСС.

* Правда, 18. 6. 1969.

Во время судебного следствия я пояснила все мотивы моих действий, то есть обстоятельства, которые привели меня на скамью подсудимых. Мое активное участие в народном движении невелико, но этот период вселил в меня определенные понятия, преподнес мне уроки поведения и руководства к дальнейшим действиям. Этот период — октябрь 1967 года по сентябрь 1968 года. Я была зрительницей, участницей, жертвой Крымских и Московских событий. На себе я испытала произвол, беззакония, провокации, репрессии. В течение 8 месяцев я не могла благоустроиться у себя на Родине — Крыму. Это восьмимесячное хождение по мукам в советском Крыму и явилось причиной моих действий в Москве, куда я поехала представителем народа, чтобы довести до сведения партии и правительства о творимых беззакониях. Но в первый же день приезда в Москву группа работников милиции и КГБ, применив физическую силу, этапировали меня и моих соотечественников в город Ташкент. На пути следования я смогла вернуться в Москву, и тогда я задумалась, что нужно предпринять, чтобы мой народ обрел свое счастье. Совместно с представителями народа я стала обращаться в партийные и государственные органы, к советской общественности с документами, где отражено истинное положение моего народа. Обращаясь к советской общественности, я преследовала единую цель — чтобы в нашем сложном положении найти эффективные пути разрешения национального вопроса. Я надеялась на поддержку широких слоев общественности; я надеялась, что истинные коммунисты смогут воодушевить прогрессивных людей и последовательно, шаг за шагом, решить этот вопрос, как этого требуют интересы моего народа. Я убеждена, что этот курс отвечает интересам всего советского народа. В документах отражены условия, в которых приходилось работать представителям моего народа. В сентябре прошлого года меня и моих

товарищей изолировали от общества в подземелье следственного изолятора КГБ.

Прокуратурой УзССР и следователем Березовским грубо была нарушена статья 41 УПК УзССР. Мне не объяснили, в чем меня обвиняют. При производстве уголовного дела не были выяснены обстоятельства, способствующие совершению моих действий. Была нарушена статья 17 УПК УзССР, которая гласит: органы предварительного расследования не вправе привлечь кого-либо к уголовной ответственности, если не убеждены в том, что объективные данные дела дают для этого достаточные основания, не вправе передать дело по обвинению в суд, если не убеждены в виновности этого [человека.]

Все свои действия я совершала в Москве, на меня наложили арест по статье 191-1 УК РСФСР, но судят меня в Ташкенте, несмотря на то, что уголовное дело подлежит рассмотрению по месту совершения преступления. Следствие признает наши документы клеветническими. Я же признаю только научно обоснованные доводы по оценке всех документов. Следствие своими домыслами бросает тень на нашу партию, правительство, на весь крымскотатарский народ. Подтверждением этому является обвинительное заключение, составленное следователем Березовским и утвержденное прокурором УзССР. В прошлом и сейчас я ничего не имею против существующего общественного и государственного строя нашей страны, ибо этот строй в свое время дал моему народу государственность. 18 октября 1921 года, подписывая декрет о крымской автономии, Ленин завещал: «Пусть маленькая Крымская Республика станет одним из факелов, бросающих свет пролетарской революции на восток».

Год 1944. В то время, когда крымские патриоты, объединенные со всеми советскими народами, истекали кровью, а фашисты уничтожали их леса, дома, сжигали и вешали людей, в Крымском обкоме стали разрабаты-

вать план высылки крымских татар, и чтобы одурачить советскую и мировую общественность, стали фабриковать прецеденты «традиционного национализма». Эту операцию блестяще осуществили в стране Советов. Документы отражают последовательность народного движения, а события сегодняшних дней — это одна из ступеней народного движения.

Акт варварского злодеяния в Крыму 1944 года, комендантский режим до 1956 года, фальсификация истории, насильственная ассимиляция в местах резерваций, культурно-национальный геноцид — вот основные причины народного движения. Движение народа за восстановление народных прав, данных Революцией и Лениным — это не кратковременная кампания и не желание отдельных лиц, это желание всего крымскотатарского народа. Для моего народа никогда не стоял этот вопрос на той грани, как сегодня.

Дифференциация взглядов на крымских татар, национальный вопрос сегодня существует лишь только, потому что радио, печать, телевидение не информируют советскую общественность о национальном вопросе моего народа. Всем понятно, что преподносить уроки, идущие вразрез с уставом КПСС, не к лицу «советским деятелям».

В рядах КПСС сотни тысяч коммунистов-журналистов, но немногие из них проливали свет на национальный вопрос моего народа, большинство из них одно-сторонне подходит к этому вопросу, не обременяя себя лишними неприятностями. Руководители партии не хотят критически изучать новые явления, факты, мысли, возникающие в крымскотатарском национальном вопросе.

Разрешением национального вопроса занялся КГБ, а это приводит к разжиганию антитатарских националистических страстей.

Идеями Ленина нужно руководствоваться не только в международных масштабах, но и во внутригосударственных делах.

Недооценка ленинских принципов в национальном вопросе не может не наносить вреда нашему государственному и общественному строю. Эти недооценки ведут к политическим и идейным хаосам, которые на руку врагам нашего государства.

Прекрасно понимая это, отдельные индивидуумы из числа руководителей партии и правительства стараются использовать ленинские принципы против советских людей, тем самым подвергая сомнению сущность национального вопроса.

Этим людям лозунги интернационализма служат для того, чтобы прикрыть свои шовинистические идеи и цели.

Легко славить имя Ленина, но трудно учиться у него, понимать его.

Проблемы соотношения интернационального и национального, это актуальные проблемы коммунистов, и ленинское наследие в этом отношении должно сохранить свою силу.

Коммунист должен иметь мужество без колебаний отстранять тех, кто не выполняет принятую линию ленинизма; КПСС не пострадает, если ее ряды покинут такие «деятели» из числа руководителей партии и правительства, которые сознательно тормозят решение национального вопроса моего народа. Изменения в национальном вопросе будут только тогда, когда выздоровеет организм под названием «ленинские принципы в национальной политике»; естественно, что четвертьвековая болезнь подорвала силы этого организма.

Я не хочу, чтобы повторилась трагедия 1944 года.

Я не хочу, чтобы XX век стал веком исчезновения моей нации.

Я не хочу, чтобы индивидуумы из числа руководителей партии и правительства своими антисоветскими действиями порочили наш общественный и государственный строй.

Я не хочу, чтобы ленинское знамя было занавесью, за

которой творятся антисоветские действия (Московские, Крымские, Чирчикские события).

Я не хочу, чтобы геноцид в форме насильственной ассимиляции, дискриминации позорным пятном клеймил нашу страну.

По моему убеждению, необходимо чтобы:

1. Ленинские дни в этом году послужили началом разрешения крымскотатарского национального вопроса. Решить его полностью. Восстановить Декрет Ленина от 18 октября 1921 года.

2. Был пересмотрен Указ от 5 сентября 1967 года и на ближайшей сессии Верховного Совета поставлен на обсуждение.

3. ЦК КПСС взяло решение национального вопроса в свои руки.

4. Создали правительственную комиссию с представителями крымскотатарского народа для научного изучения национального вопроса и для разработки проекта по переселению (в Крыму и Узбекистане).

5. Были немедленно уничтожены лживые наслоения в теории и практике в национальном вопросе крымских татар. Покончить с фальсификацией истории крымскотатарского народа.

6. Были наказаны виновники в извращении ленинской национальной политики.

7. Был усилен прокурорский надзор в соблюдении советской социалистической законности по отношению к политическим заключенным.

8. Освободили из-под стражи всех патриотов, борющихся за свое национальное равноправие, за восстановление декрета Ленина.

Последнее слово Халиловой М.

Находясь в заточении почти 11 месяцев, я, как и прежде, остаюсь при своих убеждениях, что мой крымскотатарский народ должен вернуться на Родину, из следующих соображений:

Изучая основы знаний, которые преподавали мне в

школе, в техникуме, я узнала, что такое Родина, и что у каждой нации имеется своя национальная Родина со своими обычаями, культурой, искусством и литературой.

Мне и моему народу также хочется иметь свою национальную Родину, которой мы были лишены в 1944 году насильственным путем. Мой народ в течение 25 лет лишен возможности развиваться и сохранять себя, как социалистическую нацию.

Выражая свои сокровенные чувства привязанности, любви и преданности к своей общей Родине — СССР, я также сохраняю эти чувства к своей национальной Родине, которая называется Крымом, которые, все более проникая в сознание, привели меня к убеждениям, которые руководили мной во всей моей деятельности, за которую сегодня вы меня судите.

Меня и мой народ полностью удовлетворяет настоящий общественный и государственный строй с его прогрессивной конституцией, в основе которой лежат принципы свободы, равенства, братства. Поэтому национальное движение моего народа вызвано не недовольством существующим государственным строем, а стремлением восстановить свое национальное равноправие в рамках Советской конституции.

Мое поколение не было современником исторических событий времени Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, но это не говорит о том, чтобы мы не верили своим товарищам, которые сражались на фронтах против немецких захватчиков, из числа которых многие отдали свою жизнь, а по окончании войны вернулись с победой, но только не к себе на Родину, и до 1956 г. были под комендантским режимом, вдобавок получив клеймо «предателя», которым попрекают из поколения в поколение.

И все это происходит в первой социалистической стране, знамя которой — ленинизм, где коммунисты выступают против любых форм угнетения наций и национальных меньшинств, высказываются за то, чтобы

каждая нация или национальная группа развивала собственную культуру и язык, и твердо защищают право всех наций на самоопределение. Но мы за эти требования оказались на скамье подсудимых.

Указ от 1967 года не удовлетворил чаяния моего народа, что явилось причиной всех моих действий в Москве, куда я поехала, чтобы довести до сведения партии и правительства о трагическом положении моего народа. Совместно с другими представителями я обращалась в советские, партийные и государственные органы, а также к советской общественности с документами, где отражено истинное положение всего крымскотатарского народа.

Обращаясь к представителям государственных органов и прогрессивной общественности, я надеялась на поддержку со стороны этих людей, так как они являются коммунистами, а истинным коммунистам, по моим понятиям, наш национальный вопрос не должен быть безразличным.

В сентябре 1968 года на меня была наложена санкция на арест. На мой взгляд не было никаких оснований изолировать меня от общества. Мне не было объявлено следствием, в чем меня конкретно обвиняют.

При дальнейшем расследовании уголовного дела не были объяснены обстоятельства и мотивы всех моих действий в Москве.

На предварительном следствии наши документы были признаны клеветническими, но я не признаю такую оценку документов и считаю, что для доказательства клеветнического характера необходимы научно обоснованные доводы по оценке этих документов, но их, как таковых, в материалах дела нет.

Следствие вообще уклонилось от изучения обстоятельств и мотивов появления документов; оно уклонилось также от проверки достоверности фактов и событий, изложенных в документах, которые вменяются нам в вину.

Я считаю, что органы КГБ и прокуратура УзССР не должны вмешиваться в наш национальный вопрос, ибо это входит лишь в компетенцию ЦК КПСС, который решит его с позиций максималистско-ленинской национальной политики, на основе программных решений XX-XXII съездов.

К вышесказанному мною хочу добавить, что я поступила согласно своей совести и согласно своей убежденности в справедливости крымскотатарского народного движения.

Последнее слово Эминова Руслана

Граждане судьи!

Месяц, да, уже месяц, как я нахожусь в этом зале. Находясь под подпиской и имея возможность общаться с представителями моего народа, сотнями ежедневно приезжающими почти со всех городов и населенных пунктов, где проживают крымские татары, и сейчас находящимися на улице и ожидающими выхода людей из зала, жадно ловящими каждое вынесенное отсюда слово, рассуждающими о присходящем процессе и положении крымских татар, многое понял. Допрошенный здесь в качестве свидетеля мой товарищ Ибриш Мустафа, дождавшись моего выхода из зала суда вечером, сказал мне: «Это не суд, а ликбез».

Ведь пока здесь происходит процесс, там на улице проходят горячие дискуссии, обсуждения и вырабатываются мнения. И вот он, пробыв здесь один день, решил, что прошел ликбез. Я же, находясь здесь месяц, прошел университет и многое, что мне было до этого неясно, я узнал только здесь, многое переосмыслил даже со времени моего показания на суде.

Моя роль в движении крымскотатарского народа слишком мала, я сделал ничтожно мало, [меньше] нежели мог бы. Я слишком был занят работой, работал без выходных, и если бы не поездка в Крым с целью устроиться на работу и семь месяцев хождения по мукам в поисках работы, невыносимые оскорбления, ко-

торые я там перенес, мои посещения крымских музеев, откуда я выносил тяжелый осадок, слыша, как нагло, с полным отрицанием марксистского подхода к истории, фальсифицируется история моего народа, я бы, конечно, не поехал в Москву и не попал на скамью подсудимых.

Но говорят — нет худа без добра, и все к лучшему. Как много я узнал за это время; в других условиях может и десятилетия не пополнили бы настолько мои знания.

Теперь вспомним труды Ленина. Я по-новому осмысливаю им написанное и понимаю, почему его так сильно тревожил национальный вопрос и все острое борьбы он направлял против великорусского шовинизма. Так, например, в записке в Политбюро на имя Каменева он пишет (декламирует наизусть): «Великодержавному, великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от большого зуба, съем его всеми здоровыми. Необходимо настоять, чтобы в союзном ЦИКе по очереди председательствовали русский, украинец, грузин и так далее. Абсолютно».*

Далее о том, что Владимира Ильича очень беспокоил национальный вопрос, говорит следующий факт — возникновение грузинского конфликта и расследование этого вопроса Держинским, — Ильич остался недоволен результатом расследования. Главное, он связывал грузинский вопрос с общим вопросом об образовании СССР, выражая тревогу, насколько последовательно будут проведены при объединении республик принципы пролетарского интернационализма. И когда представилась малейшая возможность диктовать, то он в своих последних записках первое продиктовал «Письмо к съезду» 23-26 декабря 1922 года, «О придании законодательных функций Госплану» 27-29 декабря 1922 года и свое письмо «К вопросу о национальностях или об автономизации». Ленин осудил поступок Орджоникидзе и попустительство ему со стороны комиссии Держин-

* Ленин, ПСС, 5 изд. т. 45, с. 215.

ского, а также Сталина. Политическую ответственность за все это дело Ленин возложил в первую очередь на Сталина, как Генерального Секретаря ЦК, имея в виду допущенные им серьезные ошибки при объединении республик. И в каждой строчке чувствуется обеспокоенность за судьбы малых народов или инородцев, как он иногда употреблял, и начинает Владимир Ильич такими словами (декламирует наизусть):

«Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик.

Летом, когда этот вопрос возникал, я был болен, а затем, осенью, я возложил чрезмерные надежды на свое выздоровление и на то, что октябрьский и декабрьский пленумы дадут мне возможность вмешаться в этот вопрос. Но, между тем, ни на октябрьском пленуме (по этому вопросу), ни на декабрьском мне не удалось быть, и таким образом вопрос миновал меня почти совершенно... Видимо, вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна. Говорят, что требовалось единство аппарата. Откуда исходят эти уверения? Не от того ли самого российского аппарата, который, как я указал уже в одном из предыдущих номеров своего дневника, заимствован нами от царизма и только чуть-чуть *подмазан* советским миром...

При таких условиях очень естественно, что «свобода выхода из союза», которой мы оправдываем себя, окажется пустой бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке... Приняли ли мы с достаточной заботливостью

меры, чтобы действительно защитить инородцев от истинно русского держиморды? Я думаю, что мы этих мер не приняли, хотя могли и должны были принять.

Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторские увлечения Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль».*

С какой прозорливостью предвидел Владимир Ильич надвигающуюся грозу. И к сожалению, худшие его опасения сбылись. Не останавливаясь на этом, Ленин дает понятие о национализме: «Я уже писал в своих произведениях по национальному вопросу, что никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национализме вообще. Необходимо отличать национализм нации угнетающей, национализм большой нации и национализм нации маленькой. По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия, и даже больше того — незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилий и оскорблений... Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически... Коренной интерес пролетарской солидарности... требует, чтобы мы никогда не относились формально к национальному вопросу...»*

Уже будучи тяжело болен, [В. И. Ленин] узнал, что Политбюро ЦК РКП(б) 25 января 1923 года все же, несмотря на его письмо и предупреждения, утвердило выводы комиссии Дзержинского. Несмотря на то, что Ле-

* Ленин, ПСС, 5 изд. т. 45, с. 356-357.

** Ленин, ПСС, 5 изд. т. 45, с. 358-360.

нину врачи категорически запретили заниматься делами, он потребовал, чтобы ему были представлены материалы комиссии Дзержинского. Получив эти материалы, Ленин поручил Н. П. Горбунову, Л. А. Фотиевой, М. И. Гляссер разобраться в них и дать ему заключение. Ленин сказал, что это требуется ему для предстоящего партийного съезда, что он предполагает обратиться с письмом по этому вопросу. Фотиевой Ленин дал подробные указания, на что нужно обратить внимание при работе над материалами комиссии Дзержинского.

Владимир Ильич, видя в то время главную опасность в великодержавном шовинизме и считая, что задача борьбы с последним ложится прежде всего на плечи коммунистов ранее господствовавшей нации, сосредоточил внимание на ошибках Сталина, Дзержинского и Орджоникидзе. Он указывал, что в национальном вопросе, особенно тогда, в связи с объединением республик, требовалась «сугубая осторожность, предупредительность и уступчивость», что «в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить». Даже Ильич стремится подключить к этому делу Троцкого своим письмом от 5 марта 1923 года в связи с предстоящим обсуждением «грузинского вопроса» на пленуме ЦК РКП(б), но Троцкий, ссылаясь на болезнь, ответил, что не может взять на себя такого обязательства.

И тут, сразу же вслед за последовавшим вторым кровоизлиянием в мозг, Владимир Ильич Ленин уже больше никогда не смог вмешаться в национальный вопрос.

С детства я не терпел обмана и сам всегда говорил правду и ни разу еще не лгал. Кроме того, я рос очень впечатлительным — это у меня осталось и по сей день. Когда мне рассказывала моя бабушка на татарском языке и когда я сам читал на русском языке сказку «Братец Иванушка и сестрица Аленушка», я всегда плакал, хотя и знал о хорошем конце, плакал в тот период, когда ведьма сталкивает Аленушку в воду, а

сама обращается Аленушкой и настаивает князю резать козленочка.

Так вот, совершив в 1944 году варварское злодеяние, изгнав с родных земель малые народы, по-бандитски их ограбив, правительство прикрывалось ленинизмом. Я еще тогда в шестом классе 13 лет прочел статьи Ленина о национальном вопросе. Правда, тогда я много не понял, но меня мучил один вопрос — как могла ленинская партия так лгать. Нет, я не верил тому, что ленинская партия может лгать и лицемерить. Мои сомнения оправдались. Выселение малых народов — это не дело рук ленинцев, об этом я узнал из докладов и решений XX съезда КПСС.

Хорошо все это раскрыл в своей защитительной речи очень уважаемый мной Роллан Кадыев. Я его полюбил и во всем с ним согласен.

Так вот, письмо Владимира Ильича Ленина было зачитано Сталиным на XII съезде РКП(б) 23 апреля 1923 года, но он надеялся, что в данном вопросе Ленина мало кто поддержит, так как в России — большинство русских и до этого, когда в ЦК поднимался национальный вопрос, было очень много разногласий.

И вдруг... Бухарин, как главный теоретик партии, ранее говоривший против национальностей (по словам Сталина), и Раковский становятся на ленинскую позицию. Сталин, конечно, такого не ожидал и в своем заключительном слове по национальным мотивам в партийном и государственном строительстве на том же XII съезде набрасывается на Бухарина и Раковского и проводит новую линию, говоря, что Советская власть в первую очередь — это диктатура пролетариата и что «политической основой пролетарской диктатуры являются прежде всего и главным образом центральные районы, промышленные, а не окраины, которые представляют собой крестьянские страны. Ежели мы перегнем палку в сторону крестьянских окраин, в ущерб пролетарским районам, то может получиться трещина в системе диктатуры пролетариата. Это опасно, това-

рищи. Нельзя пересаливать в политике, так же как нельзя недосаливать. Следует помнить, что, кроме права народов на самоопределение, есть еще право рабочего класса (то есть великороссов, поправка Эминова) на укрепление своей власти, и этому последнему праву подчинено право на самоопределение», и даже «право на самоопределение не может и не должно служить преградой делу осуществления права рабочего класса на свою диктатуру», и так далее, дальше тоже.*

Так вот как «злой гений» направил ленинизм на ленинизм и начал уничтожение последнего. Он, опираясь вначале на «море великорусской шовинистической швали», начал косить проводников ленинской национальной политики, как националистов, затем кадры диктатуры господствующего класса на национальных окраинах, а затем уничтож[ил] ленинцев и в центре.

О полном уничтожении ленинской партии и создании своей партии Сталиным мы узнали после XX съезда. А возродилась ли сейчас ленинская партия и решен ли национальный вопрос в нашей стране по-ленински сейчас? Воскресла ли Алenuшка?

Я уверен, что этот суд не последний суд над нами. Наш суд будет вписан в суд истории. И тогда будут судить не только нас, находящихся сегодня на скамье подсудимых, но и всех участников этого процесса и даже тех, кто присутствует в зале, и тех, кто сейчас находится за пределами этого помещения. А как известно — это самый строгий и самый справедливый суд. Мы знаем, и еретиков судили на вполне законном основании, но сгорая на кострах, еретики уничтожали инквизицию. Джордано Бруно сожгли, но земля все же вертится.

У меня двое детей, и хотя бы ради них я сегодня должен говорить правду, быть сыном своего народа, оправдать то доверие, которое было мне оказано выдачей мандата, как представителю. И я не хочу, чтобы мои дети страдали за меня, стыдились носить мою фа-

* Сталин, Сочинения, т. 5, с. 265.

милию, как это произошло с сыном убийцы Лермонтова — Мартыновым, который из-за подлости своего отца мучился всю жизнь. Я не знаю судьбу отца, но я хорошо знаю историю его сына. И поэтому я должен быть до конца правдивым.

Уверенность моя [состоит] в том, что ничто не ускользнет от взора истории, тем более движение целого народа. Кроме того, [хотя] осужденных по нашей статье, дополн[ительно включенной] в Уголовный кодекс в 1966 году, не очень много в масштабах Союза, а эта статья еще привлечет к себе внимание историков.

Конечно, много говорить здесь не нужно было, мы все уже не дети и прекрасно понимаем суть этого процесса. У каждого своя совесть и каждый ею распоряжается по своему усмотрению. Можно было бы еще многое сказать, просто невозможно, и думаю, нет необходимости. Речи прокурора я касаться не буду, до меня об этом много и хорошо сказано, да и его речь ссылкой на апрельский Пленум говорит сама за себя. Очень оскорбительно было слушать гражданина прокурора, когда он нас обвинял в получении гривенников за информации, отправленные за границу. Зачем такое оскорбление, разве в деле есть какие-либо доказательства? Как может государственный обвинитель винить и наносить оскорбления, не имея никаких подтверждений? Вот это есть злобная клевета, и мне кажется, это не к лицу ему, не только как государственному обвинителю, но и как человеку.

Ну, много говорить не буду. Я оставляю решение нашей виновности на ваше усмотрение и вашу человеческую совесть.

Последнее слово Умерова Ризы

В этом зале мои товарищи, многие свидетели и защитники много говорили о событиях, приведших нас на скамью подсудимых. Думаю, для всех уже ясно, что если бы не было варварского выселения нашего народа

со своей Родины, если бы не было издевательств и национального неравноправия на местах ссылки, если бы наш вопрос был решен в соответствии с провозглашенными Лениным принципами национальной политики, не было бы этого процесса, не было бы десятков предыдущих политических процессов над крымскими татарами.

Я прошел всю войну. Из армии меня демобилизовали в 1946 году и сразу же выслали в Узбекистан. Мои родные же были высланы в 1944 году в Марийскую АССР. Я не мог с ними встретиться, так как выезд с мест спецпоселения грозил 25 годами каторжных работ.

Лишь после того, как в 1954 году сняли из-под комендантского надзора крымских татар — участников Отечественной войны и партизан, я смог встретиться с родными. Но отца уже не было в живых. Он умер от голода в 1948 году. От голода и лишений потибли многие мои родственники.

До 1956 года нас использовали как рабочий скот, лишая при этом самых элементарных прав.

За это ли я воевал на фронтах войны?

За это ли воевали жители моего, сожженного фашистами, села?

За это ли воевали тысячи крымских татар?

Решения XX и XXII съездов КПСС давали повод надеяться, что, наконец, будет восстановлена справедливость.

Крымскотатарским народом в центральные органы были направлены сотни тысяч писем и обращений с просьбой решить наш национальный вопрос. Такие письма и обращения писал и подписывал я тоже. Но вместо того, чтобы удовлетворить наши законные требования, нас преследуют.

Наш национальный вопрос передан на усмотрение органов КГБ, в рядах которого несомненно много людей, осуществлявших над нами жестокий комендантский надзор в 1944-56 годах. Они, так же как и в годы ко-

мендантского режима, хотят заставить нас смириться с произволом и неравноправием.

Мы не требуем ничего такого, что дало бы повод говорить о нас как о людях, добивающихся исключительных прав для крымскотатарского народа. Мы хотим вместе с русским, украинским и другими народами мирно жить и трудиться на своей земле, хотим восстановления былой автономии.

За это «преступление» меня уже девять, а моих товарищей еще больше месяцев содержат в подвалах КГБ и ТАШТюрьмы.

Я приношу благодарность своему народу за материальную и моральную поддержку, которую он оказывал нам и нашим семьям за все это время.

Эта поддержка вселяет в меня уверенность, что репрессии не испугают народ и что народ добьется решения своего вопроса.

Совесть моя чиста. Я законными средствами добивался справедливости. Если за это я буду осужден, то это уже на совести других.

Я спокойно жду приговор.

Последнее слово Байрамова Решата

Настоящий судебный процесс, который длится вот уже месяц без дня, подходит к концу. Этот процесс не только не изменил мои взгляды, но наоборот, укрепил мои убеждения. Я буду краток. Выступившие до меня мои товарищи сказали все то, что нужно было.

Осуществляя судебный процесс над очередной группой представителей крымскотатарского народа, партия и правительство еще раз демонстрируют свое отношение к требованиям более чем полумиллионного народа, предусмотренным международными хартиями и декларациями, проводя тем самым политику времен сталинизма.

Я внимательно старался слушать прокурора. Его выступления я частично касался в своей защитительной речи, и то, что я сейчас скажу, явится дополнением. В

своем выступлении прокурор, указав на меня и на моего товарища Роллана Кадыева, сказал: это люди буржуазной идеологии. Тем самым нашу деятельность по решению национального вопроса крымских татар он выдает чуть ли не за шпионскую. Ничего подобного в нашей деятельности не наблюдалось. Этим прокурор хотел нас противопоставить своему народу. Присутствующие в зале судебного процесса, да и не только присутствующие, довольно ясно представляют себе картину. И усилия ваши, гражданин прокурор, хотел бы я сказать — бесплодны.

В силу того, что решение крымскотатарского национального вопроса повлечет за собой последствия, партия и правительство переложили свои непосредственные функции на плечи КГБ. Когда я говорю *последствия*, я имею в виду привлечение к уголовной ответственности ряда должностных лиц, перечисленных в документах народа, за совершенные ими преступления в отношении моего народа. Органы КГБ выполняют в нашей стране полицейскую роль. О какой демократии можно говорить, когда за нами непрерывно следят. Зачем нас допрашивают о наших знакомых, о том, что мы делали год, два, три назад. Я говорю не о себе лично. Я признаю великую роль КГБ по охране государственной безопасности. Оснований для вмешательства в наше дело органов государственной безопасности нет. В свою очередь, я бы хотел сказать, чем дольше будет затягиваться положительное решение нашего вопроса, тем больше он будет обостряться.

И последнее: в своем заключении прокурор по поводу моего отказа от дачи показаний на судебном процессе заявил, что я будто бы хочу уйти от наказания. Любой приговор суда, будь это обвинительный либо оправдательный, я готов принять. То, что хочет услышать от меня прокурор, он не услышит. Состав преступления в нашем деле нет. Вина наша следствием и судом полностью не доказана. Я абсолютно не раскаиваюсь в

своих действиях, и когда я окажусь на свободе, буду продолжать борьбу, опять-таки с полным соблюдением законов.

Последнее слово Гафарова Ридвана

[Текст последнего слова Гафарова в материалах о ташкентском процессе отсутствует. Информация № 5 дает следующее резюме его последнего слова:]

В своем последнем слове Гафаров говорит о том, что прокурор просил всем максимальный срок наказания, что его не интересовало, «кто сидит перед ним».

«Суду нужны факты, но они не предъявлены суду в течение 11 месяцев» и «не знаю, в чем моя вина», — заявил Гафаров. Он говорит, что не мог понять, почему его изолировали, что составлено 20 томов, но в них никакого доказательства вины подсудимых нет.

Гафаров далее отмечает, что его судят за документы, за которые он уже отсидел срок, причем в этих документах нет клеветы, там требуются права крымско-татарскому народу.

Прокурор, прося осудить на три года, не знает и не хочет знать, кому он просит. Он говорит, что 10 лет служил в армии и возвратился не к себе домой в Крым, а в Узбекистан, что нужно обосновать виновность, а не голословно заявлять.

Он заканчивает свою речь тем, что «крымские татары требуют восстановления тех прав, которые они имели до войны».

«Я требую только справедливого решения национального вопроса», — говорит Гафаров в конце своего выступления.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ СУДА

4 августа 1969 г.

Последнее слово Языджиева Исмаила

[Языджиев прочитал в качестве последнего слова сочиненное им стихотворение. Информация № 5 сообщает о его выступлении следующее:]

Он говорит, что все в основном сказано в ходе судебного разбирательства, и поэтому просит зафиксировать в протоколе стихотворение, которое он прочтет в качестве последнего слова:

Уважаемые граждане судьи.

Десять «преступников» пред вами,
Но сердца их чистые, как алмаз.
Если тюрьмы построены для нас,
То для кого же Советская власть?!

Перевалило уж четверть века,
Народ Отчизны все еще лишен.
Нет в стране Советов запрета —
Жить в Отчизне привольно — закон.

Правда, справедливость — солнце и луна.
Прикрыть невозможно их рукой.
Народ — это родник вечный, живой:
Заместо меня станет другой.

Писать бы поэму о процессе —
Кругом решетка и надзор.
За счастье народное людей судить —
И преступленье, и позор!

Вам поручено изучить, определить:
Где преступления, где пути . . .
Одна дорога — ленинизм неизменный,
По другому пути мне не идти.

Скамья подсудимых за оградой.
За окнами зала — суховей.
Помнится сказка народная:
«Золотая клетка и соловей».

Вспомните сказку народную:
«Золотая клетка и соловей».

В день исполнения 7 месяцев тюремного заключения
27/VII-1969 г.

Вдобавок к высказанному моими товарищами, я хочу добавить: в ходе ознакомления с материалами следствия и наблюдения за судебным процессом, я пришел к твердому убеждению, что сидящие на скамье подсудимые, как и я, жестоко наказаны за счастье и радость крымскотатарского народа, ибо среди них я не вижу ни одного карьериста, ни одного шкурника или любителя легкой наживы. Поэтому я осуждаю действия творцов данного процесса. Так как то, что я смог, — высказал на суде, то, что мог, — передал суду для приобщения к делу или для обозрения, я свое заключительное слово, если можно высказаться, прижал под мощным духовным прессом.

Поэтому прошу суд зафиксировать в протоколе мое заключительное слово дословно. В качестве приложения, прошу вас употребленное мною слово преступники — взять в кавычки.

Последнее слово Хаирова Иззета

Граждане члены суда, как вы помните, в самом начале судебного процесса одним из моих ходатайств было ходатайство о действительной гласности суда. Поэтому мы просили, чтобы нас судили в большом и открытом зале, чтобы присутствовали не только близкие родственники, но и все желающие, чтобы народ знал, за что нас судят.

Что же получается сегодня? Зал, который вмещает 60 человек, прежде всего заняли люди из КГБ. Это сделано специально, чтобы скрыть правду от народа. Я заявляю категорический протест против этого. Я не против того, чтобы эти люди присутствовали, но когда зал может принять ограниченное число людей и не могут присутствовать даже наши родственники, я считаю это большим нарушением социалистической законности. Это еще один факт дискриминации, проводимой в отношении моего народа. Сейчас мы наблюдаем живой пример дискриминации. Прошу зафиксировать мои слова в протоколе.

А теперь разрешите перейти к своему последнему слову.

—1—

Граждане судьи! Данный судебный процесс подходит к завершению.

Прошло почти 11 месяцев с того дня, когда я и мои товарищи были брошены в тюремные застенки, по обвинению в изготовлении и распространении документов, порочащих советский государственный и общественный строй.

Почти семь месяцев продолжалось предварительное следствие, однако предъявленное нам обвинение так и не было доказано фактически. Напротив, следствие всячески уклонялось от экспертного исследования инкриминируемых нам документов, оно отказалось от исследования социально-политических причин возникновения этих документов, несмотря на то, что мы настаивали на этом. Оно не реагировало ни на одно наше заявление и ходатайство.

Грубейшим образом были нарушены наши процессуальные права. Восемь раз я обращался в прокуратуру республики с просьбой о встрече с прокурором по надзору, однако эти заявления не были удовлетворены, на них даже не ответили.

В довершение всего в апреле месяце 1969 года мы из следственного изолятора КГБ были переведены в Ташкентскую тюрьму и поставлены в такие условия, при которых исключалась всякая возможность подготовки к юридической защите на предстоящем судебном процессе.

Вот в такой обстановке мы предстали перед Верховным Судом Узбекской ССР в начале июля месяца сего года.

Граждане члены суда! Обвинение представило на ваше рассмотрение 20 с лишним томов с материалами следствия. Конечное слово определения степени дока-

зательственного значения этих материалов остается, безусловно, за вами. Я лишь позволю себе заметить, что сбор всего этого материала, его исследование и оценка на предварительном следствии носили весьма тенденциозный характер. В материалах дела вы не найдете ни одного документа, который свидетельствовал бы о стремлении следственных органов к выяснению причин, обстоятельств и мотивов, приведших к появлению документов, составление и распространение которых вменяются нам в вину.

Это не случайно. Ведь в самом деле, если бы следствие придерживалось требований статей 14, 17, 49 и 65 УПК УзССР и потрудились проверить достоверность событий и фактов, изложенных в инкриминируемых нам документах, то каждый из нас непременно был бы оправдан, а это явно не входило в задачи следствия, ибо оно преследовало иные цели — во-первых, изолировать меня и моих товарищей от общества за участие в национальном движении крымскотатарского народа, во-вторых, актами репрессий устроить тех, кто добивается восстановления национальных прав этого народа в рамках Советской конституции. Вот основные причины того, почему мы оказались на скамье подсудимых. Обвинение нас в клевете на советский государственный и общественный строй является вымышленным, не имеющим под собой никакой реальной почвы. Доказательством этого могут служить мои неоднократные ходатайства перед органами следствия и прокуратуры об изменении меры пресечения.

Я намеревался немедленно выехать в Москву и добиваться приема в ЦК КПСС. Я надеялся, что только там мне удастся на основании представленных материалов доказать невиновность своих товарищей и свою невиновность.

Я вынужден был отказаться от дачи показаний и прибегнуть к указанному выше шагу потому, что у меня не оставалось больше никаких сомнений в истин-

ных замыслах следственных органов. Однако все мои ходатайства были отклонены.

Слушая меня, вы можете подумать, граждане судьи: «Какая наивность со стороны подсудимого! Будто бы следственные органы и органы прокуратуры действовали сугубо по своему усмотрению, будто бы они не выполняли указания высших директивных инстанций.»

Я лично отказываюсь верить, что беззакония могут санкционироваться высшими партийно-правительственными инстанциями. Если же я заблуждаюсь, то отнесите это за счет моей наивности.

Но такая действительность была бы слишком печальной и слишком трагической.

— 2 —

Логическим продолжением тактики следственных органов явилась позиция, занятая государственным обвинителем здесь на судебном процессе. Прокурор, прежде всего, решительно встал против вызова свидетелей защиты, которые могли помочь суду разобраться в достоверности тех фактов и событий, которые были изложены в документах, вменяемых нам в вину.

Прокурор возражал и против привлечения экспертов для исследования существования этих документов.

Прокурор каждый раз обрывал меня и моих товарищей, когда мы намеревались выяснить у вызванных на суд свидетелей те или иные обстоятельства, те или иные вопросы, имеющие отношение к рассматриваемому делу и носящие принципиальный характер. К таким принципиальным вопросам я отношу, например, вопрос о фальсификации истории Крыма и крымских татар.

Прокурор возражал и против изменений режима содержания нас под стражей, хотя бы на время судебного процесса. Я и мои товарищи ходатайствовали об этом, чтобы нам были предоставлены хоть минимальные человеческие условия для подготовки к судебному процессу, ибо в до отказа переполненных камерах нет

никакой возможности для такой работы. Все это, конечно, не способствовало точному соблюдению норм законности.

С большим вниманием я прослушал обвинительную речь прокурора. Прежде всего следует отметить категорический, но совершенно нелогичный и необоснованный характер основных пунктов обвинения. Кроме того, эта речь изобиловала грубыми нападками на меня и моих товарищей. Но это и понятно. Там, где кончается логика в суждениях и действиях, там всегда начинаются грубость и произвол. Я не буду останавливаться на анализе речи прокурора. Это и не входит в мою задачу. Я лишь позволю себе остановиться на отдельных нападках на нас, ибо их никак нельзя обойти. Нельзя не ответить, например, на риторический вопрос государственного обвинителя: «Остается спросить у подсудимых, за сколько гривенников они продались западной пропаганде?»

Люди, продающие свои идеи, честь и совесть за деньги, бывают слишком хитры, большие приспособленцы и слишком дорожат своей персоной, чтобы попадаться на скамью подсудимых. Поэтому вам, гражданин прокурор, следовало бы искать их в среде той когорты так называемых «ученых» и «писателей», которые после варварского выселения целого ряда малых народов из их исконных территорий стали «научно» обосновывать сам факт высылки, стремясь подвести под ним теоретическую базу. В историографической и художественной литературе появились произведения, которые содержали злобные, клеветнические измышления на целый народ. Эти произведения издавались тиражами в десятки, сотни тысяч экземпляров, и не только на языках народов СССР, но и иностранных языках. Авторы их получали за это не гривенники, а чистоганом, в виде сталинских премий.

Одни называют писателей и историков совестью ми-

ра. Да, это так, если, конечно, писатель и историк правдивы и честны перед народом.

Другие именуют их памятью человечества. И это, разумеется, справедливо, если писатель и историк объективны перед историей и верны современности.

Но если писатель и историк сознательно идут на искажение исторической действительности, преследуя грязные политические цели, то их справедливо называют фальсификаторами. Такие люди подлежат строжайшему осуждению человечеством.

Как известно, XX съезд КПСС осудил культ личности Сталина и целый ряд исторических и политических акций, совершенных в эти годы. Одним из этих незаконных актов, как признал съезд, было огульное обвинение и необоснованное выселение малых наций и народностей. Таким образом, идеи и теории указанных выше авторов потерпели, казалось бы, крах, и они должны ответить перед малыми народами за свою клевету. Однако, никто из них не предстал перед Законом и не понес никакой ответственности.

Вот у кого следовало бы спросить — какой же капитал они нажили за предательство интересов марксистско-ленинской национальной политики, за [дискредитацию] политики Советского государства в национальном вопросе перед всем социалистическим и капиталистическим миром.

Далее в своей речи государственный обвинитель сказал: «Любое так называемое обращение, любая информация содержат злобную клевету на наш общественный и государственный строй».

Подтвердились худшие мои предположения. Государственный обвинитель не только не обосновал этот пункт обвинения с научной точки зрения, а напротив, всеми способами постарался обойти вопрос об исследовании и проверке фактов и событий, изложенных в документах, которые он называет «клеветническими». Именно в предчувствии, что прокурор так и поступит, я и вы-

нужден был еще в начале следствия просить его, чтобы он научно обосновал все пункты выдвинутого обвинения.

Однако кроме голословных утверждений о том, что любые обращения нашего народа, любые информации носят клеветнический характер, ничего в обоснование этих утверждений не было приведено. Это и понятно. Ведь именно в этой части позиции государственного обвинителя наиболее слабы. Научное обоснование криминальности документа прежде всего предполагает проверку достоверности фактов и событий, изложенных в этом документе. А что может служить лучшим оправданием подсудимых, чем установление этой достоверности.

Государственный обвинитель здесь прибегнул к недозволённому законом приему — опирался на показания свидетелей обвинения, которые вообще не были вызваны на суд. А тех свидетелей, о вызове которых ходатайствовали подсудимые, он отклонил.

Думаю, подобная позиция государственного обвинителя не требует комментария: каковы цели, таково и подспорье.

Каждому, хоть сколько-нибудь критически мыслящему человеку стало ясно, что обвинение построено на софизмах, с явным намерением навязать суду недоказуемые вещи.

— 3 —

В одном государственного обвинителя, пожалуй, прав. До сих пор нерешенный крымскотатарский национальный вопрос становится известным не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Но обвинять в этом нас, подсудимых, или любых других честных лиц было просто несправедливо и необъективно.

Крымскотатарская национальная проблема — эта не иголка, которую можно было бы спрятать в стог сена. Современное человечество выработало такие методы и

такие средства обмена информацией, что любая, хоть сколько-нибудь значительная информация получает в своем распространении молниеносный и глобальный характер.

Наша страна не отгорожена от остального мира железным занавесом... Вся ее общественно-политическая, экономическая и культурная жизнь во всех своих проявлениях известна всему миру, точно так же, как мы, советские люди, непрерывно получаем информацию о жизни других стран мира.

Например, раскрыв газету «Правда Востока» № 176 за 31 июля 1969 г., наше внимание останавливается на статье под заголовком «Ходоки у резиденции Мао». В этой статье говорится:

«Иностранные корреспонденты отмечают, что в последнее время в бывшем «запретном городе» Чжуннаньхае (район Пекина, где сосредоточены императорские дворцы и где находится резиденция Мао Цзэ-дуна) наблюдается скопление делегаций от населения различных провинций.

Ходоки располагаются прямо на улице перед воротами центральной части Чжуннаньхая. Они прибывают в столицу, чтобы изложить свои жалобы на произвол маоистских властей на местах. Но никто их не принимает. Единственное, что предприняли пекинские власти в связи с наплывом делегаций, — это усилили охрану Чжуннаньхая. Сюда посланы дополнительные отряды...

Не дождавшись приема и не найдя правды в Пекине, делегации покидают столицу, оставляя на стенах свои жалобы, написанные от руки на больших листах бумаги.

Приезжие из провинции Хунань сообщают о «безобразиях в городах и в сельской местности». В этой жалобе хунаньцев говорится также, что в «ревкомах», которые правят присланные из Пекина люди, происходит междоусобица и что это нужно местным руководите-

лям, чтобы «ловить рыбу в мутной воде» и «безнаказанно помыкать народом».

Представители населения, приехавшие из Гуйчжоу и других провинций, указывают на «серьезные беспорядки» и «неспокойную жизнь», в чем они винят местную администрацию, состоящую в подавляющем большинстве из военных.

Жители провинций жалуются также на грабежи и полную безнаказанность уголовных преступников (ТАСС).»

Я не хочу делать какие-либо сравнения и аналогии, а лишь скажу: если бы в Пекине не происходили указанные выше события, то не было бы и этой информации, не совсем лестной для престижа Пекина.

Для каждого государства, общественно-экономический и политический строй которого по современным понятиям может быть отнесен к разряду прогрессивных, немаловажным является вопрос о сохранении и упрочении престижа в своей внешней и внутренней политике.

С этой целью, как подсказывает логика, возникает необходимость устранять все те причины и факторы, которые тем или иным путем подрывают этот престиж.

В современном мире, когда идет непримиримая борьба двух идеологий, этот вопрос приобретает первостепенное значение.

Одним из факторов, дискредитирующих национальную политику Советского государства, является крымскотатарский национальный вопрос, решение которого по официально неизвестным мотивам до сих пор откладывается, а сам крымскотатарский народ подвергается насильственной ассимиляции на местах спецпоселений.

И как ни парадоксально — это происходит в стране, строящей коммунизм. Ни Конституция, ни программные решения правящей коммунистической партии никогда не предусматривали и не предусматривают в нашей стране то положение, в котором сегодня оказа-

лись крымские татары. Напротив, именно на основе законов Советского государства, на основе программных решений КПСС акты игнорирования национальных чаяний и стремлений моего народа могут быть осуждены самым решительным образом, ибо эти акты порочат советский общественный и государственный строй, дискредитируют этот строй перед глазами всего прогрессивного человечества.

Поэтому я считаю, что допущенные в прошлом и сохраняющиеся по настоящее время грубейшие нарушения национальных прав моего народа должны быть устранены как можно скорее. Для этого имеются все предпосылки.

— 4 —

Да, граждане судьи, повторяю, для решения крымскотатарского национального вопроса и для восстановления Декрета В. И. Ленина от 18 октября 1921 года имеются все предпосылки и возможности. Необходимы только желание и добрая воля.

К основным из этих предпосылок я отношу прежде всего:

1. Прогрессивный характер советского государственного и общественного строя.
2. Несовместимость национального положения, в котором все еще находится мой народ, с духом этого строя, с его конституционными положениями.
3. Неуклонное стремление крымскотатарского народа жить и трудиться на своей исконной национальной территории — в Крыму и развивать все то, что характеризовало бы его как социалистическую нацию.

Именно эти национальные чаяния породили движение моего народа.

Однако, в нарушение соответствующих международных и внутригосударственных правовых норм, в стремлении во что бы то ни стало подорвать это конституционное движение, в последние годы по отношению к

крымским татарам, добивающимся решения своего национального вопроса, был предпринят целый ряд актов репрессивного характера.

Так, например, только в Узбекистане, где проживает основная масса крымских татар, было проведено около двух десятков судебных процессов над моими соотечественниками за их участие в национальном движении.

Десятки коммунистов исключены из рядов партии за то же самое. Всем им предъявлялись стандартные обвинения — такие же, какие предъявлены нам, сидящим на скамье подсудимых.

Основная роль в борьбе с развивающимся национальным движением моего народа отводится органам КГБ и МВД, прокуратуры и суда.

В то же время под эти незаконные акты делаются попытки подвести научную базу. Так, общенациональное движение крымскотатарского народа выдается за движение отдельной незначительной прослойки населения, а само движение именуется «автономистским», активных участников движения именуют «автономистами», «портфельистами», «авантюристами» и т. д.

За последние полтора года предпринимаются попытки натравить одну часть крымскотатарского населения на другую, что, к счастью, не дает никаких результатов для организаторов этой авантюры. Все это, естественно, все более и более обостряет обстановку, создающуюся вокруг крымскотатарского национального вопроса.

Подобная обстановка не может способствовать укреплению социалистической законности и соблюдению демократических свобод граждан. В связи с этим, в соответствии со статьей 51 Конституции СССР, перед нашим народом возникает необходимость просить Верховный Совет СССР назначить следственную комиссию для расследования тех многочисленных фактов нарушения Конституции СССР, которые допускаются по сей день в Крыму, Москве и Узбекистане по отношению к крымским татарам.

В задачах партии в области национальных отношений сказано:

«Все вопросы национальных взаимоотношений, встающие в ходе коммунистического строительства, партия решает с позиций пролетарского интернационализма, на основе неуклонного проведения ленинской национальной политики...

Партия будет по-прежнему проводить политику, обеспечивающую фактическое равенство всех наций, народностей, с полным учетом их интересов...

... добиваться дальнейшего всестороннего расцвета социалистической культуры народов СССР...

... обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке...

... последовательно проводить и впредь принципы интернационализма в области национальных отношений...*

В свете этих задач наиболее разумным и законным выходом из создавшегося положения в крымскотатарском национальном вопросе является неотложное его решение под непосредственным контролем Центрального Комитета партии и Советского правительства.

Для конкретной разработки плана мероприятий по организованному возвращению и планомерному заселению всех желающих вернуться на Родину крымских татар необходимо выделить специальную партийно-правительственную комиссию, с участием в ее составе и представителей, выдвинутых нашим народом, которые по своему интеллектуальному и политическому уровню полностью удовлетворяли бы необходимым для участия в таких комиссиях требованиям и пользовались бы полным доверием со стороны татарского населения.

Мы отчетливо представляем себе те отдельные техни-

* Из Программы КПСС 1961 г.

ческие трудности, которые неизбежно возникнут в связи с возвращением крымских татар в Крым. Наиболее существенными из этих трудностей, на наш взгляд, являются следующие:

1. Дефицит в квалифицированной рабочей силе, который может возникнуть в промышленности и сельском хозяйстве тех районов страны, где в настоящее время сконцентрировано крымскотатарское население.
2. Проблемы, связанные с трудовым и жилищным устройством возвратившегося в Крым коренного населения — крымских татар.
3. Проблемы идеологического и психологического характера.

Однако все эти проблемы могут быть преодолены при условии серьезного и всестороннего обдуманного подхода к их решению.

Одним из средств преодоления этих проблем является организованное, планомерное и поэтапное переселение, которое может быть рассчитано на определенное, разумно-необходимое время. Поэтапное переселение исключает возможность возникновения дефицита в рабочей силе, так как постепенно убывающая рабочая сила непрерывно восполняется за счет вновь прибывающей из других союзных республик.

Поэтапное переселение облегчит и задачи, связанные с трудовым и жилищным устройством в Крыму.

Одним из важнейших и необходимых факторов является партийно-идеологическая работа, как в районах нынешнего проживания крымскотатарского населения, так и в Крыму среди русского и украинского населения. Это прежде всего необходимо потому, что души и сознание людей в течение четверти века были отравлены шовинистической пропагандой. Потребуется определенное время, чтобы вытравить из сознания людей тяжелые отпечатки этой пропаганды.

Неоценимую помощь в этой благородной работе мог-

ли бы оказать коммунисты-крымские татары, а также наиболее передовая и сознательная часть рабочих, колхозников и интеллигенции из среды крымских татар.

Большую помощь в работе партийно-правительственной комиссии, о которой я говорил выше, могли бы оказать наши инициативные группы, в которые входит наиболее активная и сознательная часть рабочих, колхозников и интеллигенции крымскотатарского народа.

Граждане судьи! Все изложенное мной выше в части, касающейся практического решения крымскотатарского вопроса, является первым и важнейшим шагом.

Второй важнейший вопрос — это вопрос возрождения государственности моего народа. Я не останавливаюсь на изложении своих взглядов по данному вопросу, ибо для их раскрытия и обоснования требуется основательная работа, что, к сожалению, я физически не смог проделать в тюремных застенках. Но ясно одно, вопрос о государственности должен решаться, исходя из принципов ленинской национальной политики.

—6—

Заканчивая свое выступление, я еще раз хочу подчеркнуть, что ни я, ни мои товарищи ни в чем не виновны, вы нас судите лишь за то, что мы активно боролись за национальные права своего народа. В течение 11-месячного пребывания в тюремных застенках я имел возможность критически проанализировать и оценить все свои действия и поступки в прошлом. Я не нашел в них ничего преступного. Напротив, я еще более убедился в том, что наше национальное движение, направленное на возвращение на Родину и восстановление своей национальной государственности в рамках Советской конституции, является законным и справедливым, и участие в этом движении никак не может быть преступным.

Если бы мне пришлось начать жизнь заново, то я, не

колеблясь, по-прежнему встал бы на защиту интересов своего народа. Это ни в коем случае не означает, что я смотрю на действительность с узконационалистических позиций. Наоборот, по убеждениям я интернационалист. Но никак не возможно любить и уважать все другие нации и народности, если ты прежде всего не любишь тот народ, который тебя породил, вскормил и воспитал. А любить — значит быть верным.

Эту верность к моему народу я сохраняю в своем сердце и впредь буду сохранять.

Я не знаю, как сложится моя жизнь в дальнейшем, но я твердо знаю одно — я всегда буду со своим народом, всегда готов разделить все его горести и все его радости.

Поэтому я и впредь готов бороться за полное восстановление национальных прав моего народа, считаю, что ни один честный человек, будь это крымский татарин или гражданин другой национальности, не может оставаться в стороне от этой благородной борьбы. Именно в этом я усматриваю истинный смысл интернационализма. На прошедшем совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в числе других делегаций делегация нашей коммунистической партии заявила:

«Мы, коммунисты, вновь обращаемся ко всем честным людям земли с призывом объединить усилия в борьбе с человеконенавистнической идеологией и практикой расизма. Мы призываем развернуть самое широкое движение протеста против постыднейшего явления современности — варварского преследования 25-миллионного негритянского населения в США, против расистского террора в Южной Африке и в Родезии, против преследования арабского населения на оккупированных территориях и в Израиле, против расовой и национальной дискриминации, сионизма и антисемитизма, которые разжигаются капиталистическими реакционными силами и используются ими для политической дезориентации масс.

Империализм использует расизм в целях разобщения народов и сохранения своего господства. Широкие народные массы отвергают расизм и могут быть вовлечены в активную борьбу против него. В ходе своих выступлений они смогут понять, что искоренение расизма тесно связано с борьбой против империализма в целом, его идеологических устоев.

Интересы борьбы против империализма, стремящегося подавить основные свободы человека, требуют неустанной борьбы в защиту и за завоевание свободы слова, печати, собраний, демонстраций и организаций, за равноправие всех граждан, за демократизацию всех сторон общественной жизни. Необходимо давать твердый отпор любым попыткам реакции свести на нет, в том числе путем антинародного законодательства, демократические права и свободы, завоеванные в ходе упорных классовых битв. Надо систематически выступать как в национальном, так и в международном плане за спасение патриотов и демократов, над которыми нависла угроза смерти, против судебного произвола в отношении коммунистов и других патриотов; необходимо бороться за освобождение патриотов и демократов, томящихся в тюрьмах, и отстаивать право на политическое убежище.

Мы, коммунисты, выступаем против любых форм угнетения наций и национальных меньшинств, высказываемся за то, чтобы каждая нация или национальная группа развивала собственную культуру и язык, и мы твердо защищаем право всех наций на самоопределение...

Участники Совещания убеждены, что эффективность политики каждой коммунистической партии зависит от ее успехов в своей стране и от успехов других братских партий, от степени их сотрудничества. Каждая коммунистическая партия ответственна за свою деятельность перед своим рабочим классом и народом и в то же время — перед международным рабочим классом.

Национальная и интернациональная ответственность каждой коммунистической и рабочей партии нераздельна. *Марксисты-ленинцы являются одновременно и патриотами, и интернационалистами, они отвергают и национальную узость, и отрицание или недооценку национальных интересов, и тенденцию к гегемонизму.* Коммунистические партии — партии рабочего класса и всех трудящихся являются вместе с тем знаменосцами подлинных национальных интересов в противоположность реакционным классам, которые эти интересы предают. Величайшим вкладом коммунистической партии, борющейся в условиях капитализма, в дело социализма и пролетарского интернационализма будет завоевание власти рабочим классом и его союзниками.»*

Во всей своей дальнейшей деятельности, в части, касающейся национального вопроса, я буду руководствоваться этим программным заявлением. По моему убеждению, ни один коммунист не имеет права уклониться или стоять в стороне от решения этой задачи.

Еще на заре человечества были рождены великие идеи свободы, равенства, братства и счастья для всех людей земли. Эти идеи стали символом борьбы прогресса против тьмы и насилия.

Я желаю, чтобы идеи Свободы, Равенства, Братства и Счастья нашли свое воплощение и в решении судьбы моего малого по численности, но великого в своей непреклонной стойкости и любви к родной земле народа.

Последнее слово подсудимого Кадыева Роллана

Подошел к концу судебный процесс над представителями полумиллионного народа, по заверению Указа от 5 сентября 1967 года «укоренившегося на территории Узбекистана и других социалистических республик», но, вопреки этому, почему-то не желающего признать себя укоренившимся и отстаивающего свое право этнической принадлежности крымскотатарской националь-

* Правда, 18. 6. 1969.

ности и право организованного возвращения на национальную Родину, в Крым, с восстановлением государственности.

Июль 1969 года навсегда запечатлится в моей памяти хотя бы потому, что судебный процесс не мог не играть и определенной воспитательной роли — из этого зала я вынес чувство большого сожаления.

Ни предварительное расследование, ни судебный процесс не могли поколебать мою убежденность в правоте и справедливости моих действий и поступков, не говоря уже о справедливости чаяний и требований моего народа и законности его национального движения.

Поэтому я глубоко сожалею лишь о том, что не был в той мере достаточно активным в этом движении, не был в той мере достаточно полезным своему народу, в какой мог бы быть, если бы мне вдруг предоставилась возможность прожить свою жизнь заново.

Вместе с тем судебный процесс послужил и наглядным уроком, продемонстрировавшим экстремистскую политику воинствующего шовинизма, не останавливающегося ни перед чем в своей попытке подорвать справедливое движение крымскотатарского народа и расправиться с его законными представителями.

Как в зеркале, политика истинных организаторов судебного процесса отразилась в ходе предварительного расследования, в позиции прокурора на процессе и наиболее ярко в обвинительной речи последнего.

Никакой попытки разобраться в существе так называемого преступления; никакого научного, хотя бы с точки зрения юриспруденции, обоснования обвинения; никакого исследования фактов и событий, описанных в инкриминируемых подсудимым документах; никакого анализа мотивов и обстоятельств «преступления»; никакого исследования социальных причин, приводящих на скамью подсудимых все новых и новых представителей крымскотатарского народа и, в частности, нас; никакого дифференцированного подхода для выявле-

ния степени виновности подсудимого — ничего этого мы не услышали в речах государственного обвинителя. Зато слышали злобные и необоснованные выпады как в адрес подсудимых, так и в адрес того народа, к представителям которого мы имеем честь принадлежать.

Деятельность уполномоченных представителей народа, отстаивающих вместе со своим народом общественный и государственный строй в борьбе с врагами конституционных гражданских и национальных прав и свобод крымскотатарского народа, государственный обвинитель охарактеризовал как прямое проявление подрывной идеологической деятельности империализма.

Можно ли придумать большую нелепость?

Не задумываясь по существу, прокурор в своей речи представил меня как неблагодарного за то, что мне было дано бесплатное образование и доверена работа в высшем учебном заведении.

Да, я получил образование, но не только мне, но и любому крымскому татарину понятно, каких усилий и трудов, а порой и унижений, стоило пробиться в вуз человеку с клеймом «изменника родины».

Поколение чуть постарше меня почти целиком оказалось за порогом знаний, потому что после большой смертности в первые годы ссылки и в условиях нищеты представители этого поколения становились чуть ли не единственными кормильцами семей и занимались отысканием средств к существованию.

Немногим моим сверстникам, соплеменникам, удалось перейти границы среднего образования, хотя бы потому, что на нас распространялись комендантские ограничения в передвижении и выезде. Те же, кто по счастливой случайности проживали в городах, имевших вузы, в конечном итоге оказывались за бортом высшего образования, в большинстве случаев из-за национального происхождения.

Далеко не лучшим образом обстоит дело и с новым поколением, вступающим в жизнь. Льготы при поступ-

лении в вузы, предоставляемые коренным жителям и представителям национальных меньшинств, не распространяются на «граждан татарской национальности, ранее проживавших в Крыму» в Узбекистане.

Я сам неоднократно член приемной комиссии в вузы, а потому довольно хорошо знаком с этой ситуацией.

Итак, государственный обвинитель упрекнул меня в неблагодарности за полученное образование.

Коль скоро на чашу весов Фемиды прокурором было брошено то, что я получил бесплатно, почему же тогда пустует вторая чаша, куда следует положить все недополученное мною и отнятое у меня.

Пусть сама Фемида и определит, какая чаша перетянет!

Разве у меня не отняли Родину, штыком подняли из детской кровати и бросили в вагон для скота, чтобы под конвоем доставить в места ссылки?

Разве моего народа, а следовательно и меня, не лишили национальной государственности?

Разве не надругались над моей честью, дав мне клеймо изменника Родины, от которого всю жизнь страдал и страдаю не только я, но и мои дети. Разве у меня не украли мое детство?

«Спасибо великому Сталину за мое счастливое детство», — пели сверстники из других национальностей и читали такие плакаты.

Кого и как я должен благодарить за свое «счастливое» детство?

Разве у меня не отняли души тысяч моих сородичей, погибших в первые годы ссылки?

Разве у меня не отняли возможность учиться в школе на родном языке?

Разве у меня не отняли возможность изучения культурного, исторического, архитектурного и прочих наследий моего народа?

И разве можно перечислить все то, что отнято у меня и не возвращено до сих пор?

И разве можно эту полную материальную чашу весов перевесить одним лишь решением апрельского Пленума об усилении идеологической борьбы, как это пытался сделать прокурор, и насколько демагогически прозвучала фраза обвинительной речи «разве патриоты отвергают Родину?».

Не мы отвергаем Родину, а Родина отвергает нас.

Родина отвергла нас в 1944 году, выбросив с родной земли в ссылку.

Родина отвергла нас в 1945 г., ликвидировав национальную государственность нашего народа.

Родина отвергла нас в 1956 году, заменив режим ссылки на режим высылки.

Родина отвергла нас в 1967 году, отобрав у нас имя крымского татарина и признав «укоренившимися» на местах ссылки.

Родина отвергла нас и сегодня, посадив на скамью подсудимых лишь за то, что мы не могли смириться с положением отверженных.

Десять различных подсудимых перед вами, различных и по возрасту, и по социальному положению, и по характеру.

Так что же могло привести на эту скамью столь различных людей, какой-нибудь год назад и не знавших друг друга, а некоторых только на процессе познакомившихся друг с другом, но ставших бесконечно близкими друг другу.

Прежде всего это то горе, которое мы испытали и переживаем вместе со своим народом — горе изгнанника с родной земли.

Но главным образом это то, что к нашей чести, как и чести всего крымскотатарского народа, политическое самосознание которого выросло как никогда, мы в этом общем горе вынесли не «недовольство существующим общественно-государственным строем», как неуклюже

это пыталась представить обвинительная сторона, а вынесли единое понимание счастья — «счастье — это жизнь на родной земле», и единое стремление добиться этого счастья, несмотря ни на гонения, ни на избиения, ни на террор. «Счастлив тот, чье сердце за Родину бьется».

Разве языком комитетов государственной безопасности, прокуратур, милиций и судов сломить волю и единство народов?

И мы, представители этого народа, в своих обращениях в советские и партийные органы требовали выбросить этот язык, вытщенный из арсеналов царской охранки, из сталинского НКВД и сменить его на язык Правды и Справедливости. И как же Правда и Справедливость могут оценить часть обвинительной речи о мере наказания, если газета «Правда» от 2 и 10 марта 1969 года известила читателей:

«Недавно фашистский верховный суд подтвердил приговор, вынесенный И. Медине Сидонии мадридским трибуналом. В соответствии с этим приговором она осуждена на тюремное заключение сроком на один год за организацию демонстраций».

«Произвол в Испании». «Мадридский трибунал общественного порядка приговорил семь человек к тюремному заключению сроком от 6 месяцев до 1 года и штрафу в 10 тысяч песет... Всем приговоренным предъявлено обвинение в ведении пропаганды, направленной против правительства.»

И я уверен в том, что если бы самой Правде и Справедливости пришлось бы определить чемпионов в преследовании народных стремлений и движений, то пальма первенства была бы вручена истинным организаторам этого судебного процесса, не постеснявшимся запросить от двух до трех лет лишения свободы фактически лишь за участие подсудимых в национальном движении крымскотатарского народа.

И если этот суд имеет совесть и стыд, и если этот суд способен отличить мрак от света, и если столь вы-

сокий суд олицетворяет собой Фемиду, то приговор, вынесенный судом, может быть только оправдательным.

И тысячу раз был прав депутат большевистской фракции Государственной Думы крымский татарин Медиев, заявив:

«Народные стремления нельзя погасить ни роспуском, ни военно-полевой юстицией, ни исключительными положениями, ни законоположениями на основе 87-й статьи...

Нельзя сказать солнцу — стой, солнце! и командовать луне — стой, луна!»*

Да здравствует Свобода!

Крым — Родина крымских татар !!!

Приложение: Замечания на протокол судебного заседания подсудимого Хаирова И. С. — 30 июля 1969 г.

I. В протоколе судебного заседания мое заявление об отводе прокурору зафиксировано не полностью. Полный текст заявления прошу считать так:

Исходя из сложившихся обстоятельств, я вынужден заявить отвод государственному обвинителю. Данное решение продиктовано следующими мотивами:

1. Государственный обвинитель дал заключение против проверки и исследования фактического материала, касающегося крымскотатарского национального вопроса, который послужил основанием для появления документов, которые инкриминируются мне и моим товарищам.

2. Государственный обвинитель дал заключение об отклонении моего ходатайства и ходатайства моего адвоката по поводу вызова дополнительных свидетелей посредством которых мы имели бы возможность доказать достоверность изложенных в документах фактов и событий.

Тем самым, на мой взгляд, государственный обвинитель пытается увести суд от выяснения обстоятельств,

* Гос. Дума, 1907 год, сессия вторая, т. I, СПб. 1907, с. 1788-89.

способствовавших совершению мной и моими товарищами «преступления».

Это является прямым нарушением ст. ст. 14 и 49 УПК УзССР и Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5/VII-69 г.

II. На странице 37, т. I протокола судебного заседания вкралась техническая ошибка: Вместо «я этого просил у секретаря партбюро Комитета стандартов — Сергеева» следует читать: «... у секретаря партбюро комитета стандартов — Федорова А. Е.»

На странице 43, том II протокола судебного заседания вместо «В основном выступали за искажение ленинских идей», следует читать: «В основном выступали против искажения ленинских идей.»

На странице 46, том II протокола судебного заседания записано: «Хаиров заявил протест против высказываний прокурора в адрес свидетеля Трасинова и как бы оказывал влияние на суд и на показания свидетеля.»

По поводу действий прокурора в процессе допроса свидетеля Трасинова мной сделано следующее заявление:

«Я заявляю протест в адрес государственного обвинителя, пытающегося оказать давление на свидетелей, в стремлении повлиять на даваемые ими показания.

Я вторично заявляю протест против попыток государственного обвинителя увести суд в сторону от расследования истинных причин, приведших меня и моих товарищей на скамью подсудимых, против попыток оказать давление на суд.»

(Хаиров)
30/VII-1969 года.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ СУДА

5 августа 1969 г.

П Р И Г О В О Р

Именем Узбекской Советской Социалистической
Республики

5 августа 1969 года

г. Ташкент

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Узбекской ССР в составе: председательствующего САЙФУТДИНОВА, народных заседателей ИСМАНДИЯРОВА и САМОЙЛОВОЙ, при секретарях АПЛЕТАЕВА и ЧЕРНОВОЙ, с участием зам. начальника отдела по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел Прокуратуры УзССР — советника юстиции ЕРЫКАЛОВА, адвокатов МОНАХОВА, ЗАСЛАВСКОГО и САФОНОВА в открытых судебных процессах в зале Ташкентского городского суда, начиная 1 июля 1969 года рассмотрела уголовное [дело] в 20 томах по которому:

1. БАЙРАМОВ Решат — 1943 года рождения, уроженец д. Камышлык, Белогорского района Крымской области, татарин, холост, на иждивении престарелая мать, ранее не судился, работал электромонтером, проживал в г. Мелитополе, предан суду по ст.ст. 190-1 УК РСФСР, 187-1 УК Украинской ССР. Содержится под стражей с 13 сентября 1968 года.
2. БАРИЕВ Айдер — 1938 года рождения, уроженец дер. Кокиус, Куйбышевского района Крымской области, татарин, гражданин СССР, беспартийный, со средним образованием, женат, на иждивении двое малолетних детей, ранее не судился, в последнее время нигде не работал, проживал в городе Чирчике УзССР, предан суду по ст.ст. 191-4 УК

УзССР и 190-1 УК РСФСР. Арестован 13 сентября 1968 года.

3. АМЕТОВА Светлана — 1941 года рождения, уроженка гор. Ташкента, татарка, гражданка СССР, беспартийная, с средним медицинским образованием, в последнее время работала в Ново-Григорьевской больнице Херсонской области, разведенная, на иждивении сын — Митин Виталий, 7 лет, ранее не судившаяся, предана суду по ст. 190-1 УК РСФСР. Арестована 23 сентября 1968 года.
4. ХАЛИЛОВА Мунире — 1945 года рождения, уроженка пос. Усть-Гаревая, Красновишерского района Пермской обл., татарка, гражданка СССР, беспартийная, одинокая, на иждивении имеет престарелую мать, со средним медицинским образованием, работала в Бекабадской горбольнице, ранее не судимая, предана суду по ст. 190-1 УК РСФСР. Арестована 13 сентября 1968 года.
5. УМЕРОВ Риза — 1920 года рождения, уроженец дер. Авджиной, Бахчисарайского района Крымской области, татарин, гражданин СССР, с 5-классным образованием, женат, ранее не судился, работал электросварщиком Ташкентской ГРЭС, предан суду по ст.ст. 187-1 УК Украинской ССР, 191-4 УК Узбекской ССР и 190-1 УК РСФСР. Арестован 28 октября 1968 года.
6. ЭМИНОВ Руслан Якубович — 1939 года рождения, уроженец г. Симферополя, татарин, гражданин СССР, женат, двое детей в возрасте 2 и 7 лет, беспартийный, со средне-техническим образованием, работает старшим прорабом СУ 255 стройтреста № 9 «Главташкентстроя», ранее не судим, предан суду по ст.ст. 191-4 УК УзССР и 190-1 УК РСФСР. По делу под стражей, до суда не содержался.
7. ХАИРОВ Иззет Серверович — 1938 года рождения, уроженец г. Корбек, Алуштинского района Крымской области, татарин, гражданин СССР, с

- неоконченным высшим техническим образованием, женат, двое малолетних детей, исключен из рядов КПСС в связи с данным уголовным делом, ранее не судим, работал в Комитете мер и измерительных приборов при Совете Министров УзССР, предан суду по ст.ст. 191-4 УК Узбекской ССР и 187-1 УК Украинской ССР. Арестован 13 сентября 1968 года.
8. КАДЫЕВ Роллан Кемалович — 1937 года рождения, уроженец г. Симферополя, татарин, гражданин СССР, с высшим физико-математическим образованием, женат, на иждивении трое малолетних детей и престарелая мать, беспартийный, ранее не судим, в последнее время не работал, до этого работал преподавателем в Самаркандском госуниверситете, предан суду по ст.ст. 191-4 УК Узбекской ССР, 187-1 УК Украинской ССР и 190-1 УК РСФСР. Арестован 8 октября 1968 года.
9. ГАФАРОВ Ридван — 1915 года рождения, уроженец г. Симферополя, татарин, гражданин СССР, с 5-классным образованием, женат, беспартийный, инвалид 11 группы, в феврале 1967 был осужден к одному году лишения свободы по ст. 191-6 УК УзССР, наказание отбыл, проживал в городе Ангрене, арестован 13 сентября 1968 года. Предан суду по ст. 191-4 УК УзССР.
10. ЯЗЫДЖИЕВ Исмаил Мустафаевич — 1920 года рождения, уроженец д. Корбет, Алуштинского района Крымской области, татарин, гражданин СССР, женат, беспартийный, ранее не судился, со средним образованием, работал каменщиком передвижной механизированной колонны № 1 стротреста № 15, проживал на ст. Красногвардейск, Самаркандской области, арестован 27 декабря 1968 года. Предан суду по ст.ст. 191-4 УК Узбекской ССР, 203-1 УК Таджикской ССР и 190-1 УК РСФСР.

Проверив материалы предварительного следствия, выслушав показания подсудимых, свидетелей и других участников процесса суд нашел

у с т а н о в л е н н ы м :

Подсудимые Байрамов, Бариев, Кадыев, Аметова и Халилова с осени 1967 года до сентября 1968 г., имея между собой преступную связь, систематически изготовляли и распространяли в отпечатанной на пишущей машинке форме заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй.

Находясь по месту своего жительства или выезжая в г. Москву они встречались между собой, совместно обсуждали предварительно изготовленный вариант измышления, вносили коррективы, одобряли и подписывали текст. Затем документ размножался на пишущей машинке и распространялся среди широкого круга лиц.

Так, подсудимый Байрамов, находясь в г. Москве в январе и феврале месяцах 1968 г. лично изготовлял первоначальные варианты «Информации № 60 и 61», в мае 1968 г. — «Информацию № 68» и так называемую «Экстренную информацию». В августе того же 1968 года он — Байрамов изготовил, размножил и распространял клевету под названием «Геноцид в политике правительства Советского государства» и «Открытое письмо».

Кроме личного изготовления выше названных шести документов, он же Байрамов был соавтором при изготовлении, активным участником размножения и распространения так называемой «Траурной информации № 69», «Информации № 70 и 71», «Обращения крымскотатарского народа к открывающейся 25 июня 1968 г. сессии Верховного Совета СССР», «Инициаторам г. Чирчика», «Обращения к мировой общественности».

Все эти документы составлялись в г. Москве. Байрамов принимал участие при их обсуждении, одобрял содержание и подписывал.

В июне 1968 г. в том же г. Москве Байрамов совместно с подсудимыми по делу Бариевым, Халиловой и Аметовой изготовили в 4 экземплярах письмо «Генеральному Секретарю Организации Объединенных Наций», возводя очередную клевету и измышления на национальную политику КПСС и Советского правительства. Два экземпляра этого «письма» обнаружены в квартире жителя г. Москвы гр-на Григоренко, а судьба остальных двух экземпляров по делу не установлена.

Всего Байрамов лично изготовил, как указано выше, шесть наименований, был участником при групповом изготовлении семи наименований, а и того 13 наименований документов, содержащих измышления, порочащих советский общественный и государственный строй.

По обвинительному заключению Байрамову введено в вину, кроме выше перечисленных, изготовление еще 4 наименований: «Информации № 63, 64», «Телеграмма Генеральному Секретарю ЦК КПСС» и «Коллективное письмо». Суд считает, что данные эпизоды обвинения Байрамова подтверждения не нашли. Самые тексты названных документов в деле отсутствуют. Байрамов на следствии и в начальной стадии судебного процесса отрицал того, что эти документы содержат в себе измышления против общественного и государственного строя. Других доказательств, подтверждающих вину Байрамова по этим эпизодам в деле не имеется.

Кроме изготовления и распространения вышеуказанных документов, Байрамов в то же время систематически распространял документы аналогичного содержания, изготовленные другими авторами. Он читал и одобрял клеветническое содержание бумаг, отправлял их почтой во множество адресов: государственные, партийные, общественные, военные учреждения, учебные заведения, редакции газет и журналов, общественным и государственным деятелям, знатым лицам и личным знакомым, а также лицам татарской национальности, ранее проживавшим в Крыму.

Так, Байрамовым были распространены составленные другими авторами: «Обращение к советским писателям», «Чирчикских громил к ответу», «Похороны под надзором КГБ», «Обращение к советской общественности», «Кровавое воскресенье» и другие. Байрамов также лично посещал учреждения, редакции газет и журналов, передавал должностным лицам аналогичные документы.

По обвинительному заключению Байрамову предъявлено обвинение по ст. 187-1 УК УССР с указанием на то, что он в 20-х числах марта 1968 года в г. Мелитополе «на сборище членов инициативной группы зачитал одну из информаций» (л.д. 206, т. 20).

Этот пункт обвинения не нашел подтверждения в суде. Байрамов на следствии показал, что он в г. Мелитополе перед собравшимися рассказывал о своей работе, которую проводил в Москве, зачитал одну из информаций (л.д. 30 и 105, т. 8). В суде он отказался давать показания вообще и по этому поводу в частности.

Следствие не установило, а суду не представлялась возможность восполнить того, какая информация была зачитана Байрамовым и содержит ли она измышления против советского общественного и государственного строя.

Бариев Айдер проживал в г. Чирчике, выезжал в Крым, а затем в г. Москву, имея преступную связь с Байрамовым, Кадыевым и другими, сам изготовлял отдельные клеветнические измышления, участвовал в составе группы при изготовлении других и проявлял активность при распространении их.

Так, в мае и августе месяцах 1968 г., будучи в г. Москве, Бариев лично изготовил три информации за №№ 67, 72, 73. Первоначальные тексты, которые обсуждались совместно с другими подсудимыми по делу, подписывались. Затем эти информации размножались на пишущей машинке, распространялись среди широкого круга лиц.

Кроме личного изготовления указанных информаций, Бариев в составе группы Кадыева, Халиловой и других

участвовал в изготовлении: «Траурной информации № 69», «Информации № 71», «Обращение крымско-татарского народа к сессии Верховного Совета СССР», «Обращение к советским писателям», «Инициаторам города Чирчика».

Бариев является одним из авторов выше названного письма на имя Генерального Секретаря ООН, изготовленного в июне 1968 г. в г. Москве. Лично Бариев оставил два экземпляра этого письма в квартире выше названного Григоренко.

Всего Бариев лично изготовил три, был соавтором при изготовлении шести, и того он изготовил девять документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй.

Кроме распространения изготовленных лично им в составе группы документов, Бариев также распространял составленные другими авторами клеветы «Чирчикских громил к ответу», «Кровавое воскресенье», тем же методом, что описано о преступной деятельности Байрамова.

По обвинительному заключению Бариеву вменено в обвинение по ст. 191-4 УК УзССР с указанием на то, что он в марте 1968 г. на окраине г. Чирчика в присутствии 400 человек зачитал Информацию № 64, в которой содержится злостная клевета на национальную политику Советского государства (л.д. 230, т. 20). Этот пункт обвинения Бариева в суде не подтвердился. Сам Бариев на следствии и в суде не признал себя виновным вообще и по этому эпизоду в частности. На следствии показал, что он был на этом сборе 24.III.-68 г., по просьбе присутствующих «дочитал недочитанный кем-то документ, но какой не помнит». Отрицал того, что документ содержал клевету (л.д. 158, т. 8).

В суде Бариев показал, что он Информацию № 64 нигде не читал и с ее содержанием не знаком.

Свидетели Асанов Нариман, Сейтумеров Решат —

участники сбора 24 марта 1968 г. показали в суде, что там зачитывались документы, но лично Бариев их не зачитывал. Как указано выше, суду не представлялась возможность проверить содержание этой информации.

Кадыев Роллан в последнее время уволился с работы в Самаркандском государственном университете, выезжал в г. Москву, где имел преступную связь с выше-названным Байрамовым, Бариевым и другими. В мае-июне месяцах 1968 г., будучи в г. Москве, лично изготовлял первоначальные варианты «Траурной информации № 69», «Информации № 70», «Обращения крымскотатарского народа к открывающейся 25.VI-68 г. сессии Верховного Совета СССР» и «Обращения к мировой общественности». Он же в августе 1968 г. в г. Москве изготовил «Закрытое письмо членам инициативной группы Самаркандской области».

Все пять документов были обсуждены с участием других лиц, в том числе подсудимых Байрамова, Бариева, Халиловой и других, содержание одобрено и документы подписаны. Также как и другие документы, они были размножены на пишущей машинке и распространены среди широкого круга. Сдавались и отправлялись через органы связи в государственные, партийные, общественные организации, в редакции газет и журналов, вручались депутатам и другим должностным лицам, а также распространялись среди честных граждан.

Кроме того, еще в августе и декабре 1967 г. Кадыев изготовлял сам и распространял: «Обращение крымскотатарской молодежи, проживающей в Самаркандской области», «Письмо Генеральному Секретарю ЦК КПСС», также содержащие измышления, порочащие советский общественный и государственный строй.

По обвинительному заключению, кроме вышеописанного, Кадыеву предъявлено обвинение по ст. 187-1 УК УССР, указывая на то, что он в августе 1968 г. в историческом музее г. Бахчисарая в присутствии ряда граждан высказывал ложные измышления о нацио-

нальной политике КПСС и Советского правительства, вручил сотруднице музея Клипаченко клеветническое письмо, ранее составленное Кадыевым.

Суд считает, что данный эпизод обвинения Кадыева не подтвердился. Сам Кадыев не признал себя виновным по всем пунктам обвинения, по этому эпизоду в частности. Объяснил, что он не преследовал цели распространения измышления, задал вопрос экскурсоводу Клипаченко, какими пользуется она источниками при объяснении о происхождении крымских татар.

По этому поводу возникла полемика. В подтверждение того, что он открыто выражает свои суждения, там же подписал и передал ей письмо, ранее им составленное по этому поводу и обещал ей дать перечень литературы, подтверждающую свою точку зрения.

Основанием для предъявления обвинения Кадыеву по этому эпизоду послужили показания самой Клипаченко, сотрудников музея Герцена и Зубкова.

Первоначальные тексты собственноручных заявлений этих лиц полностью совпадают с объяснениями Кадыева о том, что разговоры были в отсутствии других посетителей музея, имели полемический характер. Грубых выпадов со стороны Кадыева не было (л.д. 139-145, т. 9).

Последующие показания этих свидетелей, сделанные по отдельному требованию, содержат ряд противоречий, которые не удалось устранить в суде.

Аметова Светлана и Халилова Мунира также выезжали в город Москву, встречались с ныне подсудимым Байрамовым, Кадыевым и другими, имели с ними преступную связь.

В мае и июне месяцах 1968 г. они принимали участие при обсуждении первоначального варианта Информации № 70 и 71, а также «Обращения крымскотатарского народа к открывающейся 25.VI-68 г. сессии Верховного Совета СССР», составленных Кадыевым. Одобряли содержание, подписывали их.

Халилова также принимала участие в обсуждении и

подписала текст «Траурной информации № 69», составленной тем же Кадыевым, и одобрила содержание и подписала «Экстренную информацию», составленную подсудимым Байрамовым в том же мае месяце 1968 г.

Аметова таким же способом принимала участие при изготовлении «Информаций» за №№ 72 и 73, также составленных в г. Москве в мае и августе 1968 г.

Кроме того, как указано выше, Халилова и Аметова являются соавторами письма, адресованного Генеральному Секретарю ООН. Они участвовали при обсуждении текста этого письма и подписали по 4 экземпляра каждая. Всего Халилова и Аметова являются соавторами изготовления шести документов каждая, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Кроме вышеизложенного Халилова и Аметова систематически распространяли аналогичного содержания документы, составленные с их участием и документы, авторами которых являлись другие лица. Передавали документы депутатам Верховного Совета, работникам редакции журнала «Африка и Азия сегодня», Академии медицинских наук, Институту им. Миклухо-Маклая и другие.

Халилова лично посетила квартиру писателя Бондарин С. А. в Москве, передала ему «Обращение к советским писателям». Дважды отправляла документы почтой к своим знакомым — Музафаровой и Халиловой с просьбой зачитывать их среди окружающих лиц.

Хаиров Иззет проживал в гор. Ташкенте и в феврале 1968 года будучи участником «республиканской встречи представителей крымских татар в г. Фергане» был соавтором изготовления «Информации № 9», содержащей измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. В апреле 1968 г. он также был участником составления другого аналогичного документа под провокационным названием «Похороны под надзором КГБ». Он же Хаиров покушался распространить кроме вышеуказанных им изготовленных доку-

ментов другое измышление, «Информационное сообщение», составленное в г. Ангрене в сентябре 1968 г. Однако он не успел это сделать. 23 экземпляра этого сообщения изъяты у Хаирова при обыске.

В суде не подтвердилось обвинение Хаирова об участии при составлении Информации № 5 в г. Ленинабаде в сентябре 1967 г.

Сам Хаиров, свидетель Халилов Мустафа показали, что они в г. Ленинабаде прибыли с опозданием, после собрания. Участия при обсуждении и принятии такого документа не принимали. В конце текста этой информации подпись Хаирова отсутствует, хотя другие лица, принявшие участие при его изготовлении учинили свои подписи (л.д. 235, т. 13). В деле нет данных, подтверждающих то, что Хаиров ознакомился или распространял этот документ.

Далее в обвинительном заключении указано, что «в одном из нелегальных сборищ с участием Хаирова было принято решение собрать факты для составления документа «К оценке текущего момента».

Хаиров отрицал это, других доказательств в деле нет. Это обвинение вменено ему на том основании, что в доме Хаирова хранился список под заголовком «К оценке текущего момента» (л.д. 146, т. 12). Однако следствием не установлено, кем собраны эти подписи, нет данных об участии Хаирова при сборе их. Объяснения подсудимого, что он хранил этот список как ненужный, ничем не отвергнуты.

Нет достаточных оснований в деле для вынесения обвинительного приговора Хаирову по ст. 187-1 УК Украинской ССР за учиненную им запись в журнале посетителей Симферопольского музея 20 июня 1968 г. Привлеченные в записи Хаирова [факты] «об отсутствии в музее вещественных и документальных следов из истории коренных жителей Крыма» в прошлом, не были предметом проверки (л.д. 284, т. 13).

Умеров Риза в июне 1968 г. будучи в г. Москве, встре-

чался с подсудимым Байрамовым, Бариевым и другими, принимал участие в изготовлении двух клеветнических документов: «Информации № 70» и «Обращения крымскотатарского народа к открывающейся 25.VI-1968 г. сессии Верховного Совета СССР». Он участвовал в обсуждении первоначальных вариантов этих документов, одобрял содержание и подписывал (л.д. 221, т. 2 и 316, т. 3).

Он же Умеров в то же время пребывания в г. Москве совместно с Бариевым и другими распространял так называемые: «Траурную информацию № 69», «Обращение к советским писателям», «Чирчикских громил к ответу» и «Похороны под надзором КГБ» и другие документы, содержащие измышления, порочащие советский общественный и государственный строй. В этих целях он посещал редакцию журнала «Африка и Азия сегодня», Академию медицинских наук, Министерство просвещения СССР и другие учреждения. Передавал документы должностным лицам и служащим этих учреждений.

Умеров также содействовал распространению аналогичных документов, проживая у себя в доме в гор. Ташкенте. В его доме в марте 1969 г. два раза проводились сборы лиц, интересующихся содержанием клеветнических информации и зачитывались им таковые информации.

Суд не находит оснований для вынесения обвинительного приговора Умерову по эпизодам, вмененным ему по обвинительному заключению с указанием на то, что он в г. Симферополе вручал заместителю председателя Крымского облисполкома Деркач и одному из работников горуправления милиции письмо, составленное писателем Костериным «О малых и забытых», содержащее измышления против советского государственного строя.

Как заявил Умеров, он был задержан в Крыму для проверки документов, работник милиции в звании майора милиции забрал у него это письмо наравне с дру-

гими личными документами. То, что у него были проверены документы по делу доказано. А заместителю председателя облисполкома он вручил это произведение тогда, когда был у него на приеме. Преступную цель при этом не преследовал. Других данных по этому поводу в деле не имеется.

Гафаров Ридван в октябре 1967 г. был освобожден с места заключения за однородное преступление. В декабре того же года он принимал участие в изготовлении клеветнической Информации № 8 на сборе «представителей крымских татар» в пос. Ленинском УзССР.

Кроме того, в июле 1968 г. по почте он получил «Траурную информацию» и информации за №№ 70 и 71, о чем ставил в известность знакомых. В течение июля и августа месяцев 1968 г. в доме Гафарова эти лица систематически зачитывали названные информации.

Языджиев Исмаил проживал на станции Красногвардейская Булунгурского района Самаркандской области. В конце 1967 г. у себя в доме изготовил и распространил клеветническое измышление под названием «Открытое письмо», а в начале октября 1968 г. он изготовил другой аналогичный документ, начинающийся словами «Любой рожден свободным».

Кроме того, Языджиев еще в сентябре 1967 г. был участником «встречи представителей инициативной группы» в г. Ленинабаде Таджикской ССР, где принимал участие в обсуждении, в изготовлении «Информации № 5», которую он подписал.

При обыске в доме Языджиева были обнаружены три рукописных текста — один адресованный в редакцию газеты «Правда», другой — писателю Костерину, третий — начинающийся словами «Крымскотатарский народ», которые также содержат аналогичное измышление с теми изготовленными им документами.

Суд находит не доказанным предъявленное Языджиеву обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР с указанием на то, что он подписался в конце «закрытого письма членам

инициативной группы», составленного подсудимым Кадыевым. В суде не было установлено, что Языджиев принимал участие при обсуждении этого письма, или другим способом был соавтором этого документа.

Эминов Руслан — проживал в г. Ташкенте, в мае 1968 г. выехал в г. Москву, встретился с Кадыевым, Бариевым и другими. Знал, что эти лица составляют так называемые «Траурную» и «Экстренную» информации. Возвратившись в г. Ташкент, Эминов в августе 1968 г. получил эти информации по почте и дважды читал их собравшимся в доме Анафиева и Умерова.

Суд считает действия Эминова без достаточных оснований квалифицированы дополнительно ст. 190-1 УК РСФСР, ибо по делу не доказано его участие при изготовлении вышеназванных документов в г. Москве.

В суде подсудимые, всего 10 человек, не признавали себя виновными, заявили, что в документах, составленных ими, нет ничего преступного, они не являются измышлением, порочащим советский общественный и государственный строй.

Хаиров не давал показаний на предварительном следствии, протестуя на то, что следственные органы не принимают мер для удовлетворения ряда его ходатайств, в суде также не признавал себя виновным, считая, что все факты приведенные в документах, составленных им в соавторстве с другими, являются фактами, имевшими место в действительности. В них нет ничего преступного.

Байрамов давал аналогичные показания на предварительном следствии, отказался давать показания и объяснения в ходе судебного процесса, мотивируя это тем, что суд не удовлетворил его ходатайства о вызове дополнительных свидетелей в количестве 157 человек и не принял меры для вызова ряда комиссий по правовым вопросам.

То, что все вышеименованные в данном приговоре документы содержат заведомо ложные измышления,

порочащие советский общественный и государственный строй, суд считает доказанным. В них заведомо ложно утверждается, что крымскотатарский народ якобы находится в состоянии угнетения и является неравноправным среди других народов СССР, как они пишут, что этот народ находится в местах ссылки и резервации, применяется против него произвол и беззаконие, проводится расистская политика укоренения в местах резервации путем милицейских дубинок.

Авторы пишут, что в Советском Союзе якобы проводится необузданная национальная дискриминация к лицам татарской национальности, ранее проживавшим в Крыму. В советской художественной, научной и исторической литературе будто бы преднамеренно разжигается ненависть к крымскотатарской нации, проводится политика геноцида. Как пишет Кадыев в обращении «крымскотатарской молодежи», «что татары обречены на физическое и национальное вымирание». Ложно сравнивается положение этого народа с преследованием негров в 17 веке и эсэсовскими облавами на евреев в период фашизма.

Возводится клевета о том, что будто бы «нынешнее партийное и государственное руководство решило твердо и настойчиво продолжать политику уничтожения крымскотатарской нации, вычеркнув из списка наций, когда-либо проживавших в Советском Союзе».

Авторы названных в этом приговоре документов пишут, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г. «О гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму» якобы узаконил дискриминационную политику и дает возможность проводить насильственную ассимиляцию. Считают, что этот указ антинародный, следовательно антисоветский. Является продолжением политики царизма и великодержавного шовинизма. Он бесплодный, на него нет почтения.

Во всех выше названных документах ложно извращаются факты, проводимые властями в порядке охраны

общественного порядка как якобы направленные против крымскотатарского народа в целом. Утверждается якобы в настоящее время усилились новые гонения, репрессии и преследования против представителей трудящихся татар.

Авторы клеветают на конституцию СССР, утверждая, что ее статьи написаны не для крымских татар, которые ограблены, унижены и выброшены советской властью — врагами национальной политики.

Особо злобная форма измышления выражена в так называемом «Обращении к мировой общественности», в «Траурной информации № 69», первоначальные варианты которых составил Кадыев. Аналогичную злобу Байрамов возводил в провокационно названном им «Геноцид в политике Советского правительства» и в письме «Генеральному Секретарю ООН».

То, что все вышеназванные документы были распространены подсудимыми по делу, полностью доказано их показаниями на следствии и в суде. Так, Байрамов показал на следствии о том, что он в отдельные дни отправлял их по почте иногда до 70 адресатам в день. Аметова, Халилова, Бариев, Умеров, Эминов также не отрицали на следствии и в суде, что они старались побольше их распространить, чтобы сделать достоянием общественности, вызвать сочувствие положению крымскотатарского народа.

Подсудимый Языджиев отрицал распространение им так называемого «Открытого письма», лично составленного и подписанного с указанием своего адреса. При этом он не отрицал, что экземпляры этого письма он передавал лицам, выезжающим в г. Москву.

Факт распространения этого клеветнического документа подтверждается тем, что два экземпляра обнаружены при обыске дома Гафарова. Ряд свидетелей, допрошенных в суде, показал, что они знакомы с текстом этого письма.

Умеров и Гафаров также показали в суде, что они получили по почте тексты вышеназванных информации,

приходили к ним домой знакомые, читали тексты этих документов.

В деле также именуется множество конвертов, адреса на которых написаны Байрамовым, Аметовой и другими. Именуются показания свидетелей, получавших эти документы по почте или непосредственно из рук подсудимых по делу.

Юридическую квалификацию совершенных преступлений Бариева, Аметовой и Халиловой по ст. 190-1 УК РСФСР суд считает правильной, и Байрамова. Также правильно квалифицированы действия Хаирова, Эминова и Гафарова по ст. 191-4 УК УзССР, а действия Умерова и Кадыева по совокупности ст.ст. 190-1 УК РСФСР и 191-4 УК УзССР. Языджиев совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 191-4 УК УзССР и 203-1 УК Таджикской ССР.

Одновременно суд считает недоказанным обвинение по ст. 187-1 УК Украинской ССР, вмененное Байрамову, Кадыеву и Умерову и по ст. 190-1 УК РСФСР Эминову и Языджиеву, по основаниям, изложенным в настоящем приговоре выше.

Меру наказания в виде лишения свободы в отношении Кадыева, Байрамова, Бариева, Хаирова и Языджиева, т.е. в отношении шести человек, суд находит необходимым избрать, хотя санкция ст. Уголовного закона предусматривает и другие, не связанные с лишением свободы, меры. Это обусловлено тем, что преступление они совершали систематически, продолжительное время и с расчетом вовлечения других лиц.

В отношении Умерова Риза суд находит возможным применить условное осуждение, с учетом степени содеянного и того, что он ранее не судим, является участником Великой Отечественной войны, что его жена — Селимова Фатиме была участницей партизанского движения, по работе он характеризуется положительно.

В отношении Аметовой и Халиловой суд считает возможным ограничиться отбытыми ими до суда сро-

ками лишения свободы, что является соразмерным содеянному.

Руководствуясь ст.ст. 282 и 296 УПК УзССР судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда УзССР

Приговорила :

1. БАЙРАМОВА Решата признать виновным по ст 190-1 УК РСФСР, по которой лишить его свободы сроком на три (3) года в ИТК с общим режимом содержания исчисляя начало этого срока с 13 сентября 1968 года По ст. 187-1 УК Украинской ССР оправдать.

2. КАДЫЕВА Роллана Кемалевича признать виновным по ст. 191-4 УК УзССР, по которой лишить свободы сроком на два года, и признать виновным по ст. 190-1 УК РСФСР, по которой лишить свободы сроком на три года.

По совокупности преступлений окончательно Кадыева Р. К. лишить свободы сроком на три (3) года в ИТК с общим режимом, исчисляя начало этого срока с 8 октября 1968 года. По ст. 187-1 УК Украинской ССР оправдать.

3. БАРИЕВА Айдер признать виновным по ст. 190-1 УК РСФСР, по которой лишить свободы сроком на один год и шесть месяцев (1,5 года) в ИТК общего режима, исчисляя начало этого срока с 13 сентября 1968 года. По ст. 191-4 УК УзССР Бариева оправдать.

4. ХАИРОВА Иззета Серверовича признать виновным по ст. 191-4 УК УзССР, по которой лишить свободы сроком на один год и шесть месяцев (1,5 года) в ИТК с общим режимом, исчисляя начало этого срока с 13 сентября 1968 года. По ст. 187-1 УК Украинской ССР оправдать.

5. ЯЗЫДЖИЕВА Исмаила Мустафаевича признать виновным по ст. 203-1 УК Таджикской ССР, по которой назначить один год исправительных работ с удержанием 15 % по месту работы.

Его же Языджиева И. М. признать виновным по ст.

191-4 УК УзССР, по которой лишить свободы сроком на один год.

По совокупности преступлений окончательно Языджиева лишить свободы на один (1) год в ИТК с общим режимом, исчисляя начало этого срока с 27 декабря 1968 года.

По ст. 190-1 УК РСФСР Языджиева оправдать.

6. ГАФАРОВА Ридвана признать виновным по ст. 191-4 УК УзССР, по которой лишить свободы сроком на один год в ИТК с общим режимом с учетом его инвалидности. Начало этого срока исчислять с 13 сентября 1968 года.

7. ЭМИНОВА Руслана Якубовича признать виновным по ст. 191-4 УК УзССР, по которой назначить исправительные работы сроком на шесть месяцев с удержанием 15% заработка по месту постоянной работы. По ст. 190-1 УК РСФСР оправдать.

8. УМЕРОВА Риза признать виновным по ст. 190-1 УК РСФСР, по которой назначить один год лишения свободы. Его же признать виновным по ст. 191-4 УК УзССР, по которой лишить свободы сроком на один год. Применить ст. 43 УК УзССР и назначить по данному делу меру наказания Умерову заменить условным осуждением с испытательным сроком в два года. Из-под стражи освободить из зала суда. По ст. 187-1 УК УССР Умерова оправдать.

9. и 10. АМЕТОВУ Светлану и ХАЛИЛОВУ Мунире обеих признать виновными по ст. 190-1 УК РСФСР, по которой назначить десять месяцев лишения свободы каждой.

С учетом того, что Аметова содержится под стражей с 23 сентября, а Халилова с 13 сентября 1968 года их обеих из-под стражи освободить из зала суда как отбывших меру наказания по данному делу.

Судебные издержки, связанные с ведением настоящего уголовного дела, возложить на осужденных в равных долях каждому.

В соответствии со ст. 302 УПК УзССР данный приговор обжалованию в кассационном порядке не подлежит и приводится в исполнение немедленно.

п/п. Председательствующий — подпись
(Сайфутдинов)

Народные заседатели — подпись
(Исмандияров,
Самойлова)

Копия верна:
Председательствующий подпись
(Сайфутдинов).

П р и л о ж е н и е : П о э м а И с м а и л л а Я з ы д ж и е в а

ЗИНДАНДА ЯЗЫГЪАН ПОЭМА

Ватаннынъ тахтында отырды бир къартал —
Къанатын пек керди кенаргъа,
Котерди чокючин, эндирди ашагъы
Эм алма, эм юзюм, эм наргъа.

Акъикъат тапталды, адалет къорланды,
Ич намус къалмады юзинде.
Шиарлар багъыра: «Достлыкъ, къардашлыкъ...»
Демократия корине кюзгюде.

Кърымда заманнынъ дуфаны башлады —
Ич кимсе анъламай тилинден.
Азиз юрт звляды сиприлип атылды
Узакъкъа озъ тувгъан илинден.

Комендант надзоры бойнына багъланды:
Къымышмакъ олмайджакъ еринъден.
Акъ-укъукъ сорама-ялынъыз ишлемек:
Туз хуссын колегинъ теринъден.

Йыллар эп оздырды бир-бирин — кунъ келди.
Заманнынъ джелляты кеберди.
Партия зулумны, шубесиз, сафындан
Кенаргъа баягъы итерди.

Партия съзедининъ тарихий ёкюни
Шахыснынъ культинден савушты.
Сюрильген чокъ миллет бу къарар муджиби
Озь тувгъан юртынен къавушты.

ЭЙ БАХЫТ! не ичюн оттинъ сен бизлерден?!
Ёлынъны я хастлыкъ, я ошек кестими?
Яки де зулумнынъ яшынгъан тесири
Янъыдан бир къуввет сечтими?

*

Тахдирге бойсынмакъ — эсирлик демекдир.
Бахтынъны кучинънен алмалы.
Бахт ичюн куреште, керексе, джанынъны,
Тепренмей ортагъа салмалы.

Ялынъыз бу шиар-Лениннинъ шиары.
Ёкъ башкъа бир къанун, яки ёл.
Бахыткъа, севинчке ёл ачкъан-ялынъыз
Айдын анъ, саф юрек, эки къол.

Макъсадны анълагъан эп чыкъты мейдангъа.
Халкъымыз къол тутты, къатылды . . .
Акъ ёлчюн куреште юзлердже адамлар,
Видждансыз, зиндангъа атылды.

Кенаргъа къалмадыкъ халкъымнынъ бахтычюн:
Бизлер де курешке ёл алдыкъ.
Боранлы куньлерде, тайпынмай, бу сафта
Халкънен бир макъсадкъа якълаштыкъ.

Секиз эр, эки къыз-бир тувгъан, бир къардаш,
Бир юрек, бир макъсад, бир менфаат.
Июльнинъ биринде башлады процесс —
Халкъ бильди, я сизди шу саат,

Къол тутты, болишти эм бахтны, къайгъыны,
Корсетти бирдемлик кучини.
Дерсинъки бильдирди бу алий судкъа:
«Бир ерине къоярмыз учуни».

Анълаймыз, халкъкъа да пек къолай алмады;
(Борандан къыйышыр эм терек)
Дуфанлы куньлерде макъсадкъа ирмекчюн
Чыдашлыкъ, ираде эм керек.

*

Эр кеске беллидир, бир шексиз, акъыкъат:
Тек зулум — зинданнынъ тахтында.
Лякин мен бу акъта индемей отурам:
Сѣз кете Светлана акъкъында.

Бойдан о-алчаракъ, мучеден-о нарин,
Эсмери, кулер юзь, къара къаш.
Ози де чыдамлы, пек чебер ве атик,
Ираде, дерсинъки — къая-таш.

Табиат-муляим, бакъышы эм откюр,
Зекясы заманджа — дюрюст, зирек.
Аяткъа пек ашыкъ, дерсинъ ки кунешке
Талдадан ымтылгъан яш терек.

Процесс залында, софранынъ башында
Дикъкътым чевирдим юзине.
Юрегимни насылдыр бир сезги ашлады
Бакъкъанда парылдакъ козюне.

Дерсинъ ки йылларнынъ зулумы откен де,
Бахт манъа озининъ сырыны ачкъан.
Дерсинъ ки къоюргъан булутлар керилип,
Ал кунеш манъа нурларын сачкъан.

Пек чошты гонъулим, севиндим коргенде
Халкъымнынъ къызындан бирини,
Лениннинъ мухаддес байрагъы устинден
Силгенде заманнынъ кирини.

О турьп, деди ки мураджаат сѣзинен:
«Зан эттим, менимчюн янъ атты саба.
Сизге риджам бар, Исмаил-агъа,
Олынъыз сиз манъа эбедий БАБА».

Къошнудлыкъ далгасы кокрегим къаплады:
Турдым да мемнунлыкъ бильдирдим.
Дерсинъ ки шу ан ишанчнынь эгерине
Светанынь фикрини миндирдим.

Алевли бу сёзлер — бахытнынь ишанчы.
(Олырмы оларгъа шек яки тызым!)
Юректен алгъышлап бердим мен разылыкъ,
Ве дедим: «Ол меним эйбетли КЪЫЗЫМ».

Достларнынь кейфини бу сана тепретти:
Бир минсиз, котертти къашларын.
Ким корди билмейим севинчли юзюмде
Козълерим парылдакъ яшларын.

Ким-билир юректе не догъа, не къайнай,
Насыл ал юректе къоя ыз?
Такъдир де билинмез бир шейдир-махбусте,
Таптырыр о санъа тувгъан къыз.

*

Отыра Судлангъан скемле устине
Халкъымнынь къызларын дигери.
(Ялварам мен сизге юректен, джемаатым
Къайтмайым шиирде мен кери).

Сёзинде-муляйим, алчаракъ, сабырлы;
Ачыкъкозъ, кенъ манълай, шенъликли.
Озине-пек саип: олъчюнен сойлене,
Керме къаш, юзи де акъ ренкли.

Дерсинъ ки дженкявер илери джебеъде,
Кирген о урушкъа чокъ кере.
Адыны сойлейим — сиз таныш олынъыз:
Бизлерчюн севимли Мунире.

Вилинъиз, халкъымнынь менфааты огърында
Онынъ да къошылгъан чокъ акъкъы.
Нетидже сизинъки-мен сизге ташлайым.
Светадан, менимдже, ёкъ фаркъы.

Шараит пиширген: ким севмез оларны —
Халкъымнынъ баарин гуллерин.
Дерсинъ ки бизлерге севгили олгъанлар:
Нешенен сыкъамыз эллерин.

Белли ки бу дуйгъы Ризаны къозгъады:
Мунирени япты о къардашы.
Юректен сойледи: дерсинъ ки о онынъ
Эм севинч, эм къайгъы, эм ашы.

Бойледже тувгъанлыкъ даа да пекинди,
Куреште пекинген эллердай.
Бу левха халкъыма йыр олып таркъалсын
Денгизден шенъ эскен еллердай.

Секизлик акъкъында мен сизге айтмайым:
Эр бири акъикъий бир эвляд.
Эпоснынъ макъсады бир нокъта урмакъта:
Халкъыма берилсин акълы ад.

Оларнынъ эписи эм ельде, сыджакъта
Туралар негизли къаладай.
Алий суд къарарын, дерсинъ ки, беклейлер
Эмчекке чабгъылгъан баладай.

Сойлесем, эльбет де, дертлерим сокюле:
(Маддем бар — сойлердим мен ама...)
Озинъиз билесиз, не олур уч кунъде
Зинданда язылгъан ПОЭМА?!

Языджиев Исмаил
июль 29 — август 1, 1969 с.

Къайд этме:

Къартал — Сталин; чёкючи — укъум аleti; алма-халкъларнынъ бирдемлиги; юзюм — халкъларнынъ достлыгы; нар — халкъларнынъ къардашлыгъы; секизлик — суд олынгъан 8 эр.

Алма, юзюм, нар — совет ичтимаий къурылышынынъ эсас принципери манасында берильди.

Перевод

ПОЭМА, СОЗДАННАЯ В ТЮРЬМЕ

На родины престол сел орел¹,
Раскрыв свои крылья много крат
Ударил вниз, подняв свой клюв²
На яблоко³, на гранат⁴, и на виноград⁵.

Растоптал он правду напролет,
На лице не виден чести след.
«Дружба, братство» — он лозунги орет,
В зеркале он смотрит демократии вслед.

В Крыму начался сильный ураган;
Никто не понимает — он немой.
Родины священной сыновья
Вышвырнуты далеко от земли родной.

Надзор коменданта далек от заботы;
Двигаться нельзя ни туда, ни сюда.
Не требуй права ты, только работай,
Чтоб рубашка не высыхала никогда.

Прошли года за годами,
Пришел день, сдох палац,
Партия политики жестокости тень
Отбросила. Затих этот плач.

Партийного съезда результат:
Культу личности конец.
Высланные народы, любя как мать,
На родину вернулись наконец.

Эх ты счастье! Прошло мимо нас.
Нечестность это, или же ложь?
Или настал жестокости порыва час
И она опять взяла в руки нож?

*

Подчиниться судьбе — ведь рабство,
Счастья нужно добиться силой.
Борьбе за счастье, если понадобится,
Неколеблясь жизнь свою посвящай.

Ленина заветы внутри нас ноют —
Нет другого закона иль пути.
К счастью и радости путь откроют:
Только здравый смысл, чистое сердце и две руки.

Понявшие цель вышли на поле боя —
Наш народ поддержал и примкнул.
Сотни людей в борьбе за правду воюя,
Бесчестно брошены в тюрьму.

За счастье народа не остались в стороне —
Мы так же путь к борьбе обрели.
В бурные дни, не колеблясь в строю,
С народом пошли мы к цели.

Восемь мужчин, две девушки — как родные:
Сердце одно, цель одна, надежда тоже.
Первого июля начался суд над нами —
Народ узнал об этом сейчас же.

Поддержал, разделил он наше счастье и горе,
Показал единства силу дорогих.
Высказал верховному суду он в споре:
«Вместо одного выставим мы троих».

Понятно, народу бывало тяжело
(Согнуты даже деревья от бури):
Чтоб достичь цели в дни бури ненастной
Терпенье и воля нужны.

*

Бесспорно правда известна всем:
На троне каземата масса этих свор.
Но я молчу об этом между тем, —
О Светлане пойдет разговор.

Хрупкая талия, низкого роста,
Черные брови, такие и глаза.
Устойчива, подвижна так просто,
А воля как камень, как скала.

Пронзителен взор, а вежлива как,
Одаренность по возрасту, как обильный ток.
В жизнь влюблена точно так,
Как стремится к солнцу росток.

В зале суда, за скудным обедом,
Обратил я вниманье на нее.
Заставляют меня говорить об этом
Блестящие глаза ее.

Будто-бы стихли долгие мученья,
Счастье раскрыло мне свой секрет.
Будто разошлись облаков сгущения,
Послало солнце мне щедро свой свет.

Сердце взволновалось, обрадовался я,
Увидев народа смелую дочь,
Когда знамя Ленина священное
Отбрасывает от себя страшную ночь.

Она сказала, будто кто-то учил,
«Пусть затронет утро и нас хотя-бы концом.
Имею я к вам просьбу, дядя Исмаил:
Будьте на всю жизнь вы моим отцем».

Мою грудь тотчас же окутала счастья волна,
Перед нею встал я, свое согласие дал.
Мне казалось счастьем вся земля полна.
Об этом Светлане я пару слов сказал.

Пламенные слова — доверие счастья.
(Может ли быть просьба отказана ей).
Радуясь от сердца, прямо ей сказал я:
«И ты будь отныне дочерью моей».

Трогательно, душевно получилось,
Обрадовал я всех друзей своих.
Кто-то заметил, не знаю как случилось,
Блестящие слезы в глазах моих.

Кипит в груди что-то, а что кто знает,
Что остается, что уходит прочь.
Судьба неизвестна, кого чем награждает.
В тюрьме подарит кому родную дочь.

*

Тихонько сидит там на скамье подсудимых
Моего народа и другая дочь.
(Прошу я от сердца братьев судимых,
В стихотворении не уйду я от темы прочь).

Вежлива в разговоре, низкоросла, терпелива,
Глаза пронзительны, сама весела.
Собою владеет, говорит в меру,
Крылатые брови, а лицом — бела.

Будто-бы воин на передовых позициях,
Она много раз вступала в жуткий бой.
Будьте вы знакомы, скажу я ее имя:
Она — для нас любимая Мунире.

Знайτε все вы, на пользу народа
Много сделала она.
Оставляю вам, оцените сами,
По-моему такая же как Светлана.

Кто же не полюбит моего народа
Дочерей красивых, как весны цветы.
Для нас они стали как одна порода,
Пожимаем им руки за наши мечты.

Видно, что чувства Ризы пробудила,
Мунире в сестры с любовью принял он.
Почувствовал он сердцем — она с ним разделила,
И радость, и горе, и родства закон.

Родство укрепилось этим еще больше,
Как воины подкрепленно идущие в бой.
Пусть же этот случай разойдется как песня дальше,
Как дующий с силой ветер морской.

Я не говорю вам о восьмерке⁶ нашей.
Каждый из них моего народа сын.
Цель моего стиха разъяснить удачно,
Чтоб мой народ свое право получил.

Они стоят под ветром и жарой палящей,
Как крепость железны, там хоть гром греми.
Ждут они от суда свободы настоящей,
Как крепость железны, там хоть гром греми.

Вылить свое горе я хотел меж нами
(Сказал бы, — боюсь быть причиной кутерьме),
Какая быть может — знаете ведь сами,
Поэма, написанная в три дня в тюрьме!

Языджиев Исмаил
июль 29 — август 1, 1969 г.

С татарского перевел Мехмет Мухиддин.

Примечания:

1. Орел — Сталин.
 2. Клюв — орудие господства.
 3. Яблоко — монолитность народов.
 4. Гранат — братство народов.
 5. Виноград — дружба народов.
 6. Восьмерка — подсудимых мужчин.
- Яблоко, виноград, гранат — означают основы советского государства.

У ЗАЛА СУДА

С 4-9 июля 1969 г. продолжался судебный процесс над 10 представителями — верными сынами и дочерьми крымскотатарского народа. В течение этих дней прибывают все новые и новые представители народа с разных областей и районов УзССР, других республик, где проживают крымские татары, с протестами возмущения против несправедливого судебного процесса, с тысячами подписей. Сотни людей, приехавших на суд, вынуждены стоять под палящим солнцем целыми днями, потому что подобран такой зал, который вмещает 30-35 человек. 5-6 мест забронированы за сотрудниками КГБ. Несмотря на неоднократные ходатайства подсудимых, защиты и требование приехавших на суд представителей о предоставлении большего помещения, все ходатайства и требования не удовлетворены. Здание суда, как и на всех процессах над крымскими татарами, оцеплено большим количеством милиционеров. Милиция даже разгоняла народ, стоящий на расстоянии 20-30 м. от здания суда, напротив окон, заявляя при этом, что они власть и выполняют приказ...

На возмущение стоящих, которые спросили у старшего лейтенанта, русского, не назвавшего своей фамилии, «а если будет приказ расстреливать, что вы будете делать?» — он ответил: «Что прикажут, то и будем делать». Подобные ответы наш народ уже слышал в Москве, Чирчике, Бекабаде, Андижане от косяковых, пазиных, смирных и им подобных.

В этот же день, вышедший из зала суда солдат конвоя, на вопрос граждан узбеков: «Кого и за что судят?» — молодой солдат ответил: «Судят людей за правду.» Два доносчика, услышавшие этот разговор, донесли об этом своему шефу-работнику КГБ, который вместе со Сваловым (он всегда присутствует на процессах над крымскими татарами). Через некоторое время к солда-

ту подошли начальник конвоя — майор и выше указанный сотрудник КГБ и увели солдата; среди конвоиров его больше не было видно. Он был русский.

Из Информации № 3 (10-11 июля)

Обстановка остается прежней. Здание суда оцеплено милицией. В зал могут попасть только небольшая часть прибывших на процесс представителей народа. По указанию работников КГБ судья запретил ведение записей судебного процесса. Милиционеры, запускающие людей в зал, также получили указание не допускать в зал некоторых товарищей, которые пытались записывать показания подсудимых. Так же были случаи вывода некоторых товарищей прямо из зала суда. В зале суда увеличилось количество осведомителей КГБ, которые уселись по рядам в шахматном порядке, наблюдая за тем, чтобы кто-либо не «нарушил запрета».

Особенную «бдительность» проявили осведомители КГБ во время дачи показаний Хаирова, Кадыева, Языджиева.

Из Информации № 5 (25 июля — 5 августа)

23 июля был закончен опрос свидетелей, и судебное заседание было назначено на 25 июля 1969 года.

С каждым днем количество приезжающих на процесс представителей крымскотатарского народа увеличивается, так как судьба 10 представителей народа, которых судят за народное дело, глубоко волнует все слои крымскотатарского народа. На суде в эти дни можно встретить рабочих, служащих, инженеров, врачей, ученых и другие слои населения. Данный процесс также привлекает все больше людей нетатарской национальности — узбеков, русских, корейцев и других.

Пропорционально увеличению количества представителей, увеличивается количество милиционеров и работников КГБ, а также «шпики». Последние, вливаясь

в среду крымских татар, стараются создавать инциденты.

Так, например, 29 июля один из «шпикив», влившись в среду крымских татар, стоявших напротив окон зала суда, начал провокационно заявлять, что крымские татары были предателями, при этом грубо оскорбляя женщину. Стоящие рядом сразу призвали провокатора к порядку и повели его, чтобы он разъяснил свое провокационное заявление в присутствии представителей власти. Но милиционеры, оказавшиеся рядом возле этого провокатора в большом количестве, растолкали народ и укрыли провокатора в здании суда, тем самым стали соучастниками преступления. Стоявшие в дверях милиционеры не впустили в здание суда представителей народа, которые хотели узнать фамилию провокатора и потребовать привлечения его к ответственности. Младший лейтенант, который с самого начала процесса стоял в дверях, грубо расталкивая людей, закрыл дверь и отказался назвать свою фамилию. Впоследствии младший лейтенант Азизов (так он назвал себя) сказал, что фамилия этого человека Мусаев. В достоверность сказанного трудно верить, так как укрывательство было явным. (Провокатор был вывезен на милицейской машине.)

Народ обратился к прокурору Ерыкалову, чтобы он мог разоблачить провокатора и привлечь его к ответственности, но Ерыкалов категорически отказался вмешаться. Это еще раз доказало, что органы КГБ, прокуратуры и милиции проводят дискриминационную политику, подчеркивая неравноправное положение крымскотатарского народа. Был составлен народом акт, под которым подписались присутствующие, и отправлен в ЦК КПСС, в прокуратуру УзССР и ЦК КП УзССР. В этом акте говорится: «Непривлечение к ответственности этого провокатора, работников милиции, укrywших его, и прокурора Ерыкалова, который отказался вмешаться и тем самым способствовал укrywтию провокатора, мы

будем считать, как продолжение дискриминационного положения крымскотатарского народа, и вынуждены будем обратиться в Комитет защиты прав человека при ООН.»

Прибывшие на процесс представители, которые не могли попасть в зал, выразили свою солидарность и поддержку всем, над которыми творится судебная расправа, пением народных песен «Порт-Артур» и «Шомпол». Это было 28 и 29 июля.

В последние два дня процесса, когда говорили последнее слово Языджиев, Хаиров, Кадыев, а также в день чтения приговора произошли события, заслуживающие особого внимания. 4 августа с самого утра весь квартал, где находится здание суда, был оцеплен усиленными нарядами милиции. Были подтянуты пожарные машины. Все дороги, ведущие к зданию суда, были блокированы милицией. В эти два дня возле здания суда находились полковники милиции Саркисов, Аванесов и еще несколько полковников. Весь аппарат КГБ, начиная с руководителей отделов и кончая Сваловым, Черновым и более «мелкими» чинами, находились здесь. Чтобы узнать «своих», приехали работники КГБ из всех областей республики, с городов Чирчика, Янгиюля, Ангрена, Бекабада и других. Количество «шпиков» было увеличено в десятки раз. В эти два дня прибывших на процесс было более тысячи человек. Крымских татар не пустили даже на улицу Западную. Народ вынужден был стоять на улице Шота Руставели, заполнив тротуары и даже обочину проезжей части дороги. Нужно отдать должное нашему народу за его выносливость и выдержку, за его сплоченность. Целый день стоял народ на жаре (в эти дни температура достигала 40 градусов) и ждали окончания процесса, причем в зал пускали только родственников.

Власти Узбекистана, работники КГБ еще раз убедились, что крымскотатарский народ не «укоренился» на Узбекской земле, вопреки желаниям и стремлениям соз-

дателей Указа от 5/9-1967 года, а готов добиваться возвращения народа на родину, несмотря ни на какие судилища, преследования и репрессии, добиваться восстановления всех своих прав, гарантированных Конституцией. Эти два дня показали, что власти Узбекистана и работники КГБ боятся организованных массовых выступлений крымскотатарского народа и готовы применить даже физическую силу, чтобы не допустить таких выступлений, то есть готовы повторить «Чирчикские события» и другие, готовы бросить в застенки КГБ новых и новых представителей народа, готовы проводить новые судебные расправы.

4 августа 1969 года перед началом судебного заседания были ни за что арестованы 5 человек крымских татар — это: Сараметов Кадыр, Куртвелиев Мидат и еще трое, фамилии которых неизвестны. Они были схвачены за то, что их подозревали в фотографировании цепей милиционеров во главе с Саркисовым и другими полковниками, а также работниками КГБ. Были у людей отобраны два фотоаппарата. После окончания судебного заседания народ начал требовать освобождения задержанных товарищей. С этой целью народ обратился к полковнику Саркисову, который уехал, не соизволил даже поговорить с народом. Возмущенный таким поступком народ (присутствующие — более 400 человек) пошли к прокурору республики требовать освобождения задержанных. К этому времени были задержаны еще два человека — Фазылов Эскендер у здания ЦК КП УзССР и Абдултаиров Меджит у здания горсуда, последний 72-летний старик.

На обращения народа, чтобы вызвали прокурора, или приняли представителей несколько человек, прибывшие милиционеры цепью стали и загородили подход к зданию прокуратуры. Срочно был вызван Саркисов. Не спрашивая ничего, он начал грубо расталкивать людей, даже не жалея при этом старух, и приказал стоящим милиционерам силой разгонять людей. Народ проявил

выдержку и сплоченность и не позволил милиционерам учинить расправу. Тогда полковник Саркисов забежал в здание прокуратуры для вызова дополнительных частей милиции. В это время народ начал скандировать: «Прокурора... Прокурора!», «Освободить товарищей!», «Освободить!».

Прохожие также возмущались, узнав, что тут происходит.

Не дождавшись прокурора или его заместителя, народ решил обратиться непосредственно в ЦК КП Узбекистана, с этой целью все пошли по улице Шота Руставели в сторону гостиницы Россия. Не доходя до гостиницы, народ был окружен подоспевшими на 4-5 машинах милиционерами во главе с тем же Саркисовым и другими офицерами. Осмелевший Саркисов нагло стал выкрикивать: «Ну, кто смелый, давайте будем теперь говорить.» Народ стал требовать освобождения задержанных, на что Саркисов с издевкой ответил, что никого не отпустят, а если народ не разойдется, то будут применять силу. На заявление народа, что они хотят обратиться в ЦК, он ответил, что не допустит никого к зданию ЦК, а пытавшихся пройти будут арестовывать. Этим Саркисов подчеркнул, что Рашидов является «самым, самым, самым» недоступным для народных представителей.

Народ в окружении милиционеров сидел возле здания научно-исследовательского института до 6 часов вечера, после чего начал расходиться. Вечером трое из задержанных были отпущены, а четверых осудили на 15 суток, в том числе и старика 72 лет.

В день вынесения приговора народу было еще больше. Собравшиеся расположились по краям улицы Западной, но прибывшие милиционеры, которых было еще больше, оттеснили народ опять на улицу Шота Руставели. Тротуары не вмещали всех, поэтому народ вынужден был стоять на проезжей части дороги. Палящее солнце, отсутствие воды (милиция не допускала

людей к водопроводу и газбудке), грубое отношение милиционеров, наглое наблюдение со стороны работников КГБ глубоко возмутили народ. Невыносимо было стоять целый день, поэтому народ вынужден был сесть на обочину дороги, и прямо на дороге полковник Саркисов с отрядом милиционеров начал грубо швырять людей с проезжей части дороги, крича, что в Америке устраивают подобные сидячие забастовки. Саркисов вынужден был оттянуть цепи милиционеров и дать возможность народу пройти и встать на краю улицы Западной.

Такова была обстановка на улице. В зал суда также пускали ограниченное количество людей.

Акт, составленный у зала. — 29 июня 1969 г.

А К Т

Мы, нижеподписавшиеся представители крымскотатарского народа, присутствующие на судебном процессе над десятью представителями нашего народа, составили настоящий акт о том, что сегодня, 29 июля 1969 года в 13 час. 20 мин. местного времени, гражданин среднего роста, черноволосый с усиками, судя по внешности местной национальности, как сказал младший лейтенант Азизов, фамилия его Мусаев, среди собравшихся у здания суда крымских татар сделал провокационное заявление, назвав всех крымских татар предателями и изменниками Родины, оскорбив при этом одну женщину нецензурными словами.

На требование народа разъяснить это провокационное заявление, работники милиции, оказавшиеся в большом количестве рядом с ним, изолировали провокатора и укрыли его в здании суда, отказавшись при этом впустить в здание представителей народа для выяснения фамилии и имени этого провокатора.

Милиционеры, стоявшие в дверях, грубо расталкивали людей и отказались назвать свои фамилии.

Народ обратился к прокурору Ерыкалову с требова-

нием привлечь к ответственности провокатора, но он категорически отказался вмешаться в это дело.

Провокатор, которого умышленно укрывают работники милиции, стоит возле окна на втором этаже и цинично ухмыляется.

На обращение народа к лейтенанту милиции Абдалиеву М. Д. узнать фамилию провокатора, он отказался и заявил, что об этом сообщили начальству и что приедет подполковник милиции.

Мы требуем привлечения этого провокатора к строгой уголовной ответственности и предать суду за оскорбления, нанесенные крымскотатарскому народу.

Мы так же требуем привлечь к ответственности работников милиции, способствующих укрывательству провокатора, и прокурора Ерыкалова, отказавшегося блюсти социалистическую законность.

Отказ от привлечения к ответственности этих лиц мы будем расценивать как продолжение дискриминационного положения крымскотатарского народа и, если законное требование народа не будет удовлетворено, мы вынуждены будем обратиться с обращением в Комитет защиты прав человека при ООН.

Обращение крымских татар по поводу событий в городе Ташкенте 4 и 5 августа 1969 года. — 5 августа 1969 г.

Рано утром, 4 августа, тысячи крымских татар прибыли из различных мест к зданию суда, где вот уже 35-й день длится судилище над 10 представителями крымскотатарского народа. Народ пришел сюда сегодня услышать последнее слово Кадыева Роллана — известного физика-теоретика, коммуниста Хаирова Иззета и народного поэта, защитника героического Севастополя, представленного к высшей награде — Героя Советского Союза — Языджиева Исмаила.

Площадь и улицы перед зданием заполнены народом. Среди народа, и окружив его со всех сторон, стояли

милиционеры и лица одетые в штатском, среди которых народ узнает работников КГБ из Ташкента, Ангрена, Ферганы, Бекабада, Янгиюля, Аккурмана, Самарканда и других мест. Что их сюда привело? Здесь ли должно быть их место?!

В 10 часов утра плотное кольцо милиционеров, во главе с полковником Аванесовым, стали вытеснять народ из площади на проезжую часть дороги. Возмущаясь люди спрашивали: «Почему нас выгоняете?», «От кого прячетесь?», «Почему боитесь отласки суда?».

Эти вопросы еще более взбесили Аванесова и он подал команду — «Разогнать!». Милиционеры и лица в штатском бросились с яростью на людей и силой стали прогонять стоящий народ. Когда вытеснили всех к проезжей части дороги, руководители бесчинств над народом стали обвинять людей в нарушении общественного порядка. Вся цель Аванесова заключалась в этом. Люди, возмущенные беззаконием, творимым над ними, стали фотографировать бесчинство милиционеров и работников КГБ. Боясь, что их насилие станет доступным к обозрению общественности, милиционеры и работники КГБ бросились к фотоаппаратам. Они с яростью бросились на Куртвелиева Мидата — представителя крымских татар из города Самарканда. Вырвали из его рук фотоаппарат, скрутили руки и пиняя его ногами, избивая кулаками, поволокли к зданию суда, находящегося в окружении милиции. Товарищи бросились освобождать Мидата, стремясь вырвать его из рук разъяренных молодчиков. Милиционеры стали действовать еще наглее. Подобным же образом скрутили руки назад Сараметову Кадыру — представителю крымскотатарского народа из Крыма и еще двум другим гражданам: Эрнест и Джаферу из Янгиюля и Пятилетки и потащили всех к зданию суда.

На заслушание судебного разбирательства в этот день были допущены около 20 человек крымских татар и не менее этого количества работников КГБ. Возму-

ценные подобными действиями органов, собравшийся народ стал требовать выпустить незаконно арестованных граждан. На это органы ответили новым бесчинством и произволом. Атмосфера накалялась с каждой минутой. Возмущались подобным произволом не только крымские татары, пришедшие на суд, но граждане других национальностей, явившиеся свидетелями бесчинств работников милиции и КГБ. Стихийно из среды народа люди стали кричать: «Надо пойти пожаловаться», «идемте в ЦК КП Узбекистана», «идемте, должна же быть справедливость», — бушевал народ. И вот около 20 000 человек направились по улице Шота Руставели в направлении ЦК. Их цель была обратиться с просьбой освободить невинно арестованных, вернуть народ на Родину.

Шла длинная колонна. Шли дети, седые старики, женщины с суровыми лицами, рабочие с мозолистыми руками, шла молодежь. Шел колонной крымскотатарский народ, которого четверть века тому назад варварски изгнали с его родной земли.

Кто мог подумать в страшные годы комендантского режима, что этот народ переживет свою трагедию, он найдет волю и мужество, чтобы смело и громко выразить свое стремление!

Шел народ, многострадальная судьба которого темной тенью ложится на совести тех, кто повинен в трагедии крымскотатарской нации.

Каждый кто шел сегодня в этой колонне, чувствовал себя самым счастливым человеком. Торжествующая симфония далекой Родины звала и мужала в эту минуту этих людей! Они шли гордо и смело!

Что им нужно, что!? Плотнo прижатые губы, морщинистые лица, на которых отпечатки горькой судьбы, сурово говорили: «Довольно издеваться над нами, довольно судилищ, верните Родину народу! Восстановите справедливость!»

После долгой дороги народ на знаменитой Театраль-

ной площади, где некогда стоял памятник Великому Ленину, к которому в дни Ленинских торжеств собирались крымские татары, чтобы возложить цветы к его ногам. Их здесь били и разгоняли, устраивали облавы за то, что они не забыли ленинский декрет о создании Крымской АССР, за то, что они собирались здесь в день его рождения. Теперь здесь, где недавно с указательной рукой стоял вождь, возвысился непонятный памятник. Как это символично сочетается с политикой, проводимой против крымских татар. Кто знает за что убрали Ленина? Чья рука не дрогнула, когда он вырывал отсюда Ленина?

Какой-то седой старик, посмотрев на остроконечный шпиль непонятого памятника, поставленного на месте Ленина, спросил: «Здесь должен быть Ленин, где же он?» «Нет его. Он снят жестокой рукой с твоей судьбы старик», — тихо ответил кто-то из стоявших. И пошел народ дальше. Не долго пришлось идти до республиканской прокуратуры, где уже, загородив дорогу, стояли кордоны милиции и работников КГБ. «Вернитесь назад!», — подана угрожающая команда. Но народ не дрогнул перед этой угрозой. И пошли снова милицеские ряды разгонять народ. Схватились за руки люди и сев перед зданием прокуратуры стали скандировать: «Освободите наших заключенных!» «Освободите!» «Освободите!» «Прокурора сюда!» Здание прокуратуры было в окружении милиции. Эта сцена делалась для того, чтобы показать, что якобы татары напали на здание прокуратуры. Здесь на этом месте известный нашему народу своими бесчинствами армянин полковник Аванесов снова проявил себя. Расталкивая своим огромным, неуклюжим телом детей и женщин, он хотел проявить свой «героизм» против советских граждан-крымских татар, при этом желая воодушевить своих подчиненных. Но людские ряды были неподступны силенке одряхлевшего полковника. С яростью в лице, он как бешеный бросился на скандировавшую громко

женщину, стремясь вырвать ее из плотных рядов, но и это не под силу ему было. Тогда он побежал во внутрь здания звонить куда-то. Что он просил, — силу ли или более жестокую расправу над скандирующим народом — нам не известно.

Вернувшись, он стал на высоком месте и стал кричать на своих подчиненных, что они не справляются с «бунтовщиками». Полчаса народ скандировал перед зданием прокуратуры. К нему здесь, узнав его законные требования, присоединились узбеки, русские, греки и другие граждане, кто находился здесь поблизости. Сюда же подтягивали силы милиции и работников КГБ.

Приехал сюда и полковник Саркисов — создатель многих провокаций и злоумышлений против нашего народа.

Этот маленький человек — тоже армянин по национальности, работая многие годы в органах КГБ, неоднократно с ехидством и ненавистью оскорблял наших представителей, лил грязь на наш народ.

Полковник Аванесов и Саркисов, занимая ключевые позиции в органах милиции и КГБ в течение ряда лет, ведут грязную работу против законных требований крымскотатарского народа. Дезинформируя вышестоящие и государственные органы, они стремятся получить санкцию на свои антинародные преступные действия. Наш народ все больше убеждается в том, что именно по вине таких Аванесовых, Саркисовых и им подобных затягивается решение нашего национального вопроса. Именно этим объясняется тот факт, что в течение 30 минут, когда народ требовал перед зданием прокуратуры принять его представителей, Саркисов и Аванесов не сказали ни слова народу, а наоборот, настаивали и подстрекали милиционеров издеваться над нами. Со всех окон прокуратуры молча и сочувственно смотрели служащие. Отовсюду подтягивались все новые и новые силы милиции и КГБ. Перед народом неподвижно и угрюмо стояли стены здания прокуратуры и так же

безмолвные к его голосу лица, обличенные властью. Здесь стало известно, что по пути сюда с остановки был насильственно схвачен 72-летний старик из города Ташкента — Абдулджемилев Меджит, которого повезли куда-то в неизвестном направлении.

Чувствуя бесполезность дальнейшего пребывания здесь, народ двинулся дальше. «Идемте в ЦК!» «Идемте в ЦК!», — прозвучали голоса в рядах и все, дружно встав, колонной двинулись в направлении ЦК КП Узбекистана. Сопровождая народ, по бокам двигались кордоны мотоциклистов, милицейские машины; работники КГБ ехали в легковых машинах. Когда колонна приблизилась к гостинице «Россия», со всех сторон колонну окружили милиционеры и, окутав людей плотным в два ряда кольцом, держали их в течение 3 часов. Во все близлежащие места были стянуты силы милиции и солдат.

Какие-то чины приезжали и уезжали, давая указания. Народ молча и сурово сидел по краям дороги. Какого приказа ожидали эти милиционеры, никому не известно. К вечеру подъехал на машине комиссар милиции генерал Имамов, в сопровождении группы офицеров. Они подошли к сидячему в окружении народу: «Кто смелый, выходи разговаривать!», — с насмешкой крикнул генерал. На минуту народ вопросительно ждал, потом сотни голосов, оглушив генерала кричали: «Мы не трусы, любой из нас может говорить!» Генерал нащупав настроение массы, перешел на другой тон. «Расходитесь! Чего здесь собрались?», — кричал генерал. Народ зашумел. Он требовал освободить невинно арестованных в этот день. «Я не имею к этому отношения, разберутся — отпустят», — сказал Имамов. Несколько человек разъяснили генералу все, что их интересует. Он попросил, чтобы выделили 5-6 человек и они поедут с ним и узнают о судьбе арестованных товарищей и завтра сообщат своим. Выделили 6 человек, которые уехали с генералом, остальная масса народа

стала расходиться. Как выяснилось потом, в этот же день часть людей смогли на транспорте доехать до ЦК КП Узбекистана. Но здесь их так же встретили милиция и работники КГБ. Парк им. Гагарина, находящийся перед зданием ЦК, был окружен милиционерами и дружинниками. Людей не стали сюда пускать. Дорога, проходящая перед зданием ЦК, с двух сторон была закрыта. Граждан не пропускали, стояли машины с рациями и плотный в два ряда строй милиции. Удивленные граждане расспрашивали милиционеров. Одни из них говорили, что приезжает какая-то делегация, а некоторые пускали провокационные слухи, что якобы татары устроили нападение на здание ЦК КП Узбекистана. В этот же день здесь перед зданием ЦК КП был арестован известный молодой поэт нашего народа Фазылов Эскендер.

Его арест мотивировали тем, что он якобы здесь оказался самым высоким и бросающимся в глаза. Группа молодежи, возвращаясь домой, в восемь часов вечера позвонили дежурному по городу и сообщили, что якобы крымские татары идут в направлении ЦК. Женщина, оказавшаяся у телефона, оставив трубку с криком: «Татары снова идут в ЦК! Татары снова идут в ЦК!» — побежала. По тому шуму и панике, которая шла в эту минуту в ГУМе, ясно стало одно, что никому никаких трудностей не стоит, чтобы сразу понять информатора. Работники ГУМа уже были осведомлены и инструктированы об «угрозе» со стороны татар. Женщина, поднявшая телефон, даже не стала спрашивать: «Кто это звонит и что значит, татары идут в ЦК.» Так тревожно выглядел день 4 августа в будничной жизни «блюстителей» порядка г. Ташкента. Настала последняя ночь — 35-я ночь позорного судилища над представителями крымскотатарского народа. Что будет завтра? Какой приговор вынесет суд?

Рано утром 5 августа, когда люди стали подходить к зданию суда, оно уже было окружено милиционерами.

С двух сторон здания стояли огнетушительные машины, заполненные неизвестной жидкостью. Установили машины перед зданием суда специально для того, чтобы психически с утра воздействовать на умы представителей крымских татар. И заранее устроить, что, мол, смотрите, мы будем в случае чего вас разгонять струями брандспойта. Сам полковник Аванесов грозно шагал мимо своих подчиненных и, видимо чувствуя какую-то неловкость за свои неудачи и бесчинство вчера, с украдкой поглядывал на народ. А народ все прибывал и прибывал. Аванесов в окружении подполковников и лейтенантов обозревал огромную массу людей, чувствовал себя дурно. В этот день было очень жарко. С утра до 4 часов дня народ стоял под палящим солнцем. Тысячи посланцев крымскотатарского народа ждали приговора суда. К 4 часам появился «черный ворон», на котором привезли представителей народа. Вся площадь перед зданием суда зашевелилась. Плотное кольцо милиционеров, с самого утра державших в окружении здание суда, стали вытеснять народ с территории, прилегающей к зданию суда, в сторону главной магистральной дороги по улице Шота Руставели.

Получалось так, что кто-то из руководителей, организовавших все эти бесчинства над татарами, делал злоумышление, с целью опорочить советский общественный строй, с целью показать всей общественности, что вот, мол, он открытый суд. В течение более месяца, как здесь шел суд, по этой дороге, наверно, прошли сотни тысяч машин с людьми и все эти люди стали очевидцами, как в городе Ташкенте по улице Шота Руставели в маленьком помещении городского суда, спрятавшись от общественности, судят крымских татар. В последний день народу было очень много и вытесненный народ заполнил полностью всю дорогу, в результате чего остановилось движение. Органы милиции и КГБ делали это специально, чтобы спровоцировать уличные беспорядки, а потом обвинить татар в нарушении

нии общественного порядка. И на основе этого организовывать новый произвол и бесчинство над представителями народа, прибывшими на суд.

Милиция во главе с полковником Аванесовым стала действовать сегодня еще наглее. Став в два-три ряда они с руганью и криками расталкивали народ. Тем, которые оказывались в соприкосновении с ними, они скручивали руки и, поворачивая в сторону народа, толкали их в спину. Оскорбляли женщин, поступая с ними недозволенными методами. Аванесов с группой милиционеров бросился на старушку — мать Аметовой Светланы, которая оказалась за кольцом милиционеров. От их сильного толчка она упала без сознания. Потерял сознание и старик лет 65-70, которого милиционеры ударили в живот; его потом увезли в больницу. Эти издевательства над народом глубоко возмутили присутствующих: «Что это за зверские издевательства?», — кричали люди других национальностей. «Лучше смерть, чем эти издевательства!», — крикнул кто-то, и все люди сели на проезжей части дороги. Группа юношей прямо легла на черный асфальт дороги. «Добейте нас сволочи!», — кричали они на бесчинствующих милиционеров. Обстановка все накалялась. Народ дошел до такого состояния, что могло случиться и кровопролитие. В это время к Аванесову, руководящему этой провокационной операцией по избиению крымских татар, подошел какой-то неизвестный человек и что-то сказал ему. К этому моменту огромная масса людей бесстрашно ринулась на озверевших милиционеров. Те, почувствовав решимость народа, стали отступать и беспорядочно бежать в сторону полковника Аванесова. Заметив это, Аванесов стал лисой. Он поднялся на бугорок, снял фуражку и, вытирая пот с лица, умоляюще стал просить прекратить все это. Я отступаю на 20 метров товарищи. Пройдите сюда товарищи, растерянно кричал в окружении милиционеров организатор этой гнусной провокации. Провокация против

народа натолкнулась на народную решимость и неотступность. Она обернулась неудачей против его организаторов. Да, полковник Аванесов со своей грубой силой отступил перед народом на 20 метров, пусть на 20 метров, но и это была победа. Крымскотатарский народ ни при каких условиях и провокациях не терял свое гражданское чувство и мужество. Представители народа все организованно встали и прошли на отступленную полковником территорию. Борьба милиции и работников КГБ, с применением силы по отношению к народу, утихла. С унылыми, с уставшими лицами в поту, опустив головы, стояли милиционеры. В глаза им с проникающими взглядами смотрели женщины, старики и дети, смотрели представители крымскотатарского народа.

Как это все печально и обидно! Печально за слезы поседевших от горя матерей, отцов, овдовевших жен и осиротевших детей. Обидно за честь нашей страны — страны Ленина. Разве такой хотел видеть ее Ленин?!

25 лет тому назад, враги ленинской национальной политики, шовинистические элементы, пробравшиеся к власти, разжигатели национальной розни, на подобие аванесовых, саркисовых, совершили гнуснейшее преступление. Выселяя 14 народов Кавказа и Крыма они преследовали цель — ослабить основу советского государства. Исподтишка прикрываясь «защитниками» интересов советского государства, они подтачивали и по сегодняшний день делают все, чтобы опорочить нашу страну. Опорочить нашу страну перед всем миром. Это они и им подобные в 1944 обвинили в измене крымскотатарский народ, прикрываясь жизненными «интересами» советского государства, добились своих гнусных целей.

Это на их совести жизни сотен тысяч невинных советских граждан, погибших в результате проведенной ими членоконенавистнической политики — неприязни к целым народам. Полковники Аванесов и Саркисов

уже многие годы работают в органах КГБ и милиции, занимают ответственные посты. Многие крымские татары являются свидетелями, как они вдвоем непосредственно руководили антитатарскими операциями в сентябре и августе месяцах 1967 года в городе Ташкенте, над татарами у площади Новои.

Они являются непосредственными руководителями избиения крымских татар 22 апреля 1966 года перед памятником Ленина, пришедших, чтобы возложить цветы к ногам этого человека. Они также принимали самое активное участие вместе с генералом Шералиевым и Имамовым в городе Чирчике в избиении крымских татар.

Принимая во внимание все выше изложенное мы — крымские татары, являющиеся очевидцами событий 4-5 августа 1969 года, обращаемся в ЦК КПСС и Советское правительство с просьбой создать спецкомиссию для расследования преступных действий Аванесова и Саркисова против крымскотатарского народа. Мы требуем привлечь их к строгой уголовной ответственности.

Мы требуем партию, ЦК КПСС и Советское правительство решить окончательно в духе ленинской национальной политики наш национальный вопрос. Мы требуем освободить всех кто томится в тюрьмах за стремление и деятельность по ленинскому решению нашего национального вопроса.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

*Декрет об образовании Крымской АССР.
18 октября 1921 г.*

ДЕКРЕТ Всероссийского Центрального Исполнительного
Комитета и Совета Народных Комиссаров

556. Об Автономной Крымской Советской
Социалистической Республике.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров постановляют:

1. Образовать Автономную Крымскую Социалистическую Советскую Республику как часть РСФСР в границах Крымского полуострова из существующих округов: Джанкойского, Евпаторийского, Керченского, Севастопольского, Симферопольского, Феодосийского и Ялтинского.

Примечание. Для разрешения вопросов о северных границах Крыма образовать Комиссию в составе представителей Народного Комиссариата Внутренних Дел РСФСР, Украинской Социалистической Советской Республики, Крымской Социалистической Советской Республики и Народного Комиссариата по Делах Национальностей, решение которой утверждается Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.

2. Аппарат государственной власти Автономной Крымской Социалистической Советской Республики складывается согласно Конституции РСФСР из местных Советов, Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Крымской Социалистической Советской Республики.

3. Для управления делами Автономной Крымской Социалистической Советской Республики учреждаются Народные Комиссары:

1) Внутренних Дел, 2) Юстиции, 3) Просвещения, 4) Здравоохранения, 5) Социального Обеспечения, 6) Земледелия, 7) Продовольствия, 8) Финансов, 9) Труда, 10) Совета Народного Хозяйства, 11) Рабоче-Крестьянской Инспекции, 12) Народной Связи и Управления Коммунального Хозяйства и Статистики.

4. а) Для управления Военными Делами Крымской Социалистической Советской Республики создается Крымский Военный Комиссариат при Совете Народных Комиссаров Крымской Социалистической Советской Республики, подчиненный ближайшему Военному Округу.

Примечание. Управление Военно-Морскими Делами остается в ведении Центральных Органов РСФСР.

б) Для ведения борьбы с контр-революцией создается при Совете Народных Комиссаров Крымской Социалистической Советской Республики Крымская Чрезвычайная Комиссия, подчиненная непосредственно Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, при чем ее Коллегия формируется Крымским Советом Народных Комиссаров и утверждается Всероссийской Чрезвычайной Комиссией.

в) Иностраннные Дела и Внешняя Торговля остаются всецело в ведении Народных Комиссариатов РСФСР, которые создают соответствующие представительства при Совете Народных Комиссаров Крымской Социалистической Советской Республики.

г) Управление Путиами Сообщения в пределах Крымской Социалистической Советской Республики остается всецело в ведении Народного Комиссариата Путей Сообщения РСФСР, причем для управления Путиами Сообщения на территории Крыма учреждается Уполномоченный Народного Комиссариата Путей Сообщения при Совете Народных Комиссаров Крымской Социалистической Советской Республики, действующий под руководством Южного Округа Путей Сообщения в со-

ответствии с интересами Автономной Крымской Социалистической Советской Республики в пределах общего плана и порядка использования Путей Сообщения РСФСР.

д) Центральное Управление Курортами Крыма остается непосредственно в подчинении Народного Комиссариата Здравоохранения РСФСР, причем Коллегия Ц.У.К. формируется по соглашению Народного Комиссариата Здравоохранения РСФСР и Совета Народных Комиссаров Крымской Социалистической Советской Республики.

Примечание. Начморвед, Председатель Коллегии Ц.У.К., представители Народного Комиссариата Иностранных Дел, Народного Комиссариата Внешней Торговли, Уполномоченный Народного Комиссариата Путей Сообщения РСФСР, Заведующий Коммунальным Хозяйством и Председатель Статистического Управления входят в Крымский Совет Народных Комиссаров с правом совещательного голоса.

5. Все учреждения и отдельные представители объединенных Народных Комиссариатов РСФСР, находящиеся на территории Крыма, не предусмотренные настоящим положением об Автономной Крымской Советской Социалистической Республике, действуют по директивам соответствующих Народных Комиссариатов РСФСР в контакте с Крымским Советом Народных Комиссаров.

6. В целях сохранения единства финансовой, хозяйственной политики по всей территории РСФСР, все декреты и распоряжения Народных Комиссариатов РСФСР: Продовольствия, Финансов, Совета Народного Хозяйства, Труда, Путей Сообщения, Народной Связи, Рабоче-Крестьянской Инспекции и Центрального Статистического Управления, являются обязательными для соответствующих Народных Комиссариатов Крымской Социалистической Советской Республики.

Примечание. Народные Комиссары упомянутых Ко-

миссариатов и Управлений назначаются Крымским Советом Народных Комиссаров и утверждаются соответствующими Народными Комиссариатами РСФСР, тот же порядок устанавливается в отношении председателя Крымской Чрезвычайной Комиссии.

7. Народные Комиссариаты Крымской Социалистической Советской Республики: Внутренних Дел, Юстиции, Просвещения, Здравоохранения, Социального Обеспечения, Земледелия и Управление Коммунальным Хозяйством автономны в своих действиях и ответственны непосредственно перед Крымским Центральным Исполнительным Комитетом, Крымским Советом Народных Комиссаров и Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.

8. Для согласования и объединения деятельности хозяйственных органов Крымской Социалистической Советской Республики при Совете Народных Комиссаров Крымской Социалистической Советской Республики создается Крымское Экономическое Совецание, действующее согласно постановлению Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 30 июня 1921 г. (Собр. Узак. № 44, ст. 223).

9. Всеми финансовыми и техническими средствами Автономная Крымская Социалистическая Советская Республика снабжается из общих средств РСФСР.

Примечание. При распределении продуктов местного производства запросы и нужды Крымской Социалистической Советской Республики удовлетворяются в первую очередь.

10. До созыва Всекрымского Учредительного Съезда Советов и выборов Крымского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров территория Крыма управляется Крымским Революционным Комитетом.

Подписали: Председатель Всероссийского Централь-
ного Исполнительного Комитета

М. Калинин.

Председатель Совета Народных
Комиссаров

В. Ульянов (Ленин).

Секретарь Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета

А. Енукидзе.

18 октября 1921 г.

Распубликован в № 234 Известий Всероссийского
Центрального Исполнительного Комитета Советов от
19 октября 1921 г.

*Закон о преобразовании Крымской АССР
в Крымскую область.*

Опубликован в газ. «Известия» 26 июня 1946 г.

ЗАКОН об упразднении Чечено-Ингушской АССР
и о преобразовании Крымской АССР
в Крымскую область.

Во время Великой Отечественной Войны, когда народы СССР героически отстаивали честь и независимость Родины в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, многие чеченцы и крымские татары по наущению немецких агентов вступали в организованные немцами добровольческие отряды и вместе с немецкими войсками вели вооруженную борьбу против частей Красной Армии, а также по указке немцев создавали диверсионные банды для борьбы с советской властью в тылу, причем основная масса населения Чечено-Ингушской и Крымской АССР не оказывала противодействия этим предателям Родины.

В связи с этим чеченцы и крымские татары были переселены в другие районы СССР, где они были наделены землей с оказанием необходимой государственной помощи по их хозяйственному устройству. По представлению Президиума Верховного Совета РСФСР Указами Президиума Верховного Совета СССР Чечено-Ингушская АССР была упразднена, и Крымская АССР преобразована в Крымскую область.

Верховный Совет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики постановляет:

1. Утвердить упразднение Чечено-Ингушской АССР и преобразование Крымской АССР в Крымскую область.
2. Внести соответствующие изменения и дополнения в статью 14 Конституции РСФСР.

*Указ о гражданах татарской национальности,
проживавших в Крыму. — 5 сентября 1967 г.*

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

493. О гражданах татарской национальности,
проживавших в Крыму

После освобождения в 1944 году Крыма от фашистской оккупации факты активного сотрудничества с немецкими захватчиками определенной части проживавших в Крыму татар были необоснованно отнесены ко всему татарскому населению Крыма. Эти огульные обвинения в отношении всех граждан татарской национальности, проживавших в Крыму, должны быть сняты, тем более, что в трудовую и политическую жизнь общества вступило новое поколение людей.

Президиум Верховного Совета СССР *постановляет:*

1. Отменить соответствующие решения государственных органов в части, содержащей огульные обвинения в отношении граждан татарской национальности, проживавших в Крыму.

2. Отметить, что татары, ранее проживавшие в Крыму, укоренились на территории Узбекской и других союзных республик, они пользуются всеми правами советских граждан, принимают участие в общественно-политической жизни, избираются депутатами Верховных Советов и местных Советов депутатов трудящихся, работают на ответственных постах в советских, хозяйственных и партийных органах, для них ведутся радиопередачи, издается газета на родном языке, осуществляются другие культурные мероприятия.

В целях дальнейшего развития районов с татарским населением поручить Советам Министров союзных республик и впредь оказывать помощь и содействие гражд-

данам татарской национальности в хозяйственном и культурном строительстве с учетом их национальных интересов и особенностей.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 5 сентября 1967 г.

№ 1861—VII.

*Постановление о порядке применения статьи 2 указа
от 28 апреля 1956 года. — 5 сентября 1967 г.*

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР**

494. О порядке применения статьи 2 Указа Президиума
Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года

Президиум Верховного Совета СССР *постановляет:*

Разъяснить, что граждане татарской национальности, ранее проживавшие в Крыму, и члены их семей пользуются правом, как и все граждане СССР, проживать на всей территории Советского Союза в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 5 сентября 1967 г.

№ 1862—VII.

Письмо 16 представителей крымскотатарского народа о событиях в Чирчике. — Москва, 23 апреля 1968 г.

Политбюро ЦК КПСС
 Президиуму Верховного Совета СССР
 Председателю Совета Министров СССР
 Генеральному Прокурору СССР

Представителям крымскотатарского народа в Москве стало известно о трагических событиях, разыгравшихся в городе Чирчике 21 апреля 1968 года.

В этот воскресный день крымские татары хотели торжественно и празднично отметить день рождения В. И. Ленина, который дорог нашему народу еще и тем, что он явился инициатором создания Крымской Автономной Советской Социалистической Республики. С этой целью крымские татары, проживающие в городе Чирчике, решили провести массовое гуляние, о чем сообщили и в горком партии. Но первый секретарь горкома Якубов Ф. Г. категорически восстал против этого. Нашим представителям он заявил, что не разрешает крымским татарам отмечать день рождения В. И. Ленина ни в какой форме. «Если вы соберетесь на массовое гуляние, — заявил он, — против вас будет применена сила». Присутствовавший при этом генерал-майор органов Министерства общественного порядка Шаралиев позвонил в Ташкент и демонстративно отдал распоряжение: «Стянуть войска к гор. Чирчику!»

Утром 21. 4. к городу Чирчику начали подходить машины, в которых ехали крымские татары из различных населенных пунктов Ташкентской области, чтобы участвовать в намеченном праздновании совместно со своими чирчикскими родственниками, друзьями и знакомыми. Но оказалось, что на всех дорогах выставлены усиленные наряды милиции, которые высаживали едущих из машин, и у водителей отбирали права. Не-

смотря на это, к месту намеченного гуляния собралось много народу. Собравшиеся увидели, что гулять негде, т. к. место гуляния плотно занято войсками и милицией. Тогда люди устремились в городской парк, чтобы все же отпраздновать рождение великого Ленина. Примерно к 13 часам, когда гулянье было уже в полном разгаре — повсюду слышался смех, веселые песни, гремела музыка, люди весело танцевали народные танцы, шли шумные игры — парк был окружен войсками и милицией. Началось немыслимое. В гущу веселящихся людей подошедшие с милицией водометные машины направляли сильнейшие струи какой-то ядовитой жидкости. Этими струями людей сбивали с ног. У всех попавших под струю на платье оставались белые пятна. Какой при этом нанесен вред здоровью сказать пока нельзя, но что вред был свидетельствует то, что участвовавшие в разгоне гулянья войска и милиция имели при себе противогазы. Милиционеры набрасывались на людей, выкручивали им руки, наносили побои, грубо вталкивали в тюремные машины и куда-то увозили.

Это ничем не спровоцированное нападение на мирных веселящихся граждан вызвало бурное возмущение. Некоторые из них, особенно подвергшиеся оскорблениям женщины, начали оказывать сопротивление грубому произволу. Но основная масса гулящих, прорвав кольцо окружения, начала уличное шествие. Колонны людей с возгласами возмущения двинулись по городу. Когда колонна подошла к горкому партии от нее отделились 8 человек, которые пошли в горком, чтобы заявить устный протест против явного произвола. Депутацию не приняли, а на демонстрантов направили струи жидкости и набросилась милиция. Но народ не расхотелся. До ночи войска и милиция продолжали вести войну с людьми, выражавшими возмущение расправой с народом.

Поздно вечером дневной произвол был дополнен арестами по квартирам. Причем арестовывались даже те, кто на празднование не ходили. По неполным дан-

ным всего за 21 апреля арестовано около 300 человек. Многим нанесены физические травмы.

Мы уверены, что произвол этот творился не без ведома партийного и государственного руководства УзССР, т.к. описанными действиями, помимо упоминавшегося уже секретаря горкома партии Якубова и генерал-майора Шералиева, руководили представители КГБ УзССР и зам. прокурора республики Бочаров.

Рассматривая эти действия как порочащие советский общественный и государственный строй и как провокационные в отношении нашего народа, мы от его имени и по его поручению *требуем*:

1. Немедленного освобождения всех арестованных;
2. Создания специальной партийно-государственной следственной комиссии с участием свободно избранных представителей крымскотатарского народа, без включения в нее представителей местных властей, как непосредственных виновников учиненного произвола; на комиссию возложить проведение в срочном порядке гласного расследования событий 21. 4. 68 г., выявления всех виновников происшедшего для строгого их наказания.

Находящиеся в Москве представители крымскотатарского народа:

1. Асанов Энвер (г. Фергана)
2. Гусейнова Леннара (г. Бекабад)
3. Джемилев Мустафа (г. Гулистан)
4. Касимов Идрис (г. Той-тюбе)
5. Клевлеева Равзие (г. Андижан)
6. Мандражи Ифет (пос. Зиадин, Сам. Обл.)
7. Меджитов Касип (ст. Н-Баканка, Краснодар. Кр.)
8. Мамутов Марлен (г. Бекабад ДВЗ № 1)
9. Муратов Асан (г. Алмалык)

10. Омеров Ферит (пос. Сыр-Дарьинск)
11. Расинов Юсуф (г. Бекабад)
12. Расулов Мустафа (пос. Шарихан, Андиж. обл.)
13. Сейтаблаев Шевкет (г. Янгиюль)
14. Уланова Эсма (г. Москва)
15. Ягичев Умер (г. Фергана)
16. Хайрутдинова Эмина (г. Маргелан).

23 апреля 1968 г.

*Решат Байрамов: Геноцид в политике правительства
Советского государства. — Май 1968 г.*

Общественности страны советов,
Крымскотатарскому народу,
В советские партийно-государственные организации.

Геноцид в политике правительства
Советского государства.

Поводом для написания данного письма послужила прочитанная мною брошюра, опубликованная издательством «Знание», «Геноцид в политике империалистических государств».* При ознакомлении с данной брошюрой я встретил подобные явления в политике руководства Советского государства, которые я привожу ниже и сопоставляю. Так, например, автор брошюры пишет:

«... В международном праве утвердились нормы, устанавливающие уголовную ответственность лиц, совершивших преступление против человечности. Однако реакционные круги Англии, США, ЮАР и других империалистических государств, грубо нарушая общепризнанные нормы международного права, в широких масштабах осуществляют геноцид».

А нельзя выразить иначе: «Однако правящие круги Советского правительства, грубо нарушая общепризнанные нормы международного права, в широких масштабах осуществляют геноцид против крымскотатарского народа».

Я думаю, что это вполне закономерно, ибо нельзя отвергнуть четвертьвековое истребление крымскотатарского народа.

Геноцид — это преступление. Он представляет собой

* М. Н. Андрюхин, *Геноцид в политике империалистических государств*. Москва 1967, 48 с.

ряд действий, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группы, а также лишение гонимой нации возможности развивать свою культуру и язык. Геноцид разделяется на три формы — физическую, национально-культурную, биологическую.

Национально-культурный геноцид — это уничтожение того, что связывает определенную группу людей в единую нацию или народ, лишение возможности развития преследуемого народа, уничтожение его языка, литературы, искусства, разрушение исторических памятников и так далее.

В результате выселения, голода, холода и эпидемий только в течение одного 1944-45 года погибло более 46 % крымскотатарского народа. В результате выселения была ликвидирована Крымская АССР. С ликвидацией последней уничтожена литература, язык, разрушены исторические памятники нашей древней культуры, поруганы и стерты с лица земли могилы наших предков.

Это ли не преступление против человечности?

Разве можно с этим *мириться*?

Разве можно об этом *молчать*?

Молчать равносильно тому, что выполнять эти акции произвола! Лишение крымскотатарского народа жизненного пространства несовместимо с принципами самоопределения наций и в корне противоречит Конституции СССР, Всеобщей декларации прав человека, Уставу ООН.

Разбросанный в результате выселения по различным республикам, областям, районам нашей страны, наш народ был обречен на полное уничтожение путем физического и национально-культурного истребления и ассимиляции. Одновременно, чтобы оправдать свое преступление против человечности, в ход была пущена пропагандистская машина: жгли книги, древние рукописи — только потому, что они были изданы на крымскотатарском языке. Ничто не должно напоминать о суще-

ствовавшей когда-либо крымскотатарской нации. Жгли труды русских и зарубежных писателей и историков. В короткий срок необходимо было написать «новую историю» Крыма и литературу о ней: татары — изменники, предатели, грабители и, в конце концов, неполноценный народ, — вот что должны были знать народы мира о крымских татарах. Трудолюбие, честность, преданность — все это должно быть забыто.

Писаки в погоне за сталинской премией старались доказать виновность крымских татар, фальсифицировали историю, клеветали на крымскотатарский народ, чтобы вызвать к нему ненависть русских, узбеков, украинцев и других народов.

Вспомню один случай, происшедший в школе. Я учился во втором или третьем классе (стало быть, мне было девять или десять лет). В нашем классе один из моих одноклассников сказал учительнице, что у него пропали десять рублей (при старых деньгах). Наша учительница спросила: «Кто нашел или взял эти деньги?» Все молчали. В классе крымскотатарских ребят было двое. Учительница заставила нас двоих вывернуть карманы брюк в присутствии всех учеников класса, директора и завуча школы, которые были приглашены в класс. Очевидно, и пропаганде в школах придавали немаловажное значение. А это не могло не оставить какой-то осадок в душе моих одноклассников. Как известно, в целях обеспечения эффективных мер наказания за геноцид, проект, внесенный представителями нашего государства в специальный комитет ООН в апреле 1946 года, предусматривал введение в национальное законодательство норм, устанавливающих строжайшую ответственность за совершение преступления геноцида, за разжигание расовой, национальной и религиозной вражды между народами.

Это ли не разжигание национальной вражды?

Это ли не позор века?

Несостоятельность расовых теорий подтверждается ходом исторического развития.

«Ярким подтверждением этому служит всемирно-историческое развитие народов, вставших на путь социализма. Народы Советского Союза, принадлежащие к различным расовым группам, достигли огромных успехов в развитии экономики и культуры. В социалистическом обществе не только обеспечено политическое равноправие наций, но и ликвидировано унаследованное от старого строя их экономическое и культурное неравенство. Опираясь на братскую взаимопомощь, все советские национальные кадры рабочего класса и интеллигенции развили национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру» (там же).

О каком национальном равноправии, о какой национальной республике может сказать крымскотатарский народ?

Крымскотатарский народ долгие годы требует восстановления равноправия — Крымской Автономной Советской Социалистической Республики и всех декретов о Крыме.

Переселение по оргнабору 148 семей крымских татар, несколько десятков прописанных в Крыму — может это вы называете равноправием?

Разве мало лучших сыновей и дочерей нашей национальной интеллигенции осуждены, исключены из рядов КПСС, уволены с работы за участие в национальном движении, многие из них до сих пор томятся в тюрьмах. Это не прекращается и по сей день.

Вот как разрешается национальный вопрос крымских татар!

И далее, покажите хоть одного крымского татарина, работающего в Министерстве связи; в системе охраны общественного порядка; в системе государственной безопасности; в системе прокуратуры и суда; даже на заводах химической промышленности; в системе партийно-государственных и хозяйственных органов.

Доводы тов. Андрюхина М. Н., приводимые в брошюре, не клеятся с истинным положением дел в Советском Союзе.

Это ли не национальная дискриминация!!!

Статья 123 Конституции СССР гласит: «Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом. Какое-то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установленные преимуществ в зависимости от их расовой или национальной принадлежности, равно как всякая пропаганда расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения, — *карается законом*» (подчеркнуто мною).

Всему этому можно дать безошибочную формулировку — «дезинформация общественного мнения».

Позвольте вас спросить, товарищи члены Политбюро ЦК КПСС, члены Президиума Верховного Совета СССР, работники КГБ, прокуратуры и суда: «Где вы были в то время, когда готовилось и совершалось преступление против крымскотатарского народа? Почему вы молчали? Или боялись оказаться среди расстрелянных, заточенных в сталинские лагеря? А сейчас вы свое молчание выдаете за партийную дисциплину».

Разве не вы сегодня у руководства, когда совершаются массовые аресты, избиения, судилища и всевозможные преследования на Родине — в Крыму крымских татар, вернувшихся в Крым на основании Указа от 5 сентября 1967 года.

И это вы стараетесь выдать за самочинство местных властей. И это вы выдаете за марксистско-ленинскую теорию. Уместно привести слова Великого Вождя: «Тот не марксист, тот даже не демократ, кто не признает и не отстаивает равноправие наций и языков, не борется со всяким национальным гнетом или неравноправием».*

Что касается ответственности за геноцид, то каждое государство несет международную, политическую, материальную ответственность. Организации же, пресле-

* Ленин, ПСС, 5 изд. т. 24, с. 125.

дующие цели геноцида, и от имени которых совершаются преступления, должны быть признаны преступными и распущены. Это предусматривает статья 10 Устава Международного Трибунала.

И далее, покажите хоть одно лицо, которое понесло бы какое-либо наказание за совершенные преступления по отношению к крымскотатарскому народу.

Пункт «С» статьи 6 устава Международного Военного Трибунала четко характеризует правовые нормы, которые устанавливает:

«Руководители, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых преступлений, убийств, истребления, порабощения, ссылки и так далее, несут ответственность за действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана».

Разве не является четвертьвековая дискриминация крымскотатарского народа вдали от Родины-Крыма — в резервации — продолжением политики царизма: Крым — без крымских татар?

Вот как соблюдают у нас — в Советском Союзе — международные нормы прав!

Где ваше партийное лицо?! Где ваша гуманность?!

«Никаких привилегий ни одной нации, ни одному языку; решение вопроса о политическом самоопределении нации, то есть государственном отделении их, вполне свободным демократическим путем; издание общегосударственного закона, в силу которого любое мероприятие, проводящее в чем бы то ни было привилегию одной из наций, нарушающее равноправие наций или права национального меньшинства, объявляется незаконным и недействительным, и любой гражданин государства в праве требовать отмены такого мероприятия как противоконституционного и уголовного наказания тех, кто стал бы проводить его в жизнь». — Вот принцип национальной программы рабочей демократии.

В соответствии с Международной Конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации, принятой 21 декабря 1965 года XX-й сессией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, каждое государство обязано:

1. Не совершать в отношении лиц, группы или учреждения каких-либо актов или действий, связанных с расовой дискриминацией, и гарантировать, чтобы все национальные и местные государственные органы и государственные учреждения действовали в соответствии с этим обязательством;

2. Не поощрять, не защищать и не поддерживать расовую дискриминацию, проводимую любыми лицами или организациями;

3. Принять эффективные меры для пересмотра политики правительства как в национальном, так и в местном масштабе, а также к исправлению, отмене или аннулированию всех законов и постановлений, ведущих к возникновению или увековечиванию расовой дискриминации всюду, где она существует;

4. Запретить расовую дискриминацию, осуществляемую любыми лицами, группами или организациями, и положить ей конец, используя для этого все надлежащие средства, в том числе и законодательные меры;

5. Поощрять в надлежащем случае объединяющие многорасовые организации и движения, равно как и другие мероприятия, направленные на уничтожение расовых барьеров, и не поддерживать тех, кто способствует углублению расового разделения (из ст. 2).

И так, сделаем выводы.

1. Требования крымскотатарского народа о возвращении на родину — в Крым и восстановлении национального равноправия в многонациональной семье народов СССР и в целом движение нашего народа за возвращение в Крым предусматриваются законодательными и юридическими организациями как в союзном, так в международном масштабах.

2. Требования крымскотатарского народа советскими и партийными органами *игнорируются*, а его движение всячески стараются подавить.

3. Статьи Конституции СССР, Устава ООН, Декларации прав человека, Конвенции Международного Трибунала нашим правительством *грубо нарушаются*.

В письмах, адресованных в партийно-правительственные организации гражданами из числа крымскотатарской национальности, говорится, что сталинские времена прошли и возврата к ним не будет: А я почему-то думаю, что от сталинского режима мы не уходили. (Когда я говорю мы, я подразумеваю наше родное правительство. Ведь оно очень уж любит при любых обстоятельствах и условиях, без какого-либо основания выступать от нашего имени, то есть от имени всего советского народа.) Что собственно изменилось?

Аресты, судебные процессы, преследования, проводимые по приказу Сталина, проводятся и сегодня. Все те же лагеря (оставленные в наследство Сталиным, в которых томятся тысячи политзаключенных) живут и процветают по сей день. Только все эти мероприятия в настоящее время проводятся в более замаскированном виде. (До того замаскировали их от советского народа, что нетрудно почувствовать и увидеть простым, невооруженным глазом.)

За последние несколько лет в нашей стране — Москве, Ленинграде, Ташкенте, последнее время в Крыму, прошел целый ряд судебных процессов, людей судили в основном за убеждения. Процессы проходили в нарушении законности, а главное из которых — отсутствие гласности. Многочисленные протесты, обращения, заявления оставались и остаются без ответа. Не только без ответа, авторы их подвергаются репрессиям — аресты, исключения из рядов КПСС, увольнения с работы — и другим видам преследования. Все эти мероприятия проводятся при нарушении статьи 19 Всеобщей декларации прав человека, утвержденной и про-

возглашенной 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН:

«Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их. Это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи, любыми средствами, независимо от государственных границ».

Эти советские люди, на которых обрушиваются мощные удары со стороны КГБ, а следовательно, и правительства, по характеру ничем не отличаются от тех, кого сегодня в братской Чехословакии называет наша печать врагами народов СССР.

В данном письме хочу выразить уверенность в том, что наше правительство сочтет все-таки нужным открыто сказать всему советскому народу о действительном положении дел в дружественной Чехословакии.

С уважением

Байрамов Решат

треста «Запорожэлектромонтаж»
пр. Б. Хмельницкого 43-55.
г. Мелитополь
электромонтажник МСУ-400

Май 1968

*Письмо-заявление представителей крымскотатарского
народа. — Май 1968 г.*

Центральному Комитету КПСС
Верховному Совету СССР
Совету Министров СССР

Письмо-заявление

прибывших в Москву в канун 24-летнего «юбилея» со «дня освобождения Крыма от крымских татар» представителей крымскотатарского народа, более 10 лет борющегося за восстановление своего национального равноправия, гарантированного Советской Конституцией.

Из 50 лет существования Советского государства 24 года полумиллионный крымскотатарский народ находится в условиях уничтожения крымскотатарской нации, ликвидации признаков народности, таких как наличие национальной территории и общности экономики, литературного языка, культуры, особенностей психологии и прогрессивных традиций и т. д., но самое страшное — в условиях изгнания из родной земли, Крыма.

Только под влиянием непримиримости крымскотатарского народа к своему неравноправному положению среди других народов СССР, возросшего политического самосознания, борьбы за восстановление своих конституционных прав — официальная пропаганда процветающую с 1944 года по 1967 г. политику «Крым — без крымских татар!» представила как последствие культуры личности Сталина.

Несмотря на то, что виновник массы злодеяний и преступлений скончался в 1953 году, понадобилось еще 14 лет для того, чтобы народ добился политической реабилитации, выразившейся, правда, лишь в призна-

нии «огульных обвинений всех граждан татарской национальности, проживавших в Крыму» необоснованными «милосердным» Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г., фактически санкционировавшим, с другой стороны, насильственные методы «укрещения» татар на «территории Узбекской и других социалистических республик» и претворение в жизнь наихудшего варианта «культурно-национальной автономии», чуждой принципам ленинской национальной политики.

Отношение к подобным методам разрешения своего национального вопроса крымскотатарский народ после выхода указа выразил в общенародном обращении и дополнительных десятках тысяч коллективных и индивидуальных писем, в которых ясно выражено мнение народа о немыслимости своего экономического, культурного и политического развития без проживания на своей национальной родине, в Крыму.

Каковы же основные моменты, отражающие реакцию советских и партийных органов на борьбу крымскотатарского народа за организованное возвращение в Крым и восстановление ленинских декретов о Крыме?

1. Вернувшихся осенью 1967 г. из ссылки в Крым татар с применением даже физического насилия выдворили за пределы полуострова. Об этом безобразии народ информировал партию и правительство, но не получил как и в других случаях никакого ответа, что, возможно, не является типичным для руководителей, которые «всегда помнили ленинские слова, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, создает прочное доверие рабочих и крестьян, говорящих на разных языках» (Брежнев Л. И., *Под ленинским знаменем дружбы народов*).*

2. Потерпев политическое банкротство в попытке сломить движение крымскотатарского народа, партий-

* Л. И. Брежнев, *Ленинским курсом*. М. 1970, т. II, с. 161.

ные и советские органы Узбекистана в целях дезинформации партии и правительства (а, возможно, и по заданию последних) пошли на крайние провокационные методы, заимствованные из арсеналов царской, зубатовской охраны и империалистических разведок.

а) Среди крымских татар распространяются анонимные и полуанонимные письма отщепенцев народа, карьеристов, шкурников и подхалимов, которые пытаются передовых борцов за права народа представить врагами советского государства, называя их «автономистами», «авантюристами» и прочими эпитетами и призывая народ признать своей новой родиной Узбекистан, являющийся основным местом ссылки и «резервацией» для крымскотатарского народа. Эти национал-предатели не подумали даже над тем, что своими грязными эпитетами обрушились в первую очередь на В. И. Ленина, предоставившего автономию «как должное возмещение татарам за все обиды, за долгую насильническую и колонизаторскую политику царского режима» (газета «Жизнь национальностей», № 23, 25 октября, 1921 г.).

Распространяя подобные антисоветские «документы», гореруководители Узбекистана, — несомненные авторы анонимок, под которыми в лучшем случае указаны фамилии отщепенцев (без подписей, конечно), — дошли до того, что включают в свой грязный список холуев и людей, не только отказавшихся принять участие в подлой игре при «обработке» их в горкомах и обкомах партии, но и людей, с которыми не удосужились предварительно «побеседовать».

Все эти факты отражены в опровержениях товарищей, чьими именами спекулируют руководители Узбекистана.

б) Чувствуя свое бессилие, в ярости и злобе власти Узбекистана, заимствовав методы «мемфисских» расистов, учинили физическую расправу 21 апреля в Чирчике над крымскими татарами, принявшими участие в общегородском праздновании дня рождения Ленина.

Вспомнив черносотенный клич «Бей жидов — спасай Россию!» и додумавшись, очевидно, до того, чтобы увязать с «текущими» событиями черносотенные методы, власти Узбекистана, лично руководимые секретарем Ломоносовым, избивали, обливали щелочным раствором из пожарных машин мирных трудящихся, арестовав неповинных людей и подвергнув их унижительным оскорблениям. Аресты и обыски в домах татар продолжались до 26 апреля, причем часть арестованных не отпущена на свободу по сегодняшний день.

в) Одновременно власти Самарканда санкционировали разжигание межнациональной розни между жителями города.

Кучка пьяных хулиганов-христиан бесчинствовала на русском кладбище и глумилась, в основном, над армянскими могилами. Среди населения распространили слухи о том, что это дело рук крымских татар. Милиция прекрасно знала участников преступления, но ограничилась только тем, что изъяла у хулиганов . . . гитары.

Спровоцировать армяно-татарскую резню, как это делалось царскими политиками?

Или же еще раз облить грязью татар, представив их коварными мстителями, — ведь татарские кладбища в Крыму сравнены бульдозерами и стерты с лица земли.

3. Усилились репрессии по отношению к татарам.

В Ташкенте фабрикуется суд над Османовым Юрием, Османовым Сабри, Меметовым Энвером и Меметовым Сейдаметом, являющийся, фактически, очередным судом над крымскотатарским народом.

По-прежнему органы КГБ «обрабатывают» татар, стремящихся на родину.

4. Не изменился по существу вопрос и о прописке крымских татар в Крыму, вернувшихся после 24-летнего изгнания с родной земли. Татар не принимают на работу, отсылая в милицию за пропиской, но и не прописывают, ссылаясь на отсутствие жилищ для татар, хотя в колхозах и совхозах Крыма имеются тысячи

пустующих домов, в которые тысячами переселяют украинцев из других областей Украины.

Это ли не продолжение политики «Крым — без крымских татар!»?

Пытаясь завуалировать подобную политику, власти Узбекистана и Украины «договорились» о переселении по оргнабору из Узбекистана всего лишь нескольких десятков татарских семей.

Это ли не издевательство над крымскотатарским народом, глумление над его чаяниями и надеждами об организованном возвращении всех желающих в свой родной край?

5. В последнее время даже в Москве на партийных собраниях, затрагивая крымскотатарский вопрос, специально извращают требование народа, заявляя непросвещенным в национальном вопросе крымских татар о том, что, мол, татары требуют выселения всех русских и украинцев из Крыма.

Это самая подлая клевета на наш народ, который со времени присоединения Крыма к России жил всегда в дружбе со всеми народами, поселившимися в Крыму.

В своей справедливой борьбе за восстановление национального равноправия крымскотатарский народ и сегодня опирается на помощь передовых людей всех братских народов СССР.

Современная экономика и территория Крыма не только позволяет, но и требует более миллиона рабочих рук, не говоря уже о полумиллионном крымскотатарском народе, с 1956 года требующем возвращения на родину.

Все выше перечисленное не может не вызвать тревогу у крымскотатарского народа.

Если до сих пор народ надеялся, что партия и правительство способны без промедления разрешить национальный вопрос крымских татар, а на практике сталкивался лишь с извращением ленинской национальной политики, с нежеланием решить по-ленински

национальный вопрос крымских татар, с моральными и физическими издевательствами над народом, с игнорированием сотен тысяч индивидуальных и коллективных писем татарских трудящихся и десятков общенародных обращений, под каждым из которых стоят сотни тысяч подписей, то это только подрывает доверие народа к партии и правительству.

Терпение народа не может быть безграничным, — народ не намерен в будущем отмечать 75-летие советского государства одновременно с полувековым «юбилеем» изгнания татар с родной земли.

Крымскотатарский народ послал нас в Москву с тем, чтобы выяснить окончательно, намерены или нет руководители партии и правительства решить наш национальный вопрос в духе ленинской национальной политики.

В случае отрицательного ответа или всякой очередной попытки затянуть решение вопроса крымскотатарский народ оставляет за собой право обращения в международные организации в год защиты прав человека.

Представители крымскотатарского народа

*Траурная информация № 69
о расправе над представителями крымских татар
16-18 мая 1968 в Москве. — 1 июня 1968 г.*

Центральному Комитету КПСС,
Верховному Совету СССР,
Совету Министров СССР,
общественным организациям, общественным деятелям,
всему советскому народу.

ТРАУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ № 69.
(15 мая — 1 июня 1968 г.)

О трагических событиях расправы над представителями
крымскотатарского народа в Москве.

XX век — век прогресса, величайших достижений
человечества, век ознаменованный бурным развитием
техники и мировой культуры.

Век ставший свидетелем первых летательных аппара-
тов и первых полетов в космос! Век кибернетики!
Век, услышавший чудные звуки гармонии Рахманино-
ва, Стравинского, Шостаковича, Прокофьева!!!

Век величайших дирижеров и исполнителей Стоков-
ского, Tosканини, Нейгауза, Ойстраха, Клиберна, Рих-
тера. Век титанов человеческой мысли — Ленина и
Эйнштейна! Век титанов человеческой культуры — Ро-
мена Роллана, Луначарского, Воллертинского! Век, озна-
менованный рождением первого социалистического го-
сударства рабочих и крестьян. Век пробуждения народа
всех континентов! И вместе с тем век величайших под-
лостей и преступлений! Две мировые войны — милли-
оны человеческих жертв! Век, породивший Гитлера и
Муссолини! Век породивший фашизм! Век, уничтожив-
ший шесть миллионов евреев в газовых камерах и кре-
маториях! Век трагедий в Хиросиме и Нагасаки!

Бек породивший культ личности Сталина и миллионные массы невинных жертв. 1968 год — международный год защиты прав человека!

До сих пор аборигены Австралии за колючей проволокой! Индейцы Америки на грани вымирания! Разгул расизма в Америке и Родезии! Убийства Лумумбы и Кинга! Война во Вьетнаме! Публичные казни в Китае

1968 год — год защиты прав человека в Советском Союзе! «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их! Это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами независимо от государственных границ».

(Всеобщая декларация прав человека, статья 19, принятая 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН). 10 декабря 1967 г. и в Советском Союзе. Через 13 дней в речи «Под ленинским знаменем дружбы народов» Генеральный Секретарь КПСС Брежнев заявил: «Мы всегда помнили ленинские слова, что только громадная внимательность к интересам рабочих и крестьян различных наций устраняет почву для конфликтов, создает прочное доверие рабочих и крестьян, говорящих на разных языках».*

Проследим за этой «громадной внимательностью к интересам рабочих и крестьян», говорящих на крымскотатарском языке.

24 года назад, 18 мая 1944 года, в закованных товарных вагонах, голодных и раздетых, под конвоем автоматчиков, везли в резервацию беззащитных детей, женщин и престарелых инвалидов, чьи отцы, мужья и сыновья в это время отдавали жизни и проливали кровь на фронтах Великой Отечественной войны и восстанавливали разрушенные заводы в трудовых армиях.

Разве можно забыть ужасы и кошмары почти трехнедельного «путешествия» до мест ссылки, во время ко-

* Л. И. Брежнев, *Ленинским курсом*. М. 1970, т. II, с. 161.

того люди опухали от голода, их заедали вши, рядом с больными и голодными лежали разлагающиеся трупы умерших в дороге — конвоиры не убрали во-время трупы, не говоря уже о том, что не позволяли похоронить близких и родных хотя бы рядом с железнодорожным полотном. Люди задыхались без воздуха, от запаха испарений в вагонах, многие сходили с ума. Разве исчезнут из нашей памяти жертвы этого преступления против человечности, в результате которого лишь в первые месяцы в резервации погибло 46 % нашего народа?

Разве забыть родные очаги Крыма? Разве забыть нам, что уничтожена крымскотатарская нация? Разве можно примириться с тем, что фальсифицируется история нашего народа, что пытаются уничтожить даже остатки нашей культуры?

Разве можно остаться равнодушным к тому, что уничтожены памятники нашей древней культуры, осквернены и стерты с лица земли могилы наших предков, отцов и детей в Крыму?

Разве можно спокойно отнестись к глумлению над чувством человеческого достоинства, когда игнорируются думы и чаяния нашего народа, с 1956 года борющегося за восстановление своих национальных прав в Крыму, организованное возвращение в Крым, восстановление ленинского декрета?

Разве можно остаться равнодушным к судьбам почти что [всех] наиболее активных представителей нашего национального движения, осужденных на более чем 15 процессах с 1956 г., фактически за принятие участия в движении народа?

Разве можно примириться с насильственными методами укоренения крымских татар в местах ссылки с избиениями и издевательствами, с обливанием щелочным раствором из пожарных машин, как это практикуется в Узбекистане? Разве можно остаться спокойным, когда возвращающихся на Родину крымских татар после так называемой «политической реабилитации»

(Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г.) изгоняют из Крыма, в то время как в последние годы десятки тысяч украинцев переселяют из Украины в Крым на льготных условиях?

Разве можно смириться с тем, что коммунистов крымских татар, участвующих в национальном движении, исключают из партии и увольняют с работы? Нет! Никогда! И если в памяти нашей стали затуманиваться лишь отдельные моменты изгнания с родной земли 18 мая 1944 г. и 24-летнего пребывания в ссылке, то нас заставили вспомнить и воскресить все в памяти те, кто санкционировал облаву на представителей крымскотатарского народа 16-18 мая 1968 г. в Москве и в Крыму, предварительное заточение их в различные вытрезвители, впихивание людей в вагоны и отправку под усиленным надзором в места резервации в Среднюю Азию.

История не разливается вспять? Так ли это? Охота на негров — XVII век, охота на крымских татар 16-18 мая 1968 г. в Москве — 51 год Советской власти! Бесконечные эшелоны 1943-1944 годов, набитые изгнанными с родных земель нашими народами, — вагоны набитые 16-18 мая 1968 г. представителями крымскотатарского народа на 51 году Советской власти! Это ли не позор века! Это ли не расовая дискриминация, если статья 1 Конвенции ООН [о ликвидации всех форм расовой дискриминации], подписанной Советским правительством 7.III.66, поясняет, что расовая дискриминация включает «любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения»? Или это один из методов разрешения национального вопроса в СССР? Ведь «за 50 лет существования Советского государства наш опыт разрешения национального вопроса получил мировое признание» (Брежнев Л. И. «Под Лениным знаменем дружбы народов»).*

* Л. И. Брежнев, *Ленинским курсом*. М. 1970, т. II, с. 164.

Вот как обогатился этот опыт в Московских событиях 16-18 мая. Уже и 16 мая в Москву съехались более 650 представителей крымскотатарского народа, а общее число вместе с прибывшими 17 мая превысило 800 человек. Утром 16 мая представители, мандаты которых уполномочивают выражать мнения и требования своего народа, передали телеграмму ЦК и Верховному Совету СССР, в которой указывалось: «Посылая своих представителей, на этот раз народ не просит никакого приема, никаких обещаний. Он требует только ленинского решения своего вопроса. Это значит фактическое, безотлагательное, организованное в течение 1-3 лет возвращение крымских татар в Крым как нации и восстановление растоптанного ленинского декрета от 18 октября 1921 года». Каков же был ответ? В течение дня сотрудники ООП и КГБ неоднократно пытались вывести представителей народа из приемных ЦК КПСС и Верховного Совета СССР. 18 часов 16 мая была проведена первая «операция». Весь жилой массив в районе гостиниц «Восток», «Заря», «Алтай» был оцеплен солдатами, а место сбора представителей — сквер перед гостиницей «Восток» — милицией, дружинниками, работниками КГБ и студентами. Началась поголовная проверка документов, в результате которой крымских татар заталкивали в «черные вороны» и доставляли в вытрезители. Спокойно жилось пьяницам Москвы в эти дни, так как московская милиция занималась только «крымскотатарским вопросом». Если же не оказалось никаких при себе документов, то [все равно задерживали]. Критерием «неблагонадежности-опасности» служили только антропологические данные. Однако «доблестные рыцари»-охотники оказались не весьма сведущими в этой области науки, вследствие чего в вытрезитель вместе с крымскими татарами попали венгратурист, несколько московских жителей, турки и другие. В первой же облаве были изолированы более 300 представителей народа, ночью арестовали людей, оставших-

ся на частных квартирах... Азарт охоты достиг апогея 17 мая, когда вылавливали оставшихся на площади Нюгина, Казанском вокзале и вообще во всей Москве. Людей хватали без объяснения причин задерживания, не предъявляя даже при требовании документов, удостоверяющих личность охотника. Отказывающихся добровольно сесть в машину насильно запихали, скручивали руки. Вот краткие выдержки из письменных показаний некоторых жертв произвола:

1. Языджиев И. — Самаркандская область, участник Великой Отечественной войны: «День 16 мая 1968 г., напоминающий трагический день изгнания нашего народа с родной земли... бесстыдная облава на глазах москвичей напоминала африканское поле охоты за неграми... грубое отношение отдельных работников к представителям нашего народа при загоне в «черные вороны» и в пунктах «обработки» — вытрезвителях выразилось в применении физической силы, лишения еды... азарт был настолько велик, что даже сам генерал-лейтенант Мартюзин, начальник ООП московской области лично выгалкивал, пиная ногами даже женщин из камер... насколько сильным было воздействие на психологию представителей народа этой операции, можно судить по тому, что несколько женщин оказались в обморочном состоянии, а Ильясов Рустем не перенес ужасов издевательств и лишился в вагоне рассудка... вагоны, набитые представителями, охранялись милицией, а на каждой станции встречали усиленные орды милиции и КГБ».

2. Ислямова Зоре — Бухарская область: «Всех нас женщин, старух, детей и мужчин завели в комнату, где лежали люди... затем вызывали по 2 человека и допрашивали, заставляли подписываться в том, что больше не приедем в Москву, нас привезли на Казанский вокзал, подогнали автобус прямо к вагонам и насильно начали высаживать и заталкивать в поезд. Я сказала: «Не сойду, хоть убейте на этом месте!» Двое

скрутили мне руки, а 3-й тянул за волосы. Я начала кричать: «Где наша правда», меня увезли тогда в отделение милиции и посадили в камеру с 4-мя пьяницами-проститутками. В 3 часа ночи меня допрашивали, составляли протокол, будто я укусила руку одному милиционеру и оторвала погоны. Сидела в камере до утра, а в 11 часов утра начальник милиции Федотов «беседовал» со мной 3,5 часа. Он мне говорит: выходи за москвича замуж и станешь москвичкой, никто не станет тебя задерживать. Нас везли в вагонах под конвоем, все смотрели на нас как на зверей. Разве все это можно забыть и теперь? Где же наш ленинский путь, по которому идет наша партия?»

3. Расулова Элямие — Душанбе: «... людей выталкивали из машин в вагоны. Из моих рук полковник, отказавшийся назвать фамилию, вырвал сумочку. Я запротестовала. Офицер скрутил мне руки, от боли я начала кричать: «Разве так обращаются с женщиной? Вы издеваетесь над матерью 6 детей. Двое моих сыновей служат в Советской Армии. Над беззащитной матерью сыновей-воинов вы применяете насилие, используя приемы самбо...» Офицер выругал нецензурными словами и ответил, что «работа» только начинается. «Мы вас арестовали и будем арестовывать! Хрен вам, а не Крым! Не видать вам Крыма как своих ушей». (Вот выражение советского офицера-коммуниста.) Я убежала с риском для жизни в одном платье из вагона, сумела добраться до Москвы куда меня направил мой народ с наказом — при любых условиях требовать возвращения крымских татар в Крым».

4. Мевлюдов Сетмер — Ташкентская область: «Я обратился к полковнику милиции не назвавшему фамилию: «Товарищ полковник, по вылавливанию крымских татар все организовано продуманно, только не хватает розыскных собак». Ответ: «И это у нас есть».

5. Берберова Хатидже — Чирчик: «... в вагоне потеряла сознание. В Куйбышеве прибыли врач и медсестра

в сопровождении двух милиционеров. Врач женщина измерила давление, проверила пульс и сделала два сердечных укола. Заключение врача: «Немедля поместить в больницу, но так как нас сопровождает милиция мне невозможно выполнить свой долг».

6. Кадыев Роллан — Самарканд: «... в камере вытрезвителя с Акимовой Зение (из Андижана) случился сердечный приступ, но ее даже не выпустили подышать свежим воздухом во двор под конвоем. Был так же и больной язвой желудка, который целый день корчился от боли, обострившейся от голода... Мне посчастливилось познакомиться с помощником прокурора г. Москвы по надзору КГБ Евстифеевым от которого услышал: «Я тебе, б..., скручу руки и сам отправлю с вокзала». ... Обещание было выполнено, но удивительно, ... без скручивания рук. Большинство конвоиров сочувствовали нам.

Вот мнение лейтенанта-башкира: «Да, вы не нарушили порядок, но мы выполняем приказ начальства... Я не знаком с истинными причинами вашего выселения, но любой народ, по-моему, должен всегда иметь право проживать на своей родине».

7. Османов Мухсим — Фергана, инвалид 2-й группы, потерявший зрение: «Я, очевидно, оказался особо опасным преступником, поэтому выдворен из Москвы был 17 мая с комфортом, самолетом... В течение трех дней вызывался в КГБ для того, чтобы уяснить, что мне запрещено въезжать в Москву».

Вот лишь далеко не полный перечень вопиющих моментов произвола и разгула беззакония в стране демократии и свободы. И именно эта демократия и свобода олицетворяла во время московских событий свое отношение не просто к 800 представителям крымскотатарского народа, а ко всему полумиллионному народу. И разве можно отнести этот произвол, насилие и беззаконие только к непосредственным руководителям «операции», генералам Бокову и Мартюзину, помощнику

прокурора Евстифееву, различным сотрудникам КГБ и милиции, имена которых остались неизвестными, если Брежнев Л. И. в речи на XIX конференции московской городской организации КПСС 29 марта 1968 г. заявил: «Коммунистическая партия есть партия не только единомыслящих, но и единоедействующих. Единство же действий возможно лишь в условиях сознательной дисциплины, высокой активности и ответственности всех членов партии».* Что все соратники Сталина были не только «единомыслящими», но и «единоедействующими», очевидно; и подобное признание не может удивить мыслящих людей. Но готовы ли сегодняшние «единоедействующие» ответить не просто за слишком «высокую активность» организаторов облавы, но и за потерю рассудка в «черном» вагоне у Ильясова Рустема, за обморочное состояние оказавшегося особо опасным преступником шестилетнего Адабзитова Шевкета, сына Зеке-ряевой Усние и Адабзитова Аблямита, всей семьей оказавшихся в застенках вагона-тюрьмы, за моральную и психологические травмы, нанесенные представителям крымскотатарского народа, «отпраздновавшим» в конвоируемых вагонах 24-летний «юбилей» со дня изгнания из родного Крыма и «путешествующим» знакомым с 1944 года маршрутом?

Кто будет отвечать за насильнические методы укоренения крымских татар на местах ссылки — ведь по майским этапам гнали в Узбекистан и представителей, вовсе не проживающих в Азии? Кто будет отвечать за уничтожение крымскотатарского народа как нации? Аборигены Австралии загнаны в резервации! — но на родной земле. Индейцы Америки вымирают! — но на родной земле! Негров Америки дискриминируют как расу, но на родной земле. Крымскотатарский народ до сих пор вынуждают жить в резервации! Крымскотатарский народ вымирает как нация, — уничтожена его культура, история, литература и искусство! Крым-

* Л. И. Брежнев, *Ленинским курсом*. М. 1970, т. II, с. 202.

ские татары дискриминируются как нация, и это в стране, где впервые в мире построен социализм. Могилы предков в Крыму стерты с лица земли! И в это время, когда в нашей стране провозглашены «Свобода! Равенство! Дружба! Братство! Всех народов земли!»

И это в то время, когда требование об организованном возвращении в Крым, восстановлении национальной автономии выражено в десятках обращений, сотнях тысяч коллективных и индивидуальных писем, общее число подписей под которыми превысило 3 миллиона — это значит, что каждый взрослый татарин обращается в партийные и советские органы не менее десяти раз. Разве есть какие-либо сомнения в том, что крымско-татарский народ не мыслит своего проживания на чужбине, не на своей крымской земле?

Так, как же отвечали этому народу? Репрессиями! — вызовами в КГБ, увольнениями с работы, исключением из партии мужественных коммунистов, избиениями в милиции, обливанием щелочным раствором из пожарных машин, издевательствами, распространением клеветнической литературы.

Судебными процессами! — сотни наиболее активных представителей народа, национального движения, в основном люди с высшим и средним образованием, отсидели различные сроки, а десятки до сих пор заточены в тюрьмах фактически за участие в движении народа. На днях окончился суд в Ташкенте над Ю. Османовым, Э. Меметовым, Меметовым С., Сабри Османовым, приговоренными к срокам от шести месяцев до двух с половиной лет усиленного режима. Фабрикуется очередной суд над Чирчикскими товарищами, виновными лишь в том, что принимали участие в гулянии по случаю дня рождения Ленина, вместе с 300 представителями крымских татар были арестованы, предварительно избиты милицией и солдатами, облиты из пожарных машин щелочным раствором.

28 мая на берегу р. Салгир 70 крымских татар, вернувшихся на родину, вывезли насильно за пределы

полуострова, судьба которых до сих пор неизвестна. Готов ли хоть кто-нибудь из «единодействующих и единомыслящих» нести ответственность за такое неравноправие крымскотатарского народа, за игнорирование его законных требований, за физические методы расправы с народом, за нарушение Советской конституции, советских законов?

Почему после двадцатого съезда возвращены на родину все несправедливо изгнанные с родной земли народы, а крымскотатарский народ до сих пор не возвращен на родину?

Почему осуществляющие по отношению к крымским татарам политику геноцида — тягчайшего преступления против человечности до сих пор не привлечены к ответственности?

Почему не привлечен к судебной ответственности ни один из нарушителей ленинской национальной политики, осуждены и судят только борцов за права крымскотатарского народа?

Почему безнаказанным остается произвол и незаконное? Крымскотатарский народ с 1956 года требует своих конституционных прав. Представители народа все эти годы обращались во многие общественные организации, редакции газет и журналов, в партийные и советские органы, но их всегда отсылали в ЦК как в единственный компетентный орган по национальному вопросу. Однако, адресованные в ЦК сотни тысяч писем и обращений, протестов крымскотатарских трудящихся остались безответными. Ни одна советская газета или журнал ни словом не обмолвилась о нашем положении, о наших думах и чаяниях.

Так где же справедливость?

Неужели кто-то надеется, что крымские татары, отметившие 50-летие Советского государства и 24-летнюю годовщину со дня изгнания из Крыма готовы и в 75 годовщину Великой Октябрьской Революции покорно смириться с полувековым пребыванием в резервации. Не-

ужели кто-то надеется репрессиями сломить дух нашего народа, борющегося за свои права? Нет, никогда!!!

Уже сегодня наше национальное движение находит сочувствие и поддержку со стороны тысяч русских, украинцев, узбеков и представителей других национальностей братских народов. А завтра будут уже миллионы!!!

И миллионы братьев, людей доброй воли, [отметут] со своего пути противников справедливости, защитников зла и беззакония! В последних документах, переданных в ЦК и Верховный Совет СССР, представители крымскотатарского народа заявили: «Крымскотатарский народ послал нас в Москву с тем, чтобы выяснить окончательно, намерены или нет руководители партии и правительства решить наш национальный вопрос в духе ленинской национальной политики. В случае отрицательного ответа или всякой очередной попытки затянуть решение нашего национального вопроса, крымскотатарский народ оставляет за собой право обращения в международные организации в год защиты прав человека!»

Азиз ватандашлар!!! Дорогие соотечественники!!!

Передовые люди нашей страны!!!

Московские и крымские события в мае 1968 г. предстали ясным ответом на наши требования.

В а т а н д а ш л а р !!!

Несмотря на облавы и преследования наши представители ни на один день не прекращали своей работы. Уже 18 мая в Москву начали возвращаться совершившие побег из вагонов-тюрем представители народа.

Мы посещаем видных общественных деятелей науки и искусства, деятелей литературы и старых революционеров, знакомя их с нашим национальным вопросом. Мы передаем по адресам все еще поступившие от вас письма-протесты и обращения. За отчетный период поступило и переданы Верховному Совету и Совету Министров 22 984 адресов обращения, протесты, письма, скрепленные более 50 тысячами подписей. Однако они

не находили никакого отклика со стороны ЦК, Верховного Совета, Совета Министров и других советских и партийных органов.

Остались без ответа и протесты-опровержения Бекирова Амета, Гафарова Ваапа, Тохтарова Нафе, Ислямова Якуба, Конфетчиева Сейтмемета, чьи фамилии распространяются в антисоветских документах отщепенцев самыми же партийными органами Узбекистана и КГБ. Поэтому мы вынуждены обратиться к передовым людям нашей страны, ко всему советскому народу с тем, чтобы люди узнали о нас, о плачевном положении нашего народа и помогли нам вернуться на свою родную землю в Крым.

Представители крымскотатарского народа:

1. Абдураимова В. — Бекабад.
2. Мамутов В. — Ташкент обл.
3. Абдурахманов Ш. — Аджижан.
4. Минзатов А. — Ош.
5. Абдураманов С. — Ленинабад.
6. Меджитова Р. — Шахрисябз.
7. Абдурахманов А. — Крым.
8. Мамутов Р. — Ленинабад.
9. Абдужелилов Р. — Янгиюль.
10. Меметов Э. — Ленинабад.
11. Абдультаров Р. — Ташкент.
12. Меметова Г. — Ленинабад.
13. Абдувелиев С. — Наманган.
14. Сеитаблаев Ш. — Янгиюль.
15. Азизов В. — Ленинск.
16. Сеитаблаев М. — Гулистан.
17. Датлиев У. — Гулистан.
18. Юнусов Ш. — Гулистан.
19. Халилов А. — Гулистан.
20. Ахчи А. — Ленинабад.
21. Исмаилов Ф. — Ленинабад.
22. Сеттаров О. — Крым.
23. Бекиров М. — Новороссийск.

24. Байрамов Р.	— Чирчик.
25. Сейтмеметов С.	— Гулистан.
26. Бекиров С.	— Самарканд.
27. Салаватов Р.	— Бухара.
28. Военный М.	— Ташкент.
29. Талали М.	— Ташкент.
30. Мирсалиев Ф.	— Ташкент.
31. Эминов Р.	— Ташкент.
32. Военная Г.	— Янгиюль.
33. Мурахас Н.	— Янгиюль.
34. Усеинов А.	— Мархамат.
35. Военная А.	— Крымск.
36. Хайретдинов Р.	— Бухара.
37. Халилова Э.	— Наманган.
38. Джумаев А.	— Маргелан.
39. Османова Ф.	— Шахрисябз.
40. Джелилов Ю.	— Каттакурган.
41. Расулов М.	— Шарихан.
42. Джеватов	— Уч-Курган.
43. Халилова	— Бекабад.
44. Шабанов Э.	— Бекабад.
45. Исмаилов Ф.	— Ленинабад.
46. Исметов С.	— Вревск.
47. Ибраимов С.	— Вревск.
48. Исмаилов М.	— Фергана.
49. Ибриш М.	— Кибрай.
50. Таирова Л.	— Шахрисябз.
51. Асанова З.	— Дальверзин.
52. Кадыев Р.	— Самарканд.
53. Аджибекиров	— Сыр-Дарья.
54. Сеитислямов	— Сыр-Дарья.
55. Сеферов	— Аккурган.
56. Мустафаев Л.	— Аккурган.
57. Зарединов	— Маргелан.
58. Ислямова	— Бухара.
59. Бахтишаев С.	— Самарканд.
60. Аджибекиров	
61. Меметова	

62. Аблязов
63. Касе — Маргелан.
64. Мевлюдов — Алмазар.
65. Бешевли — Ленинабад.
66. Расулова — Душанбе.
67. Юсупов — Гулистан.
68. Сулейманова — Самарканд.
69. Меметов — Самарканд.
70. Исмаилова — Ленинабад.
71. Юрченко
72. Кая — Бекабад.
73. Ибраимов — Янгиюль.
74. Асанов — Коканд.
75. Аметова — Крым.
76. Умеров — Азербайджан.
77. Смедлаев
78. Абдураманов — Фергана.
79. Акимов
80. Умеров — Алма-Ата.
81. Абселямов
82. Кушитова — Коканд.
83. Асанова
84. Умеров
85. Халилов — Фергана.
86. Сайтова
87. Мамутова — Бухара.
88. Ибрагимов
89. Московская
90. Умеров
91. Аджиева
92. Пашаев
93. Мустафаев
94. Асанова — Бекабад.
95. Аметов
96. Алиев — Алма-Ата.
97. Берберова
98. Бариев — Чирчик.
99. Османов — Фергана.

100. Гафаров	— Ангрэн.
101. Эмирсалиева	— Киргили.
102. Смедляев	— Андижан.
103. Кутана С.	— Ленинабад.
104. Джемилев Г.	— Баку.
105. Аблаев	— Маргелан.
106. Сеитфулаев	
108. Якубов	
108. Языджиев	
109. Бекиров	— Самарканд.
110. Чувадар	
111. Дадой	— Маргелан.
112. Гапкаров	— Дальверзин.
113. Халилова	— Краснодар.
114. Дживанов О.	
115. Дживанов	— Андижан.

Данная Информация направлена в ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, Совет Министров СССР, редакциям газет и журналов, общественным и политическим деятелям страны, во все населенные пункты и города, где проживают крымские татары.

А. Костерин: Открытое письмо в «Литературную газету».
— середина 1968 г.

В «Литературную газету»

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Доктору философских наук Э. Баграмову,
Доктору философских наук Е. Модржинской,
Секретарю ЦК ЛКСМ Узбекистана Р. Алимову,
Писателю С. С. Смирнову, и копию
представителям крымскотатарского народа.

Мне в первые годы революции посчастливилось принимать активное участие в проведении ленинской национальной политики, а в дальнейшем по роду своей литературной деятельности также часто соприкасаться с этим же вопросом. Сейчас ряд статей в различных органах печати и многочисленные факты вынуждают меня еще раз вернуться к вопросу о «малых и забытых» национальностях нашей страны.

Повышенный интерес нашей печати к национальному вопросу раскрыл мне С. Титаренко своей статьей «Советская национальная политика и ее фальсификаторы» (журнал «Политическое самообразование», [1968], № 6). По словам Титаренко, антикоммунистическая пропаганда утверждает, что национализм в СССР не преодолен, а наоборот, еще больше усилился.

У всех авторов статей, которых буду касаться в своем письме, есть несколько общих положений, которые отмечу немедленно.

Во-первых, все восхваления нашей национальной политики базируются на тех несомненных успехах, которых мы добились в первые 10-15 лет Советской власти; из этого архива черпаются и факты, и теоретическое обоснование, и лозунги.

Во-вторых, экономическим ростом всех республик и областей пытаются доказать укрепление интернациональных связей наших народов: авторы не желают считаться с законом бытия — не хлебом единым жив человек; на всех ступенях экономического бытия человек, нация не лишается своего языка, традиций и прочих национальных особенностей.

В-третьих, все авторы упорно умалчивают о тех чудовищных извращениях в национальной политике, которые начались в 30-е годы и продолжаются до сих пор.

Подойду к национальному вопросу не с философских вершин, а по-журналистски, с тех фактов, которые, несмотря на мой больничный режим, все же прорываются ко мне.

Люди приходят не с жалобами. Робко останавливаются у дверей и озабоченно оглядывают меня. Они хотят только выразить сочувствие, пожелания скорейшего выздоровления. И по древней, хорошей традиции несут маленькие подарки — цветы, фрукты...

Первые вопросы, конечно, о здоровье... Но разве удержишь на языке самое больное, что волнует уже больше двух десятков лет...

Вот женщина. С первого взгляда понимаю, что она испытала в борьбе с бесчисленными невзгодами, о которых многие наивные люди недоверчиво восклицают: «Не может быть! В наше время такое?!»

Да, они, эти невзгоды, кажутся дикими, невероятными для тех, кто наши лозунги и праздничные тезисы принимают за чистую монету.

Эляmie. В ее глазах тот огонек, который свойственен бойцам усталым, раненым, но еще не потерявшим боевого задора. Выющиеся темные волосы слегка посеребрены, над лбом с бронзовым загаром задиристый петушиный хохолок. Такой тип смелого до дерзости вожака работниц я знал по тем революционным годам, когда наше, ныне уже вымершее поколение, шло на штурм «тюрьмы народов», глинобитной Российской империи.

Соблюдая мусульманский обычай, Элямие угощает меня, больного, сезонным подарком — свежими огурцами...

Элямие рассказывает о светлой юности в селенье под Алуштой, жестоко сломанной фашистами. Смуглую черноволосую девушку приняли за еврейку.

Сельчане доказали, что она крымская татарка. Но 16-летней девушке все же пришлось уйти в лесные ущелья и стать связисткой для партизан. Видела и на всю жизнь врезались кошмарные сцены уничтожения евреев и пленных на виселицах и в море... и даже детей.

А после изгнания фашистов обрушилось новое бедствие: выселение с родной земли, политой слезами, потом, кровью многих поколений крымских татар. Выселяли в 24 часа. Едва успевали прихватить небольшой запас продуктов. В далеком и чуждом Узбекистане встретили их как изменников Родины...

Что пережила девушка-партизанка, отец которой продолжал громить фашистов и навешивать на грудь ордена и медали?!

Потом... ну, ясна жизнь на чужбине, где население и власть — от милиционера до высших партийных и правительственных инстанций, — пытались сломить их национальную честь, превратить в покорных, бессловесных рабов.

А смерть беспощадно косила ослабевших от голода, болезней и непосильного труда, от моральных унижений...

Все выдержала Элямие. Сейчас старшая дочь — комсомолка. Воспитывает еще пятерых детей. И — главное! — не потеряла веры в жизненность ленинских идей, не ослабела, не пала духом. Не стала рабыней.

Стала активно бороться за гражданские и национальные права своего народа. В мае сего года она в числе других была делегирована в Москву для передачи еще одного заявления о возвращении на Родину, в Крым.

Но (по старинке) — «Москва слезам не верит», Москва

бьет с носка. 16-17 мая московская милиция, руководимая сотрудниками КГБ, стала вылавливать крымских татар. Элямие из-за цепи милиционеров и дружинников кричала толпе зрителей: «Товарищи москвичи! Мы крымские татары, а не звери. Я — мать шестерых детей. Моя дочь комсомолка. Я крымская партизанка!»

Ее вместе с сотнями земляков грубые руки милиционеров затолкали в автобус, повезли на вокзал и также силой, выворачивая руки, волокли в вагон. А мужественная женщина продолжала кричать: «Вы поступаете с нами так же, как фашисты! Позор вам! Bravo, полковник, ты знаешь прием самбо... проверил на женщине...»

На одной из станций по дороге в Ташкент Элямие сбежала и вот, поглаживая больные плечи, она у меня в гостях. Задорный хохолок над лбом дрожит, на губах улыбка непокоренного бойца:

— Болят руки, но все же я этому полковнику правду сказала, сказала, что он сталинский выкормыш...

Ушла Элямие, а через час девушка... но без традиционного подарка — была слишком взволнована. Гневное пламя в черных глазах под крутыми дугами бровей, лицо пылает возмущением и радостью: она тоже сбежала из-под охраны. И вся она светится радостью бойца, одержавшего победу, радостью первой борьбы за свое человеческое достоинство. Она очень красива, не только как девушка в 18 лет, а какой-то еще особой внутренней человечностью и гордостью молодого бойца, разбившего цепи рабства...

Да, было дело, — и таких девушек я знал в годы, когда революционная буря бушевала над гнилыми обломками Российской империи.

Ее зовут Хатидже, а уважая мой русский слух, рекомендуется просто — Катя.

Будто разные две эти крымские женщины, а по существу сестры-близнецы, бойцы за свои человеческие права. Хатидже тоже Элямие, только омоложенная на 25 лет. Счастлив народ, который имеет таких женщин!

Катя-Хатидже родилась в ссылке, в Узбекистане. С детских лет слышала беспощадные слова: вы, крымские татары, хотели продать Крым Гитлеру...

В таких условиях росли, учились и воспитывались все дети крымских татар, но с молоком матерей, под песни и рассказы о земле предков, всосали любовь к своему народу, сохранили мечту о восстановлении дедкрета Ленина, справедливости, о торжестве правды...

В годовщину рождения Ленина, которую крымские татары хотели отпраздновать по своим традициям, с пением «Интернационала» на своем языке, с исполнением народных танцев и песен, их окружила милиция госбезопасности, на татар обрушились сильные струи отравленной воды и дубинки.

А Хатидже, которая, до нитки промокшая, в платье, облепившем стройную гибкую фигурку, продолжала петь, плясать... фотографировать «доблестные подвиги блюстителей сталинских порядков».

Я смотрю в ее ярко смеющиеся глаза, больное сердце захлебывается кровью, бьется с перебоями, и вот-вот лопнет еще какая-то кровеносная жилка. Но я не тянусь к нитроглицерину, не могу нарушить, скомкать рассказ Хатидже:

«... когда в газетах был опубликован обманный указ о нас, наши восьми- и десятилетние мальчики и девочки бежали по улицам, плакали, смеялись и кричали: «Указ! Указ! О нас — мы не изменники!» Бежали к родителям домой и на заводы...»

Смотреть на Хатидже и слушать ее и больно, и радостно. Больно за испакощенную молодость и радостно, что молодежь не клонит покорно головы.

А вот еще одна девушка, Журе, и почти в точности как Хатидже. Ее рассказ еще более выразителен для показа тех норм «свободы личности», которые устанавливают наши «блюстители порядка».

«Всех нас — мужчин, женщин, старых и детей — загнали в комнату вытрезвителя, где уже были какие-то люди с полубезумными глазами. Нас стали вызывать,

допрашивать и требовать подписки о том, что мы больше не приедем в Москву. Мы все отказались, мы свободные граждане Советского Союза и имеем право свободно передвигаться по своей стране... Потом нас затолкали в автобус, как сельди в бочку. Автобус подогнали вплотную к вагонам, стали силой заталкивать... Я запротестовала: «Не поеду. Убейте, не поеду». Тогда два милиционера вывернули мне руки, а третий схватил за волосы и потащил. Я стала кричать: «Где же правда? Где же правда, москвичи?» На мой крик стали сбегаться москвичи. Тогда милиционеры отвезли меня снова в милицию. Там бросили в комнату, где лежали пьяные грязные преступники. Я всю ночь простояла на ногах — такая зловонная грязь была всюду. Утром начальник милиции Федотов стал «беседовать» со мною, угрожая судом за хулиганство. Федотов требовал, чтобы я подписала протокол, якобы я укусила одного милиционера и сорвала погоны с другого. Я отказалась подписать лживый протокол. При допросе Федотов, несомненно член партии, «беседовал» со мною, как обыкновенно говорят с продажными женщинами... Не добившись от меня подписи, милиция отвезла меня опять на вокзал и затолкала в вагон. По дороге в Ташкент я сбежала, и вот — вернулась...»

За два дня сотрудники госбезопасности, мобилизовав всю милицию, «выловили» в гостиницах и квартирах, в приемной ЦК партии, на Старой площади несколько сот человек. Хватали не стесняясь, полагаясь на свои антропологические познания. Среди выловленных были русские, один венгр-турист, турки, казанские татары...

Участник Отечественной войны так воспринимает этот черный день: «16 мая 1968 года напомнило самый трагический день — день изгнания нашего народа с родной земли... бесстыдная облава на глазах москвичей напоминала охоту за неграми... «охотники за людьми» применяли все методы, в вагонах лишили воды и еды... азарт был так велик, что один генерал-лейтенант лично пинал ногами даже женщин. Женщины падали в обмо-

рок, а Ильясов Рустем в вагоне лишился рассудка. Вагоны охранялись милицией, на каждой станции встречали усиленные наряды милиции и работники госбезопасности. На промежуточных станциях многим приходилось оказывать медицинскую помощь, но оставлять без направления в больницы милиция не разрешала».

За что же такая дикая расправа была учинена в столице Советского Союза? Только за то, что представители народа хотели, чтобы правительство относилось к ним, как к полноправным гражданам, а не как к неграм в США!

Но подобными акциями преследования крымских татар не ограничиваются. Там, вдали от Москвы, в Ташкенте, Чирчике, Самарканде и других городах, где обитают крымские татары, идут и продолжаются до сих пор репрессии в отношении наиболее активных представителей народа. В Чирчике, после разгона демонстрации, устроили судилище «над зачинщиками».

12 человек осудили на разные сроки за «нарушение общественного порядка, за разжигание национальной розни».

Оказывается, нарушили конституционные права не представители органов порядка, а те мирные люди, которые в ленинский день пели и танцевали в парке, делились воспоминаниями о днях борьбы крымскотатарского народа за советскую власть.

В Ташкенте Верховный Суд Узбекской ССР также учинил расправу над лучшими представителями народа. Судили: инженера-химика Османова Юрия, математика-вычислителя Меметова Энвера и аспиранта-физика Самаркандского университета Османова Сабри.

В лице этих представителей крымскотатарской интеллигенции по существу судили весь народ, решением суда было утверждено: всякая попытка отстаивать свое национальное достоинство будет подавляться с помощью органов милиции. Суд как бы сказал: «Варварское уничтожение крымскотатарского народа, начатое Ста-

линым, продолженное Хрущевым, будет продолжаться и при нынешнем составе правительства».

Что правительство закрепляет установленный при Сталине порядок всеми имеющимися у него средствами подавления, это можно, хотя бы не соглашаясь, принять. Во главе государства на всех участках политической, хозяйственной и культурной жизни страны стоят те люди, которые учились и воспитывались в атмосфере культа личности Сталина, которые все клетки своего существа пропитали теорией и практикой тоталитарной государственности с полным отрицанием и даже непониманием первичных основ и законов демократии.

Сейчас меня не интересует политика правительства, а течения, которые имеются в советской интеллигенции, и как она реагирует на политику геноцида в отношении малых наций.

По ряду фактов можно утверждать, что так называемый «простой народ», рабочие, колхозники, трудовая интеллигенция, непосредственно соприкасающиеся с крымскими татарами, внутренне сочувствуют им, по мере своих скромных возможностей помогают морально и даже материально. А вот какие процессы происходят в так называемых «сливках» интеллигенции: среди философов, писателей, поэтов и т. д.? Они утверждают, что свои мысли и суждения черпают якобы из того неисчерпаемого источника идей, который создали для будущих поколений Маркс—Энгельс—Ленин.

Эта интеллигенция несомненно осведомлена о факте геноцида в нашей стране. Представители крымскотатарского народа, немцы Поволжья и другие в десятках тысяч писем и заявлений, иногда подписанных десятками тысяч человек, личными беседами информировали не только центральные, партийные и правительственные организации, но и ряд общественных, а также отдельных представителей интеллигенции — редакции газет и журналов, разные институты, в том числе и те,

которые разрабатывают проблемы коммунистического общежития и свободы человеческой личности.

И как же советская интеллигенция реагирует на грубейшие нарушения ленинской национальной политики?

«Образованные люди, вообще интеллигенция, не может не восставать против дикого полицейского абсолютизма, травящего мысли и знание, но материальные интересы этой интеллигенции призывают ее к абсолютизму, к буржуазии, заставляют ее быть непоследовательной, заключать компромиссы, продавать оппозиционный и революционный пыл за казенное жалование или за участие в прибылях и «дивидендах».*

Это было написано Лениным почти 70 лет назад, однако точность этого диагноза не изменилась ни на йоту. Замените слово «буржуазия» словами «номенклатурная каста», а слово «абсолютизм» — «тоталитарный строй» — все остальное остается на месте. Наша советская интеллигенция ввиду тоталитарного построения всей государственной машины и так называемых общественных организаций, т.е. созданных не по инициативе общественности, а по приказу свыше — вынуждена продавать свой мозг, знания, так как иного потребителя у нас нет. Отсюда особо трудные условия для нашей интеллигенции. Ей частенько при некоторых «щекотливых» обстоятельствах за «прибыли или дивиденды» (номенклатурные) или просто за право иметь труд приходится продавать не только свои знания, умения, но и свою совесть.

В последнее время в печати появилось несколько статей о национальном вопросе в Советском Союзе. Их общий тон тот же, что и у председателя Совета Национальностей т. Палецкиса, выступающего в журнале «Новый мир».* Он, поэт, по долгу службы восхвалял великие достижения в национальном вопросе. Но Палецкис обязан был защищать свой «верховный мундир».

* Ленин, ПСС, 5 изд. т. 2, с. 454.

* Новый мир, 1967, № 10, с. 11-17.

Он представитель той части интеллигенции, которая продает свой мозг и совесть за казенное жалование.

Но вот по национальному вопросу стали выступать те интеллигенты, которые считают себя «свободо-мыслящими».

Начну с очень высокого научного названия — «доктор философских наук» — философ-мыслитель, занимающийся разработкой вопросов мировоззрения, жизненной мудрости. Первейшее качество философа — свобода мышления, правдивость, мужество. По-библейски их еще называли пророками. Это им Лермонтов посвятил свое гениальное стихотворение, являющееся прямым продолжением лермонтовского «Пророка»:

Провозглашать я стал любви
И правды чистое ученье,
В меня и близкие мои
Бросали бешено камня.

Да, чтобы встать и с честью поддержать высокое звание философа, надо иметь мужество выдержать «бешеные камни» даже от самых близких, не говоря уже о представителях власти.

Так вот — мое внимание привлекла статья — «Национальные отношения при социализме» (Правда, № 159, от 7 июня [1968]), подпись — Э. Баграмов, доктор философских наук.

Этот, с позволения сказать, «доктор», очень старательно изложив те истины, которые были заложены и осуществлены в 20-х годах, воздав им хвалу и пропев «аллилуйя» советской национальной политике в нынешнем ее виде, бросает камень в огород Мао Цзэ-дуна и всей его группы:

«Маоистские теоретики отвергают известное марксистско-ленинское положение о том, что слияние наций разворачивается на высшей фазе коммунизма, что ему предшествует длительный период всестороннего расцвета и сближения народов. Они настаивают на ассимиля-

ции всех национальных меньшинств ханьцами (китайцами).

Псевдореволюционная политика маоистов означает подавление национальных языков, травлю национальных кадров, глумление над национальными чувствами».

О ком эти слова? О нас, или о нынешнем китайском руководстве?

Почему наш философ ни словом не вспомнил о тех ужасах, которые пришлось вынести всем нашим малым нациям в период культа личности Сталина?

Неужели наш философ не знает, как в 24 часа выселяли целые народы с родной земли, обрекая их на вымирание? Неужели не знает, как в ряде других наций, не высылаемых, уничтожили лучший цвет интеллигенции, выросшей в первые 10-16 лет Советской власти?

А факты, которые я привел в начале письма и которые можно умножить в десятки раз?

Дальше наш философ переходит к трафаретным рассуждениям о последовательном развитии марксистско-ленинских принципов пролетарского интернационализма и о практическом их значении в деле цементирования мировой социалистической системы.

Это тоже прописная истина, но, уважаемый философ, бросив камень в маоистский огород, почему вы для своих рассуждений ищете фактов где-то за тридевять земель и не видите у себя под носом? Если уж вас не устраивают факты нарушения национальной политики с крымскими татарами и немцами Поволжья, поищите их хотя бы на Кавказе! На Волге! На Украине!

В общем, вспомнив ленинскую цитату об интеллигенции, можно сказать, что философ Э. Баграмов за продажу своего мозга и совести вполне заслужил «казенное жалование и участие в прибылях и дивидендах».

Другой доктор философских наук Е. Модржинская, выступая против фальсификаторов марксизма-ленинизма, (газета «Известия», № 138, 14 июня [1968]), тоже старается обходить тот несомненный факт, что *материал* для антикоммунистов поставляем мы сами всей *внутрен-*

ней практикой, которую нельзя скрыть никакими пышными фразами. Вы, уважаемый философ, утверждаете «Сила коммунистических и рабочих партий — в их верности марксизму-ленинизму, пролетарскому интернационализму».

Какой же может быть разговор об интернационализме в свете тех фактов, которые я привел в начале письма? Вы знаете, что в Турции день выселения крымских татар объявлен днем национального траура?

Вся антикоммунистическая пропаганда построена именно на нашей внутренней практике, на тех фактах, которые порождаются нашим тоталитарным строем и отсутствием демократии.

Против фальсификаторов выступает также С. Титаренко (не знаю, право, какое у него «ученое» или «номенклатурное» звание) в журнале ЦК КПСС «Политическое самообразование». Полемизируя с авторами американского журнала «Проблемы коммунизма», Титаренко сам же разрушает все свое словесное кружево. И очень простым способом — не говорит той правды, которую всегда требовал Ленин. Всегда — и в теоретических спорах, и в информации, и в практической деятельности.

Сообщайте факты, только факты, а оценивать их каждый будет по-своему, — так, примерно, требовал Ленин от всех своих соратников.

А Титаренко всячески уклоняется от самокритической оценки современного состояния национального вопроса в СССР. Он маневрирует теми фактами и лозунгами (т.е. пустыми фразами), которыми нас кормят сейчас.

Да, в первые годы революции, в 20-е годы, мы, благодаря решительному и бескомпромиссному проведению ленинской национальной политики, борьбе с местным национализмом, и еще более с великодержавным шовинизмом, добились того, что все народы Российской империи действительно добровольно вступили в СССР. Но последующая практика Сталина и его последователей своей великодержавностью углубляют местный нацио-

нализм, создают центробежные силы и тем самым расшатывают основы СССР, созданные и сцементированные могучей силой добровольного союза, того союза, в котором не было и даже не мыслилось насилие одной нации над другой.

В порядке самокритики Титаренко допустил только одну фразу: «Мы не скрываем, что в советском обществе могут иметь место отдельные случаи неправильного понимания национального вопроса и даже проявления национальных пережитков». Каких же, имеем право спросить? Давайте факты, а объяснить их может каждый грамотный гражданин.

Нет, автор лживо и лицемерно утверждает, что с этими пережитками ведется «идеологическая работа» в духе «пролетарского интернационализма». Это не та «идеологическая работа», которую проводят карательные органы в отношении крымских татар, немцев Поволжья, турок и др.?

На страницах «Комсомольской правды» со статьей «Мы придерживаемся строго наших заветов» выступал Р. Алимов*, руководитель молодого поколения, секретарь ЦК ЛКСМ Узбекистана. Лицемерно восхищаясь мудростью и человечностью Ленина, Алимов забывает о многих тысячах крымских татар, рассеянных по всей Средней Азии, забывает о Чирчике, о судебных расправах над лучшими людьми малого угнетенного народа, забывает о тех унижениях, которым подвергается татарская молодежь, в том числе и комсомольцы. Но один вывод правильно Алимов делает: «... национальные отношения — это особая область общественной жизни. Именно сюда нацеливают острие своей подрывной деятельности враги коммунизма. Они возлагают большие надежды на оживление пережитков национального эгоизма в сознании и поступках советских людей. Они всячески пытаются опорочить, очернить ленинскую национальную политику, вызвать раздор, расшатать дружбу народов».

* Комсомольская правда 4. 6. 1968.

Правильное замечание. Но кто подливает горячее в огонь антикоммунистической пропаганды? Наши правительственные органы, и в том числе, уважаемый секретарь комсомола!

Вы забыли, что всего полвека назад, вы, узбеки, были под гнетом российской великодержавности, что вы даже в русскую литературу вошли под позорной кличкой «сарты», что вас тысячами гнали в 1916 году на строительство Мурманской железной дороги, и там под каждой шпалой лежат кости ваших соотечественников, а сейчас вы сами стали великодержавниками по отношению к крымскотатарской нации. Вам в этом антиленинском позорном деле помогают русские и украинские великодержавники, воспитанники и верные поклонники сталинской тоталитарной политики.

Это вы, пытаясь насильственно ассимилировать крымских татар, допуская клеветническую пропаганду против честных тружеников, доставляете материал для антикоммунистической пропаганды.

Доктор философских наук Е. Модржинская, отстаивая идеи Маркса против фальсификаторов, говорит:

«Он выдвинул бессмертный лозунг пролетарского интернационализма — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — как практический лозунг сплочения рабочего класса всех стран в борьбе против капитализма, за строительство нового, социалистического мира».

А знает ли Модржинская, что крымские татары в большей своей части являются рабочими и служащими и все состоят в профсоюзах? Да знает ли ВЦСПС, что большой массив членов союза крымскотатарской национальности лишен своей Родины и своих прав, декларированных нашими и международными законами? Кто, какой психолог может определить, как в таких условиях трансформируется бессмертный лозунг Маркса?

Вождь узбекских комсомольцев начал свою лживую и лицемерную статью цитатой Маркса и Энгельса: «В том же мире, в каком будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и

эксплуатация одной нации другой. Вместе с антагонизмом классов внутри наций исчезнут враждебные отношения наций между собой».

Так вот наша официальная пропаганда утверждает, что в нашей стране антагонизм классов сведен почти к нулю, откуда же ползет среди народов СССР шовинистическая мразь? Где ее первоисточники, и какие меры к очищению нашей атмосферы принимаются?

Надо сказать также несколько слов еще об одном представителе советских интеллигентов — о писателе С. С. Смирнове.

Это имя звонкое, прославленное. И надо признать, отчасти заслуженно. Он раскрыл героическую эпопею Брестской крепости, восстановил и воскресил имена забытых, а то и просто затурканных, ее защитников. Но вот что было странно в его исследованиях и описаниях. Чеченские писатели неоднократно напоминали ему: «Дорогой Сергей Сергеевич, в Брестской крепости в дни нападения фашистов находился конный чеченский полк до 250 сабель. Он погиб, осталось в живых несколько человек... Просим сказать несколько теплых слов о чеченцах... Для реабилитации нашего народа, жестоко пострадавшего от деспотизма Сталина, это будет иметь немаловажное значение».

Примерно так просили писателя-лауреата чеченские интеллигенты, которые пытаются очистить свой народ от клеветнической грязи, тот народ, который на защиту Советской власти отдал десятки тысяч своих сынов.

Лауреат Смирнов не услышал просьбы чеченских писателей. О героях-чеченцах, погибших в казематах Брестской крепости вместе с русскими, украинцами и белоруссами, он не упомянул ни единым словом.

Крымские татары тоже пытались получить от него хоть моральную поддержку. И тоже остались «несолоно хлебавши»...

Но зато тов. С. С. Смирнов принял горячее участие в спасении греческих демократов. Что и говорить — благодарная задача международного значения. Но чем

судьба греческих демократов хуже судьбы тех крымских татар, которых ныне засадили в тюрьму и лагеря за то, что они добивались человеческих и гражданских прав для своего народа?

Объяснение простое — за защиту угнетенных малых наций в СССР писателя ждали выговоры и «внушения», а за греческих демократов он легко может получить мировую славу, еще какой-либо орден, а также прибыли и дивиденды.

Заканчивая и так уже затянувшееся письмо, считаю необходимым привести один факт, от которого у всякого честного человека должна выступить на лице краска стыда.

Б. Стрельников в статье «Скованные одной цепью» (Правда, № 167 от 15 июня [1968]) пишет:

«Мы требуем справедливости», «Верните наши земли» — с такими плакатами пришли 13 июня к зданию государственного департамента США около сотни участников похода — преимущественно американцы мексиканского происхождения. Они потребовали немедленно возвращения земель, захваченных у них на юго-западе США в результате американско-мексиканской войны в середине прошлого столетия».

Не стыдно ли нам, что подобное же творится у нас? Только там, в США, мексиканцы свободно демонстрировали перед парламентом, а у нас 16-17 мая с.г. вылавливали по Москве крымских татар, как уголовников, и силой выслали в Ташкент.

Национальный вопрос у нас может быть восстановлен в духе ленинских идей только при общей перемене всего мира нашей внутренней политики. Характер и содержание легко понять из программы Французской компартии:

«Коммунистическая программа, — сказал, выступая вчера по французскому телевидению Ген. Секретарь ФКП тов. Вальдек Роше, — гарантирует свободы, основывает стабильность правительства на согласии демократических партий, предлагает возможность ориги-

нального французского пути для движения к социализму в условиях демократии» («Правда», 14 июня 1968 г.).

Этим же путем к социализму, в условиях демократии, исправляя ошибки прошлого, идет и Чехословакия. Иного пути нет и для нас. Если же тоталитарный режим у нас будет дальше развиваться, а «номенклатурная каста» укрепляться, то прямым путем мы попадем в объятия Мао Цзэ-дуна.

Писатель *А. Костерин*

Москва Д-22, М. Грузинская 31, кв. 70, тел. Д-2-40-3.
Костерин Алексей Евграфович.

М. Ф. Сармина, Письмо Н. В. Подгорному о произволе со стороны властей в Крыму. — 11 июля 1968 г.

Председателю Президиума Верховного Совета СССР
тов. Подгорному Н. В.

З а я в л е н и е

по поводу новых гонений на крымских татар

После выхода в свет Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года «О гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму», согласно которому крымские татары имеют право проживать на всей территории Советского Союза, я вместе со своим мужем Исмаиловым Фахри выехала на его Родину — в Крым на постоянное жительство.

8 апреля 1968 года мы приехали в село «Синавнос» Бахчисарайского района и поселились временно в доме бывших соседей Исмаилова Фахри, Авлахова Григория, и 11 апреля мы обратились в Верхореченский сельсовет по вопросу прописки. Жилплощадь нам предоставляла родственница Авлахова — старожительница Крыма, т.е. проживавшая в Крыму еще до выселения татар в 1944 г. — Погорелова Мария, которая в трехкомнатном доме проживает одна. Председатель сельсовета ответил, что нужно замерить жилплощадь дома, хотя мы предъявили ему домовую книгу, где значилось, что жилая площадь дома составляет 32 кв. метра. Вернувшись в село, мы обратились к директору совхоза «Шелковичная», на территории которого находится дом Погореловой М. Королевский сказал, что площадь дома Погореловой составляет всего 9,5 кв. метров. Тов. Королевский ханжески выразил сожаление, что не может прописать нас, так как не позволяет площадь дома. Мы были поражены столь грубой и наглой ложью депутата сельсовета

коммуниста Королевского, потому что хозяйка дома сказала, что никакого замера не было, и трехкомнатный дом никак не мог иметь площадь всего лишь 9,5 кв. метров. Дополню, что ранее в этом доме было прописано и проживало 5 человек. Но жители села ничему не удивлялись и сообщили нам, что недавно было собрание, на котором органы власти запретили жителям села предоставлять свои дома крымским татарам, которые, возможно, приедут в Крым.

Мы обратились к председателю Бахчисарайского райисполкома тов. Жучкову. Он ответил, что он не может не верить коммунисту Королевскому, и так как в составленном им акте значится всего 9,5 кв. метров, то следовательно так и есть в действительности.

20 дней мы ходили по различным инстанциям Бахчисарайского района в надежде на прописку, но ничего не добились. Когда я обращалась одна, мне давали прописку, потому что я русская, но как только они узнавали, что мой муж крымский татарин, быстро находились «уважительные причины» для отказа.

Одновременно мой муж продолжал искать жилплощадь и работу в других районах Крыма. Отдел Крымского облисполкома по использованию трудовых ресурсов в г. Симферополе направил его на работу в СМУ-10 треста Крымводстрой в Белогорском районе. Начальник Участка № 6 СМУ-10 т. Пожарский написал ему направление на имя коменданта общежития с просьбой предоставить жилье. Общежитие было предоставлено, но начальник паспортного стола отказал в прописке.

5 мая я одна выехала в г. Алушту, где меня как русскую быстро приняли на работу в пансион «Кристалл» буфетчицей и оформили прописку по адресу пансионата, ул. Набережная 57, хотя у меня не было еще никакой жилплощади.

27 мая я приехала в г. Симферополь и на троллейбусной остановке «Марьино» увидела, как большая

группа милиционеров и дружинников разрубали палатки и избивали крымских татар. Я бросилась искать мужа, считая, что он тоже наверное среди своих соотечественников. Несколько милиционеров схватили меня и с возгласами «продажная шкура» бросили в милицейскую машину и вместе с крымскими татарами привезли в Киевское отделение милиции г. Симферополя. Это было в 4 часа дня. А в 7 часов вечера меня вместе с десятками крымских татар на автобусе вывезли в г. Баку. Четыре дня нас везли без хлеба и воды. В Баку нас стали пересаживать на паром «Советский Туркестан», следовавший в Красноводск.

Голодные и оборванные крымские татары отказались садиться на паром. Образовавшейся при этом толпе людей милиционеры и чины в штатском говорили, что везут врагов народа. Доблестные советские милиционеры, которых было более сотни, конечно, сумели сломить сопротивление 33 измученных и усталых крымских татар. Избитые и окровавленные, они были заброшены на паром. Не стеснялись бить и женщин, которых, считая и меня, было пятеро. Одной из них вывихнули руку, другой выдернули волосы. Я была тоже в синяках.

Из Красноводска нас поездом отправили в Узбекистан. 4 июня мы с мужем вновь вылетели в Крым. Я вернулась на место работы. Администрация заявила, что я уволена по распоряжению милиции. Я написала жалобу в Москву и ждала ответ. Мы жили в 10 километрах от г. Симферополя в палатках, поставленных приехавшими крымскими татарами, которым также было отказано в прописке и трудоустройстве.

26 июня мы вместе с группой товарищей явились в приемную председателя Крымского облисполкома Чемодурова, чтобы официально довести до его сведения обо всех беззакониях, творимых в Крыму по отношению к крымским татарам. Чемодуров нас не принял. Через некоторое время в приемную явился начальник УООП

Крымской области полковник Захаров и потребовал очистить помещение, на что мы ответили отказом. Потом явился его заместитель подполковник Косяков с нарядом милиции. Милиционеры набросились на нас, стали избивать, душить и выбрасывать из здания облисполкома. Четверо милиционеров схватили меня и бросили в милицейскую машину, которая доставила нас в Киевское отделение милиции. В общей сложности в этот день было арестовано и доставлено в милицию 21 человек.

В 10 часов ночи нас перевезли в спецприемник, где произвели обыск и забрали документы и деньги. Утром нас повезли в суд. Судья не утруждал себя разбором дела, не задавал нам никаких вопросов и в течение нескольких минут приговорил нас всех к 15 суткам ареста «за мелкое хулиганство», после чего нас вывезли в Симферопольскую тюрьму. В тюрьме нас, в отличие от других заключенных, не выводили ни на работу, ни на прогулку. Начальник тюрьмы заявил мне, что со мной ничего бы не случилось, если бы я не связывалась с татаринном.

В знак протеста против произвола я и еще одна женщина, Абибуллаева Мунивер, а также арестованные мужчины крымские татары объявили голодовку. Я и Мунивер продержали голодовку 4 суток. Все эти дни к нам в камеру являлся заместитель [начальника] изолятора и грозил дополнить срок заключения, если мы не прекратим голодовку.

10 июля в 11 часов ночи нас вывезли в Киевское отделение милиции, а оттуда в 3 часа ночи привезли в аэропорт. Здесь нам вручили билеты, купленные на изъятые у нас при обыске деньги и посадили на самолет, вылетающий рейсом 2270 в г. Ташкент.

Через несколько дней я вместе с крымскими татарами вернулась снова в Крым. Возможны новые беззакония и преступления со стороны властей Крыма. Я прошу

принять меры для предотвращения произвола и возможных печальных последствий.

С уважением к Вам

Сармина Мария Федоровна, 1935 года рождения, русская, дочь Героя Советского Союза Захватава И. С., погибшего в 1943 г. при обороне Севастополя.

11 июля 1968 г.

*Обращение представителей крымскотатарского народа
к мировой общественности. — 21 июля 1968 г.*

Обращение представителей крымскотатарского народа
к мировой общественности

В 1944 году *весь наш народ* был клеветнически обвинен в измене Советской родине и насильственно выселен из Крыма.

Все взрослые мужчины находились на фронте, трудоспособные старики и подростки — в трудовой армии. В течение одного дня, 18 мая, около двухсот тысяч беззащитных женщин, детей и инвалидов были без предупреждения изгнаны из домов войсками НКВД, погружены в эшелоны и под конвоем вывезены в резервации. Этой операцией руководил маршал Ворошилов. Около трех недель, в закрытых вагонах, почти без пищи и без одежды, нас везли в Среднюю Азию. Туда же после окончания войны отправляли мужчин, возвратившихся с фронта. В результате бесчеловечной депортации и невыносимых условий, в которых мы оказались, в первые же годы погибло свыше половины всего нашего народа. Одновременно была ликвидирована наша национальная автономия, разгромлена национальная культура, уничтожены наши памятники, осквернены и стерты с лица земли могилы наших предков.

В течение последующих двенадцати лет мы жили на положении ссыльных, подвергались дискриминации, на наших детях, даже родившихся в ссылке, лежало клеймо «предателя», о нас выпускалась клеветническая литература, которую до сих пор читают советские люди.

После XX съезда КПСС с нашего народа был снят режим ссылки, но не снято обвинение в измене родине и по-прежнему не разрешено возвращаться в Крым. С 1957 по 1967 годы в ЦК КПСС и в Президиум Верхов-

ного Совета СССР нами были посланы сотни тысяч коллективных и индивидуальных писем с требованием положить конец несправедливости. Представители нашего народа в Москве, после настойчивых просьб, несколько раз были приняты руководителями партии и правительства: Микояном, Георгадзе, Андроповым и Щелоковым. Каждый раз нам обещали скорейшее решение крымскотатарского вопроса, но вместо этого следовали аресты, высылки, увольнения с работы и исключения из партии.

Наконец, 5 сентября 1967 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР, снявший с нас обвинение в предательстве. Однако, называя нас не крымскими татарами, а «гражданами татарской национальности, ранее проживавшими в Крыму», указ тем самым узаконил наше изгнание с родины и ликвидацию нас как нации. Не сразу мы поняли смысл указа. Несколько тысяч человек после его опубликования поехали в Крым, но были вновь насильственно выдворены оттуда. Протест, который наш народ отправил в ЦК КПСС, остался без ответа. Без ответа остались и протесты поддерживавших нас представителей советской общественности.

Власти отвечали нам лишь преследованиями и судебными процессами. С 1959 года на процессах было осуждено на срок до семи лет свыше двухсот наиболее активных и мужественных представителей нашего народа, хотя они всегда действовали в рамках Советской конституции. Репрессии по отношению к нам особенно усилились в последнее время. 21 апреля 1968 года в городе Чирчике войсками и милицией были разогнаны крымские татары, собравшиеся на празднование дня рождения Ленина, свыше трехсот человек было арестовано. В мае в Москву приехало восемьсот представителей народа, чтобы передать ЦК КПСС письмо с требованием о возвращении народа в Крым. 16 и 17 мая почти все представители были арестованы и под конвоем

вывезены в Ташкент. Одновременно в Ташкенте осудили на разные сроки четырех представителей нашей интеллигенции. Ежедневно десятки людей вызывают в местные органы КГБ и пытаются шантажом и угрозами принудить к отказу от возвращения на нашу родину.

О нас распространяется клевета, что мы хотим вернуться в Крым, чтобы выселить тех, кто сейчас там проживает. Это неправда. Мы мирный народ и всегда жили и будем жить в дружбе с многонациональным населением Крыма. Не мы угрожаем кому-либо — нас постоянно держат под угрозой национального уничтожения.

То, что с нами делают, имеет вполне определенное название — геноцид.

На протяжении нашей борьбы под письмами, посланными нашим народом Советскому правительству, было собрано в общей сложности более трех миллионов подписей. Это значит, что каждый взрослый крымский татарин подписался под ними не менее десяти раз. Но напрасно звучало обращение 300.000 человек, повторенное десять раз. Ни одна партийно-правительственная инстанция ни разу не ответила нам, ни одна советская газета ни разу не упомянула о нашей борьбе.

Поэтому мы обращаемся к мировой общественности.

Мы обращаемся ко всем народам Советского Союза как малый независимый народ обращается к народам-братьям.

Мы обращаемся ко всем народам мира, прежде всего к тем, кто на себе испытал, что значит национальное неравноправие и угнетение.

Мы обращаемся ко всем людям доброй воли в надежде, что вы окажете нам помощь.

Помогите нам вернуться на землю наших отцов!

Письмо подписали представители кримскотатарского народа, обладающие мандатом, уполномочивающим

их от имени народа бороться за возвращение на родину всеми законными средствами:

1. Асанова Зампира, врач	г. Бекабад
2. Кадыев Роллан, физик-теоретик	г. Самарканд
3. Байрамов Решат, монтажник	г. Мелитополь
4. Военный Мурат, строитель	г. Ташкент
5. Халилова Зера, педагог	г. Наманган
6. Ибриш Мустафа, инженер	г. Ташкент
7. Шабанов Эльдар, шофер	г. Бекабад
8. Бекирова Айше, педагог	г. Бекабад
9. Муратов Рамазан, рабочий	г. Бекабад
10. Куркин Мустафа, шофер	Узбекская ССР
11. Умеров Ильяс, механик	Аккурганский р-н
12. Гусейнова Леннара, инженер	г. Бекабад
13. Гунгуров Иван, инженер	г. Бекабад
14. Мамутов Мурза, учитель	г. Бекабад
15. Военный Ремза, врач	г. Бекабад
16. Ислямов Эдем, врач	г. Бекабад
17. Велиляев Энвер, врач	г. Бекабад
18. Керимова Анида, домохозяйка	г. Советобад
19. Ислямов Фикрет, инженер	г. Советобад
20. Сейтмететов Ахсеит, инженер	г. Марголан
21. Афузоз Асан, преподаватель	г. Фергана
22. Касаев Д., учитель	г. Фергана
23. Мурахас Нурфет, инженер	Ташкентская обл.
24. Тархан С., электромонтажник	г. Чирчик
25. Эмирова З., студентка	г. Чирчик
26. Ислямова Д., фельдшер	г. Чирчик
27. Асанов, завхоз	г. Чирчик
28. Абдультаров Р., шофер	г. Чирчик
29. Абзатов Р., шофер	г. Чирчик
30. Изетдинов С., техник	г. Чирчик
31. Эдем М., токарь	г. Чирчик
32. Абдуламинов, электромонтер	г. Чирчик
33. Акимова Селима, пенсионерка	г. Самарканд
34. Кемаль Ариф, пенсионер	г. Самарканд
35. Якубов Айдер, студент	г. Самарканд

36. Якубов Айнан, студент	г. Самарканд
37. Меметов Эюп, пенсионер	г. Самарканд
38. Меметова Танида, пенсионерка	г. Самарканд
39. Шаипов Асан, рабочий	г. Самарканд
40. Шаипова Ханай, служащая	г. Самарканд
41. Абибуллаев Усеин, пенсионер	г. Самарканд
42. Абибуллаева Хатидна, домохозяйка	г. Самарканд
43. Хафаз Эмир-Асан, кузнец	г. Самарканд
44. Болат Джафер, пенсионер	г. Самарканд
45. Сипп-Агья Адилла, домохозяйка	г. Самарканд
46. Исмаилов В., преподаватель	г. Самарканд
47. Малайдтиев Д., инженер	г. Самарканд
48. Язиджиева Фатима, педагог	г. Самарканд
49. Сим-Ариф Рустем, плотник	г. Самарканд
50. Консул Мустафа, конструктор	г. Самарканд
51. Ягьяева Саря, инженер	г. Самарканд
52. Азаматова Леннара, учительница	г. Самарканд
53. Азаматова Амине, пенсионерка	г. Самарканд
54. Азаматов Усеин, пенсионер	г. Самарканд
55. Кайсеров Ромзи, зав. складом	г. Самарканд
56. Ирих Дилявер, шофер	г. Самарканд
57. Дадой Осман, сварщик	г. Самарканд
58. Дадой Эмир-Улин, шлифовщик	г. Самарканд
59. Сеитвелиев Нурие, столяр	г. Самарканд
60. Османова Эдине, рабочая	г. Самарканд
61. Якубов Сеит-Абди, шофер	г. Самарканд
62. Эминов Руслан, строитель	г. Самарканд
63. Язиджиев Исмаил, каменщик	г. Булунгур
64. Эмирсалиев Иззет, слесарь	г. Ташкент
65. Халилов Сейран, техник	г. Фергана
66. Бариев Айдер, тракторист	г. Чирчик
67. Аметов Энвер, шофер	Киргизская ССР
68. Халилов Аккий, киномеханик	г. Гулистан
69. Абдурманов Аблаз, слесарь	пос. Китаб
70. Смедалев Видуй, фельдшер	г. Андижан
71. Баев Гомер, инженер	г. Новороссийск
72. Коссе Дяра, преподаватель	г. Маргелан
73. Улифов Реза, рабочий	г. Ташкент

74. Каралиева Медине, маляр	г. Ангрэн
75. Сейдамиев Эбазер, разлищик	г. Бекабад
76. Самединов Али, крановщик	г. Бекабад
77. Ибралиев Зинур, машинист	г. Бекабад
78. Решидов Дилявер, шофер	г. Бекабад
79. Асанов Идрис, шофер	г. Бекабад
80. Вейсов Юнус, рабочий	г. Бекабад
81. Самидинова Вера	г. Бекабад
82. Кудусова Закиде, учительница	г. Бекабад
83. Аблялимова Мунире, ткачиха	г. Ленинабад
84. Ибраимов Халиль, машинист	г. Бекабад
85. Билялов Кадыр, слесарь	г. Бекабад
86. Рустемов Тохтар-Газы, строитель	г. Бекабад
87. Дибак Нурие, электросварщица	г. Ленинабад
88. Сулейманов Д., шофер	г. Бекабад
89. Сулейманов Рефат, слесарь	г. Бекабад
90. Сеттарова Робия, учительница	г. Бекабад
91. Халилов Муртаза, парикмахер	г. Бекабад
92. Алти Ремат, шофер	г. Бекабад
93. Бекиров Сервер, шофер	г. Бекабад
94. Ахчиль Амет, плотник	г. Бекабад
95. Весиев Влафер, плотник	г. Бекабад
96. Ворангазиев Нариман, шофер	г. Бекабад
97. Исмаилов Фахри	г. Фергана
98. Сароника М.	г. Кзыл-Орда
99. Беялова Ленура	г. Самарканд
100. Исмаилов Исмаил	г. Новороссийск
101. Бекиров Шеит	г. Самарканд
102. Ибраимова Ш.	г. Самарканд
103. Муждабаев Зекки	г. Самарканд
104. Смирнова Галина	г. Самарканд
105. Аметов Энвер	Киргизская ССР
106. Куртаметов Иялин	г. Самарканд
107. Сейтумеров Решат	г. Чирчик
108. Халилов Ф.	г. Чирчик
109. Исмаилов Хируф	г. Чирчик
110. Мамутов Осман	г. Бекабад
111. Аблязов Иззет	г. Бекабад

112. Ягъяев Меджит	г. Ленинск
113. Исмаилов Сервер	г. Ленинск
114. Адиллов Абдурахман	пос. Алты-Армыж
115. Касаева Гульхаш	г. Фергана
116. Рамазанов Басир	г. Фергана
117. Рамазанов Мамеди	г. Фергана
118. Абдуллаев Сервер	г. Кувасай

21 июня 1968 года.

Комментарий [I]

(в текст письма не входит, дан для справок)

Чтобы бороться за возвращение на свою родину, в Крым, крымские татары выдают своим представителям специальные мандаты, уполномочивающие их действовать от имени крымскотатарского народа. Под каждым таким мандатом подписываются от нескольких десятков до нескольких сот человек, в зависимости от населенности места, жители которого выдают мандат. Настоящее обращение подписывают главным образом обладатели таких мандатов. Наиболее известные из подписавших обращение представители национального движения крымских татар: врач Зампира Асанова (она также одна из подписавших «Обращение 12-ти к Президиуму Будапештского совещания компартий»), физик-теоретик Роллан Кадыев, инженер Леннара Гусейнова, инженер Ахсеит Сеймеметов, инженер Нурфет Мурахас, рабочий-строитель Исмаил Языджиев. Среди подписавших также около десяти членов КПСС.

Комментарий [II]

1. Постоянное неофициальное представительство крымскотатарского народа в Москве существует с 1964 г. Представители, постоянно сменяющие друг друга, обладают мандатами, которые подписаны жителями тех городов и поселков, откуда их послали в Москву. Представители добиваются решения национального вопроса

своего народа, добиваются приема у государственных и партийных деятелей, выпускают информационный бюллетень.

2. Непосредственные виновники чирчикской расправы — секретарь горкома партии Якубов, запретивший мирное воскресное гуляние, и генерал-майор Шералиев, вызвавший в Чирчик войска.

3. 800 представителей крымскотатарского народа были высланы насильно из Москвы в канун 24-й годовщины депортации крымских татар из Крыма. Зам. прокурора г. Москвы Стасенков заявил: «Ваш вопрос решен полностью и окончательно и больше рассматриваться не будет», потребовал выезда всех представителей и угрожал применением силы. Сила была применена: крымских татар задерживали в гостиницах, на частных квартирах, на вокзалах, скверах и в других местах Москвы, загоняли в почтово-багажный поезд и отправляли под конвоем в Ташкент. Большую группу представителей народа задержали у здания ЦК КПСС. Вместе с ними милиция задерживала и тех москвичей, которые своим присутствием выражали солидарность с крымскотатарским народом. Всеи операцией руководил начальник Московского УООП генерал Волков.

4. Четырех представителей крымскотатарской интеллигенции — Юрия Османова, Энвера Меметова, Сейдамета Меметова и Сабри Османова — судили в Ташкенте по обвинению в распространении клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй (статья УК УзССР, соответствующая ст. 190¹ УК РСФСР). Их реальная вина — активное участие в борьбе за восстановление национальной автономии и за возвращение народа в Крым. Подсудимые приговорены к лишению свободы сроком от 6 месяцев до двух с половиной лет. Совсем недавно состоялся суд над тремя крымскими татарами, арестованными 21 апреля в Чирчике: Сади Абхаировым, Решатом Алимовым, Рефатом Измайловым. Они приговорены на сроки от 2 до 3 лет.

Мандат, выданный Роллану Кадыеву группой крымских татар г. Самарканда. — лето 1968 г.

МАНДАТ

Представителю крымскотатарского народа тов. Кадыеву Роллану, выдвинутому от граждан крымскотатарской национальности, проживающих временно в г. Самарканде, УзССР, р-н Пищевого техникума.

Мы, члены семей, проживающих в р-не Пищевого техникума, официально уведомляем Политбюро ЦК КПСС о том, что нами уполномачивается тов. Кадыев Роллан для оказания практической помощи партии, правительству и народу в вопросе восстановления национально-конституционных прав крымскотатарского народа в нашей национальной Родине — в Крыму.

Для этой цели обязываем тов. Кадыева Р. обращаться от имени наших семей в письменной и устной форме в любые партийные органы с просьбой оказать содействие и помощь — в удовлетворении законных требований нашего народа, заключающихся в следующем:

1. Организованное возвращение народа в наш родной край — Крым.
2. Восстановление наших национальных прав, данных революцией, Лениным.

Для общенародного и планомерного осуществления этих стремлений обязываем тов. Кадыева Р. держать до полного ленинского решения крымскотатарского национального вопроса тесную связь с представителями народа из других мест, общаться с ними, подытоживать общенародные предложения и запросы, и доводить их до сведения партийных и государственных органов Союза Советских Социалистических Республик.

Мандат тов. Кадыева Роллана, подписываемый нами, считать действительным в любых условиях и обстоятельствах, при которых целью и деятельностью дан-

ного товарища преследуются общенародные стремления и чаяния.

Керимов И.	Потемкина 12.
Умерова Ф.	Потемкина 12.
Умерова А.	Потемкина 14.
Аблаев Якуб	Потемкина 14.
Умерова Э.	Потемкина 12.
Нурманова А.	Бабушкина 3.
Максутов Б.	”
Нурманова Х.	”
Максутов Х.	”
Максутова Н.	”
Джемилева Е.	”
Бай, Ипат Кудуаев	Потемкина 34.
Бай, Лютфи Ибраим	”
Бай, Веляде	”
Тарсипов, Кудус	”
Бай, Мемет Иб.	Потемкина 36.
Абдурешитова, Эс.	”
Бай, Э. И.	”
Бай, И. И.	”
Абдулмеджидов	Молодежная 10.
Булатова М.	”
Мамбетов, Р.	Молодежная 13.
Сейтмамбетова, С.	”
Гаиров, Э.	Потемкина 36.
Алиев, Рефат	Лихачева 25.
Исмаилова, Р.	”
Эмиров, А.	Коканд. т. д. 19.
Измайлов, М.	Термезск. прос. 1, д. 2.
Люманова	Термезский пр. 1, д. 23.
Бадраклы, М.	”
Бадраклы, Эл.	”
Бадраклы, Д.	”
Бекиров, Э.	ул. Термезская, пр. 3, д. 3.
Каишева, З.	”
Бадраклы, Ш.	”

Абибуллаев, Р.	”
Маметов, А.	”
Эмирова, З.	”
Абдуллаев, Я. А.	Термезская 48.
Касара, А.	”
Ганиева, Л. А.	”
Абдуллаева, А.	”
Касара, А.	”

*Открытое письмо русских друзей крымских татар. —
январь 1969 г.*

СУДЯТ КРЫМСКИХ ТАТАР

В Узбекистане идет суд за судом. Судят крымских татар. За что судят их? Вспомним сначала, как оказались крымские татары в Средней Азии.

В апреле 1944 года Советская армия освободила от немцев Крым. В ночь с 18 на 19 мая крымские татары — в городах и деревнях, каждый в своем доме — стояли под дулами автоматов, прижавшись к стене и подняв руки вверх. «Пятнадцать минут на сборы! Забирайте то, что можете унести в руках...»

Так началась акция по выселению татар из Крыма. В некоторых случаях — так. Или несколько иначе, как вспоминает Тензиле Ибраимова в своем письме к Советскому правительству:

«В три часа, когда дети еще спали, вошли солдаты...»

... За пять минут собраться и выйти из дому. Не разрешили взять с собой ни вещей, ни продуктов, мы думали, что на расстрел везут.»

Но это был не расстрел. Это был путь медленной смерти в вагонах для скота, набитых людьми, как душегубки. Длился этот путь 3-4 недели и шел через раскаленные летние степи Казахстана. Везли красных партизан Крыма, бойцов большевицкого подполья, советский и партийный актив. А еще инвалидов и стариков. Остальные мужчины сражались с фашистами на фронте, и ссылка ждала их в конце войны. А пока в вагонах сгрудились их жены и дети, они составляли там огромное большинство. Смерть косила старых, малых и слабых. Гибли от жажды, удушья и смрада.

На больших перегонах трупы разлагались в вагонном месиве, а на коротких стоянках, где выдавали воду и корм, людям не давали хоронить своих мертвецов и их оставляли прямо у железной дороги.

Крымских татар привезли в резервации Урала, Казахстана и — главным образом — Узбекистана. Вот как очутились татары в этой стране. Завершилась депортация, а истребление народа только началось.

Местное население, распропагандированное властями, начиненное антитатарской клеветой, встретило переселенцев угрюмой отчужденностью. Чужая земля встретила их беспощадным солнцем, малярией и несвежей водой ярыков, которая после чистойшей крымской влаги вызвал у голодных, ослабленных людей губительные кишечные заболевания. Потом вместо барачных землянок, сараев и конюшен первой поры изгнания, появились человеческие жилища. Потом — с упорным трудом — пришел достаток в новые дома крымских татар. Но все это было потом. А в 44-45 годах народ вымирал в ссылке.

«Из нашей деревни вывезли 30 семей, из которых осталось в живых неполных пять семей...

... Моя племянница Менубе Шейхислямова, с восьмью детьми была выслана с нами, а муж ее был с первых дней войны в Советской армии и там погиб. А его семья погибла в Узбекистане голодной смертью. Только одна девочка по имени Нера осталась в живых, но от перенесенного ужаса и голода стала калекой.

... Наши мужья были на фронте, и некому было хоронить умерших, и часто трупы лежали вместе с живыми.»

Так за полтора года погибла без малого половина всех крымских татар — около 46 проц.

Это был геноцид, народовбийство. Геноцид. Дьявольское ремесло двух окаянных фюреров XX века.

В 1956 году, когда страна очнулась после долголетнего обморока и конвульсий падучей сталинской хвори, в числе прочих благих начинаний появился указ Президиума Верховного Совета СССР, касавшийся крымских татар и некоторых других народностей, подвергшихся геноциду. Благое начинание содержалось, соб-

ственно, лишь в первой статье указа, где опальным племенам предписывалось:

«Снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов Министерства внутренних дел.»

Зато вторая часть Указа гласила:

«Установить, что снятие ограничений по спецпоселению с лиц, перечисленных в статье 1 настоящего указа, не влечет за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении и что они не имеют права возвратиться на места, откуда они выселены.»

Тогда началась борьба крымскотатарского народа за полную свою реабилитацию и за непреложно вытекающее из нее право вернуться на Родину.

Между тем в Крыму к этому времени было сделано все, чтобы уничтожить все следы национальной жизни татар и самую память об их существовании. Снесли дома, дали одичать и зарости садам и виноградникам. Перепахали кладбища татар, и прах их предков вырвали у земли, чтобы мертвые уподобились кромешной участи живых. Сожгли все написанное и напечатанное на крымскотатарском языке — от древних манускриптов до произведений классиков марксизма-ленинизма включительно. Прошлое Крыма было фальсифицировано дипломированными холуями от историографии.

А движение крымских татар за свое национальное возрождение ширилось с каждым днем.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года реабилитирует, наконец, крымскотатарский народ, сняв с него дикое обвинение в измене. Но при этом обойден вопрос о восстановлении Крымской АССР.

Известно, что были восстановлены автономии чечено-ингушей, калмыков и других народностей, обреченных на сталинский геноцид. Наряду с немцами Поволжья крымские татары составляют исключение, как будто не

существовало крымскотатарской нации с ее территорией, языком, культурой и государственностью!

Указ 5 сентября, казалось бы, гарантирует крымским татарам все права, доступные гражданам СССР, но, между прочим, утверждает, что «татары, ранее проживавшие в Крыму, укоренились на территории Узбекистана и других союзных республик».

Между тем, тысячи и тысячи писем, обращенных к высшим правительственным и партийным инстанциям государства, скрепленные сотнями тысяч подписей, сливаются в единый возглас обездоленного народа: «Верните нам родину!»

Организованное возвращение в Крым (в течение нескольких лет), компактное заселение, восстановление республики — таковы справедливейшие из справедливых требования «укоренившихся в Узбекистане» крымских татар.

Но те, к кому обращены эти требования, решили, видимо, и впрямь «укоренить» беспокойный народ в Средней Азии, т. е. искоренить его как нацию. Речь идет не о физическом искоренении, как при Сталине, а об искоренении этническом, о насильственной ассимиляции, об искусственном сохранении условий, в которых гибнут национальный язык, национальная культура, национальное своеобразие.

Время от времени высокие сановники принимают в Москве полномочных представителей крымскотатарского народа и беседуют с ними. Так 21 июля 1967 г. прием устроили секретарь Президиума Верховного Совета СССР Георгадзе, председатель КГБ Андропов, министр Охраны общественного порядка Щелоков, Генеральный Прокурор СССР Руденко. (Заметим: из четырех трое — руководители карательных органов государства.) Крымским татарам, как это делалось прежде, было заявлено, что их национальный вопрос будет рассматриваться руководством. Ничего не значащее, ни к чему не обязывающее заявление! Но само обсуждение

казалось бы, что-то значит. «Вы можете писать и добиваться разрешения своего национального вопроса о возвращении в Крым, не выходя из рамок закона», — заверяет Андропов.

А что же происходит на самом деле?

Всякий документ, содержащий информацию о национальном движении крымских татар, — будь то проблемная или фактическая сторона дела — рассматривается местными властями как документ антисоветского содержания, вменяется в преступление составителям, распространителям и хранителям документа. И суд идет за судом.

Мирные демонстрации и митинги крымских татар квалифицируются как «массовые беспорядки». Например, власти не дают помещения, и народ собирается на площади в Ташкенте, чтобы получить отчет от своих представителей, приехавших из Москвы после упомянутого правительственного приема. И как всегда, при любом скоплении крымских татар, на них обрушивается полицейский погром: разгоняют, бьют, швыряют, вывернув руки, в закрытые машины.

И снова — аресты и суд за судом, расправа за расправой.

Да что там демонстрации или митинги! В апреле 1968 года в г. Чирчик (Узбекистан) съезжаются крымские татары чтобы отметить день рождения Ленина, глубоко почитаемого ими. С именем Ленина связано и образование Крымской республики в 1921 году. За одно хотят отпраздновать весенний праздник «Дервизе». И вот в городском парке в разгар народного гуляния — песни, пляски, оркестр национальных инструментов — в окруженную войсками и милицией двухтысячную толпу крымских татар врзаются струи воды, направленные под большим давлением из брандспойтов пожарных машин, и со всех сторон поднимаются и бьют, бьют бьют резиновые дубинки. Каков разгул демократии! Задержано 300 человек — и опять суды, суды... Это и

раньше случалось, и не раз — водометы и полицейские дубинки, но такого грандиозного побоища, как в Чирчике, не было никогда.

В Москве периодически устраиваются облавы на представителей крымскотатарского народа и их выбрасывают вон из столицы.

И в Крыму устраивают облавы. Крым — запретная зона для его коренных жителей татарского происхождения. Такого закона нет, но есть, видимо, на этот счет секретные инструкции и в соответствии с ними — административная практика, практика произвола и беззакония. Татары возвращаются в Крым группами, семьями, поодиночке. Возвращаются, чтобы пройти мытарства заколдованного круга: их не прописывают, потому что нет жилья, им не дают, не продают жилья, потому что нет прописки. И это в то время, когда из России и Украины государство направляет в Крым непрерывный поток переселенцев. Крыму не хватает рабочих рук. Не считая курортной полосы, в Крыму — в предгорьях и особенно в степной части полуострова — малая плотность населения. Рассчитано и доказано, что всех крымских татар — мастеров винограда и табака, потомственных хлеборобов и квалифицированных рабочих — можно разместить и трудо-устроить в Крыму без малейшего ущерба для остальных жителей, и это несомненно привело бы к новому экономическому процветанию края.

Ну а пока на татар, на людей без прописки, охотятся в Крыму как на диких зверей.

Нарастает национальное движение крымских татар и усиливаются направленные против них репрессии. Следствие за следствием, процесс за процессом. Как формулируется обычно обвинение против крымских татар? Вот образчик:

Обвиняется такой-то (имя, год рождения и т. д.) «в том, что в апреле 1968 г. в г. Москве вместе с другими подписал и явился автором Информации № 66, письма

на имя советских писателей, работников науки, искусства и культуры, политических и общественных деятелей, письма на имя Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Председателя Совета Министров ССР, Генерального Прокурора СССР. В этих документах содержатся заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а именно в этих документах указано, что в местах проживания татар их жестоко преследуют, сотнями арестовывают, обливают ядовитой жидкостью, избивают, унижают их человеческое достоинство . . .»

Об Информации № 66 из того же обвинительного заключения узнаем, что в ней «содержатся заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а именно в этой информации указывалось, что татары, ранее проживавшие в Крыму, материально ограблены, в отношении них проводится расовая дискриминация, их незаконно арестовывают».

Ну, разумеется, все это сплошная клевета, чистейшая ложь, да еще заведомая в придачу!

Депортация 1944 г., лишение татар их земли и всех источников существования, — это, конечно, не ограбление, а всего лишь веселенькая экскурсия в Среднюю Азию — без материальных излишков, обременительных для туристов.

Ты не имеешь права жить на Родине, посещать национальную школу, ты даже не крымский татарин, а некто *ранее проживавший в Крыму*. По какому признаку тебя так славно отличили и выделили из дружной семьи советских народов? По тому единственному признаку, что у тебя в жилах кровь отцов. Других отличительных признаков у тебя нет и не может быть. Ах, что вы — какая же это расовая дискриминация! О каком унижении человеческого достоинства может идти речь? Боже упаси! Это не что иное, как пролетарский интернационализм в действии.

Сотни арестованных? Но разве это аресты? Вероятно, крымские татары сами устремились в камеры предварительного заключения, в тюрьмы и лагеря.

Избиения? Ничего подобного: дубинки — это целебный массаж, настоятельно рекомендуемый современной — особенно китайской — медициной.

Солдаты с противогазами? Брандспойты, вода, оставляющая следы на одежде? Причем тут ядовитая жидкость! Это приятный освежающий душ в жаркий полдень на благословенной земле Узбекистана.

Словом, все это — злокозненные измышления людей, которые только и заботятся о том, как бы сильнее опорочить непорочнейший государственный и общественный строй, да еще имеют при этом наглость обращаться со своими жалобами и протестами не в какую-нибудь там Организацию Объединенных Наций с ее комитетами и подкомитетами, а прямо в Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, что само по себе является тяжким преступлением.

Так судят крымских татар.

Бесконечное лицемерие, беспредельный цинизм.

Русские друзья крымских татар

Январь 1969 г. г. Москва

*Комментарий П. Г. Григоренко к двум документам
о депортации крымских татар. — 10 марта 1969 г.*

Длительное время вопрос о последствиях зверской депортации крымских татар, о геноцидном характере этой акции, упорно замалчивался. Было негласно запрещено упоминать, что существовало такое понятие, как спецпоселенец. Власти молча, но жестоко противодействовали стремлению крымских татар к восстановлению своего национального равноправия. Это вынудило их придать своей борьбе максимальную гласность. Вопрос вышел за пределы Советского Союза. Международная общественность, особенно мусульманский мир, с возмущением заговорили о том, что в СССР маленькая нация подвергается жестокой дискриминации. В ответ на это последовало усиление репрессий против крымских татар. В тюрьмы и лагеря были отправлены сотни борцов за народное дело, в основном вновь народившаяся национальная интеллигенция. В войну и за время ссылок этот народ лишился почти полностью своей интеллигенции. Теперь она только-только обозначилась, но на нее снова обрушился удар. В настоящее время в тюрьме снова томятся 12 крымских татар, преимущественно молодые интеллигенты. Среди них Роллан *Кадыев*, недавно совершивший мировое открытие — одно из следствий общей теории относительности, так называемый отрицательный параллакс. В конце августа 1968 года он сделал доклад о своем открытии на международном симпозиуме по теории относительности. Доклад привлек к себе исключительное внимание физиков и астрономов. Р. Кадыев был единственным докладчиком, которому участники симпозиума решили время доклада не ограничивать. В первых числах октября Роллан был арестован. Обвинение обычное, предъявляемое всем крымским татарам, — распространение клеветнических измышлений, порочащих совет-

ский государственный и общественный строй. Следствие на всех процессах доказательствами себя не утруждает. В Ташкенте, Ангрене, Чирчике, даже в самой Москве крымских татар подвергали незаконным погромам. Они пожаловались компетентным советским и партийным органам. Им не ответили на их многократные письма, под которыми собраны миллионы подписей. Тогда они начали рассказывать о всех незаконных гонениях общественности. Органы КГБ за это их арестовывают и, не прибегая к расследованию сообщаемых ими фактов, называют их клеветой и предают суду. Суд тоже ничего не расследует. Принимая голословные утверждения КГБ за доказательство, они осуждают ни в чем не повинных людей на длительные сроки заключения. Так обстоит дело и в готовящемся ныне процессе десяти в Ташкенте и подготовливаемой расправе над инженером Гомером Баевым в Симферополе. Но на этот раз следствие совершило глупость, и мы получили возможность поймать преступников, искусственно создающих доказательства преступления, за руку. КГБ на сей раз решило не ограничиться голословным утверждением. Ему захотелось привести «объективные» доказательства, хотя бы по одному частному вопросу. Дело в том, что крымские татары утверждают, что в результате зверской депортации и первых двух лет жизни в условиях невозможности человеческого существования их нация потеряла 46,3 % своего состава. КГБ решил опровергнуть это утверждение «документально». Что из этого получилось, судите сами.

[Следует текст двух документов о депортации крымских татар. См. «Следствие», № 32 и № 33.]

Задумаемся — зачем эти документы понадобились в следственном деле? Очевидно, следствие хочет доказать, что обвиняемые, указывая в публикуемых ими документах цифру 46,3 % погибших крымских татар во

время зверской их депортации в 1944 году, распространяли «заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй». Ни для чего другого справка, в которой дается меньшая цифра, в следственном деле понадобится не может. Выходит, таким образом, что истребить меньше, чем 46,3 %, вполне допустимо и справедливо. Только «в тупой полицейской слоновости» можно включить в материалы обвинения подобные «новости». Выходит, если в поселок зашел бандит со своими сподручными и, пройдя по поселку, убил каждого десятого, то он получает право привлечь к уголовной ответственности тех граждан этого поселка, которые, жалуясь на него, написали, что он перебил половину поселка. Получается, в общем, что истреблять крымских татар, как и другие малые нации, можно. *Истребление законно*, а ошибка в определении численности истребленных является уголовно наказуемым деянием. Это, оказывается, клевета на советский государственный и общественный строй, да еще и заведомая, хотя, как увидим, нигде точных данных нет — истребляли безучетно. До какой же мерзости морального падения надо дойти, чтобы фабриковать подобные обвинения!

И вот какую дикость обвинение выносит на суд. И последний, я в этом не сомневаюсь ни на минуту, осудит людей на различные сроки заключения, как осудил уже Рамазана *Муратова* и многих других до него, по подобным обвинительным материалам. Оба приведенные выше документа должны, по замыслу обвинения, сыграть важную роль в доказательстве «вины» арестованных. Поскольку это так, нам надо внимательно рассмотреть эти документы и выявить то, что с их помощью может быть установлено совершенно бесспорно. Того, что хотят получить от этих документов, в них нет, как бы ни старались обвинители. Но нижеследующее из них вытекает с полной бесспорностью.

1. Отчетных данных об изменении контингента лиц,

высланных из Крыма в 1944 году, за период с момента высылки и вплоть до 1 января 1945 года, в природе не существует (документ № 2).

2. Докладная записка, на которую ссылается документ № 2, является типичнейшей «липой». Думаю, ни для кого не составит труда установить, что исходная цифра, от которой число умерших (13592) составило 9,1 0/0, не соответствует ни одной из цифр, приведенных в документе № 1. А те цифры несомненно взяты из документов. Но документ № 1 удовлетворить следствие не мог, т. к. в нем нет ответа на вопрос — не врут ли крымские татары, называя такой процент потерь своей нации, как 46,3 0/0. Именно поэтому потребовался новый документ. И он появился. Документ странный, если не сказать хуже. С одной стороны, в нем совершенно определенно говорится, что нация истреблялась безучетно, а с другой — при помощи «одной из докладных записок о хозяйственно-бытовом устройстве спецпоселенцев крымского контингента» следствию сообщается процент потерь крымскотатарской нации в пять раз меньше того процента, который сообщают сами крымские татары. И следствие вполне удовлетворено. Им нет дела до того, каким образом крымские татары установили свой процент. Не хочет оно разбираться и в том, что это за докладная, на которую ссылается документ № 2, насколько эта докладная достоверна. Ему нет дела до того, что крымские татары, для выяснения истинных размеров постигшего их бедствия, составили полный список всех выселявшихся из Крыма и установили, кто из этих людей погиб при выселении, во время перевозки в закрытых вагонах от места выселения до места ссылки и на местах ссылки летом 1944 года и в страшную зиму 1944-1945 гг. Для следствия важно, чтобы была бумажка — пусть самая липовая, но за подписью и печатью, и суд узбекский поверит ей и даже не станет слушать доказательств обвинения. Но я надеюсь, что они и не будут ничего доказывать этому суду. Они

просто спросят — а 13592 человека уничтожить так просто, ни за что — это можно?

3. Документ № 1, помимо воли его авторов, дает все некоторые данные о массовости потерь крымскотатарского народа. В нем сообщается число семей и численность людей крымскотатарской национальности, доставленных в Узбекистан — на 1 июля 1944 г. и на 1 января 1945 года. Причем на первое из названных чисел число семей меньше, чем на второе, на 818, а людей больше на 16682. Очевидно, что эта последняя цифра являлась бы цифрой чистых потерь, если бы не было прибытия новых семей. Но так как фактическое прибытие было, то к потерям надо отнести еще и численность всех 818, прибывших после 1 июля семей. Численность (средняя) одной семьи, по данным на 1 июля 1944 года, как нетрудно установить, составляет 4,24 человека. Следовательно к цифре 16682 надо добавить 3468 ($818 \times 4,24$). Таким образом, общие потери крымских татар, по данным документа № 1, на 1 января 1945 года составляют 20150 человек. В 1945 году, по данным того же документа, умерло 13183 чел. (Умирили главным образом в период до первого урожая.) Следовательно, общий итог потерь народа только на месте ссылки 33333 чел. или 22 % от числа прибывших в Узбекистан на 1 июля 1944 года.

4. Но приведенные потери не исчерпывают потерь названного многострадального народа. Глубоко уверен, что еще большие потери понесены во время переезда в закрытых, битком набитых голодными людьми вагонах, в которых дышать нечем было как от раскаленности наружного воздуха, так и от спертости его внутри вагона. Документ № 1 указывает, что прибывать в Узбекистан крымские татары начали 29 мая, а закончилось прибытие («в основном», как указывает документ) 8 июня 1944 года. Выселение же было произведено, как известно, на рассвете 18 мая. Значит люди ехали, вернее медленно умирали без еды в спертom и

пропитанном запахом испражнений воздухе, в течение 11-21 суток. Сколько, какой процент выселенных выжил и доехал до места ссылки, предположить очень трудно. Но можно почти наверняка утверждать, что далеко не все отправленные вагоны дошли до места ссылок, а те, которые дошли, оказались сильно опустошенными. Кстати, все, кто ехал в этих воистину «вагонах смерти» вспоминают с ужасом о запахе мертвечины, постоянно наполнявшем вагоны. И было бы удивительно, если бы было иначе. Ведь выселение производилось самым варварским методом: резкий окрик — «20 минут на сборы!» — и автомат в грудь. И это в лучшем случае. А то и хуже — «Встать!» (люди, ведь, спали.) «Немедленно выходить! Руки вверх!» Естественно, что ошеломленные, еле проснувшиеся люди, даже если им давали на сборы указанные 20 минут, не могли сообразить, что надо с собой взять, и чаще всего уходили в невероятно дальнюю дорогу без единого кусочка хлеба. О тех, кому времени на сборы не давали вовсе, и говорить нечего. Пусть те, в ком есть хоть капля совести, осудят меня за то, что я скажу — и крымские татары приуменьшают свои потери. В тех условиях должно было погибнуть не менее половины выехавших. Я глубоко уверен, что прибытие эшелонов закончилось 8 июня не потому, что все отправленные из Крыма эшелоны прибыли к месту назначения, а потому, что дальнейшее движение тех, кои не дошли, не имело смысла, ввиду гибели «труза».

5. О том, что потери не могли не быть потрясающе большими, свидетельствуют и те данные, которые приводит документ № 1 о составе спецпереселенцев крымских татар. На 1 января 1945 года мужчин в составе спецпоселенцев было всего 16 %. Остальные — женщины и дети. Причем последние в группе женщин и детей составляли почти 60 %. В соответствующей пропорции была и смертность в каждой из этих групп. Но нам важно специально разобраться в том, почему так мало

оказалось мужчин среди спецпоселенцев, и что это за мужчины. Оказывается, это старики и инвалиды. А весь призывной контингент, все способное встать под ружье, находилось на фронтах войны. Значит с кем же воевали эти подлюги — здоровые и сытые лбы, организовывающие и осуществляющие выселение и охрану в местах спецпоселения крымских татар? Двух ответов на этот вопрос не может быть — с *женщинами, детьми, стариками и инвалидами*. И вот теперь, через четверть века после того, как совершено величайшее преступление против малого, но честного и трудолюбивого народа, весь колоссальный аппарат насилия УзССР обрушивается на выживших в те годы детей, обрушивается, чтобы заткнуть им рот и спасти от морального наказания преступников — тех, кто участвовал в совершении зверской акции против крымскотатарского народа. Именно в этом истинный смысл готовящейся судебной расправы над *Аметовой Светланой, Баевым Гомером, Байрамовым Решатом, Бариевым Айдером, Гафаровым Ридваном, Кадыевым Ролланом, Хаировым Иззетом, Халиловой Мунире, Умеровым Ризой, Эминовым Русланом, Язиджиевым Исмаилом*. В этом же смысл всех ранее вынесенных неправосудных приговоров крымским татарам.

Ожидать, что сейчас будет не так, как было в предыдущих процессах над крымскими татарами, что на сей раз суд будет разбираться в обстоятельствах дела и искать истину, есть величайшая наивность, если не хуже. Суд *исходит из неправосудной установки*. Он априори считает, что массовое убийство ни в чем не повинных женщин, детей, стариков и нетрудоспособных инвалидов, если это совершено людьми, стоящими у власти, является законным, а требование наказать виновников таких преступлений и ликвидировать ненормальное положение, созданное в результате государственного произвола — уголовно наказуемым преступлением.

Как же такой суд может вынести правосудный приговор? Сами эти судьи будут совершать *заведомое преступление*, притом тягчайшее преступление против человечности — *геноцид*. Как же можно относиться к такому суду? *Только с презрением!* Пусть судят, но пусть знают, что все честное и благородное, что есть в человечестве, презирает их за прислужничество убийцам и истязателям многих малых народов нашей страны. Пусть судят, но пусть знают, что суд над ними, неумолимый суд истории не за горами. И на том суде им придется ответить — *кому служили?* Сегодняшние их подсудимые служили своему народу. Они были *народом и в точности выполняли его волю*. Поэтому они вообще не подлежат суду. Не подлежат даже в том случае, если бы их действия с точки зрения законов нашей страны были действительно преступными. Не подлежат потому, что в этом случае потребовалось бы выяснять не их преступление, а причины, приведшие целый народ к тому, чтобы дать своим представителям полномочия на нарушения действующих законов. Но дело в том, что именно состава преступления и нет в действиях ни одного из арестованных. И это прекрасно знает следствие, привлечшее к уголовной ответственности заведомо невиновных. Зная о невиновности арестованных, оно попыталось многими сотнями свидетельских показаний запутать вопрос, спрятать истину в 20 толстых томах следственного дела, чтобы, тем самым, искусственно воздать улики преступления. Именно поэтому суд будет проводиться в таких условиях, чтобы как можно меньше людей попало на него. Судьи примут все меры, чтобы спрятаться от народа. Но это у них не выйдет! Истину народ узнает! И, самое главное, когда дело дойдет до суда над судьями неправыми, им придется ответ держать перед лицом всего народа.

10 марта 1969 г.

П. ГРИГОРЕНКО

П.С. Письмо это — мой рабочий документ, но я считаю возможным направить его судьям, обвинению и защите. Для народа я постараюсь сделать покороче.

*Заявление Джемилева Мустафы
Генеральному Прокурору СССР Р. А. Руденко
по поводу ареста П. Г. Григоренко. — 8 мая 1969 г.*

Генеральному Прокурору СССР гр. Руденко
от гр. Джемилева Мустафы
(Копия: Редактору газеты «Ленин Байрагъы»)

З а я в л е н и е

7 мая с. г. в г. Ташкенте, после 4-часового обыска в квартире гр-на Ильясова Дильшата, был арестован известный общественный деятель П. Г. Григоренко. Во время обыска и ареста Григоренко присутствовал и я. Я был подвергнут личному обыску и у меня были изъяты паспорт и блокнот с различными записями, в большинстве адресами моих близких и знакомых. Выйдя из квартиры Ильясова я заметил усиленную слежку за квартирой и за всеми, кто посещал эту квартиру. Не ошибусь, если скажу, что весь квартал был оцеплен агентами КГБ. На следующий день слежка еще больше усилилась. Выйдя из квартиры Ильясова, где я ночевал, я заметил сразу 6 агентов, которые на некоторой дистанции шли за мной, по обе стороны и спереди меня. Если я садился на какой-либо транспорт, они быстро садились на следовавший также за нами автомобиль «Волга» темнозеленого цвета, номер ТНГ 06-49. Когда агенты увидели, что я их всех заметил, слежка приняла откровенную и наглую форму. Агенты КГБ шли рядом со мной и цинично разглядывали. В 12 часов на остановке у базара «Эски-Джува» я попытался сесть на такси. Рядом сел и агент КГБ. Тогда я решил сесть на другое такси. Агент также быстро пересел на этот же такси. Я вновь вышел из машины и заявил, что не поеду с этим гражданином. Тогда агент КГБ начал громко материться и говорить, что будто бы я его

оскорбил. Таксист и сидевший рядом с ним гражданин, которые также оказались агентами КГБ, присоединились к его голосу и почти хором начали сыпать в мой адрес оскорбления, угрожать, что доставят меня в милицию якобы за оскорбления. Я быстро покинул такси и направился пешком к Комсомольской площади. За мной медленно уже следовало и такси, которое я пытался нанять. Агенты бросали в мой адрес оскорбления, пытаясь тем самым спровоцировать инцидент. У здания министерства культуры Узбекской ССР я бросил в почтовый ящик конверт. У почтового ящика остановились двое агентов и я ясно слышал, как они говорили, что конверт надо изъять. Я вошел в здание министерства и поднялся на третий этаж, где расположена редакция газеты «Ленин байрагы» — орган КП Узбекистана на крымскотатарском языке, где и пишу это заявление.

Кабинет, где я пишу заявление, «охраняется» двумя агентами КГБ, что и могут подтвердить сотрудники газеты.

Сейчас я выйду из кабинета. Ответственность за возможную провокацию полностью лежит на Вас, гражданин прокурор.

Мустафа Джемилев.

8 мая 1969 года.

14 час. 30 мин.

Протест по поводу ареста П. Григоренко. — май 1969 г.

ЦК КПСС

Советской общественности

Протест по поводу ареста П. Григоренко

Как стало известно, вечером 7 мая 1969 г. в г. Ташкенте по постановлению, подписанному прокурором Узбекской ССР, был арестован большой друг нашего народа П. Г. Григоренко, прибывший в г. Ташкент по ходатайству тысяч крымских татар с целью выступить в качестве общественного защитника на судебном процессе над десятью активистами крымскотатарского национального движения за возвращение на свою национальную Родину — в Крым и равноправие. Согласно постановлению, он обвиняется в составлении и распространении документов, содержащих клевету на советский строй.

Петр Григоренко известен крымским татарам своими мужественными выступлениями против продолжения политики геноцида над крымскотатарским народом, как решительный противник возрождения в стране порядков диктатуры Сталина, как подлинный коммунист-интернационалист. В его аресте мы усматриваем стремление карательных органов изолировать крымскотатарский народ от передовой советской общественности, запугать передовых советских людей, сочувствующих нашему народу, и облегчить тем самым подавление нашего национального движения.

Решительно протестуя против ареста Григоренко, мы требуем немедленного его освобождения, а также опубликования всех статей и документов, в составлении которых он обвиняется. Пусть советский народ сам оценит, являются ли эти документы клеветой на советский строй или нет.

Мы верим, что найдутся прогрессивные силы как в правительстве, так и вообще в стране, которые решительно воспротивятся произволу над этим честнейшим коммунистом.

Справедливое движение крымскотатарского народа за свое национальное равноправие приобретет новые силы за счет передовых советских людей, которые поймут в аресте П. Григоренко наступление реакционных сталинистских сил и, мы уверены, примут ответные меры.

Подписи

На 1 июня собрано свыше двух тысяч подписей крымских татар. Сбор подписей продолжается.

Сообщение об отложении процесса 10 крымских татар. —
22 мая 1969 г.

Информация об отложенном судилище
над 10 представителями крымских татар.

г. Ташкент 22 мая 1969 г.

[?] сентября 1968 года КГБ сфабриковывал так называемое дело над коммунистом-физиком Хаировым Иззетом, физиком-теоретиком Кадыевым Ролланом, участниками Отечественной войны Умеровым Ризой, Гафаровым Ридваном, инженером-строителем Эминовым Русланом, педагогом Языджиевым Исмаилом, Байрамовым Решатом, Бариевым Айдером, Халиловой Мунире и Аметовой Светланой — все они обвинялись в создании и распространении документов, якобы порочащих советский общественный строй.

После четверти века ссылки крымскотатарского народа, преступники, совершившие злодеяния над 14 народами Кавказа, Крыма и Поволжья, неотступно и яростно продолжают политику геноцида, травли и произвола над более чем 500-тысячным крымскотатарским народом.

Цель неоднократно откладываемого судилища — обелить нижеследующие преступления:

1. Акт злодейского выселения крымских татар из национальной Родины — полное материально-экономическое ограбление народа.

2. Акты создания специальных режимных условий на местах ссылки, в которых за 2 года погибло более 100 тысяч крымских татар [неразборчиво] детей и стариков.

3. Уничтожение исторических [и культурных] памятников народа в Крыму.

4. Уничтожение школ на родном языке и создание

условий, ведущих к уничтожению крымских татар как нации.

5. Факты злодейских избиений крымских татар в Крыму после выхода указа и постановления о равноправии крымских татар.

6. Факты насильственного выдворения представителей народа из Москвы.

7. Акты непрекращающихся гонений на крымских татар, требующих строгого выполнения конституционных законов нашей страны, основ марксизма-ленинизма, а также основных положений прав человека.

В связи с этим, известный нашему народу своими злоумышлениями, следователь Березовский, сочинил пасквиль, неграмотности которого позавидует любой знахарь. В его пространным писании около 100 раз повторяется слово «якобы», и этим словом все предается сомнению: что в 1944 году выселены татары, что умерло не 110 тысяч (а столько, сколько заблагорассудится КГБ, справки которого находятся в деле), что крымских татар не прописывают в Крыму, что их выдворяют из Москвы, что у них нет школ и т. д. и т. п., мол, все это ложь.

Да! Лжи правда рознь!

И неудивительно, что после неоднократных передач дела из одних рук в другие, уже дважды откладывается суд.

Почему? Из боязни широкой огласки лживых фабрикации дела, а также с целью травмировать наш народ и нанести материальный ущерб родственникам наших представителей и нашему национальному движению.

В последних числах апреля, на 28-е число был назначен суд — это кощунственно! Проводники судебных расправ над нашими представителями не думали, конечно, тогда начать суд, но они преследовали тут другое, а именно, показать, напомнить еще раз крымским татарам, что они преследуемые, что они не равноправ-

ные и чтобы на 1 мая татары, увидев веселье других, душевно плакали.

3 мая, выдав себя за Джемилава Мустафу, родственника Хаирова Иззета, неизвестное лицо вызвало из Москвы известного нашему народу защитника национальных прав крымских татар — Петра Григорьевича Григоренко, к которому жена Хаирова Иззета и более двух тысяч крымских татар обратились с просьбой выступить на суде в качестве общественного защитника. По приезде в Ташкент, 7 мая, он был арестован работниками КГБ во главе с вышеупомянутым Березовским.

До его ареста, он, ознакомившись с обвинительным заключением, для выступления на суде, подготовил защитительную речь под заголовком «Кто же преступники?».*

Вызов П. Г. Григоренко и его арест — глубоко таинственен и говорит о том, что составители лживых фабрикаций и злоумышлений против крымских татар боятся своего разоблачения перед общественностью страны и всего мира.

12 мая органы решили снова напомнить крымским татарам: «22 начнется суд». Народ знал, что и на этот раз суд будет отложен, но, несмотря на это, шел на суд из разных мест — на суд славных своих сынов и дочерей, которые вот уже год томятся в подвалах КГБ.

Рано утром 22 мая перед зданием суда сотни крымских татар, приехавших из Ферганы, Ангрена, Андижана, Самарканда, Краснодарского края, Крыма, Херсонской области и других мест ждали начала суда.

Из Москвы приехали четыре адвоката.

В этот день перед зданием суда было непривычно. Не было милиционеров, не было видно агентов КГБ. Как будто изменилось отношение к крымским татарам.

Сомнения развеяла секретарь суда объявлением: «Суд отложен.» На многочисленные вопросы: «Поче-

* См. Мысли сумасшедшего. Избранные письма и выступления Петра Григорьевича Григоренко. Амстердам 1973, с. 218-231.

му?» — она ответила: «Идете узнайте в Верховном Суде.»

В Верховном Суде заявили, что по причине болезни судья суд отложен на 10 июня.

Да, долго собрался судья болеть, подумали люди про себя, и несколько человек поехали навестить судью. К их разочарованию судья был вполне здоров и, по всей вероятности, находился «под домашним арестом».

До самого вечера к зданию суда подходили крымские татары, расспрашивая, где же идет суд над нашими представителями? И каждый, узнав, что суд отложен повторно, спрашивал — почему?

Трудно, конечно, сказать почему отложен суд, почему такие маневры? Но одно всегда было известно честным людям — тот, кто свои доводы сфабриковывает на лжи и клевете, боится их огласки перед публикой и общественностью и старается сказать об этом тайком, тихо, не своим тоном, спрятавшись от окружающего мира.

Четверть века тому назад на основании лжи и клеветы обвинили наш народ.

Отобрали нашу Родину.

До 1955 года держали нас на режимных условиях, по которым мы не имели права похоронить умершего своего родственника в другом районе, не говоря о друге.

Более 110 тысяч невинных людей погибло в результате этих преступлений. С 1955 года путем различных махинаций и политического крючкотворства закрепляют захват нашей территории. В Крыму уничтожили наши кладбища и исторические памятники. На местах ссылки мы не имеем права и возможности обучать своих детей на родном языке, изучать свою историю — все это ведет крымских татар к исчезновению как нации.

Рожденное в природе стремится жить. И мы, крымские татары, хотим жить как нация. Как дорог для каждой нации свой язык, свои обычаи, своя история, своя Родина — так дорого все это и для нас, крымских

татар, по конституции тоже наделенных одинаковыми правами со всеми народами. Мы требуем эти права. Мы говорим о несправедливостях открыто.

Десять наших представителей, которых обвиняют, выражали волю народа, его несгибаемое стремление к организованному возвращению в Крым и восстановлению национальных прав. П. Г. Григоренко — представителя общественности страны, смело выступавшего и разоблачавшего несостоятельность обвинений наших представителей и их правомерного стремления — сегодня обвиняют в этом же.

Данной информацией крымскотатарский народ обращается ко всем честным людям с просьбой поднять свой голос против лжи и клеветы, восстановить его национальные права, освободить всех его представителей и обвиненных в борьбе за национальные и человеческие права в нашей стране.

Данная информация направляется руководителям Советского государства и общественности.

*Атмосфера антитатарского психоза на местах высылки.
Обращение группы крымских татар. —
[конец мая 1969 г.]*

В ЦК КПСС
Общественности страны

Атмосфера антитатарского психоза на местах высылки

18 мая 1944 года, с целью ограбить национальную Родину крымскотатарского народа — Крым, определенные круги в руководстве Советского Союза, огульно обвинив все крымскотатарское население Крыма в измене Родине, насильственно оставив все движимое и недвижимое имущество народа, выслали народ в пустынные районы Узбекистана, Казахстана и Урала.

В специально созданных режимных условиях погибло более ста тысяч крымских татар, преимущественно детей и стариков.

Крымскотатарский народ, перенесший эту страшную трагедию, по своим национально-религиозным обрядам каждый год отмечает траурный день — 18 мая. В этот день не проводятся никакие веселья, гулянья, свадьбы и культурные мероприятия. От мала до велика одеваются в траур. Идут на кладбища и отдают дань почтения своим умершим и погибшим в результате выселения народа из Крыма.

18 мая 1969 года исполнилось 25 лет нахождения народа вне предела своей земли и, как обычно в этот день, народ собирался проводить свои национально-религиозные обряды.

Но как сложилась в последнее время традиция в работе КГБ — перед каждой определенной датой создавать атмосферу психоза, боязни возможных, как выражаются работники органов, выступлений.

14-15 мая по всему Узбекистану вызывали всех партийных и общественных работников и предупреждали

о том, что будут грандиозные выступления крымских татар на улицах городов и селений. Для возглавления этих шествий якобы из Москвы приехали трое русских во главе с каким-то генералом, преследующим антисоветские цели.

На всех предприятиях и в населенных пунктах провели собрания партийных активов, без присутствия крымских татар, где ошеломляюще рассказывали о подготавливаемых татарах к массовым беспорядкам и выступлениям, даже к восстанию, с целью дискредитировать, якобы, Советский Союз перед миром.

Они говорили при этом, что на всех заметных местах будут вывешены черные флаги. В связи с этим предложили «озабоченные» руководители: «Необходимо, нам, коммунистам и активистам, с 16 по 20-е мая нести круглосуточное дежурство.»

Все улицы и участки городов и поселков были распределены между определенными лицами. Начиная с 16 мая все приступили к своим обязанностям.

В это же время с крымскими татарами органы КГБ и милиция проводили другие мероприятия.

Всех, казавшихся им беспокойными, доставляли с помощью милиции в отделения, где требовали от них дачи письменных заявлений о невыходе на кладбища, а так же о недопущении туда других. В конце заставляли подписывать антиконституционный указ, который, вопреки статье 125 Конституции СССР, запрещает собираться на митинги и собрания.

18 мая во всех местах проживания крымских татар татары вышли по своим обычаям на кладбища. К этому времени уже кладбища были окружены людьми, одетыми в милицмейскую форму, и сотрудниками КГБ, которые по рациям держали связь с определенным центром. Подходящих к кладбищам граждан не стали допускать до могил покойных родственников. На вопросы: «Почему?», — милиционеры отвечали: «Мы не знаем, нам приказано, мы выполняем приказ.»

Так кладбища оставались окруженными с 7 часов утра до позднего вечера, вследствие чего перед кладбищами скапливался народ, подходивший в разное время дня. В момент скопления определенной массы людей работники органов снимали собравшуюся массу на киноплёнку. Тем самым органы делали все с заранее продуманным умыслом, с целью показать, видимо, вышестоящим инстанциям незаконные, на их взгляд, сборы крымских татар по случаю национального траура 18 мая. (Аналогичное наблюдалось и на другой день — 19 мая.)

В поселках и местах проживания крымских татар в течение 16-20 мая с наступлением темноты работники милиции вылавливали всех оказавшихся на улицах граждан и, выяснив национальность, привозили в отделение милиции, где принуждали к даче показаний. Заполнялись определенные формы и бланки. После всех этих профилактических мер в определенных кругах последовали разговоры своим содержанием направленные на разжигание антитатарских настроений среди других национальностей.

Крымскотатарскому народу пока неизвестны истинные цели всех этих провокационных мер, но как стало известно со слов наших русских товарищей, присутствовавших 22-23 мая на закрытых собраниях, партийных бюро райкомов и горкомов, речь велась о том, чтобы начать новые репрессии против инициативных групп крымских татар в их национальном движении в более обширном масштабе. Также стало известно народу, что некоторые руководители Узбекистана хотят дело поставить так, чтобы свалить вину за события на стадионе «Пахтакор» на крымских татар.

События эти проходили в конце апреля и в начале мая 1969 года. Во время очередных встреч футбольных команд группа хулиганствующих элементов учинила драку и выдала ее под маркой межнациональной розни (между узбеками и русскими). Хулиганы были аресто-

ваны (заметим — среди них нет ни одного крымского татарина).

На неслыханную провокацию против крымских татар, не имеющих никакого отношения к вышеупомянутым событиям, наш народ заявляет свой решительный протест.

В свете вышеизложенного, крымскотатарский народ обращается в ЦК КПСС и к общественности страны с просьбой глубоко разобраться в истинных намерениях тех, кто, создавая провокации против крымских татар, дезинформирует ЦК КПСС, правительство и общественность страны, тем самым ведет политику подрыва основ нашей страны — дружбу и монолитность советских народов.

В этом обращении мы еще раз подчеркиваем: наша цель одна — организованно вернуться на Родину, в Крым и жить в дружбе со всеми народами нашей страны.

Убедительно просим ЦК КПСС и Советское правительство создать специальную комиссию для расследования вышеизложенных провокаций против крымскотатарского народа и наказания виновных в махинациях, цель которых — оставить крымских татар на местах ссылки.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абакумов Виктор Семенович 1894-1954 глава НКВД 304, 389
- Абдалиев М. Д. лейтенант милиции 702
- Абденнанова Алиме подпольщица 19, 20, 170, 179, 180, 382, 412, 418, 533, 605
- Абдувелиев Сеттар Асанович 1924- шофер 262, 283, 344, 474, 475, 755
- Абдужелилов Р. 755
- Абдул Тейфук -1945 герой Советского Союза 20, 180, 596, 605
- Абдулаев Якуб 331
- Абдуламинов электромонтер 784
- Абдулгазиев Энвер 1940-инженер 95, 96
- Абдулджемилев Джемпар 1934- шофер 76
- Абдулджемилев Меджит 1897- 699, 707
- Абдулджемилев Февзер 1939- студент 80
- Абдулкадырова Гульнара 331
- Абдуллаев В. А. академик, ректор СамГУ 153, 154
- Абдуллаев Сервер техник-электрик 51, 181, 787
- Абдуллаев Эсвет 1938- студент 77, 78
- Абдуллаев Я. А. 791
- Абдуллаева А. 791
- Абдулмеджидов 790
- Абдултаиров Меджит 699 см. Абдулджемилев Меджит
- Абдулхакова Эльмира 1947- студентка 84, 87
- Абдультаров Р. 755
- Абдультаров Р. шофер 784
- Абдураимова В. 755
- Абдураманов 138, 757
- Абдураманов Абдугафар 1929- каменщик 77, 78
- Абдураманов Амет 1913- диспетчер 50, 72, 76, 77
- Абдураманов Мансур 1936- шофер 76
- Абдураманов Мухтар 269, 284
- Абдураманов Ремзи 107
- Абдураманов С. 755
- Абдураманов Узеир герой Советского Союза 20, 49, 180, 217, 247, 605
- Абдураманов Хамид член КПСС, исключен 36
- Абдураманов Шевкет прораб 56, 57, 58
- Абдураманова Мунире 269, 284
- Абдурахманов А. 755
- Абдурахманов У. см. Абдураманов Узеир
- Абдурахманов Ш. 755
- Абдурешитова Эс. 790
- Абдурманов Аблаз слесарь 785
- Абдуэннанова Алиме см. Абденнанова Алиме

- Абзатов Р. шофер 784
 Абибуллаев 270
 Абибуллаев Ибраим 1926-95, 96
 Абибуллаев Р. 791
 Абибуллаев Усеин пенсионер 785
 Абибуллаева Мунивер 105, 779
 Абибуллаева Хатидна домохозяйка 785
 Абкалямов Зеври 279
 Аблаев 758
 Аблаев Виталик 331
 Аблаев Якуб 790
 Аблязизов Абдувели 81
 Аблязов 757
 Аблязов Иззет 786
 Аблякимов Абдуреим нефтяник 50
 Аблякимов Зейтулла пенсионер 51
 Аблялимова Мунире ткачиха 786
 Абселямов 757
 Абушаев К. М. следователь КГБ 123, 128, 144, 184, 294, 327, 415
 Абхаиров Сади инженер 94, 95, 788
 Аванесов полковник милиции 698, 703, 705, 706, 709-712
 Авлахов Григорий 776
 Адабзитов Аблямит 751
 Адабзитов Шевкет 751
 Аджибаева Васфие медсестра, подпольщица 20
 Аджибекиров 756
 Аджигельдыев Ваап 331
 Аджиева 757
 Аджиева Эфие Джебарова свидетель 280
 Аджимамбетова Аджи-гульсум 27
 Адиллов Абдурахман 787
 Азаматов Усеин пенсионер 785
 Азаматова Амине пенсионерка 785
 Азаматова Леннара учительница 785
 Азизов младший лейтенант 697, 701
 Азизов В. 755
 Азизов Ридван 331
 Айю-Хан Мухамму 1907 — президент Пакистана 45
 Акимов 757
 Акимов Абдували Аблякимович 279
 Лкимов Абдулла 543
 Акимов Джеббар экономист 49
 Акимов С. А. 258
 Акимова Зение 750
 Акимова Селима пенсионерка 784
 Акчил Амет слесарь 50
 Аламанов Рустем 1935-бригадир цеха 75
 Али-Агъя 388
 Алиев 344, 757
 Алиев Осман 330
 Алиев Рефат 790
 Алиев Феми 1933[?]-1966 114, 504
 Алиев Энвер нефтяник 50
 Алиева Зекие 347, 378
 Алиева Шадида 331
 Алимджанов С. 264
 Алимджанова Эсма Сабриевна 264, 282

- Алимов Р. секр. ЦК ЛКСМ
Узбекистана 759, 771
- Алимов Решат 1938-
шофер 94, 95, 788
- Алти Решат шофер 786
- Альварез де Толедо и
Маура Луиса Исабель
герцогиня Медины и
Сидонии 1936- 660
- Альчиков Арсен 1941-
техник-строитель 36,
43, 51, 84, 87, 175
- Амедов Ислям Газиевич
264, 281
- Аметов 757
- Аметов механик 44
- Аметов Джалил Куртма-
тович 279
- Аметов Ибраим разведчик,
партизан 19
- Аметов Ибрфан эконо-
мист 50
- Аметов Феми 51
- Аметов Энвер шофер 785
- Аметов Энвер 786
- Аметова 757
- Аметова инженер 178, 181
- Аметова мать Аметовой
Светланы 365, 710
- Аметова Светлана 1948-
медсестра 110, 141, 146,
163, 192, 203-5, 208, 211-
213, 218, 222, 224-7, 230,
232, 244, 246, 248-257,
259, 272, 277, 308-10, 313-
316, 325, 334, 336, 343,
353-4, 357, 361, 363-76,
393-4, 468, 549, 552, 555-
556, 561-3, 578, 619, 664,
666-7, 671-2, 678-9, 681,
689, 690, 806, 813
- Амет-Хан Султан 1920-
летчик-испытатель,
дважды герой Совет-
ского Союза 21, 49, 170,
411, 529, 533
- Амзаева М. 246
- Амзаева Р. рабочая 181
- Анафиев Муслим 231, 258,
261, 283, 387, 501, 518,
520, 522, 676
- Андропов Юрий Влади-
мирович 1914- предсе-
датель КГБ с 1967 55, 65,
81, 85, 153, 162, 166, 189,
194, 196, 216, 219, 288,
302, 397, 571, 782, 795, 796
- Андрюхин М. Н. 728, 731
- Аня см. Абденнанова
Алиме
- Аплетаев секр. суда 313,
341, 377, 392, 663
- Аппазов Абдураман 456
- Аппазов Мамет партизан
18
- Аргинский Юнус нач. ли-
тейного цеха 51
- Аримяков 345
- Арифов Л. Я. физик-
теоретик 441-2
- Арифов Ягъя агроном 50
- Арнаутов Мансур Якубо-
вич 1937- парикмахер
137, 268, 281, 488-92
- Артемов судья 76, 100
- Архипенко 597
- Асанов 757
- Асанов завхоз 784
- Асанов А. 345
- Асанов Абдулла 268, 281
- Асанов Ахмед 1939-
шофер 59
- Асанов Бектемир 264, 282

- Асанов Зекерья 106
 Асанов Идрис шофер 786
 Асанов Мурат Решит де-
 ятель Мусульманского
 бюро при подпольном
 краевом ком. РКП(б) 14
 Асанов Нариман Иззето-
 вич 1927- рабочий 269,
 270, 284, 527-9, 669
 Асанов Ниметулла 331
 Асанов Парих 1943- вы-
 пускник Ташкентского
 транспортного ин-та
 84-5, 87
 Асанов Риза преподава-
 тель пед. ин-та 50, 68
 Асанов Усеин 1930-
 грузчик 84, 87
 Асанов Шевкет 1940- ин-
 женер 263, 283, 404, 477-
 479, 570
 Асанов Энвер 726
 Асанова 757
 Асанова З. 756
 Асанова Зампира врач
 51, 85, 784, 787
 Асанова Зера 230, 254,
 257, 373
 Асанова Зульфира 1947-
 баллерина 38
 Атаманов Курсит 330
 Афuzов Асан преподава-
 тель 784
 Ахеняц предс. гориспол-
 кома 73
 Ахмедов 463
 Ахмедов прокурор 75
 Ахметов Эшреф 1927-
 слесарь 96
 Ахчи А. 755
 Ахчиль Амет плотник 786
 Аширов разведчик,
 партизан 19
 Аширов Осман 268, 281,
 469-74
 Бабиц Марьям Каракаев-
 на 1920- 258-9, 261, 283,
 521-2
 Баграмов Эдуард Алек-
 сандрович 1931- фило-
 лог 759, 768-9
 Баданинский Али деятель
 Мусульманского бюро
 при подпольном крае-
 вом комитете РКП(б) 14
 Бадраклы Л. 790
 Бадраклы М. 790
 Бадраклы Ш. 790
 Бадраклы Эл. 790
 Баев Гомер 1938- инженер
 110, 234, 409, 785, 801, 806
 Бай Веляде 790
 Бай И. И. 790
 Бай Ипат Кудуаев 790
 Бай Лютфи Ибраим 790
 Бай Мемет Иб. 790
 Бай Э. И. 790
 Байрамов Р. 756
 Байрамов Решат 1942-
 электромонтер 110, 121,
 124, 127, 130, 141, 146, 163,
 192-5, 203-214, 217-222,
 227, 231-2, 234, 243-250,
 252-3, 256-7, 267, 271,
 277, 290, 295, 296, 299,
 303-5, 313-5, 334-5, 341-2,
 345-6, 348-9, 357, 360, 365,
 367-8, 377-8, 393-5, 409,
 420, 422, 434, 436, 442-3,
 494, 502, 514, 516, 540,
 542-7, 549, 554-6, 560, 562-
 563, 574, 596, 635, 663, 666,
 669, 670-671, 674, 676, 678-
 680, 728, 736, 784, 806, 813

- Баличиев Абдулла Мустафа деятель Мусульманского бюро при подпольном краевом ком. РКП(б) 14
- Банкуров Ибрагим 268, 281
- Бариев 757
- Бариев Айдер 1938- экскаваторщик 110, 141, 146, 163, 167, 176, 192-3, 203-206, 208-9, 211-3, 218, 222-5, 227, 232, 244, 246, 248-53, 256-7, 272, 277, 313-5, 325, 334-6, 341-3, 345, 347-64, 367-8, 374, 376-7, 393-4, 420, 434, 502-3, 508-14, 523, 527, 529-32, 538, 542, 546, 549-550, 554-6, 559-63, 569, 572, 616, 663, 666-70, 674, 676, 678-80, 785, 806, 813
- Бариева Гулизар 1940- жена Бариева 523
- Баталова Неджибе учительница 20
- Батолов подпольщик 20
- Бахтишаев С. 756
- Беглов М. зам. министра ООП УзССР 200, 406
- Бекиров 758
- Бекиров Амет 755
- Бекиров Кемал полковник 49
- Бекиров Лютфи 73
- Бекиров М. 755
- Бекиров Р. 264
- Бекиров С. 756
- Бекиров Сервер шофер 786
- Бекиров Шеит 786
- Бекиров Э. 790
- Бекирова Айше педагог 784
- Белгородская Ирина Михайловна инженер 254, 346, 378
- Белюллаев 331
- Белялова Ленура 786
- Берберова 757
- Берберова Хатидже 749, 762, 763
- Березовский Борис Иосифович следователь 126-8, 130-1, 144, 182, 185, 187, 188, 197, 203-4, 276, 285, 287, 292, 294, 297, 299, 302, 306-7, 327-8, 398, 415, 620, 814-5
- Берия Лаврентий Павлович 1899-1953 глава органов безопасности 1938-1953 164, 304, 318, 389
- Бешевли 757
- Билялов Иззет 330
- Билялов Кадыр 786
- Бирюкова Ю. С. прокурор 88
- Блинков зам. предс. горисполкома 153
- Блюхер Василий Конст. 1889-1938 маршал 577
- Бобылев В. Н. следователь 128
- Богомазов 345
- Боков генерал 750
- Болат Джафер пенсионер 785
- Бондарин Сергей Александрович 1903- писатель 224, 251, 257, 280, 352, 356, 361, 554, 672
- Бороздин 604
- Бочаров прокурор 76, 726

- Брежнев Леонид Ильич
1906- пол. деятель 38,
77, 165-6, 356, 407, 438,
446, 454, 539, 611, 738,
744, 746, 751
- Бруно Джордано Филиппо
1548-1600 итальянский философ 632
- Буджек Исмаил свидетель 250, 280, 543
- Буколини А. А. 257
- Булатов Исмаил генерал
21, 49
- Булатова М. 790
- Булганин Николай Александрович 1895- член ЦК КПСС 390
- Булов Абдуракиб подполковник 20
- Бухарин Николай Иванович 1888-1938 член ЦК ВКП(б) 631
- Валитова Гали 111
- Вантов А. М. 267
- Вейсман Евгений Рафаилович 215, 247, 278
- Вейсов Юнус рабочий 786
- Велиев Смаил разведчик
19
- Велиляев Энвер врач 784
- Велиуллаев Айдер 1940-
электромонтер 79, 80
- Велишаев Азам нефтяник
50
- Велишаев Якуб пенсионер
50
- Вергасов Илья Захарович
1914- писатель 91, 153,
352, 417, 441, 571, 595
- Весиев Влафер плотник
786
- Виноградова научный сотрудник 332
- Вишневский работник ЦК КПСС 152-3, 438, 533-5
- Военная А. 756
- Военная Г. 756
- Всенный Мурат строитель
50, 756, 784
- Военный Ремза врач 784
- Волков Анатолий Иванович ген.-майор 67-8, 108,
788
- Воллертинский (?) 743
- Вольтант Рудольф нем. военный 20
- Ворангазиев Нариман шофер 786
- Воробьев В. Н. следователь 128, 175, 184
- Воронков Константин Вас. писатель 122
- Ворошилов Климент Ефр. 1831-1969 маршал 53,
148, 390, 615, 781
- Габриэлян начальник лагеря 65
- Гавен Ю. предс. Крымревкома 16
- Гаврилов Александр Фадеевич 2-й секр. обкома 77-8
- Ганиева Л. А. 602, 791
- Гапкаров 758
- Гарифова Назыфе 253,
254, 279, 373
- Гаспринский Исмаил-бей 1851-1914 мусульманский просветитель 90,
111
- Гафаров 377, 379, 758
- Гафаров Басыр филолог
51

- Гафаров Ваап 331, 755
 Гафаров Ридван 1915-инвалид, член КПСС 72, 76-7, 111, 129, 136-9, 146, 163, 195, 203-5, 223, 234, 238, 239, 241, 244, 246, 250, 253, 267-8, 270, 275, 277, 313-4, 320, 334, 340, 343, 363, 409, 420, 431, 443, 447, 461-3, 469-76, 479-81, 485, 488-93, 551, 556-7, 559-60, 562-3, 570, 637, 665, 675, 678-9, 681, 806, 813
 Гафаров Руззет сын Гафарова Ридвана 137-8
 Гафиров Юсуф пенсионер 50
 Гафуров Селим -1968 шофер 111, 331, 399, 405, 457, 498
 Гафуров Умер 344
 Гвардеев Осман 1932-475, 476
 Гелязетдинов парт. раб. 62
 Георгадзе Мих. Порф. 1912- секр. През. Верх. Совета с 1957 55, 66-7, 81, 85, 189, 437, 722-3, 782, 795
 Герцен Александр Германович 267, 281, 440, 671
 Гирей инженер 91
 Гитлер Адольф 1889-1945 нем. пол. деятель 170, 743, 763
 Глубовский Ким 1936-конструктор 344, 498-9
 Гляссер М. И. 1890-1951 секретарь Ленина 630
 Годженев педагог 181
 Годженева мотористка 181
 Годженев Рефат 1938-студент 59, 60
 Головацкий 377, 379
 Голубев сотрудник КГБ 175
 Горбунов Николай Петрович 1892-1937 секретарь Ленина 630
 Горкин Александр Федорович 1897- предс. Верх. Суда 436
 Горюнова судья 91
 Гралов Робеспьер 267-8, 281
 Григоренко Петр Григорьевич 1907- ген.-майор 93, 143, 194, 213, 219, 246, 247, 249-50, 252-253, 256, 346, 358, 363, 369, 378, 424-5, 429, 530, 540, 546, 571, 667, 669, 800, 807, 809, 811-2, 815, 817
 Гулия Георгий Дм. 1913-писатель 589
 Гулия Дмитрий Иосифович 1874-1960 писатель 589
 Гулиев Босе 1932- слесарь 80
 Гунгуров Иван инженер 784
 Гусейнова Леннара 1939-инженер 75, 97-100, 726, 784, 787
 Давыдов Александр Иванович 247, 278
 Дагджи Абдулла («Дядя Володя») подпольщик 19, 179, 181, 412, 606
 Дагджи Айше 1906[?]-подпольщица 68

- Дагджи Земина канд. мед. наук 50
 Дагджи Риза электрик 51
 Дагджи Тимур 1932- журналист 49, 66, 68-9
 Дагджиев Али-Риза 1937- диспетчер 74-5
 Дадой 758
 Дадой Осман сварщик 785
 Дадой Эмир-Улин шлифовщик 785
 Данислямова Эсма 331
 Датлиев У. 755
 Дахи Мамет Куртумарович 263, 283
 Девлетова Н. работница 331
 Дейна Мустафа 1925- плотник 263, 283, 486-8
 Дементьева 378
 Дервиш Сеитабла 264, 282, 542
 Деркач Анат. Петр. зам. предс. облисполкома Крымской обл. 103, 229, 257-8, 283, 552, 674
 Дехканов работник КГБ 602
 Джами Абдуррахман Нуреддин бин Ахмад 1414-1492 перс. пис. 111
 Джафер 703
 Джеванов 758
 Джеватов 756
 Джелилов Ю. 756
 Джемилев Г. 758
 Джемилев Мустафа 1943- студент 60, 62-5, 85, 99, 143-4, 431, 726, 809-10, 815
 Джемилев Р. строитель 181
 Джемилев Рефат физик 87
 Джемилев Решат 1932- начальник участка 65, 85, 88
 Джемилев Эскендер 1937- преподаватель 41, 50, 61
 Джемилева Е. 790
 Джемилева Зарема 331
 Джемилева Мидада 264, 282
 Джемилева Сидик А. 50, 178-9, 411-2
 Джемилова К. 267
 Джеарров Нуритдин 1940- шофер 75
 Джеперов Абдул-джемиль 254, 279
 Джеперов Мустафа свидетель 264, 282
 Джеперов Таир прораб 44
 Джеперова Н. А. 264
 Джеперова Нурие 264, 282
 Дживанов О. 758
 Джумаев лейтенант 87
 Джумаев А. 756
 Держинский Феликс Эдмундович 1877-1926 нач. орг. безопасности 166, 629-30
 Дибях Нурие электро-сварщица 786
 Димитров Георгий 1882-1949 болг. пол. деятель 288
 Евдокимов следователь 64
 Евдокушина Анна Алексеевна зав. канцелярией ССП 123, 278
 Евстифеев пом. прокурора 108, 425, 750, 751
 Ежов Ник. Ив. 1895-1939 глава НКВД 1936-38 164, 389

- Емелькина Надежда 346
 Енукидзе Авель Софр.
 1877-1937 пол. деятель
 17, 69, 719
- Ерыкалов прокурор
 УзССР 313, 341, 377,
 392-3, 663, 697, 701-2
- Жеркова Г. Н. 222
- Жук Е. директор музея
 178, 331, 606
- Журе см. Ислямова Зоре
- Жучков предс. райиспол-
 кома 777
- Зайцев 72
- Закиров 72
- Зарединов 756
- Зарединов Юнус инже-
 нер 50
- Заславский В. А. адвокат
 313, 325, 341-2, 344-5,
 375-7, 380, 393-4, 455-6,
 459-60, 464, 471, 479, 499,
 511, 512, 521, 526, 530,
 532, 563, 663
- Захаров полковник 779
- Захватов И. С. -1943 герой
 Советского Союза 104,
 780
- Захватова Мария см. Сар-
 мина Мария Фед.
- Зекерьяев Идрис 1939-
 инженер-диспетчер 96
- Зекерьяева Усние мать
 Шевкета Адабзитова 751
- Зекирьяева Гульнара 331
- Зорина Розалия Степа-
 новна 1926- судебный
 исполнитель 280, 508-14,
 595
- Зотов В. А. прокурор 125,
 126, 128
- Зубенко зав. приемной
 Крымского облиспол-
 кома 106, 330, 410
- Зубков Виктор Леонидо-
 вич 267, 281, 440, 671
- Ибрагимов 757
- Ибрагимов Абдураман
 пенсионер 50
- Ибраимов 543
- Ибраимов 529, 552
- Ибраимов 757
- Ибраимов Ариф 1924-
 слесарь 229, 258, 284,
 519-20
- Ибраимов Зейтулла 1938-
 инженер 84, 86-7, 175,
 528
- Ибраимов С. 756
- Ибраимов Халиль маши-
 нист 786
- Ибраимов Эскендер 1943-
 студент 59
- Ибраимов Якуб 1938-
 шофер 331, 344, 377, 379,
 503-5
- Ибраимова Разие 331
- Ибраимова Тензиле 27-8,
 792
- Ибраимова Ф. жена Ресу-
 лева Шукри 177
- Ибраимова Ш. 264, 786
- Ибралиев Зипур маши-
 нист 786
- Ибриш М. 756
- Ибриш Мустафа инженер
 784
- Ибриш Мустафа Осmano-
 вич 1938- строитель 280,
 459-61, 574, 626
- Изетдинов Сервер инже-
 нер 345, 377-9, 502-3,
 570, 784

- Измаилов 472
Измаилов Рефат 1926-
электросварщик 94,
95, 788
Измаилов Таир Бекиро-
вич 1911- нач. водосбыта
136, 138-9, 268, 281, 461-4
Измайлов М. 790
Ильясов Дильшат 809
Ильясов Рустем 109, 748,
751, 765
Имамов генерал милиции
707, 712
Ирих Диливер шофер 785
Ислямов Мустафа 330
Ислямов Решат Рефато-
вич 1929- 258, 284, 537-8
Ислямов Фикрет инженер
784
Ислямов Эдем врач 784
Ислямов Якуб 755
Ислямова 756
Ислямова Д. фельдшер 784
Ислямова Зоре 748, 763
Исмаилов Вали 1936- пре-
подаватель СамГУ 153,
345, 377, 379, 532, 534-6,
587, 612, 785
Исмаилов Заредин 1931-
механик 258, 261, 283,
517-9
Исмаилов Исмаил 786
Исмаилов М. 756
Исмаилов Сервер 787
Исмаилов Соно 331
Исмаилов Ф. 756
Исмаилов Ф. 755
Исмаилов Фахри 1937-
муж Сарминой М. Ф.
105-6, 591, 776, 786
Исмаилов Хируф 786
Исмаилов Якуб 331
Исмаилова 757
Исмаилова Дилъра 269, 284
Исмаилова Р. 790
Исмандияров заседатель
313, 341, 344, 377, 392,
395, 492, 663, 682
Исметов С. 756
Каври Ридван Ахмедович
художник 129, 267
Каганович Лазарь Моисе-
евич 1893- пол. деятель
148, 390
Кадыев Меджит дядя
Роллана 430
Кадыев Роллан 1937-
физик 112, 132, 141, 145,
149, 162, 163, 192, 195-6,
203-6, 210-11, 213, 231-2,
236-9, 265-8, 271, 274,
277, 313-4, 319-20, 322,
324-6, 333-4, 340-3, 345-6,
363-4, 376-8, 380, 393-
394, 407, 419, 421, 422, 425,
428-9, 431, 434-8, 440-2,
454, 456, 458, 460, 467-8,
482, 502, 507, 513, 517,
521, 531, 533-6, 540, 542,
548-9, 556, 560, 562-3, 578.
582-3, 586, 610, 615-6,
631, 636, 655, 665-6, 668,
670-2, 676-80, 696, 698,
702, 750, 756, 784, 787,
789, 800, 806, 813
Кадыров работник ЦК КП
Узбекистана 417
Кадыров Нариман 1937-
инженер 50, 68, 73, 84,
87, 175
Каишева З. 790
Кайсеров Ромзи зав.
складом 785

- Кайтаз Идрис плотник
 101, 102
 Каландаров подполковник
 КГБ 125, 160-1
 Калинин Михаил Иванович
 1875-1946 пол. деятель 17, 69, 719
 Каллистратова София Васильевна
 1912[?]- адвокат 96, 100, 112
 Камбаров подполковник милиции
 79, 80
 Каменев Лев Борисович
 1883-1936 пол. деятель 627
 Кантуганская 175
 Кара Айше дочка Кары Иззета
 102
 Кара Айше 1890[?]- мать Кары Иззета
 102
 Кара Голюмсер жена Кары Иззета
 102
 Кара Иззет тракторист 101-2
 Кара Мустафа герой Советского Союза,
 дядя Хаирова Иззета 419
 Кара Мустафа 1962[?]- сын Кары Иззета
 102
 Карабаш Рустем 106
 Карабаш Сеитумер 269, 284
 Карабашев 377, 379
 Карабашев Рустем 330
 Карабашов С. 261
 Караев Исмаил рабочий 44
 Караев Исмаил 1915- агроном 77-8
 Караев Рустем дядя Хаирова Иззета
 419
 Караев Смаил бригадир 50
 Караев Энвер 1930- шофер 75
 Караева Февзие дв. сестра Хаирова Иззета
 419
 Караева Эдие дв. сестра Хаирова Иззета
 419
 Каралиева Медине 1927- маляр 76-7, 786
 Карачаев В. М. 250
 Карачев Вячеслав Мих. 280
 Касаев Д. учитель 784
 Касаева Гульхаш 787
 Касара А. 791
 Касе 757
 Касимов Идрис 1935- слесарь 99, 726
 Касимов Ягья рабочий 51
 Касимов Ягья нарком юстиции Крымской АССР
 67
 Касымов Дилявер 73
 Катяров Эскандер 280
 Кая 757
 Кемаль Ариф пенсионер 784
 Кеннеди Джон Ф. 1917-63 президент США
 601
 Керимов Ахмед слесарь 88, 89
 Керимов И. 790
 Керимова Анна домохозяйка 784
 Кинг Мартин Лютер 1929-68 ам. общ. деятель 744
 Киньшаков Мих. Филимонович доцент СамГУ
 266, 281, 583-4
 Кириченко Слава Б. 267, 346, 377-9
 Киселев С. И. предс. КГБ УзССР 200

- Киселева Н. секр. парт-
бюро 199
- Клевлеева Равзие Хали-
ловна 250, 279, 726
- Клиберн Ван ван 1934-
ам. пианист 743
- Клипаченко Людмила Ив.
сотр. музея 238, 267, 280,
440, 548, 671
- Кобрин Мих. Моис. ре-
дактор 255, 278
- Коган прокурор 95
- Козлов Ив. Андр. 1888-
1957 партизан 181, 417,
606
- Козюрин сотр. КГБ 155
- Консул Мустафа кон-
структор 785
- Контуганская Тамара
учительница 84, 87, 175
- Конфетчиев Сейтмемет 755
- Корецкий 362
- Королевский депутат
сельсовета 776-7
- Коршунов Анатолий Ив.
майор КГБ 286, 291-5
- Коссе Дяра преподава-
тель 785
- Костерин Алексей Евгра-
фович 1896-1968 пи-
сатель 91, 96, 137, 143,
193-4, 219, 229, 239, 242,
247, 268-9, 271, 425, 453,
463, 540, 546, 553, 571,
674-5, 759, 775
- Косул Мустафа 582
- Косыгин Алексей Нико-
лаевич 1904- пол. де-
ятель 446, 611-2
- Косяков подполковник
103, 779
- Кривцов Мих. Ив. 247, 278
- Крылов Иван Андреевич
1769-1844 писатель 595
- Кудусова Закиде учи-
тельница 786
- Кузнецов прокурор 91
- Кузнецов Анат. Вас. 1929-
писатель 217
- Кузоватов ст. лейтен. 351
- Куку Кемал шофер 50
- Курбитдинов Сейран
студент 60
- Курганцев Мих. Абр. ре-
дактор 254, 259, 279, 373
- Курдаева Фетие бухгал-
тер 50
- Куркин Мустафа шофер
784
- Куртаметов Ильяжилин
253, 279
- Куртаметов Иялин 786
- Куртвелиев Мидат 699, 703
- Куртиева Р. С. 264
- Куртумеров Зевджет
студент 87
- Кутана С. 758
- Кушитова 757
- Лапшин Н. Д. секр. Анди-
жанского обкома 80
- Ласько начальник КГБ 72
- Лаховский адвокат 86
- Ленин Владимир Ильич
1870-1924 пол. деятель
9, 14-7, 22-3, 26, 31, 36, 37,
40, 48, 54, 69, 71-3, 77-80,
92, 137, 142, 153, 158-9, 162,
165-70, 186, 197, 223, 288-
90, 298, 305, 333, 348, 364,
371, 389-90, 435, 463, 505-
506, 533, 564, 569, 581,
602, 613, 617, 620-3, 627-
631, 634, 648, 688-9, 705,
711-2, 719, 724-5, 732, 739,

- 743, 752, 763, 766-7, 770-1,
782, 789, 796
- Лермонтов Михаил Юрьевич 1814-1841 поэт 633,
786
- Леушев [Мушин С.?] директор НИИ 216, 354
- Лидман Сара шведская журналистка 163-4
- Липатов 430
- Ломакин Влад. Викт. 1941- радиорегулировщик 218,
247, 279, 514-7, 543, 595
- Ломоносов секретарь 740
- Лумумба Патрис Эмери 1925-1961 афр. пол. деятель 744
- Луначарский Анат. Вас. 1875-1933 писатель 743
- Лысенко В. М. ст. следователь КГБ 128, 136, 201,
297, 402, 476, 485
- Любимов Лев Дм. 1902- писатель 590, 591
- Люман Нафе 264, 282
- Люманова 790
- Магавин Амир Айкенович 248, 278
- Мазинов разведчик 19
- Максудов З. 268
- Максутов Б. 790
- Максутов Х. 790
- Максутова Н. 790
- Малаев 541
- Малайдтиев Д. инженер 785
- Маленков Георгий Максимилианович 1902- пол. деятель 148, 149, 390
- Малик Якоб Александрович 1906- дипломат 357-8
- Мальшева Нина Изм. 280
- Мамбетов Р. 790
- Маметов А. 791
- Мамутов В. 755
- Мамутов Марлен 726
- Мамутов Мурза учитель 734
- Мамутов Осман 786
- Мамутов Р. 755
- Мамутов Шевкет 217, 246,
279
- Мамутова 757
- Мангуплы начальник отдела кадров 385
- Мангуш Хурий 331
- Мандражи Ифет 726
- Маншетов В. Я. капитан КГБ 128
- Мао Цзе-дун 1893- кит. пол. деятель 595, 646,
768, 775
- Маркс Карл 1818-1883 немецкий публицист 37,
766, 772
- Марсов Вельмур 330
- Мартазин начальник ООП 748
- Мартынов Муарем пенсионер 51
- Мартынов Н. 633
- Мартычев прокурор 100
- Мартюзин нач. ООП 109,
750
- Масалимов 498
- Матвеева Любовь Александровна 278
- Махмудов прокурор 81
- Мевлюдов 757
- Мевлюдов Ахтем 264, 282
- Мевлюдов Сетмер 749
- Медведев прокурор 78
- Меджит Абдулла поэт 14-го века 600

- Меджитов Касип 726
 Меджитов Леннар 331, 399
 Меджитова Р. 755
 Меджитова Разие 331
 Медиев Решид 1880-1912
 депутат II Думы 599, 611
 Медина см. Альварез
 Мемеджанов Хайрулла
 бухгалтер 20
 Меметов 757
 Меметов Сейдали 146
 Меметов Сейдамет 1941-
 сварщик 90, 92, 740, 752,
 788
 Меметов Сервер 547
 Меметов Э. 755
 Меметов Энвер М. 1939-
 научный сотрудник 89,
 91-2, 145, 201, 740, 752,
 765, 788
 Меметов Эюп пенсионер
 785
 Меметова 756
 Меметова Г. 755
 Меметова Зодие 264, 282
 Меметова Медене 264, 282
 Меметова Танида пенсио-
 нерка 785
 Мемишев Сервер 127, 217,
 245
 Меннанов Джевдат под-
 польщик 20
 вич 1906- дипломат 356-8
 Меннанов Сейфетдин
 подпольщик 20
 Микоян Анастас Ив. 1895-
 пол. деятель 10, 12, 36,
 41, 43, 55, 60, 61, 63,
 174, 782
 Минадиев Исмаил пол-
 ковник 51
 Минзатов А. 755
- Минц Александр Львович
 216
 Мирсалиев Ф. 756
 Митин Виталий сын Аме-
 товой Светланы 664
 Мишуткин и. о. начальни-
 ка изолятора 135, 294
 Модржинская Е. филолог
 759, 769, 722
 Мокроусов Алексей Вас.
 1887-1959 партизан 180,
 605
 Молаев Амет 1905- инже-
 нер 95, 96
 Молотов Вячеслав Мих.
 1890- пол. деятель 148,
 390, 615
 Молочников Мамет парти-
 зан 18
 Монахов Н. А. адвокат
 313, 324, 334, 339, 341-2,
 344-5, 362, 377-8, 380-1,
 391-2, 394, 396, 408, 416-
 9, 441-2, 458, 460, 472,
 474, 477-8, 481, 496-7, 502-
 507, 510-12, 516, 521, 528-
 529, 531, 538, 557-9, 663
 Мосечкина Варвара Ник.
 278
 Мосечкина Е. Н. 247
 Московская 757
 Музафарова Салиме Ва-
 луловна 228, 257, 280, 672
 Муждабаев Зекки 786
 Муждабаева Рефат 50
 Муканов С. Р. майор
 КГБ 128
 Мумджи Белял 250, 279
 Мурадасилова Айше 264,
 282
 Мурадасилова М. К. 264

- Мурадасылов Абдураман пенсионер 49
 Муратов Асан 726
 Муратов Бейтула подполковник 49
 Муратов Рамазан 1907-рабочий 112, 784, 802
 Мурахас Нурфет Алиевич 1940- инженер 178, 231, 259, 284, 536, 606, 756, 784, 787
 Муртазаев Алим аспирант 44
 Мусаев 697, 701
 Муссолини Бенито 1883-1945 ит. пол. деятель 743
 Мустафа дядя Эминова Руслана 391
 Мустафа 136
 Мустафаев 757
 Мустафаев свидетель 344, 377, 379
 Мустафаев Аким Юсуфович свидетель 258, 284
 Мустафаев Билял 331
 Мустафаев Ваджип директор 50
 Мустафаев Д. Р. лейтенант КГБ 128, 192, 195
 Мустафаев Ильяс слесарь 51
 Мустафаев Л. 756
 Мустафаев Мидат 1925-шофер 262, 283, 482-5
 Мустафаев Неби 1937-шофер 263, 283, 476-7 486[?]
 Мустафаев Осман Мустафаевич 1936- инженер 259, 284, 344, 505-6, 570
 Мустафаев Рефат партизан 18
 Мустафаев Э. 264
 Мустафаев Энвер 84, 87
 Мустафаева завмаг 181
 Муриддин Мехмет 691
 Мухтар Аскад 1921-узбекский писатель 124
 Мухтаров О. 67
 Мухтеремов партизан 19
 Мухтеремов Амди бухгалтер 50
 Мухтемеров Ш. К. 268
 Мушин С. [Леушев?] 225, 227, 372
 Мясликов С. зам. упр. комитета стандартов 199, 399, 400
 Набиев М. следователь КГБ 128
 Навои Алишер 1441-1501 узб. писатель 599
 Надинский Павел Наумович историк 153, 412, 438, 441, 571, 595
 Назаров инструктор ЦК КПСС 174
 Назаров подполковник КГБ 112
 Насырова Велядие педагог 50
 Наумова прокурор 56
 Нафеев Анафи 330
 Неби 487
 Нейгауз Генрих Густавович 1888-1964 пианист 743
 Нечкин 583
 Никанович юрист 63
 Никифоров А. раб. прокуратуры 135, 291-4
 Николаева Э. 600
 Никольский прокурор 102
 Никольский П. А. 111

- Никсон Ричард М. 1913-
 президент США 612
 Ниметуллаев Велиулла
 преподаватель 71
 Нина 220-1
 Нишанов Р. Н. секр. ЦК
 КП Узбекистана 42
 Новиков начальник 72
 Ногаевская художница 430
 Ногаш рабочий 181
 Ногашев М. шофер 178, 181
 Нургалин сотрудник КГБ
 346, 377-9
 Нурманова А. 790
 Нурманова Х. 790
 Овечкин Валентин Вал.
 1932- сын писателя 247,
 278, 464-8, 543, 595
 Овечкин Валентин Влад.
 1904-1968 писатель 216
 Одабаш Суваде 330
 Одинцов прокурор 85, 86
 Ойстрах Давид Федоро-
 вич 1908-74 скрипач 743
 Омеров Марат 1937-
 мастер 58-9
 Омеров Ферит 727
 Орджоникидзе Григорий
 Конст. 1886-1937 пол.
 деятель 627, 630
 Осипов адвокат 75
 Османов 757
 Османов 19
 Османов Бекир агроном 50
 Османов Бекир Османович
 подпольщик 19, 50[?],
 179, 181, 412, 606
 Османов Мухсим инвалид
 45, 50, 67-8, 71, 750
 Османов Сабри 1936-
 аспирант 90-2, 145, 740,
 752, 765, 788
 Османов Садредин нач.
 цеха 51
 Османов Шукри бригадир
 50
 Османов Юрий см. Осма-
 нов Юсуф
 Османов Юсуф [Юрий] Б.
 1941- инженер 89-92,
 145, 201, 263, 589, 740,
 752, 765, 788
 Османова Мунире 330,
 377, 379
 Османова Ф. 756
 Османова Эдине рабочая
 785
 Павленко Петр Андр.
 1899-1951 пис. 91
 Палецкис Юстас Игнович
 1899- пол. деятель 60, 767
 Панченко директор сов-
 хоза 330
 Папанин И. Д. 180, 605
 Парпиев подполковник
 милиции 70
 Патель Анназ 1914- шо-
 фер 76
 Патель Мустафа 137
 Пашаев 757
 Пегов А. секр. През. Верх.
 Совета 53
 Первенцев Аркадий Алек-
 сеевич 1905- писатель
 153, 352, 417, 441, 467,
 571, 595
 Первухин Мих. Гео. 1904-
 член През. ЦК КПСС 390
 Песка Февзи 103
 Петр I Великий 1672-1725
 русский царь 440
 Петренко 597
 Петухов прокурор 331

- Писарев Сергей Петрович
 1902- библиограф 77
 Поведко секр. горкома 70
 Погорелова Мария 776
 Подгорный Ник. Викт.
 1903- пол. деятель 104,
 437, 722-3, 776
 Подошев Осман 1924-
 рабочий 269, 284, 525-7
 Подчакин майор 455
 Поздеев Ю. В. адвокат 96
 Пожарский нач. участка
 777
 Попадзык Владислав
 слесарь 216
 Попов адвокат 96, 100
 Попов Александр Степ.
 1859-1905 изобретатель
 599
 Попович сотр. КГБ 175
 Прокопенко подполков-
 ник 173
 Прокофьев Сергей Серг.
 1891-1953 композитор 743
 Пулатходжаев зам. предс.
 Верх. Суда УзССР 413
 Пушкарь Н. Я. полковник
 КГБ 160
 Пушкин Александр Сер-
 геевич 1799-1837 поэт 578
 Раковский Христиан
 Георгиевич 1873-1941
 пол. деятель 631
 Рамазанов Басир 787
 Рамазанов Башир 330
 Рамазанов Ибраим
 капитан 49
 Рамазанов Мамеди 787
 Расинов Юсуф 1908-
 пенсионер 99, 727
 Расулов М. 756
 Расулов Мустафа 727
 Расулова 757
 Расулова Элямие см. Ра-
 сулова-Шумаева
 Расулова-Шумаева Эля-
 мие Асановна 260, 280,
 344, 749, 760-2
 Рахманинов Сергей Вас.
 1873-1943 композитор
 743
 Рахматов 504
 Рашидов Шараф Раши-
 дович 1917- парт. дея-
 тель 60, 81-2, 185, 417, 700
 Редько начальник ОБХСС
 103
 Ресулев Рустем 177, 258-9,
 283
 Ресулев Шукри 1909- 177
 Рефатов Мидат подполь-
 щик 14
 Решетников начальник
 почтамта 127
 Решидов Дилявер шофер
 786
 Решитов Абдураим Изма-
 илович герой Советско-
 го Союза 20, 180, 605
 Рихтер Святослав Теофи-
 лович 1914- пианист 743
 Риш проректор СамГУ
 154-5
 Роллан Ромэн 1866-1944
 фр. писатель 743
 Романенко адвокат 75
 Ромм адвокат 96
 Роше Вальдек 1905-
 секр. ФКП 774
 Руденко секр. Комсомола
 363
 Руденко Роман Андрее-
 вич 1907- ген. прокурор

- СССР 55, 81, 85, 145, 167,
 189, 299, 795, 809
 Рузметов К. Р. прокурор
 УзССР 176, 204, 285,
 289-90, 292-3, 306
 Рустемов Иса 127, 217, 245
 Рустемов Зеки 1931- зав.
 складом 264, 282, 536, 542
 Рустемов Тохтар-Газы
 строитель 786
 Рустимова жена Рустемо-
 ва Зеки 537
 Рустимова Р. 264
 Рыгачев нач. милиции 72
 Рыльский Максим Фадде-
 евич 1909-64 укр. писа-
 тель 595
 Саади Муслихаддин Абу
 Мухаммед Абдаллах
 ибн Мушрифаддин
 1203/1210-1292 перс. пи-
 сатель 111
 Саакена Рафика 331
 Сабуров Максим Сахаро-
 вич 1900- член ЦК
 КПСС 390
 Савенков Василий Заха-
 рович 247, 278
 Сагдуллаев Ш. парт. раб.
 124
 Садыков Т. С. секр. рай-
 кома 130, 182-3
 Саидов Карим секр. парт-
 бюро СамГУ 153, 266,
 281, 533, 535
 Сайтова 757
 Сайфутдинов судья 313,
 326, 334, 341, 344, 377,
 392, 395, 663, 682
 Сакаев Асан Уссин под-
 польщик 14
 Салаватов Р. 756
 Салединов Халил 1910-
 пенсионер 95-6
 Салетдинов Халил инже-
 нер 49
 Салиев предс. гориспол-
 кома 79
 Самединов Али кранов-
 щик 786
 Самедляев Вели 85
 Самидинова Вера 786
 Самойлова нар. заседа-
 тель 313, 341, 344, 362,
 377, 392, 395, 466, 470-1,
 487, 516, 663, 682
 Сараметов Кадыр 1940-
 инженер 105, 699, 703
 Сарий [Сарри] адвокат 100
 Саркисов подполковник
 милиции 698-701, 706,
 711-2
 Сармина Мария Фед. же-
 на Исмаилова Фахри
 104, 591-2, 776, 780
 Сароника М. 786
 Сарымсаков академик 153
 Саттаров З. 264, 282
 Сафаев парт. раб. 417
 Саферов Иззедик полков-
 ник 49
 Сафонов Н. С. адвокат
 313, 345, 348-9, 356, 361-
 362, 377, 378, 380, 392, 394,
 463-4, 474, 503, 523, 530,
 532, 537, 557, 559-61, 663
 Сахаров Андрей Дмитрие-
 вич 1921- физик 111, 366
 Сахат Мустафа 1937-
 инженер 75
 Свалов А. М. 65, 405, 499,
 695, 698
 Светлана двоюр. сестра
 Эминова Руслана 391

- Сеитаблаев М. 755
 Сеитаблаев Ш. 755
 Сеитаблаев Шевкет см.
 Сейтаблаев
 Сеитбекиров Адиль см.
 Сейтбекиров
 Сеитвелиев Нурие столяр
 785
 Сеитвелиев Сейтнафе
 герой Советского Союза
 51, 180, 605
 Сейтислямов 756
 Сеитфуляев 758
 Сейдалиев Февзи -1968[?]
 107, 416
 Сейдаметов 377, 379
 Сейдаметов Рефат 1941-
 шофер 61
 Сейдамиев Эбазер раз-
 ливщик 786
 Сейран двоюр. брат Эми-
 нова Руслана 391
 Сейтаблаев Сейтхалил
 1928- электросварщик
 84, 87
 Сейтаблаев Шевкет 1941-
 служащий 99, 727
 Сейтбекиров Адиль 1938-
 инженер 75
 Сейтвелиев герой Совет-
 ского Союза 20
 Сейтджемиллов Сейтдже-
 миль 330
 Сейтмамбетова С. 790
 Сейтмеметов Ахсеит ин-
 женер 50, 784, 787
 Сейтмеметов С. 756
 Сейтмеров Сейтабла 1938-
 шофер 111-2
 Сейтмуратова Хатидже 74
 Сейтмуратова Айше 1937-
 учительница 66, 69
 Сейтумеров 1905- колхоз-
 ник 507-8
 Сейтумеров Решат 1925-
 слесарь 241, 269-70, 284,
 529-31, 669, 786
 Сейтумеров Решат 330
 Сейтшаев Бенсеит педагог
 50
 Селимов брат жены Уме-
 рова Ризы 417
 Селимов Мидат врач 49
 Селимов Мустафа парти-
 зан 18, 181, 606
 Селимов Эмай 331
 Селимова Фатиме парти-
 занка, жена Умерова
 Ризы 679
 Селюк следователь 177
 Селяметова Зекие 1930-
 домохозяйка 264, 282,
 524-5
 Сергеев 662
 Сергеев раб. суда 56, 58,
 74-5, 95
 Сергеев инструктор 398-9
 Сеттаров Осман 330, 755
 Сеттарова Робия учитель-
 ница 786
 Сеферов 756
 Сеферов Ридван 1935-
 служащий 95-6, 567
 Сеферов Энвер 1924- на-
 чальник НТО 56-8
 Сиворов майор 456
 Сим-Ариф Рустем плот-
 ник 785
 Сипп-Агья Адилла домо-
 хозяйка 785
 Ситников ст. опер. 65
 Смедалев Видуй фельд-
 шер 785
 Смедлаев 757

- Смедляев 583, 758
Сметанин член горсуда 85, 175, 359
Смирнов полковник 424
Смирнов прокурор 74
Смирнов Сергей Серг. 1915- пис. 759, 773
Смирнова Галина Ив. 207, 210, 246, 280, 546, 786
Смолянинов Александр Ив. 278
Сталин Иосиф Висс. 1879-1953 пол. деятель 23, 37, 148-9, 157, 446, 577-8, 611, 614, 628-32, 644, 658, 686, 691, 735, 737, 744, 751, 766, 769, 770, 773, 795, 811
Старикова Любовь Петровна 248, 278
Стасенков зам. прокурора 788
Степанов Александр 601
Степанов Иван Степанович 259, 279
Стоковский Леопольд 1882-1971 композитор 743
Стокозенко 309
Стравинский Игорь Фед. 1882-1971 комп. 743
Стрельников Б. 774
Строганов зав. приемной ЦК КПСС 67
Строкова зам. нач. спецотдела МООП 202
Сулейманов В. 377, 379
Сулейманов Д. шофер 786
Сулейманов Джафер 258, 284
Сулейманов Рефат слесарь 786
Сулейманов Юсуф 1899-521, 573
Сулейманова 757
Сулейманова Зенуре студентка 51
Сулейманова Сайде 1930-рабочая 85
Султанов судья 81
Суслов Михаил Андреевич 1902- секр. ЦК КПСС 185, 328
Таджиев прокурор 175
Таиров Э. 790
Таирова Л. 756
Талали М. 756
Тальшкин Юрий Владимирович доцент СамГУ 153, 266, 281, 534-5
Таран Анатолий Данилович мастер цеха 216, 247, 278
Тарсипов Кудус 790
Тархан С. электро-монтажник 784
Ташматов 504
Тейфук см. Абдул Тейфук
Теке Сурли Бекирович 267, 269, 271, 284
Темушкин О. П. раб. прокуратуры СССР 62
Тизиков см. Тызыков
Титаренко С. 759, 770, 771
Тихомиров сотрудник ЦК КПСС 459, 565
Тихонов контр-адмирал КГБ 121
Товчи Айдер учитель 44
Тосканини Артуро 1867-1957 ит. дирижер 743
Тохтаров Нафе 755
Трасинов Али Я. 1937-техник 263, 283, 404, 479-481, 493, 544, 662

- Троцкий Лев Давидович
1879-1940 пол. деятель
630
- Туганов Азамат Кемалович 268, 281
- Тухачевский Михаил Ник.
1893-1937 маршал 577
- Тызииков см. Тызыков
- Тызыков Леннар Ибраимович 1936- механик 65, 72, 76-7, 137-8, 281, 345, 468-74, 490, 492
- Тызыков Нариман Ибраимович 138, 267-8, 281
- Тюнеев Э. В. член суда 81
- У Тан 1909-1974 ген. секр. ООН 192, 212, 244, 248-9, 252, 257-9, 357-9, 361, 363, 368-71, 540, 545, 550, 572
- Уланова Э. А. 213
245-6, 249-50, 252-3, 256
- Уланова Эсма 1908[?]-
врач 51, 100, 369, 727
- Улифов Реза рабочий 785
- Умер Азиз поэт 16-го века
600
- Умеров 757
- Умеров Анафи 377, 379,
573
- Умеров Ильяс механик 784
- Умеров Рефат 583
- Умеров Риза 1920-
электросварщик 111,
146, 163, 192, 203-5, 211-2,
228-32, 252-5, 257-61, 273,
277, 313-4, 317-8, 325,
334, 337, 343, 363, 373,
380-1, 387-8, 400, 417,
420, 431, 477-8, 499, 513,
517-20, 522, 524, 537-8,
552-3, 556, 558-9, 561-2,
583, 633, 664, 673-4, 676-9,
681, 691, 806, 813
- Умеров Сеид Аджи 279
- Умеров Сеит-Амза 1939-
студент 58-9
- Умеров Эмиралли 264, 282
- Умеров Энвер 1924- арма-
турщик 250, 279, 531-2,
574
- Умеров Якуб работник 49
- Умерова А. 790
- Умерова Ф. 790
- Умерова Э. 790
- Урманов Али Иззет под-
польщик 14
- Урунов доцент 153
- Усатов М. А. контр-адми-
рал КГБ 121
- Усеинов А. 756
- Усеинов Айдер 268, 281
- Усеинова Салиха 1932-
рабочая 76
- Фазылов Эскендер 525,
699, 708
- Файзи Р. 124
- Февзий двоюродный брат
Эминова Руслана 391
- Федоров А. Е. 662
- Федотов нач. милиции 749,
764
- Фиш Геннадий Семенович
1903-71 писатель 609
- Фотиева Лидия Александровна 1881- секр. Лени-
на 630
- Фурмамбетов Факир
монтер 44
- Хаиров Абдулла дядя
Иззета 419
- Хаиров Иззет Серверович
1938- инженер-метролог
86, 110, 127, 130-133, 135,

- 144, 146, 160, 163, 178-9,
182-4, 197, 199, 203-5,
217, 232-6, 245, 261-3, 265,
274, 277, 285-7, 291-3,
313-4, 318-9, 323, 325-6,
333-4, 338-9, 341-3, 363,
392, 394-6, 398-9, 400-1,
403-20, 429, 431, 458, 461,
467, 474-5, 477-88, 493-6,
498, 499, 504-5, 511-3, 516,
525, 535, 538, 547, 551-2,
556-9, 562-3, 578, 606, 639,
661-2, 664, 672-3, 676, 679-
680, 696, 698, 702, 806, 813,
815
- Хаиров Сейдали брат
Иззета 418-9
- Хаирова мать Иззета 487
- Хаирова Васфие Джеми-
левна жена Иззета 198,
286, 493
- Хаирова Нафизе тетя
Иззета 419
- Хаирова Салиха сестра
Иззета 419
- Хаирова Селиме сестра
Иззета 419
- Хаитов секр. горкома 153
- Хайбуллаев 86
- Хайретдинов Р. 756
- Хайретдинова Хатидже
1924- 41, 50, 61
- Хайрутдинова Эмина 727
- Халибаев Сейдамет 1936-
77
- Халилов 757
- Халилов 20
- Халилов адвокат 75
- Халилов А. 755
- Халилов Аккий кино-
механик 785
- Халилов Муртаза парик-
махер 786
- Халилов Мустафа физик
49
- Халилов Мустафа Хали-
лович 1897- педагог 263,
283, 344, 403, 493-7, 673
- Халилов Нури 268, 281
- Халилов Рустем 68
- Халилов Сейран техник
785
- Халилов Ф. 786
- Халилов Эдем 1917- пере-
водчик 521
- Халилова см. Селяметова
Зекие
- Халилова 756
- Халилова 758
- Халилова 508, 524
- Халилова З. С. 246
- Халилова Зера педагог 784
- Халилова М. Х. 344
- Халилова Мунире 1943-
медсестра 113, 127, 130,
141, 146, 163, 192, 203-5,
208, 211-3, 222, 224, 227-8,
231-2, 244, 248-9, 251-2,
255-7, 272, 277, 289, 297-
298, 306-7, 313-4, 316-7,
322, 325, 334, 336-7, 341,
343, 352, 357, 361, 363,
365, 367-8, 377, 379-81,
394, 434, 494, 502, 508,
524, 547, 549, 554-6, 561-
563, 623, 664, 666-8, 670-
672, 678-9, 681, 690-1,
806, 813
- Халилова Хатидже 217,
228, 257, 280, 547
- Халилова Э. 756
- Халматова Бахри 507

- Хасан-Оглы Рашид 264, 282
- Хатиллов Абляз экономист 49
- Хафас Эмир-Асан кузнец 785
- Хаялиев Эскендер 261, 283, 344
- Ходжаева Ульвие 1940-машинистка 80
- Холковский Михаил Пав. 227, 255, 279
- Хрущев Никита Серг. 1894-1971 пол. деятель 10, 148, 174, 599, 766
- Хусанов прокурор 79
- Хуснутдинов секр. горкома 60
- Чаковский Александр Бор. 1913- журналист 610
- Чеби Мустафа 105
- Челебиев Джелял 1936-инженер 84, 86, 87
- Челебиева 542
- Челебиева А. 264
- Челкаев Риза 263, 283
- Чемодуров Трофим Ник. парт. раб. 105, 193, 253, 778
- Черкасова врач 104
- Черников Роман Кондр. 247, 278
- Чернов сотрудник КГБ 698
- Чернова секр. судебной коллегии 663
- Чики Ридван механизатор 49
- Чобан-Заде Бекир Вагап оглы 1893-1938 крымско-татарский поэт и ученый 600
- Чобанов Мамеди 1944-105, 353
- Чобанов Умерджан брат Чобанова Мамеди 105
- Чокмар А. Р. 1917- рабочий 72, 76-7
- Чолах Ф. 155, 156
- Чонгуров Энвер слесарь 51
- Чувадар 758
- Шабанов Эльдар шофер 73, 280, 344, 756, 784
- Шаипов Асан рабочий 785
- Шаипова Ханай служащая 785
- Шалыгин Александр Изосимович парт. раб. 80
- Шамратов Сервер 1941-студент 65-6, 68-9
- Шастри Сри Лал Базадур 1904-66 инд. политик 45
- Шафеев Я. следователь КГБ 128, 184, 294, 527
- Шейхислямова Менубе 27, 793
- Шейхислямова Нера 793
- Шепилов Дмитрий Трофимович 1905- пол. деятель 390
- Шералиев Мурат Шералиевич генерал-майор 92, 712, 726, 788
- Шостакович Дмитрий Дм. 1906-75 композитор 743
- Шульц Павел историк 430, 571
- Шумаева Эльмия Асановна см. Расулова-Шумаева
- Щелоков Ник. Анис. 1910-мин. охраны общ. пор. 55, 81, 85, 189, 782, 795
- Эдемов М. токарь 784

- Эйнштейн Альберт 1879-1955 физик 743
Элямиие 760, 761-2
Эльзара баллерина 39
Эминов Руслан Якубович 1939- инженер 113, 146, 203-5, 231-2, 244, 260-1, 263, 273, 277, 313-4, 318, 322, 334, 337, 363, 380, 382, 384, 387-8, 391, 420, 459, 466, 468, 481, 501, 517-8, 538, 555-9, 562-3, 626, 632, 664, 676-9, 679, 681, 756, 785, 806, 813
Эминова 344
Эмир Файк кинорежиссер 49
Эмиров А. 790
Эмирова З. студентка 784, 791
Эмирсалиев Иззет 1937- слесарь 258-61, 283, 344, 499-502, 570, 574, 785
Эмирсалиева 758
Эмирусбинов Нариман электромонтер 51
Энгельс Фридрих 1820-1895 нем. публицист 37, 766, 772
Эрнест 703
Эскендер Фазыл см. Фазылов Эскендер
Эфран А. С. 216
Югов Алексей Кузьмич 1902- писатель 417
Юнусов Ш. 755
Юрченко 757
Юрченко Ольга Мих. 280
Юсупов 757
Юсупов Мубеин 1939-105-6
Юсупов М. Д. шофер 178-9, 412
Ягичев Умер 727
Ягода Генрих Григ. 1891-1938 глава НКВД 164, 389
Ягьяев Меджит 787
Ягьяева Саря инженер 785
Языджиев 758
Языджиев Исмаил Мустафаевич 1920- учитель, каменщик, поэт 109, 113, 146, 192, 194-5, 203-5, 238, 240-2, 268-71, 275, 277, 313-4, 320-1, 323, 334, 340-2, 363, 378, 420, 443-444, 446-56, 460, 467, 495-496, 525-30, 553, 556, 561-563, 577, 637, 665, 675-82, 686, 689, 691, 696, 698, 702, 748, 785, 787, 806, 813
Языджиев Осман брат Языджиева Исмаила 456
Языджиева Фатима педагог 785
Якир Йона Эммануилович 1896-1937 командарм 577
Якуб дядя Эминова Руслана 391
Якубов 758
Якубов Айдер студент 784
Якубов Айнан студент 785
Якубов Ибраим 1923- 280, 457-9
Якубов Сеит-Абди шофер 785
Якубов Ф. Г. секр. горкома 92, 724, 726, 788

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АТК	автотранспортная контора
ВДНХ	Выставка достижений народного хозяйства СССР
ВИР	Всесоюзный научно-исследовательский институт растениеводства
вн/сл	внутренняя служба
ДКБФ	Дважды краснознаменный Балтийский флот
ДСУ	дорожно-строительное управление
КП	командный пункт
КПЗ	камера предварительного заключения
КТЖМ	комбинат тугоплавных и жаропрочных металлов
МООП	Министерство охраны общественного порядка
МУООП	Московское управление охраны общественного порядка
НИИ	научно-исследовательский институт
НТО	научно-технический отдел
ОБХСС	отдел борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией
ПМК	передвижная механизированная колонна
ПОРП	Польская объединенная рабочая партия
п.п.	подлинник подписан
прораб	производитель работ
п/с	поселковый совет
ПТО	производственно-технический отдел
ПУ	политическое управление
п/я	почтовый ящик
РК	районный комитет

РЛГН	республиканская лаборатория государственного надзора за стандартами и измерительной техникой
РСУ	ремонтно-строительное управление
РЭС	районная электростанция
СамГУ	Самаркандский государственный университет
СМУ	строительно-монтажное управление
СоюзНИХИ	Всесоюзный научно-исследовательский институт хлопководства
с/с	сельский совет
СУ	строительное управление
Ташгрэс	Ташкентская государственная районная электрическая станция
УК	уголовный кодекс
УНР	управление начальника работ
УООП	управление охраны общественного порядка
УПК	уголовно-процессуальный кодекс

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
I. ПРЕДЫСТОРИЯ	7
№ 1 Обращение крымскотатарского народа к XXIII съезду КПСС	9
№ 2 Всенародный протест	52
II. СЛЕДСТВИЕ	119
№ 1 Письмо контр-адмирала Тихонова в КГБ	121
№ 2 Письмо К. Воронкова в КГБ	122
№ 3 Показания А. Евдокушиной (выписки)	123
№ 4 Письмо Союза писателей Узбекистана в КГБ	124
№ 5 Письмо КГБ УзССР в прокуратуру УзССР	125
№ 6 Постановление о возбуждении уголовного дела № 109	126
№ 7 Письмо начальника Ташкентского поч- тамта следователю Б. Березовскому . .	127
№ 8 Справка о составе следственной группы по делу № 109	128
№ 9 Заявление художника Р. Каври в КГБ	129
№ 10 Сообщение следователя Б. Березовского об аресте И. Хаирова	130
№ 11 Выписки из протокола допроса Р. Кадыева	132
№ 12 Заявление И. Хаирова прокурору УзССР	133
№ 13 Ответ прокуратуры УзССР на № 12 . .	135
№ 14 Протокол допроса Т. Исмаилова	136
№ 15 Заявление Р. Кадыева прокурору УзССР	141
№ 16 Протокол допроса М. Джемилева	143
№ 17 Заявление Р. Кадыева Генеральному Прокурору СССР	145

№ 18	Отношение КГБ УзССР в КГБ Ферганской области	160
№ 19	Заявление Р. Кадыева председателю КГБ СССР	162
№ 20	Заявление А. Бариева Генеральному Прокурору СССР	167
№ 21	Показания Ш. Ресулева (выписки)	177
№ 22	Письмо директора Крымского краеведческого музея	178
№ 23	Запись И. Хаирова в книге посетителей Крымского краеведческого музея	179
№ 24	Запись группы крымскотатарской молодежи в книге посетителей Крымского краеведческого музея	180
№ 25	Письмо секретаря Октябрьского РК КП Узбекистана	182
№ 26	Ответ следователя Б. Березовского на № 25	183
№ 27	Заявление И. Хаирова следователю К. Абушаеву	184
№ 28	Список инкриминированных документов	192
№ 29	Показания Р. Кадыева (выписки)	196
№ 30	Заявление И. Хаирова следователю Б. Березовскому	197
№ 31	Характеристика И. Хаирова с места работы	199
№ 32	Сообщение генерала М. Беглова о судьбе крымскотатарских спецпоселенцев	200
№ 33	Сообщение зам. нач. 1 спецотдела МООП УзССР о судьбе крымскотатарских спецпоселенцев	202
№ 34	Справка о следствии по делу № 109	203
№ 35	Обвинительное заключение	204
№ 36	Список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание	277
№ 37	Заявление И. Хаирова прокурору УзССР	285
№ 38	Заявление И. Хаирова начальнику следственного изолятора	286
№ 39	Заявление И. Хаирова следователю Б. Березовскому	287
№ 40	Заявление М. Халиловой прокурору УзССР	289

№ 41	Заявление Р. Байрамова прокурору УзССР	290
№ 42	Ответ прокуратуры УзССР на № 38 . . .	291
№ 43	Заявление И. Хаирова начальнику след- ственного изолятора	292
№ 44	Заявление И. Хаирова прокурору УзССР	293
№ 45	Заявление Р. Байрамова начальнику следственного изолятора	295
№ 46	Заявление Р. Байрамова председателю Верховного Суда УзССР	296
№ 47	Заявление М. Халиловой в Верховный Суд УзССР	297
№ 48	Заявление Р. Байрамова Генеральному Прокурору СССР	299
№ 49	Заявление Р. Байрамова в Верховный Суд УзССР	304
№ 50	Заявление М. Халиловой в Верховный Суд УзССР	306
№ 51	Заявление С. Аметовой в Верховный Суд УзССР	308
№ 52	Заявление С. Аметовой в тюремную администрацию	309
№ 53	Заявление С. Аметовой начальнику санчасти	310

III. СУД 311

Первый день суда, 1. 7. 1969	314
Приложение: Ходатайство И. Хаирова . . .	326
Второй день суда, 2. 7. 1969	333
Приложение: Определение судебного засе- дания по ходатайствам подсудимых . . .	341
Третий день суда, 3. 7. 1969	344
Четвертый день суда, 4. 7. 1969	347
Показания А. Бариева — 347	
Пятый день суда, 7. 7. 1969	348
Показания А. Бариева (продолжение) — 348, С. Аметовой — 364.	
Приложение: Определение судебного засе- дания по списку свидетелей — 377.	
Шестой день суда, 8. 7. 1969	379
Показания М. Халиловой — 379, Р. Уме-	

Пятнадцатый день суда, 25. 7. 1969	538
Обвинительная речь прокурора — 539, защитительная речь адвоката Монахова — 558, адвоката Сафонова — 559. Приложение: Суд залындан (джемааткъя) — Из зала суда (народу) — 561.	
Шестнадцатый день суда, 28. 7. 1969	563
Защитительная речь адвоката Заславского — 563, Р. Байрамова — 563, И. Языджиева 577, Р. Кадыева — 582.	
Семнадцатый день суда, 29. 7. 1969	616
Последнее слово А. Бариева — 616, С. Аметовой — 619, М. Халиловой — 623, Р. Эминова — 628, Р. Умерова — 633, Р. Байрамова — 635, Р. Гафарова — 637.	
Восемнадцатый день суда, 4. 8. 1969	637
Последнее слово И. Языджиева — 637, И. Хаирова — 639, Р. Кадыева — 655. Приложение: Замечания И. Хаирова на протокол судебного заседания — 661.	
Девятнадцатый день суда, 5. 8. 1969	663
Приговор — 663.	
Приложение: Поэма Исмаила Языджиева	682
IV. У ЗАЛА СУДА	693
Из Информации № 2	695
Из Информации № 3	696
Из Информации № 5	696
Акт, составленный у зала суда	701
Обращение крымских татар по поводу событий 4 и 5 августа 1969 г.	702
V. ПРИЛОЖЕНИЯ	715
№ 1 Декрет об образовании Крымской АССР	715
№ 2 Закон о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область	720
№ 3 Указ о гражданах, проживавших в Крыму	721
№ 4 Постановление о порядке применения статьи 2 указа от 28 апреля 1956 г.	723
№ 5 Письмо 16-ти представителей о событиях	

рова — 381, Р. Эминова — 382. Приложение: Определение судебного заседания по ходатайствам об отводе прокурору и составу суда — 392.	
Седьмой день суда, 9. 7. 1969	395
Показания И. Хаирова — 395, Р. Кадыева — 419.	
Восьмой день суда, 10. 7. 1969	431
Показания Р. Кадыева (продолжение) — 431, Р. Гафарова — 443, И. Языджиева — 443.	
Девятый день суда, 11. 7. 1969	448
Показания И. Языдживеа (продолжение) — 448.	
Десятый день суда, 15. 7. 1969	457
Показания И. Якубова — 457, М. Ибриша — 459, Т. Исмаилова — 461, В. Овечкина — 464, Л. Тызыкова — 468.	
Одинадцатый день суда, 16. 7. 1969	472
Показания О. Аширова — 472, С. Абдувелиева — 474, О. Гвардеева — 475, Н. Мустафаева — 476, Ш. Асанова — 477, А. Трасинова — 479, М. Мустафаева — 482, М. Дейна — 486, М. Арнаутова — 488.	
Двенадцатый день суда, 17. 7. 1969	493
Показания М. Халилова — 494, К. Глубовского — 498, И. Эмирсалиева — 499, С. Изетдинова — 502, Я. Ибраимова — 503, О. Мустафаева — 505, Сейтумерова — 507, Р. Зориной — 508.	
Тринадцатый день суда, 18. 7. 1969	514
Показания В. Ломакина — 514, З. Исмаилова — 517, А. Ибраимова — 519, Ю. Сулейманова — 521, М. Бабича — 521, Г. Бариевой — 523.	
Четырнадцатый день суда, 23. 7. 1969	523
Показания З. Соляметовой — 524, О. Подошева — 525, Н. Асанова — 527, Р. Сейтумерова — 519, Э. Умерова — 531, В. Исмаилова — 532, Н. Мурахаса — 536, З. Рустемметова — 536, Р. Ислямова — 537.	

	в Чирчике	724
№ 6	Решат Байрамов: Геноцид в политике правительства Советского государства	728
№ 7	Письмо-заявление представителей крымскотатарского народа	737
№ 8	Траурная информация № 69	743
№ 9	А. Костерин: Открытое письмо З «Лите- ратурную газету»	759
№ 10	М. Сармина: Письмо Подгорному	776
№ 11	Обращение к мировой общественности	781
№ 12	Мандат Роллану Кадыеву	789
№ 13	Письмо «русских друзей крымских татар»	792
№ 14	Комментарий П. Григоренко к двум доку- ментам о депортации крымских татар	800
№ 15	Заявление М. Джемилева по поводу ареста П. Григоренко	809
№ 16	Протест по поводу ареста П. Григоренко	811
№ 17	Сообщение об отложении Ташкентского процесса	813
№ 18	Атмосфера антитатарского психоза	818
	Именной указатель	823
	Список сокращений	847

СЕРИЯ «БИБЛИОТЕКА САМИЗДАТА»

1. Павел Литвинов — ПРОЦЕСС ЧЕТЫРЕХ. 1971. 634 стр.
 2. Андрей Амальрик — СТАТЬИ И ПИСЬМА. 1971. 100 стр.
 3. Юлий Даниэль — СТИХИ ИЗ НЕВОЛИ. 1971. 94 стр.
 4. Петр Григоренко — МЫСЛИ СУМАСШЕДШЕГО. 1973. 335 стр.
 5. Татьяна Ходорович — ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ ЛЕОНИДА ПЛЮЩА. 1974. 208 стр.
 6. «ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ», том 1: выпуски 1-15; том 2: выпуски 16-27. 1977.
-

ДРУГИЕ КНИГИ, ИЗДААННЫЕ ФОНДОМ ПО-РУССКИ

- Андрей Амальрик — ПРОСУЩЕСТВУЕТ ЛИ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ДО 1984 ГОДА? 1969. 71 стр.
- Андрей Амальрик — ПЬЕСЫ. 1970. 287 стр.
- ПРОГРАММА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. 1970. 76 стр.
- Рой Медведев — КНИГА О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ. 1972. 402 стр.
- ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК 1964-1970. 1972. 840 стр.
- Осип Черный — КНИГА СУДЕБ. 1974. 336 стр.
- ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК II 1965-1970. 1975. 864 стр.
- Гюзель Амальрик — ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ ДЕТСТВЕ. 1976. 153 стр.
-